

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 9

Moscow
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 9

Москва
2013

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А.В. Энговатова (отв. редактор), В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
д.и.н. Л.А. Беляев,
д.и.н. А.Н. Сорокин

А87 **Археология** Подмосковья: Материалы научного семинара.
Выпуск 9. – М.: Институт археологии РАН, 2013. 336 с., цв. вкл.
ISBN 978-5-94375-144-8

Девятый выпуск сборника «Археология Подмосковья» содержит материалы, обсуждавшиеся на заседании научного семинара Института археологии РАН в феврале 2012 года. В публикуемых статьях освещаются результаты изучения памятников от эпохи камня до Новейшего времени. Вниманию читателей предлагаются результаты естественнонаучных исследований археологических памятников. Ряд статей посвящен необычным вещевым находкам из стекла, кости и керамики и их интерпретации. Особое место занимают работы о керамике – ее информационных возможностях для решения самых разных научных задач.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-144-8

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2013
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2013

Содержание

Памятники эпохи камня, бронзового и раннего железного веков

<i>Пальцева А.Н.</i> Культовые предметы в погребении детей со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника.....	9
<i>Кренке Н.А., Еришов И.Н., Лазукин А.В., Войцик А.А., Раева В.А., Рожанская Н.И.</i> Поселенческие объекты круга культур шнуровой керамики в долине Москвы-реки	14
<i>Столяров Е.В.</i> Динамика освоения территории бассейна верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI век до н. э. – I век н. э.)	30
<i>Сыроватко А.С., Сидоров В.В., Клещенко Е.А., Трошина А.А.</i> Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями	52
<i>Сыроватко А.С.</i> Новые материалы могильника Лужки Е	57

Древности русского средневековья

<i>Прошкин О.Л.</i> Лепная и раннекруговая керамика как культурно-хронологический индикатор археологических памятников IX–XI веков северо-западной части Верхнего Поочья	68
<i>Столярова Е.К., Энговатова А.В.</i> Ближневосточные расписные стеклянные сосуды из Ярославля	91
<i>Олейников О.М.</i> Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде.....	101
<i>Коваль В.Ю., Алексеев А.В.</i> Чудовище на тарелке	106
<i>Завьялов В.И., Терехова Н.Н.</i> Кузнечное ремесло Рязанской земли в эпоху Московского государства.....	118
<i>Вишневский В.И.</i> Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология	125
<i>Осипов Д.О.</i> Обувь из погребений и погребальная обувь	140
<i>Аникин И.С.</i> Керамический комплекс из ближайшей округи древнерусского Муром (район села Карачарово)	152
<i>Васильева И.Н.</i> Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII – XIV веков Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель	168
<i>Приложение: Кочкина А.Ф.</i> К характеристике керамических материалов, исследованных И.Н. Васильевой	193
<i>Богомолов В.В., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В.</i> Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области	200
<i>Смирнов А.Н.</i> Скоморошья свирель из раскопок дворца Годунова в Вяземах.....	217
<i>Ковалевский В.Н., Цыбин М.В.</i> Археологические поиски крепости Воронеж конца XVI – XVII века на южных рубежах Московского государства.....	226

Естественнонаучные методы в археологии. Археология Нового времени

<i>Панин А.В., Кренке Н.А., Лазукин А.В., Чаукин С.Н.</i> Археолого-геоморфологическое изучение поймы Москвы-реки в районе Дьякова городища в Коломенском.....	231
<i>Гольева А.А.</i> Погребенные почвы курганного могильника Новоселки 2	240
<i>Александровский А.Л., Панин А.В.</i> Закономерности формирования поймы реки Москвы в контексте ее освоения человеком (на примере ключевого участка в районе Звенигородской биостанции МГУ)	249
<i>Ершова Е.Г., Березина Н.А., Карина Е.В.</i> Растительность долины Москвы-реки в суббореальном периоде (на рубеже неолита и бронзового века) по данным спорово-пыльцевого анализа.....	257
<i>Глазунова О.Н.</i> Печи Нового Иерусалима по археологическим данным. Методика и проблемы реконструкции.....	268
<i>Зейфер В.А., Янишевский Б.Е.</i> Хозяйственное сооружение (овин) на усадьбе Бородино по раскопкам 2011 года.....	280
<i>Полюях А.А.</i> К вопросу об атрибуции курительных трубок завода А.К. Гребенщикова в Москве	288
<i>Федорова Л.И., Ткаченко В.А., Федоров В.В.</i> Феномен калужской поливной керамики XVIII–XIX веков	302
<i>Векслер А.Г., Беркович В.А., Егоров К.А.</i> Археологическое исследование и воссоздание храма Спаса Преображения на Преображенской площади в Москве	316
<i>Лихтер Ю.А.</i> Стекланные бусы XVIII века из раскопок в Москве, Вяземском регионе и Липецке.....	327
Список сокращений	333
Сведения об авторах	334

Contents

Monuments of the Stone, Bronze and Early Iron Ages

<i>Paltseva A.N.</i> Cult objects from children's burial at the Sungir site kept at the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve	9
<i>Krenke N.A., Erschov I.N., Lazukin A.V., Voitsyk A.A., Raeva V.A., Rozanskaja N.I.</i> Cord ware culture settlements within Moskva-river valley 14	
<i>Stolyarov E.V.</i> The opening-up of the Upper Oka Basin in the Early Iron Age (6 th century BC – 1st century AD)	14
<i>Stolyarov E.V.</i> The opening-up of the Upper Oka Basin in the Early Iron Age (6th century BC – 1st century AD)	30
<i>Syrovatko A.S., Sidorov V.V., Kleshchenko E.A., Troshina A.A.</i> The Luzhki E cemetery – some observations on old collections	52
<i>Syrovatko A.S.</i> New materials from the Luzhki E cemetery	57

Russian Medieval monuments

<i>Proshkin O.L.</i> Handmade and early wheel-thrown pottery as a cultural-chronological marker of archaeological sites of the 9 th – 11 th centuries in the northwest part of the Upper Oka area	68
<i>Stolyarova E.K., Engovatova A.V.</i> Near Eastern painted glass vessels from Yaroslavl	91
<i>Oleynikov O.M.</i> New finds of amulets with Gorgon's head in Velikiy Novgorod	101
<i>Koval V.Yu., Alekseev A.V.</i> A monster on a dish	106
<i>Zavyalov V.I., Terekhova N.N.</i> Iron working of Ryazan Region in the epoch of the Moscow State	118
<i>Vishnevsky V.I.</i> The decoration of white-stone medieval gravestones of the Sergiev Trinity Monastery: Analysis and chronology	125
<i>Osipov D.O.</i> Footwear from burials and funerary footwear	140
<i>Anikin I.S.</i> Ceramic deposit nearby the ancient Russian city of Murom at the Karacharovo village	152
<i>Vasilieva I.N.</i> A comparative study of Russian pottery technology of the Samara Region of the Volga valley and Northeast Russia of the second half of the 13 th – 14 th century	168
<i>Appendix. Kochkina A.A.</i> On the characterization of ceramic materials in the study I.N. Vasilyeva	193
<i>Bogomolov V.V., Zaidov O.N., Shebanin G.A., Shekov A.V.</i> A late medieval complex from excavations at the Kulakovo 3 habitation site in the Moscow Region	200
<i>Smirnov A.N.</i> Buffoon's pipe from the excavations of tsar Boris Godunov's palace at Vyazemy	217

<i>Kovalevsky V.N., Tsybin M.V.</i> Archaeological search for the late sixteenth-seventeenth-century fortress of Voronezh on southern frontiers of the Moscow State	226
Scientific methods in archaeology. Archaeology of Modern Times	
<i>Panin A.V., Krenke N.A., Lazukin A.V., Chaukin S.N.</i> Archaeological-geomorphological studies of the Moskva River floodplain at the Iron Age Dyakovo site in the Kolomenskoye district, the Moscow City	231
<i>Golyeva A.A.</i> Buried soils of the Novoselki 2 barrow cemetery.....	240
<i>Alexandrovskiy A.L., Panin A.V.</i> Formation of the Moskva River floodplain and its occupation by humans: The valley area at the Zvenigorod biological station case study	249
<i>Erschova E.G., Berezina N.A., Karina E.V.</i> The vegetation of the Moscow River valley in the Subboreal period (the late Neolithic and Bronze Age) from pollen analysis	257
<i>Glazunova O.N.</i> Stoves of New Jerusalem from the archaeological record. Methods of reconstruction	268
<i>Zeifer V.A., Yanishevsky B.E.</i> The barn of the Borodino estate (on the results of excavations of 2012).....	280
<i>Poliuliakh A.A.</i> The attribution of smoking pipes made at A.K. Grebenshchikov's factory in Moscow	288
<i>Fedorova L.I., Tkachenko V.A., Fedorov V.V.</i> The phenomenon of Kaluga glazed pottery of the 18 th – 19 th centuries.....	302
<i>Vexler A.G., Bercovich V.A., Egorov K.A.</i> Archeological investigation and reconstruction of the church of Transfiguration of Savior on Preobrazhenskaya square in Moscow	316
<i>Likhter Yu.A.</i> Glass beads of the 18 th century from excavations in Moscow, the Vyazma region and Lipetsk	327
List of abbreviations	333
About authors	334

Памятники эпохи камня, бронзового и раннего железного веков

А. Н. Пальцева

Культовые предметы в погребении детей со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника

Из множества предметов, найденных в детском погребении на стоянке Сунгирь, особое внимание привлекают предметы из кости, имеющие символическое значение. Это четыре прорезных диска из бивня мамонта, четыре так называемых выпрямителя древков или жезла начальника и две фигурки животных. Учитывая, что предметы были обнаружены в захоронениях, можно предположить их культовое назначение.

Обычно к самым распространенным культовым предметам относятся изображения богов и святых (иконы, скульптуры, фигурки), предметы для совершения ритуалов (маски, специальная одежда, ювелирные изделия, чаши, посохи, жезлы и т.п.), талисманы и обереги. С их помощью, как полагали последователи древних религий, можно умиротворить сверхъестественные силы, заручиться поддержкой в земных делах. Употребление различных священных предметов и изображений восходит своими истоками к тому времени, когда люди приписывали неодушевленным предметам и изображениям сверхъестественную силу.

Все основные погребальные обряды, которые можно проследить на протяжении первобытной истории, возникают в верхнепалеолитическую эпоху. Тогда же появляется первый несомненно погребальный инвентарь, сопровождающий покойников. Основной идеей палеолитических погребальных обрядов было представление о загробном мире, как о продолжении земного. Поэтому покойника надо было снабдить одеждой, оружием, орудиями и т.д. Однако обычно погребальный инвентарь в известных захоронениях, датированных эпохой верхнего палеолита, очень немногочислен. Сунгирские погребения представляют собой редкое исключение («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 127, 129).

Предварительные сведения о предметах из детского погребения были опубликованы О.Н. Бадером в статье «Человек палеолита у северных пределов ойкумены» (Бадер, 1971). Позже вышла его статья «О назначении так называемых “жезлов”», где «жезлы» подробно описываются и рассматриваются возможности их использования (Бадер, 1983). Однако О.Н. Бадер приводит в статье неверные данные о количестве орнаментальных точек на поверхности одного из «жезлов». В книге «Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда)» (1998) затрагивается множество вопросов, связанных с сунгирскими предметами культа (признаки родового строя, древность тотемизма, почитание явлений природы и т.д.), но подробное описание самих предметов там отсутствует. Фигурки животных и прорезные диски также публиковались в зарубежной литературе (White, 1993. Р. 277–299; 1995. Р. 29–62).

Задачей данной работы является описание 10 культовых предметов из сунгирского детского погребения и рассмотрение вопросов их использования. Речь идет о четырех прорезных дисках, фигурках лошади (или сайги) и мамонта и четырех «жезлах начальника».

Сунгирские костяные диски из бивня мамонта с радиальными прорезами не находят себе прямых аналогий. Похожие диски найдены в нижнем горизонте Афонтовой горы II, на Афонтовой горе III, на Ложери-Ба и ряде других стоянок Средней и Юго-Западной Европы (Фролов, 1974. С. 69; «Позднепалеолитическое...», 1998. С. 135). Однако по форме и размерам они ближе сунгирскому диску, найденному в культурном слое (Бадер, 1978. С. 170). Диаметр этого диска около 3 см, на его поверхность нанесен точечный орнамент в виде

Рис. 1. Костяные диски со стоянки Сунгирь

восьми радиусов, расходящихся от центрального отверстия.

Из четырех прорезных дисков (рис. 1), найденных в погребении детей на стоянке Сунгирь, три были найдены в захоронении девочки (северный скелет). Самый крупный диск располагался на животе слева, в почти вертикальном положении. Маленький прорезной диск лежал между двумя черепами, но скорее (судя по наклону), у черепа северного скелета. Третий диск из северного погребения, надетый на острый конец одного из наиболее крупных дротиков, располагался на уровне правого виска. Подобный же диск находился у правого виска южного скелета (погребение мальчика) («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 73, 76).

Вопрос о назначении дисков остается неясным. Некоторые археологи (например, итальянский исследователь Paolo Graziosi) считают подобные предметы просто подвесками или пуговицами («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 135). Прорезные диски со стоянки Сунгирь слишком велики, чтобы быть пуговицами. Диаметр самого маленького диска почти 3 см. Располагались они в основном в верхней части захоронений (кроме крупного диска из погребения девочки). Два диска занимали при погребенных совершенно одинаковое положение: оба у правого виска. Диск из погребения мальчика был надет на конец деревянного копья («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 77, 116), из погребения девочки – на конец дротика из бивня мамонта. Этот факт также говорит о том, что прорезные диски со стоянки Сунгирь не были ни пуговицами, ни подвесками. Такое положение диска на копье или

дротике никак не облегчало, а скорее затрудняло его полет. Скорее всего, они имели символическое значение. В.И. Кулаков относит костяные прорезные диски, увенчивавшие деревянное копье и бивневый дротик из захоронений со стоянки Сунгирь, к символам типа свастики (т.е., огня и щедрости) (Кулаков, 1997. С. 60). Они, возможно, символизировали солнечный диск. Костяные диски, надетые на копье или дротик, могли изображать инструмент, посредством которого в древности добывали огонь, и поэтому быть символом огня, а также символом небесного огня – солнца. Возможно, уже в то далекое время женщина ассоциировалась с огнем и горящим очагом. Поэтому большее количество предметов, символика которых связана с огнем, располагалось в северном погребении (напомним, что три из четырех прорезных дисков были найдены в захоронении девочки).

Многие исследователи расценивают прорезные диски как свидетельство развития культа светил в палеолите – форма эти украшений свидетельствует о почитании солнца и луны (Абрамова, 1962. С. 77). Диски из камня и обожженной глины с отверстиями в центре или сложными орнаментами встречаются в памятниках неолита и бронзы и трактуются исследователями как солярные знаки («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 136).

На почитание светил могут указывать и числовые ритмы на прорезных дисках. В захоронении девочки маленький диск имеет четыре радиальные прорезы, два других – по восемь. Возможно, это связано именно с почитанием небесных светил. По мнению О.Н. Бадера, четыре прорезных

отверстия на круге изображали четыре положения солнца за сутки; восемь радиусов – четыре солнца и четыре луны или восемь суточных положений солнца («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 139). Четыре прорезы на диске могли также символизировать стороны света. Таким образом, форма дисков и числовые ряды на них могут говорить о зарождающемся почитании солнца и луны.

Количество прорезных отверстий на дисках со стоянки Сунгирь дает возможность говорить о появлении счета в позднем палеолите. В графике верхнего палеолита преобладают числа, связанные с пятью и десятью пальцами или семью и четырнадцатью днями (половина месяца) (Фролов, 1974). Диск в погребении мальчика имеет как раз десять прорезей. Для десятой прорези на пластине не оставалось места, но она все-таки была сделана. Это может говорить об особом значении чисел пять, десять и двадцать у обитателей стоянки Сунгирь. Прорезные диски и орнаментированный точками жезл (речь о котором пойдет ниже) подтверждают версию о возникновении десятичной системы счета еще в палеолите.

Другая группа предметов с символическим значением из погребения детей на Сунгире – это так называемые выпрямители древков или жезлы начальника. Подобные изделия встречаются и на других палеолитических стоянках, назначение их пока не ясно. Они представляют собой костяные изделия с одним либо двумя отверстиями, иногда украшены орнаментом. На сунгирской стоянке все четыре жезла находились в северном захоронении (скелет девочки). Жезл с четырехгранной головкой, круглым отверстием и точечным орнаментом вокруг него и вдоль стержня располагался на животе девочки, рядом с крупным прорезным диском («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 73). Орнамент, нанесенный только на выпуклую сторону, покрывает головку и верхнюю часть стержня (рис. 2). Точки образуют несколько линий. Сквозное отверстие на головке окружено несомкнутым наверху кругом из 23 точек. По краям головки располагаются еще два ряда, в одном девять точек, в другом – десять. Под центральным кругом вдоль стержня спускаются вниз два параллельных ряда точек. Левая линия насчитывает 19 точек, правая – 18. Кроме того, внизу, между основными рядами добавлено еще четыре точки. Слева от них видны следы других трех точек. Недалеко от первого располагался такой же жезл, но маленький и без орнамента. У левого бока были положены еще два жезла из рогов северного оленя; один из них – между копьями («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 73).

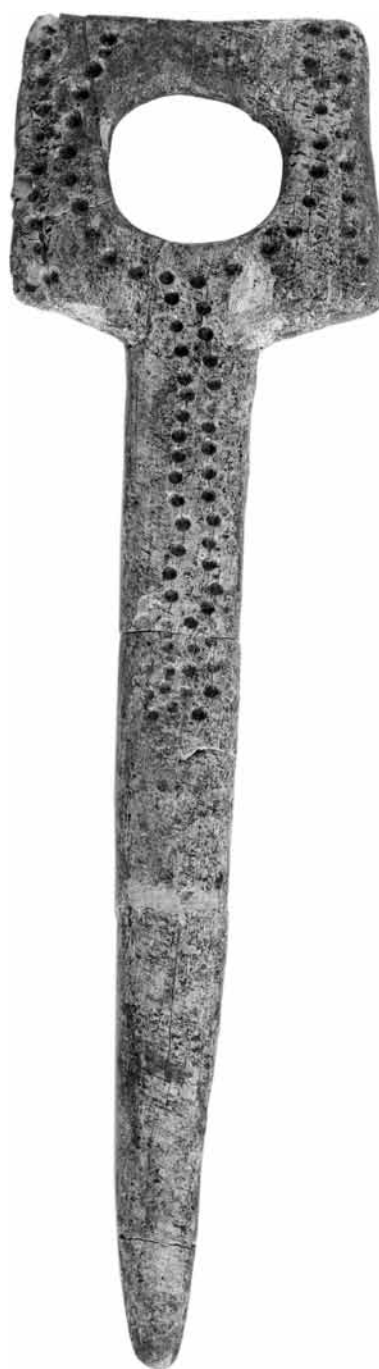

Рис. 2. Костяной орнаментированный «жезл» со стоянки Сунгирь

Вопрос об использовании «жезлов» остается открытым. О. Н. Бадер предполагает, что два крупных сунгирских «жезла» применялись для размины ремней (Бадер, 1983. С. 17). Сглаженность поверхности и краев отверстий подтверждает эту версию. Два других «жезла» могли служить застежками для одежды. Они имеют меньшие размеры, один из них богато орнаментирован. О. Н. Бадер приводит три возможных варианта использования

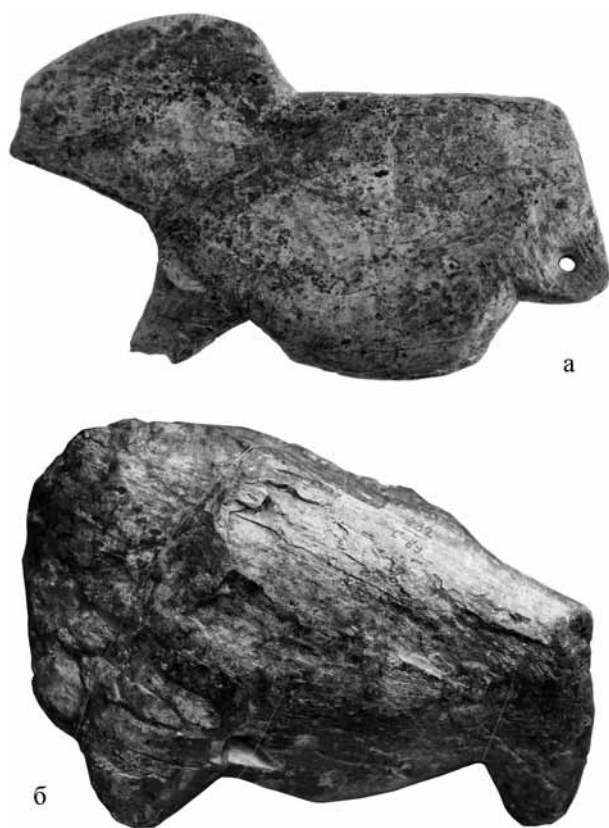

Рис. 3. Фигурки животных из погребения мальчика со стоянки Сунгирь
а – лошадка; б – мамонт

маленьких «жезлов» в качестве застёжек (Бадер, 1983. С. 18). Но если меньшие «жезлы» были просто заколками для одежды, то почему таких не было на одежде мальчика? Ведь все они найдены в захоронении девочки. Возможно, «жезлы» символизировали женские атрибуты, и поэтому располагались только в северном погребении. Однако можно допустить, что такие «жезлы» сочетали в себе несколько функций. Они могли быть и знаками отличия, и орудиями труда, их могли использовать как заколки на одежде.

О.Н. Бадер предполагает бытование культа животных на стоянке Сунгирь – в погребении мальчика, на груди, немного ниже булавки располагалась плоская фигурка лошади или сайги, на задней ножке которой есть сквозное отверстие для подвешивания (рис. 3, а) («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 77). Эта фигурка не такая плоская и тонкая, как найденная ранее в культурном слое. Лошадка из погребения мальчика крупнее и не украшена орнаментом. Чуть выше левого плеча южного скелета (погребение мальчика), вплотную к нему, располагалась массивная фигурка мамонта (рис. 3, б) («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 77).

Изображения животных с Сунгиря, вырезанные из бивня мамонта, не находят прямых аналогий в Восточной Европе. Сунгирские фигурки выполнены в стиле плоской скульптуры или *“contours decoupees”*. Обычно возникновение этого стиля во Франции относят к эпохе раннего мадлена (17–20 тыс. лет назад). О.Н. Бадер относит его появление к более раннему времени (Бадер, 1965). Настоящих произведений круглой скульптуры на стоянке Сунгирь нет. Она получает развитие в более позднее время («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 134).

Найденные изображения зверей дают возможность говорить о присутствии на сунгирской стоянке тотемизма – одного из древнейших культов, возникших задолго до культа женщины. Фигурка лошади с отверстием для привешивания была заполирована в результате длительного ношения. Это можно расценивать как один из признаков тотемизма, так как из этнографии известно, что члены тотемных родовых групп обычно носили на себе изображение своего тотема. Кроме того, в условиях экзогамно-родового строя на каждом палеолитическом поселении должны были жить члены разных тотемных групп. Этим можно объяснить присутствие в погребении мальчика не только изображения лошади, но и скульптуры мамонта. Если мальчик принадлежал к материнскому роду лошади, то скульптура мамонта может указывать на связь с родом мамонта (возможно по отцу). Как известно, в родовом обществе было широко распространено обозначение родов названиями животных. Изображения животных, носившиеся на костюме, подтверждают вывод о давно упрочившемся родовом строе у сунгирцев («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 130, 131, 133). Это свойственно и более позднему родовому строю конца каменного века. Однако фигурки располагались только в захоронении мальчика. Если фигурки животных просто указывали на тотемное животное рода, то почему их не было в захоронении девочки? Возможно, причина кроется в том, что они были связаны с ритуалами охоты, занятия мужчины.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что погребальные обряды на стоянке Сунгирь отличаются исключительной сложностью для палеолита («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 129). Столь сложный ритуал позволяет говорить о существовании у сунгирцев родового общества.

Прорезные диски, фигурки животных и орнаментированный жезл – это свидетельства почитания солнца и луны, а также существования системы счета уже в то далекое время. Изображения животных

позволяют говорить о наличии тотемизма на Сунгире. Появление темы зверя в искусстве палеолита относят к более раннему времени, чем сюжета женщины-прародительницы («Позднепалеолитическое...», 1998. С. 131).

Однако расположение культовых предметов в погребениях оставляет открытым множество вопросов. Почему одни группы предметов находились только в захоронении девочки, а другие

только в погребении мальчика? Возможно, уже тогда эти предметы имели не только утилитарное, но и символическое значение. И не зря предметы, которые могли ассоциироваться у древних людей с огнем, очагом, а впоследствии и с плодородием, располагались в погребении девочки, а те, что могли быть связаны с охотничьими ритуалами и символизировать мужские атрибуты, – располагались в погребении мальчика.

Литература

Абрамова З. А., 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. Вып. А4–3. М.

Бадер О. Н., 1965. Стоянка Сунгирь и ее археологический облик // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М.

Бадер О. Н., 1971. Человек палеолита у северных пределов ойкумены // Природа. М. № 5.

Бадер О. Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.

Бадер О. Н., 1983. О назначении так называемых «жезлов» // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.

Кулаков В. И., 1997. Знак «Сегнерова колеса» в древностях Европы // Гербовед. М.

Фролов Б. А., 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск.

Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребение и окружающая среда). М., 1998.

White R., 1993. Technological and social dimensions of “Aurignacian-age” body ornaments across Europe // Before Lascaux. Boca Ration.

White R., 1995. Ivory personal ornaments of Aurignacian age: technological, social and symbolic perspectives // Le Travail et l’Usage de l’Ivoire au Paléolithique Supérieur. Ravello.

A. N. Paltseva

Cult objects from children’s burial at the Sungir site kept at the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve

Summary

The paper examines bone artifacts recovered from burials of a boy, i.e. animal figurines, and a girl, i.e. carved ivory discs, the so-called staves, at the Sungir site. The discs could symbolize fire, hearth and

subsequently fertility. The difference in the quantity of cult objects accompanying the boy and the girl respectively implies the veneration of female ancestors.

**Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, А. В. Лазукин,
А. А. Войцик, В. А. Раева, Н. И. Рожанская**

Поселенческие объекты круга культур шнуровой керамики в долине Москвы-реки

Длительное время лишь могильники фатьяновской культуры и случайные находки каменных топоров являлись единственными археологическими свидетельствами освоения человеком долины Москвы-реки на рубеже III–II тыс. до н.э. (Крайнов, 1963). Первый поселенческий объект фатьяновской культуры был обнаружен в пойме на левом берегу реки у д. Заозерье возле Боровского перевоза в 1984 г. В раскопе площадью 42 кв. м была собрана небольшая коллекция фатьяновской керамики, орнаментированной гребенчатым штампом, а также грубой неорнаментированной посуды (Фролов, 1985. Илл. 14). Кроме того, в раскопе был найден кремневый серп, а неподалеку на поверхности пашни – каменный топор.

Следующая существенная находка последовала лишь в 2005 г., когда в толще пойменных отложений на правом берегу Москвы-реки напротив поселка Николина гора (РАНИС) было обнаружено фатьяновское поселение, названное РАНИС-пойма. Оно раскапывалось в 2005, 2006 и 2009 гг. (Кренке и др., 2008; Кренке, Лазукин, 2010). На данном поселении была вскрыта площадь 200 кв. м, проведены комплексные почвоведческие (Александровский, 2008), геоморфологические (Панин, 2008) и спорово-пыльцевые (Спиридонова и др., 2008) исследования, выполнена программа радиоуглеродного датирования углистой массы из очагов (табл. 1), получена

значительная коллекция фатьяновской керамики, насчитывающая около 2000 фрагментов. Данный памятник может рассматриваться как культурно-стратиграфический «эталон», так как время формирования его культурного слоя было очень невелико. Находки залегают на одном уровне в толще аллювия чуть выше горизонта погребенной почвы 3.

Керамика с типичной фатьяновской орнаментацией была обнаружена при охранных раскопках по трассе автодороги в тыльной части поймы правого берега Москвы-реки возле д. Кулаково в 2010 г. (Емельянов, 2011). В данном случае слой поселения бронзового века был сильно нарушен средневековым селищем.

В результате упомянутых выше раскопок, а также с учетом новых единичных находок фатьяновской керамики и каменных орудий (Кренке и др., 2010) стало очевидным, что пойма Москвы-реки интенсивно хозяйственно осваивалась в бронзовом веке, и в аллювиальных отложениях сохранились многочисленные остатки поселенческих объектов.

С целью поиска новых памятников бронзового века в 2011–2012 гг. были произведены разведки и раскопки в пойме на правом берегу Москвы-реки в пределах территории Звенигородской биостанции МГУ им. С. Н. Сكاдовского¹. Обследовался участок протяженностью около 1000 м и шириной около 150 м (рис. 1). Сведения о случайных

¹ Ландшафтно-геоморфологическая характеристика участка дана в статье Александровского А.Л., Панина А.В. в настоящем сборнике.

Авторы выражают признательность руководителям Звенигородской биостанции МГУ В. М. Гаврилову и А. И. Шилову за оказанную помощь в проведении работ; хранителю отдела археологии Историко-архитектурного музея «Новый Иерусалим» Н. И. Сафоновой за предоставленные материалы.

Финансирование работ осуществлялось за счет программы Президиума РАН «Традиции и инновации в культуре», а также гранта РГНФ № 12–01–18053е.

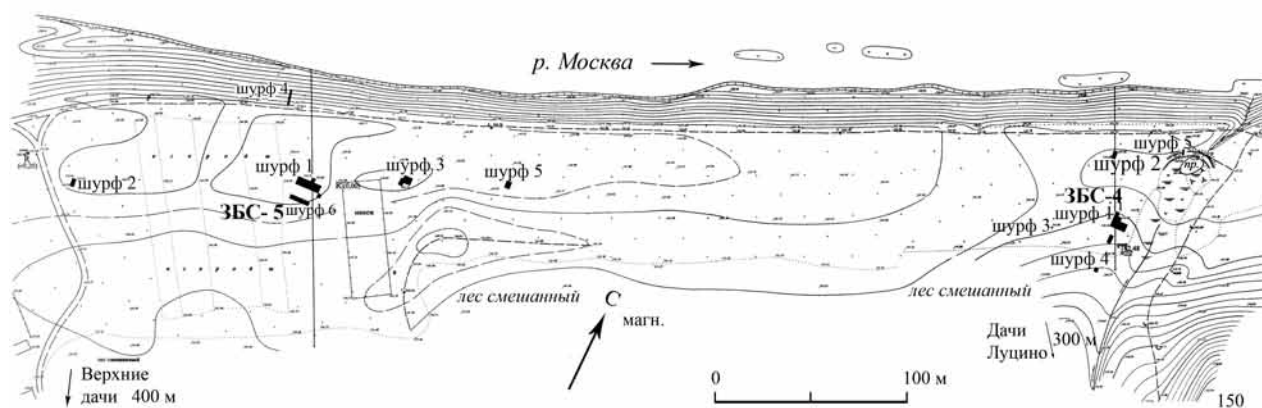
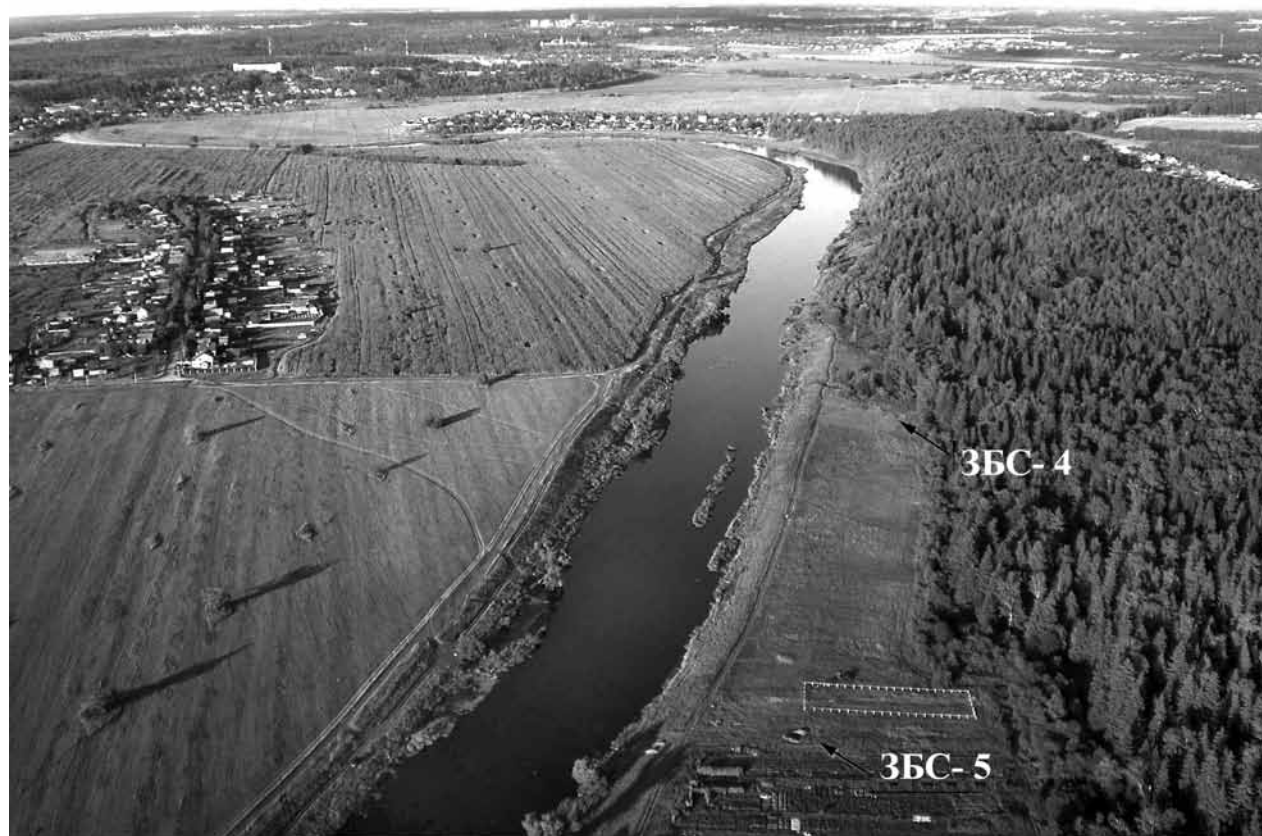

Рис. 1. Фотоснимок территории Звенигородской биостанции МГУ (ЗБС) им. С.Н. Скадовского (вверху), вид с парашюта с запада (снимок И. Ермакова); топографический план поймы (внизу) с нанесением местоположения шурфов 2011 и 2012 гг. на поселенческих объектах ЗБС-4 и ЗБС-5 (съемка В.В. Петрова; сечение горизонталей 0,5 м; система высот – Балтийская)

находках каменных орудий бронзового века в пойме и на террасе коренного берега в районе дачного поселка Луцино указывали на перспективность поиска на данном участке.

При выборе места для закладки шурфов в пойме, верхний горизонт отложений которой (до 1 м) сформировался за последние 500–600 лет, учитывались такие признаки микрорельефа как наличие русла ручья (во многих случаях перекрытого молодым аллювием) или микровозвышения,

образовавшегося в результате его деятельности (конусы выноса). Шурфы были заложены в девяти точках. В двух случаях были обнаружены объекты бронзового века, получившие наименование ЗБС-4 и ЗБС-5. Каждый из них дал по-своему новые, уникальные материалы.

На объекте ЗБС-4 в результате комплексных археолого-почвенно-палеоботанических исследований были получены данные, позволяющие предположить, что здесь в бронзовом веке находилось поле,

на котором выращивали коноплю. Найден развал горшка и угли, давшие радиоуглеродную датировку.

На объекте ЗБС-5 был зафиксирован очаг, вероятно, находившийся внутри легкого жилища, в пределах которого найден клад каменных орудий и керамика со шнуровым орнаментом, находящая близкие аналогии на Западной Украине, в Южной Польше, Прибалтике.

Раскоп (первоначально – шурф 1) на объекте ЗБС-4 площадью 51 кв. м, исследовался в 2011 и 2012 гг. Он располагался у подошвы конуса выноса из оврага, на лугу возле границы леса. Отсчет глубин велся от нулевого репера, расположенного к югу от шурфа, со значением 142,48 м. В шурфе в толще отложений конуса выноса и речного аллювия были выявлены две погребенные почвы (2 и 3). К погребенной почве 2 приурочены находки обожженных камней, а на уровне погребенной почвы 3 залегала керамика от горшка фатьяновской культуры бронзового века.

Верхний пласт в шурфе до глубины 30 см был сложен темным серо-бурым суглинком, подвергавшимся распашке во второй половине XX в. В основании первого пласта хорошо читались современные пахотные борозды. Большая часть находок из слоя пахоты относилась к древнерусскому времени, предположительно к XIII в. Были найдены венчики, которые можно отнести к типу сероглиняных, неорнаментированных стенок и стенок с линейным орнаментом. Всего в пахотном слое найдено около 200 фрагментов древнерусской керамики и довольно значительное количество обломков глиняной обмазки.

Под пахотным слоем залегала светло-бурая супесь мощностью 20–30 см, находок в ней встречено не было. Ниже залегала погребенная почва 2 в виде прослойки серого суглинка толщиной 10–15 см. К погребенной почве 2 были приурочены линзы углисто-сажистой земли с камнями, явно обожженные (между ними залегала сажистая земля), но угольков для датирования набрать не удалось. На уровне почвы 2 не найдено ни одного фрагмента керамики. Лишь на основании стратиграфических данных можно предполагать, что горизонт горелых камней относится к железному веку. Под погребенной почвой 2 залегал прослой стерильного светло-бурого суглинка толщиной 10–15 см.

Ниже была прослежена погребенная почва 3, которая выделялась как прослой более темного цвета по сравнению с выше- и нижележащими слоями. На поверхности этой почвы залегал развал горшка фатьяновской культуры бронзового

века. «Эпицентр» развала приходился на точку пересечения квадратов 1, 2, 4, 5. Разброс глубин залегания фрагментов входил в интервал от –110 до –133 см. Всего было найдено 250 обломков от одного сосуда (рис. 2). Некоторые из них залегали на ребре (видимо, они перемещались под воздействием воды). Склеить удалось лишь верхнюю часть горшка. Реконструкция выполнялась на основании аналогий. Диаметр «воротничкового», почти прямого, венчика горшка равнялся 22–23 см. Его украшала орнаментация в виде ряда косых неглубоких коротких вдавлений по верху, ниже располагались две орнаментальные зоны, разделенные горизонтальной линией. Каждая из зон была заполнена группами косых коротких линий, шедших зигзагом; при переходе к плечу – пояс вертикальных коротких наколов (рис. 3). Горшок имел уплощенное дно с небольшим поддоном. Тулово орнамента не имело. Вероятно, его форма приближалась к шарообразной.

Форма горшка из раскопа на ЗБС-4 типична для сосудов фатьяновской культуры с шейкой средней величины, прямым венчиком, резким переходом к плечу, округлым дном (*Гадзяцкая*, 1976. Рис. 6, типологический индекс ПБб1). Отдельные элементы орнамента находят аналогии в сосудах из Протасовского и Кузьминского могильников московской группы фатьяновской культуры (*Крайнов*, 1963. Табл. 6, 10, 14). Композиция в целом близка орнаментации горшка из погребения 4 Ханевского могильника (рис. 3, 4). Ханевский могильник примечателен тем, что он располагается относительно близко на западе от ЗБС – в Можайском районе, в 53 км вверх по течению Москвы-реки и ее левому притоку р. Искон. И. И. Артеменко, не соглашаясь с мнением Д. А. Крайнова об их местном производстве «фатьяновцами», считал, что несколько горшков из Ханевского могильника, в том числе сосуд из погребения 4, происходят с территории среднеднепровской культуры и датируются первой четвертью II тыс. до н. э. (*Крайнов*, 1972. С. 107; *Артеменко*, 1987а. С. 12). Действительно, с территории среднеднепровской культуры происходит целая серия горшков с орнаментом, тождественным или очень близким горшку из могильника Ханево, например, горшки из могильников Ходосовичи, Стрелица (рис. 3, 5), Бельнецкий (*Артеменко*, 1976а. Рис. 4), Прорва 1, погребение 10 (*Kryvaltsevich, Kovalyukh*, 1999. Fig. 3). Однако форма и пропорции среднеднепровских сосудов все же несколько отличаются от горшков из фатьяновских могильников, что, скорее, указывает на правоту Д. А. Крайнова.

- 1 – темно-сери-бурая супесь (пахотный слой); 2 – светло-сери-бурая супесь; 2а – темно-серая супесь;
3 – крупнотернистый светло-сери-бурий песок; 3а – паводковый песок; 4 – серый суглинок – почва 2;
4а – темно-серый суглинок с включениями угольков, мелких горелых камней – почва 2;
4б – темно-серый суглинок (слой с мелкодисперсным углем) – почва 2; 5 – светлый суглинок;
б – серый суглинок – почва 3; 7 – светло-серая супесь, к низу с ожелезнением;
8 – светло серо-бурая супесь (опесчанная)

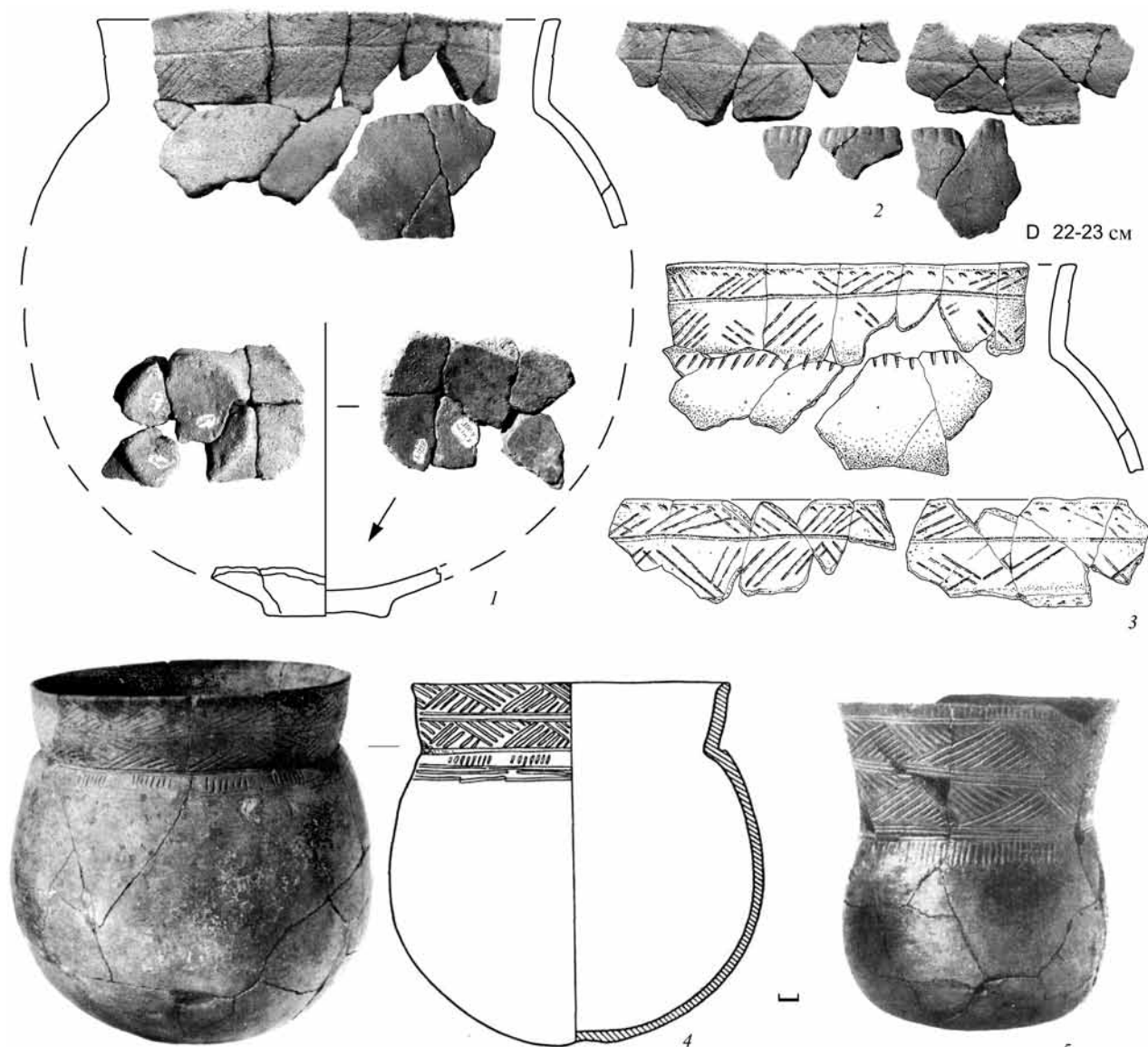

Рис. 3. Фатьяновский горшок с поселения ЗБС-4 и аналоги ему

1–3 – горшок с поселения ЗБС-4; 4 – горшок из погребения 4 Ханевского могильника (Кириянова, 1976. Рис. 1, 37; 1970. Рис. 198); 5 – горшок из могильника Стрелица, погребение 12 среднеднепровской культуры (по: Артеменко, 1967. Рис. 4)

Горшок из ЗБС-4 отличается от среднеднепровских сосудов своими пропорциями и деталями орнамента, выполненного с некоторой небрежностью – не вся поверхность горизонтальных зон на шейке занята им, и это не заштрихованные треугольники, а группы попеременно наклонных линий.

Перейдем к вопросу о датировке. Погребение 12 из могильника Стрелица было отнесено И. И. Артеменко к первой четверти II тыс. до н. э. (Артеменко, 1976б. С. 95). Ранние могильники московско-клязьминской группы (а именно к ним принадлежит Ханевский) в 1970-е годы датировались Д. А. Крайновым началом II тыс. до н. э. (Крайнов, 1972. С. 217). Десятилетие спустя под

давлением новых данных и, в том числе, выводов по хронологии среднеднепровской культуры (Артеменко, 1987а. С. 12) Д. А. Крайнову пришлось согласиться со своими оппонентами и изменить датировку, отнеся начало фатьяновской культуры к концу III тыс. до н. э. (Крайнов, 1987. С. 72).

Таким образом, исходя из традиционных датировок фатьяновской культуры, которые лишь в незначительной степени опирались на результаты радиоуглеродного датирования (до сих пор исследователи оперировали единичными датировками), комплекс ЗБС-4 следовало бы отнести к рубежу III и II тыс. до н. э.

Теперь в нашем распоряжении оказалось уже более двух десятков радиоуглеродных датировок для фатьяновских комплексов, что позволяет по-новому взглянуть на хронологию этой культуры.

В раскопе на объекте ЗБС-4 на одном уровне и непосредственно рядом с фрагментами от развала фатьяновского горшка были найдены мелкие угольки. По одному из них получена радиоуглеродная датировка – 4040 ± 25 лет (UGAMS-10130), что с наибольшей вероятностью указывает на календарный возраст около середины III тыс. до н.э. При калибровке данная датировка «укладывается» в интервал 2630–2470 лет до н.э. с вероятностью 95,4% (программа Oxcal, версия 3,10).

Рассмотрим полученную дату на фоне других датировок для фатьяновских комплексов. Можно увидеть, что численно преобладают радиоуглеродные датировки (некалиброванные) с возрастом около 4000 лет (табл. 1; *Черных и др.*, 2011. Табл. 116; *Крайнов, Гадзяцкая*, 1987. С. 37), хотя есть и даты на 200–300 лет моложе (*Крайнов, Гадзяцкая*, 1987. С. 38). Достоверными представляются датировки фатьяновской керамики в стратифицированных отложениях поселения Шагара 5, где получена серия дат в интервале 3700–3800 лет от наших дней (*Каверзнева, Фоломеев*, 1998. Рис. 1).

Серия молодых датировок в интервале 3600–3700 «радиоуглеродных лет» с поселения РАНИС-пойма (табл. 1) вызывает определенные сомнения. Фактически одни и те же образцы рассылались в разные лаборатории, и поздняя группа датировок была получена исключительно в киевской лаборатории. Мы предполагаем здесь, скорее, отклонение датировок киевской лаборатории, полученных по незначительным навескам без применения AMS-технологии.

Появились также радиоуглеродные датировки для среднеднепровской культуры. Показательны датировки в интервале 3900–4000 лет радиоуглеродного возраста, полученные для погребения 10 могильника Прорва 1, где был найден горшок близкий по форме горловины и орнаментации к горшку из фатьяновского могильника Ханево (*Kryvaltsevich, Kovalyukh*, 1999. Tabl. 1, Fig. 3).

Таким образом, вводя калибровочные поправки к имеющимся радиоуглеродным датировкам для фатьяновской культуры, мы получаем календарный интервал в рамках середины – второй половины III тыс. до н.э.

При зачистке борта северо-западного угла раскопа на объекте ЗБС-4 было отмечено, что основание почвы 3 имеет ровную резкую границу, похожую на подошву пахотного горизонта. Причем далее на восток по профилю низ почвы 3 становится неровным. Возникло предположение, что именно здесь проходил край древнего поля, и горшок лежал на краю возделанного участка. Для проверки гипотезы и поиска борозд распашки был прирезан еще один квадрат (№ 6), примыкавший с севера к квадрату 1. Тщательная выборка этого квадрата не привела к обнаружению борозд. И вообще, горизонт погребенной почвы 3 в бортах кв. 6 был выражен гораздо хуже. Никакой керамики здесь найдено не было. Спорово-пыльцевые данные, полученные из профиля, подтвердили предположение о наличии поля. В образцах из предполагаемой пашни нашлась в большом количестве пыльца конопли².

Расстояние между объектами ЗБС-4 и ЗБС-5 составляло 430 м (рис. 1). Раскоп (шурф 1) на объекте ЗБС-5 имел площадь 60 кв. м, исследования производились в 2011 и 2012 гг. Кроме того, рядом была заложена разведочная траншея площадью 16 кв. м.

Погребенная почва 2 залегала на глубине около 80 см от современной дневной поверхности. Она отличалась от перекрывающей ее бурой супеси более темным цветом, имевшим серо-бурый оттенок, и литологическим составом (почва 2 – легкий суглинок). Непосредственно на поверхности почвы 2 залегали линзы паводкового песка толщиной в несколько см. При зачистке поверхности почвы 2 были выявлены узкие параллельные полосы шириной в несколько см, заполненные светлым песком. Видимо, это след от средневековой распашки. Находки с уровня контакта почвы 2 и перекрывающего горизонта аллювия были представлены керамикой конца XV – первой половины XVI в. (красноглиняная, белоглиняная, красноглиняная с белым ангобом). В нижней части почвы 2 и аллювии, разделяющем почву 2 и почву 3 (4), почти никаких находок не было встречено.

На глубине 120 см от поверхности залегала суглинистая погребенная почва темно-бурого цвета, темнеющая книзу мощностью до 35 см. Вероятно, это слившиеся в одну прослойку две погребенные почвы – 3 и 4. Керамика эпохи неолита и бронзового века залегала на поверхности почвы 3 (4). Часть керамики бронзового века залегала на контакте аллювия и поверхности почвы 3 (4). Фактически, обе группы керамики залегали

² См. статью Е. Г. Ершовой в настоящем сборнике.

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки для поселений бронзового века и погребенной почвы № 3 в пойме Москвы-реки.

Лабораторный индекс	Место отбора образца	Датировка	Калибровка
1-я Звенигородская стоянка			
Ki-16756	Почва 3, гумус, гл. -380/-400	4750±150	3670–3360 BC (68,2%)
Поселение РАНИС-пойма			
ГИН-13777	Почва 3, гумус, шурф 3, северный борт, верх, гл. +55/+65,	4400±100	3320–3230 BC (15%); 3180–3150 BC (22%); 3120–2900 BC (50,9%)
Ki-13227	Раскоп 1 (2005 г.). Основной углистый горизонт	3590±70	2040–1870 BC (59,5%); 1850–1820 BC (4,5%); 1800–1770 BC (4,2%)
Ki-13226	Раскоп 1 (2005 г.). Верхний углистый горизонт	3690±100	2270–2250 BC (1,3%); 2210–1920 BC (66,9%)
Ki – 16755	РАНИС-2009. Уч.5, гл. +95/+90, угли	3650 ± 100	2200–2170 BC (2,3%); 2150–1880 BC (65,9%)
ГИН-13776	Раскоп 2 (2006 г.). Южная прирезка, низ основного горизонта, гл. +95/+100, уголь	3950±250	2900 BC – 2050 BC (68,2%)
Hela-2536	РАНИС-2009. Уч. 5, гл. +80, плашка в очаге	4134±34	2760–2630 BC (49,2%)
Hela-2537	РАНИС-2009. Уч. 3, гл. +85, обр. № 3 очаг	4095±34	2680–2570 BC (53,6%)
Hela-2538	РАНИС-2009. Уч. 3, гл. +89, образец № 2 очаг	4118±35	2700–2620 BC (36,4%)
UGAMS-7956	РАНИС-2009. Уч. 5, очаг, гл. +81	4100±25	2670–2570 BC (51,9%)
Объект ЗБС-4			
UGAMS-10130	Бровка, кв. 5, гл. -120	4040±25	2630–2470 BC (95,4%)

на одном уровне, но прослеживались планиграфические различия (рис. 4). Все неолитические фрагменты относились к одному горшку. Фрагменты керамики бронзового века относились к пяти горшкам. Четыре из них залежали на одном компактном участке, а пятый – на удалении 4 м к востоку от остальных.

Примерно в центре основного ареала залегания керамики бронзового века было прослежено два пятна прокаленной земли от очагов. Одно пятно (очаг № 1) располагалось на границе кв. 4 и 5, его размеры 60 x 28 см, форма овальная. Второе пятно находилось в 90 см к западу от первого (очаг № 2) имело округлые формы и диаметр 65 см. Пятна прокала по контуру имели темное обрамление, цвет в центре – кирпично-красный. Разрезы, сделанные через очаги, показали, что мощность слоя прокала составляет около 1,0–1,5 см. В зоне радиусом около 2 м вокруг очагов концентрировались находки каменных орудий и был найден «клад» каменных инструментов. О «связанности» пространства

вокруг очагов свидетельствуют и данные о распределении фрагментов сосудов. Можно предположить, что пятна прокала от очагов относились к двум (?) разновременным (?) жилищам округлой формы диаметром около 4 м, которые стояли примерно на одном и том же месте.

Неолитический горшок имел ямочно-ребенчатую орнаментацию (рис. 5). Ямки сплошными рядами покрывали придонную часть сосуда. В средней части тулова ямки были организованы в наклонные полосы (каждая из трех рядов), разделенные пустыми промежутками. Торцев венчика был орнаментирован ребенчатыми оттисками. Общая форма сосуда близка к конической, дно скругленное. Горшок подвергался ремонту, о чем свидетельствуют парные дырочки, просверленные по бокам трещин. Данный сосуд может быть отнесен к позднему этапу льяловской культуры и соответственно датироваться рубежом первой и второй четверти IV тыс. до н. э., если ориентироваться на калиброванные радиоуглеродные датировки.

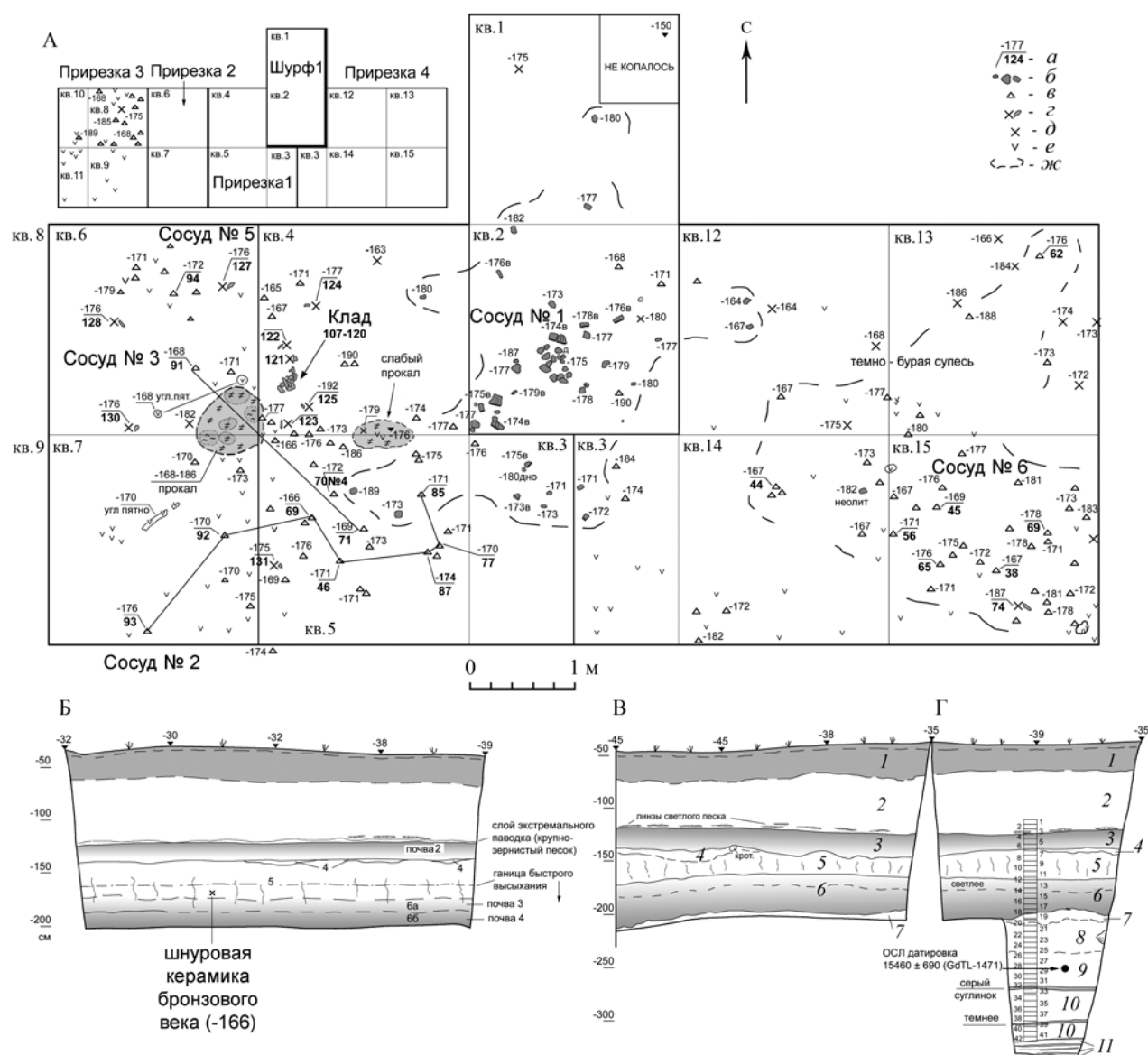

Рис. 4. План и профили раскопа на ЗБС-5

А – схема шурфа 1; Б – западный борт прирезки 1; В – восточный борт прирезки 1; Г – южный борт; а – глубина / номер находки; б – ямочно-гребенчатый сосуд льяловской культуры; в – керамика бронзового века; г – кремневые орудия; д – кремневые отщепы, чешуйки; е – угольки; ж – граница сосудов. 1 – пашня; 2 – светло-бурый суглинок; 3 – темно-бурый суглинок (почва 2); 4 – подзол; 5 – бурый оструктуренный суглинок; 6 – почвы 3+4 (темно-серо-бурая снизу, темно-бурая сверху); 7 – осветленный суглинок с примазками марганца; 8 – светло-бурый суглинок; 9 – бурый суглинок; 10 – бурая супесь; 11 – светло-бурая супесь

Керамика бронзового века (рис. 6), подобная найденной в шурфе 1 ЗБС-5, ранее в Подмоскowie не встречалась. Эти горшки можно отнести к кругу культур шнуровой керамики. Один из горшков (рис. 6, сосуд 2) имел эсвидный профиль, верх венчика украшен горизонтальными отпечатками двойного шнура, ниже – пояс отпечатков шнура в виде арочек или «подковок». Единичные находки шнуровой керамики, орнаментированной арочками, имеются на Смоленщине (Лявданский, 1927. Табл. XVI, 19). Для комплексов

среднеднепровской культуры такая орнаментация не характерна. Находка из-под Рославля, опубликованная А. Н. Лявданским, происходит из разрушенного памятника, культурная принадлежность которого неизвестна. В Белоруссии аналогичных находок больше, но они также редки (Артеменко, 1967. Рис. 10, 8; Крывальцэвіч, 2010. Мал. 6; Кухаренко, 1962. Табл. 4; Лошенко, 1998. Рис. 8, 6). Аналогичная ситуация в Среднем Поднепровье (Максимов, Петрашенко, 1988. Рис. 4) и северной Польше (Czebreszuk, Szmyt, 2010. Rys. 12, 2).

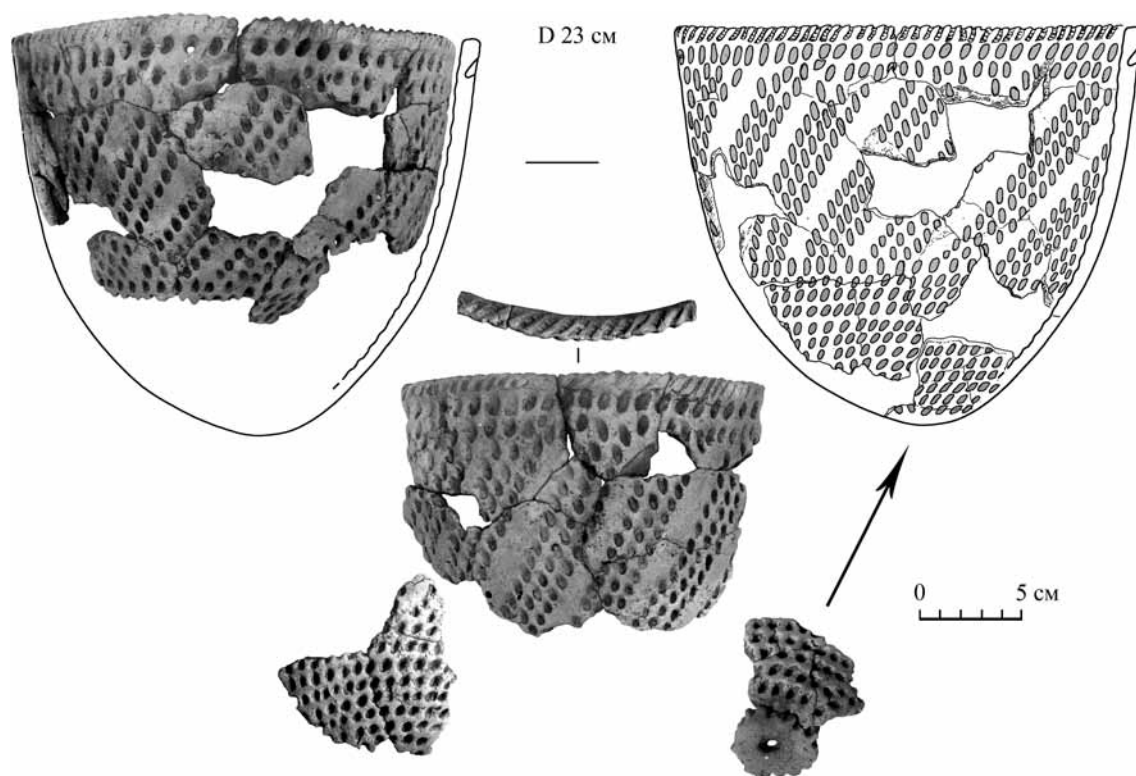

Рис. 5. Неолитический горшок льяловской культуры из раскопа на ЗБС-5 (сосуд 1)

Серия аналогий происходит из памятников жужевской культуры Прибалтики – стоянки Нида (*Rimantiene*, 1989. Р. 109), Прибрежное (*Зальцман*, 2010. Рис. 84), торфяник Цедмар А (*Тимофеев*, 2003. Рис. 2, 4; *Forssander*, 1933. S. 185). Есть аналогии в культуре одиночных погребений в Шлезвиге (*Struve*, 1955. Taf. 13).

Множество аналогий данному орнаменту имеется на Волыни в городокско-здолбицкой культуре (*Самолук*, 2007. Рис. 5, 15; *Свеишников*, 1974. Рис. 28, 24, 45, 1; *Bunyatyay, Pozikhovskiy*, 2011). Исследователи отмечают, что именно этот тип орнамента является характерным признаком городокско-здолбицкой культуры на Волыни (*Артеменко*, 1987б. С. 49; *Бунятян*, 2008. С. 16). Хронология этих древностей (при отсутствии радиоуглеродных дат) определяется параллелями со среднеднепровской (*Артеменко*, 1987б) и межановицкой культурами. Более достоверна начальная датировка – 2400/2350 лет до н. э. (*Bunyatyay, Pozikhovskiy*, 2011. Р. 55).

В южной Польше в межановицкой культуре также есть аналогии петлям и подковкам (*Gimbutas*, 1965. Fig. 250, 2; *Machnik*, 1966. Tabl. XI). В верховьях Вислы имеются комплексы шнуровой керамики с «подковками» (*Kempisty, Włodarczak*, 2000. Fig. 12), датированные радиоуглеродным

методом серединой III тыс. до н. э. Петли представлены на горшке из Самбожеца (погр. 21), для которого имеется радиоуглеродная датировка – 4080 ± 50 (Ki-7930), что указывает на середину III тыс. до н. э. (*Furholt*, 2003. Taf. 22; *Włodarczak*, 2006. Tabl. LIV).

В ареале фатьяновско-балановских древностей керамика, орнаментированная шнуровыми оттисками в виде петель-подковок и имеющая эсвидную профилировку венчика аналогично находкам на ЗБС-5, известна лишь из материалов старых раскопок на стоянке Ибердус 1, расположенной на левом берегу р. Оки выше г. Касимова. В. В. Ставицкий ошибочно отнес эти материалы к катакомбной культуре (*Ставицкий*, 2005. С. 12. Рис. 14, 4, 5). Ближе к истине был В. В. Сидоров, назвавший данную керамику балановской (*Сидоров*, 2003).

Два горшка (сосуды 3 и 4), найденные возле очагов на ЗБС-5, имели валик под венчиком, украшенный насечками. У одного из горшков над валиком шел волнистый оттиск шнура (рис. 6, сосуд 4). Аналогии этим формам также имеются в первую очередь в южной Польше (*Machnik*, 1966. Tabl. XXXI) и Западной Украине (*Свеишников*, 1974. Рис. 39, 8), а также в Прибалтике (*Rimantiene*, 1989. Pav. 68).

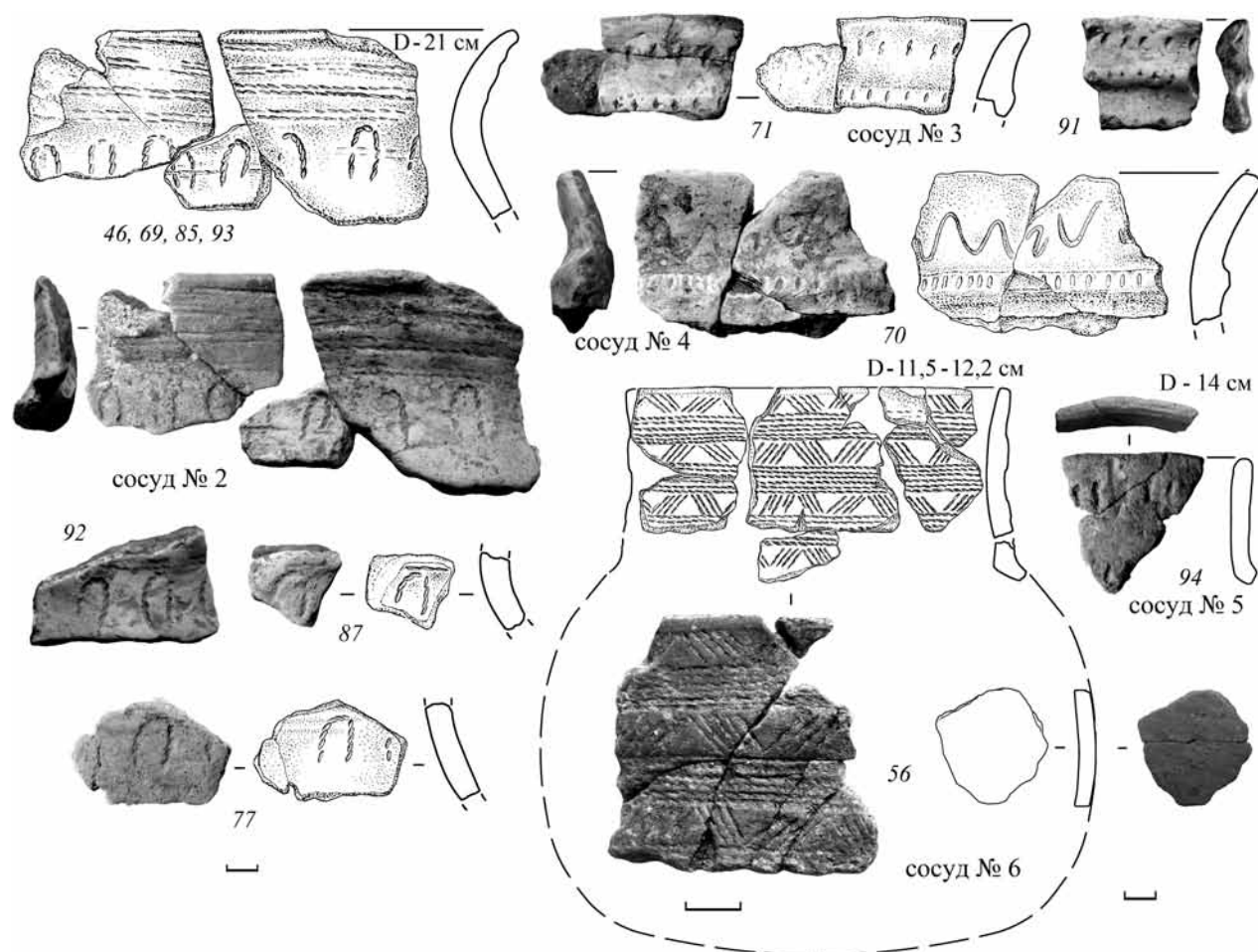

Рис. 6. Шнуровая керамика из раскопа на ЗБС-5 (сосуды №№ 2–6)

В материалах фатьяновской культуры мы ничего подобного не видим. Лишь два горшка из ранних комплексов фатьяновских могильников – Давыдовского (Крайнов, 1963. Табл. VI, 1) и Ханевского (Сидоров, 1969. Табл. 51; Сидоров, Энговатова, 1992) – имеют в основании шейки при переходе на тулово волнистый оттиск из двойного шнура. Отметим, кстати, что Д. А. Крайнов находил им аналогии в культуре Злота в Польше (Крайнов, 1972. С. 128), но там эта орнаментация редка (Krzak, 1976).

Горшок, лежавший в восточной части раскопа, был представлен скоплением мелких фрагментов, удаленных от очагов (рис. 6, сосуд 6). Он отличается очень тонко и тщательно выполненной орнаментацией. Почти прямой высокий венчик сплошь покрыт отпечатками шнура и разделяется на семь горизонтальных орнаментальных зон. Чередуются зоны с «шагающим» зигзагом из пяти и четырех коротких оттисков шнура и зоны с сгруппированными в шесть рядов горизонтальными оттисками шнура. Точные аналогии в фатьяновских могильниках нам не известны. Наиболее близок к рассма-

триваемому горшку фрагмент из погребения 2 могильника Новинки-4 (Волкова, 2010. Рис. 67, 2). Общая композиционная схема орнамента на фрагменте из ЗБС-5 близка орнаменту на горшке из погребения 6 Ханевского (Кириянова, 1976. Рис. 2, 14), орнаментации горшков Кузьминского (Крайнов, 1963. Табл. VI, 9) и Новлянського (Розенфельдт, 1971. Рис. 2, 1) могильников. В указанных памятниках орнамент также нанесен оттисками тонкого шнура. Все они, по предположению В. В. Сидорова и А. В. Энговатовой, относятся к начальной фазе фатьяновской культуры (Сидоров, Энговатова, 1992. С. 36), что, видимо, верно.

Многозонные орнаментальные композиции на высоких шейках характерны для среднего этапа среднеднепровской культуры (Артеменко, 1987а. С. 39). Похожие орнаменты имеются, например, в могильнике Стретовка (Артеменко, 1967. Рис. 32), но там нет полных аналогий сосуду из ЗБС-5.

Ближние аналогии орнаменту на горшке 6 из раскопок ЗБС-5 присутствуют в материалах культуры одиночных погребений в Шлезвиге (Struve, 1955.

Abb. 14 2d; Taf. 17, 10), швейцарских материалах, датирующихся серединой III тыс. до н.э. (*Furholt*, 2003. Taf. 155), в жуцевской культуре, в том числе на эпонимном поселении Жуцево (*Kilian*, 1955. Taf. XXX, 197; *Зальцман*, 2010. Рис. 149), в могильнике Злота в Польше (*Machnik*, 1966. Tabl. XXVII, 6).

В ранней фазе межановицкой культуры (калиброванный радиоуглеродный возраст около 2200 лет до н.э.) встречаются композиции из нескольких горизонтальных групп оттисков шнуров, разделенных пустыми пространствами, где нет зигзагов (*Kadrow*, *Machnik*, 1997. Рис. 69).

Редкой находкой, обнаруженной возле очага, явился клад каменных изделий (орудий), состоявший из лежавших в виде компактного скопления 14 предметов (рис. 7; рис. 8)³. Орудия клада залежали на отметках минус 178 – минус 188 см в верхней части погребенной почвы 3 (4). Контуры ямы, в которую был помещен клад, не прослеживались. Орудия лежали так плотно, что можно было предположить наличие какого-то вместилища, следов от которого не сохранилось. В состав клада входили: два тесла (рис. 7, 109, 111) из кремневого известняка (опоки) линзовидного сечения; скребок трапецевидной формы с одним рабочим краем (рис. 7, 116); изогнутая пластина с рабочим лезвием на торце (рис. 7, 108), приостренная с двух сторон («стамеска»); сильно изогнутые пластины с полукруглой ретушью по одной из длинных сторон (рис. 7, 110, 119) – «ложкари»; пластина листовидной формы с ретушью по периметру (рис. 7, 112); пластина сегментовидной формы с ретушью по дуге (рис. 7, 114); пластина ромбической формы с ретушью по периметру (рис. 7, 120); отщеп листовидной формы с ретушью по краям (рис. 7, 113); пластина с ретушью утилизации по длинным сторонам (рис. 7, 115); изогнутая пластина с выделенным «жальцем» (рис. 7, 118) и обломок пластины (рис. 7, 117).

Форма орудий, входивших в клад, и его планиграфическое положение свидетельствуют в пользу того, что он относится к комплексу бронзового века. Вокруг очага № 2 было найдено еще несколько кремневых орудий, типологически сходных с теми, что входили в клад, а именно: тесло из опоки (рис. 7, 124), трапецевидный скребок (рис. 7, 121), изогнутая пластина с ретушью (рис. 7, 128), пластина с ретушью по периметру (рис. 7, 122). Кроме того, были найдены орудия, аналогии которым в кладах отсутствуют, – концевой скребок на пластине (рис. 7, 123),

листовидной формы пластины с плоской ретушью по поверхности изделия (рис. 7, 127, 131). Важно отметить, что среди находок практически не было простых отщепов и чешуек, число которых на весь раскоп около десятка.

Для определения хронологической позиции комплекса находок бронзового века на объекте ЗБС-5 важнейшее значение имеет керамика.

Мотив «подковок» характерен для основного ареала культур шнуровой керамики и отсутствует в фатьяновско-балановской более поздней части ареала культур шнуровой керамики. Из этого можно сделать вывод, что мотив древний. Исходя из начальной даты фатьяновской культуры, определяемой концом III тыс. до н.э. (а может быть, и серединой III тыс. до н.э.), можно относить «подковки» к более раннему времени (по крайней мере, их появление). Этому как будто бы соответствуют ранние радиоуглеродные датировки Прибалтийских памятников – стоянок Нида (младшая дата – 4070±50 лет Bln-2592) и Прибрежное (младшая датировка из нижнего слоя 4220±40 Ле-6217 – *Зальцман*, 2010. Табл. 5–17).

Стратиграфические соображения, кажется, также свидетельствуют в пользу версии «ранней датировки» комплекса шнуровой керамики из ЗБС-5. Находки на ЗБС-5 залегают в верхней части погребенной почвы, на одном уровне с неолитическими находками. Период повышенной аллювиальной активности еще не начался тогда, когда они попали в землю. Фатьяновские находки на поселении РАНИС-пойма откладывались в самом начальном этапе накопления аллювия на поверхности погребенной почвы 3 и имеют серию радиоуглеродных дат приблизительно 4000-летнего возраста (табл. 1). Фатьяновский горшок на ЗБС-4 также залегают стратиграфически выше находок с ЗБС-5. То есть керамика бронзового века с ЗБС-5 должна быть чуть древнее четырех тысяч радиоуглеродных лет (середина III тыс. до н.э., если переводить радиоуглеродные датировки в календарный возраст).

Второй вариант культурно-хронологической интерпретации находок может опираться на аналогии с городокско-здолбицкими памятниками Волыни, предположительно имеющими более позднюю датировку – не ранее 2400 г. до н.э.

Чтобы сделать окончательный вывод, нам не хватает данных о формах посуды из-за малочисленности находок на ЗБС-5. Также необходимы радиоуглеродные даты.

³ Авторы благодарят Е. В. Леонову (ИА РАН), участвовавшую в разборке, зарисовке и фотофиксации клада, и А. Н. Клёмина, который его нашел.

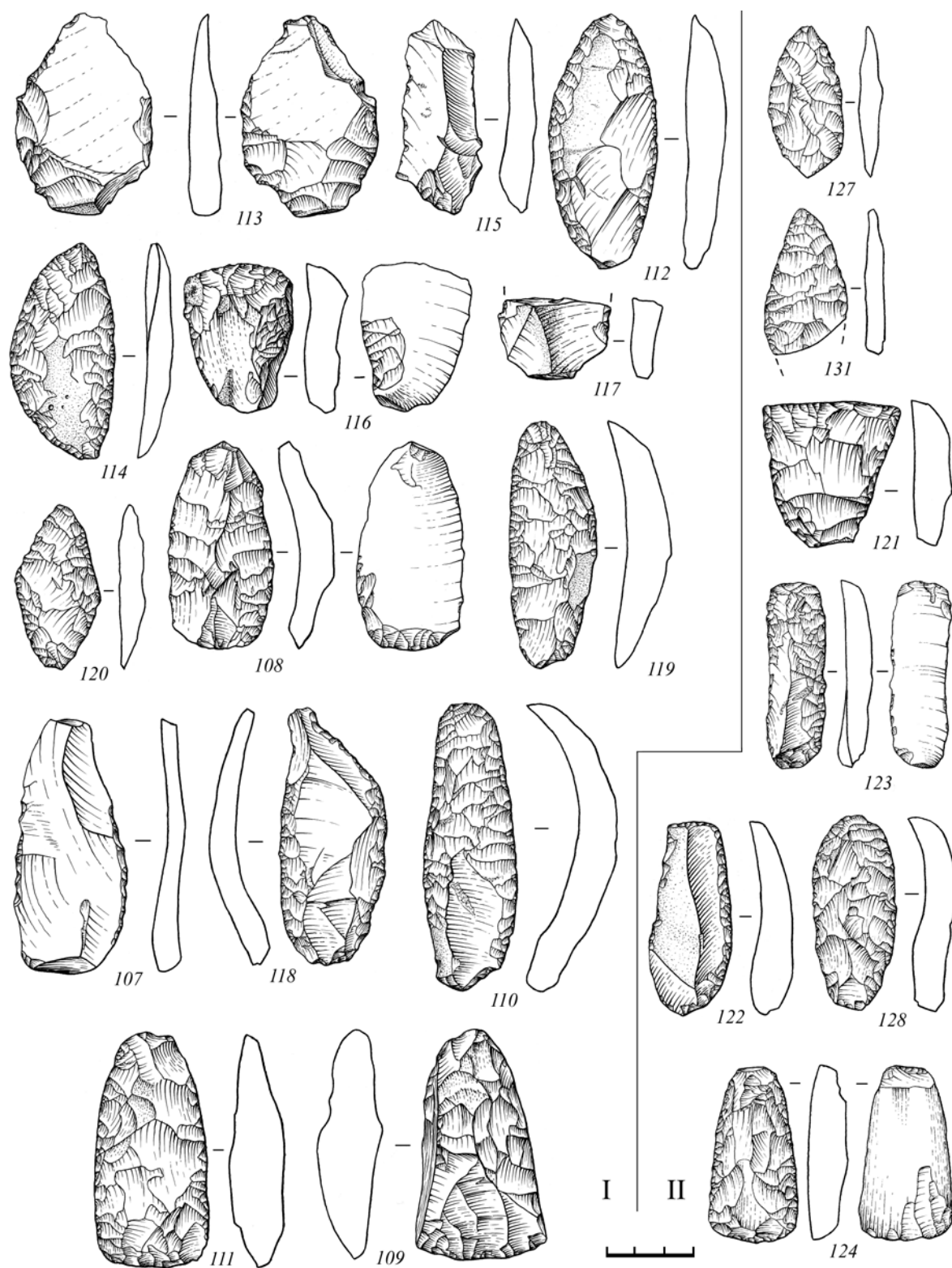

Рис. 7. Клад каменных орудий (I) и находки на поверхности почвы 3 (II) из раскопа на ЗБС-5 (рисунки А.В. Трусова)

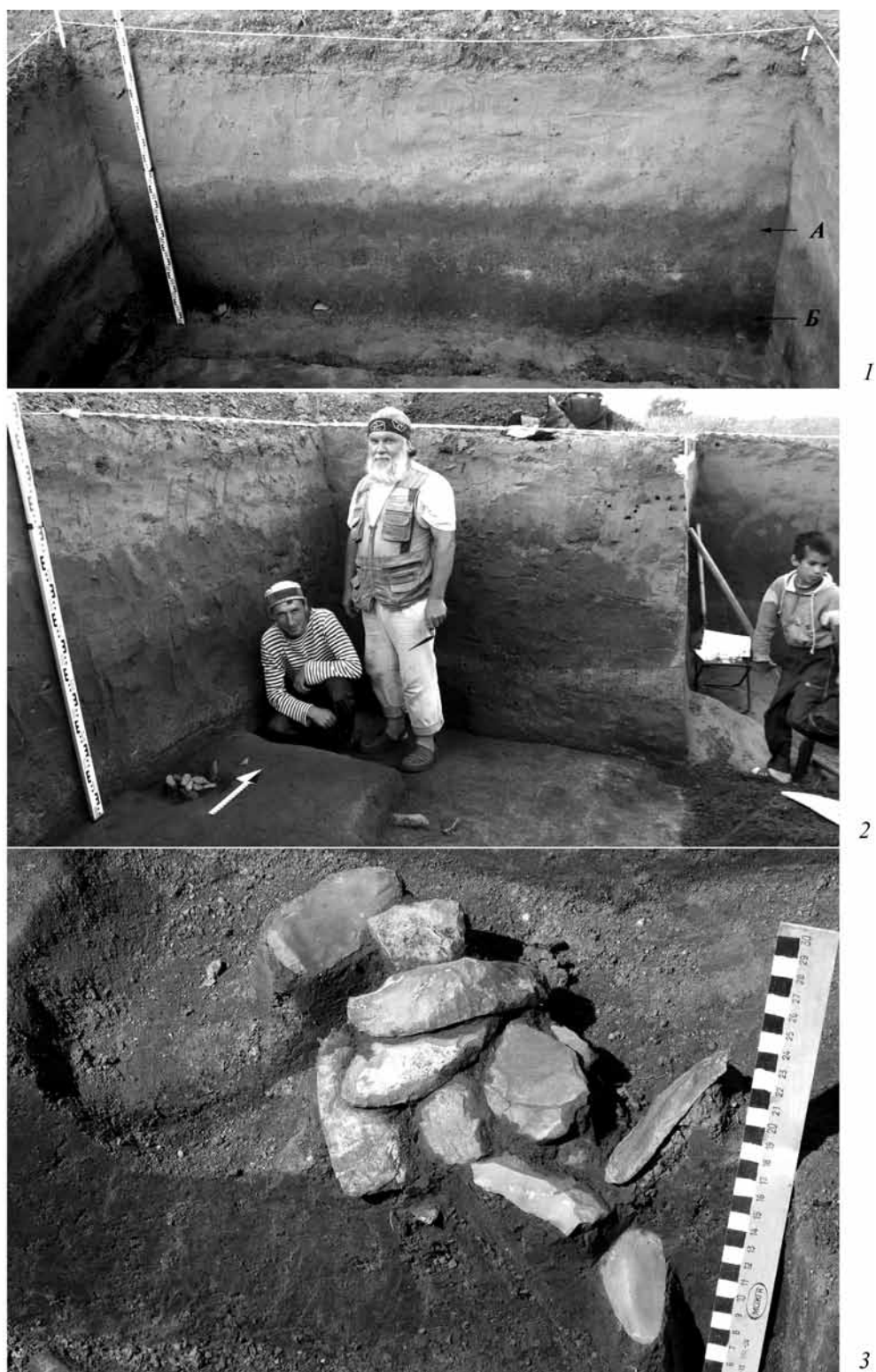

Рис. 8. Раскоп на объекте ЗБС-5

1 – профиль западной стенки (А – погребенная почва 2; Б – погребенные почвы 3+4);
 2 – место обнаружения клада каменных орудий; 3 – клад каменных орудий

Напомним, что непосредственно рядом с объектами ЗБС-4 и ЗБС-5, примерно в 500 м к юго-востоку от них, на краю высокого берега Москвы-реки, на территории дачи С. Н. Скадовского в поселке Верхние Дачи (Луцино) при строительстве было обнаружено погребение (?), из комплекса которого сохранились лишь три клиновидных толстообушковых топора (Крайнов, 1963. Табл. 18, 1, 2). На основании этих находок Д. А. Крайнов отнес Луцинский могильник, наряду с Ивановогорским и Давыдовским, к числу самых ранних в московско-клязьминской группе и вообще в фатьяновской культуре (Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 39).

Если следовать вышеизложенной логике рассуждений, то находки из ЗБС-5 можно воспринимать, как след, оставленный в результате «раннего проникновения» группы населения культуры шнуровой керамики в долину Москвы-реки. Повидимому, эта группа продвинулась далее на восток, вниз по течению Москвы-реки и р. Оки, и ее след зафиксирован на стоянке Ибердус 1. Расстояние по прямой между ЗБС-5 и Ибердус 1–290 км. Данная группа не имела отношения к средне-днепровской культуре. Прибалтика, Западная Украина и Южная Польша (?) могут предположительно рассматриваться в качестве исходных точек колонизации. Конкретизировать район сложно ввиду того, что совершенно не разработана тема связей жуцевской и городокско-здолбицкой культур. Наличие в комплексе керамики объекта ЗБС-5 горшка № 6, орнаментация которого не находит параллелей в городокско-здолбицких материалах, но имеет близкие аналогии в жуцевской культуре, позволяет осторожно предположить, что выбор нужно сделать в пользу Прибалтики.

Важно подчеркнуть, что материалы, полученные при исследовании объектов ЗБС-4 и ЗБС-5, свидетельствуют о сложности и «многоактности» колонизационного процесса, в ходе которого носители культуры шнуровой керамики осваивали бассейн Москвы-реки. Ранее аргументы в пользу

такой интерпретации миграционных процессов в эпоху сложения культур шнуровой керамики высказывались Н. Я. Мерпертом (1976).

Суммируя выводы по исследованиям обоих объектов ЗБС-4 и ЗБС-5 можно отметить следующее.

1. Пойма Москвы-реки очень перспективна для дальнейшего изучения поселенческих объектов круга культур шнуровой керамики, так как в пойменных отложениях имеются многочисленные следы поселенческой и хозяйственной активности людей бронзового века. Сезонный и хозяйственно специализированный характер выявленных поселенческих комплексов, отсутствие на них следов производства, делает очень актуальным поиск «базовых» поселений.

2. Новые данные по радиоуглеродной хронологии фатьяновских комплексов все более и более склоняют нас к тому, чтобы удревнить их начало до середины III тыс. до н. э.

3. Комплекс керамики, выявленный на ЗБС-5, с накладными валиками и орнаментацией в виде арочек-петель совершенно уникален для Подмосковья. Он указывает на то, что сюда проникали группы населения, сохранявшие традиции, истоки которых мы видим на удаленных территориях Прибалтики, Западной Украины, Южной Польши. Таким образом, в сложении фатьяновской культуры Подмосковья участвовали различные компоненты, она не возводится целиком к среднеднепровской культуре.

4. Комплекс керамики из ЗБС-4 указывает, что колонизационный импульс «шнуровиков» в Подмосковье происходил также с территории среднеднепровской культуры. Это совпадает с ранее высказывавшимися предположениями (Крайнов, 1987. С. 74; Сидоров, Энговатова, 1992. С. 35).

5. Полученные спорово-пыльцевые данные о возделывании конопли являются важным аргументом в пользу наличия земледелия в раннем бронзовом веке в Подмосковье. Необходимо учитывать, что пыльца конопли надежно определяется до вида, в отличие от пыльцы «типа культурных злаков».

Литература

Александровский А. Л., 2008. Погребенные погребены в разрезе поймы Москвы-реки у поселка РАНИС // АП. Вып. 4. М.

Артеменко И. И., 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.

Артеменко И. И., 1976а. Бельнецкий могильник // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Артеменко И. И., 1976б. Могильник среднеднепровской культуры в урочище Стрелица // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Артеменко И. И., 1987а. Связи племен среднеднепровской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Артеменко И. И., 1987б. Культуры шнуровой керамики // Эпоха бронзы лесной полосы СССР М.

Бунятян К. П., 2008. Городоцько-здовбицька культура: проблемна ситуація // Археологія. № 3.

Волкова Е. В., 2010. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.

Гадзяцкая О. С., 1976. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. М. (САИ. Вып. В1–21).

Емельянов А. В., 2011. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селище Кулаково 3 в Раменском районе Московской области в 2010 г. // Архив ИА РАН.

Зальцман Э. Б., 2010. Поселения культуры шнуrowой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. М.

Каверзнева Е. Д., Фоломеев Б. А., 1998. Радиоуглеродная хронология памятников энеолита – ранней бронзы озерной Мещеры // Тр. ГИМ. Вып. 96. М.

Кирьянова Н. А., 1970. Отчет о раскопках Ханевского фатьяновского могильника // Крайнов Д. А., 1970. Отчет Верхне-Волжской археологической экспедиции. Архив ИА РАН. Р-1. № 4551.

Кирьянова Н. А., 1976. Фатьяновский могильник у д. Ханево // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Крайнов Д. А., 1963. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. Вып. В1–19. М.

Крайнов Д. А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья М.

Крайнов Д. А., 1987. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С., 1987. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. М. (САИ. Вып. В1–22).

Кренке Н. А., Лазукин А. В., 2010. Отчет об археологических раскопках на поселении РАНИС-пойма в Одинцовском районе Московской обл. в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Кренке Н. А., Лазукин А. В., Алексеев А. В., Ершов И. Н., Кравцов А. Е., Леонова Е. В., 2008. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма // АП. Вып. 4. М.

Кренке Н. А., Лазукин А. В., Елкина И. И., Ершов И. Н., Леонова Е. В., Чернов С. З., 2010. Исследование памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода // АП. Вып. 6. М.

Крывальцэвіч М. М., 2010. Старыя Юрковічы 1 – культурна-храналагічныя аспекты «шнуrowага» комплексу // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск. № 18.

Кухаренко Ю. В., 1962. Первобытные памятники Полесья // САИ. Вып. В1–18. М.

Лошенков М. И., 1998. Михалевское городище // Старажытнасці Бабруйшчыны. Бабруйск.

Лявданский А. Н., 1927. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Науч. изв. Смоленского гос. универ. Т. IV. Вып. 3. Смоленск.

Максимов Е. В., Петрашенко В. А., 1988. Славянские памятники у с. Монастырёк на среднем Днепре. Киев.

Мерперт Н. Я., 1976. Древнеямная культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуrowой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Панин А. В., 2008. Предварительные данные по истории формирования поймы Москвы-реки в районе Успенского – РАНИС // АП. Вып. 4. М.

Розенфельдт Р. Л., 1971. Новлянский фатьяновский могильник // СА. № 2.

Самолук В. О., 2007. Поселения стжижовської культури на р. Іква на Волині // Археологія. № 3.

Свешніков І. К., 1974. Історія населення Перекарпаття, Поділля І Волині в кінці ІІІ – на початку ІІ тисячоліття до нашої ери. Київ.

Сидоров В. В., 1969. Отчет о полевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4003.

Сидоров В. В., 2003. Керамика стоянки Ибердус 1 (из раскопок Б. А. Куфтина) // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза.

Сидоров В. В., Энговатова А. В., 1992. Ханевский могильник и древнейшие памятники фатьяновской культуры // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7. Иваново.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Качанова М. Д., 2008. Результаты палинологических исследований в пойме реки Москвы у поселка РАНИС // АП. Вып. 4. М.

Ставицкий В. В., 2005. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза.

Тимофеев В. И., 2003. Памятники культуры шнуrowой керамики восточной части Калининградской области (по материалам исследований 1970–1980-х гг.) // Древности Подвинья. СПб.

Фролов А. С., 1985. Отчет о раскопках в 1984 году стоянки Заозерье 1 в Раменском районе Московской обл. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10424.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б., 2011. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс.

до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 2. М.

Bunyatyan K. P., Pozikhovskiy O. L., 2011. A settlement of the Horodotsko-Zdovbytska culture near Ostroh // *Ukrainian Archaeology*. Київ.

Czebreszuk J., Szmyt M. Z., 2010. Badań nad formami osadnictwa kultury ceramiki sznurowej w Polsce północnej // *Матэрыялы па археологіі Беларусі*. Мінск. № 18.

Forssander J. E., 1933. Die Schwedische Bootaxtkulturen und ihre kontinentale europäischen Voraussetzungen. Malmö.

Furholt M., 2003. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkerami in Mitteleuropa und Südkandinavien. Bonn.

Gimbutas M., 1965. Bronze Age cultures in Central and Eastern Europe. Paris – London.

Kadrow S., Machnik J., 1997. Kultura mierzanowicka. Kraków.

Kempisty A., Włodarczak P., 2000. Cemetery of corded ware culture in Zerniki Górne. Warsaw.

Kilian L., 1955. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn.

Kryvaltsevich M., Kovalyukh N., 1999. Radiocarbon dating of the middle Dnieper culture from Belarus // *Baltic-Pontic Studies*. Vol. 7. Poznań.

Krzak Z., 1976. The Złota Culture. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdansk.

Machnik J., 1966. Studia nad kulturą ceramiki sznurowej w Małopolsce. Wrocław – Warszawa – Kraków.

Rimantiene R., 1989. Nida Senujų baltų gyvenvietė. Vilnius.

Struve K., 1955. Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein. Neumünster.

Włodarczak P., 2006. Kultura ceramiki sznurowej na Wyżynie Małopolskiej. Kraków.

N. A. Krenke, I. N. Erschov, A. V. Lazukin, A. A. Voitsyk, V. A. Raeva, N. I. Rozanskaja

Cord ware culture settlements within Moskva-river valley

Summary

Two sites were investigated through test pits nearby Zvenigorod town in the Moskva River valley. The results could be summarized as follows. The flood plain of the Moskva River is very promising for ongoing study of settlements of the cord ware culture as there are many traits of human activity dated from Bronze Age within the alluvial sediments. Up to now only seasonal settlements have been found. The search for permanent settlements is a task for future studies. New radiocarbon dates for the sites

of Fat'janovskaja culture prove that its beginning could be dated to the mid-3rd millennium BC. Pottery decorated with loops and bands found at ZBS-5 site is totally new for the Moscow region. These finds imply that the region was colonized by the bearers of the Middle Dnieper cord ware culture who kept the traditions of such remote lands as Baltic region, South Poland and West Ukraine. The find of cannabis pollen at ZBS-4 is of prime import as the evidence of agriculture in the Bronze Age.

Е. В. Столяров

Динамика освоения территории бассейна верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI век до н.э. – I век н.э.)

Накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет наметить основные вехи историко-культурного процесса на территории Верхнего Поочья в эпоху раннего железного века. В ходе работы были собраны данные о 253 памятниках раннего железного века бассейна верхней Оки. В результате картографического анализа памятников и детального рассмотрения их вещевого и керамического комплексов впервые удалось получить надежное основание для выделения на верхней Оке двух культурных комплексов, которые ни культурно (генетически), ни территориально-хронологически не связаны между собой (рис. 1). Первый культурный комплекс, традиционно именуемый верхнеокской культурой, сложился в Верхнем Поочье, преимущественно на территории левобережья верхней Оки, в VI–III вв. до н.э. Второй культурный комплекс представлен вновь выявленной в ходе диссертационного исследования автора группой памятников типа Упа 2. Он никак не связан с предыдущим и сложился на территории правобережья верхней Оки, видимо, в последние века I тысячелетия до н.э. – I веке н.э. Можно назвать две наиболее вероятные гипотезы его происхождения. Первая – гипотеза «зарубинизации»: вероятным кругом древностей, к которому следует отнести эти материалы, является ареал поздних юхновских древностей Верхнего Подесенья рубежа эр (II/I в. до н.э. – I в. н.э.) – памятники типа верхнего слоя городища Полужья. Вторая – гипотеза «скифизации»: формирование памятников типа Упа 2 связано с проникновением вглубь верхнеокского региона отдельных групп позднегородецкого населения Верхнего Подонья, испытавших на себе влияние лесостепной скифоидной культуры. В рав-

ной степени нельзя исключать также возможности миграции в последние века I тысячелетия до н.э. скифоидного населения с территории Среднего Подонья или Курского Посеймья (при возможном участии юхновских племен) (Столяров, 2011б).

Все памятники верхнеокской культуры расположены в лесной зоне, иногда вплотную подходя к границе с лесостепью на юго-восточной окраине бассейна верхней Оки (рис. 2). Северная граница распространения памятников определяется притоком Оки – р. Угра; южная очерчена такими притоками Оки, как реки Цон, Зуша и Нугрь; восточная – правобережьем Оки; западная граница проходила по водоразделам рек Ресса и Жиздра с Болвой, а затем Оки с притоками Десны – реками Навля и Нерусса.

Анализируя карту распространения памятников верхнеокской культуры с учетом особенностей их природно-географического расположения и уровня археологической изученности региона, в их размещении можно выделить три крупных микрорегиона (рис. 2): Мещевское ополье, Жиздринское полесье и Орловское течение Оки с притоками – реками Цон, Вытебеть и Зуша. Эти географические микрорегионы начали формироваться еще в четвертичное время и имеют рельеф, в значительной мере унаследованный от доледниковой эпохи. На их формирование около 60 тыс. лет назад оказал огромное влияние Московский ледник («Физическая география...», 2003. С. 16), а позднее поверхностные текущие воды: реки, ручьи, дождевые и талые снеговые воды («География Калужской области», 1989. С. 14).

Мещевское ополье (юго-восток Калужской области – Бярятинско-Сухиничская равнина) – типичная

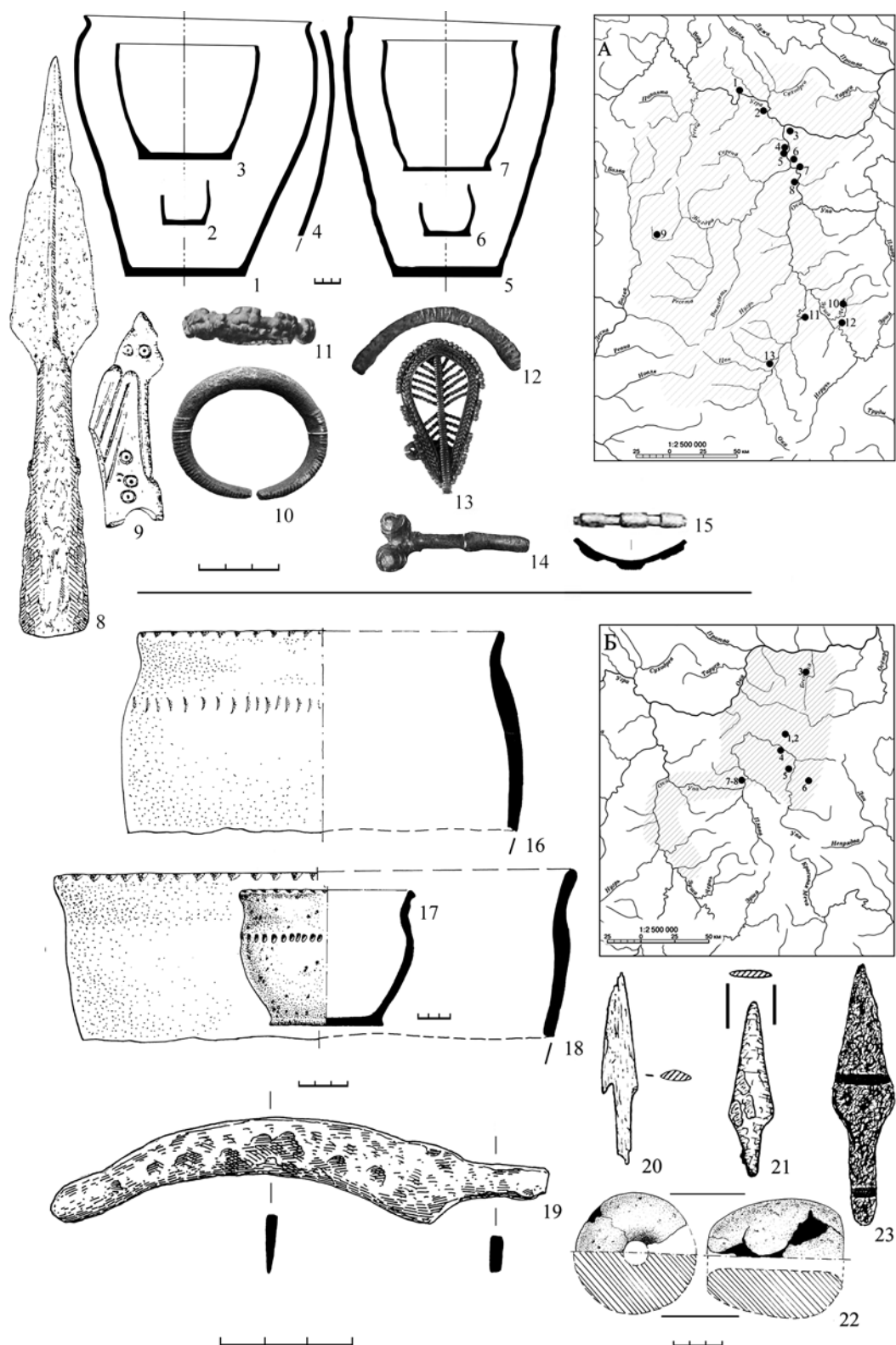

Рис. 1. Культурные комплексы Верхнего Пooчья эпохи раннего железного века. Ареал, керамический и вещевой комплекс верхнеокской культуры (1–15–А) и памятников типа Упа 2 (16–22–Б)

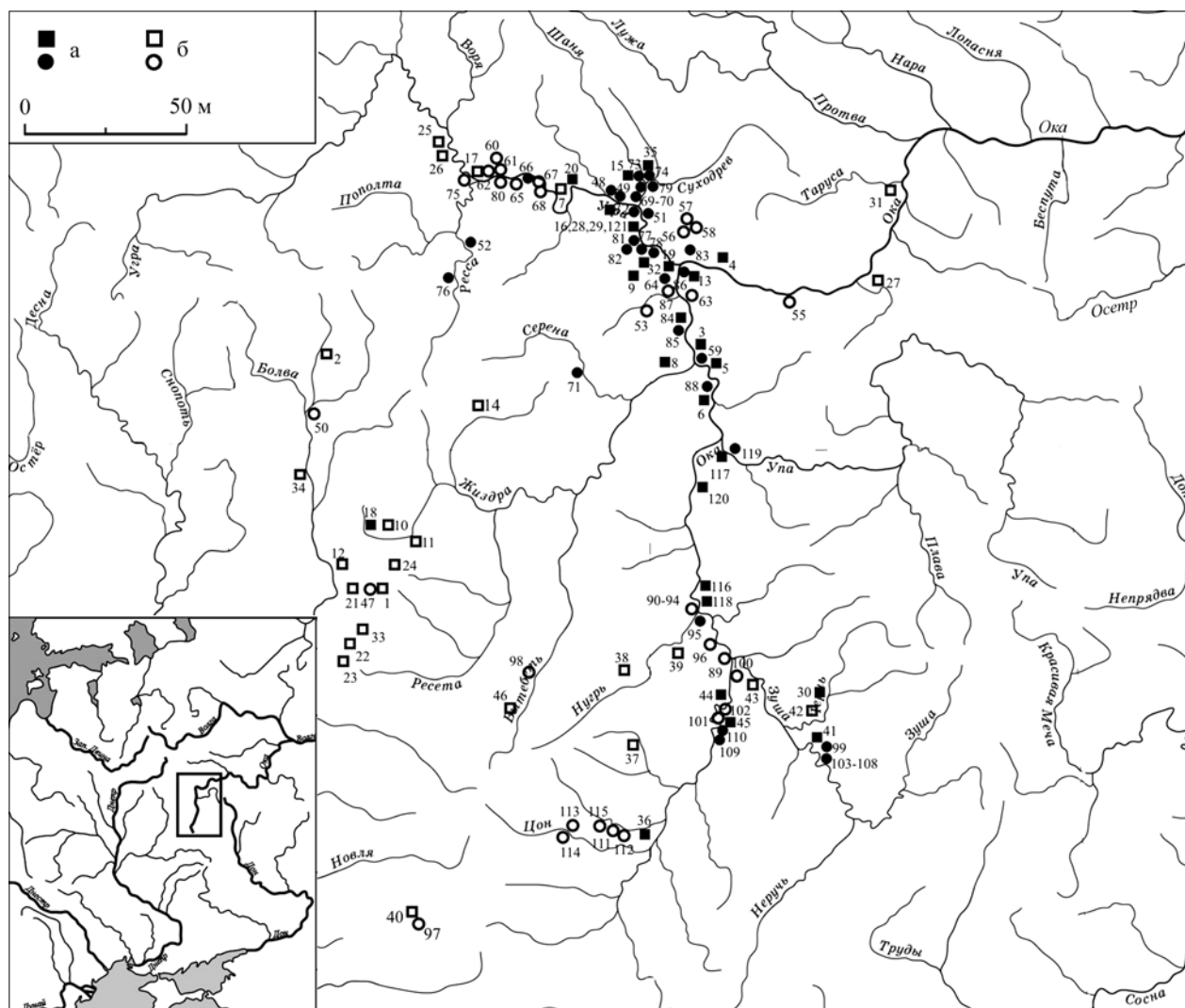

Рис. 2. Памятники верхнеокской культуры

а – городища и селища, на которых проводились раскопки; б – городища и селища, известные по разведочным данным.

1 – Авдеевка; 2 – Анисово; 3 – Вороново; 4 – Городня; 5 – Гремячево; 6 – Дуна; 7 – Дюкино; 8 – Ждановка; 9 – Железцово; 10 – Жиздра; 11 – Зикеево; 12 – Инночка; 13 – Ромоданово (Калуга 2); 14 – Кириллово 2; 15 – Кондрово; 16 – Миленка; 17 – Мокрое; 18 – Мужитино; 19 – Николо-Лапиносово; 20 – Николо-Ленивец; 21 – Орля; 22 – Павловка; 23 – Павловские расчистки; 24 – Полом; 25 – Русиново 1; 26 – Русиново 2; 27 – Ильинское; 28 – Свиноухово 1; 29 – Свиноухово 2; 30 – Синяково; 31 – Таруса 2; 32 – Тучнево 2; 33 – Улевец; 34 – Усохи; 35 – Щебазов; 36 – Надежда; 37 – Паюсово; 38 – Жуевка; 39 – Кишкино 2; 40 – Волконск 1; 41 – Жилино; 42 – Михайлов Брод; 43 – Рожанец; 44 – Старинково; 45 – Торкуновка; 46 – Родовище; 47 – Авдеевка; 48 – Болобоново 1; 49 – Болобоново 2; 50 – Зимницы; 51 – Камельгино; 52 – Каплино 2; 53 – Карачево; 54 – Курбатово; 55 – Ладыгино 1; 56 – Лобаново 1; 57 – Лобаново 2; 58 – Лобаново 3; 59 – Мехово; 60 – Мокрое 2; 61 – Мокрое 3; 62 – Мокрое 4; 63 – Нижняя Вырка 1; 64 – Николо-Лапиносово; 65 – Озерки; 66 – Олоньки горы 1; 67 – Олоньки горы 2; 68 – Олоньки горы 3; 69 – Полотняный завод 1 (Мостовское 1); 70 – Полотняный завод 2 (Мостовское 2); 71 – Пронино 1; 72 – Сабельниково 1; 73 – Старое Уткино 1; 74 – Старое Уткино 3; 75 – Суковка 1; 76 – Тимофеевка 1; 77 – Тучнево 1; 78 – Тучево 2; 79 – Устье; 80 – Юхнов; 81 – Якшуново 1; 82 – Якшуново 2; 83 – Белая; 84 – Жолохово (Певкин Бугор); 85 – Жолохово (пос. Певкин Бугор); 86 – Козлово 2; 87 – Воротынский 4; 88 – Дуна 2; 89 – Городище; 90 – Крутогорье 1; 91 – Крутогорье 2; 92 – Крутогорье 3; 93 – Крутогорье 4; 94 – Крутогорье 5; 95 – Пальчиково 5; 96 – Сивково 1; 97 – Волконск; 98 – Б. Михайловка 1; 99 – Жилино 1; 100 – Карандаково 1; 101 – Сторожевое 1; 102 – Сторожевое 2; 103 – Студимля 1; 104 – Студимля 2; 105 – Студимля 3; 106 – Студимля 4; 107 – Студимля 5; 108 – Студимля; 109 – Торкуновка 1; 110 – Торкуновка 2; 111 – Бутово 1; 112 – Бутово 2; 113 – Лебедка 2; 114 – Лебедка 3; 115 – Сергеевское; 116 – Федяшево; 117 – Мишнево; 118 – Фурсово 1; 119 – Мишнево (местонахождение); 120 – Николо-Гастунь; 121 – Свиноухово

эрозионная равнина с многочисленными долинами рек, ручьев и балками. Безлесные пространства этой территории расположены в междуречье рек Ока, Жиздра и Угра. Типичными почвами для этой территории являются серые лесные с хорошими физическими свойствами, дающие высокие урожаи. Наиболее древними породами, слагающими территорию и выходящими на поверхность, являются известняки, доломиты, пески и глины нижнего карбона. Выходы этих пород наблюдаются по склонам речных долин, балок и оврагов (География Калужской области, 1989. С. 15, 47, 48, 60). Для Мещевского ополья характерно расположение памятников раннего железного века по притоку Оки р. Угра, с выходом на центральную водную артерию (р. Ока) вплоть до впадения в нее р. Упа. Этот регион отличается наиболее высокой концентрацией памятников. Здесь сосредоточена половина всех известных на сегодняшний день поселений верхнеокской культуры – 61, из которых 42 селища и 19 городищ. Видимо, данная территория была особенно привлекательна для расселения в виду многочисленных долин рек и балок, пригодных для занятия рыболовством. Аллювиальные болотные пойменные почвы рек Ока, Угра, Жиздра, формирующиеся на наилке, отлагающемся во время половодья под богатой травянистой растительностью, обладали и обладают до сих пор высокой плодородностью («Физическая география...», 2003. С. 31). Наличие заливных лугов обеспечивало выпас скота. Так, Залидовские луга – участок правобережной поймы р. Угра в районе сел Камельгино, Дворцы, Горбенки, Свинухово – один из немногих (реликтовых) сохранившихся крупных массивов естественных луговых трав средней полосы Европейской части России с пойменными дерновыми почвами, обладающими хорошим плодородием. Его образование относится ко времени нахождения на территории области в четвертичном периоде мощного Московского ледникового покрова («Залидовские луга», 2009. С. 4–29).

Брянско-Жиздринское полесье – зандровая равнина, довольно плоская и нередко заболоченная, расчлененная долинами рек и густой сетью лощин и балок. Речные долины широки и состоят из поймы и трех надпойменных террас. Поверхность пойм неровная, с большим количеством мелких грив и озер-старич. Песчаные и супесчаные почвы различны по плодородию (География Калужской области, 1989. С. 16, 46–47). На территории полесья открыто 11 поселений верхнеокской культуры, из которых – одно неукрепленное (селище) и 10 городищ. Эта территория, исходя из данных

палеогеографии, была особенно пригодна для выпаса скота. В районе Жиздринского полесья памятники сконцентрированы в основном в междуречье рек Болва, Жиздра и Рессета. Эта территория была контактной зоной с племенами юхновской культуры. Накопленный к настоящему времени материал (в основном разведочного плана), к сожалению, не всегда позволяет однозначно определить культурную принадлежность памятника, ввиду схожести керамического и вещевого комплексов юхновской и верхнеокской культур.

В Орловском течении р. Ока памятники верхнеокской культуры расположены в междуречье ее притоков – рек Вытебеть, Цон и Зуша. К середине I тысячелетия до н. э. на территории нынешней Орловской области выделились три природно-растительные зоны: лесная зона (левобережье р. Ока и район ее истоков, правобережье р. Зуша); центр – междуречье р. Ока и р. Сосна, разделяемое р. Неручь, текущей с юго-запада области на северо-восток и впадающей в р. Зуша (регион покрывали широколиственные леса в сочетании с участками луговых северных степей – «ополей»), и поречье орловского течения р. Сосна, вероятно, полностью степное (Краснощекова, Красницкий, 2006. С. 31, 32). Как видим, памятники верхнеокской культуры, которых здесь насчитывается 38 (10 городищ и 28 селищ), всецело расположены в лесной зоне и не выходят за границу лесостепи, где по соседству с ними расположены такие памятники скифоидной культуры, как городища Новосиль, Воротынцево, Лужки и Тагино.

Отдельным вопросом в изучении верхнеокской культуры является микрогеография поселений внутри макрогрупп, отражающая, с одной стороны, систему расселения во времени, с другой, – систему родовой / –общинной организации.

А.А. Спицын обратил внимание на размещение городищ «Дьякова типа» целыми гнездами (по два-три поселка) на небольшом расстоянии один от другого (Спицын, 1903. С. 112). Экспедицией ГАИМК 30-х годов XX в. в ходе обследования берегов р. Ока и нижнего течения р. Угра была выявлена закономерность расположения отдельных групп памятников на расстоянии 5–10 км друг от друга (Воеводский и др., 1941. С. 40).

Т.Н. Никольская, отмечая недостаточность сведений для анализа плотности населения в Верхнем Поочье эпохи раннего железного века, все же делала предположение о том, что оно было не менее густым, чем в соседних регионах (по рекам Десна, Сейм, Волга, Днепр). Наиболее густонаселенными были берега р. Ока и ее крупных притоков – рек

Угра, Жиздра и Упа. Остальная территория была заселена слабее (Никольская, 1959. С. 14).

Несколько позднее Г. А. Массалитина вновь указала на неравномерность в расположении городищ верхнеокской культуры – наличие «гнезд» по два-четыре городища рядом, где каждое гнездо отстоит от другого на более или менее значительном расстоянии. Это обстоятельство является отражением родовой и патриархально-общинной структуры общества того времени («Археология...», 1999. С. 163).

Л. Н. Красницкий указал конкретное расстояние между гнездами, равняющееся, по его подсчетам, 3–6 км (Красницкий, Минаков, 2005. С. 63), что составляет, по нашему мнению, зону хозяйственного освоения или «ресурсную зону» населения верхнеокской культуры. «Ресурсная зона» была характерна для целого ряда земледельческих культур, обеспечивая жителей поселений основной массой жизненно необходимых ресурсов («Проблемы изучения...», 1990. С. 8).

Исходя из близости расположения поселений внутри макрогрупп, Т. Н. Никольская отмечала такие группы, как городища Дуна и Гремячево (Никольская, 1959. С. 18), Городище и Русино (Никольская, 1959. С. 25). О. Л. Прошкин в ходе исследования влияния характера рельефа и почв на заселение Мещовского ополья в железном веке выделил своеобразное «гнездо» поселений из трех городищ верхнеокской культуры – Свинухово 1, Тучнево и Железцово (Прошкин, 2001. С. 43). Работами И. К. Фролова по изучению археологической структуры микрорегиона у с. Воротынцево Новосильского района Орловской области была подмечена аналогичная структура у деревень Жилино и Студимля Мценского района Орловской области. Там на протяжении 6–7 км по течению р. Зуша обнаружено 10 памятников верхнеокской культуры: рядом с городищем Жилино находится селище, а у д. Студимля целое «гнездо» из восьми селищ (Фролов, 1985. С. 32).

Однако все эти умозаключения весьма гипотетичны. При выделении микрогрупп поселений необходимыми условиями являются наличие сведений о сравнительной хронологии памятников и достаточно высокая степень археологической изученности региона, оставляющая сегодня желать лучшего в отношении Верхнего Поочья (некоторые районы, например, орловское междуречье рек Ока – Зуша – Сосна, исследованы крайне слабо;

Красницкий, 2001. С. 64). Только при названных условиях можно точно сказать, существовали памятники внутри «гнезда» (группы) одновременно или же выделение таких общностей не имеет под собой никаких оснований, а «микрогруппа» является не более чем совокупностью разновременных поселений. В отношении памятников верхнеокской культуры такая сравнительная хронология на данном этапе исследований отсутствует.

Важным звеном при изучении пространственного размещения поселений является учет топографических условий их расположения, при котором археологическая классификация поселений играет большую роль. К сожалению, данные исследовательские процедуры по отношению к памятникам верхнеокской культуры не нашли своего должного применения. Археологическая типология поселений для рассматриваемой территории разработана не так хорошо, как для городищ и селищ дьяковской культуры (Гусаков, 2004. С. 98–107), городищ ананьинской культуры (Дерендяев, 2001), культуры штрихованной керамики (Медведев, 1996. С. 14–17) и милоградской культуры Белорусского полесья (Егорейченко, 1980), а также городищ днепро-двинской культуры Смоленщины (Шмидт, 1992. С. 23–25) и Северной Белоруссии (Шадыро, 1985. С. 11–13). В публикации и недавно защищенной Т. В. Сарапулкиной диссертации (2006; 2010) особенности топографического размещения поселений были отмечены также для памятников городищ Верхнего и Среднего Дона.

Впервые на особенности в топографическом расположении археологических памятников верхней Оки обратил свое внимание член КУАК¹ И. Н. Четыркин, написавший, что «древнейшие жители Калужского края селились на возвышенных местах вблизи небольших рек, недалеко впадающих в более широкие и глубокие реки. Эти возвышенные места были приурочены к обитанию человека, так что напоминают собою устройство небольших городищ» (Четыркин, 1903. С. 6). Спустя многие годы, единственная попытка классификации укрепленных поселений верхнеокской культуры была предпринята Л. Н. Красницким, в ходе которой им было выделено два типа городищ – мысовые и болотные. Первые определялись по наличию валов и рвов; вторые, – по их месторасположению (Красницкий, 1989. С. 25–26). Подобная классификация, с позиции приуроченности городищ к природным условиям, является несколько формальной,

¹ КУАК – Калужская ученая архивная комиссия.

а сам термин «болотные» городища неудачен. Как известно, он был впервые употреблен А. Н. Лявданским для обозначения специфики городищ Смоленщины и северо-восточной Белоруссии, которые характеризовались незначительными размерами, расположением в труднодоступных местах (на низких мысах рядом с болотом, либо на островках среди болот) и отсутствием культурного слоя (*Егорейченко*, 1980. С. 84). Подобной специфики для городищ верхнеокской культуры не наблюдается. Несколько позже, при разработке Л. Н. Красницким типологии, учитывающей все городища на территории Орловской области, им был принят несколько иной принцип классификации, совместивший два признака – топографию и характер оборонительных укреплений. Все городища раннего железного века (большинство из которых принадлежит к верхнеокской культуре) были отнесены исследователем к выделенному первому типу – поселения, чьи оборонительные сооружения зависят и полностью повторяют особенности рельефа местности. По фортификации и местонахождению они были разделены на четыре группы-подвида: 1) мысовые речные с двумя валами с напольной стороны (городища Торкуновка, Надежда, Рожанец, Кишкино 2); 2) мысовые овражные с двумя валами; 3) городища «болотного» типа (Радовище); 4) мысовые речные и овражные с одним валом с напольной стороны (Сторожевое, Паюсово) (*Красницкий*, 2004. С. 100).

Неукрепленные поселения верхнеокской культуры – селища являются до настоящего момента практически неизученными. Исследователей всегда интересовали хорошо выделяющиеся на местности и приносящие богатые находки городища, что не является исключением и для культур других эпох и территорий. Из 121 учтенного к настоящему времени памятника верхнеокской культуры число селищ составляет 69, в противовес 51 городищу с одним местонахождением, что корректирует наши представления о верхнеокской культуре, сложившиеся на базе материалов 60–70-х годов XX в. как культуре исключительно «городищенской».

Наша попытка классификации городищ и селищ верхнеокской культуры (50 городищ и 67 селищ) подразумевает разделение их по типам, а главным критерием (признаком) разделения является приуроченность городища или селища к тем или иным условиям местности с учетом высоты площадки городища над поверхностью воды или дна оврага. Нужно сразу оговорить возможность возведения оборонительных укреплений (валов и рвов) на ряде городищ и в более позднее время, но для нас важна сама приуроченность поселения

к условиям местности, даже если оно в раннем железном веке не было укреплено земляными сооружениями. Этот факт может говорить в пользу того, что хорошая природная защищенность места не требовала сооружения дополнительных укреплений в виде валов и рвов, как это наблюдается у ряда днепро-двинских городищ Белорусского Подвинья: Заговалино, Горовые, Девички, Замошье и Кубличи (*Шадыро*, 1985. С. 23). Не исключен вариант укреплений только лишь частоколом – его следы не выделяются на поверхности и их можно обнаружить только при археологических работах. Классы городищ были выделены на основе анализа сложности оборонительных укреплений – по признаку количества валов и рвов. Классификация селищ основана на выделении категорий, исходя из площади поселения. При этом вид площадки городищ не принимался в качестве отдельной единицы классификации. По нашему мнению, выделение данного параметра слишком субъективно, свидетельством чему являются такие понятия, как «сложные» и «бесформенная» фигуры в классификации М. Г. Гусакова (2005. С. 11). Кроме того, вид площадки городища определяется формой мыса, т. е. относится к области природных явлений. Только для городища Улемец засвидетельствована искусственная подправка склона – эскарп, для остальных городищ подобных данных нет (*Столяров*, 2011в).

Исходя из обозначенного критерия нами выделено шесть типов укрепленных поселений (рис. 3; рис. 4).

Тип 1. Городища, расположенные на возвышении – отделенном участке плато (в археологической литературе такие городища называют «останцовыми», что является некорректным с точки зрения геологической терминологии), образованном берегом реки, как правило, притока Оки или Десны, или его притока (реки Шаня и Рессета), часто в виде ручья (ручей Ключевка, приток р. Песочня; ручей Городня, приток р. Овсорок, приток р. Болва), с высотой над водой, как правило, до 10 м и площадью от 1500 до 4900 кв. м (городища Авдеевка, Жиздра, Павловские Расчистки, Улемец, Щербавод) – пять городищ (10%).

Тип 2. «Межовражные» городища, расположенные на коренном берегу притоков Оки (реки Можайка, Иста, Нугрь) и р. Болва (р. Ужать), между двумя оврагами, с высотой над водой до 20 м и площадью от 1600 до 4800 кв. м (городища Анисово, Вороново, Ромоданово 2, Русиново 1, Николо-Ленивец, Фурсово 1, Жуевка, Кишкино 2) – восемь городищ (16%).

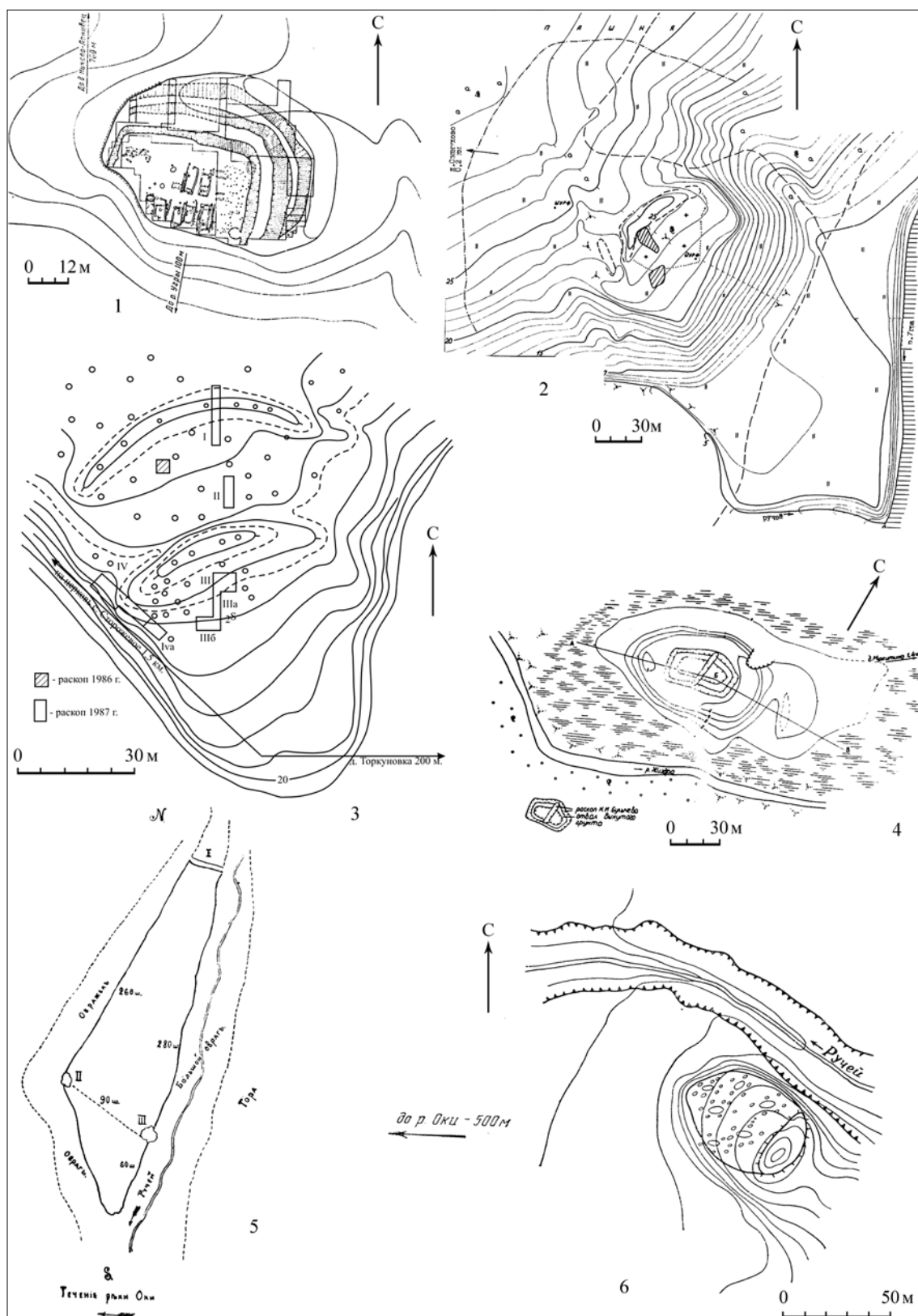

Рис. 3. Топографические планы городищ верхнеокской культуры

1 – Никола-Ленивец (по: Никольская, 1962); 2 – Свиногово (по: Прошкин, 1997); 3 – Торкуновка (по: Красницкий, 1987); 4 – Мужитино (по: Есипов, 1986); 5 – Гремячево (по: Булычев, 1899); 6 – Вороново (по: Никольская, 1964)

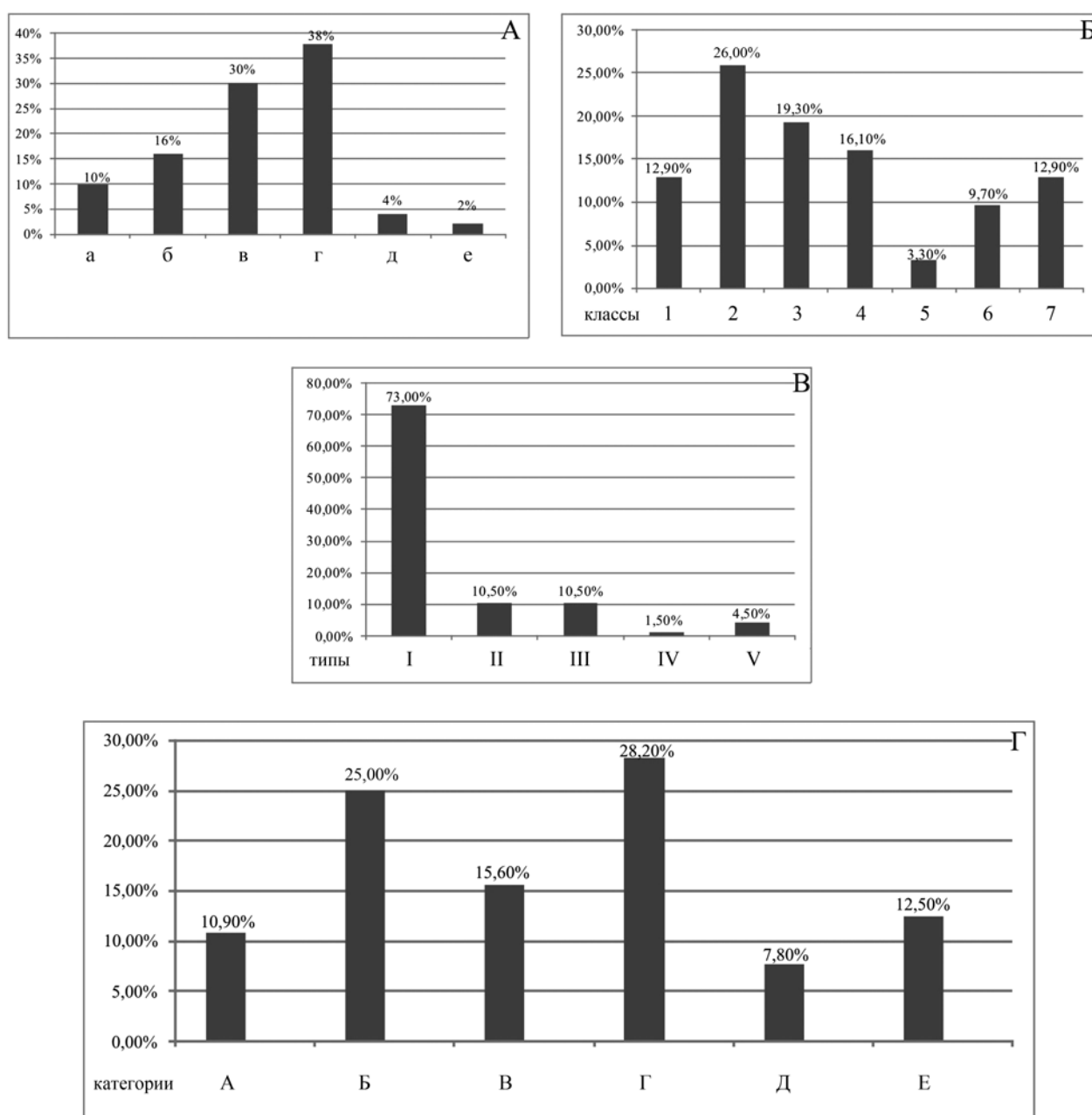

Рис. 4. Классификация городищ (А–Б) и селищ (В–Г) верхнеокской культуры

а – останцовые; б – межовражные; в – мысовые тип 3; г – мысовые тип 4; д – мысовые тип 5; е – пойменные.
 А – 0–2000 кв. м; Б – 2000–6000 кв. м; В – 6000–10 000 кв. м; Г – 10 000–20 000 кв. м; Д – 20 000–30 000 кв. м;
 Е – больше 30 000 кв. м

Тип 3. Мысовые городища, расположенные на мысу при слиянии двух рек (как Оки, так и ее притоков – р. Угра; р. Чернь, правый приток р. Зуша; р. Городянка, правый приток р. Калужка, левый приток Оки; приток р. Болва – р. Огорь), с высотой над водой до 30 м и площадью от 700 до 6900 кв. м (городища Городня, Ждановка, Инночка, Мокрое, Павловка, Свинухово 1, Свинухово 2, Синяково, Таруса 2, Тучнево, Дуна, Паюсово, Жилино, Старинково, Ильинское) – 15 городищ (30%).

Тип 4. Мысовые городища, расположенные на плато коренного берега (притоков Оки и их притоков – реки Угра, Зуевка, Жиздра, Шаня, Росвянка, Черь, Зуша, Упа или Болва, редко на коренном берегу Оки), с высотой над водой до 40 м и площадью от 1500 до 8000 кв. м (городища Гремячево, Дюкино, Железцово, Жолохово, Зикеево, Кириллово 2, Кондрово, Миленка, Николо-Лапиновое, Орля, Поллом, Усохи, Волконск, Михайлов Брод, Русиново 2, Рожанец,

Торкуновка, Радовище, Мишнево) – 19 городищ (38%).

Тип 5. Мысовые городища, расположенные на мысу, образованном коренным берегом реки (Оки или ее притока – реки Угра, Орлик) и долиной оврага, с высотой над водой до 40 м и площадью от 2000 до 6500 кв. м (городища Надежда, Федяшево) – два городища (8%).

Тип 6. Пойменное городище, расположенное на всхолмлении в пойме (р. Жиздра), с высотой над водой до 5 м и площадью 4200 кв. м (Мужитино) – одно городище (2%).

Как видим, доминирующим типами являются городища, расположенные на мысах коренного берега (38%) или при слиянии двух рек (30%) с высотой над поверхностью воды до 40 м. На втором месте – городища «межовражные» (14%) и городища, расположенные на возвышениях, образованных берегом рек (так называемые останцовые; 10%) с высотой над уровнем воды или ложем оврага до 20 м. Третье место занимают городища, расположенные на мысах, образованных коренным берегом реки и долиной оврага (8%) с высотой над уровнем воды от 10 до 40 м и «пойменные» городища (2%) с высотой над поверхностью воды до 5 м.

Кроме того, необходимо заметить, что из 50 укрепленных поселений только восемь (Вороново, Ждановка, Ильинское, Старинково, Дуна, Гремячево, Торкуновка, Федяшево), что составляет 16% от общего их числа, расположены на центральной водной артерии региона – р. Ока. Остальные 42 памятника (84%) – на многочисленных притоках Оки (реки Угра, Упа, Зуша, Жиздра) или Десны (р. Болва) и даже на притоках притоков в виде небольших речушек или ручьев. Возможно, эта ситуация отражает систему расселения верхнеокского населения во времени, так как на городище Вороново, Гремячево и Дуна поселения возникают, по-видимому, уже в VI–V вв. до н.э., т.е. на самых ранних этапах верхнеокской культуры. Позднее, в V–IV вв. население начинает расселяться вглубь региона от центральной водной артерии (р. Ока) на ее притоки – второго, третьего и даже четвертого порядка² (городища Свинухово, Николо-Ленивец). Не исключено, что такая картина в расселении верхнеокских племен могла быть связана с изменением форм хозяйствования или режима внешней опасности. Такая ситуация, в частности, известна для расположения городищ

лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н.э. (Моруженко, 1985. С. 160). С накоплением данных можно будет точнее рассмотреть этот важный аспект – на данном этапе исследований это является затруднительным.

Исходя из анализа размеров площадки городищ (для анализа использованы материалы 47 памятников), можно сделать вывод, что большинство городищ (60%) имеют площадь от 2000 и до 5000 кв. м, 23,3% городищ – до 2000 кв. м, а 17,1% – от 5000 и до 8000 кв. м.

Наряду с городищами, предпринята попытка классификации неукрепленных поселений верхнеокской культуры на базе материалов 67 селищ (рис. 4). Первый уровень классификации подразумевает разделение их по типам, а главным критерием является приуроченность селища к тем или иным условиям местности с учетом высоты площадки селища над поверхностью воды в реке или дна оврага. Типы разделяются на категории в зависимости от площади поселения. Учитывая приуроченность селищ к конкретным природным условиям, выделяется пять ландшафтных типов.

I. На плато коренного берега реки с высотой над поверхностью воды в среднем до 25 м – 44 поселения (65,6% их общего числа), куда в качестве подтипа относим также селища, расположенные на берегу реки на первой надпойменной террасе с высотой над поверхностью воды до 16 м – пять поселений (7,4%).

II. На мысу при слиянии двух рек с высотой над поверхностью воды до 13 м – семь поселений (10,5%).

III. На мысу, образованном коренным берегом реки и долиной оврага, с высотой над поверхностью воды до 35 м – семь поселений (10,5%).

IV. «Межовражные» – расположенные на коренном берегу реки между двумя оврагами, с высотой над поверхностью воды до 17 м – одно поселение (1,5%).

V) в пойме на холме, с высотой над поверхностью воды до 10 м – три поселения (4,5%).

Исходя из размеров неукрепленных поселений нами выделено шесть категорий селищ: А – от 0 до 2000 кв. м – 7 (10,9%); Б – от 2000 до 6000 кв. м – 16 (25%); В – от 6000 до 10000 кв. м – 10 (15,6%); Г – от 10000 до 20000 кв. м – 18 (28,2%); Д – от 20000 до 30000 кв. м – 5 (7,8%), Е – поселения площадью больше 30000 кв. м – 8 (12,5%).

² Расчет порядка притоков здесь и далее ведется от р. Волга.

Из классификационного анализа селищ можно сделать вывод, что 73% (т. е. три четверти) неукрепленных поселений верхнеокской культуры занимают относительно невысокие над уровнем воды (до 20 м) места, как правило, непосредственно на берегу реки (ручья или озера). Основным типом поселка (селища) было среднее поселение в пределах от 2000–6000 до 20000 кв. м (рис. 4).

Классификация оборонительных сооружений городищ верхнеокской культуры представляет собой двухуровневую структуру. На первом уровне была осуществлена корреляция выделенных классов с установленными нами выше типами городищ. На втором – проанализировано устройства самих оборонительных укреплений (валов, рвов, «жилых стен») в зависимости от технологических приемов их сооружения и размещения на памятнике. В данной работе задействованы материалы 29 городищ, время возведения укреплений на которых проверено археологическими раскопками (пять памятников) и содержащих слой только верхнеокской культуры (24 памятника). Все городища делятся на семь классов по признаку количества валов и рвов – от одного вала (рва) до трех (рис. 3; рис. 4):

- первый класс – с одним валом – 4 городища (12,9%);
- второй класс – с одним валом и одним рвом – 8 (26%);
- третий класс – с двумя валами и одним рвом – 6 (19,3%);
- четвертый класс – с двумя валами и двумя рвами – 5 (16,1%);
- пятый класс – с двумя валами и тремя рвами – одно городище (3,3%);
- шестой класс – с тремя валами и двумя рвами – 3 (9,7%);
- седьмой класс – с тремя валами и тремя рвами – 4 (12,9%).

Первое место занимает группа городищ второго, третьего и четвертого классов, оборонительные укрепления которых состояли из одного или двух валов (рвов). Второе место – группа городищ первого, шестого и седьмого класса с одним валом или тремя валами и двумя-тремя рвами. Самый малочисленный класс – пятый – всего одно городище, что объясняется, возможно, еще и тем, что третий ров сnivelировало время, поэтому он не был обнаружен. По своим размерам 87,5% валов городищ представлены насыпями, не превышавшими по высоте 1,5–2 м, а рвы в большинстве памятников (75%) были не глубже метра (естественно, учитывая их современное состояние). Лишь 12,5%

оборонительных укреплений имело насыпи свыше 2 м, а 25% – рвы в современном состоянии глубиной от 1,5 и до 3 м.

По приуроченности городищ к природным условиям и размерам площадок, характеру и мощности оборонительных укреплений можно сделать ряд предварительных выводов:

- три четверти городищ (60–70%) верхнеокской культуры имеют площадки размерами от 2000 и до 5000 кв. м и располагаются в хорошо защищенных местах, на мысах, образованных коренным берегом реки или слиянием двух рек, вдали от центральной водной артерии – Оки, с высотой над поверхностью воды до 40 м;

- корреляции типов городищ с их классами показывает, что для «останцовых» и «межовражных» городищ, находившихся, видимо, в более защищенных природными условиями местах, мощных укреплений не требовалось. Они защищались, как правило, системой укреплений из одного-двух валов и одного рва (например, городища Авдеевка, Жиздра, Улемец). Высота вала была, как правило, не более 1,5 м, глубина рва – не более метра. Для мысовых городищ, видимо, более уязвимых, наряду с укреплениями в один или два вала и рва, могли возводиться линии укреплений, доходившие до трех валов и трех рвов (например, городища Инночка, Тучнево, Кириллово 2, Михайлов Брод), причем валы достигают высоты свыше 2 м, а рвы – глубины до 3 м. Относительно пойменных городищ крайне мало данных (одно городище Мужитино), чтобы делать выводы подобного рода.

Работы последних десятилетий на территории правобережья верхней Оки позволили выделить новую культурно-хронологическую группу – памятники типа Упа 2 (Столяров, 2011а). Представительный материал этого круга древностей на правобережье верхней Оки происходит с таких памятников, как селища Упа 2, Супруты, Солодка, городища Борисово, Торхово, Супруты, Страхово, Лобынское, Дедилово. Также слой с характерной керамикой был открыт на территории г. Тула (Кремль, пересечение ул. Никитской и Дзержинского, Оружейного переулка и ул. Сакко и Ванцетти). Несмотря на то, что материалы этого типа древностей начали появляться в раскопках с середины 1950-х годов (раскопки С. А. Изюмовой городища Супруты), ранее они никогда в особую группу не выделялись и рассматривались совокупно с древностями верхнеокской культуры. Памятников, аналогичных им, на территории левобережья верхней Оки неизвестно (за исключением селищ Коптево 1 и Новые Дольцы 1, расположенных

на левобережье белевского течения Оки). Кроме того, на территории тульского правобережного течения Оки нет памятников и более раннего времени, которые могли бы быть синхронны верхнеокской культуре. Исключением являются лишь городище у д. Сатинка и поселение 1 у д. Жабынь, которые нельзя отнести к верхнеокской культуре. Культурная атрибуция первого затруднена утерей керамической коллекции из раскопок С. А. Изюмовой, но многочисленный вещевой материал и особенно богатая коллекция вещей из бронзы позволяют датировать его концом VII – началом VI–III вв. до н. э. (Изюмова, 1967. С. 128). Поселение 1 у д. Жабынь на две трети уничтожено карьером. Немногочисленная коллекция керамических фрагментов и ряд индивидуальных находок позволяют предположительно отнести его к кругу скифских древностей IV–III вв. до н. э. (Наумова, 2000). Совершенно очевидно, что культурная атрибуция поселений тульского правобережного течения Оки, при отсутствии в их ареале более ранних классических материалов верхнеокской культуры (за исключением ряда памятников по правобережью Оки – городищ Федяшево, Николо-Гастунь, Мишнево и Фурсово 1), позволяет точнее установить восточную границу верхнеокской культуры и определить ее по правобережью Оки и ее притока р. Зуша, а не довольствоваться предположением о ее совпадении с западной границей городецкой культуры раннего железного века. Кроме того, при исключении поселений тульского правобережья Оки из ареала верхнеокской культуры, получается, что территория между ареалами верхнеокской и городецкой культур, по крайней мере в VI–III вв. до н. э., предстает на данном этапе изучения «белым пятном». Там известны только два памятника археологии раннего железного века, имеющие хорошие датировки – городище у д. Сатинка и поселение 1 у д. Жабынь (рис. 5). Западная граница городецкой культуры проходила, видимо, в это время по вертикали двух городищ Дубики и Махринка – вверх по р. Дон из района, расположенного чуть южнее Воронежа, до его истоков с выходом некоторых памятников в бассейн р. Красивая Меча и далее по р. Осетр к Оке (Воронцов, 2000. С. 53). Вероятно, такая ситуация, исходя из уровня археологической изученности Окско-Донского водораздела, должна объясняться с позиции пограничья леса и степи, где было небезопасно селиться уже с эпохи бронзы вплоть до позднего средневековья.

Проведенный анализ коллекций из раскопок и разведок, а также материалы последних иссле-

дований позволяют говорить о наличии слоев типа Упа 2 на 132 поселениях правобережья верхней Оки в ее тульском течении, по сути, на территории Окско-Донского водораздела, где наиболее крупной водной артерией является р. Упа, фактически соединяющая бассейны Оки и Дона (рис. 6). Подавляющее большинство памятников, 88% – это неукрепленные поселения, расположенные как по берегам Упы, так и по ее многочисленным мелким притокам (вплоть до оврагов и ручьев).

Северо-западной границей ареала памятников типа Упа 2 выступает р. Ока, юго-восточная очерчена верхним течением р. Осетр, истоками и средним течением р. Упы и правобережьем р. Зуша (рис. 6). Таким образом, юго-восточная граница распространения памятников в целом соответствует южной кромке лесной зоны, установленной палеогеографическими работами А. Л. Александровского и М. П. Гласко на памятниках Тульской области для эпохи раннего средневековья (Александровский, Гласко, 1993. С. 10; 1996. Л. 4–7). Выводы исследователей о границе степной зоны в позднем голоцене хорошо согласуются с результатами работ М. И. Нейштадта, обобщившего еще в середине XX в. данные изучения пылецевых анализов четвертичных отложений на территории Восточно-Европейской равнины (Нейштадт, 1957; Краснов, 1971. С. 7–13). Принимая во внимание все эти исследования, можно сделать вывод о том, что обозначенная для эпохи раннего средневековья южная граница лесной зоны, за пределы которой памятники не выходят, установилась с наступлением эпохи субатлантического периода (с середины I тыс. до н. э.). Юго-восточная граница распространения памятников типа Упа 2, по сути, маркирует ее на период рубежа эр (рис. 6).

Зонай наибольшей концентрации памятников является территория бассейна р. Упы, особенно ее верхнего течения, где сосредоточено около половины (66 шт.) известных поселений (рис. 7). В целом, при учете относительно короткого промежутка времени бытования поселений (что делает возможным их сосуществование) и достаточно высокой степени исследованности региона анализ пространственного размещения памятников позволяет выделить ряд микрогрупп.

Первую группу, расположенную по р. Беспута (рис. 8, А) составляют одно городище (Теляково) и семь селищ (Теляково 1–3, Мокрый Корь 2–5), которые располагаются от него на расстоянии не более 6 км. Вторая группа в бассейне р. Тулицы представлена городищами Страхово и Торхово (на рубеже эр было неукрепленным поселением)

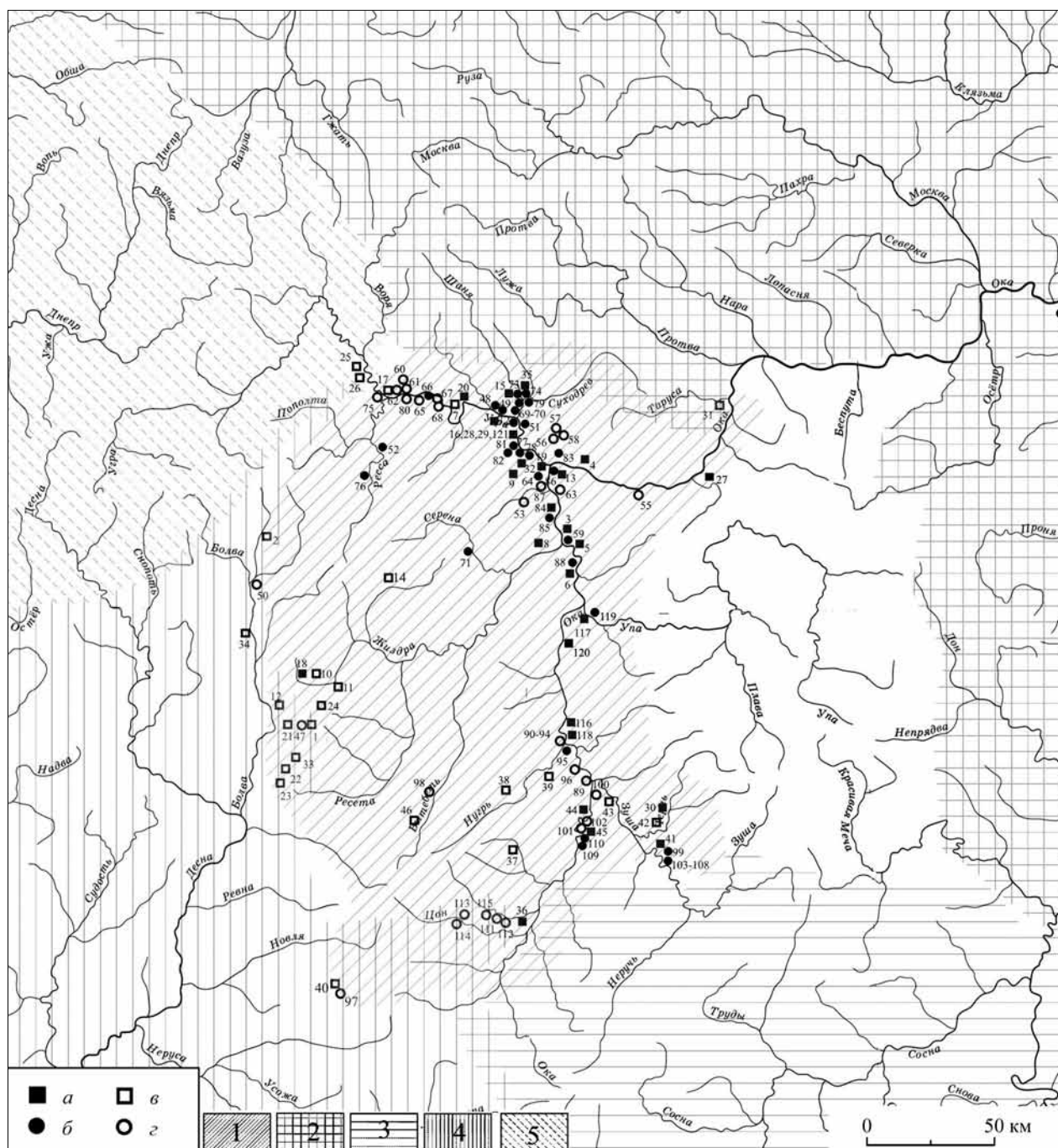

Рис. 5. Памятники верхнеокской культуры в контексте культур раннего железного века лесной зоны Европейской части России

1 – верхнеокская; 2 – культуры сетчатой и текстильной керамики; 3 – скифоидная; 4 – южновская; 5 – днепро-двинская.

Памятники, на которых проводились раскопки: а – городища; б – селища.

Памятники, известные по разведочным данным: в – городища; г – селища

и 13 селищами (Страхово 1, 3–6, Ширино 1, Бабаино 3, Бушево 1, Синетулица 3, Долматовка 5–6, Кисленка 6, 8). Все селища находятся от городища Страхово на расстоянии не более 4 км. Ниже по течению р. Тулица выделяется еще одна группа из восьми селищ – Октябрьский 1, Ивановка

1–3 и 6, Архангельское 1, Молодежный 1, расположенных друг от друга на расстоянии, не превосходящем 6 км. В среднем течении р. Упы выделяется ряд групп поселений, одну из которых на левобережье р. Упы образуют городище Малевка и шесть селищ – Малевка 1–3, Осинная Гора 2–3 и Упа 2.

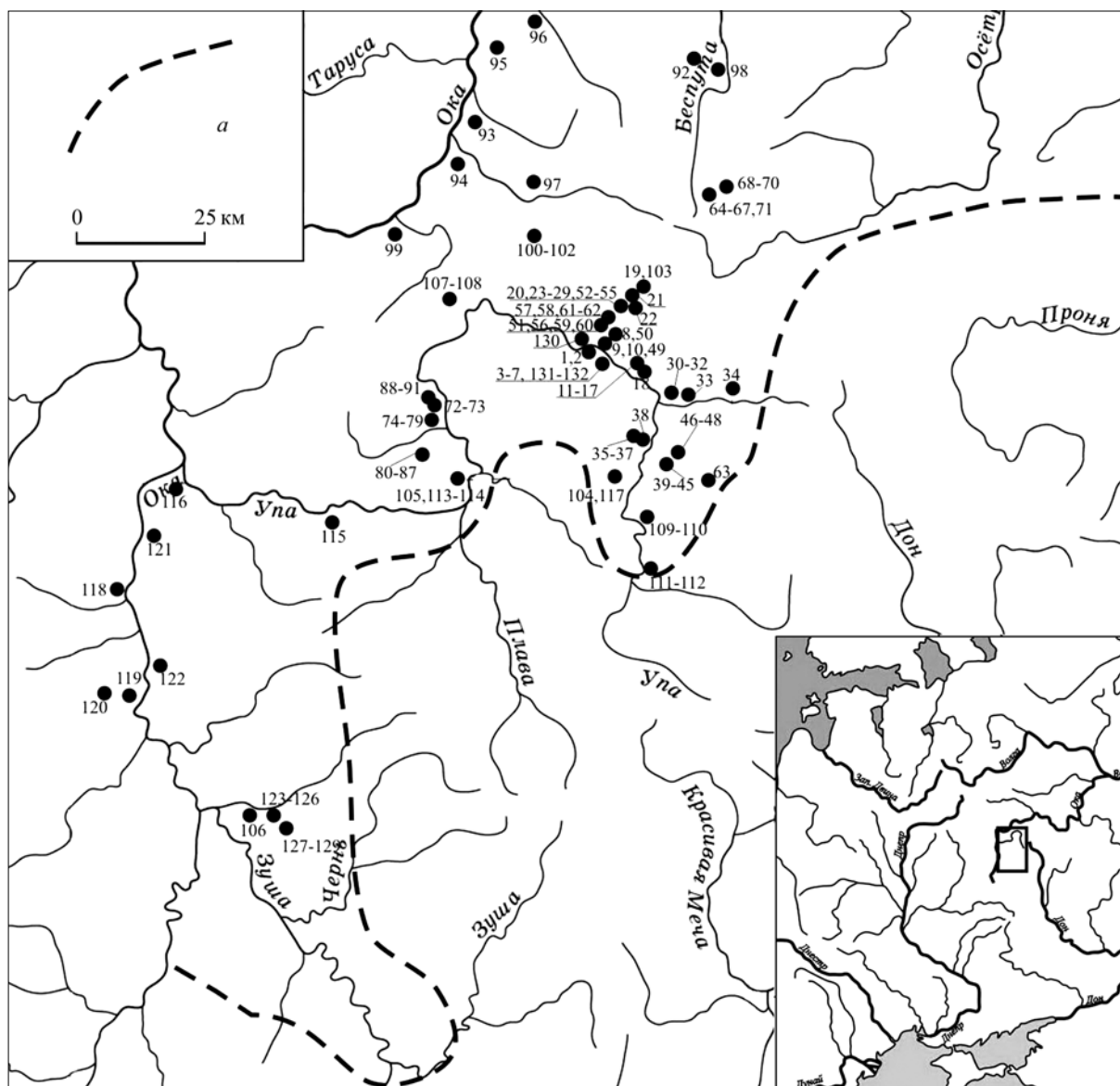

Рис. 6. Памятники типа Уфа 2

а – граница лесной зоны; 1 – Тула, Кремль; 2 – Тула, Никитская-Дзержинского; 3 – Уфа 2; 4 – Малевка; 5 – Малевка 1; 6 – Малевка 2; 7 – Малевка 3; 8 – Глушана 1; 9 – Тула, Металлургов 1; 10 – Тула, Металлургов 2; 11 – Морозовка 2; 12 – Сеженские Выселки 1; 13 – Бежка 1; 14 – Бежка 2; 15 – Бежка 6; 16 – Бежка 7; 17 – Высокое 2; 18 – Никитино 2; 19 – Бабанино 3; 20 – Бушево 1; 21 – Синегулица 3; 22 – Торхово; 23 – Страхово; 24 – Страхово 1; 25 – Страхово 3; 26 – Страхово 4; 27 – Страхово 5; 28 – Страхово 6; 29 – Широно 1; 30 – Красный Хутор 1; 31 – Красный Хутор 2; 32 – Красный Хутор 3; 33 – Марьино 1; 34 – Изрог 3; 35 – Лобынское; 36 – Лобынское 2; 37 – Лобынское 4; 38 – Березовка 1; 39 – Замятино 1; 40 – Хомяковка 2; 41 – Хомяковка 6; 42 – Анненки 1; 43 – Анненки 3; 44 – Анненки 5; 45 – Крутое 1А; 46 – Б. Колмыки 2; 47 – Б. Колмыки 4; 48 – Б. Колмыки 5; 49 – Деменьтьевы 1; 50 – Щегловский монастырь 1; 51 – Октябрьски 1; 52 – Долматовка 5; 53 – Долматовка 6; 54 – Кисленка 6; 55 – Кисленка 8; 56 – Новомедвенка 1; 57 – Ивановка 1; 58 – Ивановка 2; 59 – Ивановка 3; 60 – Ивановка 6; 61 – Архангельское 1; 62 – Молодежный 1; 63 – Дедилово (Старое городище); 64 – Теляково; 65 – Теляково 1; 66 – Теляково 2; 67 – Теляково 3; 68 – Мокрый Корь 2; 69 – Мокрый Корь 3; 70 – Мокрый Корь 4; 71 – Мокрый Корь 5; 72 – Воскресенское 3; 73 – Воскресенское 5; 74 – Воскресенское 7; 75 – Воскресенское 13; 76 – Воскресенское 14; 77 – Воскресенское 16; 78 – Воскресенское 17; 79 – Воскресенское 18; 80 – Лужное 1; 81 – Лужное 6; 82 – Лужное 7; 83 – Лужное 8; 84 – Лужное 10; 85 – Лужное 13; 86 – Дьяково 1; 87 – Дьяково 2; 88 – Хотетово 1; 89 – Хотетово 3; 90 – Коптево 1; 91 – Катешово 10; 92 – Борисовское; 93 – Мосолово; 94 – Лукерьино; 95 – Выдумки 1; 96 – Чегодаево 1; 97 – Никулино; 98 – Юрцово («Земляные ворота»); 99 – Картавцево; 100 – Никулино 1; 101 – Никулино 2; 102 – Никулино 3; 103 – Руднево 1; 104 – Майское 6; 105 – Солodka; 106 – Ветрово; 107 – Скороварово 1; 108 – Скороварово 2; 109 – Сатинка 2; 110 – Крюковка 1; 111 – Крутицы 1; 112 – Крутицы 3; 113 – Супруты; 114 – Супруты 1; 115 – Головинское; 116 – Мишнево 1; 117 – Карьер 2; 118 – Жуково 1; 119 – Коптево 1; 120 – Новые Дольцы; 121 – Николо-Гастунь; 122 – Черногрязка 1; 123 – Цветной Хутор; 124 – Глаголево 1; 125 – Глаголево 2; 126 – Глаголево 3; 127 – Черемисиново 3; 128 – Черемисиново 4; 129 – Большая Рябая 1; 130 – Тула, Сакко и Ванцетти; 131 – Осиновая Гора 2; 132 – Осиновая Гора 3

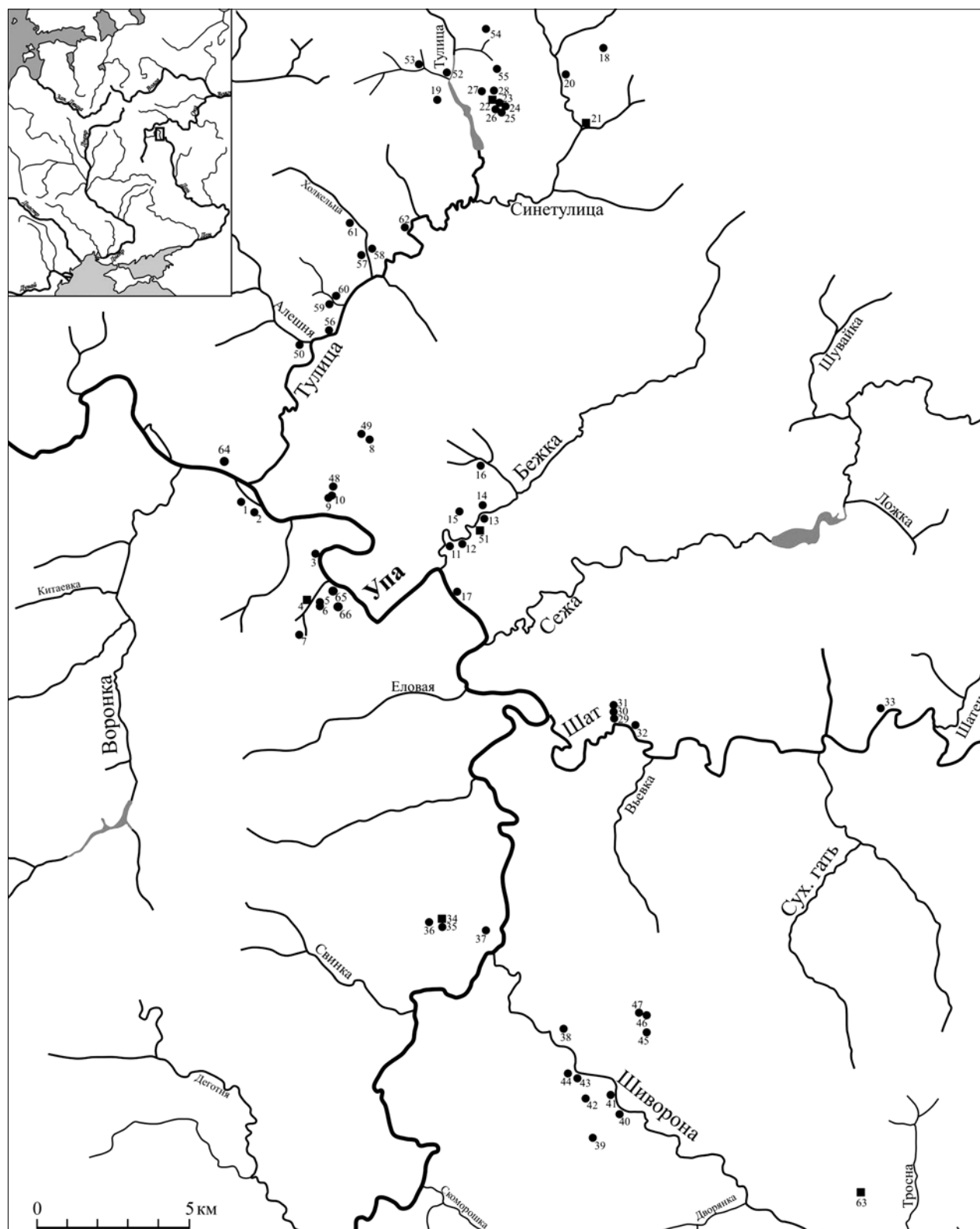

Рис. 7. Памятники типа Уга 2. Центральный ареал (пояснения к рис. см. на следующей странице)

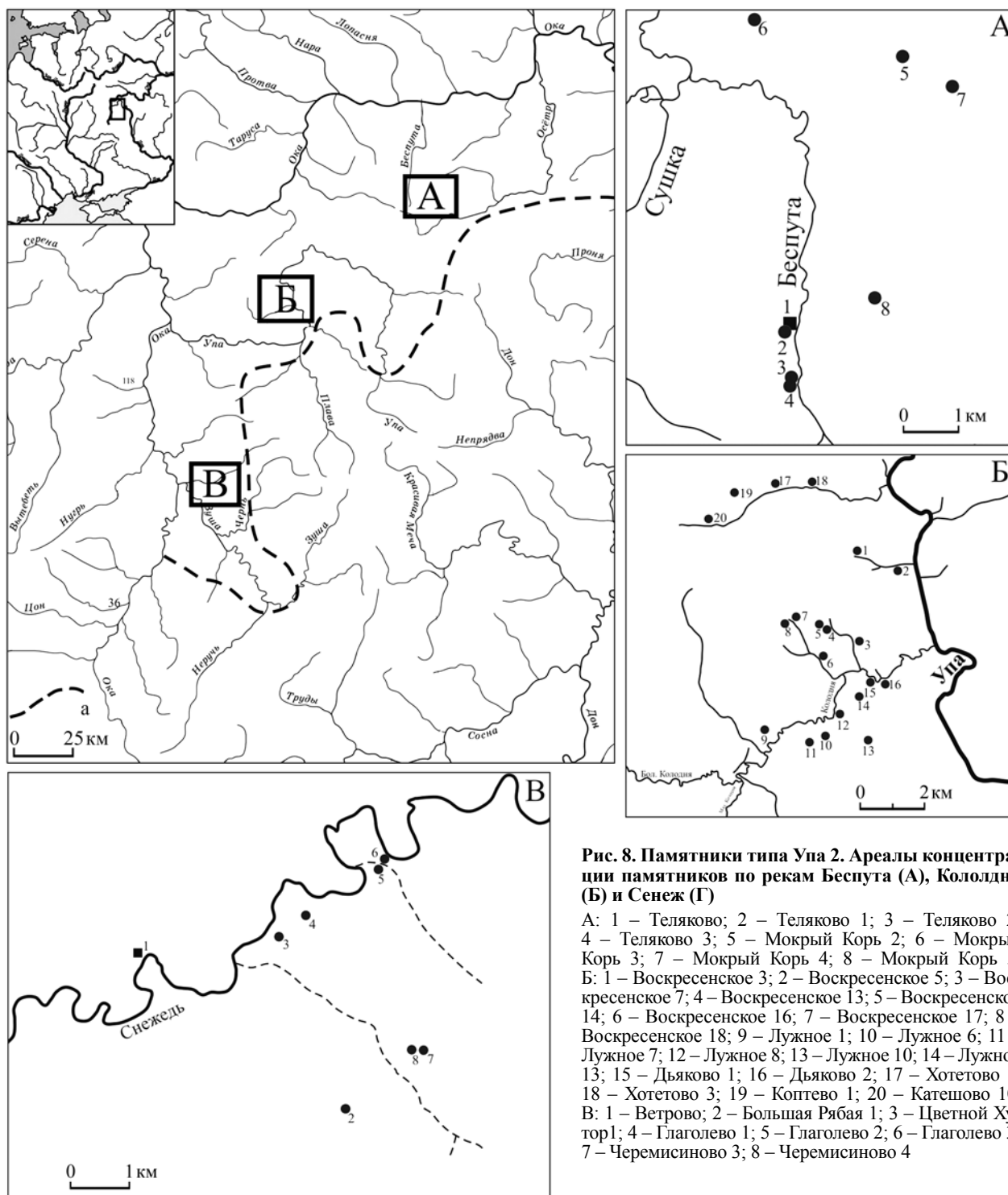

Рис. 8. Памятники типа Упа 2. Ареалы концентрации памятников по рекам Беспуга (А), Колодья (Б) и Сенеж (В)

А: 1 – Теляково; 2 – Теляково 1; 3 – Теляково 2; 4 – Теляково 3; 5 – Мокрый Корь 2; 6 – Мокрый Корь 3; 7 – Мокрый Корь 4; 8 – Мокрый Корь 5. Б: 1 – Воскресенское 3; 2 – Воскресенское 5; 3 – Воскресенское 7; 4 – Воскресенское 13; 5 – Воскресенское 14; 6 – Воскресенское 16; 7 – Воскресенское 17; 8 – Воскресенское 18; 9 – Лужное 1; 10 – Лужное 6; 11 – Лужное 7; 12 – Лужное 8; 13 – Лужное 10; 14 – Лужное 13; 15 – Дьяково 1; 16 – Дьяково 2; 17 – Хотетово 1; 18 – Хотетово 3; 19 – Коптево 1; 20 – Катешово 10. В: 1 – Ветрово; 2 – Большая Рябая 1; 3 – Цветной Хутор 1; 4 – Глаголево 1; 5 – Глаголево 2; 6 – Глаголево 3; 7 – Черемисиново 3; 8 – Черемисиново 4

К рис. 7. Памятники типа Упа 2. Центральный ареал

1 – Тула. Кремль; 2 – Тула, Никитская-Дзержинского; 3 – Упа 2; 4 – Малевка; 5 – Малевка 1; 6 – Малевка 2; 7 – Малевка 3; 8 – Глушана 1; 9 – Тула, Металлургов 1; 10 – Тула, Металлургов 2; 11 – Морозовка 2; 12 – Сеженские Выселки 1; 13 – Бежка 2; 14 – Бежка 6; 15 – Бежка 7; 16 – Высокое 2; 17 – Никитино 2; 18 – Бабанино 3; 19 – Бушево 1; 20 – Синетулица 3; 21 – Торхово; 22 – Страхово; 23 – Страхово 1; 24 – Страхово 3; 25 – Страхово 5; 26 – Страхово 5; 27 – Страхово 6; 28 – Ширино 1; 29 – Красный Хутор 1; 30 – Красный Хутор 2; 31 – Красный Хутор 3; 32 – Марьино 1; 33 – Изрог 3; 34 – Лобынское; 35 – Лобынское 2; 36 – Лобынское 4; 37 – Березовка 1; 38 – Замятино 1; 39 – Хомяковка 2; 40 – Хомяковка 6; 41 – Анненки 1; 42 – Анненки 3; 43 – Анненки 5; 44 – Крутое 1А; 45 – Б. Колмыки 2; 46 – Б. Колмыки 4; 47 – Б. Колмыки 5; 48 – Деменьтьевы 1; 49 – Щегловский монастырь 1; 50 – Октябрьский 1; 51 – Бежка 1; 52 – Долматовка 5; 53 – Долматовка 6; 54 – Кисленка 6; 55 – Кисленка 8; 56 – Новомедвенка 1; 57 – Ивановка 1; 58 – Ивановка 2; 59 – Ивановка 3; 60 – Ивановка 6; 61 – Архангельское 1; 62 – Молодежный 1; 63 – Дедилово (Старое городище); 64 – Тула, Сакко и Ванцетти; 65 – Осиновая Гора 2; 66 – Осиновая Гора 3

К этой же группе можно отнести выявленные при спасательных работах в г. Тула участки культурного слоя на территории Кремля и на пересечении улиц Никитская и Дзержинская, вероятно, относящиеся к одному селищу. Максимальное удаление селищ от городища и здесь не превосходит 4 км. На противоположной стороне р. Упы (правобережье), при устье р. Тулица, на ее левобережье, выделяется группа из городища Бежка и четырех селищ – Морозовка 2, Сеженские Выселки 1, Бежка 2, Никитино 2. Максимальное расстояние в расположении селища от городища не превышает 4 км. На правобережье Тулицы можно отметить группу из восьми селищ, расположенных в радиусе 4 км друг от друга – Бежка 6–7, Высокое 2, Глушана 1, ул. Metallургов 1–2, ул. Дементьева и Щегловский монастырь. Ниже по течению Упы, на правобережье ее притока р. Шат, «гнездо» селищ составляют четыре поселения (Красный Хутор 1–3 и Марьино 1), которые находятся на расстоянии, не превышающем один километр. Три селища (Лобынское 2, 4 и Березовка 1) и одно городище Лобынское образуют еще одно «гнездо» поселений в верховьях р. Упы. Селища Лобынское 2–4 находятся в непосредственной близости от городища, а селище Березовка 1 всего в 1,5 км от них. В бассейне р. Шиворона (правый приток Упы) известны еще две группы поселений. Одна группа из шести селищ (Хомякова 2, 6, Анненки 1, 3, 5, Крутое 1А) находится на ее левобережье, другая из четырех селищ (Замятино 1, Б. Калмыки 2, 4–5) на правобережье. И в том и другом случае селища располагаются друг от друга на расстоянии не более чем 3 км. На р. Колодня, (левый приток Упы, вниз по ее течению) в радиусе 6 км, в районе деревень Лужное, Воскресенское и Дьяково, сконцентрировано 16 селищ (рис. 8, Б) – Воскресенское 3, 5, 7, 13, 14, 16–18, Лужное 1, 6–8, 10, 13, Дьяково 1–2. На расстоянии 4 км к северу от них находится еще одна группа из четырех селищ – Хотетово 1, 3, Коптево 1 и Катешево 10. Последнюю группу можно отметить в бассейне р. Зуша, на левобережье ее притока р. Снежедь (рис. 8, В). Там «гнездо» поселений образуют семь селищ (Большая Рябая 1, Цветной Хутор 1, Глаголево 1–3, Черемисиново 3–4), расстояние между которыми около 4–5 км.

Таким образом, исходя из уровня археологической изученности региона, на данный момент можно выделить 13 «гнезд» поселений, образующих, как правило, одно городище и ряд селищ. Количество последних может превосходить десяток, хотя известны случаи, когда «гнездо» состоит исключительно из открытых поселений. Расстояние между

поселениями не превышает 6 км, что составляет, видимо, зону их хозяйственного освоения. Сами «гнезда» поселений, протянувшись с севера-востока на юго-запад региона, в зоне наибольшей археологической изученности, находятся на расстоянии друг от друга до 15 км.

Из 132 памятников имеется только 16 городищ, которые имеют слои горизонта Упа 2. Возведение укреплений трех из них можно уверенно связать со временем раннего железного века: городища Страхово, Малевка и Лобынское (рис. 9). На первых двух известен только слой раннего железного века, на последнем встречаются материалы и позднего средневековья XV–XVII вв., но система укреплений городища, не характерная для этого времени, позволяет сделать вывод об их сооружении в раннем железном веке и связать их возведение с первыми поселенцами. Для городищ Супруты, Торхово, Борисово достоверно известно, что их оборонительные укрепления в виде валов и рвов были созданы в более позднее время.

Исходя из предложенной нами выше типологии для укрепленных поселений верхнеокской культуры, можно выделить следующие типы городищ данной группы памятников (рис. 10, А).

Второй тип – «межовражные» городища, расположенные на коренном берегу притоков Оки и р. Упы (реки Крушма, Тулица, Беспута) между двумя оврагами, с высотой над водой до 40 м и площадью до 5000 кв. м (Лобынское, Лукерьино, Страхово, Теляково) – 4 памятника (26,7%).

Третий тип – городища, расположенные на мысу при слиянии двух рек (реки Шат, Вашана, Упы, Синетулица), с высотой над водой до 30 м и площадью свыше 5000 кв. м (Никулино, Супруты, Торхово, Юрцово) – 4 (26,7%).

Четвертый тип – городища, расположенные на мысу коренного берега (притоков Оки и их притоков – рек Бежка, Снежедь, Крушма, Выпрейка), с высотой над водой до 40 м и площадью до 5000 кв. м (Бежка, Ветрово, Картавцево, Мосолово) – 4 (26,67%).

Пятый тип – городища, расположенные на мысу, образованном коренным берегом реки или ручья (притоков Оки или Упы – рек Дедиловка, Беспута) и долиной оврага, с высотой над водой до 30 м и площадью до 5000 кв. м (Борисово, Дедилово, Малевка) – 3 памятника (20%).

Если исходить из размеров площадок городищ (для анализа пригодны материалы 12 памятников), первое место (58,3%) занимают городища площадью от 2000 и до 5000 кв. м. Городища площадью до 2000 кв. м и свыше 5000 кв. м представлены

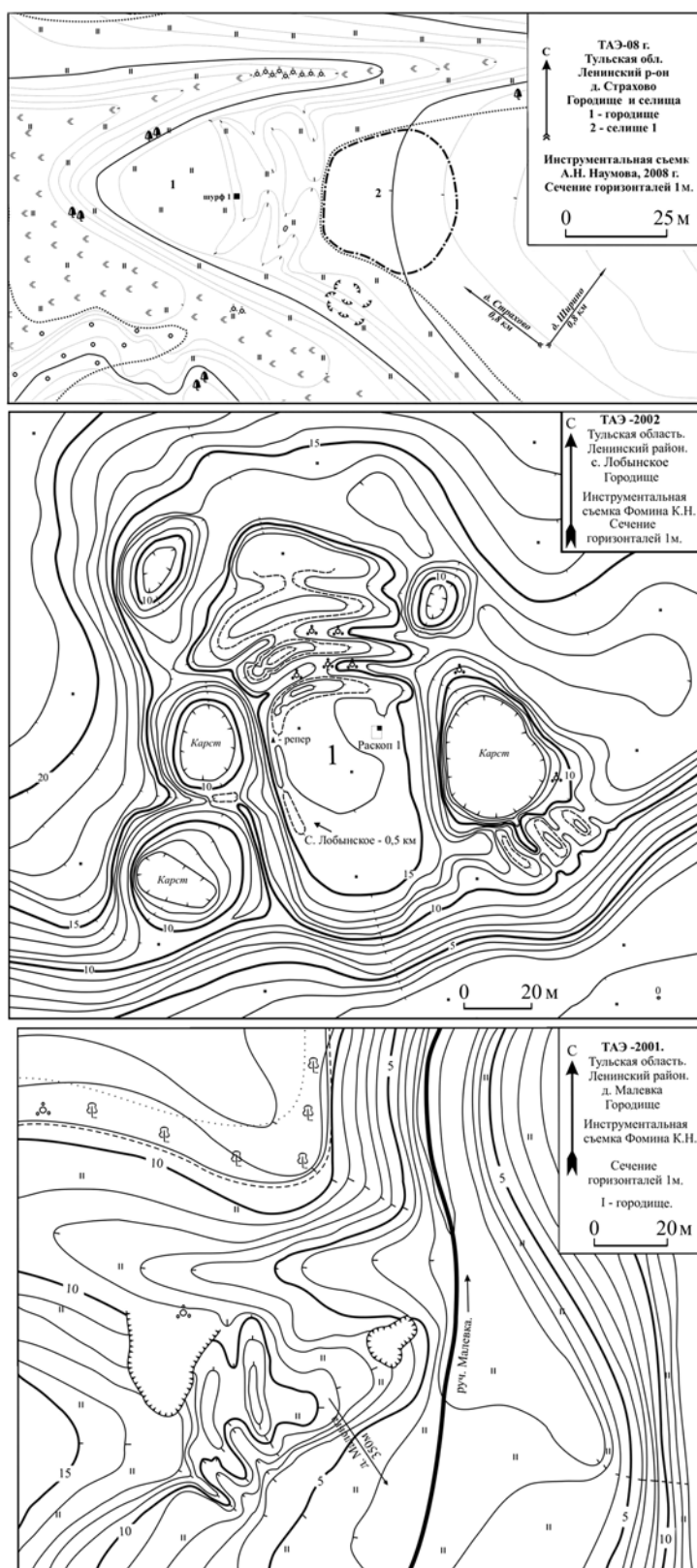

Рис. 9. Топографические планы городищ памятников типа Уфа 2

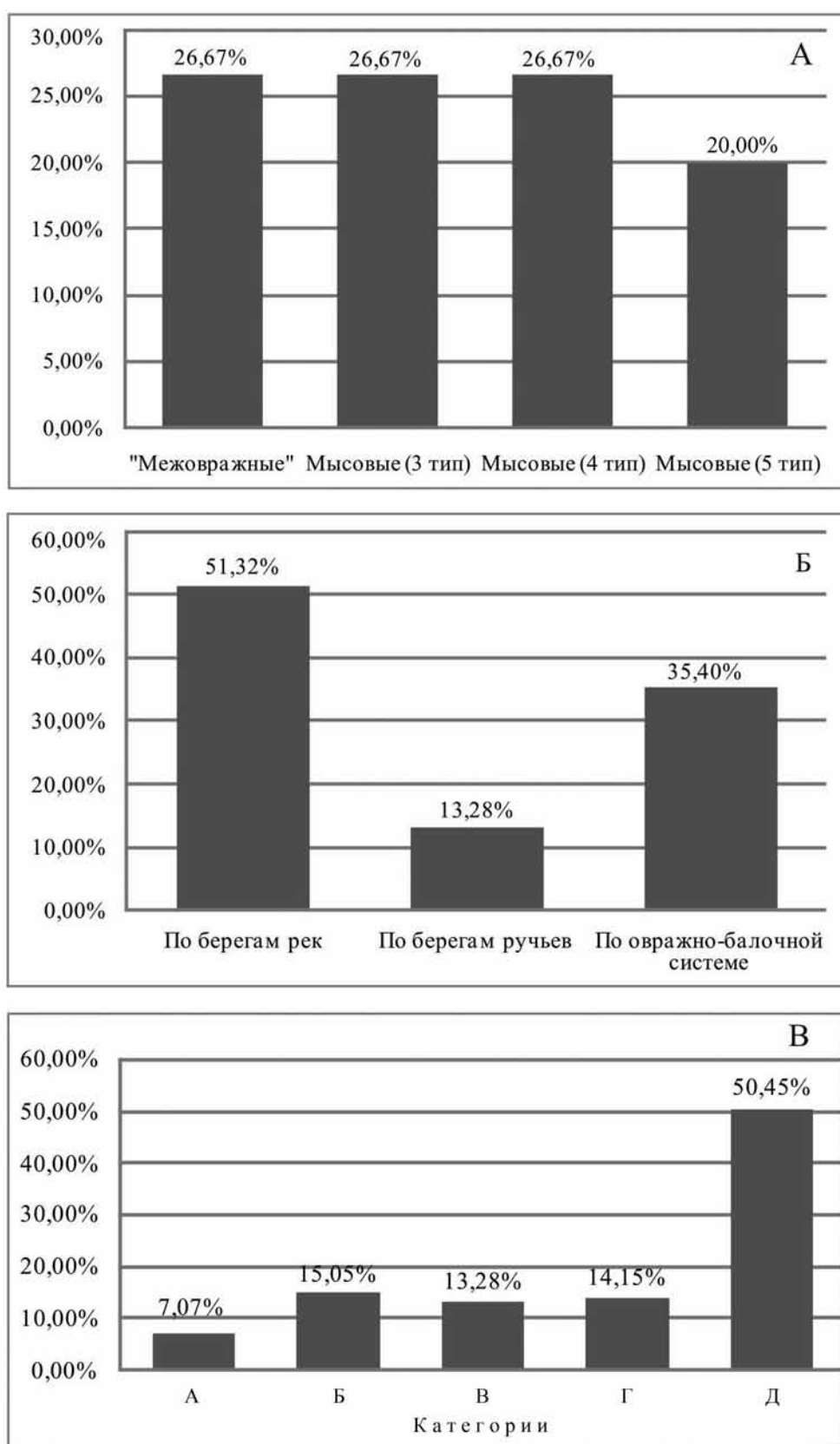

Рис. 10. Классификация городищ (А) и селищ (Б–В) памятников типа Упа 2

А – 0–2000 кв. м; Б – 2000–6000 кв. м; В – 6000–10 000 кв. м;
 Г – 10 000–20 000 кв. м; Д – 20 000–30 000 кв. м и больше 100 000 кв. м

приблизительно равнозначно – 26% и 16,7% соответственно. Учитывая высоту площадки городища над поверхностью воды в реке, можно сделать вывод, что практически половина из них располагается на относительно невысоких мысах (до 20 м).

Принимая во внимание небольшой объем материала, классификация укрепленных поселений на данном этапе исследования преждевременна. Можно лишь отметить, что укрепленные поселения располагались в укромных, защищенных природными условиями местах, вдали не только от Оки, но и ее притока р. Упа, по берегам мелких притоков третьего-четвертого порядка и даже ручьев.

Классификация селищ типа Упа 2 проведена на базе 113 памятников. Ввиду того, что поселения типа Упа 2 характеризуются несколько иными в топографическом плане условиями расположения на местности, чем селища верхнеокской культуры, применение выделенных для последних пяти ландшафтных типов не представляется целесообразным. Учитывая приуроченность селищ типа Упа 2 к конкретным природным условиям на местности можно выделить три ландшафтных типа, каждый из которых подразделяется в свою очередь на два-три подтипа (рис. 10, Б).

Тип I – селища, расположенные по берегам рек, как Оки (только два памятника – поселение Жуково и селище Черногрязка), так и ее притоков второго (реки Упа, Крушма, Беспута, Тросна), третьего (реки Колодня, Глушана, Тулица, Вера, Малевка, Упка, Шиворона, Бежка) и четвертого порядка (р. Снежедь) – 58 памятников (51,3%). Подтипы: 1) на плато коренного берега реки с высотой над поверхностью воды в среднем от 3–5 до 40 м – 38 шт. (65,5%); 2) на мысу, при впадении реки и ручья; 3) или долины оврага, по которой протекает ручей, с высотой над поверхностью воды в среднем от 5–7 м до 25 м – 16 (27,6%); 4) на плато коренного берега реки, между двумя оврагами с высотой над поверхностью воды в среднем от 4 до 40 м – 4 памятника (6,9%).

Тип II – селища, расположенные по берегам ручьев (часто безымянных) – притоков Оки: притоки второго (руч. Злакома) и пятого порядка – Халкенец, Алешня – 15 шт. (13,3%). Подтипы: 1) на берегу ручья с высотой над поверхностью воды в среднем от 2–5 м до 20 м – 13 памятников (86,6%); 2) на берегу ручья, при его впадении в реку, с высотой над поверхностью воды до 16 м – 2 памятника (13,4%).

Тип III – селища, расположенные по овражно-балочной системе, где овраги впадают в реки Шиворонь, Упа, Бежка, Снежедь, Колодня

и т. д. – 40 памятников (35,4%). Подтипы: 1) в верховьях оврагов с высотой над ложем оврага в среднем до 30 м – 16 (40%); 2) по берегам оврагов с высотой над ложем оврага в среднем до 25 м – 22 (55%); 3) недалеко от впадения в овраг ручья или впадения самого оврага в реку с высотой над ложем оврага в среднем до 20 м – 2 памятника (5%).

Исходя из размеров неукрепленных поселений нами выделено пять категорий селищ (рис. 10, В).

А – площадью до 2000 кв. м – 8 памятников. (7%).

Б – площадью 2000–6000 кв. м – 17 (15%).

В – площадью 6000–10 000 кв. м – 15 (13,3%).

Г – площадью 10 000–20 000 кв. м – 16 (14,2%).

Д – площадью 20 000–30 000 кв. м и свыше 100 000 кв. м – 57 (50,5%).

Таким образом, доминирующим типом было довольно крупное селение площадью 20 000–30 000 кв. м, и даже превышающее 100 000 кв. м, как, например, селища Воскресенское 7, 13, 18 Черногрязка, Анненки 5, Березовка 1 и Ивановка 2, 3. Поселения площадью менее 2000 кв. м (ул. Металлургов 1, Чегодаево 1, Страхово 3–5) встречались редко. В то же время нужно отметить, что поселки площадью от 2000 до 20 000 кв. м в совокупности составляют чуть менее половины от общего количества анализируемых селищ. Если рассмотреть категории селищ в контексте их пространственного расположения в виде «гнезд», выявляется определенная закономерность: в каждой группе наряду с небольшими по площади селищами (до 20–30 тыс. кв. м) обязательно присутствует одно-два поселения крупных размеров (30–50, а иногда и свыше 100 тыс. кв. м), как, к примеру, селища Теляково 1 (53,4 тыс. кв. м) и Мокрый Корь 4 (65,2 тыс. кв. м), Долматовка 5 (70 тыс. кв. м), Ивановка 3 (142,5 тыс. кв. м) и Ивановка 6 (45 тыс. кв. м), Дементьева 1 (37,5 тыс. кв. м) и Щегловский монастырь 1 (34,5 тыс. кв. м), Упа 2 (33,6 тыс. кв. м), Бежка 6 (46,7 тыс. кв. м) и Бежка 7 (73,3 тыс. кв. м), Березовка 1 (100 тыс. кв. м), Хомяковка 6 (112,5 тыс. кв. м) и Анненки 5 (108 тыс. кв. м), Воскресенское 7 (125 тыс. кв. м) и Воскресенское 18 (180 тыс. кв. м), Глаголево 1 (54 тыс. кв. м). Возможно, такие крупные по площади селища могли играть роль племенных центров. Однако реальные границы поселений были, вероятно, меньше, чем установленные по распространению подъемного материала на часто распахиваемом культурном слое. При этом селища могли располагаться как на возвышенных участках, по берегам рек (с высотой над водной поверхностью до 40 м) или по берегам оврагов (с высотой над их ложем до 30 м), так и на относительно не высоких берегах ручьев (высотой до 20 м над уровнем воды).

Топография памятников типа Упа 2, доминирование среди них неукрепленных поселений (они составляют почти 90% всех известных памятников этого типа) не характерны для памятников раннего железного века Европейской части России. По-видимому, главную роль в выработке новых принципов расселения в бассейне р. Упа (где грунтовые воды залегают неглубоко и заметна тенденция к расположению поселений ближе к воде) сыграл фактор, связанный, в первую очередь, с изменением климата около рубежа нашей эры – снижением влажности и, как следствие этого, понижением уровня грунтовых вод и усилением обезвоживания почвы (Арион, Башкатов, Обломский, Терпиловский, 2010. С. 99, 100). Население, пришедшее на правобережье Оки, предпочитало селиться в глухих, отдаленных от центральной водной артерии и лесостепного пограничья местах. Видимо, отчасти это было связано с повышенным режимом внешней опасности. Размеры селищ поистине огромны и порой превышают сотни тысяч квадратных метров. Такая особенность в размерах поселений была отмечена А.К. Амброзом для III этапа почепской культуры (собственно почепской культуры по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому) (Амброз, 1964. С. 65). Укрепления на поселениях, сооружение которых требовало значительных людских ресурсов, а использование – длительной оседлости, возводиться практически перестали. Подобное явление известно по материалам позднезарубинецких памятников лесостепного Поднепровья и Подонья («Позднезарубинецкие...», 2010).

Детальное рассмотрение систем расселения на территории бассейна верхней Оки позволяет сделать ряд выводов относительно динамики его освоения во времени. Первоначально, в VI–III вв. до н.э., осваивалось преимущественно левобережье верхней Оки носителями верхнеокской культуры. В последние века I тысячелетия до н.э., с началом первых миграций, захлестнувших и территорию «лесных» культур Европейской части России, выработались совершенно новые принципы расселения. Носителями культурных традиций, представленными памятниками типа Упа 2, начинается освоение верхнеокского правобережья, т.е. территории Окско-Донского водораздела, причем юго-восточная граница распространения этих памятников в целом соответствует южной кромке лесной зоны.

Территория между ареалами верхнеокской и городецкой культур, по крайней мере на отрезке VI–III вв. до н.э., предстает «белым пятном», в котором для этого времени известны только два памятника археологии раннего железного века,

имеющие хорошие датировки – городище у д. Сатинка и поселение 1 у д. Жабынь. Вероятно, такая ситуация должна объясняться с позиции пограничья леса и степи, где было небезопасно селиться уже с эпохи бронзы вплоть до позднего средневековья. В то время существовала сухопутная дорога, ведущая из лесостепи в глубь лесной зоны через территорию Окско-Донского водораздела – так называемый Муравский шлях («Книга Большому чертежу», 1950), который «фактически представлял собой просто наиболее удобное для конных отрядов направление движения через водораздельные участки от Крыма до Оки» (Воронцов, 2008. С. 4). Вероятно, этот путь существовал, по крайней мере, на некоторых участках и в более ранние периоды.

Подобное явление известно для территории по водоразделам рек Дон, Хопер и Ока, отделяющей обширный ареал городецкой культуры (к северо-востоку от Среднего Подонья – тиссагеты Геродота) от страны донских будинов и в полной мере соответствующей названию «пустыни» у Геродота. Как отмечает А.П. Медведев, «за многочисленные разведки 80–90-х годов XX в. там не удалось обнаружить не только сколько-нибудь значительного массива поселений скифского времени, но даже и погребений» (Медведев, 1999. С. 47). Возможно, выявленное «белое пятно» является продолжением той пустынной территории – еще один участок функционировавшей сухопутной дороги конных воинов или часть знаменитого торгового пути, описанного Геродотом (Хреков, 2008. С. 347). Если учесть, что в землях тиссагетов, по Геродоту, есть источник Танаиса – большое озеро, которое отождествляли с одним из водоемов окрестностей г. Тула (Рассадин, 2005. С. 191) (Иван-озеро), то указанная Геродотом «пустыня» четко соотносится с выявленным «белым пятном». По мнению С.Е. Рассадина, упомянутое нами Сатинское городище, которое, видимо, не случайно выпадает из ареала верхнеокской культуры и памятников типа Упа 2, играло роль важного транзитного пункта на обозначенном торговом пути (Рассадин, 2005. С. 143, 144), что было подмечено ранее К.А. Смирновым (1991). Именно этот путь в V–III вв. до н.э. обеспечивал контакты дяковских племен с лесостепью и скифоидной культурой среднедонских племен (Крис, 1981. С. 180; Смирнов, 1991. С. 59).

Подобные культурные явления должны, безусловно, способствовать более четкому пониманию проблем освоения территорий не только с позиции контактных зон и наложения культурных ареалов, но и существования на определенных этапах (ввиду различных политических, климатических и др. причин) незаселенных участков.

Литература

- Арион О. В., Башкатов Ю. В., Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2010. У истоков славянства // Позднеславянские памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.). М. (Раннеславянский мир. Выпуск 12).
- Александровский А. Л., Гласко М. П., 1993. Природные условия эпохи бронзы и раннего железного века в бассейне верхнего Дона // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула.
- Александровский А. Л., Гласко М. П., 1996. Отчет о комплексных палеогеографических исследованиях на памятниках археологии Тульской области по федеральной программе «Сохранение археологического наследия Российской Федерации» // Архив ГМЗКП. № 147. Тула.
- Амброз А. К., 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА. № 1.
- Археология Калужской области. Калуга, 1999.
- Булычев Н. И., 1899. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М.
- Воеводский М. В., Герасимов М. М., Третьяков П. Н., 1941. Тульская область // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1935 гг. М.–Л.
- Воронцов А. М., 2000. Этнокультурная ситуация в раннежелезном веке и раннем средневековье на территории Окско-Донского водораздела (по материалам раскопок в Тульской области) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.
- Воронцов А. М., 2008. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время / Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- География Калужской области. Тула, 1989.
- Гусаков М. Г., 2004. Классификация городищ дьяковской культуры // Археология Подмосковья. М.
- Гусаков М. Г., 2005. Поселения дьяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений древних обществ / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Дерендяев Д. С., 2001. Типология ананьинских городищ Прикамья // Материалы XXXIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Ижевск.
- Дробушевский А. И., 2011. Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже нашей эры // ГАЗ. № 26. Минск.
- Егорейченко А. А., 1980. Типология городищ Белорусского полесья в раннем железном веке // КСИА. Вып. 162. М.
- Есипов В. П., 1986. Отчет об археологических разведках в Жиздринском районе Калужской области. 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11552.
- Залидовские луга. Калуга, 2009.
- Изюмова С. А., 1967. О бронзолитейном производстве Сатинского городища // СА. № 1.
- Книга Большому чертежу. М., 1950.
- Красницкий Л. Н., 1987. Отчет о раскопках городища Торкуновка в Мценском районе Орловской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12020.
- Красницкий Л. Н., 1989. Городища верхнеокской культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга.
- Красницкий Л. Н., 2001. Ранняя этническая история Орловского края // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Ч. I. Калуга.
- Красницкий Л. Н., 2004. Типология и датировка городищ лесной полосы Орловской области // Деснинские древности. Брянск.
- Красницкий Л. Н., Минаков А. С., 2005. Археологическое прошлое национального парка «Орловское полесье» (Итоги и перспективы исследований) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Матер. XI Всероссийской науч. конфер. Калуга.
- Краснов Ю. А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы во II тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М.
- Краснощекова С. Д., Красницкий Л. Н., 2006. Археология Орловской области. Орел.
- Крис Х. И., 1981. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ // СА. № 1.
- Медведев А. М., 1996. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетии до н. э. – V в. н. э.). Минск.
- Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.
- Моруженко А. А., 1985. Городища лесостепных племен днепро-донского междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. № 1.
- Наумова Т. В., 2000. Многослойное поселение Жабынь-1 на верхней Оке (Предварительные итоги историко-археологических исследований 1994–1996 гг.) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.
- Нейштадт М. И., 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.
- Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. М.

Никольская Т. Н., 1962. Городище у д. Николо-Ленивец (раскопки 1954–1958 гг.) // СА. № 1.

Никольская Т. Н., 1964. Археологические раскопки в 1961–1962 гг. в Калужской области // КСИА. Вып. 102. М.

Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.) (Раннеславянский мир. Вып. 12). М., 2010.

Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990.

Прошкин О. Л., 1997. Отчет об археологических исследованиях в Калужской области в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21385.

Прошкин О. Л., 2001. Влияние характера рельефа и почв на заселение Мещовского ополья в эпоху железного века // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Матер. VIII региональной науч. конфер. Калуга.

Рассадин С. Е., 2005. Северный соседи Великой Скифии. Минск.

Сарапулкина Т. В., 2006. Городища городецкой культуры в Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж. Вып. 12.

Сарапулкина Т. В., 2010. Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Смирнов К. А., 1991. К вопросу о торговых связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. № 4.

Спицын А. А., 1903. Сведения о городищах и курганах // ИАК. СПб. Вып. 5.

Столяров Е. В., 2011а. К вопросу о культурной ситуации в Верхнем Поочье на рубеже эр // Уч. зап. Курского гос. универ. (Эл. науч. журнал). Курск. № 3 (20). Т. 1. <http://scientific-notes.ru/pdf/021-003.pdf> 0421100068\0107.

Столяров Е. В., 2011б. К вопросу о культурной ситуации в бассейне верхней Оки в эпоху раннего железного века // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. – М. – Великий Новгород. Т. 1.

Столяров Е. В., 2011в. Классификация поселений верхнеокской культуры (к разработке вопроса) // Природа и история Поугорья. Калуга. Вып. 6. Физическая география и природа Калужской области. Калуга, 2003.

Фролов И. К., 1985. Изучение археологической структуры микрорегиона // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М.

Хреков А. А., 2008. «Скифский логос» Геродота и население лесостепного Прихоперья в раннем железном веке // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. VI. Саратов.

Четыркин И. Д., 1903. Следы древнейших обитателей Калужского края // Известия КУАК. 1902 г. Калуга.

Шадыро В. И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. М.

Шмидт Е. А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепр-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.

E.V. Stolyarov

The opening-up of the Upper Oka Basin in the Early Iron Age (6th century BC – 1st century AD)

Summary

The left bank of the Upper Oka was opened up by the bearers of the Upper Oka archaeological culture in the Early Iron Age, i.e. in the 6th – 3rd centuries BC, while the right bank remained uninhabited. The late

1st millennium BC saw the opening-up of the right bank of the Upper Oka by the bearers of cultural traditions represented by the newly identified group of sites of the Upa 2 type.

А. С. Сыроватко, В. В. Сидоров, Е. А. Клещенко, А. А. Трошина

Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями

Могильнику Лужки Е не повезло ни со своевременностью и полнотой публикации, ни с сохранностью коллекции – большая ее часть погибла из-за проволоочек со сдачей на музейное хранение, и лишь некоторые находки усилиями автора раскопок В. В. Сидорова оказались в Каширском краеведческом музее. Самой яркой находкой является урновое погребение, сохранившееся в фондах музея вместе с содержимым. Помимо урны, в экспозиции музея представлены отдельные находки, в том числе пуговицы и бусы. Часть находок способна, на наш взгляд, прояснить некоторые детали погребального обряда, а также вопрос с датировкой могильника. Публикации этих находок и посвящена наша работа.

Всего в Лужках было обнаружено две урны, урна из погребения 11 была повреждена распашкой и настолько плохо обожжена, что рассыпа-

лась при извлечении ее заполнения. Публикуемая урна из погребения 10 – единственная сохранившаяся. В обеих урнах заполнение имело довольно сложную структуру – песок и угольки в нижней части, кости в верхней, оплавленные бусы – поверх костей (Сидоров, 1993. С. 6; 2004. С. 48). В урне из погребения 10 было три бусины – голубая с легким огранением под куб, зеленая овальная и фиолетовая. Под урной лежали две шарообразные фиолетовые бусины и несколько в стороне – голубая глухого стекла. Еще ниже, на глубине 26 см от дна урны был найден фрагмент белоглиняной гончарной крышки котла (другие фрагменты этой же крышки обнаружены в погребении 9 и заполнениях ровиков).

Обратимся сначала к урне (рис. 1). Это небольшой сосуд (высотой 8,5 см и диаметром по венчику около 10 см) с расширением в верхней трети и отогнутым наружу краем. Край венчика орнаментирован грубыми вдавлениями, дополнительный элемент орнамента – мелкие парные наколы по венчику, всего три пары (Сидоров, 1993. С. 6). Сосуд неряшливо сформован, на поверхность выступают крупные зерна примеси – шамота (или плохо промешанной глины). Внешне он отличается от тонкостенных сосудов-приставок и урны из Щурово, к тому же содержавших в тесте мелкую дресву, но некоторое сходство в профилировке с некоторыми щуровскими экземплярами все же есть (Сыроватко, Клещенко, Добровольская, 2012. Рис. 10). Такой сосуд по характеру теста и профилировке больше чем щуровские подходит под определение «боршевского», хотя точную аналогию такой профилировке найти сложно (Винников, 1984. Рис. 5, 15; 12, 4, 17). Нечто близкое, насколько можно судить по публикации, было найдено

Рис. 1. Урна из могильника Лужки Е из фондов Каширского музея. (См. цв. вкл.)

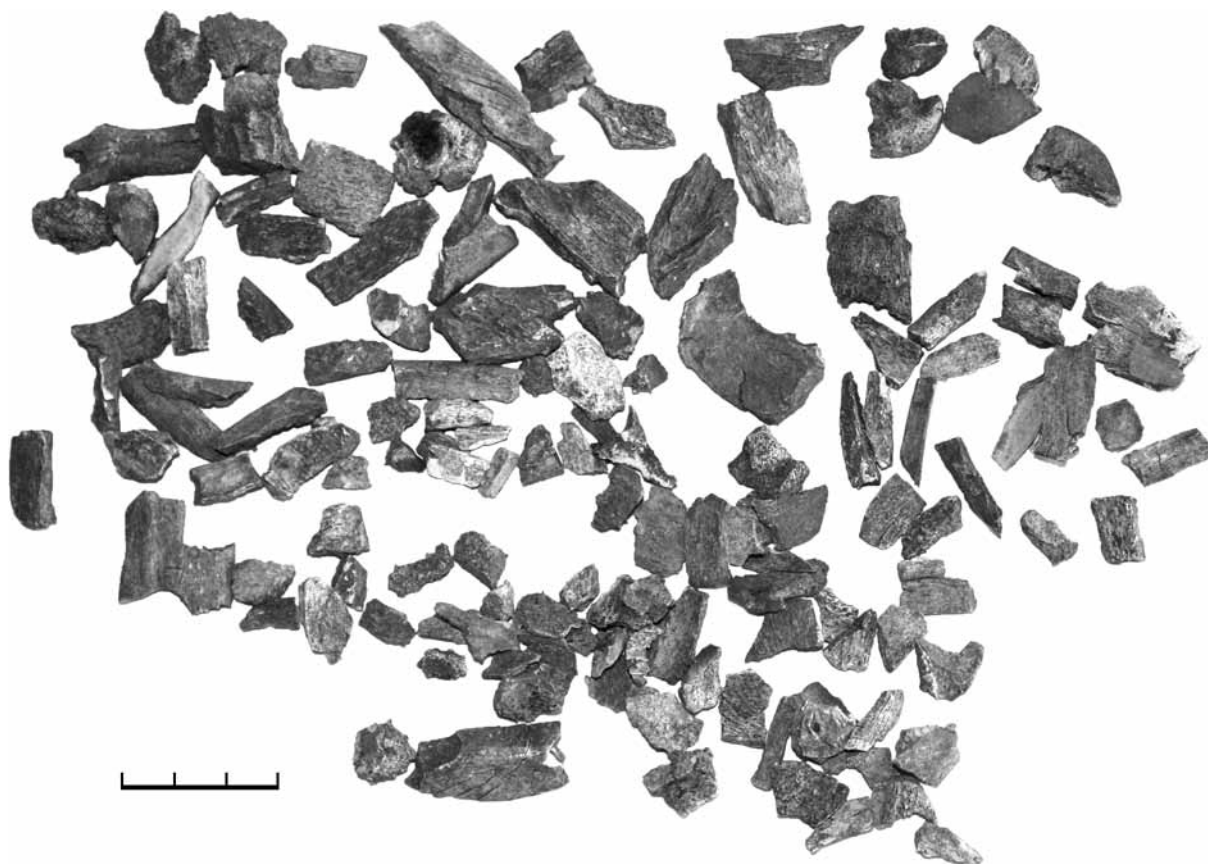

Рис. 2. Кости из урны. Могильник Лужки Е

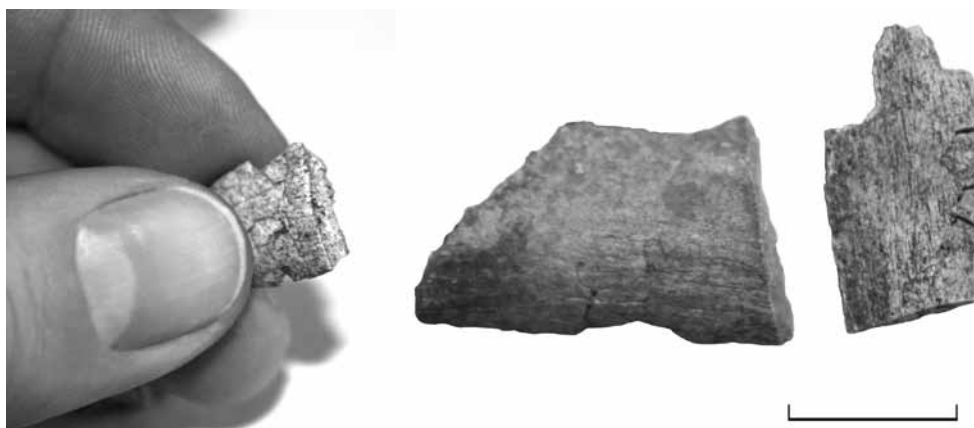

Рис. 3. Фрагменты костей со следами разрубов. Могильник Лужки Е

в курганах с кремациями в могильнике Западная (Никольская, 1981. Рис. 12, 12–13).

В урне из могильника Лужки Е находились фрагменты костной ткани одного индивида, мужчины 20–40 лет (рис. 2). Костные останки серого цвета, средний размер фрагментов – 2–3, иногда до 5 см. Температура сожжения – 450–750° С. Фрагменты плечевой, трубчатых костей, а также фрагмент ребра имеют следы разрубов до со-

жжения, следы заживления отсутствуют (рис. 3), что говорит либо о предсмертном ранении, либо о посмертном расчленении тела. Общая масса останков составляет 83,65 г, то есть, в урну была помещена лишь небольшая часть останков. Отметим, что нами проанализированы те кости, которые сохранились в урне к настоящему времени.

Важной деталью является сравнительно низкая температура кремации, что встречается в

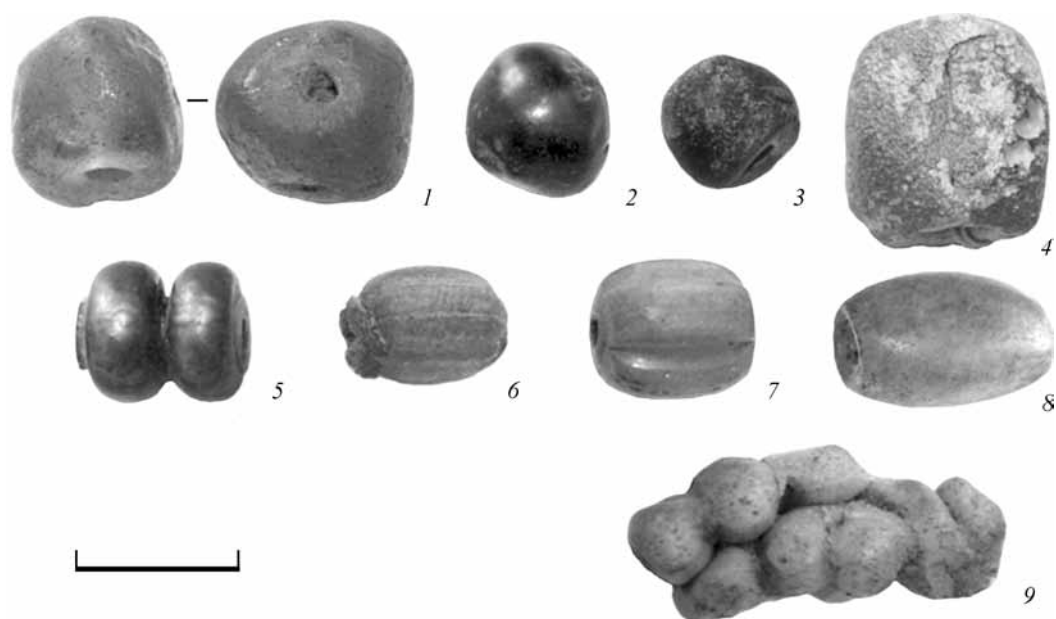

Рис. 4. Стекланные бусы могильника Лужки Е из раскопок В.В. Сидорова. (См. цв. вкл.)

Щуровском могильнике и в Соколовой Пустыни значительно реже, чем высокая (более 750°). Отчасти это может объясняться положением тела «под дровами», когда покойник располагается на земле и обкладывается горячим материалом. На Щуровском могильнике эта деталь погребального обряда стала отличительной чертой ранних погребений из «домиков мертвых» и единственного урнового (Сыроватко и др., 2012). Любопытно, что на костях урнового погребения Щурово есть и следы разрубов. Следы травм встречены у индивида из домика мертвых (Сыроватко, Клещенко, Добровольская, 2012).

В кремациях Лужковского могильника, а также в слое вне погребений были сделаны находки, часть из которых сохранилась в музее. Все они в целом весьма характерны – по аналогии со Щурово – для грунтовых кремаций. Это оплавленные бусы и предметы из цветных металлов (рис. 4; рис. 5). Некоторые из металлических находок находят прямые аналогии в Щурово, например, колокольчик из погребения на настиле (в Щуровском могильнике известен один похожий предмет) и пуговицы (рис. 5, 1, 2, 4). В Щурово пуговицы встречены в погребениях, сосредоточенных в северной части могильника.

Бусы в большинстве своем сильно оплавлены (рис. 4). Все сохранившиеся бусы монохромны, однако коллекцию отличает разнообразие форм

и цвета¹. В коллекции сохранились две цилиндрические рубчатые бусины (рис. 4, 6, 7; четвертая подгруппа группы VIII по З.А. Львовой) голубого и грязно-белого (?) стекла (Львова, 1968, С. 88, 89). Они встречаются в Бирке, на городище Княжая гора (однако там она более темная и крупная – высота 16 мм, диаметр 12 мм) (Доброва, Торопов, 2009, С. 277). Авторы публикаций датируют их IX–X вв., склоняясь к верхнему пределу интервала. Имеются аналогии на поселениях Гнёздово и Хачёво, для них предложена дата X–XI (Френкель, 2007, С. 80; Еремеев, Дзюба, 2010, С. 285).

Яркой находкой является двухчастная пронизь, с серебряной прокладкой и желто-коричневым слоем покровного стекла (рис. 4, 5) – VIII группа, подгруппа 1 по З.А. Львовой (1968, С. 82–85). Судя по глубоким перехватам и малому количеству частей, она является сравнительно поздним экземпляром, относящимся ко второй половине IX–X в. Подобные бусы есть в Гнёздовском могильнике, Новгороде, преимущественно в слоях X–XI вв., в западных районах Восточной Европы, встречаются в Лядинском и Томниковском могильниках и Владимирских курганах. На селище Хачёво имеется такая же форма, но желтого глухого стекла (Еремеев, Дзюба, 2010, С. 285).

Два экземпляра бус изготовлены из тянутых стеклянных палочек винного и голубого прозрач-

¹ Авторы выражают признательность И. Н. Кузиной (ИА РАН), консультировавшую нас при работе с находками из стекла.

ного стекла (рис. 4, 1, 2; IX группа по З.А. Львовой). В Старой Ладоге они встречаются в слоях IX–X вв., однако преобладают в X в. Бусина «винного стекла» имеет аналогии в Бирке и Салтовском могильнике (Львова, 1968. С. 90).

В коллекции сохранилась также бусина молочно-белого стекла (рис. 4, 8) и пять экземпляров сильно оплавленных бус, не поддающихся однозначному определению. Среди них – скопление оплавленных бус желтого глухого стекла (рис. 4, 9) и оплавленная пронизь того же цвета, а также оплавленные бусы оттенков голубого цвета (рис. 4, 3, 4).

Как видим, серия невелика, но предварительную датировку можно дополнительно уточнить за счет двух экземпляров из уже упоминавшейся коллекции раскопок 2011 г.² Одна из них – продольно-полосатая трехчастная пронизь (оплавлена), полосы которой имели, вероятно, красно-коричневый и желтый цвета. Это очень популярный тип орнамента для X–XI вв., и аналогии этим бусам многочисленны. В Старой Ладоге они встречены в горизонте Д (X–XI вв.) (Львова, 1968. С. 85, 86). Преимущественно этот тип бус встречается на памятниках X в. северных и центральных районов Восточной Европы: в слоях середины X – первой четверти XI в. древнего Новгорода (Щапова, 1956. С. 175), селище Хачёво (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 285), на Гнёздовском поселении (Френкель, 2007. С. 82), в Дмитровском могильнике (Плетнева, 1989. Рис. 67. Табл. 6. С. 121–122), в погребениях Бирки (Arbman, 1940. Taf. 121) и вообще на скандинавских памятниках (Callmer, 1977. Col. Pl. III).

Вторая находка – две сплавленные бусины, форма которых не поддается определению в силу сильной деформации. Однако на этих экземплярах угадывается орнамент: бусина темно-коричневого, почти черного, стекла имеет орнамент в виде белых пересекающихся волн и, возможно, красные глазки; вторая бусина желтого глухого стекла тоже украшена красными глазками. Скорее всего, они относятся к подгруппе I группы IV по З.А. Львовой и датируются X–XI вв. (Львова, 1968. С. 75). Аналогии подобным бусам имеются на памятниках Скандинавии, в частности в Бирке (Callmer, 1977. Col. Pl. I), поселениях Хачёво и Гнёздово и в Белоозере (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 285; Френкель, 2007. С. 82; Макаров и др., 2001. Рис. 21, 16; 56, 9–10).

Рис. 5. Пуговицы (1, 2), оплавленный предмет из медного сплава со слитком стекла внутри (3) и колокольчик (4). Могильник Лужки Е

Датировку находок из Лужков можно перепроверить и еще одним способом, путем сопоставления с Щуровским могильником. Находки бус там многочисленны (около 800 экз., в основном, правда, сильно поврежденные), а помимо археологических датировок по аналогиям, существует еще и внушительная серия радиоуглеродных дат (Сыроватко, 2010; Syrovatko et al., 2012. Р. 98–110). Радиоуглеродные даты памятника не всегда однозначны, но образцы, отобранные из закрытых объектов (нижние слои погребений) указывают на IX в. Совокупность естественнонаучных (радиоуглеродных и палинологических) и археологических датировок позволяет датировать грунтовые погребения Щурово в пределах конца VIII – начала X в., но бус, подобных найденным в Лужках, в Щурово нет. Некоторое сходство имеют только серебростеклянная пронизь и «ложнозолоченая» бусина, но характер изготовления Лужковского экземпляра (глубокие перехваты, малое количество частей) указывают на более позднюю дату.

Таким образом, знакомство с коллекцией Лужков позволило выявить своеобразные черты погребального обряда, а также уточнить датировку могильника. Исходя из имеющихся материалов, Лужки видятся нам более поздним, чем Щурово, памятником. В то же время, продолжение раскопок на могильнике может выявить как новые формы кремаций, так и погребения других периодов, подобно тому, как это было в Щурово и в Соколовой Пустыни.

² См. статью А.С. Сыроватко, помещенную в настоящем сборнике.

Литература

- Винников А. З., 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.
- Доброва О. П., Торопов С. Е., 2009. Стекланные бусы городища «Княжая Гора» (Пески 1) под Демьянском. Классификация и хронология // АИППЗ. Вып. 54. Псков.
- Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.
- Львова З. А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладого. Ч. I // АСГЭ. Вып. 10. Л.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Никольская Т. Н., 1981. Земля Вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Сидоров В. В., 1993. Отчет о раскопках в Каширском и Серпуховском районах Московской области. Часть II // Архив ИА РАН. Р-1. № 17982.
- Сидоров В. В., 2004. Первые вятичи на Средней Оке // Археология Верхнего Поочья: материалы VI научной конференции. Калуга.
- Сыроватко А. С., 2010. Радиоуглеродные даты Щуровского могильника // Материалы по истории и археологии России. Вып. 1. Рязань.
- Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., Добровольская М. В., 2012. Урновое погребение Щуровского могильника // АП. Вып. 8. М.
- Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Мальцева А. А., Трошина А. А., 2012. Курган 4 Щуровского могильника – методические подходы и результаты исследования // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3. Тула.
- Френкель Я. В., 2007. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании анализа коллекции стекланных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.
- Щапова Ю. А., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.
- Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. // Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°. № 11. Bonn.
- Arbman H., 1940. Birka, I. Die Gräber. Stockholm – Uppsala.
- Syrovatko A. S., Zaretskaya N. E., Troshina A. A., Panin A. V., 2012. Radiocarbon chronology of the Schurovo burial mound cremation complex (the Viking times, middle Oka river, Russia) // Radiocarbon. Vol. 54. № 3–4. Tuscon.

A. S. Syrovatko, V. V. Sidorov, E. A. Kleshchenko, A. A. Troshina

The Luzhki E cemetery: Some observations on old collections

Summary

Excavations of the Luzhki E cemetery near the town of Serpukhov in the 1990s yielded the first cremation burials in the Moscow Region. The materials were not published and partially lost. The

authors analyze the collection kept at the museum of the town of Kashira and hold that the cemetery should be dated to the mid-10th century AD at the earliest.

А. С. Сыроватко

Новые материалы могильника Лужки Е

Могильник с грунтовыми кремациями в Лужках был первым подобным памятником, открытым на Средней Оке (1980-е). В Щурово первая кремация найдена В. Ю. Ковалем только в 1993 г., погребение в г. Серпухове – в 2006 г., а Соколова Пустынь обнаружена О. Ю. Потёмкиной в 2011 г. (Тавлинцева, 2001; Белорыбкин и др., 2009). Открытия в Лужках не были опубликованы, а самая интересная часть коллекции оказалась утрачена. О сохранившихся находках широкому кругу археологов не было известно. Между тем, в ходе раскопок Щуровского могильника становилось все более очевидным, что необходим сравнительный материал. Сведения, содержащиеся в научных отчетах, нуждались в полевой проверке с учетом опыта, накопленного при работе на других могильниках с кремациями и, в первую очередь, Щуровском. В силу перечисленных обстоятельств было принято решение о возобновлении раскопок Лужковского могильника.

Согласно сведениям В. В. Сидорова, могильник Лужки Е был открыт К. В. Ворониным в 1988 г., раскопки на памятнике В. В. Сидоров вел в 1989 г. и 1993 г. (Сидоров, 1989; 1993). Буквенная нумерация стоянок и селищ была введена местным краеведом А. Н. Воронковым в 1920–30-х годах, но погребения с кремациями им и А. В. Арциховским обнаружены тогда не были – фактически их открыл В. В. Сидоров. Им было вскрыто 240 кв. м (67 кв. м в 1989 г. и 173 кв. м в 1993 г.), часть материалов раскопок опубликована (Сидоров, 2004). Значительная доля коллекции утрачена в 1990-е годы, сохранившаяся – находится в экспозиции Каширского краеведческого музея. Раскопки на памятнике, как и на других селищах и стоянках Лужков, являлись охранными и предвляли строительство так называемой Южной водопроводной

системы (ЮВС), оставшейся недостроенной. Основная площадка могильника не попала под застройку, хотя какая-то его часть, несомненно, находится на территории одной из заброшенных насосных станций.

Памятник расположен на краю первой надпойменной террасы левобережья р. Оки (рис. 1). Терраса заросла лесом, вдоль ее края площадка вытоптана. Ранее, до сооружения ЮВС, вдоль края террасы пролежала дорога, нарушившая памятник. С момента раскопок В. В. Сидорова вокруг могильника многое изменилось – пионерские лагеря и воинские части, существовавшие тогда и служившие ориентирами, исчезли, взамен возникли новые объекты. Нам вряд ли удалось бы локализовать памятник, если бы не помощь В. В. Сидорова, любезно согласившегося выехать на место и провести рекогносцировку.

Раскоп 2011 г. располагался восточнее раскопов 1989–1993 гг., с некоторым отрывом от них. Его размеры 3 x 10 м, ориентирован он был перпендикулярно краю террасы, подступая к нему почти вплотную. Стратиграфия раскопа в разных его частях довольно существенно отличалась. В северной части слой был переработан дорогой и, возможно, распашкой, а также перекрыт мусорным горизонтом (отвалами старых раскопов?). В центральной части над слоем желтого песка сохранился слой могильника, который представлял собой черный углистый песок, толщиной от 7 до 14 см, в зависимости от нарушения распашкой. Именно в нем встречались скопления костей (рис. 2). Как и на Щуровском могильнике, слой черного песка, содержащий погребения, четко отделялся по цвету и от нижних, и от верхних горизонтов, и, точно так же, перекрывался поздними отложениями. Это обстоятельство заставляет предположить, что

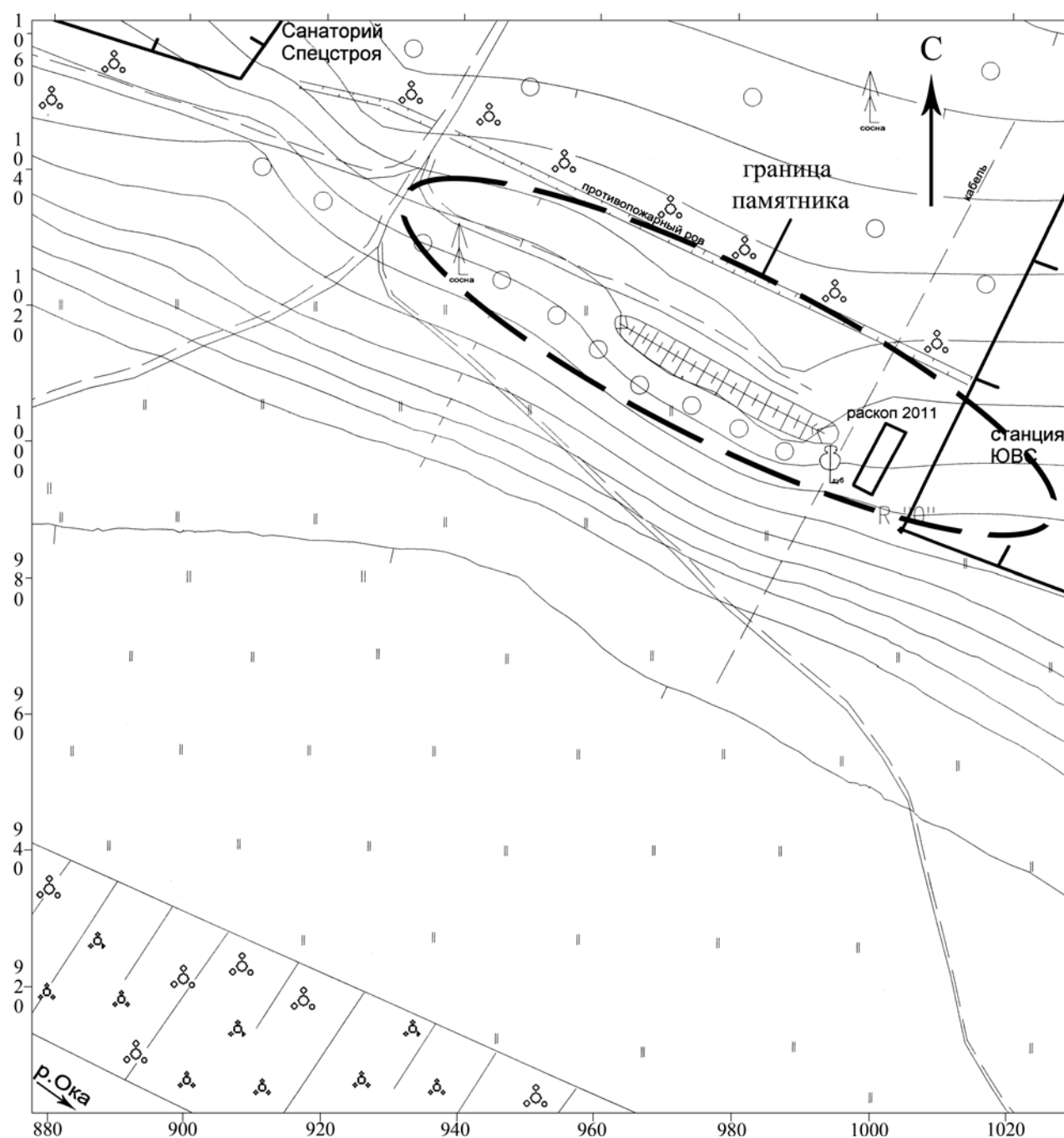

Рис. 1. Могильник Лужки Е. Система координат и высот условная, сечение горизонталей 0,2 м

и на этом могильнике кости ссыпались на древний горизонт и не имели перекрытия¹. Еще одно важное сходство – повреждение погребений распахкой и дорогой. Фактически, в силу сохранности слоя, мы вправе говорить не о самих погребениях, а об их следах или остатках.

В раскопе был открыт ров, пересекавший его по линии запад – восток, т.е. ориентированный параллельно краю берега (рис. 3, 6). Стратиграфия раскопа к югу от рва также отличалась от остальных участков – слой могильника нечеткий, а прослойки гумусированного песка имели коричневый

¹ Сказанное справедливо только для исследованного нами участка – на раскопах ВВ. Сидорова выделялся еще слой засыпки погребений материковым песком.

Рис. 2. Скопление костей на краю рва, уровень 2

цвет. Мощность слоя у края берега, к тому же, значительно выше – до 50 см.

Обнаруженный ров – самый яркий, помимо погребений, и самый непонятный объект. Подобные ровики (или продолжение открытого нами?) были прослежены и в раскопах 1989–1993 гг. Ширина нашего рва составила 150 см, дно узкое и закругленное, глубина колебалась в пределах 30–40 см (рис. 3, 6). Важной деталью является расположение одно погребения на самом его краю, а второго (или его части?) – внутри него, на склоне и у дна (рис. 3; рис. 4). Заполнение рва многослойное и, судя по предварительным наблюдениям, не являлось одномоментным. Процесс его заполнения продолжался до самого недавнего времени (судя по мусорному горизонту в верхней части).

Всего в раскопе открыто два погребения – кремации, не схожие между собой. Заметим еще раз, что, вероятнее всего, они обнаружены не в первоначальном своем виде, а сильно поврежденными. Все скопления расчищались по условным «уровням видимой поверхности», каждая кость фиксировалась отдельно. Как уже отмечалось выше, одно из погребений располагалось на краю рва, под восточной стенкой раскопа (рис. 2; рис. 3, 2). Это была тонкая линза костей в слое черного углистого песка, без четких границ, максимальная площадь скопления составила около 1,5 кв. м. Важной деталью является обнаружение среди костей (в верхней части скопления) обломков венчика белоглиняного позднесредневекового сосуда – маркера сильной поврежденности объекта. В этой

линзе костей найдено пять оплавленных кусочков предметов из медного сплава (рис. 5, А), среди которых угадывается какая-то обоймица или обкладка, а также три так называемых шплинта – фигурных Ω -образных миниатюрных предмета из узкой и тонкой полоски медного сплава. Под этой линзой костей в материке открыто небольшое углубление вытянутой формы, уходившее в восточный борт раскопа (рис. 3, 2). Заполнено оно было таким же черным песком, но кости в нем редки. Поскольку расположено оно на бровке рва, нарушая ее, осталось непонятно, разрушил ли ров погребение и ямку под ним, или, напротив, углубление под погребением возникло после сооружения рва.

В непосредственной близости от описанной линзы костей, на склоне рва, обнаружено еще одно скопление костей (рис. 3, 1; рис. 4). Является ли оно частью того же погребения, ссыпанного или сползшего в ров, или это самостоятельный объект, в настоящий момент, до антропологического анализа, не ясно, но набор находок (рис. 5, Б) из этого скопления близок первому. Это многочисленные обломки одной или нескольких спиральных пронизей, капли металла и фрагмент тонкостенной пластины с пуансонным орнаментом. Найдены и один «шплинт». Обломки белоглиняной позднесредневековой керамики также были обнаружены во рву на значительной глубине, хотя среди костей их не было.

Второе погребение обнаружено в центре раскопа (рис. 3, 3; рис. 6). Изначально, при зачистке материка, объект выглядел как округлое в плане пятно

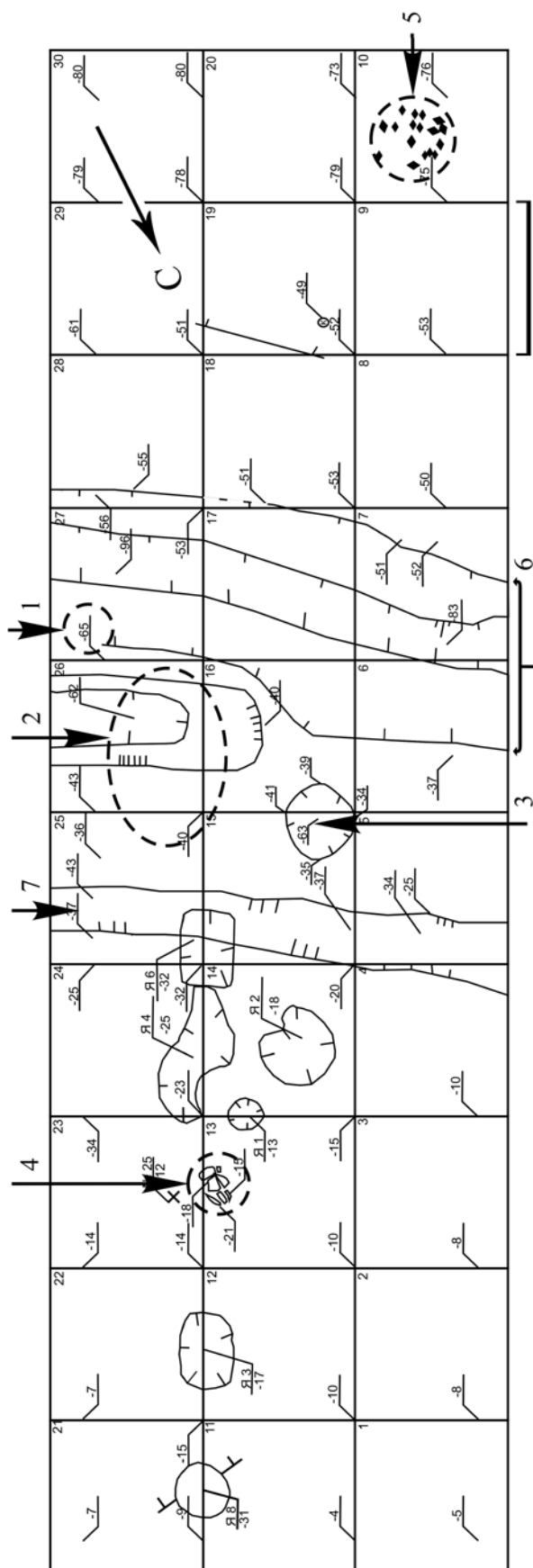

Рис. 3. Сводный план раскопа 2011 г.

1 – скопление костей во рву; 2 – скопление костей на краю рва; 3 – погребение в ямке;

4 – «клад» нуклеусов и пренуклеусов; 5 – «клад» топоров и отщепов; 6 – ров; 7 – дорожная колея (?)

Рис. 4. Скопление костей на дне рва

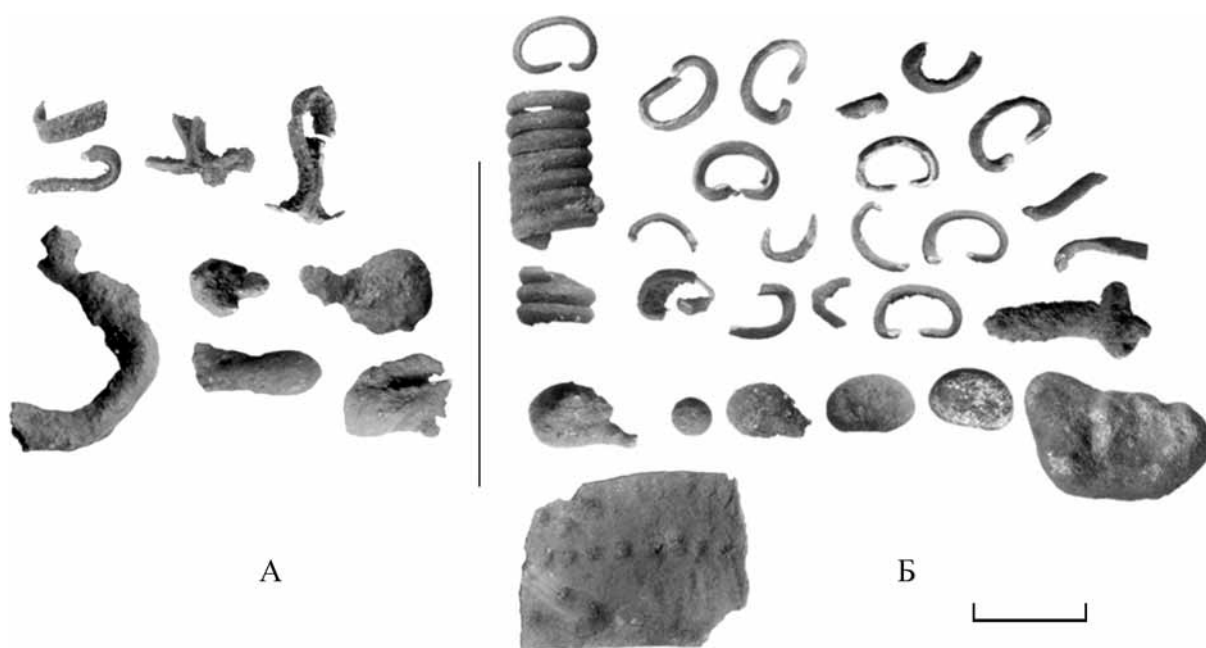

Рис. 5. Находки из скоплений костей

А – из скопления на краю рва («шпильки») и оплавленные обломки изделий медных сплавов);
 Б – из скопления на дне рва (фрагменты спиральной пронизки, капли цветного металла, ф-т пластины с пуансонным орнаментом)

темного песка, диаметром около 30 см, в верхней части которого были встречены кости. Среди костей обнаружено обломанное кремневое орудие, вероятно, обушковая часть тесла или топора – единственная находка непосредственно среди костей. В раскопе 1993 г. кремневые топоры и тесло были обнаружены в четырех погребениях (Сидоров, 1993. С. 24). Наш случай пятый по счету

и, вслед за В.В. Сидоровым, мы вправе говорить о некой устойчивой черте погребального обряда. Правда возможно, эта черта свойственна только этому могильнику, в слое которого таких предметов и вне погребений очень много. После того, как кости были сняты, оказалось, что заполнение ямки (черный песок) продолжалось еще на 5–7 см до дна ямы. Окончательно выбранная яма имела почти

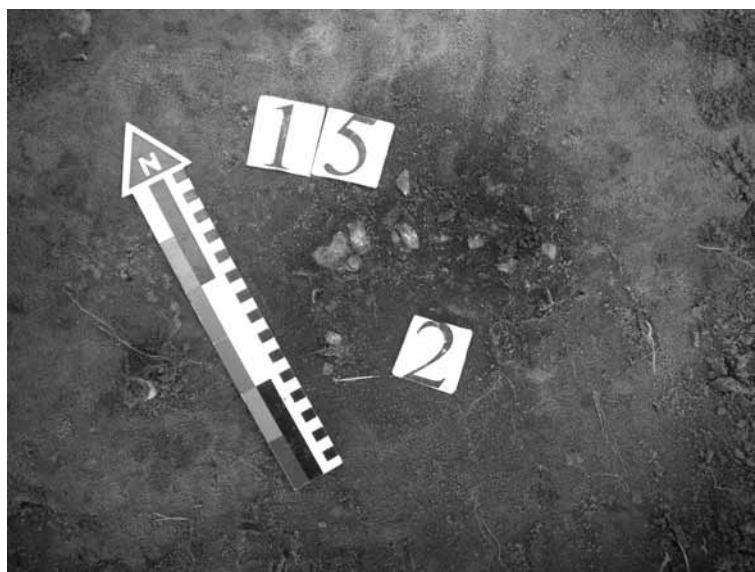

Рис. 6. Верхняя часть погребения в материковой ямке

правильную округлую форму, с округлым дном, глубиной 30 см (рис. 3, 3). Является ли открытое погребение в ямке целым или это, что вероятнее всего, только уцелевшая после распашки нижняя его часть, сказать трудно. Находок «периода

погребения» среди костей не было, но вокруг него, вместе с разрозненными костями, они встречались. Среди находок, предположительно связанных с погребением, самой яркой является пряжка (рис. 7, 1). Это небольшой предмет, длиной 43,5 мм, с рифленой рамкой подовальной формы, шириной 20,6 мм, с небольшим выступом, шарнирно соединенной с массивным литым щитком (ширина 14,3 мм), на лицевой стороне которого орнамент (цветок лотоса?). С внутренней стороны имеется углубление под ремень и на трех шпильках закреплена тонкая пластина медного сплава. Язычок сложной подтреугольной формы. Предмет выполнен из медного сплава, но на лицевой стороне следы белого металла (лужения?), штифт шарнира железный. Точные аналогии не известны, но наиболее вероятным представляется салтовский культурный контекст находки.

Перечислим наиболее интересные находки, обнаруженные за пределами объектов, в слое. Часть их, несомненно, относится к слою сожженных; некоторые, особенно бусы, носят следы пребывания в огне, и попали они в слой либо при турбации самих погребений, либо в результате переноса останков с места кремирования на могильник.

Сравнительно многочисленны находки бус (рис. 8), причем все они найдены вне линз костей. Вместе с тем, именно бусы позволяют наиболее достоверно судить о возрасте памятника².

Рис. 7. Находки из слоя могильника, вне погребений
1 – пряжка со щитком (медный сплав, железо); 2 – пинцет (медный сплав); 3 – пряжка с остатками язычка (железо); 4 – фрагмент дрота (сюльгама?; железо)

² Подробнее о бусах из Лужков см. в статье А. С. Сыроватко, Е. А. Клещенко и А. А. Трошиной в настоящем сборнике.

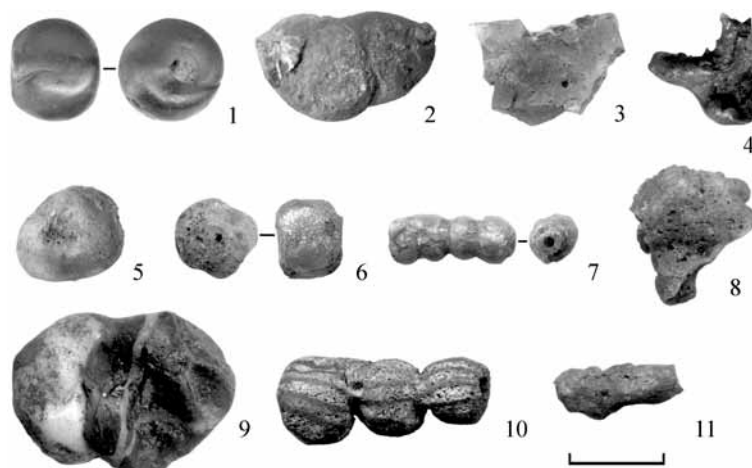

Рис. 8. Стекланные бусы из раскопа 2011 г. (см. цв. вкл.)

Рис. 9. Сосуд из слоя, вне погребений

Продольно-полосатая трехчастная пронизь оплавлена (рис. 8, 10). Возможно, полосы имели красно-коричневый и желтый цвета. Это очень популярный тип орнамента для X–XI вв. Аналогии этим бусам многочисленны. В Старой Ладге они встречаются в горизонте Д (X–XI вв.) (Львова, 1968. С. 85, 86). Для двух спавленных бусин (рис. 8, 9) их форма не поддается определению в силу сильной деформации, однако угадывается декор: бусина темно-коричневого, почти черного стекла имела орнамент в виде белых пересекающихся волн и, возможно, красные глазки; экземпляр желтого глухого стекла тоже украшен красными глазками. Скорее всего, они относились к подгруппе I группы IV по З. А. Львовой с датой X–XI вв. (Львова,

1968. С. 75. Рис. 3, 19; Callmer, 1977. Col. Pl. I, B0850, B2400).

В раскопе найдены также монохромные бусины. Одна из них голубого прозрачного стекла, изготовленная путем однократного обертывания (рис. 8, 1) не имеет термических деформаций, поверхность ее гладкая, тщательно обработанная. Вторая – четырехчастная пронизка (рис. 8, 7) с серебряной прокладкой (группа VIII, подгруппа I по З. А. Львовой). У данного экземпляра покровный слой из прозрачного стекла, перехваты между частями неглубокие. Датируются такие пронизки IX–X вв., однако в Ладге они преобладают в IX в. Остальные семь экземпляров слишком повреждены и технология их изготовления

Рис. 10. Клад нуклеусов и пренуклеусов *in situ*

не поддается определению. Можно лишь отметить, что среди слитков преобладает бело-голубая гамма стекла. Для датировки памятника перечисленных экземпляров, конечно, не достаточно, но отчасти этот пробел можно восполнить за счет материалов из раскопок прошлых лет, где также присутствовали бусы со сравнительно узкой датировкой. Именно бусы дают наиболее корректную дату могильнику – X в., причем, вероятно, скорее его середина или вторая половина. Остальные находки не противоречат такой датировке.

Из черного слоя кремаций происходят рамка от пряжки, подтреугольной формы (рис. 7, 3). Пинцет из медного сплава (рис. 7, 2) и крученный четырехгранный железный дрот (рис. 7, 4) найдены в южной, приборочной части раскопа, где слой сожжений стратиграфически не выражен. Обломок

крученого дрота, возможно, принадлежал сюльгаме. Пинцет же стал довольно неожиданной находкой, поскольку, судя по форме, его верхняя дата не должна выходить за рубеж VIII–IX вв., а других артефактов этого времени на памятнике пока не выявлено.

В этой части могильника найден также развал небольшого сосуда (рис. 9). Это тонкостенный сосуд, тесто его плотное, примеси не читаются (возможно, в тесте присутствует песок или мелкая дресва, но в очень небольшом количестве). Максимальное расширение сосуда приходится на середину высоты, венчик короткий и отогнут наружу, по краю вдавления. Высота сосуда 87,5 мм, диаметр по венчику 85 мм, диаметр в месте максимального расширения 96 мм. Определить его культурную принадлежность сложно. Сосуд резко отличается от урн Лужков, известных по материалам раскопок прошлых лет. Тщательной выделкой и, отчасти, формой, он ближе сосудам-приставкам в Щурово, но для них характернее расширение в верхней части тулова, а не в середине. Как ни странно, некоторое сходство в профилировке можно найти среди керамики среднего и верхнего горизонтов верхнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 194 и след.), однако других столь ранних артефактов, кроме, может быть, упомянутого выше пинцета, на памятнике не известно.

Таковы результаты раскопок могильника, и они позволяют сделать некоторые предварительные выводы:

Во-первых, памятник далеко не исчерпал себя, и раскопан далеко не полностью. Интересные объ-

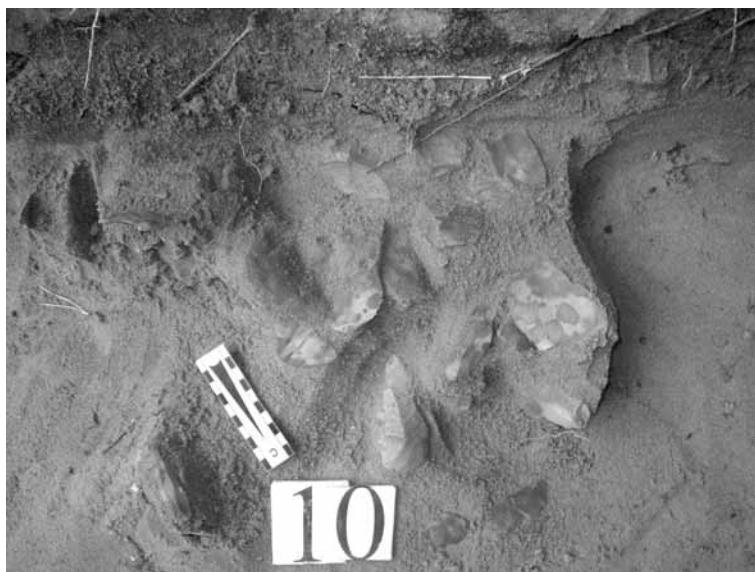

Рис. 11. «Клад» топоров и отщепов *in situ*

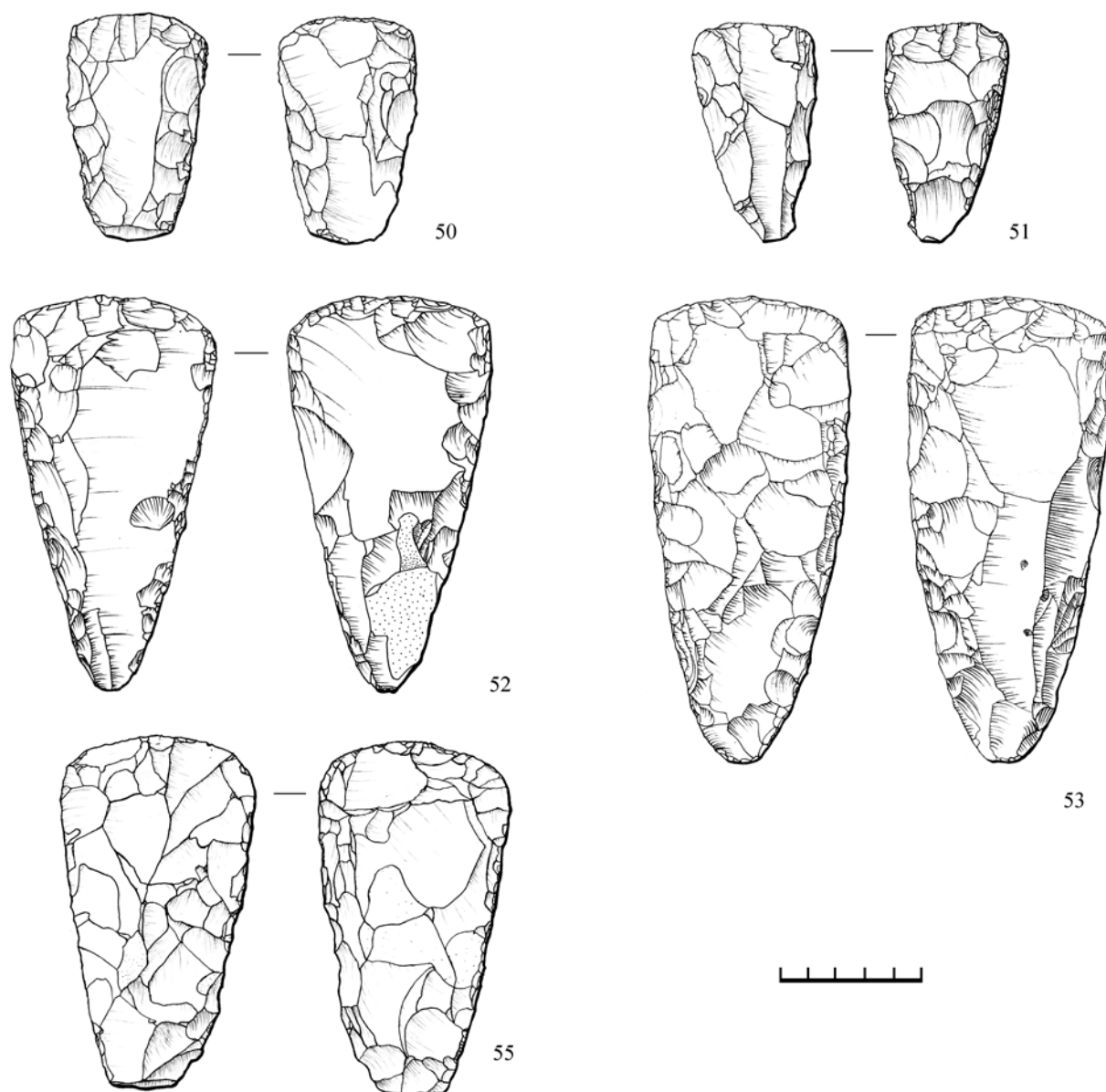

Рис. 12. «Топоры» из состава клада

50, 52, 53, 55 – опока; 51 – черный кремнь. Номера соответствуют полевой описи

екты есть, как минимум, к востоку от старых раскопов, в том числе на территории заброшенной скважины ЮВС. Если проект строительства этой системы будет возрожден, неисследованный участок окажется на режимной территории и для раскопок будет недоступен.

Во-вторых, в нашем раскопе не встречено так называемых сожжений на настилах, о которых писал В.В. Сидоров, – самых загадочных объектов этого памятника. Вместо этого мы увидели погребения, чрезвычайно схожие с грунтовыми кремациями в северной части Щурово. По составу слоя, внешнему виду скоплений костей, а также набору оплавленных предметов (включая и те, что

обнаружил В.В. Сидоров) открытые нами объекты чрезвычайно схожи.

В-третьих, предварительные датировки, которые можно сделать по бусам (и из находок 2011 г. и прошлых лет), указывают на более позднее время, чем дата Щуровского могильника, – середину – вторую половину X в. Радиоуглеродные даты и набор стеклянных бус из Щурово относятся к концу VIII–IX вв., не позднее начала X в. Возможно, разница в погребальном обряде двух памятников, которая следует из анализа материалов раскопок 1989–1993 гг., объясняется хронологией двух памятников.

Четвертое – некоторые важные сюжеты остаются непонятными, несмотря на значительную

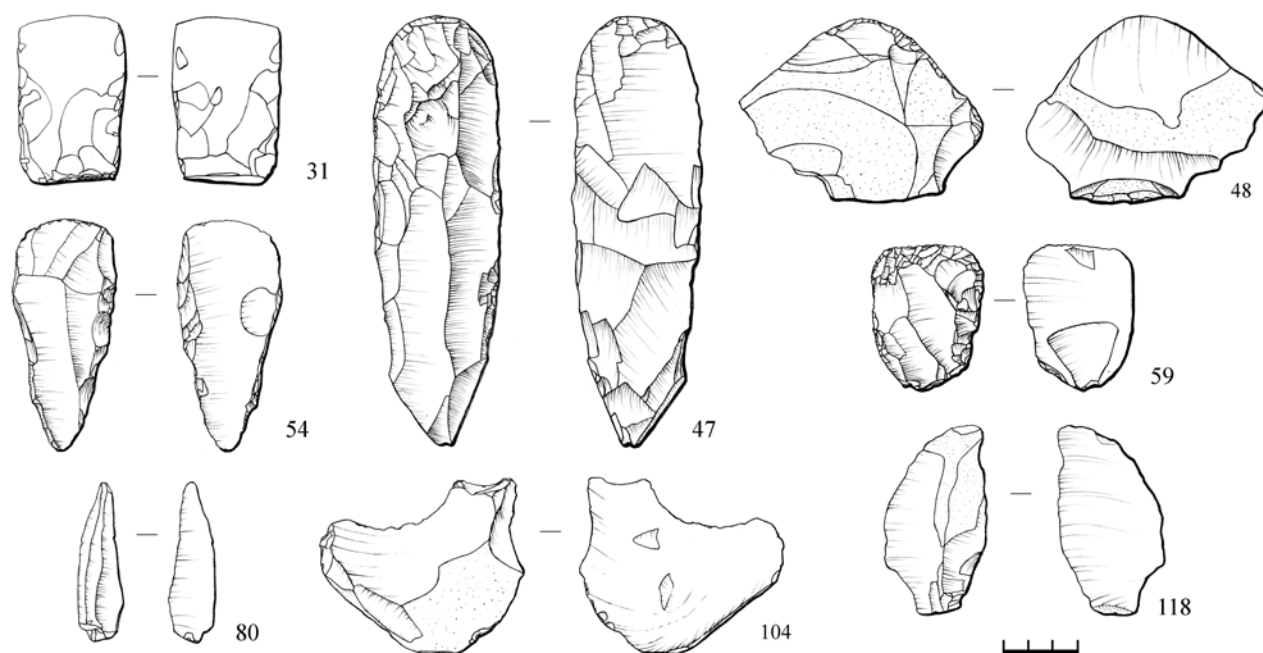

Рис. 13. «Топоры», отщепы, скребки из клада, предмет № 31 – из слоя могильника

31 – серо-желтый кремнь; 47, 48, 54 – опока; 59, 80, 104, 118 – коричневый кремнь.

Номера соответствуют полевой описи

изученную площадь, в частности, открытый ров (или рвы), а также стратиграфия самих погребений могильника. Опыт раскопок в Щурово показывает, что существование разновременных погребений в пределах одного могильника, или даже наложение разновременных могильников, вполне возможно, и продолжение раскопок может преподнести неожиданные сюрпризы.

Помимо объектов, связанных с могильником, нами получен обильный материал эпохи камня. Каменные орудия – из кремня и опоки – встречались во всех горизонтах, включая, как уже отмечалось, скопления костей. В непотревоженном виде каменные артефакты, однако, были связаны со слоем желтого песка, подстилавшего слой сожжений, и если бы не эти находки, он был бы принят за материк. Многочисленны плоские бифасиальные трапециевидные топоры из кремня и опоки, скребки, есть и ножевидные пластины. В слое желтого песка найдено также два интересных объекта – «клады» каменных орудий. Одно скопление состояло из 13 желваков черного плитчатого кремня (рис. 3, 4; рис. 10). Первоначально они были приняты за естественное включение кремневого материала, раздавленного плужной бороздой. Однако последующая расчистка показала, что нами обнаружен клад пре-нуклеусов и нуклеусов, причем ни один из них, судя по толщине кремневой плиты и сколам, не происходит из единой заготовки. Все они изготовлены из кремневых плоских

плит, на всех предметах сохранена меловая корка. Большая часть предметов не имеет подготовленных площадок, но на двух площадки есть, как есть и негативы пробных скалываний ножевидных пластин. Вмещающий слой – темно-желтый песок, границ какого-либо пятна или ямы не читается.

Второй, не менее яркий объект был обнаружен у южного борта раскопа, в квадрате 10 (рис. 3, 5; рис. 11). В том же слое темно-желтого песка было найдено скопление каменных орудий, отщепов и пластин: два рубящих орудия из опоки с полукруглой в сечении рабочей частью (рис. 12; рис. 13), пять трапециевидных или треугольных топоров (один из них изготовлен не из опоки, а из черного кремня – рис. 12, 5/1), 30 отщепов и неправильных пластин.

В обоих случаях вмещающий слой грязно-желтого песка не отличался от фонового, границы возможных ям «кладов» не читались (рис. 11). К сожалению, культурная принадлежность этих объектов также неясна – в раскопе не встречена керамика, которая могла бы прояснить этот вопрос. Отметим, что для периода от мезолита до ранней бронзы такие затруднения с культурной атрибуцией кладов естественны (Мосин, Зайцев, 2012). Ранее, в ходе раскопок 1989–1993 гг., был также найден обильный кремневый инвентарь, включая довольно многочисленные плоские трапециевидные топоры. Эти находки В.В. Сидоров относил к позднему мезолиту – раннему неолиту, им же была зафиксирована керамика верхневолжской культуры (Сидоров, 1993).

Литература

Белорыбкин Г.Н., Павлихин А.В., Ставицкий В.В., 2009. Охранные раскопки на Серпуховском городище // АО 2006 года. М.

Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.

Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // АСГЭ. Вып. 10. Л.

Мосин В.С., Зайцев И.А., 2012. Клад рубящих орудий с Южного Урала // РА. № 1.

Сидоров В.В., 1989. Отчет Подмосковной экспедиции. Лужковско-Ловецкий отряд в сезон 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15433.

Сидоров В.В., 1993. Отчет о раскопках в Каширском и Серпуховском районах Московской области. Ч. II // Архив ИА РАН. Р-1. № 17982.

Сидоров В.В., 2004. Первые вятичи на Средней Оке // Археология Верхнего Поочья. Материалы VI научной конференции. Калуга.

Тавлицева Е.Ю., 2001. Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмосковья // ТАС. Вып. 5. Тверь.

Callmer J. 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4° № 11. Lund.

A.S. Syrovatko

New materials from the Luzhki E cemetery

Summary

The paper deals with excavations of the Luzhki E settlement and cemetery near the town of Serpukhov in the Moscow Region. The excavations revealed two burials of cremated remains. Funerary rites are similar to those of the Shchurovo cemetery near the

town of Kolomna but the Luzhki cemetery can be dated to a more recent period beginning in the mid-10th century. Underlying layers yielded Neolithic materials including a hoard of nuclei and a hoard of bifacial tools.

Древности русского средневековья

О. Л. Прошкин

Лепная и раннекруговая керамика как культурно-хронологический индикатор археологических памятников IX–XI веков северо-западной части Верхнего Поочья

Северо-западная часть Верхнеокского региона – достаточно обширная территория, включающая весь бассейн калужского течения р. Оки, а также небольшой участок ее тульского течения на юге от устья р. Упы. Рельефно-ландшафтный фон этого региона сформировался еще в четвертичное время на базе более древнего эрозионного рельефа. Сочетание унаследованной дочетвертичной речной сети и новой, возникшей в результате деятельности ледников, определили современную гидрографическую структуру этой территории, являющейся частью природной Смоленско-Московской провинции. Для нее характерны ландшафты моренных, моренно-водноледниковых и зандровых равнин со слабо-среднерасчлененным рельефом и с дерново-средне-сильноподзолистыми почвами. Специфика данного региона состоит в том, что здесь расположено одно из крупнейших ополей Восточной Европы – Мещовское, имеющее сложную ландшафтно-геоморфологическую историю.

Наличие развитой гидрографической сети и благоприятного почвенно-растительного покрова, способствовало заселению этой территории с глубокой древности, а наиболее интенсивное ее освоение началось в период раннего железного века. В настоящее время здесь известно 56 памятников археологии (48 поселений и 8 курганных могильников) с находками IX–XI вв. Кроме того, к этому периоду относятся 7 известных исследователям монетных кладов и комплексов. Три из них происходят непосредственно с поселений (рис. 1).

Начало изучения археологических памятников рассматриваемого периода на данной территории относится к концу XIX – началу XX в. (городище «Дуна», курганный могильник Доброе)

(Теплов, 1899; Булычев, 1899, Гендуне, 1903). В 1930-х гг. ряд памятников был открыт и обследован в зоне планируемого строительства Калужской ГЭС экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры (городище и курганный могильник Вороново, селища Красный Поселок 1–3 и др.) (Герасимов, Третьяков, Воеводский, 1941). Тогда же К. Я. Виноградовым были раскопаны курганы, содержавшие остатки погребений по обряду трупосожжения у д. Кудиново близ устья р. Жиздры (Седов, 1973. С. 13). В 1950-е гг. М. В. Фехнер был открыт и обследован ряд поселений, содержавших культурные напластования или отдельные находки IX–XI вв. (городище Перемышль, селище Городня 4 и др.) (Фехнер, 1953). Под руководством А. В. Успенской, в начале 1960-х годов проводились раскопки селища и курганного могильника у с. Беницы на р. Протве (Успенская, 1964). В 1950–1970-х годах поиски и раскопки поселений и курганных могильников (Вороново, Доброе, Западная) проводили Т. Н. Никольская и С. А. Изюмова (Никольская, 1981. С. 12–41; Изюмова, 1964, 1970).

Значительная по объему и научной значимости информация о памятниках этого периода была получена в процессе работы над составлением Археологических сводов в 1970–1980-х годов. Именно в те годы и было открыто основное число известных на сегодняшний день памятников IX–XI вв. (городища «Чертово», Волконское и др.). Следует также отметить, что в последние 20 лет на археологической карте появились новые поселения и курганные могильники этого периода (селище Слободка 2 и др.), а на некоторых из них проведены стационарные исследования (курганный

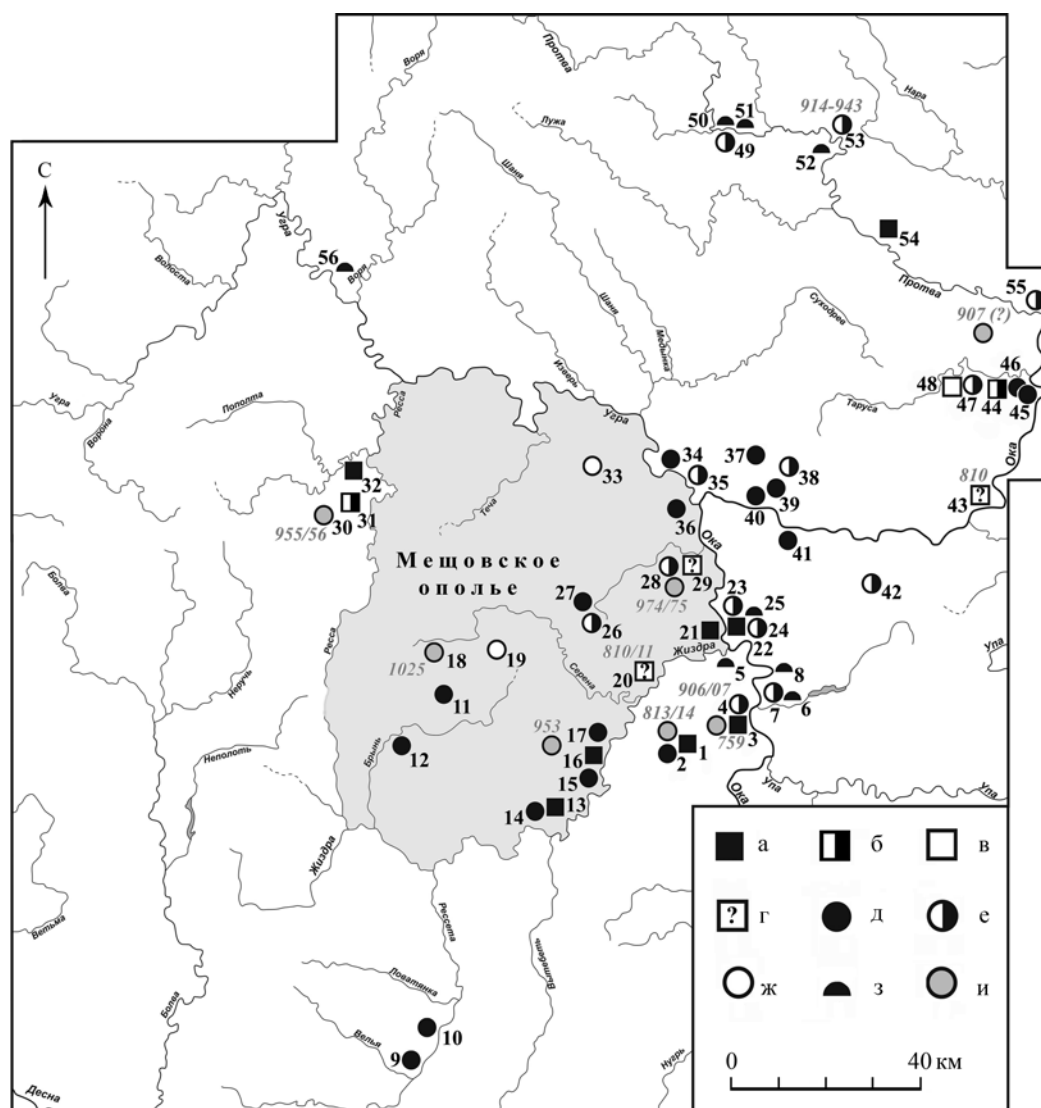

Рис. 1. Памятники археологии с находками IX–XI вв. северо-западной части Верхнего Подолья

а – городище с находками лепной керамики; б – городище с находками лепной и раннекруговой керамики; в – городище с находками раннекруговой керамики; г – городище с единичными находками керамики или без керамических материалов (?); д – селище с находками лепной керамики; е – селище с находками лепной и раннекруговой керамики; ж – селище с находками раннекруговой керамики; з – курганный могильник; и – клад. 1, 2 – «Чертово Городище»; 3, 4 – Чекалин 2 (Дуна); 5 – Кудиново; 6, 7 – Западная; 8 – Доброе; 9 – Красное; 10 – Харитоновка; 11 – Левково 2; 12 – Брынь; 13, 14 – Волконское; 15 – Дешовки 3; 16 – Козельск; 17 – Нижние Прыски 2; 18 – Колодези; 19 – Баранцево 1; 20 – Подборки; 21 – Перемышль; 22–25 – Вороново; 26 – Антопьево 1; 27 – Антопьево 2; 28 – Слободка 2; 29 – Воротынский; 30 – Сельцо Кольцово; 31 – Мосальск; 32 – Мощины; 33 – Машкино; 34 – Красный Поселок 1; 35 – Красный Поселок 3; 36 – Козлово 2; 37 – Городня 4; 38 – Перцево; 39 – Перцево 1; 40 – Турынинские Дворики; 41 – Никольское; 42 – Поздняково 3; 43 – Городище; 44–46 – Таруса; 47 – Романовка; 48 – Лысая Гора; 49, 50 – Беницы; 51 – Рыжково; 52 – Ермолино 1; 53 – Кривское 3; 54 – Стрелково; 55 – Дракино; 56 – Кобелево

могильник Рыжково и др.). Результаты исследований обобщены в ряде работ (АКР, 1999; 2006; Прошкин, 2011 и др.).

Специальных исследований по керамике этого периода с территории всего Верхнего Подолья ранее не проводилось. Самые первые публикации керамического материала были сделаны Т.Н. Никольской еще в 1950-х годах. К сожалению, они не представляют во всей полноте керамическую

коллекцию, полученную при раскопках ряда поселений (Кромы, Лебедка и др.) и курганов (Лебедка, Воротынцево и др.). Однако следует отметить, что на материалах раскопок селища Лебедка исследовательница впервые разделила лепную керамику на две основные формы – горшки и сковороды. Горшки, в свою очередь, были разделены на две группы – слабопрофилированные (близкие баночной форме) и «довольно резко профилированные».

По технологии изготовления сосуды этих групп сильно различались. На основании многочисленных аналогий с керамикой «городищ роменского типа», Т. Н. Никольская датировала лепную керамику селища в пределах VIII–X вв. (Никольская, 1957. С. 190, 191. Рис. 13, 14). В числе круговой керамики она выделила «ранние формы X–XI вв.» и на основании морфологических признаков разделила ее на три группы. В технологическом отношении основными признаками раннекруговой керамики Лебедки, по мнению исследовательницы, являются наличие грубых примесей в тесте и слабый обжиг (Никольская, 1957. С. 194, 195. Рис. 15, 16; 1959. С. 65–70).

В своих последующих работах Т. Н. Никольская использовала керамику в качестве основного хронологического индикатора при классификации поселений на две основные группы – с лепной и раннекруговой керамикой VIII–X вв. (Лебедка, Беницы и др.) и с круговой керамикой XI–XIII вв. Основанием для датировки лепной посуды первой группы поселений, по ее мнению, должна служить, в первую очередь, курганная посуда из таких могильников, как Лебедка, Доброе, Западная (Никольская, 1977. С. 6–9; 1981. С. 55–62).

Небольшая коллекция лепной посуды из раскопок Н. В. Теплова и Ю. Г. Гендуне в конце XIX в. на городище «Дуна» была опубликована Е. Н. Носовым в качестве керамики «роменско-боршевской культуры», отражающей третий этап функционирования данного поселения в VIII–X вв. (Носов, 1974. С. 8, 9. Рис. 4).

А. В. Григорьев, не делая каких-либо типологических построений, достаточно четко и обоснованно охарактеризовал керамический материал с памятников бассейна р. Упы (Супруты, Торхово, Уткино, Тимофеевка) во взаимосвязи с их хронологическим делением на две основные группы – раннюю (IX – начало X в.) и позднюю (конец X–XI в.). Так, керамику ранних памятников автор разделил на две группы: сделанную без применения круга и с его использованием. Первая группа керамики аналогична роменской и типологически может датироваться в широких хронологических рамках. Для более узкой хронологии лепной керамики большое значение имеет ее орнаментация, в частности веревочным штампом на плечиках сосудов (с IX в.), что еще ранее было установлено наблюдениями А. А. Узянова (Григорьев, 2005. С. 122–127; Узянов, 1982). Вторая группа керамики – посуда, изготовленная в салтовских и вольтинцевских традициях, а также, вероятно, в смешанных – салтовских и славянских – традициях.

Сюда же автор относит явный импорт – обломки амфор (Григорьев, 2005. С. 127). Для поздних памятников в бассейне р. Упы характерно сочетание лепной посуды роменского типа и раннекруговой посуды, при преобладании последней. Время появления древнерусской круговой керамики, по материалам городища Тимофеевка определяется автором в пределах второй трети XI в. (Григорьев, 2005. С. 128–132, 141).

На основе разработанной исследователями (А. В. Григорьев, А. М. Воронцов) хронологии Супрутского городища, А. М. Колоколовым сделана попытка создания типологии роменской посуды в соответствии с тремя периодами «бытования роменского населения на городище» (Колоколов, 2011. С. 52, 53. Рис. 1).

Автором данной работы также неоднократно публиковались отдельные керамические материалы, связанные с исследованиями памятников на рассматриваемой территории (Красный Поселок 3, Таруса и др.), а также делались попытки типологически классифицировать лепную посуду из раскопок «Чертова Городища» (Прошкин, 2003; Прошкин, Есипов, 2006. Рис. 3; Фролов, Прошкин, 2011. С. 51–53. Рис. 16, 17; Прошкин, 2011. С. 39–43 и др.).

Основным материалом, по которому исследователи в настоящее время датируют памятники археологии (в основном, поселения) IX–XI вв. на рассматриваемой территории, так же, как и на всей верхней Оке, служит лепная керамика роменского типа и раннекруговая (грубая круговая). Степень их изученности еще не столь велика, несмотря на то, что в нашем распоряжении имеется численно небольшая, но весьма представительная коллекция целых форм лепной посуды и большое число ее фрагментов. О раннекруговой керамике такого пока еще сказать нельзя. Она представлена намного меньшим числом обломков и отдельных частей сосудов, как правило, не дающих возможность воссоздать их целые формы.

Основная часть керамической коллекции происходит с поселений, где проводились стационарные исследования. Следует отметить, что даже в результате широкомасштабных раскопок на памятниках были получены различные по уровню информации керамические материалы во взаимосвязи с другими находками этого периода. Все известные поселения с находками на них лепной и раннекруговой керамики можно разделить на три основные группы.

Первая группа. Поселения, на которых керамические коллекции получены в результате

археологических раскопок (городища Вороново, «Чертово Городище», Чекалин 2 (Дуна), Козельск, селища Кривское 3, Беницы, Красный Поселок 3). На ряде поселений сделаны лишь единичные находки (Мосальск и др.). Место хранения материалов раскопок городища Вороново неизвестно; следует отметить, что и керамика из раскопок селища Беницы в данной работе не рассматривается. Наиболее представительная керамическая коллекция происходит с «Чертова Городища», которая насчитывает 11 целых и 14 реконструируемых форм лепной и круговой посуды, не считая многочисленных обломков.

Вторая группа. Поселения, на которых керамические коллекции получены в результате шурфовки культурного слоя и (или) сбора подъемного материала. На поселениях этой группы керамика рассматриваемого периода представлена различным числом находок – от 5–10 фрагментов (селище Красный Поселок 1 и др.) до нескольких десятков обломков и отдельных частей сосудов (поселение Перцево). Подсчитать точное количество фрагментов в большинстве случаев не представляется возможным, так как данные получены, в основном, из отчетов о полевых исследованиях разных лет. Например, при описании Т. Н. Никольской шурфа на селище в г. Тарусе отмечен только «черный» слой с лепной роменской керамикой (Никольская, 1975. С. 31).

Третья группа. Поселения, на которых сделаны лишь единичные находки частей керамических сосудов, что на современном этапе исследований не позволяет считать их памятниками рассматриваемого периода (городища Подборки, Воротынский).

Курганная керамика сохранилась не полностью. Из восьми раскапывавшихся курганных могильников IX–XI вв. керамические материалы доступны лишь из четырех (Западная, Доброе, Ермолино 1, Рыжково). Большой интерес представляет коллекция погребальных урн из курганного могильника Западная, насчитывающая 13 целых форм и ряд обломков (фонды ТОИАЛМ, коллекция № 4707).

Керамика IX–XI вв. по технологии изготовления делится на изготовленную без применения гончарного круга (лепную) и с использованием гончарного круга. Изучение верхнеокской лепной роменской посуды, так же, как и раннекруговой, находится на самой начальной стадии. Лепная посуда преобладает в количественном отношении и представлена многочисленными фрагментами и частями сосудов и небольшим числом полных форм. Круговая посуда этого периода практически не изучена. Но,

в результате анализа материалов раскопок, как старых, так и новых, она начинает выделяться. Однако охарактеризовать ее сейчас можно лишь в самом общем виде. В первую очередь это местная грубая круговая керамика (городища Таруса 1, селища Вороново 1, Красный Поселок 3, Слободка 2 и др.), а также импортная керамика салтовского круга («Чертово Городище») и древнерусская (Нижние Прыски 2, Вороново 1 и др.).

Лепная посуда

По технологии изготовления лепная посуда делится на две основные группы. Первая группа состоит из грубой керамики с поверхностью серого, коричневого, красного цветов, слабо обожженной и, как правило, толстостенной (10–20 мм) (рис. 2, 2, 3, 6–8; рис. 3, 2, 3, 5, 6, 8; рис. 4, 2, 3, 6–9; рис. 5, 1, 3, 6, 7; рис. 6, 2, 4–10; рис. 7–7, 1–5; рис. 8, 2–10). В тесте присутствуют значительные примеси шамота, органики и дресвы. Орнаментирована такая керамика, в основном, по краям венчиков, и очень редко встречается орнамент на других частях сосудов – плечиках и тулове. Присутствуют следующие виды орнаментации: по краю венчика – различные ямчатые вдавления (наиболее распространенный вид), косые насечки (редкий вид), оттиски гребенчатого штампа; по плечикам и тулову – ямчатые вдавления, оттиски гребенчатого штампа. Выделяются фрагменты коричневоглиняных сосудов с линейным орнаментом по тулову (рис. 3, 3) и с волной по плечу (рис. 8, 3).

Вторая группа включает сосуды с ровной, затертой или заглаженной, поверхностью; с коричневым и серо-коричневым цветом поверхности, лучшего обжига, чем керамика первой группы (рис. 2, 1, 4, 5; рис. 3, 1, 4, 7; рис. 4, 1, 4, 5, 10; рис. 5, 2, 4, 5, 8–10; рис. 6, 1, 3; рис. 7, 6). Наряду с толстостенными (до 20 мм) есть сосуды с более тонкими стенками (8–10 мм), с примесями в тесте измельченной дресвы или песка, а также шамота, органики. Орнамент на керамике этой группы встречается намного реже, чем на керамике первой группы и в основном по краям венчиков в виде ямок различной формы. Очень редко орнаментированы тулова сосудов в виде оттисков гребенчатого штампа. Резко выделяется лепной миниатюрный коричневоглиняный сосудик с незначительными примесями дресвы в тесте, имеющий на плечиках и тулове комбинированный орнамент в виде различной формы ямочных вдавлений (рис. 3, 4).

По методике И. П. Русановой, лепная посуда на основании установленных пропорций сосудов делится на типы и подтипы (Русанова, 1976).

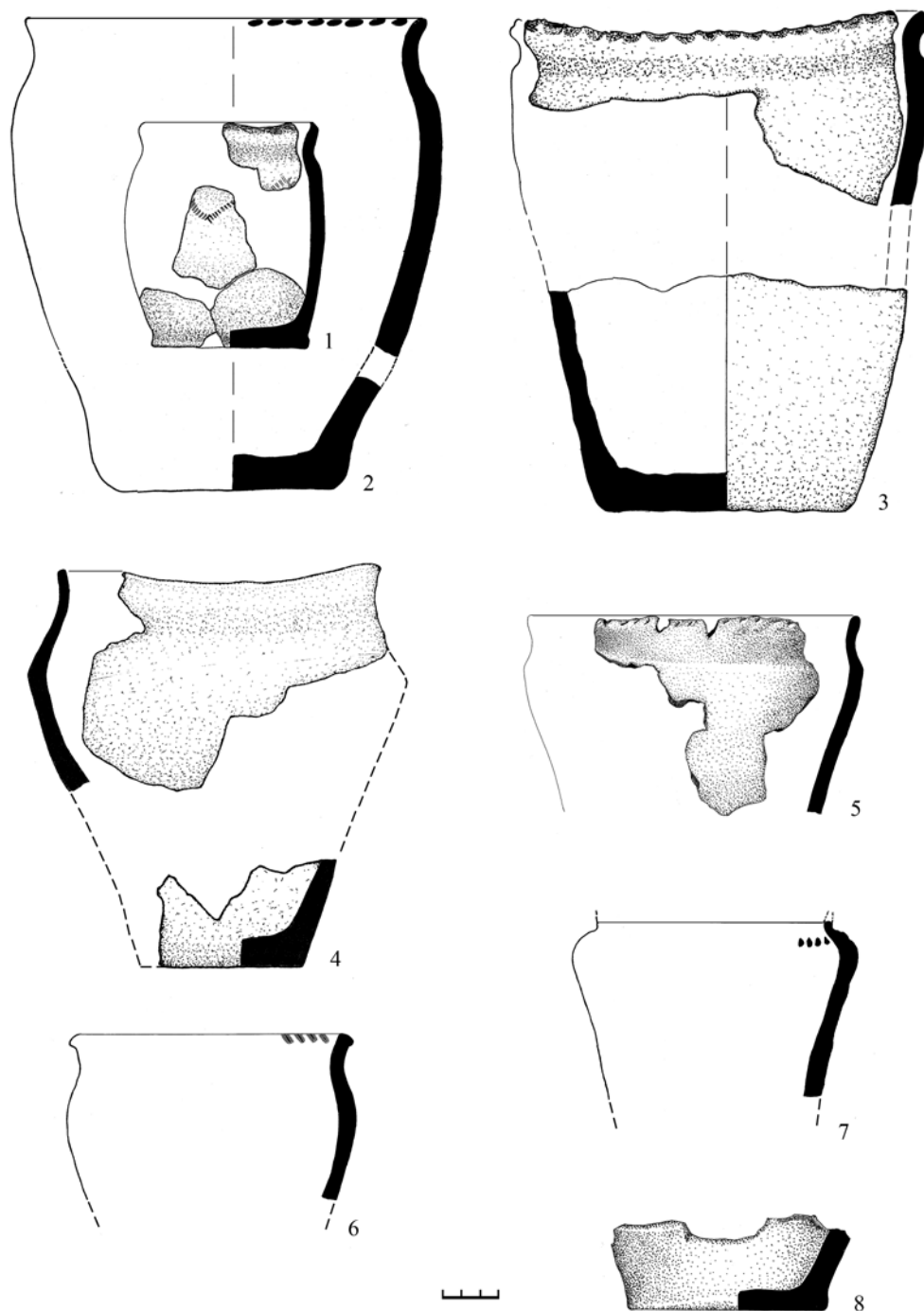

Рис. 2. Лепные сосуды типа I, подтипа 1. Городище «Чертово Городище»

1, 4 – раскоп 8, скопления № 1, № 2; 2 – раскоп 6, погребение; 3 – раскоп 10, скопление № 1; 5 – раскоп 2; 6 – раскоп 4; 7 – раскоп 3; 8 – раскоп 5

С. 10–17). По соотношению диаметра горловины сосуда к его общей высоте ($D2: H$) выделяются два основных типа сосудов – горшки и миски.

Тип I. Горшки – сосуды, диаметр горловины которых меньше (или почти равен) их высоте. Для них характерными пропорциями являются: $D2: H = \text{от } > 0,7 \text{ до } < 1,1$. Известно 14 практически целых форм и не менее семи реконструируемых.

Внутри данного типа по такому же принципу выделяется два основных подтипа. Подтип I1 – горшки вытянутых пропорций (четыре целые формы и не менее пяти реконструируемых) с пропорциями $D2: H = \text{от } > 0,7 \text{ до } < 0,9$ (рис. 2, 3). Подтип I2 – горшки приземистых пропорций с соотношением $D2: H = \text{от } > 0,9 \text{ до } < 1,1$ (10 целых форм и две реконструируемые; рис. 4).

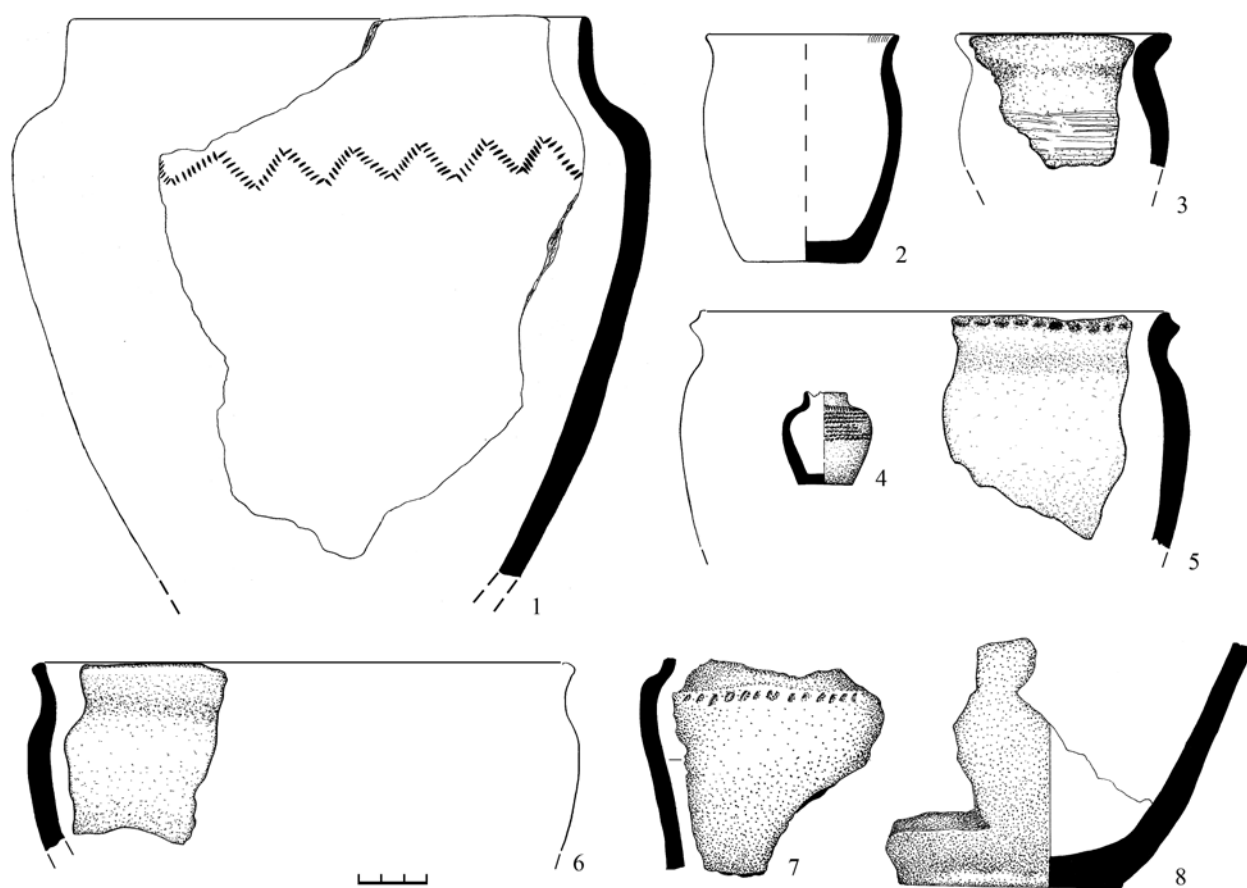

Рис. 3. Лепные сосуды типа I, подтипа 1

1 – Подборки, городище, подъемный материал; 2 – Западная, курганный могильник, курган № 17;
3 – Таруса, городище 1, подъемный материал; 4 – Слободка, селище 2, подъемный материал;
5–8 – городище «Чертово Городище» (5, 6 – раскоп 10; 7 – раскоп 3; 8 – раскоп 5)

Внутри подтипов выделяется ряд видов сосудов по степени профилировки: слабопрофилированные с наибольшим расширением в середине сосуда, слабопрофилированные с наибольшим расширением в верхней половине сосуда, профилированные с наибольшим расширением в верхней половине сосуда и т. д. По профилю верхних частей сосудов (венчик, шейка, плечо) выделяется множество различных вариантов. Однако такая подробная типология лепной посуды с рассматриваемой территории не является целью данной работы.

Тип II. Миски – сосуды с диаметром горловины больше общей высоты. Для мисок наиболее характерно соотношение $D2: H \geq 1,1$. Известно 10 целых форм и не менее 10 реконструируемых (рис. 5; рис. 6) – с широким устьем и узким дном. В месте наибольшего расширения, в верхней части сосуда, как правило, имеется ярко выраженный перегиб. Венчики мисок, в основном, прямые или слегка отогнутые наружу, орнаментированы по краю различными ямочными вдавлениями и косыми на-

сечками. Встречена часть миски с двумя круглыми сквозными отверстиями на шейке (рис. 5, 3). Следует отметить, что большая часть мисок и их фрагментов имеет лучшую обработку поверхности и обжиг, чем подавляющее число горшков. Однако и среди мисок имеются сосуды с очень грубой и неровной поверхностью из-за большого количества примесей и слабо обожженных (крошатся).

Оба типа лепной посуды достаточно характерны для роменской культуры VIII – начала XI в. Сосуды типа I, подтипа 1 (вытянутых пропорций) имеют массу аналогий с поселений основного ареала этой культуры (Посеймье, Посулье, Подесенье). Например, слабопрофилированный горшок из погребения на «Чертовом Городище» (рис. 2, 2) аналогичен первому типу посуды с Новотроицкого городища IX в., куда входят, по И. И. Ляпушкину, кухонные горшки с выпуклым туловом, невысоким, отогнутым наружу и орнаментированным по краю венчиком. Поверхность горшков темно-бурая, а в тесте преобладают примеси шамота

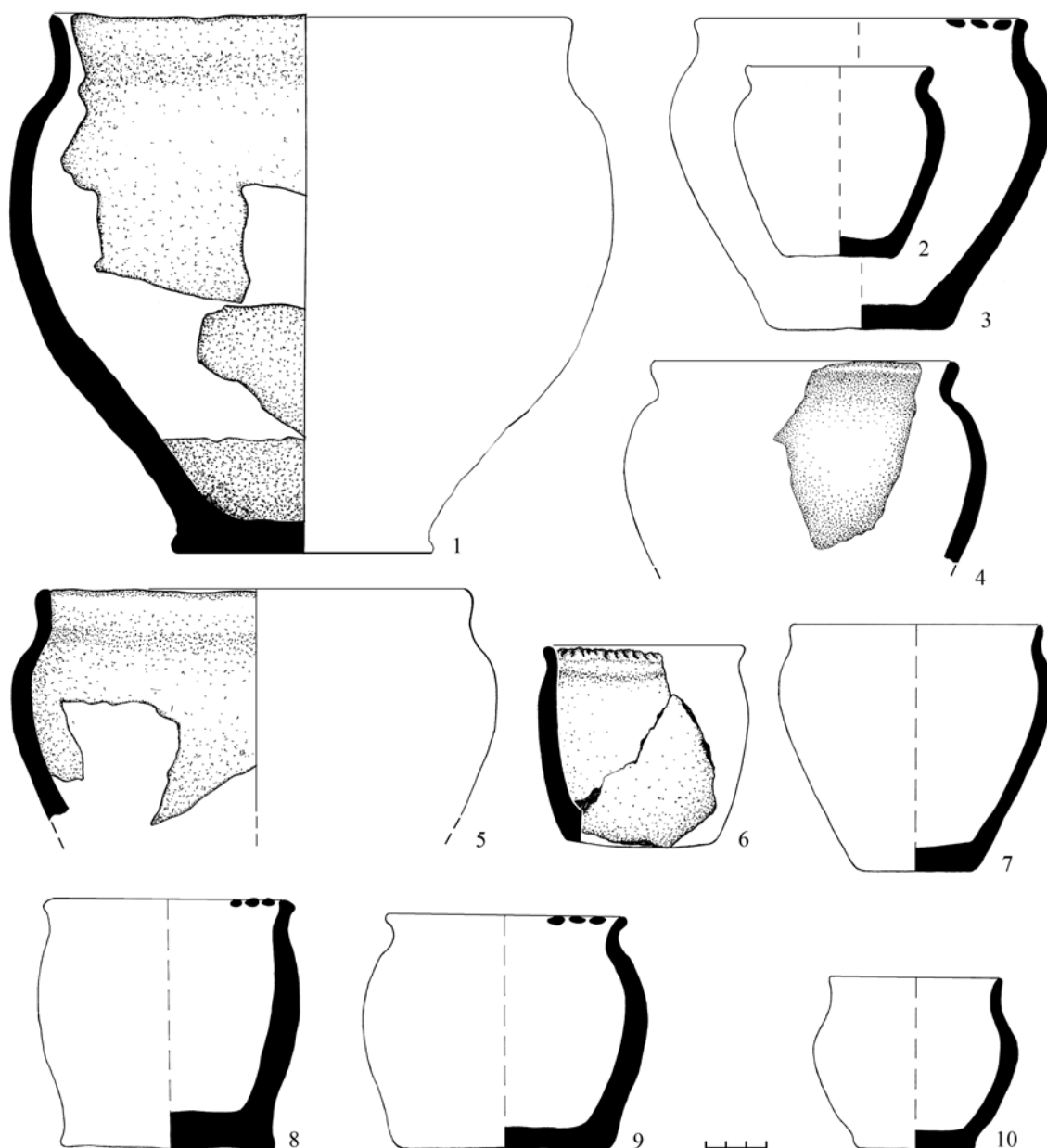

Рис. 4. Лепные сосуды типа I, подтипа 2

1–4, 6 – городище «Чертово Городище» (1 раскоп 10; 2 – раскоп 5; 3, 4 – раскоп 3; 6 – раскоп 4);
5 – селище (?) «Чертово Городище», шурф, скопление № 1; 7–10 – Западная, курганный могильник
(7 – курган № 3; 8 – курган № 11; 9 – курган № 9; 10 – курган № 20)

(Ляпушкин, 1958. С. 76, 77. Рис. 43, 2 и др.). Горшки типа I подтипа 2 (приземистые) также имеют близкие аналогии с этого памятника (Ляпушкин, 1958. Рис. 19, 3, 9 и др.). Особо следует выделить в числе керамики подтипа 2 небольшое число венчиков и часть горшка (рис. 2, 6), по морфологическим признакам близких горшкам типа Луки Райковецкой, найденным на поселении Кодын 2 в жилище № 13. По типологии И. П. Русановой, это керамика периода ШБ (VIII в.) (Русанова, Тимошук, 1984. Табл. 25, 6 и др.).

С городища «Чертово Городище» происходит ряд форм лепной посуды, близких банковидным, входящих в состав типа I и имеющих более архаичный облик по сравнению с основной массой лепной керамики конца I тысячелетия н. э. (рис. 2, 3; рис. 3, 5). Распространение такой посуды территориально выходит за пределы роменской культуры в лесную зону Восточной Европы, где она датируется, начиная с третьей четверти I тысячелетия н. э. (Исланова, 1995. С. 178–180. Рис. 1, 12). Отдельные формы лепной посуды

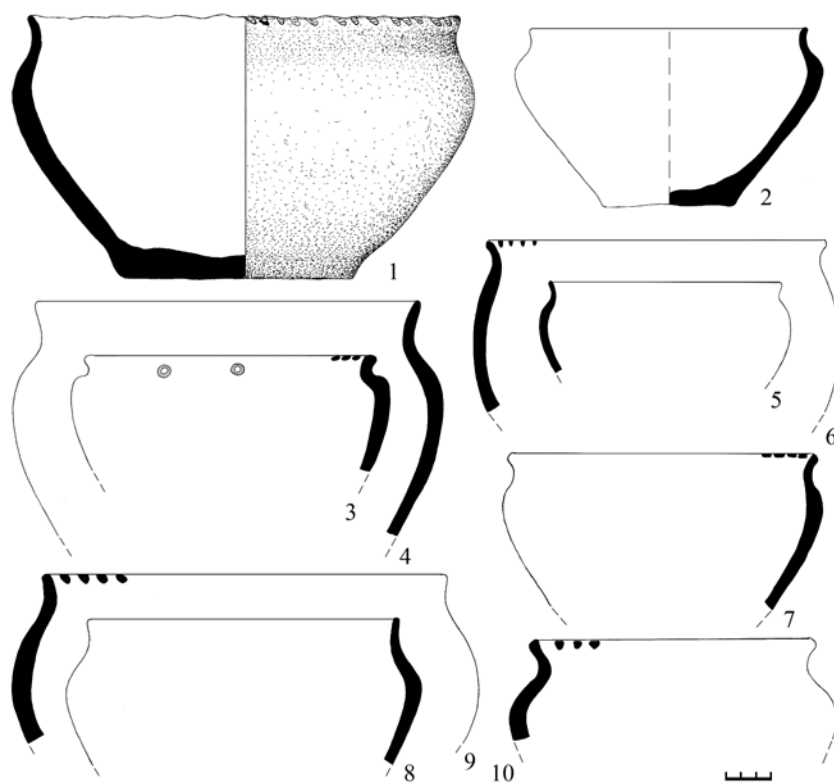

Рис. 5. Лепные сосуды типа II. Городище «Чертово Городище»

1 – раскоп 6, скопление № 2; 2, 5, 6, 10 – раскоп 5; 3 – раскоп 4; 4, 7–9 – раскоп 3

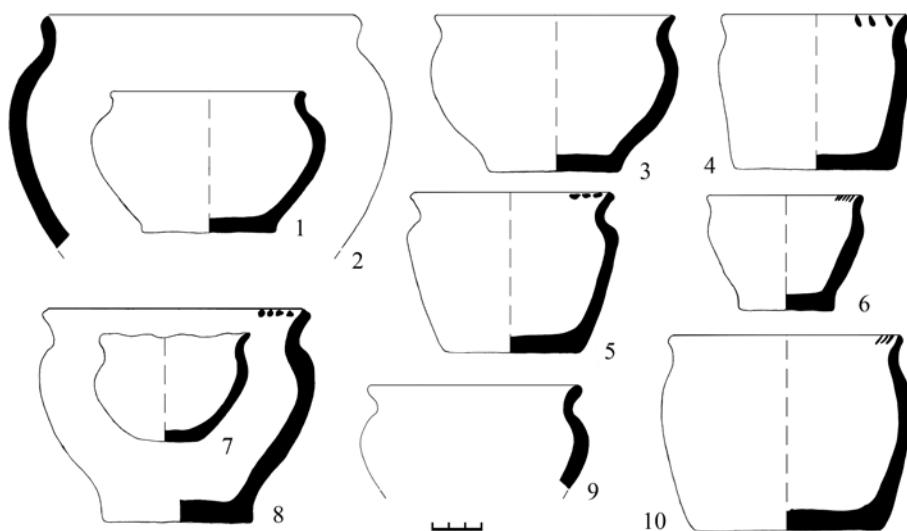

Рис. 6. Лепные сосуды типа II

1, 3–8, 10 – Западная, курганный могильник (1, 8 – курган № 5; 3 – курган № 12; 4 – курган № 20; 5 – курган № 15; 6 – курган № 4; 7, 10 – курган № 3); 2 – городище «Чертово Городище», раскоп 5; 9 – Кривское, селище 3, раскоп 1

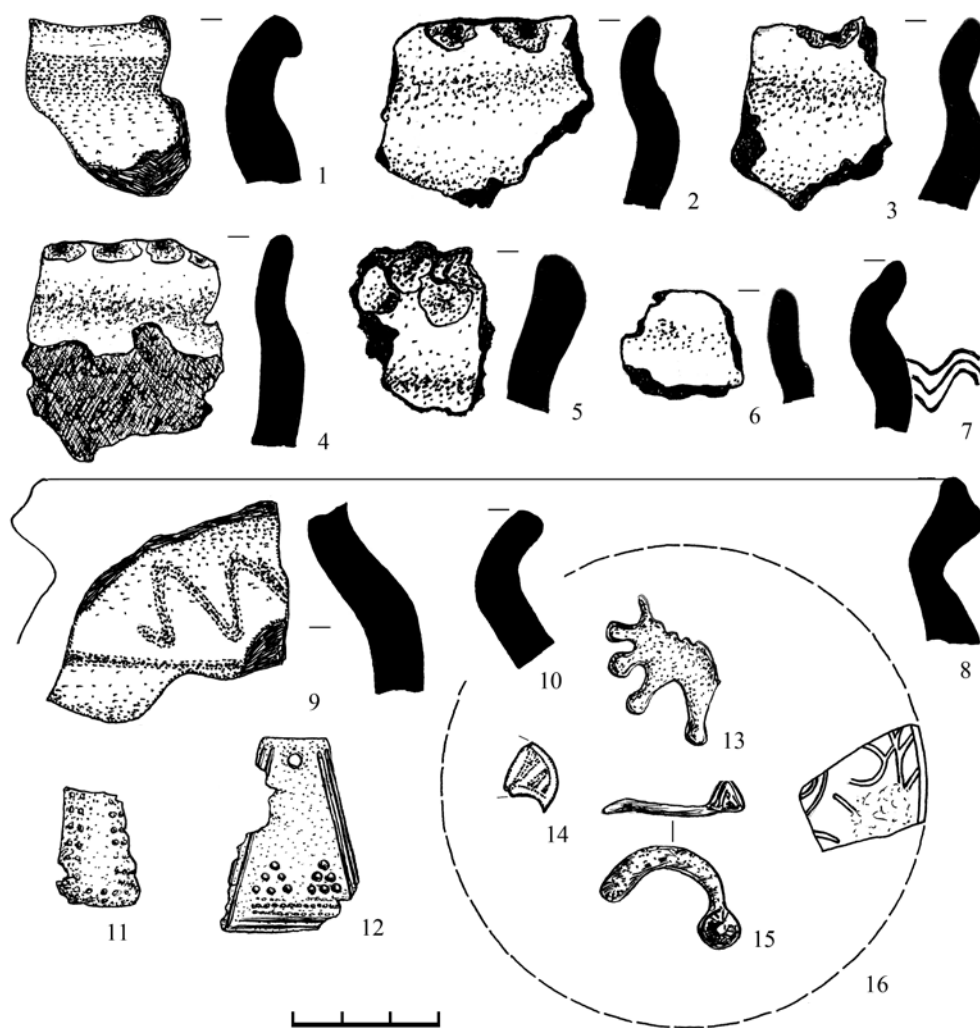

Рис. 7. Фрагменты лепных (1–6) и раннекруговых (7–10) сосудов, украшения (11–15) и фрагмент зеркала (16). Слободка, селище 2, подъемный материал
1–10 – глина; 11, 12, 14, 15 – бронза; 13, 16 – белый металл)

типа I имеют сходство с сосудами культуры смоленских длинных курганов Верхнего Поднепровья и Верхнего Подвинья (курганный могильник Заозерье и др.), а также со славянских поселений Подонья (городище Животинное и др.) (Шмидт, 2008. Табл. 61, 2; Винников, 1995. С. 75, 79–80. Рис. 26, 2, 6 и др.).

Особо следует выделить небольшое количество обломков лепных сосудов с близким усечено-конической форме туловом и вертикальной шейкой, – так называемых псевдоволынцевских, бытовавших на всем протяжении существования роменской культуры (рис. 2, 7; рис. 3, 7) и наиболее характерных для памятников ее основного ареала (Григорьев, 2000. С. 155). И. И. Ляпушкин выделял подобные сосуды в отдельный тип IV (Ляпушкин, 1958. С. 38, 39. Рис. 22, 23). Близкие аналогии им также имеются в составе погребального инвентаря

из Боршевского курганного могильника (Винников, 1995. Рис. 33, 1, 8).

Миски также имеют большое число аналогий с памятников, расположенных на обширной территории лесостепной и лесной зон Восточной Европы, прежде всего, в ареале роменской культуры. О. В. Сухобоков выделил их в отдельную, вторую, подгруппу роменских сосудов с территории Днепровского Левобережья (Сухобоков, 1975. С. 79. Рис. 42, 4 и др.). И. И. Ляпушкин рассматривал «мискообразные сосуды» как 2-ю группу керамики с Новотроицкого городища (Ляпушкин, 1958. Рис. 24, 1, 2, 4).

На территории бассейна верхней Оки, лепная керамика, аналогичная рассматриваемой, найдена на таких памятниках, как городище Супруты, селища Уткино 1, Лебедка, поселение Фатьяново 3 и др.

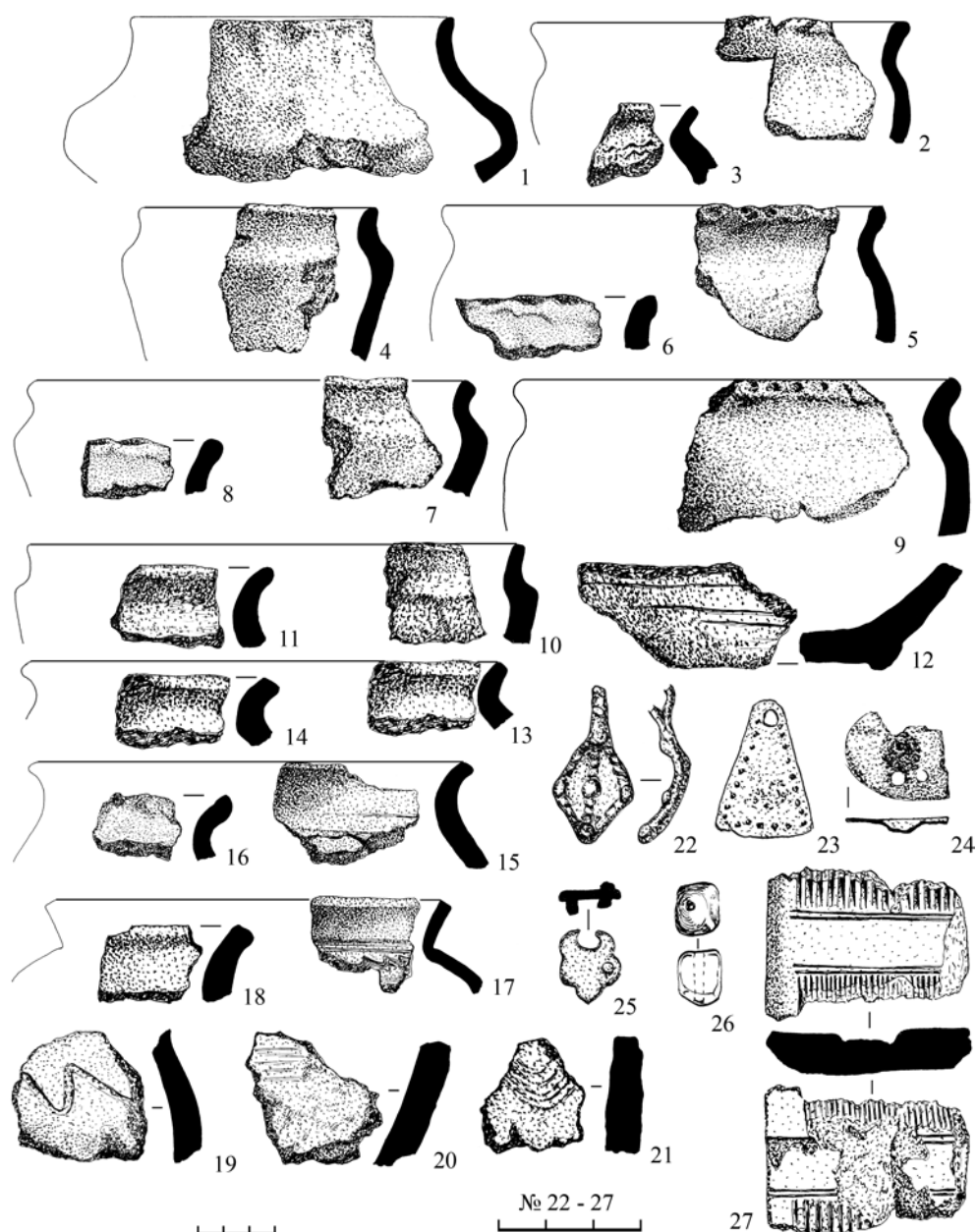

Рис. 8. Фрагменты лепных (1–10) и раннекруговых (11–21) сосудов, различные находки (22–27). Красный Поселок, селище 3, раскоп 1–21 – глина; 22 – белый металл; 23–25 – бронза; 26 – стекло; 27 – кость)

Возможно, следует выделить еще один тип посуды – сковороды (рис. 9). Однако их принадлежность к керамике рассматриваемого периода весьма условна и определяется лишь на основании имеющихся аналогий. Части сковород найдены на четырех селищах – Слободка 2, Красный Поселок 3, Харитоновка и Западная. На селище Слободка 2 найден обломок коричневоглиняной сковороды с затертой поверхностью, с примесью дресвы в тесте (рис. 9, 7). По краю бортика имеется орнамент в виде ямчатых вдавлений. На селище Красный Поселок 3 фрагменты

сковород происходят из верхнего заполнения ямы № 8, содержавшего смешанный материал – лепную керамику мощинского типа, роменскую, а также раннекруговую. Нижнее заполнение ямы содержало керамику только мощинского типа (Прошкин, 2002. С. 20–22. Рис. 106–115). Два обломка имеют хорошо заглаженную и затертую поверхность (рис. 9, 5, 6), один – грубую и неровную (рис. 9, 3). В тесте грубые примеси шамота и дресвы. Кроме того, из ямы № 8г и культурного слоя происходят находки еще трех обломков с гладкой и затертой поверхностью

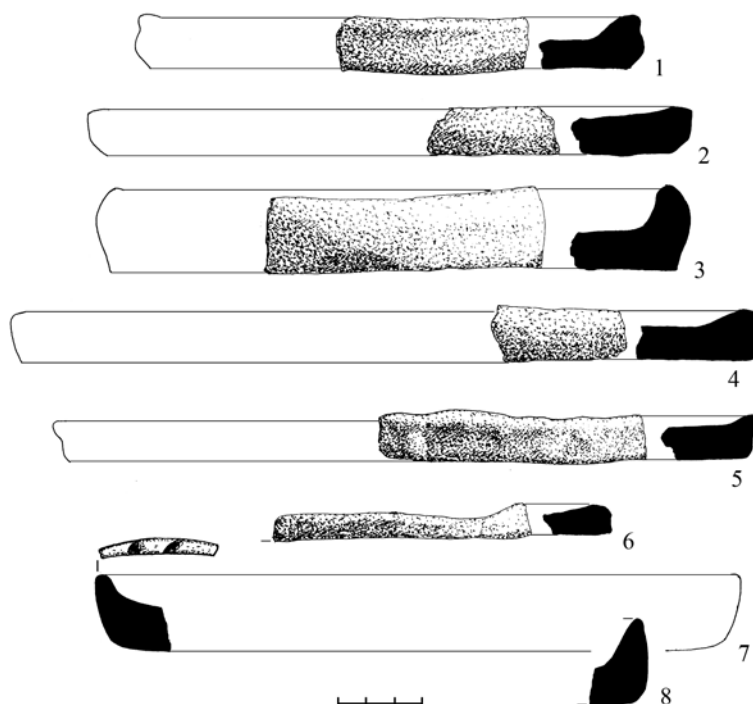

Рис. 9. Фрагменты сковород

1–6 – Красный Поселок, селище 3, раскоп; 7 – Слободка, селище 2, подъемный материал; 8 – Западная, селище, подъемный материал

коричневого цвета (рис. 9, 1, 2, 4). Аналогии данному типу посуды известны на роменских поселениях Днепровского Левобережья, однако там сковороды имеют более выраженный бортик (Сухобоков, 1975. Рис. 45, 4; 46, 10, 11 и др.). Не исключено, что вышеописанные фрагменты сковород могут быть связаны и с ранними периодами функционирования поселений в первой половине I тысячелетия н. э.

Следует отметить одну интересную находку верхней части лепного темно-серого с затертой, но бугристой поверхностью, с примесью мелкой дресвы в тесте и хорошо обожженного сосуда с селища Красный Поселок 3 (рис. 8, 1). Аналогий подобной форме лепного сосуда в роменских древностях этого времени неизвестно. Возможно, это часть лепного «бокала», имеющего сходство с аналогичными изделиями с территории бассейна среднего течения р. Одра (Польша). Хронологические рамки их бытования охватывают VII – середину X в. (Dabrowski, 1999. С. 231–234. Рис. 2, 1; 3, 1).

Раннекруговая посуда

Подавляющее большинство раннекруговых сосудов (рис. 7, 7–10; рис. 8, 11–21; рис. 10, 1–11, 19, 20) выделяется своей грубой и иногда неровной поверхностью, слабым обжигом, а также тестом, насыщенным примесью (дресва, шамот и др.).

Поверхность имеет различные оттенки красного, коричневого и серого цвета. Стенки сосудов различной толщины – в основном 10–16 мм, но встречаются как менее (от 7–9 мм), так и более толстые (18–20 мм). По А. А. Бобринскому, степень применения гончарного круга для изготовления такой посуды соответствует уровням РФК-2 и РФК-3 (Бобринский, 1978. С. 42–51).

В отличие от лепной керамики, раннекруговая не имеет орнаментации по краям венчиков. Орнаментированы только плечики и тулова сосудов. Встречены следующие виды орнаментации: линейный, волнистый, ямчатые вдавления и очень редко оттиски гребенчатого штампа. Часто встречаются фрагменты сосудов с комбинированным – линейно-волнистым орнаментом.

В морфологическом отношении раннекруговые сосуды, в сравнении с лепными, имеют более развитые формы с отклоненными наружу венчиками, плавным или резким изгибом шейки, покатыми плечиками, плавно переходящими в тулово. Наибольшее расширение в подавляющем большинстве случаев приходится на верхнюю половину сосуда. Очень редко встречаются верхние части сосудов, повторяющие профилировку лепных сосудов роменского облика. Типологически разделить раннекруговую керамику не представляется возможным

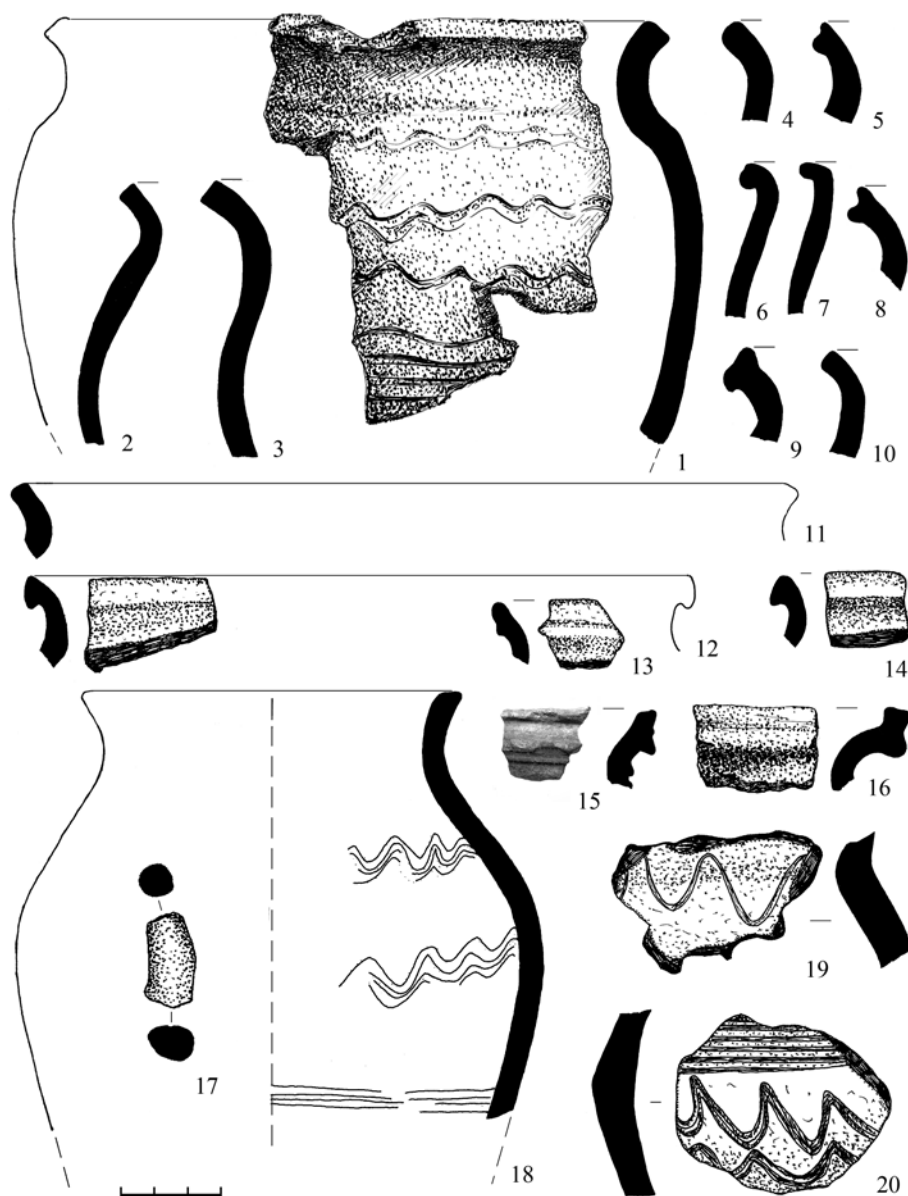

Рис. 10. Раннекруговая и круговая импортная (12–16) керамика

1 – Воротыньск, городище, подъемный материал; 2–7, 20 – Кривское, селище 3, раскоп 1; 8 – Западная, селище, подъемный материал; 9, 10 – Поздняково, селище 3, подъемный материал; 11–13, 19 – Вороново, селище 1, подъемный материал; 14 – Перцево, поселение, подъемный материал; 15 – Баранцево, селище 1, подъемный материал; 16 – Нижние Прыски, поселение 2, подъемный материал; 17, 18 – городище «Чертово Городище», раскопы 6 и 3

из-за фрагментарности материала и отсутствия целых форм. По профилям верхних частей сосудов можно выделить лишь одну-две группы: с эсвидными венчиками (рис. 10, 3) и с яйцевидным туловом (рис. 10, 2, 6, 7). Некоторые различия имеются только в форме и величине венчиков: сужающиеся к краю, кососрезанные, короткие, удлиненные и т. п.

При сравнении профилей верхних частей раннекруговых сосудов с аналогичной керамикой с памятников вне рассматриваемой территории обнаруживается большое число аналогий, позволяющих

датировать их в пределах второй половины X–XI в. Например, верхние части сосудов, имеющих эсвидный профиль (рис. 10, 3) аналогичны профилям раннекруговых сосудов второй половины X – первой половины XI в. на Северо-Западе Руси (Горюнова, 2009. С. 135. Рис. 2, 3). Известные аналогии имеются в керамическом материале из жилища № 17 городища Монастырек, в группе круговой посуды Е на селище Франополь, в числе ранней керамики Новгорода и других памятников (Максимов, Петрашенко, 1988. Рис. 17; Иов, 1992. Рис. 1; Олейников,

Смирнова, 1992. Рис. 5, 17 и др.). Следует особо отметить, что наиболее близкими аналогиями круговым сосудам с селища Кривское 3 (рис. 10, 2, 3, 6, 7) являются сосуды, происходящие из комплексов углубленной в материк постройки на селище Новое Съяново 3 (раскоп 1996 г.), ямы № 1 на селище Сосновка IV (шурф 1997 г.) и постройки 1 селища Жданово 1. Все комплексы по сопровождающему материалу датируются исследователями серединой – второй половиной XI в. (Шполянский, 1999. С. 145. Рис. 2, 4; Гоняный, 1999. Рис. 5, 1; Коваль, 2004. Рис. 2, 13).

На территории Верхнего Поочья раннекруговая керамика найдена на городище Тимофеевка, где она связана со слоем XI в., на селище Лебедка (Григорьев, 2005. С. 130–131. Рис. 54, 1, 2, 12; Никольская, 1981. Рис. 20) и других поселениях.

Импортная керамика

К ранним керамическим изделиям данной группы следует отнести находки с городища «Чертово Городище». Круговой сосуд представлен одной почти целой формой профилированного узкогорлого «вазообразного» горшка с линейно-волнистым орнаментом и рядом стенок от подобного ему сосуда (рис. 10, 18). Близкие аналогии данному горшку происходят из тризны № 40 Дмитриевского могильника, а также из тризны № 117 Маяцкого могильника, из слоя Новотроицкого поселения (Плетнева, 1989. Рис. 78; Флеров, 1993. Рис. 64; Ляпушкин, 1958. Рис. 25, 7). Вероятно, его следует рассматривать в качестве керамического импорта из степной зоны, так же как и ручку кувшина или кружки (рис. 10, 17). Применение ручек в качестве деталей лепных роменских сосудов неизвестно и более характерно для салтовской посуды (Плетнева, 1989. Рис. 68–76).

Ранняя древнерусская керамика найдена на четырех поселениях (Нижние Прыски 2, Вороново 1, Баранцево 1, Перцево). Это венчики серо- и коричневоглиняных сосудов, по профилю близких горшкам «шестовицкого типа» (рис. 10, 12–16). Технологически они достаточно сильно отличаются от раннекруговой керамики лучшим обжигом, гладкой поверхностью и отсутствием грубых примесей в тесте. Кроме того, известны венчики раннекруговых грубых сосудов, подражающих или имитирующих профили ранних древнерусских сосудов (селище Кривское 3 и др.) (рис. 10, 5, 8, 9). По типологии И.Г. Сарачева, они соответствуют типам 2, 4, 5а и 7 венчиков древнерусских

сосудов Днепровского Левобережья второй половины X–XI в. (Сарачев, 2000. С. 232–234. Рис. 62). Вероятно, данная керамика является древнерусским импортом с территории Среднего Подесенья.

Кроме лепной роменской и раннекруговой керамики, основанием для датировки памятников и разделением их на хронологические группы служат также и другие находки. На подавляющем большинстве поселений керамика является подъемным материалом, который не может быть использован в полной мере для их датировки, а только для установления относительной хронологии памятников. Все известные на сегодняшний день памятники рассматриваемого периода с находками керамики и другими материалами приведены в таблице 1.

По керамическому материалу все известные памятники северо-западной части Верхнего Поочья можно разделить на три группы: 1) памятники с находками только лепной роменской керамики; 2) памятники с находками лепной роменской и раннекруговой керамики; 3) памятники с находками только раннекруговой керамики.

В первую группу входит 31 памятник (рис. 1; табл. 1). На двух из них найдена импортная керамика – близкая салтовской (городище «Чертово Городище») и древнерусская (поселение Нижние Прыски 2). Единственным поселением данной группы, имеющим датировку по комплексу сопровождающих керамику находок, является «Чертово Городище». В числе датирующих следует назвать ряд украшений, деталей костюма и поясного набора, предметов вооружения и снаряжения коня, а также дополняющие их нумизматические находки. Большой интерес в этом отношении представляют лучевые серьги двух типов. К первому типу относятся две трехлучевые серьги, выполненные в технике воспроизведения псевдозерни, отражающие ранний этап развития роменских лучевых серег (рис. 11, 1). Они схожи с подобными изделиями блучинского круга IX в. (Соловьева, 1978. С. 177. Рис. 3, 3; Григорьев, 2000. Рис. 46, 18 и др.), вероятно, имитирующими более ранние (VIII в.) изделия из зерни, имеющие дунайское происхождение. К второму типу относится пятилучевая серьга с имитацией зерни на щитках и двусторонним изображением (рис. 11, 2), что является, по убедительному мнению А.В. Григорьева, признаком раннего этапа (IX в.) развития лучевых серег (Григорьев, 2000. С. 131; 2005. С. 88, 89)¹. С городища также

¹ Ряду подобных изделий, найденных за пределами площадки городища, посвящена специальная публикация А.В. Григорьева (Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк, 2010. В печати).

Таблица 1. Находки керамики и других материалов на памятниках археологии IX–XI вв. северо-западной части Верхнего Поочья. (ДР – древнерусская; ИК – импортная керамика; ИН – индивидуальные датирующие находки; К – клад; КМ – комплекс монет; ЛРК – лепная роменская керамика; НМ – нумизматические материалы; ОМ – отдельные монеты; С – салтовская; РКК – раннекруговая керамика. Номера памятников в таблице соответствуют их номерам на рис. 1).

№№	Памятник	ЛРК	РКК	ИК	ИН IX–X в.	ИН XI в.	НМ, год чекана младшей монеты
1	«Чертово Городище»	+	–	С	+	–	КМ, 813/814
2	«Чертово Городище»	+	–	–	–	–	–
3	Чекалин 2 (Дуна)	+	–	–	+	–	ОМ, 758/59
4	Чекалин 2	+	+	–	+	+	К, 906/07
5	Кудиново	+	–	–	–	–	–
6	Западная	+	–	–	+	–	–
7	Западная	+	+	–	–	–	–
8	Доброе	+	–	–	+	–	–
9	Красное 3	+	–	–	–	–	–
10	Харитоновка	+	–	–	–	–	–
11	Левково 2	+	–	–	–	–	–
12	Брынь	+	–	–	–	–	–
13	Волконское	+	–	–	–	–	–
14	Волконское	+	–	–	–	–	–
15	Дешовки 3	+	–	–	–	–	–
16	Козельск	+	–	–	–	–	–
17	Нижние Прыски 2	+	–	ДР	–	+	–
18	Колодези	–	–	–	–	–	К, 976–1025
19	Баранцево 1	–	+	ДР	–	–	–
20	Подборки	+	–	–	+	–	ОМ, 810/11
21	Перемышль	+	–	–	–	–	–
22	Вороново	+	–	–	–	–	–
23	Вороново	+	+	ДР	–	–	–
24	Вороново	+	+	–	–	–	–
25	Вороново	+	–	–	–	–	–
26	Антопьево 1	+	+	–	–	–	–
27	Антопьево 2	+	–	–	–	–	–
28	Слободка 2	+	+	–	+	+	КМ, 974/75
29	Воротынский	–	+	–	–	–	–
30	Сельцо Кольцово	–	–	–	–	–	К, 955/56
31	Мосальск	+	+	–	–	–	–
32	Мощины	+	–	–	+	–	–
33	Машкино	–	+	–	–	–	–
34	Красный Поселок 1	+	–	–	–	–	–
35	Красный Поселок 3	+	+	–	+	+	–
36	Козлово 2	+	–	–	–	–	–
37	Городня 4	+	–	–	–	–	–
38	Перцево	+	+	ДР	+	–	–
39	Перцево 1	+	–	–	–	–	–
40	Турынинские Дворики	+	–	–	–	–	–

Таблица 1. Находки керамики и других материалов на памятниках археологии IX–XI вв. северо-западной части Верхнего Поочья. (окончание).

№№	Памятник	ЛРК	РКК	ИК	ИН IX–X в.	ИН XI в.	НМ, год чекана младшей монеты
41	Никольское	+	–	–	–	–	–
42	Поздняково 3	+	+	–	–	–	–
43	Городище	–	–	–	+	–	ОМ, 810
44	Таруса 1	+	+	–	+	+	–
45	Таруса 2	+	–	–	–	–	–
46	«Комсомольское»	+	–	–	–	–	–
47	Романовка	+	+	–	–	+	–
48	Лысая Гора 1	–	+	–	–	+	–
49	Беницы	+	+	–	+	+	–
50	Беницы	+	–	–	–	–	–
51	Рыжково	+	+	–	+	+	–
52	Ермолино 1	+	–	–	+	–	–
53	Кривское 3	+	+	–	+	+	ОМ, 914–934
54	Стрелково (Огубское)	+	–	–	–	–	–
55	Дракино	+	+	–	–	–	–
56	Кобелево 3 (Бочарово)	–	–	–	+	–	–

происходят находки двух серег «салтовского» типа (рис. 11, 3). Обе находки близки типу 5 литых серег из погребений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 113. Рис. 57). Кроме памятников салтовского круга, они широко известны на роменских поселениях ранних периодов (до конца IX в.) (Григорьев, 2005. С. 94). В числе других изделий – округлые, с щелевидной прорезью, слегка сплюснутые привески-бубенчики (рис. 11, 6), пуговицы (рис. 11, 7), аналогичные пуговицам типа 1 из катакомб Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 107. Рис. 56), поясные «сердцевидные» бляшки (рис. 11, 8), многочастные пронизки (рис. 11, 11) и другие предметы (рис. 11, 4, 5, 9–10). Из предметов вооружения, найденных на городище, следует назвать ряд наконечников стрел с достаточно узкими хронологическими рамками использования (VII/VIII–X/XI вв.): двушипный с тордированной втулкой (тип 2²; рис. 11, 12), шиловидный с квадратным сечением острия (тип 8; рис. 11, 13), с плоским пером пятиугольной формы (тип 36; рис. 11, 14) и др. Трехлопастные наконечники также представлены целой серией типов – 14 (рис. 11, 15), 18 (рис. 11, 16), 21 (рис. 11, 17)

и др. Из предметов снаряжения коня присутствуют двухсоставные с прямыми, расширяющимися в средней части псалиями, удила (рис. 11, 19, 20). По А. К. Амброзу, удила подобного типа с грызлами, имеющими восьмеркообразные концы, появились в погребениях группы II VI–VIII вв. (авары, Крым, Башкирия и т.д.) («Археология СССР», 1981. С. 14. Рис. 4а, 25, 26).

Существенным дополнением для хронологии городища является комплекс монет (49 экз.) – драхм, полудрахм и дирхемов, подавляющее большинство которых составляют аббасидские дирхемы иранского и североафриканского чекана³. Младшая монета комплекса – аббасидский дирхем халифа ал-Мамуна чекана 813/14 г. (Прошкин, 2011. С. 111–113). Весь комплекс находок с городища на современном этапе исследований позволяет датировать славянский период его функционирования в достаточно узких хронологических рамках – IX – начало X в.

Другие поселения этой группы за исключением двух городищ (Чекалин 2 (Дуна) и Подборки) не содержат каких-либо дополнительных материалов кроме лепной керамики. На городище Чекалин 2,

² По типологии А. Ф. Медведева.

³ Определения монет с городищ «Чертово Городище», Подборки, селищ Слободка 2, Чекалин 2, Кривское 3, а также из клада Сельцо Кольцово выполнены А. В. Фоминым.

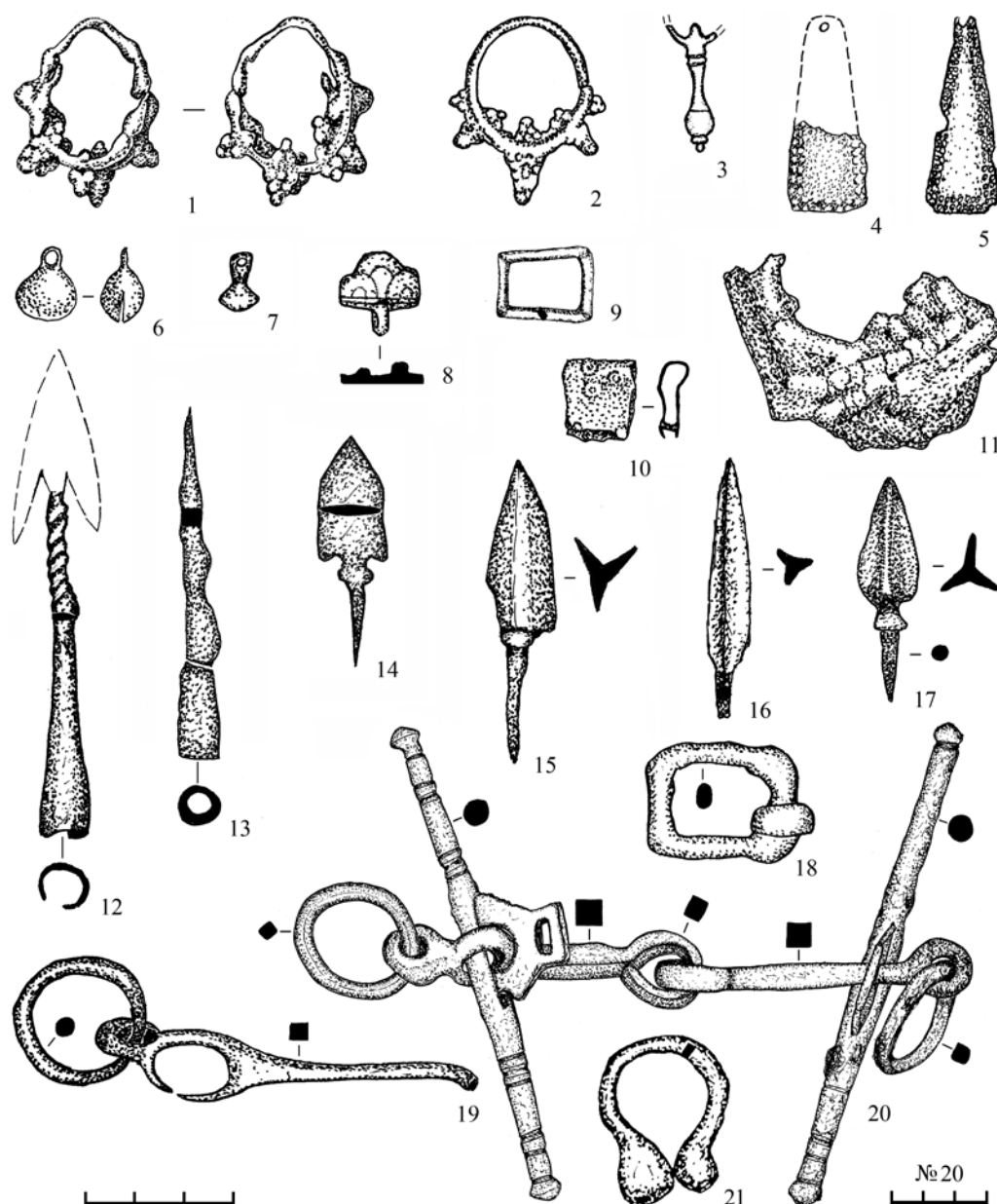

Рис. 11. Украшения, детали костюма и пояса, предметы быта, вооружения и конского снаряжения. Городище «Чертово Городище»

1, 2, 6, 9, 10 – раскоп 3; 3 – раскоп 10; 4, 11 – раскоп 2; 5; 7; 8; 16 – раскоп 4; 12; 14; 18 – раскоп 9; 13 – раскоп 7; 15; 19; 21 – подъемный материал; 17 – раскоп 5; 20 – раскоп 6, погребение.
(1, 3, 8 – серебро; 2, 4–7, 10 – бронза; 9, 12–21 – железо; 11 – стекло)

где раскопками, сначала Н.В. Теплова и И.Д. Четыркина, затем Ю.Г. Гендуне в конце XIX – начале XX в., была вскрыта практически вся площадь поселения и получена большая коллекция лепной посуды, упоминается только одна находка этого периода – дирхем чекана 758/59 г. (Теплов, 1899. С. 19; Носов, 1974. Рис. 4). Находку салтовского перстня «с овальным камнем», упоминаемого в ряде публикаций, следует считать недоразумением (Носов, 1974. С. 9; Никольская, 1981. С. 25 и др.). Находки

части лепного сосуда (рис. 3, 1) и дирхема чекана 810/11 г. на городище Подборки не дают основания отнести данный памятник к числу славянских.

На поселении Нижние Прыски 2 отмечена находка венчика кругового древнерусского сосуда (рис. 10, 16), близкого типу 7 (по типологии И.Г. Сарачева) древнерусских горшков с Днепро-вского Левобережья. По мнению исследователя, это редкий тип, датируемый по материалам поселения Горбово в пределах XI – начала XII в. (Сарачев,

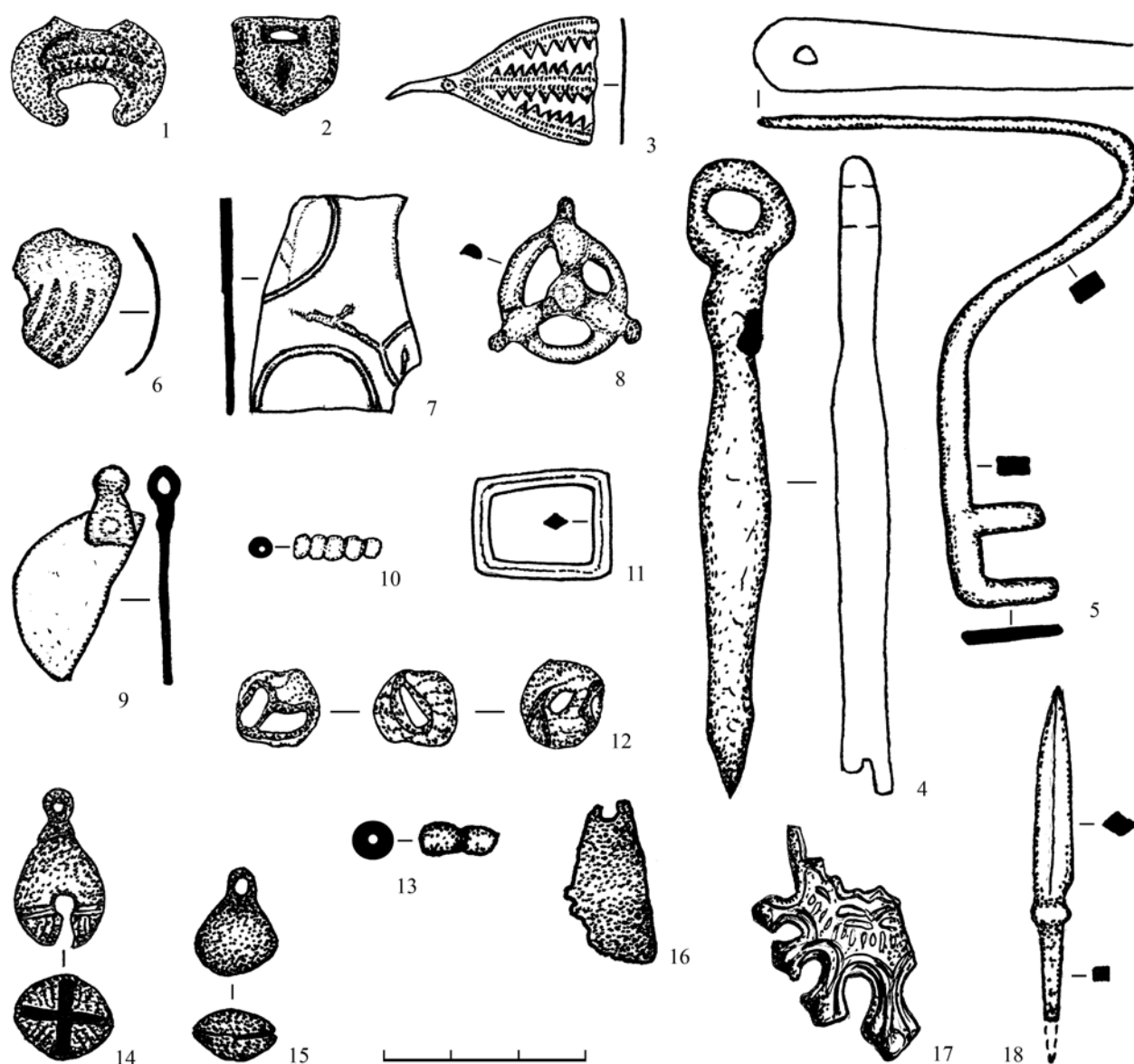

Рис. 12. Различные находки с памятников с лепной и раннекруговой керамикой

1–5 – Таруса, городище 1; 6–9, 18 – Чекалин, селище 2; 10–12 – Перцево, поселение;
13–16 – Рыжково, курганный могильник, курган № 2; 17 – Нижние Прыски, поселение 2.
1–12, 17–18 – подъемный материал. (1, 3, 7, 9, 14 – белый металл;
2, 6, 8, 11, 15–17 – бронза; 10, 12, 13 – стекло; 4, 5, 18 – железо)

2000. С. 234. Рис. 62). Здесь же найдена половина височного кольца типа «Сельцо» (рис. 12, 17), что косвенно говорит о более позднем, построменском, времени поселения.

Датировать поселения только по керамическому материалу очень сложно. Лепная посуда отличалась постоянством форм на протяжении всего существования роменской культуры. При отсутствии датирующих находок можно говорить о широких хронологических рамках существования роменских памятников на верхней Оке в пределах IX – первой половины XI в.

Курганные могильники Западная и Доброе по составу погребального инвентаря, сопровождающего кремации, могут датироваться в пределах IX–X вв. Вероятно, курганы с кремациями в Западной более ранние, судя по находкам в них бубенчика салтовского типа, а также целой серии различных стеклянных и пастовых бус, бисера (Изьмова, 1959; 1964). Относительную хронологию курганов с кремациями, содержащими лепные сосуды, можно установить по сочетанию в них стеклянных одноцветных пронизок, глазчатых бус и цветного бисера. Именно в таком

наборе они встречены в ряде катакомб Дмитриевского могильника, а наиболее часто, как отмечала С. А. Плетнева, в катакомбах первой группы конца VIII – первой половины IX в. (Плетнева, 1967. Табл. 3, 4. Рис. 36). З. А. Львовой также было отмечено, что сочетание в погребениях синестеклянных пронизок с голубым бисером может быть датирующим признаком последней четверти I тысячелетия н. э. (Львова, 1973. С. 93).

Достаточно сложно датировать курган удлиненной формы в курганном могильнике Ермолино 1, содержащий остатки кремации с лепными урнами и сопровождавшимися находками поясного крючка и пряжки с широкой датировкой в пределах IX – первой половины X в. (Массалитина, 1992. Рис. 1; фонды МИО, коллекция Кп 1605/1, 2).

Вторая группа включает 16 памятников с находками лепной роменской и раннекруговой керамики (рис. 1). На двух из них найдена ранняя древнерусская керамика (поселения Вороново и Перцево). Венчики горшков с поселения Вороново соответствуют типам 2 и 4 (рис. 10, 12, 13), а с поселения Перцево (рис. 10, 14) типу 4 венчиков древнерусских сосудов по И. Г. Сарачеву, датируемых им в пределах X – первой половины XI в. (Сарачев, 2000. С. 232. Рис. 62). Ярко выраженного, датирующего отдельные памятники, комплекса находок не имеется. На ряде памятников найдены различные украшения, детали костюма и поясного набора, предметы вооружения и быта, монеты, позволяющие определить их относительную хронологию. Довольно узкую дату находок дает курганный могильник Рыжково, где раскопаны две курганные насыпи с кремациями.

Так, на селище Слободка 2 к рассматриваемому периоду могут относиться находки семилучевого височного кольца (рис. 7, 13), трапециевидных привесок (рис. 7, 11, 12), части фибулы с конусовидными головками (рис. 7, 15) и ширококорой лунницы (рис. 7, 14)⁴. Височное кольцо соответствует группе V (XI–XII вв.) по типологии Е. А. Шинакова (1980. С. 121–122. Рис. 2). Подобные найдены в ряде погребений конца X–XI в. с сребренниками Владимира I типа (Вотня), с дирхемом (с ушком) чекана 911/12 г. (Демьянки) и т. д. (Равдина, 1979. С. 91. Рис. 2, 2; 1988. С. 50. Табл. 3, 32 и др.). Значительный интерес представляет находка фрагмента круглого орнаментированного зеркала (рис. 7, 16). С. А. Плетнева аналогичные зеркала с диаметром

до 10,5 см выделила в отдельный вид 2 зеркал из катакомб Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 104. Рис. 53). На селище собран комплекс монет (вероятно, клад), из которого сохранилось 36 целых и 76 обломков, в основном, саманидских дирхемов, два милиарисия (Иоанн Цимисхий) и фельс. Младшая монета комплекса чекана 974/75 г. (фонды КОКМ, коллекция Кп 12994).

На селище Красный Поселок 3 к рассматриваемому периоду относятся находки трапециевидной (рис. 8, 23), колпачковой (?) (рис. 8, 24) и «лапчатой» (рис. 8, 22) подвесок, синестеклянной 14-гранной бусины (рис. 8, 26), двустороннего гребня (рис. 8, 27). Уплощенной формы бубенчик с линейной прорезью и поясная накладка (рис. 8, 25) имеют аналогии в древностях степного круга и являются, по всей видимости, салтовским импортом (Салтовский могильник и др.) (Плетнева, 1967. Рис. 44, 29). Аналогичная накладка происходит из погребения 2 кургана 11 в Слободке Глушице, где также является салтовским импортом и может датироваться концом VIII – первой половиной IX в. (Нефёдов, 2002. С. 137. Рис. 1, 13).

На городище Таруса 1 с находками лепной и раннекруговой керамики в хронологическом плане увязываются такие предметы, как височное кольцо типа «Сельцо», узкорогой привеска-лунница (рис. 12, 1), накладка геральдического типа (рис. 12, 2), часть поясного крючка (рис. 12, 3), наконечник стрелы типа 39, ключи от внутреннего замка (рис. 12, 5) и навесного пружинного замка типа А (рис. 12, 4), и др. На селище Чекалин 2 – это находки фрагмента бубенчика с гофрированной поверхностью (рис. 12, 6), наконечников стрел типа 97 (рис. 12, 18), кольца-разделителя от конской узды или от пояса (рис. 12, 8), обломка круглого зеркала (рис. 12, 7) и др. Находки двух саманидских дирхемов чекана 904/05 г. и 906/07 г., по мнению А. В. Фомина, могут быть остатками клада 910-х годов (Грудинкин, 1996. С. 7. Рис. 41, 1, 2). На селище Кривское 3 найдены обломки семилучевого кольца группы V (по Е. А. Шинакову), височного кольца типа «Сельцо» и подковообразной спиралеконечной фибулы (МИО, коллекции Кп 1314/7, Кп 2926/3, 14), а также саманидского дирхема 913–943 гг.; на поселении Перцево – синестеклянные 14-гранная бусина и многочастная пронизка (рис. 12, 10), мозаичная бусина (рис. 12, 12), трапециевидная пряжка (рис. 12, 11).

⁴ Выражаю благодарность Б. В. Грудинкину за возможность опубликовать подъемный материал, собранный на селищах Слободка 2 и Чекалин 2.

Датирующими находками в составе погребального инвентаря из курганного могильника с кремациями Рыжково является сочетание фрагментов лепных и раннекруговых сосудов вместе с пятичастными стеклянными пронизками, а в насыпях курганов – лепной и раннекруговой керамики с такими предметами, как привески-бубенчики (рис. 12, 14, 15), двухчастная золотостеклянная пронизка (рис. 12, 13), трапецевидная привеска (рис. 12, 16). Пятичастные стеклянные пронизки (независимо от их цвета) наиболее широко бытовали в Восточной Европе в VIII–XI вв. Например, на последнюю четверть I тысячелетия н.э. приходится их наибольшее распространение в Прикамье (Львова, 1973. С. 93). Известны их находки в погребениях с монетами последней четверти X–XI в. (Равдина, 1988. С. 77 и др.). На верхней Оке пятичастные пронизки найдены на «Чертовом Городище», на селище Уткино 1 и других памятниках. К этому же периоду относятся находки многочастных золотостеклянных пронизок (например, из погребений на Маяцком селище и др.) (Мастыкова, 1991. С. 174). В Ростове Великом по дендродатам 6–5 ярусов их находки не выходят за пределы X в. (Самойлович, 2006. С. 381). Бубенчики двух типов: один уплощенный с щелевидной прорезью (рис. 12, 15), другой – грушевидный крестопрорезной, с рельефным пояском и рифлеными лопастями (рис. 12, 14). Бубенчики первого типа полностью аналогичны бубенчикам с «Чертова Городища» (рис. 11, 6). На территории лесной зоны Восточной Европы они считаются салтовским импортом IX – первой половины X в. (Арефино, Супруты и др.) (Нефёдов, 2002. Рис. 3, 9; Григорьев, 2005. Рис. 42, 8). Бубенчики второго типа широко бытовали на территории Восточной Европы в конце X–XI в. Их находки известны в вещевом комплексе Беловежского кочевнического могильника, относимого С. А. Плетневой к блоку I позднекочевнических древностей (с XI в.) (Плетнева, 2003. Рис. 46). Аналогичные бубенчики найдены в трупосожжении кургана № 100 в Гнездово (Лесная группа) в комплексе с двухчастными желтостеклянными лимоновидными пронизками и бочонкообразной гирькой, в составе погребального инвентаря в погребениях по обряду трупоположения кургана № 72 в Заозерье и кургана II в Линдора с дирхемом-привеской чекана 940/41 г. (Ширинский, 1999. С. 119. Рис. 26, III. 100; Шмидт, 2008. Табл. 102, 2; Лаул, 1978. С. 345. Табл. IX, 3). Список аналогов можно продолжить. Более широкую датировку имеет гладкая, пластинчатая трапецевидная привеска. В Новгороде они найдены

в слое рубежа X–XI вв., в Заозерье – в погребении 1 кургана № 4 (IX – середина X в.), однако Е. А. Шмидт находки трапецевидных привесок на селище относит ко всему периоду его существования – IV–X вв. (Седова, 1981. Рис. 10, 7; Шмидт, 2008. С. 22–23. Табл. 12, 6). Нет обоснованной датировки VI–VIII вв. данных изделий у И. Г. Розенфельдт, которая выделила их в вид 1 типа VI для позднедьяковских городищ (Розенфельдт, 1982. Рис. 5, 2–6).

Памятники третьей группы, с находками раннекруговой керамики, включают одно городище (Лысая Гора 1) и два селища (Машкино, Баранцево 1) (рис. 1). На селище Баранцево 1 найден венчик раннего древнерусского сосуда (рис. 10, 15), близкого типу 5а по И. Г. Сарачеву (середина X – первая половина XI в.) (Сарачев, 2000. С. 232. Рис. 62). В целом, эти памятники больше связаны с древнерусским периодом и содержат материалы второй половины XI–XIII в. и более позднего времени. С построменским периодом их связывают находки обломков раннекруговых сосудов, а на городище Лысая Гора 1 – еще и височных колец типа «Сельцо» (Фролов, Прошкин, 2011. Илл. 7).

В картографическом отношении расположение памятников этих трех групп фиксируется практически на всей изучаемой территории, кроме тех участков, где не проводились поиски памятников этого периода вообще (например, бассейн р. Угры) (рис. 1). Следует отметить лишь два факта. Первый – памятники с керамическим импортом находятся в южной части изучаемой территории, севернее р. Угры их неизвестно. Наибольшая часть находок происходит с памятников, сконцентрированных в южной части региона, на участке Чертова Городище – Вороново (четыре памятника из пяти). Второй – поселения третьей группы (с раннекруговой керамикой) зафиксированы только в центральной части региона, на Мещовском ополье (Баранцево 1, Машкино) и на его северо-восточной окраине (Лысая Гора 1).

В соответствии с рассмотренными материалами (керамика, датирующие находки), на данном уровне исследований можно предположить, что на изучаемой территории роменская лепная керамика использовалась как на всем протяжении существования культуры на верхней Оке, так и после ее «гибели», в течение второй и третьей четвертей XI столетия. Вероятно, она «доживает» до конца столетия в качестве пережиточных роменских элементов уже в составе древнерусской культуры. Это археологически зафиксировано на ряде памятников, например, на селище 3 Лавского комплекса

(Верхнее Подонье), где в ряде построек второй половины XI в. отмечено присутствие лепной роменской и круговой древнерусской керамики. Н. А. Тропин связывает данные комплексы с ранним, древнерусским этапом (середина XI – середина XII в.) функционирования поселений (Тропин, 2009. С. 161–163, рис. 4). В Подмосковье это селища Новое Съяново 3, Жданово 1, Хотяжи и др. Вероятно, для нашей территории устойчивое сочетание на памятниках находок лепной роменской и раннекруговой керамики может служить косвенным (пока!) признаком второй половины X – первой половины XI в.

На памятниках с лепной роменской и раннекруговой керамикой отмечены лишь единичные находки салтовского импорта, а на большинстве памятников этой группы он отсутствует вовсе. Вероятно, хронологически они более поздние – с середины (с находками салтовского импорта) – последней четверти (без таковых) X в.

Появление древнерусского керамического импорта на изучаемой территории датировать пока еще достаточно сложно. Все известные находки происходят из подъемного материала при отсутствии на памятниках иных датирующих предметов, кроме поселения Нижние Прыски 2, где найдено височное кольцо типа «Сельцо» (не ранее второй четверти – середины XI в.).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении керамические материалы, являются четким культурно-хронологическим индикатором для выделения памятников IX–XI вв. на изучаемой территории, так же, как и на всей территории Верхнего Поочья, и отражают два основных этапа освоения этого региона славянским (в своей основе) населением.

Первый этап, роменский, в свою очередь, делится на два периода – ранний и поздний. Ранний период характеризуется наличием на памятниках лепной роменской керамики, предметов салтовского круга, ранних дирхемов, что позволяет его датировать в пределах IX – начала X в. (городище «Чертова Городище», городище и селище Чекалин 2, курганный могильник Западная). К этому периоду следует отнести самый ранний комплекс монет первой четверти IX в. с «Чертова Городища», а также ряд отдельных монетных находок (городища Чекалин 2, Подборки, Городище), относящихся к начальному периоду распространения дирхемов в Восточной Европе – с конца VIII в. до 833 г. (Янин, 1956. С. 86. Рис. 5). Завершение раннего периода маркируется находками дирхемов начала X в. на селище Чекалин 2.

Поздний период маркирует появление раннекруговой керамики. На всех поселениях при этом продолжает бытовать лепная посуда, а на некоторых еще встречаются единичные предметы салтовского импорта (селища Слободка 2, Красный Поселок 3 и др.). Количественное соотношение обоих типов керамики, например, на селище Красный Поселок 3 в пределах раскопа 2001 г. площадью 64 кв. м. было следующим: лепная роменская керамика – не менее 242 шт., раннекруговая керамика – не менее 82 шт. Данный период можно считать завершающим для роменских памятников на верхней Оке и датировать в пределах второй половины X – второй четверти XI в. С ним связаны монетные клады второй половины X в. Сельцо Кольцово и на селище Слободка 2, а также, возможно, и клад из окрестностей Козельска с младшим дирхемом чекана 953 г. (Марков, 1910. С. 12).

Вероятно, при более тщательном анализе керамических и других материалов, можно будет выделить еще один, промежуточный период, отражающий существование поселений только с лепной роменской керамикой, когда уже исчезает салтовский импорт, но еще не появляется раннекруговая керамика (в течение второй-третьей четверти X столетия).

Второй этап – построменский. Достаточно короткий период времени, отражением которого является появление во второй четверти – середине XI в. древнерусского керамического импорта и височных колец типа «Сельцо». Вероятно, тогда же начинается постепенное исчезновение основных элементов роменской культуры и проникновение на верхнюю Оку древнерусской культуры. Завершающий этап существования роменской культуры и начало активного влияния древнерусского государства в этом регионе отражает монетно-вещевой клад из Колодезей, в составе которого были куфические дирхемы, западноевропейские динарии и византийские милиарисии, в том числе Василия II (976–1025 гг.) (Кропоткин, 1967, С. 48, 49; 1971. С. 81). Возможно, хронологическим индикатором этого короткого периода могут служить находки на поселениях раннекруговой керамики в сочетании с височными кольцами типа «Сельцо» и «ранними» древнерусскими предметами (семилучевое кольцо группы V, привески-лунницы, грушевидные крестопорезные бубенчики, лировидные овальнорамчатые пряжки, ключи от замков типа А, крупные шиферные пряслица с диаметром внутреннего канала 10–12 мм и др.).

Литература

- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. (Археология СССР).
- АКР. Тульская область. Ч. 1. М., 1999.
- АКР. Калужская область. М., 2006.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Булычев Н. И., 1899. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М.
- Винников А. З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж.
- Гендуне Ю. Г., 1903. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб.
- Герасимов М. М., Третьяков П. Н., Воеводский М. В., 1941. Долина р. Оки // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.
- Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Тр. ГИМ. Выпуск 111. М.
- Горюнова В. М., 2009. Датирующие возможности раннегончарной керамики X – начала XI в. // РА. № 4.
- Григорьев А. В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.
- Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула.
- Грудинкин Б. В., 1996. Отчет об археологических разведках в 1995 г. в Калужской и Тульской областях // Архив ИА. Р-1.
- Изюмова С. А., 1959. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1959 г. // Архив ИА. Р-1. № 2011.
- Изюмова С. А., 1964. Курганный могильник VIII–X вв. около д. Западной // СА. № 2.
- Изюмова С. А., 1970. Курганы у с. Доброе Тульской области // СА. № 1.
- Иов О. В., 1992. Круговая керамика поселений IX–XI вв. западной части Белорусского Полесья // Древнерусская керамика. М.
- Исланова И. В., 1995. Керамика селища Юрьевская горка // РА. № 2.
- Коваль В. Ю., 2004. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // РА. № 1.
- Колоколов А. М., 2011. Лепная керамика роменского типа с городища Супруты // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород.
- Кропоткин В. В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.
- Кропоткин В. В., 1971. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. Вып. IX.
- Лаул С., 1978. Исследования курганов позднего железного века в Линдоре // Изв. АН Эстонской ССР. Вып. 27. Таллин.
- Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое // МИА. № 74. М.–Л.
- Львова З. А., 1973. Бусы I Поломского могильника // АСТЭ. Вып. 15. Л.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. А., 1988. Славянские памятники у с. Монастырек на среднем Днепре. Киев.
- Марков А., 1910. Топография кладов восточных монет. СПб.
- Массалитина Г. А., 1992. Отчет о раскопках кургана Ермолино-1 Боровского района Калужской области. 1991 г. // Архив ИА. Р-1. № 16083.
- Мастыкова А. В., 1991. Типология бус из погребений Маяцкого селища // Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Приложение 2. Воронеж.
- Нефёдов В. С., 2002. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // ГАЗ. № 17. Минск.
- Никольская Т. Н., 1957. Древнерусское селище Лебедка // СА. № 3.
- Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. // МИА. № 72. М.
- Никольская Т. Н., 1975. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1975 году // Архив ИА. Р-1. № 5661.
- Никольская Т. Н., 1977. Сельские поселения Земли Вятчей // КСИА. Вып. 150.
- Никольская Т. Н., 1981. Земля вятчей. М.
- Носов Е. Н., 1974. Лепная керамика городища Дуна // КСИА. Вып. 140.
- Олейников О. М., Смирнова Г. П., 1992. Хронология некоторых групп новгородской керамики X–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.
- Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. М.
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М.
- Плетнева С. А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж.
- Прошкин О. Л., 2002. Отчет об археологических раскопках и разведках в зонах новостроек Калужской области. 2001 г. // Архив ИА. Р-1. № 24152.
- Прошкин О. Л., 2003. Славянское освоение территории Калужского края // Тр. регионального

конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 4. Калуга.

Прошкин О. Л., Есипов В. П., 2006. Мещовское ополье: физико-географическая ситуация и археологические памятники IX – начала XI вв. // Русский сборник. Брянск.

Прошкин О. Л., 2011. Чертово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга.

Равдина Т. В., 1979. Погребения с древнерусскими сребрениками // СА. № 3.

Равдина Т. В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Русанова И. П., 1976. Славянские древности VI–VII вв. М.

Русанова И. П., Тимошук Б. А., 1984. Кодын – славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М.

Самойлович Н. Г., 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья. М.

Сарачев И. Г., 2000. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья // Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Приложение I. Тула.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седов В. В., 1973. Ранние курганы вятичей // КСИА. Вып. 135.

Соловьева Г. Ф., 1978. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. М.

Сухобоков О. В., 1975. Славяне Днепровского Левобережья. Киев.

Теплов Н. В., 1899. Городище Дуна близ г. Лихвина Калужской губернии // ИКУАК. Вып. 1.

Тропин Н. А., 2009. Ранний этап в истории Лавского археологического комплекса (вторая половина XI – первая половина XII вв.): структурно-пространственный анализ памятника // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск.

Узянов А. А., 1982. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.

Успенская А. В., 1964. Древнерусское поселение Беницы // Ежегодник ГИМ. 1962. М.

Фехнер М. В., 1953. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Оки в пределах Калужской области. 1953 г. // Архив ИА. Р-1. № 865.

Флеров В. С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград.

Фролов А., Прошкин О., 2011. Таруса в X–XIV веках (по данным археологии). Калуга.

Шинаков Е. А., 1980. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. № 3.

Ширинский С. С., 1999. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Тр. ГИМ. Вып. XXXVI. М.

Шмидт Е. А., 2008. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII вв. Смоленск.

Шполянский С. В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Тр. ГИМ. Вып. 103. М.

Янин В. Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.

Dabrowski J., 1999. Wczesnosredniowieczne pu-charki ceramiczne z terenu Polski // Studia nad osadnictwem ziemi chełminskiej. Torun.

O. L. Proshkin

Handmade and early wheel-thrown pottery as a cultural-chronological marker of archaeological sites of the 9th – 11th centuries in the northwest part of the Upper Oka area

Summary

The territory under consideration has yielded 56 archaeological sites of the 9th – early half of the 11th century whose majority yields handmade and wheel-thrown pottery. Handmade pottery includes pots and bowls and is analogous to the pottery of the Romny culture of

the 8th – first half of the 11th century. Early wheel-thrown pottery, judging by analogies, can be dated to the second half of the 10th – 11th century AD. Ceramic materials reflect two stages of exploitation of the region in the 9th – 11th century, i. e. the Romny and Post-Romny ones.

Е. К. Столярова, А. В. Энговатова

Ближневосточные расписные стеклянные сосуды из Ярославля

Отдел охранных раскопок ИА РАН ведет археологическое изучение г. Ярославля с 2004 г. (начальник Ярославской археологической экспедиции – А. В. Энговатова) (рис. 1). За это время обнаружено огромное число находок, среди которых не последнее место занимают предметы из стекла. Их число уже превысило двухтысячный рубеж. Преобладающими среди них, как это обычно бывает при раскопках древнерусских городов, являются браслеты. Они составляют около 70% всех находок. Четвертая часть найденных стеклянных предметов – это бусы. Остальное – сосуды, витражи и мелкие украшения в виде пуговиц, перстней и вставок.

К числу наиболее интересных находок, открытых в Ярославле, относится стеклянная посуда, украшенная золотом и эмалями. Это предметы, относимые к ближневосточному, а точнее, сирийскому импорту. В советской историографии было принято включать эти вещи в группу восточных товаров. В зарубежной литературе изделия такого типа относят к предметам исламского происхождения. В любом случае на Руси такие изделия составляли особую статью привоза среди дорогих тканей, церковной утвари, резных ларцов и других предметов роскоши, поставлявшихся для феодалской верхушки. На сегодняшний день ярославская коллекция фрагментов сирийских сосудов, украшенных эмалевой росписью и золотом, довольно многочисленна, что позволяет сравнить ее с известными находками в Новогрудке, где было найдено восемь сосудов с подобной орнаментацией (Гуревич и др., 1968).

Первая такая находка в Ярославле была сделана в 2006 г. на территории Успенского собора в постройке 36¹. Там было обнаружено 35 стеклянных фрагментов, декорированных росписью эмалью и золотом (рис. 2). Все они, по-видимому, относятся к открытым сосудам в виде стаканов или кубков, которые являются одной из самых многочисленных групп ближневосточной расписной стеклянной посуды. Из всех фрагментов большая часть принадлежала верхней части сосудов (рис. 2, № 1987), только два фрагмента можно уверенно отнести к средней и нижней части (рис. 2, №№ 1989, 1958).

Сооружение 36, откуда происходят находки, фиксируется в квадратах 248, 249, 258, 259 (участки 12–13) с уровня 280 см (рис. 3; рис. 4) (Осипов, Фараджева, 2006). Постройка представляет собой заглубленный в материк на 120 см подклет, стены которого были сделаны из вертикального вкопанного частокола с опиленными нижними концами, заглубленными в материк на 30–40 см. По углам и в середине стен сохранились следы от более крупных столбов, служивших опорами. Внешние размеры постройки составляют 400 x 420 см, внутренние 340 x 350 см.

Вдоль северной и южной границ постройки фиксируются остатки пристенной засыпки в виде серой супеси с включениями угля. Заполнением внутреннего пространства сооружения служит слой темно-коричневой супеси. В южной части сооружение нарушено поздним перекопом в виде неправильного в плане пятна серой супеси с включением извести и кирпичной крошки.

¹ Руководство полевыми работами осуществляли Н. Н. Фараджева и Д. О. Осипов.

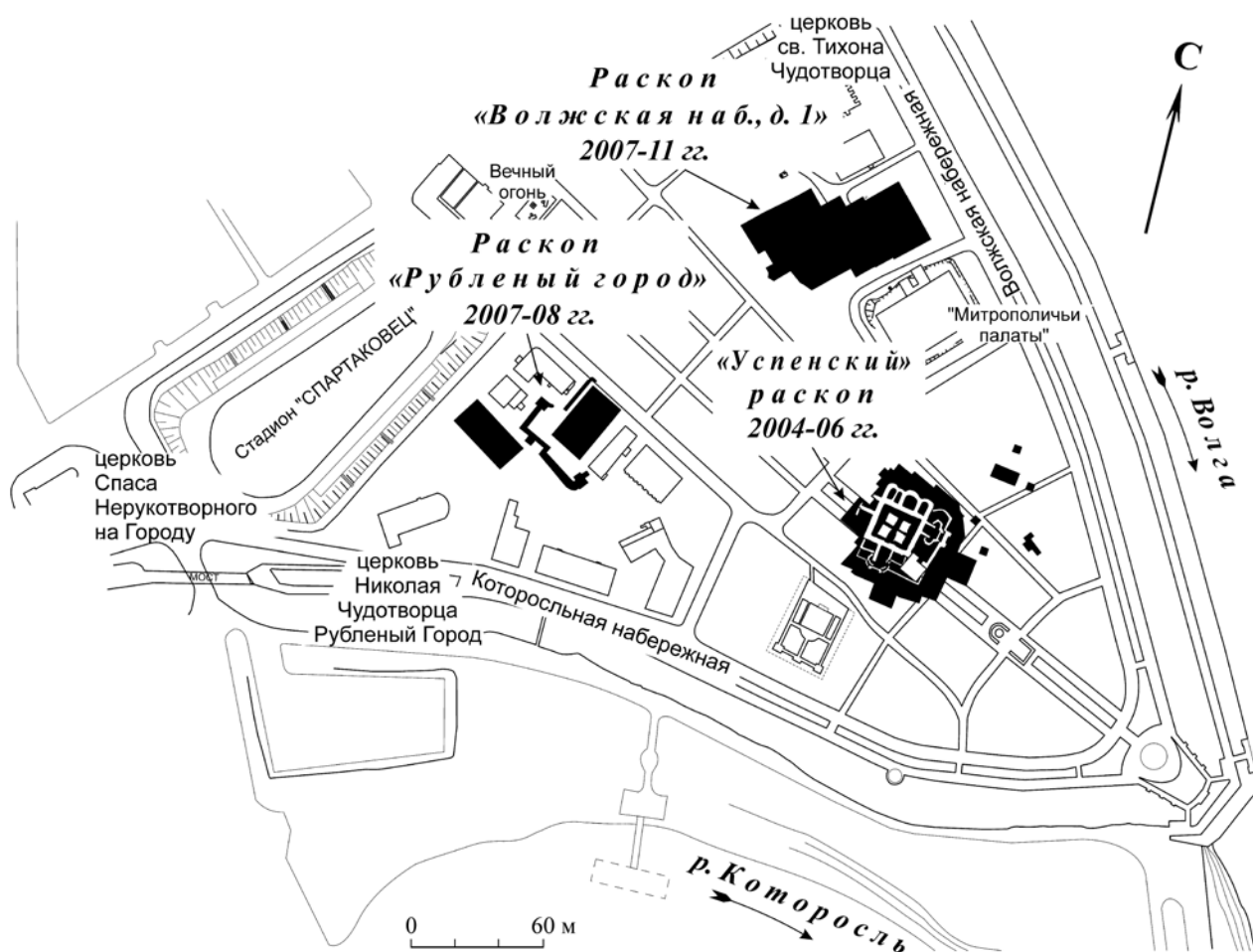

Рис. 1. Стрелка Ярославля (схема). Раскопы ИА РАН 2004–2011 гг.

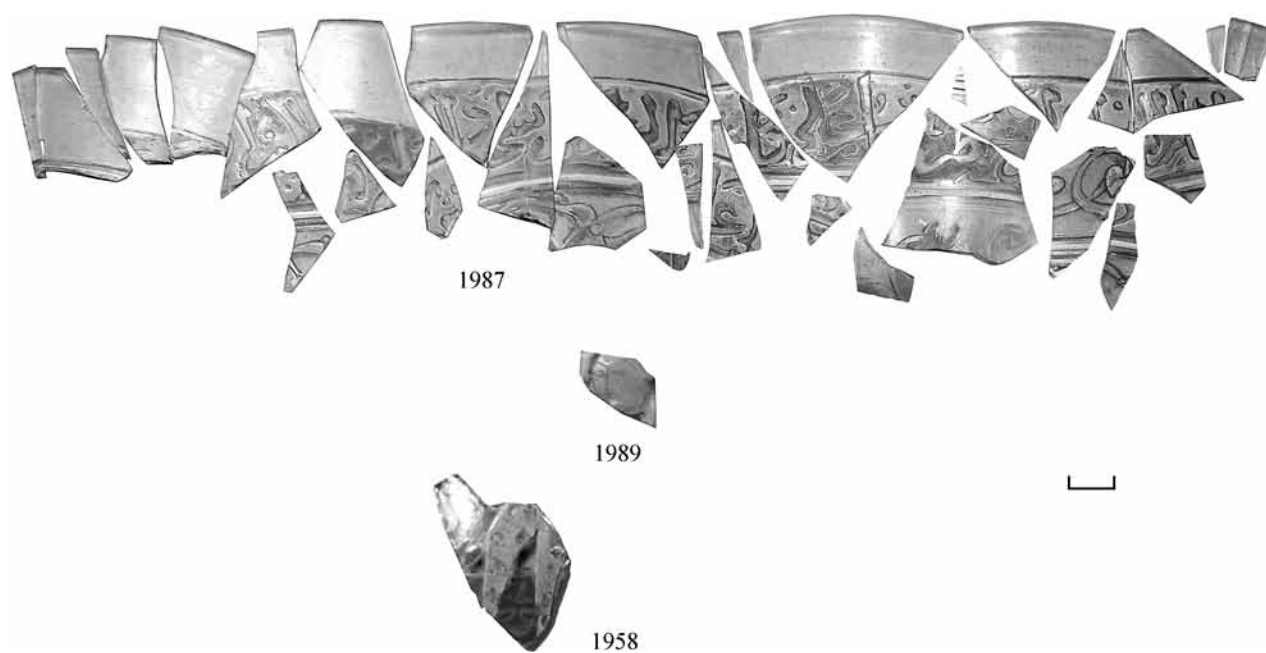

Рис. 2. Фрагменты ближневосточных стеклянных сосудов с росписью эмалью и золотом. Ярославль, 2006. Раскоп Успенский I. Постройка 36. (См. цв. вкл.)

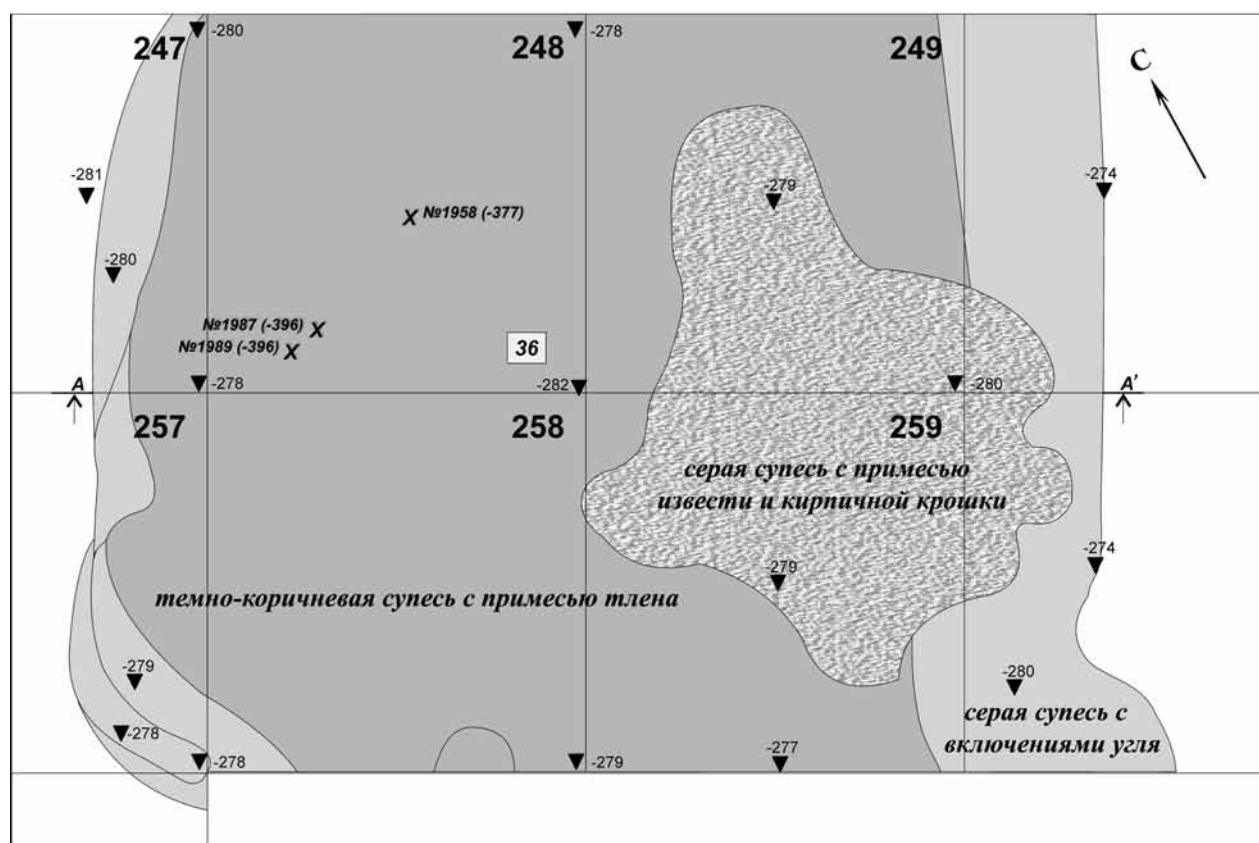

Рис. 3. Постройка 36. План

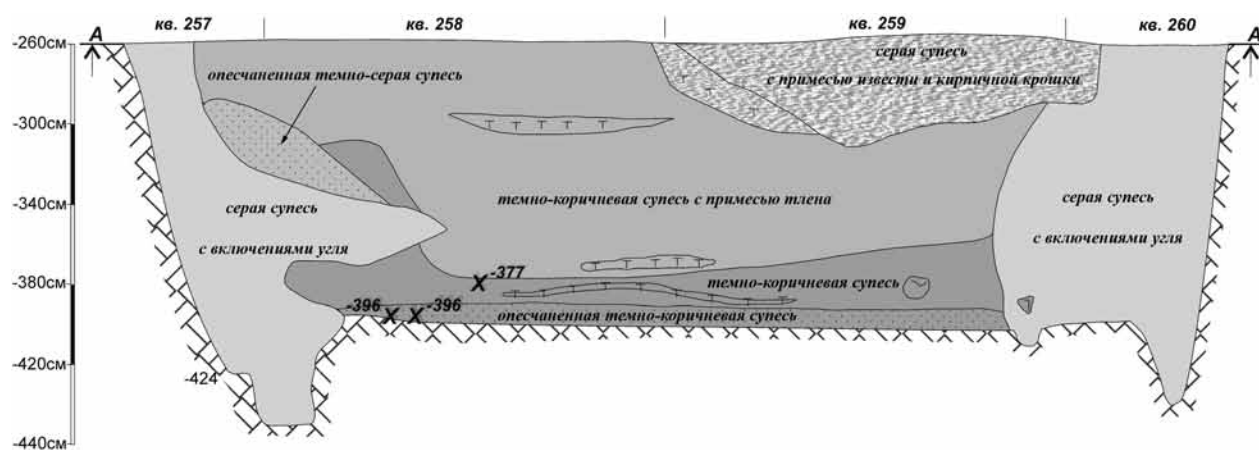

Рис. 4. Постройка 36. Разрез. Вид с запада

Фрагменты стеклянных сосудов с росписью найдены в придонном заполнении постройки в слое темно-коричневой супеси со значительной примесью песка. Фрагмент, отнесенный нами к нижней части сосуда, обнаружен на глубине 377 см, а фрагменты верхней и средней частей сосуда ниже – на глубине 396 см. Основную часть керамического комплекса этого заполнения составляет древнерусская круговая керамика XII –

начала XIII в. (табл. 1). В целом по комплексу индивидуальных и керамических находок авторы раскопок датировали сооружение 36 второй половиной XII – первой половиной XIII в.

На основании изучения форм, пропорций и росписи исламских кубков исследователи выделяют пять основных типов (рис. 5). Если рассматривать только их форму, то можно говорить о существовании двух: сосудов с цилиндрическим и сосудов

Таблица 1. Состав коллекции керамики из придонного заполнения сооружения 36.

Тип керамики	Часть сосуда			Всего	%
	Венчик	Стенка	Донце		
Древнерусская круговая (нач. XIII в.)	14	80	7	101	86,33
Древнерусская круговая (XII в.)	2	9	2	13	11,11
Лепная		3	–	3	2,56
Всего	16	92	9	117	100

с коническим туловом. Часть исследователей полагают, что обе формы возникли одновременно в середине XII в. и стали менее популярны к концу XIII в. (Carboni, 2001. Р. 329, 332, 334). Другие относят сосуды конической формы к концу Айюбидского периода 1225–1250 гг., а цилиндрические – к 1250–1380 гг. (Kenesson, 1998. Р. 46–48). Найденные в Ярославле фрагменты верхних частей тулова, вероятно, принадлежали сосудам с коническим туловом.

Верхняя часть найденных кубков была украшена фризом, содержащим арабскую надпись подчерком «насах» (в надписи читается только слово «чаша»)² (рис. 2, № 1987). Надпись выполнена золотой краской, оконтуренной красно-коричневым цветом. Промежутки между буквами заполнены выпуклой сине-фиолетовой эмалью. Надпись заключена в рамку в виде простой красно-коричневой линии сверху и ленты из желтой эмали, очерченной с двух сторон красно-коричневой краской, снизу. Под надписью расположен еще один фриз, заключающий орнамент из переплетающихся арабесок, выполненный золотом в красно-коричневой обводке.

Разное расстояние размещения фриза с надписью от края сосуда указывают на существование по крайней мере двух кубков с одинаковой росписью (рис. 2, № 1987). Диаметр края одного из них – 11 см, у другого небольшой размер фрагментов не позволил установить этот параметр. На-

личие надписи и указанный диаметр края указывают на принадлежность наших сосудов коническим кубкам типа А, у которых диаметр края варьируется от 9 до 14 см, тогда как у конических кубков типа В этот параметр колеблется от 8,4 до 10,5 см (рис. 5; Kenesson, 1998. Р. 46. Tab. I).

Ближайшей аналогией нашему сосуду оказывается кубок Палмера, хранящийся в Британском музее (рис. 6). Он имеет расположенную в верхней части кубка надпись, выполненную в таком же стиле и окаймленную такой же рамкой. Орнаментальный фриз на кубке отсутствует. По форме и пропорциям он может быть также отнесен к коническим кубкам типа А. Согласно К. Й. Ламму кубок Палмера принадлежал к продукции Ракки, датируемой 1170–1270 гг. (Lamm, 1929–1930. Taf. 96: 6). Сам кубок Ламм относил к 30-м годам XIII в. (цит. по: Tait, 1998. Р. 51). И хотя в последние годы хронология К. Й. Ламма была подвергнута ревизии, новая датировка кубка Палмера до сих пор не предложена. Современные исследователи этого кубка указывают, что надписи такого типа встречаются в арабских рукописях XIII в., а написанные золотом в черной или красной обводке – в манускриптах начала столетия (Contadini, 1998. Р. 56).

Фрагменты с похожей надписью на синем фоне и золотым орнаментом из арабесок, обведенных красно-коричневой линией, встречены при

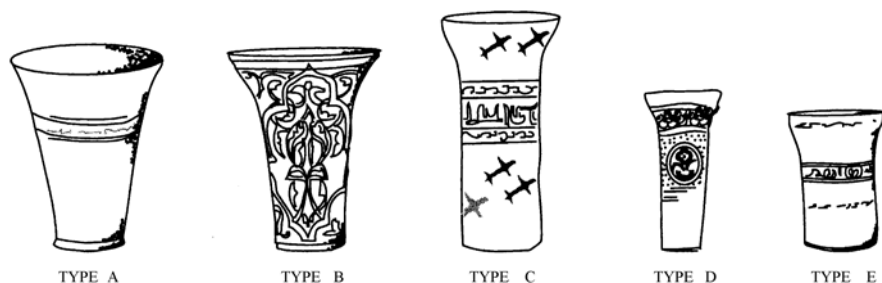

Рис. 5. Типы ближневосточных стеклянных стаканов (по: Kenesson, 1998. Р. 46. Tab. I)

² Надпись прочел А. А. Иванов (ГЭ). Пользуясь случаем, приносим ему глубокую благодарность.

раскопках Рюрикова городища. Часть их обнаружена при разборке постройки конца XIII – XV в. (Плохов, 2007. С. 167, 173. Табл. 6, 10, 11, 18).

В средней части кубка, вероятно, располагался фрагмент с изображением человеческого лица, повернутого в три четверти (рис. 2, № 1989). Силуэт выполнен бледно-розовой эмалью, покрытой золотом, а черты лица и контур исполнен красно-коричневым тоном. Сине-фиолетовой краской в золотой обводке показаны части одежды – головного убора, по-видимому, тюрбана и верхней одежды, вероятно, воротника. Лицо выполнено в манере, характерной для исламской миниатюрной живописи. К ее особенностям можно отнести округлый подбородок и способ изображения шеи. Округлые глаза и изогнутые брови сходны с чертами лиц, изображенных на кубке Палмера, среди которых особенно близко изображение лица музыканта, находящегося справа от фигуры сидящего на троне правителя (рис. 7).

Еще один фрагмент, судя по его толщине, размещался в нижней части сосуда (рис. 2, № 1958). На нем сохранилось изображение нижней части фигуры стоящего мужчины, вернее, его ног, повернутых вправо. Одна нога находится в полусогнутом положении. Мужчина одет в облегающие шаровары красно-коричневого цвета, украшенные золотыми пятнами. На заднем плане изображен водоем, ограниченный красно-коричневой линией и желто-зеленой травкой. Водоем показан сине-фиолетовой эмалью, проведенная по нему гравировка изображает рябь на воде.

В качестве аналогии можно привести сосуд из Национального музея в Эль-Кувейте (коллекция шейха Нассера Аль-Сабаха), датируемый третьей

Рис. 6. Кубок Палмера. Сирия, Ракка, нач. XIII в. Лондон, Британский музей (по: Tait, 1998. Col. pl. J. Fig. 13, 5). (См. цв. вкл.)

Рис. 7. Прорисовка части изображения кубка Палмера (по: Contadini, 1998. P. 179. Fig. 14, 3)

Рис. 8. Кубок 1250–1275 гг. из коллекции шейха Нассера Аль-Сабаха. Эль-Кувейт, Национальный музей (по: Carboni, 2001. Р. 330. Cat. 86a). (См. цв. вкл.)

четвертью XIII в. (рис. 8; Carboni, 2001. Р. 330–331. Cat. 86 а). На нем изображены двое мужчин, находящихся в окружении высоких кустов: один стоит на берегу озера, другой находится по колено в воде. Поднятой правой рукой мужчины указывают на пролетающих над ними птиц (цапель или журавлей) – их изображения опоясывают венчик стакана. Этот сюжет интерпретируется исследователями как сцена охоты. Один из охотников – мужчина в облегающих шароварах красно-коричневого цвета с золотым крестообразным рисунком. Его ноги полусогнуты и повернуты влево. Он стоит на берегу водоема с характерной зыбью, ограниченного на заднем плане желто-зеленой травкой. Сходство этой части изображения с нашим фрагментом практически полное.

Помимо кувейтского кубка характерное изображение птиц в верхней части сосуда известно еще на девяти целых и фрагментированных сосудах (Carboni, 2001. Р. 332–333). К. Й. Ламм сосуда с подобной росписью датировал XIII в., относя их к группе Алеппо (Lamm, 1929–1930. Taf. 120,

126, 127). Современные исследователи сужают хронологические рамки кубков этого типа до второй половины XIII в. (Baumgartner, Krueger, 1988. Р. 121).

По мнению исследователей, кувейтскому кубку наиболее близки два сосуда с изображением мужчин на берегу водоема (Carboni, 2001. Р. 331). Один из них – это стакан из кладовой «Зеленые своды» в Дрездене, на одной стороне которого показана сидящая в воде мужская фигура, на другой – вместо фигуры человека помещено изображение большого раскидистого дерева. Летящие в два ряда журавли размещены над фигурой человека, который как будто хочет ухватить одну из птиц за крыло. Два фрагмента стакана из Музея исламского искусства в Берлине также сохранили изображение человека сидящего в воде, второй показан стоя. Они не указывают на птиц, а подняли руки близко к лицу. Изображения на этих сосудах не идентичны, но объединены единым сюжетом. Поэтому предполагается, что они являются иллюстрацией некоего неизвест-

ного литературного произведения. Кроме того, по мнению исследователей, вместе с ними следует рассматривать и кубок из Музея земли Гессен в Касселе с изображением летящих птиц и двух человеческих фигур, сидящих в зарослях растений и играющих на музыкальных инструментах (Carboni, 2001. Р. 331). В отличие от композиций на стаканах из Дрездена и Берлина, группа летящих журавлей, обрамляющих венчик кассельского кубка, заключена в рамку, как и центральная композиция, ограниченная двумя тонкими линиями эмали. Несмотря на смену сюжета на этом кубке (изображена уже не сцена охоты), исследователи на основании сходства некоторых элементов (например, очертания журавлей и рисунка на одежде лютниста) склонны рассматривать кубок из Касселя в совокупности с тремя предыдущими и предполагать их производство в одной мастерской в течение короткого периода времени. Предполагается, что кубки с изображением летящих птиц в верхней части сосудов, человеческих фигур, стоящих на берегу водоема с характерной рябью на воде, были популярны в третьей четверти XIII в. (Carboni, 2001. Р. 331). Присутствие фрагмента сосуда с аналогичным изображением в ярославской постройке домонгольского периода, возможно, позволяет говорить о существовании таких сосудов в более раннее время. Это в свою очередь подтверждает более широкая датировка, предложенная К. Й. Ламмом.

Можно ли объединить все рассмотренные нами фрагменты на одном сосуде? Предположительно фрагменты с надписью и лицом человека могли быть частями одного кубка. Фрагмент с нижней частью фигуры мужчины, скорее всего, принадлежал другому сосуду. Это подтверждают приведенные аналогии и его отдельное от остальных фрагментов местонахождение в культурном слое.

Исследователи предполагают, что сосуды одинаковой формы, имеющие схожую роспись, но разные размеры (высоту и диаметр), могли вкладываться один в другой и составлять таким образом комплект или набор кубков разного назначения (рис. 9; Carboni, 2001. Р. 331, 334; Gibson, 2005. Р. 278–279). Предположительно, такой набор кубков предназначался одному человеку для употребления различных напитков во время трапезы, например, вина, воды, кумыса и других. Кроме того, кубки, вложенные один в другой, значительно облегчали задачу их транспортировки (Kenesson, 1998. Р. 47; Carboni, 2001. Р. 334). Известно несколько таких комплектов. Один

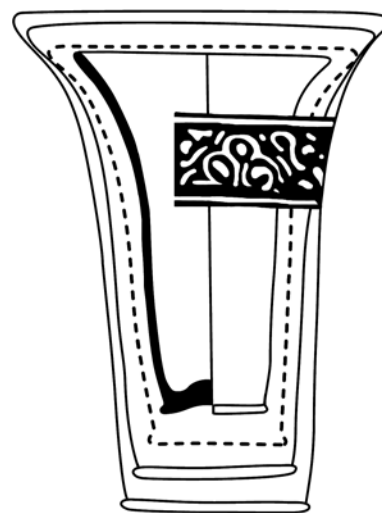

Рис. 9. Схема размещения стеклянных кубков, входивших в комплект (по: Gibson, 2005. Р. 278)

из них состоит из четырех кубков с орнаментальным изображением: три происходят из коллекции Нассера Д. Халили в Лондоне, четвертый кубок — из Национального музея в Эль-Кувейте (коллекция шейха Нассера Аль-Сабаха). По мнению С. Карбони, три сосуда с птицами и охотниками на берегу водоема из Кувейта, Дрездена и Берлина также являлись комплектом (Carboni, 2001. Р. 331).

Возможно, ярославские сосуды с надписями, выполненными в едином стиле, которых было как минимум два, являлись комплектом кубков или частью комплекта, привезенным с Востока в качестве подарка, сувенира или товара. Заметим, что многие находки ближневосточных стаканов на территории Руси состоят, как и в нашем случае, как минимум из двух одинаковых сосудов. В качестве примера можно привести два кубка с орнаментацией в едином стиле из Новогрудка (к сожалению, в публикации указана только высота одного сосуда) (Гуревич и др., 1968. С. 12) и из Владимира (утраты не позволили установить высоту и диаметр края сосудов) (Кузина, 2011. С. 92).

Был изучен химический состав двух стеклянных фрагментов, принадлежавших сосудам с надписями (табл. 2). Оказалось, что в обоих случаях стекло сварено по рецепту Na-Ca-Si на золе наземных частей однолетнего поташника (*Kalidium caspicum*) — растения пустынной зоны. На графике представления рецептурных норм анализа ярославских стекол расположились вокруг двух гипербол (рис. 10). Одна из них, с $b=4$, описывает египетские и вероятные финикийские

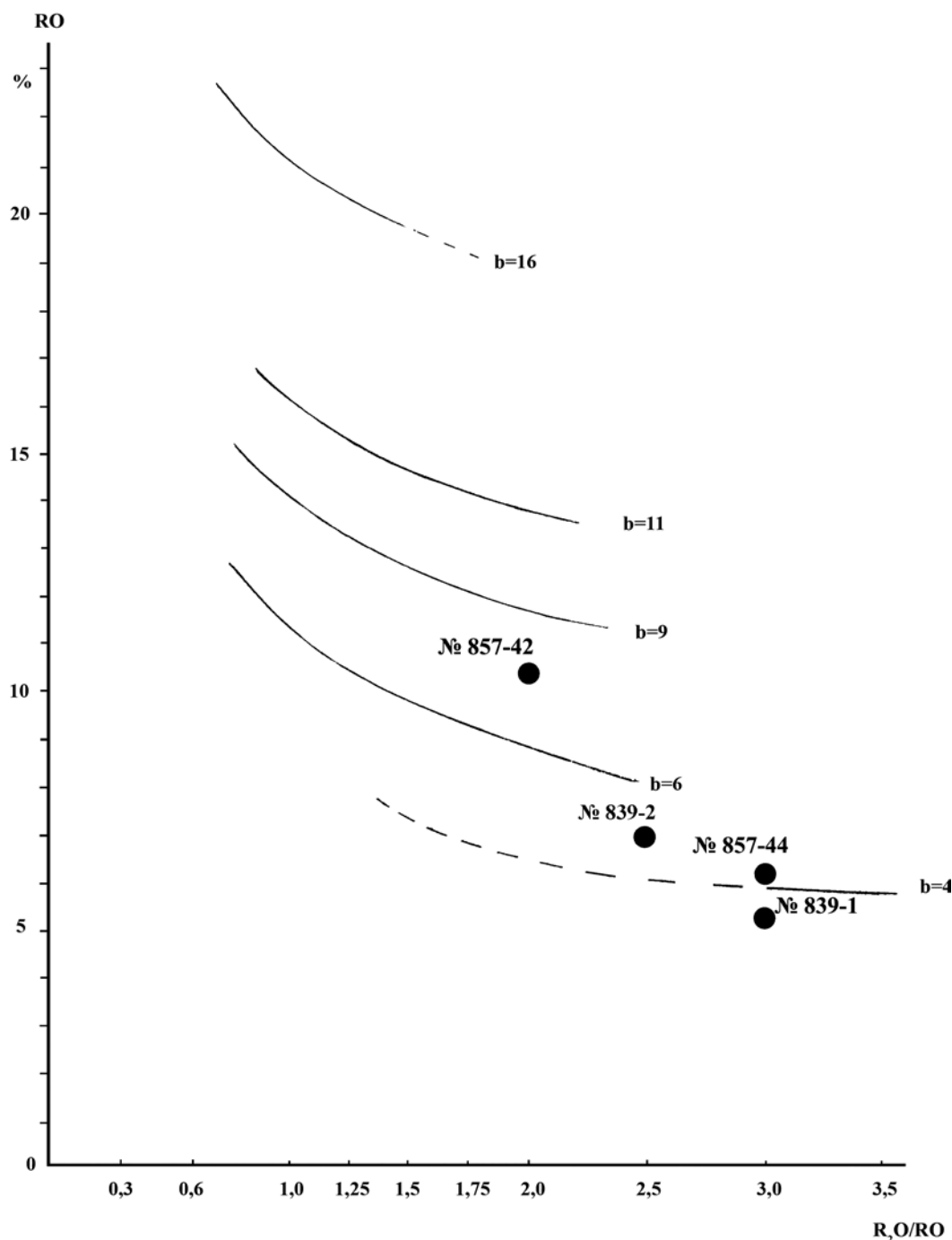

Рис. 10. Химический состав ближневосточных стеклянных сосудов с росписью эмалью и золотом

№№ 839-1, 839-2 – ярославские находки; №№ 857-42, 857-44 – московские находки; b=4 – египетские и вероятные финикийские традиции стекловарения; b=6 – провинциально-римские традиции; b=9 – месопотамские древние и ближневосточные средневековые традиции; b=11 – древнеегипетские традиции; b=16 – западноевропейские средневековые традиции стекловарения

традиции стекловарения (стекла из двойной шихты). Также рядом с ней располагаются столично-римские стекла античного времени. Другая кривая, с b=6, объединяет провинциально-римские стекловаренные традиции. Кроме того, вокруг нее лежат ближневосточные (сирийские)

стекла, а также византийские стекла, сваренные по римским правилам. Как видим, в этой же зоне разместились и анализы двух московских находок расписного сирийского стекла (Столярова, 2013). Легкоплавкие фракции одного ярославского стекла соединены по норме 3 (ан.

839–1). Золистые стекла, сваренные по таким правилам, встречаются крайне редко. Более характерным было использование этой же рецептуры, но в сочетании с содой, в римское время. Тем не менее, из раскопок Московского Кремля происходит один расписной сосуд сирийского происхождения, сваренный по такой же норме (ан. 857–44). Второй анализ показал применение нормы 2,5 (ан. 839–2). Эта рецептура в сочетании с золистым щелочным сырьем, начиная с первых веков нашей эры, традиционно использовалась в ближневосточной (сирийской) школе (Щапова, 1983. С. 127).

Таким образом, можно предположить, что найденные в Ярославле фрагменты расписного стекла ближневосточного происхождения принадлежали как минимум трем кубкам, два из которых, украшенные надписями, могли входить в комплект. Параллели для фрагментов с арабской надписью и фрагмента с изображением лица человека подтверждают их датировку домонгольским временем, установленную по археологическому контексту. Расхождения в датировках фрагмента с изображением нижней части фигуры мужчины, полученным по археологическому контексту и аналогиям, позволяют отодвинуть начало бытования сосудов с подобными росписями с середины XIII в. в первую половину столетия.

Таблица 2. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стеклянных сосудов с росписью из г. Ярославля.

Шифр лаборат.	839-1	839-2
Предмет	сосуд	сосуд
№ по оп.	1	2
Цвет	б/ц	б/ц
SiO ₂	осн.	осн.
Na ₂ O	14	15
K ₂ O	2,3	2,4
CaO	4,3	5,8
MgO	1	1,2
Al ₂ O ₃	0,3	0,4
Fe ₂ O ₃	0,03	0,03
MnO	0,3	0,4
TiO ₂	0,06	0,07
PbO	–	–
SnO ₂	–	–
CuO	–	–
CoO	–	–
Sb ₂ O ₃	–	–
Ag ₂ O	–	–
NiO	–	–

Литература

- Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В., 1968. Восточное стекло в Древней Руси. Л.
- Кузина И.Н., 2011. Стеклянные сосуды из раскопок во Владимире (новые находки) // Тр. II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале. Т. IV. М.
- Плохов А.В., 2007. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. СПб.
- Столярова Е.К., 2013. Стекло средневековой Москвы. М. (В печати.)
- Осипов Д.О., Фараджеева Н.Н., 2007. Отчет об охранных архитектурно-археологических исследованиях на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26954–26963.
- Щапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.
- Baumgartner E., Krueger I., 1988. Phönix aus Sand und Asche. Glas des Mittelalters. München.
- Carboni S., 2001. Glass from Islamic Lands. NY.
- Contadini A., 1998. Poetry on enamelled glass: the Palmer Cup in the British Museum // Gilded and enameled glass from the Middle East. L.
- Gibson M., 2005. Admirably ornamented glass // Goldstein S.M. Glass from Sasanian antecedents to European imitations. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XV. L.
- Kenesson S.S., 1998. Islamic enamelled beakers: a new chronology // Gilded and enameled glass from the Middle East. L.
- Lamm C.J., 1929–1930. Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Vol. 1, 2. Berlin.
- Tait H., 1998. The Palmer Cup and related glasses exported to Europe in the Middle Ages // Gilded and enameled glass from the Middle East. L.

E. K. Stolyarova, A. V. Engovatova

Near Eastern painted glass vessels from Yaroslavl

Summary

The paper deals with the study of fragments of glass gold-painted vessels with enamels of Near Eastern origin discovered in Yaroslavl at an excavated structure dated to the Pre-Mongol period (structure 36) in 2006 by the researchers of the Department of Rescue Excavations of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. The recovered fragments were probably parts of three beakers or goblets being one of the most numerous kinds of Near Eastern painted glass ware. Two of them bear inscriptions in naskh script and

probably had a fragment featuring a three-quarter human face. The discovered parallels support their dating from the archaeological context. A fragment bearing the image of the lower part of a man standing on the bank of a water area probably belonged to the third goblet. The discrepancy between its dating to the third quarter of the 13th century according to the analogies and the evidence of the archaeological context enables one to date the emergence of such vessels to the first half of the 13th century instead of the mid-13th century.

О. М. Олейников

Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде

Работы, посвященные исследованию древнерусских амулетов-змеевиков, многочисленны и насчитывают на сегодняшний день более ста названий. Своим происхождением эта литература обязана сенсационной находке в 1821 г. под Черниговым, на р. Белоус, так называемой черниговской гривны – золотого змеевика, с изображением архангела Михаила и надписью, содержащей имя русского князя (*Анастасевич*, 1821. С. 425–442; *Берлинский*, 1822. С. 116–119).

Термин «змеевик» впервые появился в исследованиях XIX в. в связи с размещением на обороте таких амулетов изображения личины с отходящими от нее змеями. Змеевидную композицию часто окружала надпись с текстом заклинания или заговора. Этот мотив, вероятно, был заимствован из Византии, где подобные амулеты были известны, по крайней мере, с X в. В его основе лежали мифологические образы, многие из которых как часть античного наследия продолжали играть весьма значительную роль в византийской культуре.

Выбор персонажей на лицевой стороне определялся, прежде всего, назначением амулетов, которые должны были оберегать их владельцев от злых сил. Змеевики с изображением святых воинов-мучеников служили оберегами от недугов и болезней, охраняли воинов на поле брани. Змеевики с изображением Богоматери были очень популярны на Руси, поскольку, по народным представлениям, только в ее образе не мог являться Сатана, и она всегда почиталась как защитница от дьявольских сил.

Амулеты-змеевики, обнаруженные на раскопах в Великом Новгороде, подробно описаны в научной литературе (*Седова*, 1966. С. 243–245; 1981. С. 65–69; *Покровская*, *Тянина*, 2009. С. 432–445). Это позволило более точно датировать

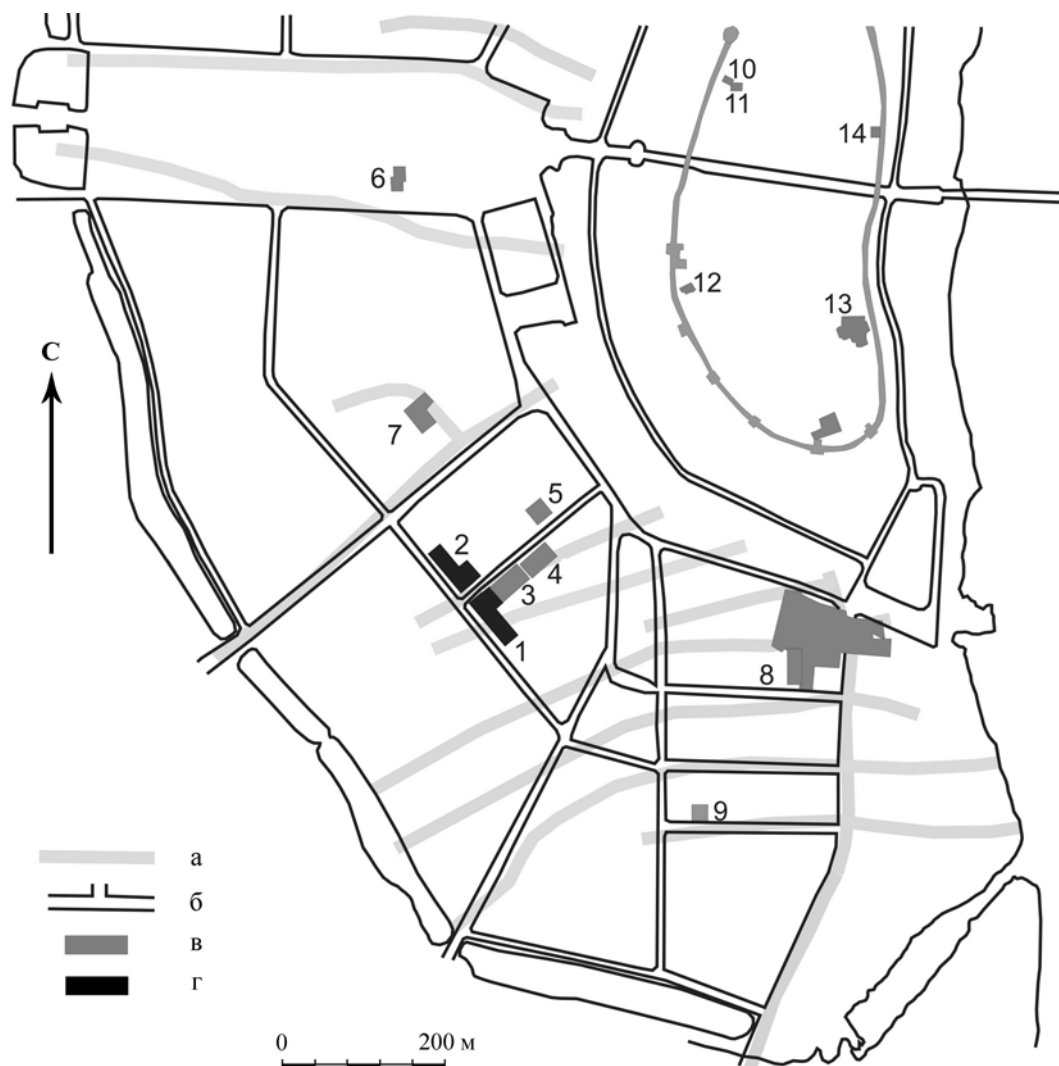
определенные типы змеевиков из многочисленных коллекций, собранных, в основном, в XIX в. Но ряд вопросов о времени бытования, семантике и предназначении амулетов до конца не решен (*Николаева*, *Чернецов*, 1991. С. 8–30). Новые находки змеевиков на раскопах Великого Новгорода дают информацию по хронологии и некоторым аспектам семантики подобных амулетов.

В настоящей статье публикуются две новые датированные находки амулетов-змеевиков из раскопок на Софийской стороне Великого Новгорода.

В 2008 г. на Десятинном 1 и Десятинном 3 раскопах, общая площадь которых составила 1950 кв. м, были обнаружены два змеевика.

Исследуемая территория располагается в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода, к востоку от Десятинного монастыря, на левом берегу р. Волхов, в 600 м от реки (рис. 1). Рельеф площадки ровный, с уклоном с востока на запад. Точная дата основания Десятинного монастыря неизвестна. Летопись Авраамки упоминает его под 998 г. Там указано, что этот монастырь был основан первым епископом Новгорода Иоакимом Корсунянином. Запись гласит: «*В Новегороде владыка Аким уряди себе монастырь Десятинный...*» (ПСРЛ, 2000 б. Стб. 40). Следующее сообщение о монастыре встречаем в Новгородской первой летописи под 1327 г.: «*... постави церковь святой богородици Рождество архиепископ Моисии в Десятине*» (ПСРЛ, 2000 а. Стб. 98). Из Десятинного монастыря сохранилась икона «Успение» начала XIII в., которая сейчас находится в Третьяковской Галерее.

Не совсем ясно также, что послужило причиной названия монастыря. Термин «десятина» в древнерусском языке был многозначен. Десятая часть дохода – церковная десятина – по уставу Владимира

**Рис. 1. Места археологических исследований
на опорном историко-археологическом плане части Великого Новгорода**

а – древние улицы; б – современные улицы; в, г – археологические раскопы. 1 – Десятинный 1 (2008); 2 – Десятинный 3, 4 (2008–2010); 3 – Десятинный 2 (2008); 4 – Добрынин 1 (1999); 5 – Добрынин 2 (2011); 6 – Чудинцевский (1947); 7 – Михайлоархангельский (1990–1991); 8 – Троицкий; 9 – Власьевский 2 (2011); 10 – Кремль, Владычный двор (1985); 11 – Кремль, Владычный двор (1995–1996); 12 – Кремль, у церкви Покрова (1990); 13 – Кремль, у церкви Андрея Стратилата (1938–1940); 14 – Кремль, у Софийской Звонницы (1995)

Святославича отделялась в пользу церкви. Десятиной именовалась сумма, которая собиралась «десятинниками» с монастырей и церквей в кафедральный Софийский собор. Десятиной называли также княжеские имения, и это, скорее всего, могло дать имя монастырю. Возникший на бывшем княжеском участке земли монастырь стали называть «на Десятине», а позднее – Десятинским или Десятинным (Кузьмина, Филиппова, 2000. С. 5, 6).

На исследуемой территории были обнаружены мостовые Волосовой и Добрыни улиц. Волосова улица впервые упоминается в летописи под 1165 г. (ПСРЛ, 2000 аб. С. 360). На ней находилась церковь Власия (ПСРЛ, 2000 аб. С. 37). Западная часть

улицы подходила к церкви Рождества Богородицы в Десятинном монастыре. Добрыня улица впервые упоминается в грамоте князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю, датируемой В. Л. Яниным 1134 годом (Янин, 1990. С. 136, 137). Описание землевладения монастыря содержит следующие ориентиры: «... и Мячином вниз по внешнюю воду к Добрыне улицы к Образу святому; и от Добрыне улице Мячином вверх ...» (Корецкий, 1955. С. 204–207).

Трасса средневековой улицы Добрыни замыкалась церквями: со стороны Волхова это был храм Нерукотворного Образа, а в западном направлении улица доходила до церкви Якова (Подвигина, 1999. С. 73,

Рис. 2. Амулет-змеевик из раскопа Десятинный 1 с изображением Бориса и Глеба

74). В системе административного деления города, сложившейся к XIV–XV вв., улица Добрыня занимала пограничное положение между Людиным и Загородским концами, о чем, в частности, свидетельствует «Семисоборная роспись» Новгорода. Из ее текста следует, что во второй половине XV в. храм Образа входил в соборный участок церкви Власия, а церковь Якова относилась к участку церкви Михаила Архангела на Прусской улице. Сама по себе ситуация, когда стоящие на одной улице храмы относятся к разным соборным участкам, кажется довольно странной. В процессе охранных археологических исследований этого участка Людина конца было установлено, что заселение изучаемой территории началось в конце X – начале XI в. В X в. здесь произошло межевание участков канавками, после чего территорию продолжительное время использовали под пашню. В конце X в. ее поделили на участки легким частоколом. В культурном слое обнаружены остатки построек конца X – начала XI в. в виде хозяйственных и столбовых ям и слоев с находками этого периода.

В 20-е годы XI в. между ул. Волосова и Добрыня была сооружена «темница», которая просуществовала до середины XI в. Затем на участках, огороженных плетнем, появился яблоневый сад и огороды. В конце XI в. произошло новое деление земли на усадьбы (на раскопе Десятинный 1–10 усадеб, на Десятинном 3 – четыре усадьбы). А в начале XIII в. изучаемая территория запустела, здесь возделывались огороды. Улицы Волосова и Добрыня прекратили свое существование.

В начале XIV в. на изучаемой территории возобновилось усадебное строительство. Были проложены мостовые по ул. Волосова, но в дру-

гом направлении – с отклонением на север, в сторону современных ворот Десятинного монастыря. Слои XV–XVI вв. сильно нарушены поздними перекопами и огородами XVII–XIX вв. Слои XVII–XVIII вв. были полностью перемешаны огородами XVIII–XIX вв.

Первый амулет-змеевик был обнаружен в слое 11 яруса в юго-западном углу жилой постройки (сруб 4 x 4 м) усадьбы «Б» Десятинного 1 раскопа. Ярус 11 датируется началом XIV в. Публикуемый предмет представляет собой круглый плоский медальон диаметром 3,6 см с рельефными изображениями и ушком для подвешивания (рис. 2). Он относится к редко встречающейся группе змеевиков с изображением Бориса и Глеба на лицевой стороне (тип 12 по своду Т.В. Николаевой), датируются не ранее XIII в. и связаны с Южной Русью (Николаева, Чернецов, 1991. С. 31, 80, 110). На сегодняшний день это четвертый опубликованный змеевик с подобным изображением.

Из-за сильной потертости обеих сторон медальона отнесение лицевого изображения к Борису и Глебу проблематично. Иконографически данный тип змеевика похож на иконки с изображением Козьмы и Дамиана и с Константином и Еленой. Но размер, общие черты расположения фигур святых и змеевидной композиции на оборотной стороне обнаруженного амулета более схожи со змеевиком XIII–XIV вв. из собрания Государственного исторического музея (Орлов, 1926. С. 33, 34; Николаева, Чернецов, 1991. С. 80. Табл. XVII, 3). Наш змеевик из оловянисто-свинцового сплава с незначительным содержанием меди (Sn – 75,3%; Pb – 23,5%; Cu – 1,2%)¹, отлит

¹ Исследование состава амулетов-змеевиков осуществлено энергодисперсионным анализом в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН (аналитик – кандидат геолого-минералогических наук Н.В. Трубкин).

Рис. 3. Амулет-змеевик из раскопа Десятинный 3 с изображением Богоматери Умиление

в двусторонней литейной форме. На лицевой стороне – рельефное изображение двух фигур в рост, которые незначительно повернуты друг к другу. Между ними изображен крест (восьмиконечный?), который каждая из фигур держит одной рукой. Фигуры святых изображены в корзнях со складками и княжеских шапках с полукруглым верхом. По краю лицевой стороны идет рельефный неровный бортик.

На обороте – змеевидная композиция, схожая со змеевиком из собрания ГИМ – человеческая личина, от которой попарно отходят змеиные туловища с головами (ГИМ, № 41938/1904, отдел археологии) (Николаева, Чернецов, 1991. С. 80. Табл. XVII, 3). Данный тип змеевидной композиции относится по классификации А. С. Орлова к типу II (1926. С. 13) и считается наиболее роскошным, вензелевидным. По внешнему рельефному кольцевому полю читаются буквы.

Выпадение в слой данного амулета произошло в начале XIV в. Но сильная потертость говорит о длительном его ношении. Следовательно, время его изготовления можно отнести к началу XIII в.

Второй амулет-змеевик из бронзы (Cu – 84%; Pb – 5,5%; Zn – 7,2%; Sn – 3,3%) был обнаружен на раскопе Десятинный 3 на усадьбе «Д» в слое огорода XV в., который перемешал слои второй половины XII–XV вв. Он представляет собой круглый плоский медальон диаметром 4,8 см с рельефными изображениями (рис. 3).

На лицевой стороне змеевика – рельефное изображение Богоматери Умиление (тип древней Владимирской). Он относится к наиболее распространенному типу змеевиков,

представленному многочисленными экземплярами. Змеевики с изображением Богоматери были очень популярны в средние века – она всегда почиталась как помощница и защитница от дьявольских сил. В центре амулета – поясное изображение Богоматери с младенцем на правой руке (тип 2 по своду Т. В. Николаевой, датируется XII–XV вв.) (Николаева, Чернецов, 1991. С. 30, 31, 60, 99). Правая рука Христа вытянута к левому плечу Богоматери. Лик Христа соприкасается с лицом Марии. Нимб Богоматери украшен двумя рядами точечного орнамента. Нимб Христа – рельефный крестчатый. Изображение обрамлено рельефным бортиком из поперечных насечек. Схожее изображение Богоматери Умиление – на иконе из шифера конца XII – начала XIII в. (Большаков, 1924. С. 60, 61. № 5, 6; Николаева, 1983. С. 50. Табл. 2, 9).

На фоне, с левой стороны Богоматери с младенцем, вдоль бортика углубленная надпись «БОГОРО МН». Похоже, мастер начал писать «Богоро (дица)», а потом, из-за недостаточности места, приписал «МИ» из «богоматери». По эпиграфическим признакам надпись можно датировать XII–XIII вв. (форма буквы «Р» – ранняя, по А. А. Зализняку – не позже XIII в. – Янин, Зализняк, 2000. С. 291–416)².

На обороте рассматриваемого амулета – женская голова с отходящими от нее змеиными туловищами, скручивающимися сверху и снизу в валюты. Головы змей глазастые, с раскрытыми пальцами. Изображение обрамлено такой же рельефной полоской из поперечных насечек (ложная крупная зернь), как и на лицевой стороне.

² Автор выражает благодарность А. А. Гиппиусу за консультацию по прочтению надписи и ее датировке.

Змеевидная композиция данного амулета очень схожа с изображением на обратной стороне «черниговской золотой гривны» XI в. (Николаева, Чернецов, 1991. С. 94). Эта змеевидная композиция относится по классификации А. С. Орлова к типу I (1926. С. 13).

Змеевиков с подобными иконографическими схемами лицевой и оборотной сторон, но отлитых в разных литейных формах, отличающихся размерами и проработкой деталей изображений, на сегодняшний день собрано много (Николаева, Чернецов, 1991. С. 60, 61).

Литература

Анастасевич В., 1821. Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове // Отечественные записки. Ч. VIII. № 18–20. СПб.

Берлинский М., 1822. Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 г. // Тр. Вольного общества любителей российской словесности. Ч. XVII. СПб.

Большаков Н. С., 1924. Русско-византийские редкости // Среди коллекционеров. № 5/6. М.

Корецкий В. И., 1955. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. № 5. М.

Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А., 2000. Десятинный монастырь в Великом Новгороде. Великий Новгород.

Николаева Т. В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ Е1–60. М.

Николаева Т. В., Чернецов А. В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.

Орлов А. С., 1926. Амулеты «змеевики» Исторического музея // Отчет Государственного Исторического музея 1916–1925 гг. М. Приложение V.

Подвигина Н. Л., 1999. К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник МГУ. № 1. М.

Покровская Л. В., Тянина Е. А., 2009. Амулеты-змеевики средневекового Новгорода (хронология, топография, семантика). // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М.

ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись. М., 2000 а.

ПСРЛ. Т. XVI. Летопись Авраамки. М., 2000 б.

Седова М. В., 1966. Новгородские амулеты-змеевики // Культура древней Руси. М.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.

Янин В. Л., 1990. Новгородские акты XII–XV вв. М.

Янин В. Л., Зализняк А. А., 2000. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М.

O. M. Oleynikov

New finds of amulets with Gorgon's head in Velikiy Novgorod

Summary

The paper presents two recent finds of amulets with Gorgon's head from archaeological excavations at the Sophia side of Velikiy Novgorod.

The first amulet with Gorgon's head on one side and with a depiction of St. Boris and St. Gleb on the other was discovered at homestead B of the Desyatinniy-1 excavation area in the layer dated to the early 14th century.

The second amulet with Gorgon's head on the one side and a depiction of Eleusa on the other dated to the early 13th century was discovered at Desyatinniy-3 excavation area at homestead D.

В. Ю. Коваль, А. В. Алексеев

Чудовище на тарелке

В 2010–2012 г., в ходе проведения археологических исследований в Звенигороде, у стен Успенского собора на городище «Городок» (детинце средневекового Звенигорода), в слоях могильных перекопов XVII–XIX вв. были обнаружены восемь обломков поливного сосуда. Часть из них удалось склеить, после чего стало возможным провести графическую реконструкцию сосуда, позволившую установить, что это была тарелка диаметром 29,0–30,0 см при высоте 6,5–7,0 см (рис. 1–4). Раскопки на Городке были организованы Звенигородским историко-архитектурным и художественным музеем и проводились под руководством сотрудника музея А. В. Алексеева (2011). Обломки тарелки были обнаружены в двух местах – основное их скопление зафиксировано около южного угла собора (у южной стены Георгиевского придела); еще один фрагмент найден у северного угла собора, рядом с западным крыльцом. Таким образом,

расстояние между участками с находками обломков тарелки составляет около 20 м (рис. 5; рис. 6). Все части тарелки были найдены в могильном перекопе XVII–XIX вв., так что ее датировка по контексту находок затруднительна.

Перейдем к описанию самой тарелки, которая, судя по имеющимся обломкам, была изготовлена из формовочной массы на основе светло-красной сильноожеженной глины с примесью большого количества очень мелкого песка и единичными темными включениями (шамот?). Трехслойная структура, со светло-серой срединной полосой, на изломе стенок свидетельствует о недостаточно продолжительном обжиге изделия, что очень редко встречается в керамике восточного и южного происхождения, обжигавшейся в совершенных горнах с соблюдением высоких стандартов качества. Поддон кольцевой налепной. Тарелка сплошь облицована белым ангобом (включая внутреннюю часть

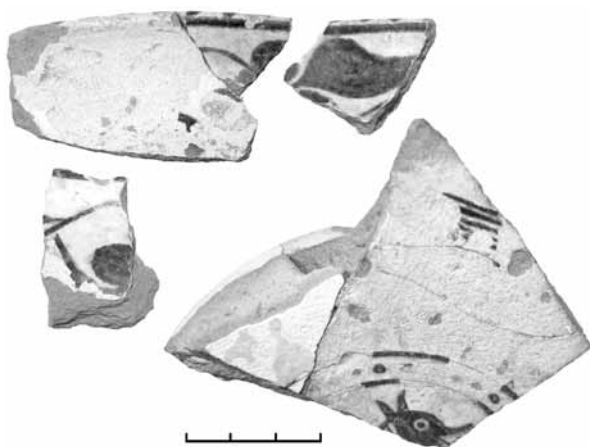

Рис. 1. Обломки тарелки из Звенигорода. Внутренняя поверхность. Фото (см. цв. вкл.)

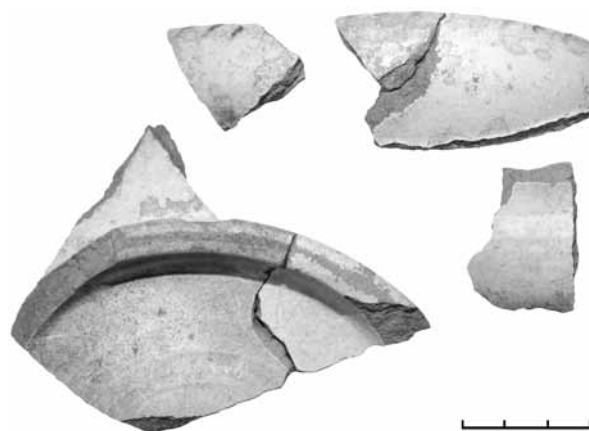

Рис. 2. Обломки тарелки из Звенигорода. Внешняя поверхность. Фото (см. цв. вкл.)

Рис. 3. Обломки тарелки из Звенигорода. Изломы стенки и дна. Фото (см. цв. вкл.)

поддона). Бесцветная (чуть зеленоватая) свинцовая¹ глазурь покрывает всю внутреннюю и внешнюю поверхности тарелки (вплоть до поддона). Соединение глазури с ангобом слабое (на значительных по площади участках она полностью

отслоилась), в отличие от соединения ангоба с основой (отслоений ангоба практически нет). На тех участках, где глазурь сохранилась, она почти не иризована, сохранила свой блеск.

Тарелка имела своеобразный подглазурный декор. По краю тарелки с ее внешней стороны черной краской при помощи кисти проставлены наклонные штрихи длиной 0,7–1,3 см и шириной до 0,3 см с интервалом 0,8 см, другой декор тут отсутствовал. Внутренняя поверхность тарелки перед проведением красочной росписи была размечена гравировкой по ангобу (кольцевые линии центрального медальона и основа растительного орнамента на стенках), линии гравировки очень тонкие, шириной менее 0,5 мм. Красочная роспись монохромная – она выполнена черной краской (с желтым шлейфом, который на керамике со свинцовыми глазурями дает обычно краситель на основе оксида железа), в том числе и поверх разметочных линий гравировки (то есть, гравировка не была частью видимого орнамента, а имела лишь чисто техническое назначение). При отслоении глазури черная краска отпадала вместе с ней, то есть, она не сплавливалась с ангобом. Лишь

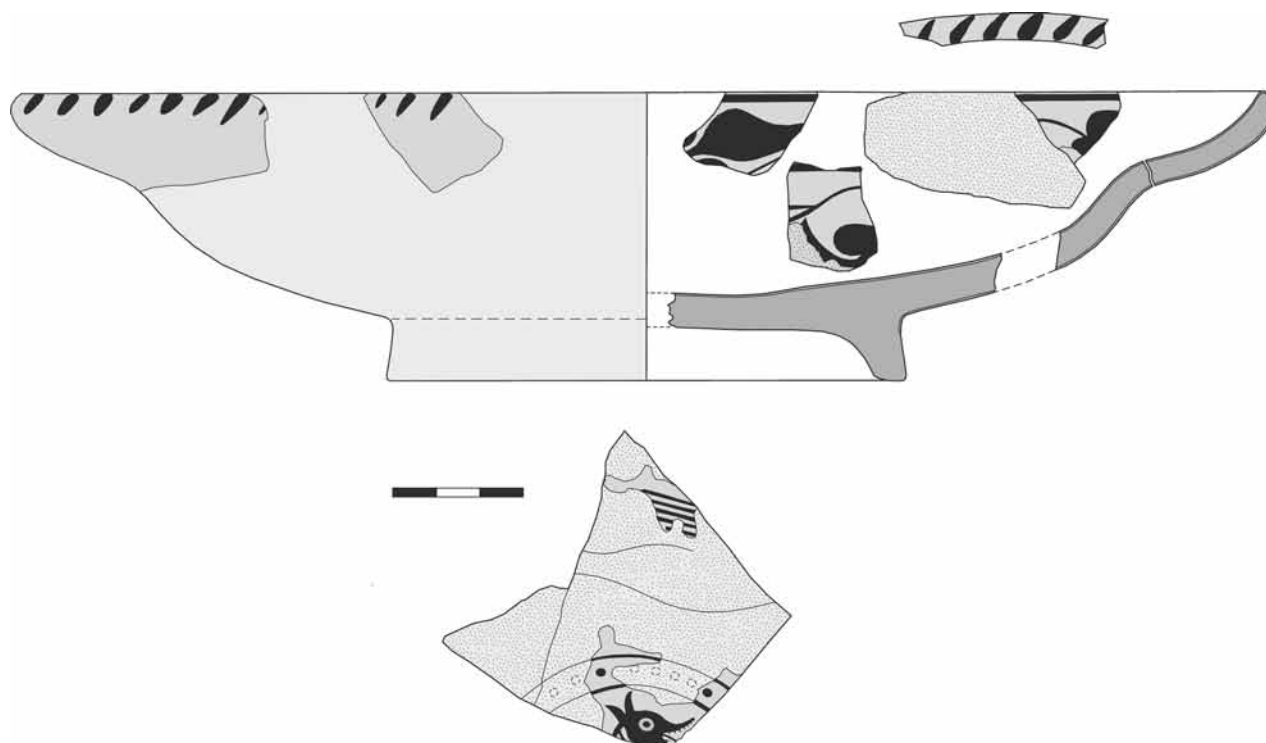

Рис. 4. Тарелка из Звенигорода. Прорисовка обломков. Графическая реконструкция профиля

¹ Анализ глазури не проводился, однако ее характеристики (тонкослойность, мелкая сетка цевых трещин – не менее одной трещины на квадратный миллиметр) характерны именно для свинцовой глазури.

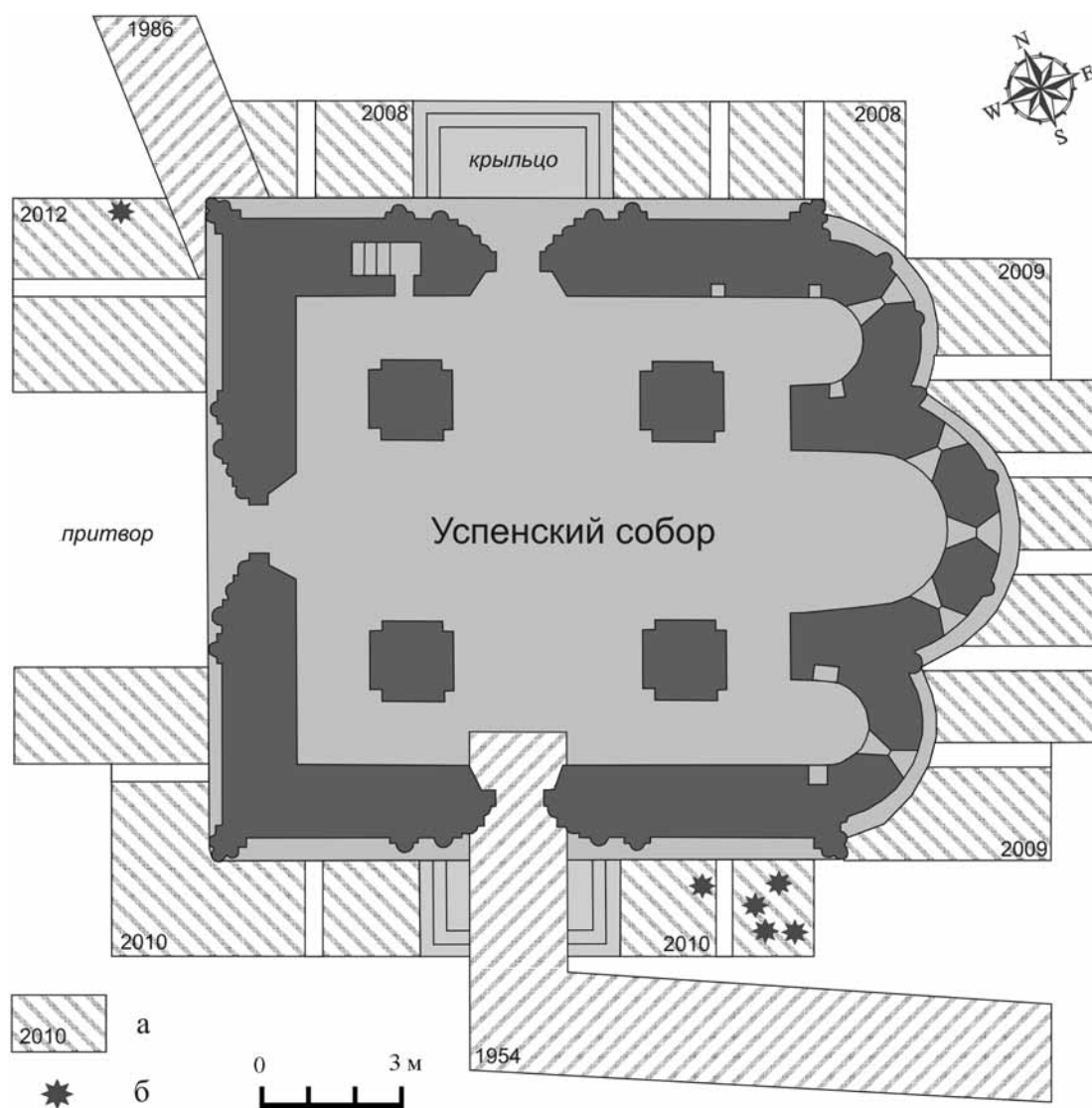

Рис. 5. План Успенского собора на Городке (Звенигород) с обозначением мест находок обломков тарелки
а – раскопы разных лет; б – места находок обломков тарелки

в некоторых случаях (точки в кольце центрального медальона) краска отслоилась вместе с ангобом, обнажив красную основу черепка (рис. 7). Мотивы росписи включали геометрические фигуры (круги), растительные побеги с крупными листьями, занимавшие борта тарелки, и зооморфный мотив – голова чудовища с открытой пастью внутри центрального медальона.

Для атрибуции и датировки тарелки интересна ее вычурная форма, с переломом профиля в верхней части и выделенным краем, которая в целом не характерна ни для керамики исламских стран Востока, ни для Византии и стран с провинциально-византийской культурой. В последних тарелки чаще всего имели плоские края, отделенные еще более резким переломом профиля, часто

дополненным приостренным ребром. Ту же профилировку можно наблюдать на многих ближневосточных блюдах и тарелках XII–XIV вв. В данном случае перелом профиля не столь сильно выражен, сглажен, что для византийской и средиземноморской керамики не столь свойственно. И все же такую профилировку нельзя назвать уникальной для исламских стран Востока, поскольку относительно близкие формы (с переломом профиля и выделенным краем различной конфигурации) известны в керамике XII–XIV вв. из Закавказья (*Ибрагимов*, 2000. Рис. 26, *центр*; 27, 14; 30, *центр*; 33, 5), Хорезма (*Вактурская*, 1959. Рис. 36, 109, 110), южного Туркменистана (*Бяшимова*, 1989. Табл. 2) и с городища Отрар в Казахстане («Художественная культура...», 2001. С. 28), т.е. на достаточно

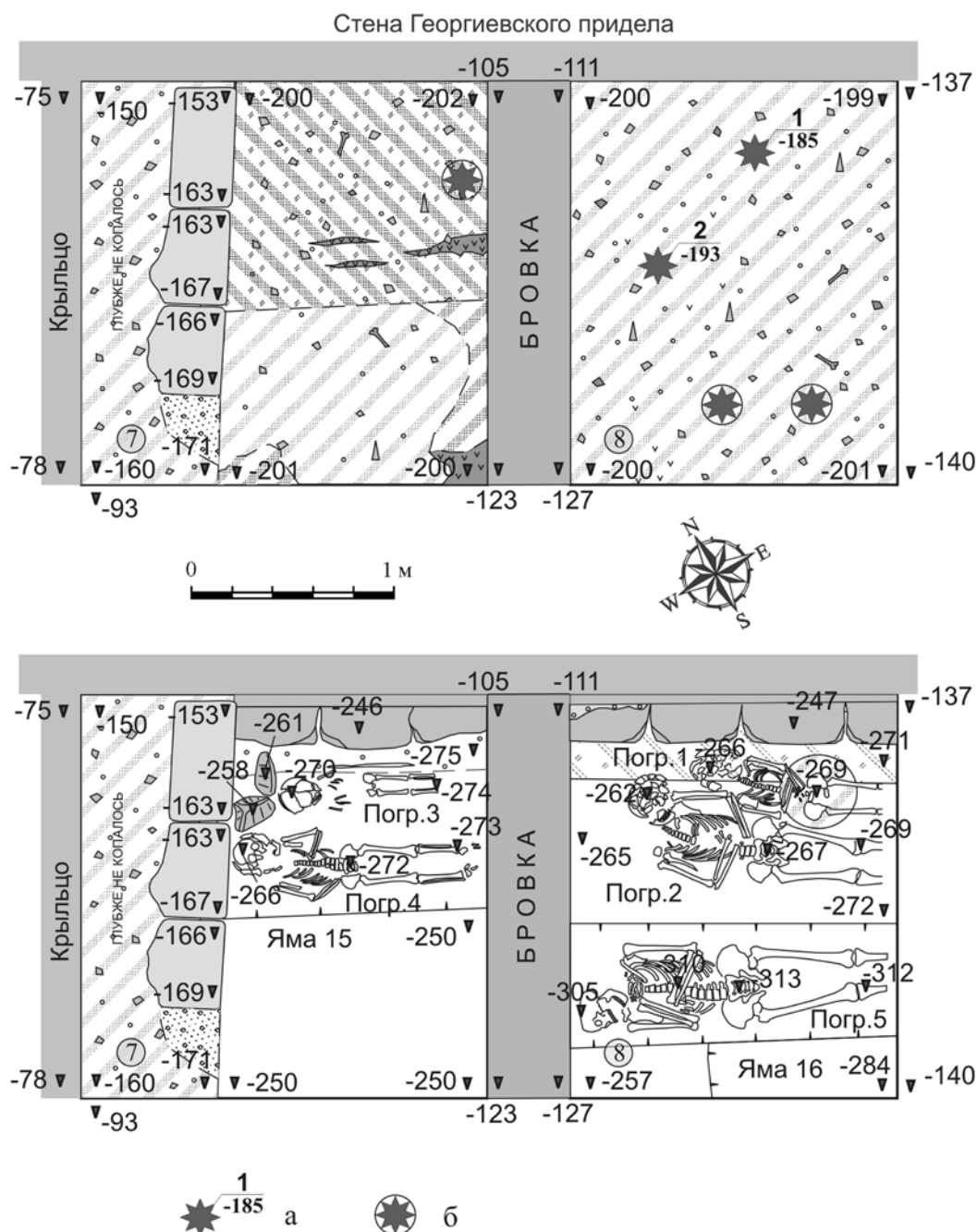

Рис. 6. Раскоп у Успенского собора 2010 г. с указанием мест находок обломков тарелки и планиграфической ситуацией
 а – обломки тарелки, найденные в слое, и их нивелировочные отметки; б – обломки тарелки из переборки и просеивания (условное место находки); № 2 – место находки обломка дна тарелки с изображением головы дракона

обширной территории. При всей своей редкости, такие формы все же не составляли здесь чего-то исключительного.

Наиболее яркой особенностью звенигородской тарелки является ее декор (монохромная черная роспись, выполненная оксидом железа по предварительной разметке сграффито), точные аналогии которому по публикациям не известны. При этом колористически близкие разновидности все же

имеются, в том числе и на территории средневековой Руси. Так, обломок чаши с черной монохромной росписью под бледно-желтоватой поливой был обнаружен в Московском Кремле (Коваль, 2010. С. 120. Ил. 44, 3). Правда, изготовлена эта чаша была из слабоожеженной (бледно-желтой) глины, соответственно, у нее не было ангобной подгрунтовки и гравированной разметки. Исходя из стилистики росписи и характерного цвета теста этого сосуда,

Рис. 7. Изображение на дне тарелки. Деталь. Фото (см. цв. вкл.)

предполагается его производстве в Отраре. Светлоглиняная керамика с черно-коричневой монохромной росписью под глазурью разных оттенков желтого цвета или бесцветной, известна именно там, причем на протяжении длительного времени, с XII по XVII в. (Байпаков, Алдабергенов, 2005. С. 161, 162, 203, 218, 219). Надо также иметь в виду, что в южном и юго-восточном Казахстане существовали и другие города с высокоразвитым гончарным производством, которые производили высокохудожественную керамику (Туркестан-Шавгар, Тараз, Аспара, Садыр-Курган, Талгир, Каялык и др.). Исследователи керамики средневекового Казахстана упоминают существование отдельных сосудов, на которых красочная роспись дополнялась гравировкой («Художественная культура...», 2011. С. 52), но такой декор, распространенный в Средней Азии в XII–XIII вв., включавший гравированный рисунок и его расцветку полихромными пятнами (Брусенко, 1986. С. 64, 65), заметно отличался от орнаментации звенигородской тарелки.

Рассматриваемый сосуд, как уже указывалось выше, был изготовлен из красножгущейся глины и полностью облицован белым ангобом. Подобный прием (когда ангоб наносился даже на внутреннюю часть поддона) чрезвычайно редок, и ему также нелегко найти аналогии. Не исключено, что он потребовался для достижения максимального сходства с отрарской светлоглиняной керамикой. Если это так, место производства нашей тарелки следует искать либо в самом Отраре, либо в непосредственной близости от него, в одном из крупных городских центров южного или юго-восточного Казахстана.

Единственной чертой звенигородской тарелки, позволяющей хоть как-то приблизиться к ее

датировке, являются черные штрихи, нанесенные на край (рис. 2; рис. 4). Такое оформление известно на керамике Среднего Востока. На кашинных изделиях XIII–XIV вв. это крупные точки по краю (Коваль, 2010. Ил. 19, 1; 33, 1, 6, 8; 34, 4; 37, 1 и др.) – деталь, характерная прежде всего для золотоордынского Поволжья, Хорезма и Мавераннахра. На полумайоликовых (красноглиняных и светлоглиняных) сосудах наклонные штрихи от края вниз появились на керамике Средней Азии еще в IX–X вв. (Шишкина, 1979. Табл. XLI, 1, 4, 6; LI, 3), но они известны и позже, в том числе и в монгольский период (Брусенко, 1986. Табл. 5, 1, 2; 37, 4; 38, 13; «Художественная культура...», 2011. С. 25 (№ 4), 51, 80 (№ LXIII), 165, 166, 211 (№ III).

Конечно, все эти детали дают лишь косвенные признаки для атрибуции исследуемого предмета. Ключ к его пониманию лежит в расшифровке изображения на дне чаши в центральном круглом медальоне (рис. 7). Сохранность этого изображения, конечно, оставляет желать лучшего, однако отчетливо видна голова животного с раскрытой пастью, усаженной множеством мелких острых зубов, из которой высунут тонкий язык. Торчащие над головой уши изогнуты, а их кончики заострены. Глаз показан без век, в виде круглой черной точки в белом ободке. Ни одно реально существовавшее животное не обладало таким сочетанием внешних черт. С одной стороны, здесь совершенно определенно видны признаки змеи (круглый глаз, тонкий язык), с другой, – присутствуют черты, не встречающиеся у змей, но характерные для хищников (ряды острых зубов, торчащие над головой уши). Очевидно, данный образ относится к некому фантастическому животному, чудовищу.

Первую подсказку, как выглядело это чудовище, можно видеть на иранской люстровой чаше начала XIII в. из собрания Музея исламского искусства в Берлине («Museum...», 2001. Inv. Nr. I. 1996.2). На краевом бордюре этой чаши изображены переплетающиеся кольцами тела существ, имеющих безногие покрытые чешуей змеевидные тела, а головы трактованы точно так, как голова чудовища на звенигородской тарелке – с открытыми пастьми, тонкими высунутыми вперед языками и заостренными ушами, торчащими над головой. Имеются и незначительные отличия: на иранской чаше змеевидные существа не имеют зубов, а глаза показаны не круглыми точками, а щелками (рис. 8). Как назвать этих чудовищ? Очевидно, это не змеи. Отдаленное сходство прослеживается с трактовкой китайских драконов, однако отличия от них весьма велики – последние всегда имеют четыре лапы и длинные усы. Вероятно, правильно будет называть фантастические существа, изображенные на иранской люстровой чаше, змеевидными драконами или драконами-змеями.

Наряду с драконами-змеями, в изобразительном искусстве Востока X–XV вв. уживались также китайские трактовки четырехлапых драконов (с XIII в.), а также разнообразные «гибриды» змеи, дракона и сэнмурва (мифических существ с головой и лапами собаки, птичьими крыльями и чешуйчатым телом). Отсюда многочисленные изображения на тканях, металлической посуде и в книжных миниатюрах сэнмурвов, драконов с двумя лапами, кентавров с драконоголовыми хвостами, змеев с человеческими головами и других подобных монстров (Gierlichs, 1993. Taf. 2, 4, 8; Kat. № 5, 7, 9, 11, 33, 34, 36). В редких случаях головы сэнмурвов изображались с длинным высунутым языком, но все же морда этого чудовища всегда трактовалась как собачья, что исключает возможность видеть в чудовище на звенигородской тарелке сэнмурва (рис. 9).

На керамических сосудах стран Ближнего и Среднего Востока, за исключением приведенной выше иранской люстровой чаши, другие изображения драконов-змей не известны². Поэтому для поиска аналогий образу на звенигородской тарелке приходится обратиться к иным памятникам изобразительного искусства. И в этом смысле

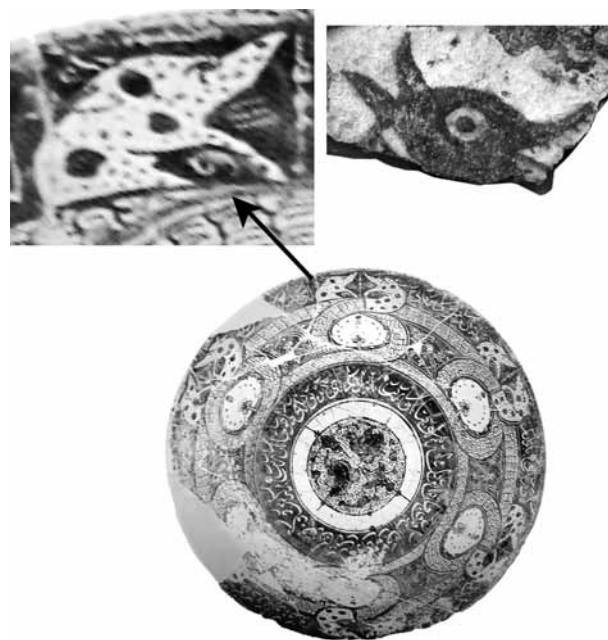

Рис. 8. Иранская чаша с люстровой росписью из собрания Музея исламского искусства в Берлине («Museum...», 2001. Inv. Nr. I. 1996.2) и сопоставление изображений голов чудовищ (см. цв. вкл.)

ближайшую аналогию звенигородской тарелке дают головы драконов в каменной резьбе на Багдадских воротах «Талисман-Тор» (Bab al-Talsim) (Gierlichs, 1996. Taf. 66, 2)³ – эти чудовища обладали двумя передними когтистыми лапами и крыльями, похожими на крылья сэнмурвов и аль-бураков (других фантастических крылатых существ) (рис. 10). Очевидно, иконография этих драконов связана не с китайскими мотивами, а с древними традициями персидского изобразительного искусства, уходящего своими корнями в мифологию сасанидского Ирана и более ранние эпохи.

Драконы-змеи были характерны не только для персидского искусства – они широко представлены в каменной резьбе Конийского султаната XIII в., причем там встречаются как трактовки, идентичные изображениям на багдадских воротах, т.е. с двумя передними лапами и крыльями (Gierlichs, 1996. Taf. 39, 1) (рис. 11), так и близкие драконам на иранской люстровой чаше, т.е. без лап и крыльев, с одним только змеиным телом (Gierlichs, 1996. Taf. 39, 5) (рис. 12). Известно, что постройки сельджукского

² Правда, на иранских изделиях XIV–XV вв. встречаются изображения китайских драконов с четырьмя лапами и длинными усами (Gierlichs, 1993. Kat. № 15; «Islamic Art», 2011. P. 216)

³ В этом издании воспроизведена фотография, сделанная Фридрихом Карпе в начале XX в. Декор этих ворот появился после их ремонта в 1221 г., сами ворота разрушены в 1917 г. На данную аналогию и на само сходство существа на звенигородской тарелке с драконами нам указала Гизела Хелмеке (Gisela Helmecke, Музей исламского искусства в Берлине), которой пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность.

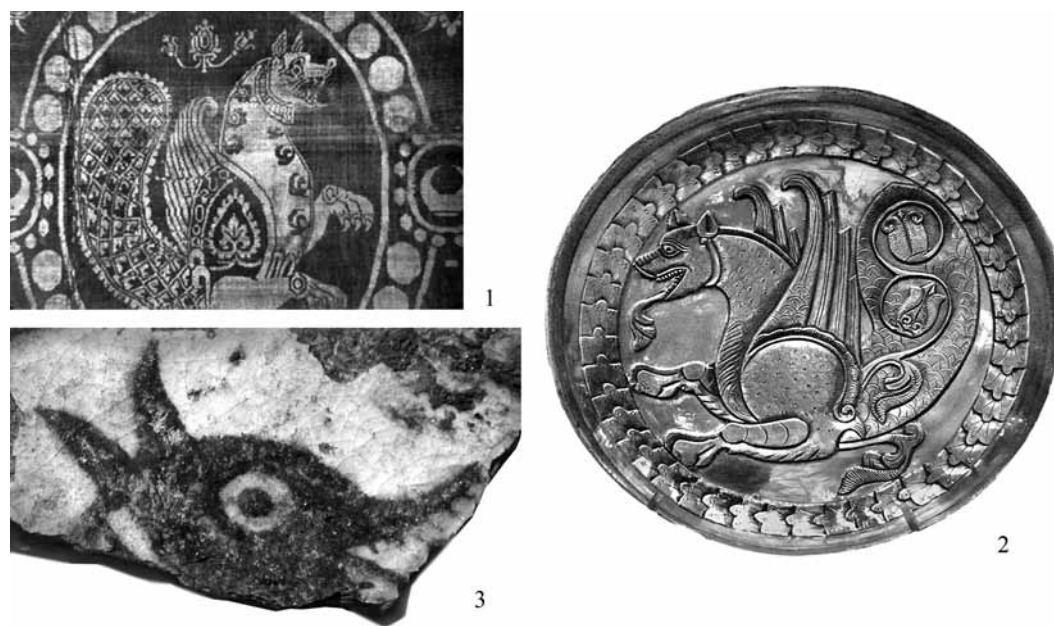

Рис. 9. Сэнмурвы на сасанидских тканях (1) и серебряной посуде (2) в сопоставлении с головой чудовища на звенигородской тарелке (3). (См. цв. вкл.)

архитектурного стиля в Малой Азии и изощренную каменную резьбу выполняли в основном армянские и греческие строители и камнерезы, имевшие многовековой опыт таких работ. Разумеется, сюжетные изображения в каменной резьбе и других видах декоративно-прикладного искусства сельджукских эмиратов (как впоследствии и государства Ильханов) создавался под воздействием вкусов и эстетических представлений завоевателей, однако нельзя не учитывать также влияния субстратных традиций в орнаментике.

Точно такую же голову дракона-змея, как на рассматриваемой тарелке, можно видеть также на рисунке с изображением созвездия Змееборца в рукописи, созданной около 1437 г. в Самарканде для Улугбека («Colloquies...», 1980. Fig. 442. P. 177). Таким образом, трактовка змеевидного дракона в стиле, максимально близком как изображению на звенигородской тарелке, так и малоазийским рельефам, была столь же хорошо известна и в Мавераннахре тимуридской эпохи. Драконов (как змеиных, так и снабженных лапами) с точно такими же головами (рис. 13; рис. 14) можно видеть на персидских и индийских миниатюрах XVI–XVII вв. (Titley, 1981. Fig. 3, 13, 17). Они показывают, что в сефевидский период в Иране и в эпоху Великих Моголов в Индии образ дракона в его переднеазиатской трактовке был прекрасно знаком художникам, хотя наряду с ним встречаются и иные изображения, близкие китайской манере изображения драконов (Gierlichs,

1996. Kat. №. 17, 19; «Islamic Art», 2011. P. 174, 177; Titley, 1981. Fig. 9, 16). Итак, мотив дракона-змея был хорошо знаком сельджукскому искусству и органично перешел из него в эпоху монгольского господства, будучи распространен на территории от Малой Азии до Индии.

Если обратиться к керамическим изделиям Средней Азии XI–XIV вв., то здесь были известны разнообразные зооморфные сюжеты, однако образы драконов в декоре местной керамики вовсе не известны (Шишкина, 1979; Брусенко, 1986. С. 69–75. Табл. 45, 46). При этом количество зооморфных мотивов здесь постепенно сокращалось, и к XIII–XIV вв. они ограничивались в основном сильно стилизованными изображениями птиц и рыб.

Предпринятый искусствоведческий экскурс показал, что чудовище на звенигородской тарелке, скорее всего, представляло собой дракона-змея со свернутым в кольца туловищем. Возможно, сюжет включал парное изображение таких змеев, обращенных мордами друг к другу. Ближайшие аналогии исследуемому изображению относятся к XIII в. Форма тарелки, колористическая схема и второстепенные детали декора наиболее характерны для XIII–XIV вв., хотя встречаются как в более ранние периоды, так и позже. Отсюда можно сделать вывод, что наиболее вероятным периодом изготовления этого шедевра является XIII–XIV вв.

По технике нанесения декора и попытке при помощи белого ангоба имитировать светлоглиняную

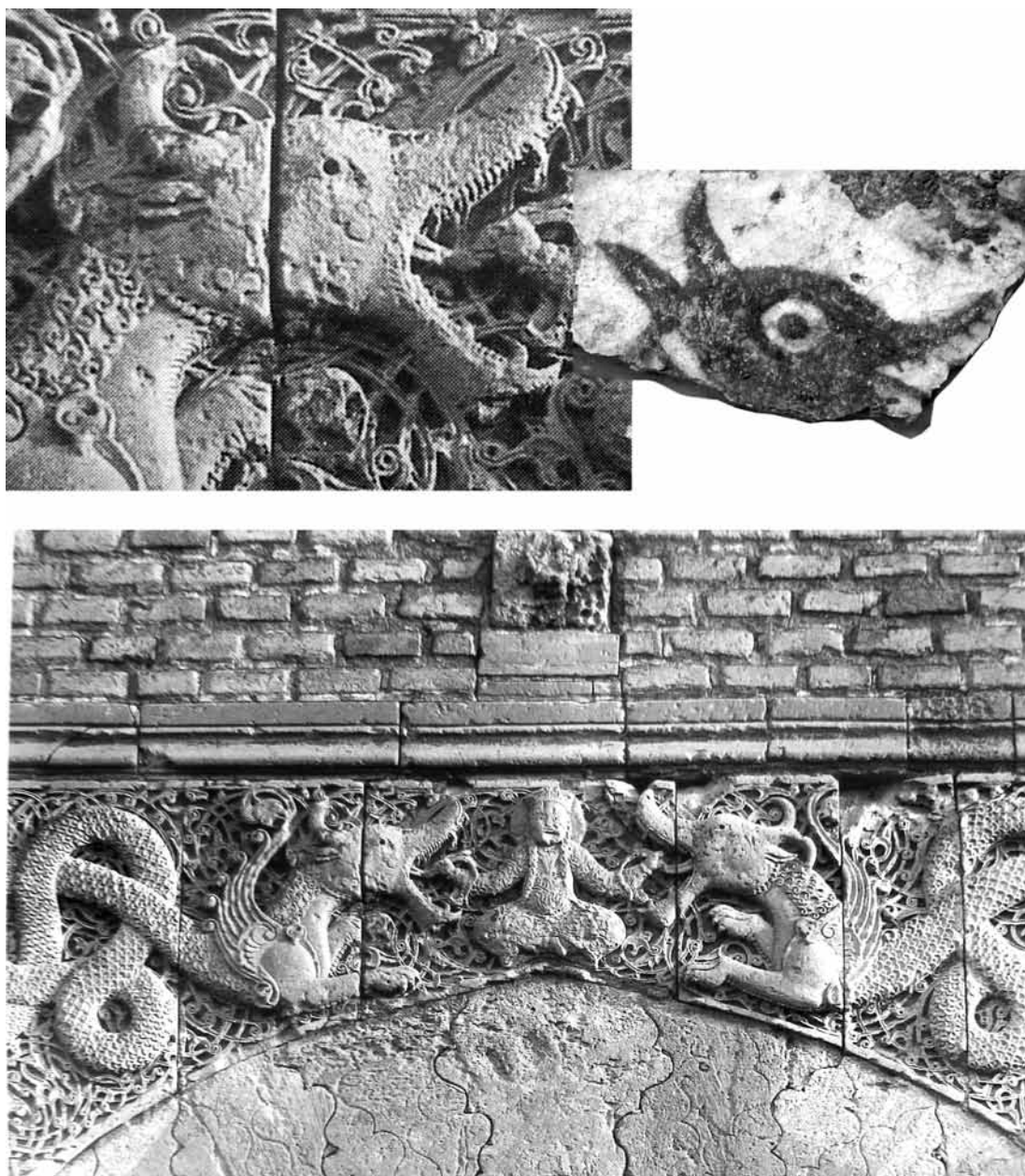

Рис. 10. Изображения драконов на багдадских воротах «Талисман-Тор» (по: *Gierlichs, 1996. Taf. 66, 2*) и сопоставление с головой чудовища на звенигородской тарелке

керамику, тарелка близка оттарским изделиям. Однако ни в Отраре, ни в соседних с ним районах Хорезма и Мавераннахра для XIII–XIV вв. не известны изделия со столь же высокохудожественными изображениями живых существ, тем более – фантастических драконов в сельджукской трактовке. Совершенно очевидно, что автором этого шедевра мог быть художник самого высокого класса, поскольку изображения живых существ, да к тому же выполненные в столь экспрессивной манере, как это демонстрирует звенигородская тарелка, могли создавать только очень искусные

мастера. Во всяком случае, это изображение ничуть не уступает резьбе на багдадских воротах или миниатюрной живописи на иранских люстровых фаянсах, или иранской же «силуэтной» керамике (полуфаянсам с черной росписью под бирюзовой глазурью первой половины XIII в.), оставляя далеко позади грубые рисунки на керамике сграффито или изделиях с росписью красками, характерные для Средней Азии. Между тем, если говорить о монгольской эпохе, то число таких мастеров было крайне невелико (оно даже сократилось по сравнению с сельджукским временем, о чем ярко

Рис. 11. Дракон на каменной резной плите из Коньи (по: *Gierlichs*, 1996. Taf. 39, 1). Увеличена деталь с изображением головы чудовища

свидетельствует регресс в орнаментике иранских люстровых фаянсов), и очевидно, что они не могли присутствовать в каждом городе, концентрируясь в столичных центрах. Это соображение позволяет предполагать происхождение тарелки из одного из самых крупных столичных центров Ближнего и Среднего Востока. На роль таких центров могут претендовать Тебриз (столица ильханского Ирана), Багдад, Дамаск, Конья. Только в этих городах могли сохраниться художники высшего класса, ставшие творцами таких шедевров, как люстровые изразцы Ирана и Рума (Кубадабад), керамика и стекло Ракки и Дамаска. Именно к этому кругу шедевров принадлежит и звенигородская тарелка. Кстати, если говорить об общестилистическом сходстве, то оно, как нам представляется, прослеживается прежде всего с бестиарием плиток из киоска Кылыч-Арслана в Конье и Кубадабада, т.е. шедеврами Румского султаната середины – второй половины XIII в. (при том, что никаких драконов на этих плитках нет). Использование художником гравировки для предварительной разметки поля тарелки также указывает, скорее, на его ближневосточное происхождение, поскольку именно там процветало искусство гравированных изображений на керамике.

Рис. 12. Дракон-змея на каменной резной плите из Коньи (по: *Gierlichs*, 1996. Taf. 39, 5)

Таким образом, имеются признаки, уводящие истоки рассматриваемого шедевра как в искусство Ближнего Востока, так и Средней Азии. Если учитывать высокую подвижность населения в эпоху монгольских завоеваний и в последующий период, особенно в ходе создания державы Тимура, надо иметь в виду, что тогда не существовало непреодолимых препятствий для появления мастера, происходившего из крупного столичного центра, в Мавераннахре или юго-восточном Казахстане (правда, появления на очень непродолжительное время, за которое он не смог создать большого числа шедевров). Поскольку точные керамические аналогии звенигородской тарелке остаются неизвестными, до их обнаружения все приведенные выше рассуждения не могут служить надежным аргументом в пользу ее конкретной атрибуции.

Рис. 13. Чудовище на персидской миниатюре 1503 г. из Герата (по: Titley, 1981. Fig. 3)

В заключение следует вернуться к вопросу о возможной дате тарелки и ее предназначении. Как показано выше, отдаленные аналогии в керамике, с одной стороны, и иконография образа дракона-змея, с другой, указывают на XIII–XV вв. как наиболее вероятный интервал датировки звенигородской тарелки. Эта датировка вполне вписывается в хронологию детинца Звенигорода. Однако допустимо сузить очерченный интервал, поскольку расцвет Звенигорода приходится на вторую половину XIV – первую четверть XV в., когда он являлся центром удельного княжения, имевшего большой политический вес на Руси⁴ – особенно в период княжения Юрия Дмитриевича (владел Звенигородом с 1389 по 1434 г.), претендовавшего на великокняжескую власть в Москве. Именно в этот период в Звенигород с наибольшей вероятностью могла попадать престижная восточная поливная посуда, поступающая как по торговым каналам, так и иными способами (военная добыча, дипломатические дары и т.п.). С учетом всех названных факторов наиболее вероятной датой поступления тарелки в Звенигород является вторая половина XIV – начало XV в. В этом же временном интервале, скорее всего, произошла и археологизация тарелки. Таким образом, она могла быть разбита как до, так и после строительства Успенского собора, которое в настоящее время относят к 1390-м годам (Огнев, 2008. С. 209). Допустимо предполагать два сценария этого события.

1. Тарелка была разбита до строительства собора, ее обломки отложились в культурном

Рис. 14. Драконы на пенджабской миниатюре 1686 г. (по: Titley, 1981. Fig. 17)

слое (мощность этого слоя не превышала 20 см) и пролежали там до возникновения кладбища (в XVII в.), когда они оказались переотложены могильными перекопами. Часть обломков могла быть потревожена при строительстве храма и прокладке фундаментных траншей.

2. Тарелку разбили уже в самом новопостроенном соборе или рядом с ним, а обломки были выброшены тут же, рядом с крыльцом и Георгиевским приделом. Часть обломков оказалась растоптана в мелкое крошево, но несколько из них сохранились лучше – так они пролежали до начала сооружения могил, когда и оказались переотложены.

Надежных археологических данных, позволяющих установить, какой из этих сценариев более вероятен, не существует. При этом появление тарелки в том месте, где вплоть до строительства собора располагалась свободная от застройки площадка, труднообъяснимо, за исключением варианта размещения на месте каменного собора предшествовавшей ему деревянной церкви. На существование такой церкви, косвенно указывает факт основания в 1383 г. Звенигородской епархии, просуществовавшей под управлением епископа Звенигородского Даниила до 1391–1392 гг. («История иерархии...», 2006. С. 177, 178). Однако где именно находился деревянный предшественник белокаменного Успенского собора, не известно. Ни каких-либо признаков его самого, ни следов синхронного ему некрополя обнаружить до сих

⁴ Столицей удельного княжества этот город был на значительно более протяженном отрезке времени, но в более раннее и более позднее время его экономический и политический потенциалы были несравнимо ниже.

пор не удалось. Поэтому второй сценарий развития событий кажется более вероятным – тарелка могла использоваться в Успенском соборе, как дорогой необычный сосуд, в качестве церковной утвари⁵. О том, что такое использование импортных сосудов не было редкостью на Руси в XIV–XVI вв. свидетельствует клад поливных восточных сосудов из Благовещенского собора Московского Кремля и вклады Строгановых в Сольвычегодский Благовещенский собор, включавшие глазурованные восточные чаши (Панова, 1996. С. 63; Савваитов, 1886. С. 77).

Возможно и другое объяснение появления этой тарелки рядом с собором: одним из авторов уже высказывалось предположение, что у стен собора в XV–XVI вв. могли происходить общественные

пиры (братчины), следами которых являются, вероятно, многочисленные кости животных, птиц и рыбы, обнаруженные при раскопках близ наружной стороны апсид храма (Алексеев, 2011. С. 191, 193). На одном из таких пиров и могла быть разбита дорогая привозная тарелка, утилизированная затем аналогично остаткам пиршественной пищи, т. е. также у стен собора.

Независимо от того, как именно и при каких конкретно обстоятельствах произошла археологизация рассматриваемого восточного сосуда, само его появление на Руси необходимо рассматривать в контексте широких торговых и культурных связей со странами Востока и того высокого статуса, которым обладали восточные художественные изделия в русских княжествах.

Литература

Алексеев А. В., 2011. Археологические исследования Успенского собора в подмосковном Звенигороде // АП. Вып. 7. М.

Байпаков К. М., Алдабергенов Н. О., 2005. Отырар Алкабы. Алматы.

Брусенко Л. Г., 1986. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент.

Бяшимова Н. С., 1989. Поливная керамика южного Туркменистана. Ашхабад.

Вактурская Н. Н., 1959. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М.

Ибрагимов Б. И., 2000. Средневековый город Киран. Баку – М.

История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006.

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.

Огнев Б. А., 2008. Московское зодчество конца XIV и 1-й четверти XV столетия // К 600-летию Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря и 100-летию со дня рождения Б. А. Огнева. М. – Звенигород.

Панова Т. Д., 1996. Клады Кремля. М.

Савваитов П. И., 1886. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. СПб.

Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков, 2011. Т. 1. Керамика. Самарканд – Ташкент.

Шишкина Г. В., 1979. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII вв.). Ташкент.

Gierlichs J., 1993. Drache. Phönix. Doppeladler. Fabelwesen in der islamischen Kunst // Bilderheft der Staatlichen Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz. Heft 75/76. Berlin.

Gierlichs J., 1996. Mittelalterliche tierreliefs in Anatolien und Nordmesopotamien // Istanbulen Forschungen. Bd. 42. Tübingen.

Islamic Art. Florence, 2011.

Museum für Islamische Kunst. Mainz am Rhein, 2001.

Titley N. M., 1981. Dragons in Persian, Mughal and Turkish Art. Toronto.

Colloquies on art & archaeology in Asia. № 10. L., 1980.

⁵ Использованию тарелки в литургической практике могло помешать само изображение на ее дне, поскольку в христианской традиции дракон (змий) является олицетворением сатанинских сил. Однако она могла употребляться и для иных (не литургических) целей.

V.Yu. Koval, A. V. Alekseev

A monster on a dish

Summary

The publication of fragments of a unique oriental dish from the excavations at the site of the medieval town of Zvenigorod in the Moscow Region is accompanied with an attempt to attribute this article. The authors hold that the dish features a dragon, an imaginary creature often represented in stone carving, artistic pottery and miniatures in the Seljuk and Ilkhan East from Asia Minor to India in

the 13th – 14th century and later. Pottery similar in painting technique and colour scheme was discovered at Otrar in the South Kazakhstan yet the high quality of painting points to a master craftsman from a major administrative centre. The lack of precise analogies does not enable one to locate the place of manufacture of this masterpiece. The dish was probably made in the second half of 14th – early 15th century.

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова

Кузнечное ремесло Рязанской земли в эпоху Московского государства¹

На рубеже XV–XVI вв. в истории России происходят коренные политико-экономические изменения. Завершается процесс объединения русских земель в единое государство под властью московского князя, происходит окончательное освобождение от татаро-монгольского ига. Единая государственная политика создала предпосылки для формирования общероссийского рынка. В сфере производства «это выразилось прежде всего в развитии ремесла, работающего на рынок, в росте товарообмена между отдаленными областями Московского государства» (Колчин, 1949. С. 192).

К сожалению, аналитические материалы по кузнечному ремеслу Московского государства еще немногочисленны. Во многом это объясняется степенью изученности поздних культурных напластований. До недавнего времени археологическим раскопкам памятников XVI–XVII вв. не уделялось должного внимания. Изменение ситуации произошло в последние десятилетия, когда археологи более активно стали исследовать культурный слой позднего времени. В частности, слои эпохи Московского государства изучались в Переяславле Рязанском (М. М. Макаров, В. В. Судаков, В. И. Завьялов) и на городище Ростиславль (В. Ю. Коваль).

С окончательным присоединением в 1521 г. Рязанского княжества к Московскому государству столица княжества – Переяславль Рязанский постепенно теряет свое политическое значение. Но до конца XVII в. город продолжает играть роль важного оборонительного пункта на пути татарских набегов.

Ростиславль Рязанский – малый город на северных рубежах Великого княжества Рязанского – в XVI в. переживает последний период своего существования (хотя письменные источники упоминают город на протяжении первой половины XVII в.). Следствием угасания города явились сокращение плотности застройки и запустение посадов (Коваль, 2005. С. 282).

Для того чтобы получить представление о характере железообрабатывающего производства рассматриваемых памятников, мы распределяем аналитический материал по двум технологическим группам. Технологическая группа I включает схемы, связанные с изготовлением цельнометаллических заготовок (железо и сталь, полученная различными способами). Эти схемы уходят своими корнями в эпоху раннего железа. Технологическая группа II объединяет технологии, основанные на сварных конструкциях (технологическая сварка железа со сталью), которые широко распространяются на территории Восточной Европы только в древнерусское время (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007. С. 10).

Распределение аналитического материала по технологическим группам позволяет выделить особенности, характерные для рязанского кузнечства в XV–XVII вв. При сопоставлении полученных данных с материалами из других древнерусских земель появляется возможность определить место рязанской железообработки в системе русского ремесла.

Так, по материалам Москвы и Пскова удалось установить, что в XVI–XVII вв., в отличие

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 11-06-00080-а.

от предшествующего периода (XIII–XV вв.), когда доминировала группа сварных изделий, наблюдается преобладание изделий технологической группы I. Это связано прежде всего с качественными изменениями в производстве черного металла – переходе к целенаправленному получению стали-уклада. Использование подобного материала позволяло изготавливать качественную продукцию с наименьшими трудовыми затратами, что отвечало потребностям формирующегося общерусского рынка (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007. С. 157).

В основе настоящего исследования лежат материалы из Переяславля Рязанского и Ростиславля Рязанского. Всего проанализировано 92 предмета, включающие такие категории как топоры, напильники, косы, ножницы, бытовые предметы и предметы вооружения. Более двух третей анализов (63 экз.) составляют ножи.

С точки зрения реконструкции кузнечного производства такая категория изделий, как ножи, является наиболее информативной. Именно она прежде всего отражает прогрессивную производственную динамику.

Среди исследованных ножей, сохранивших целые формы, можно выделить хозяйственные ножи, столовые ножи с пластинчатыми черенками и накладными костяными или деревянными рукоятками, рабочие (в том числе сапожные) ножи. Часто клинок ножа отделялся от черенка обоймицей, украшенной цветным металлом. Наличие обоймицы, вероятно, свидетельствует о ношении ножей в жестких ножнах. Среди ножей с пластинчатыми рукоятками выделим три орудия из Ростиславля Рязанского (ан. 10648, 10650 и 10651) – у них накладные рукоятки крепились железными трубочками-заклепками, в то время как у остальных ножей заклепки были бронзовыми. Один нож с пластинчатой рукоятью сохранил клеймо в виде полумесяца рогами вверх и точкой справа.

Установлено, что при изготовлении ножей из рязанских памятников в рассматриваемый период применялось шесть технологических схем. Целиком из железа оказались откованы девять орудий. При этом у двух ножей лезвие сильно сточено, что не исключает возможности применения при их изготовлении более сложной технологической схемы (наварки или цементации). Среди цельножелезных ножей присутствуют как хозяйственные, так и столовый нож с пластинчатой рукояткой. Этот нож на клинке имел клеймо, что указывает на его западноевропейское происхождение. Микротвердость железа этого орудия оказалась несколько ниже, чем у основной массы

изделий: 110–128 кг/мм². Цельножелезные западноевропейские ножи известны и из раскопок других позднесредневековых памятников, в частности Москвы (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007. С. 152).

Из сырцово-й стали отковано 13 ножей. Содержание углерода в стали колеблется от 0,2% до 0,4%. По простоте изготовления ножи из сырцово-й стали сходны с цельножелезными ножами, но, в отличие от последних, могли воспринимать термическую обработку. Из исследованных орудий пять были подвергнуты резкой закалке, два – мягкой закалке.

В средневековом кузнечном ремесле такой прием как цементация лезвия использовался редко. Это связано главным образом с большими временными затратами при науглероживании орудия. В исследованной коллекции обнаружено четыре ножа, лезвия которых были науглерожены. Заключительной операцией по улучшению рабочих качеств изделий была мягкая закалка.

Значительная часть ножей (37 экз.) изготовлена с помощью различных приемов наварки. Наварка в торец стального лезвия на железную основу обнаружена у восьми орудий.

Оригинальная структура обнаружена на ноже середины XVI в. из Переяславля Рязанского (ан. 11880). Его основа сварена из последовательно чередующихся полос стали и железа, причем железо характеризуется высокой микротвердостью (до 274–297 кг/мм²), что указывает на повышенное содержание фосфора в феррите. Полосы расположены перпендикулярно плоскости клинка. При полировке и травлении такого клинка на его поверхности проявлялся узор из светлых (фосфористое железо) и темных (сталь) полос (рис. 1). Подобный материал получил название сварочного дамаска. Способ производства такой стали был достаточно сложным и держался мастерами в секрете. Русские кузнецы, по крайней мере, до периода позднего Средневековья, секретов этой технологии не знали. На дамасскую основу наварено стальное лезвие, которое было закалено с последующим отпускком (структура сорбита, микротвердость 236 кг/мм²).

Наиболее многочисленны среди ножей с наварными лезвиями в исследованной коллекции были ножи, изготовленные по схеме косой боковой наварки (17 экз.). По мнению Б. А. Колчина, данная технология применялась кузнецами с целью экономии стали (Колчин, 1959. С. 54). Действительно, у ножей из Переяславля Рязанского наварная стальная пластина по ширине составляет не более 2–3 мм. При этом лезвие у некоторых образцов сто-

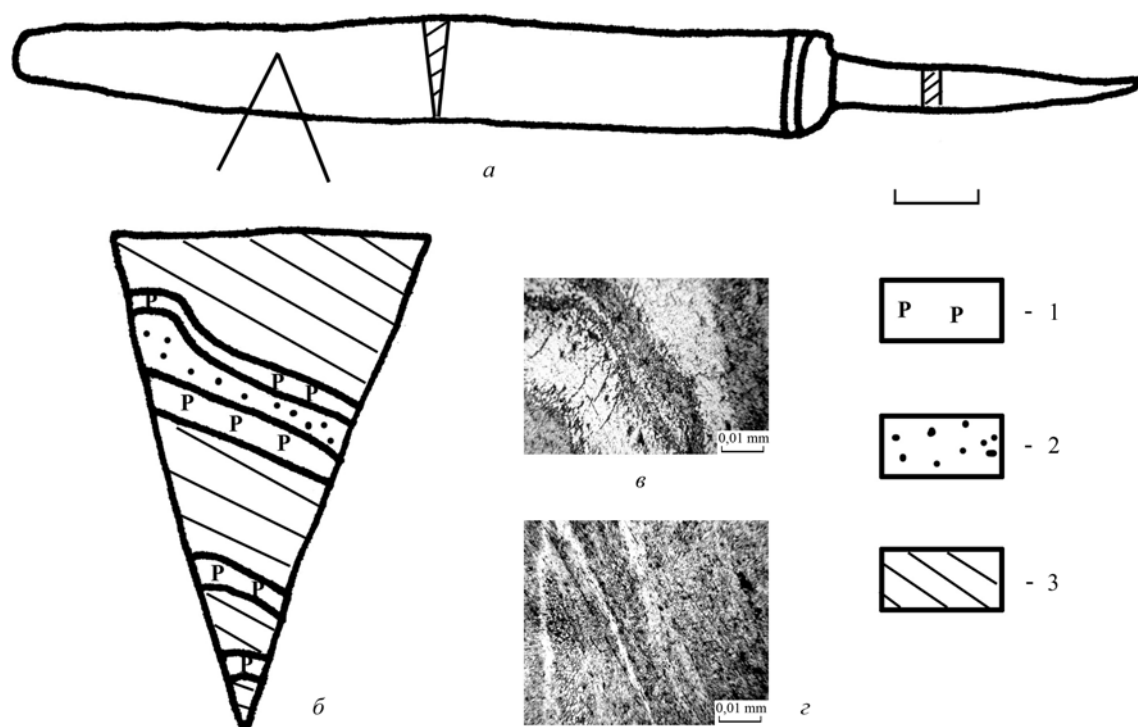

Рис. 1. Нож с дамасским клинком из Переяславля Рязанского

a – рисунок ножа; *б* – технологическая схема изготовления (наварка стального лезвия на основу из дамасской стали); *в-г* – фотографии сварных швов. 1 – фосфористое железо; 2 – сталь; 3 – термообработанная сталь

чено незначительно. Все ножи этой группы прошли термическую обработку. Следует отметить высокое качество сварки: сварные швы тонкие, имеют вид белых полос (рис. 2). Лишь в одном случае сварка проведена на низком уровне, что привело к расслоению сварного шва.

Еще одна сварная технология представлена так называемой схемой V-образной наварки (табл. 1). При изготовлении кузнечных изделий по этой технологической схеме будущее стальное лезвие складывалось по длине так, что в сечении оно имело вид латинской буквы V. Затем в него вкладывалась основа ножа, и производилась сварка. В исследованной коллекции обнаружено 12 таких ножей. Как и у ножей, изготовленных по технологии косой наварки, ширина стального лезвия у орудий с V-образной наваркой незначительна. Все ножи прошли термообработку. Сварка у ножей с V-образной наваркой проведена на высоком уровне. Из особенностей использованного сырья отметим применение фосфористого железа у двух образцов (микротвердость феррита составляет 221–274 кг/мм²).

Топоры представлены двумя обломками лезвий, происходящих из Житного раскопа Переяславля Рязанского. По стратиграфии оба орудия датируются началом XVI в. Один из топоров откован из сырцово-стали с последующей термообработ-

кой (высокий отпуск – структура сорбита). Технологическая схема изготовления второго топора – торцовая наварка стального лезвия. Изделие также было термообработано.

В исследованной коллекции присутствует предмет, который предположительно был определен как напильник. Это железный брусок прямоугольного сечения размерами 7,5 x 3,0 x 0,5 см. Микроструктурное исследование показало, что изделие отковано из углеродистой стали и подвергнуто резкой закалке (структура мелкоигольчатого мартенсита, микротвердость 464–514 кг/мм²). Именно по такой технологии изготавливались древнерусские напильники (Колчин, 1953. С. 66). Таким образом, хотя характерные для напильников насечки на исследованном предмете не сохранились, но технология изготовления и форма артефакта позволяют говорить, что это орудие являлось именно напильником.

Три косы из Переяславля Рязанского изготовлены по технологии косой боковой наварки стального лезвия. В двух случаях основой было кричное железо, в одном – сырцовая сталь. Косы подвергнуты термообработке – закалке и закалке с последующим отпуском. Коса из Ростиславля Рязанского откована из фосфористого железа (микротвердость феррита 206–236 кг/мм²), в металле наблюдаются участки фосфорной ликвации).

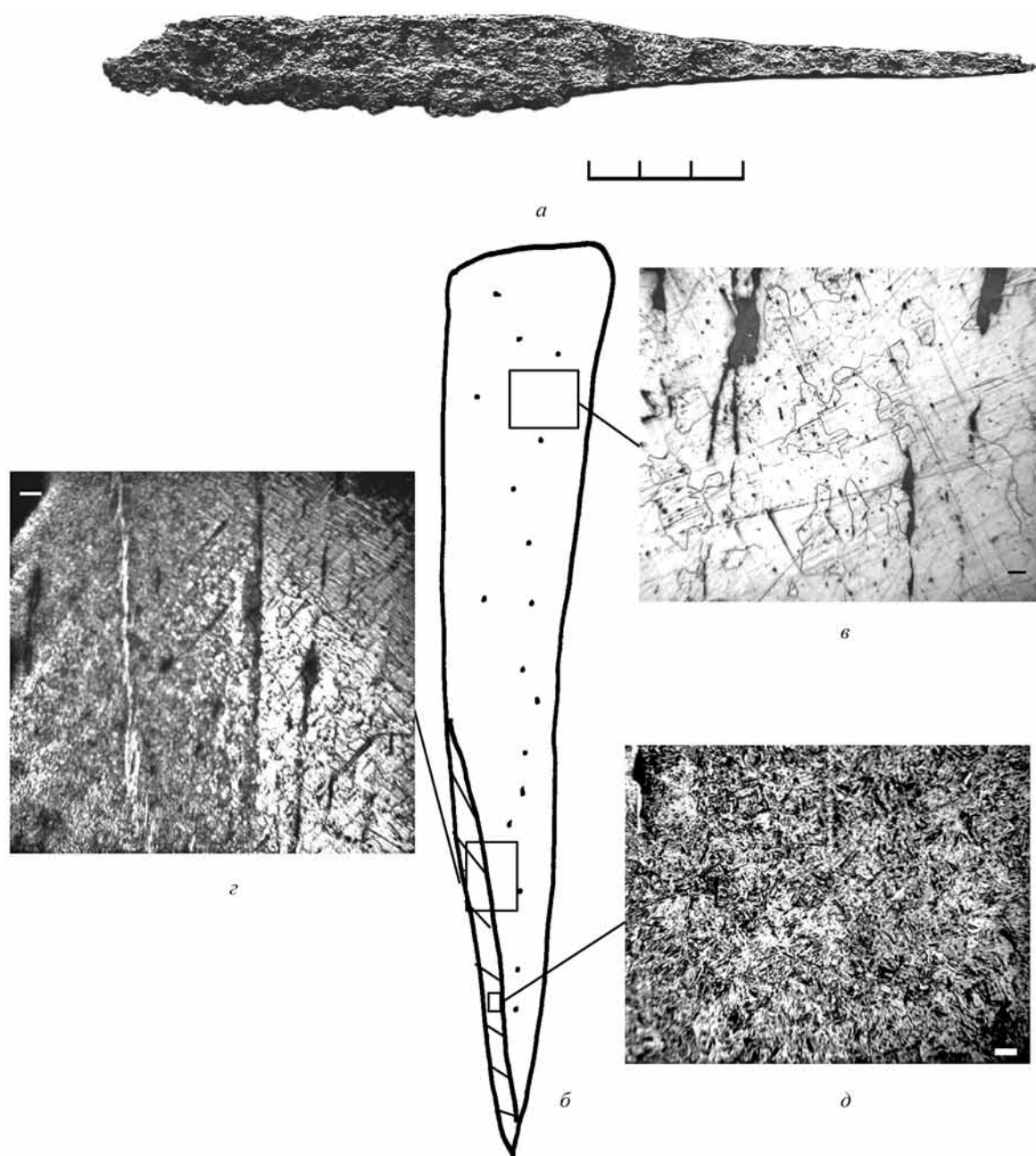

Рис. 2. Нож. Анализ 11882

а – хозяйственный нож; *б* – технологическая схема изготовления (косая боковая наварка стального лезвия); *в* – фотография структуры основы (феррит; здесь и далее горизонтальный штрих в правом нижнем углу соответствует 0,01 мм); *г* – фотография сварного шва; *д* – фотография структуры лезвия (мартенсит)

При исследовании образца с полного поперечного сечения ножниц была обнаружена трехслойная структура: в центре располагалась полоса высокоуглеродистой стали, а по бокам – полосы железа. Следует отметить низкое качество сварных швов: они широкие, забиты шлаками.

Из пяти исследованных кресал четыре относятся к типу калачевидных и одно к типу овальных удлиненных. Находка калачевидных кресал,

датировка которых по новгородской хронологии ограничивается X–XII вв., в поздних напластовках лишний раз свидетельствует о длительном бытовании подобной формы огнив за пределами Новгородской земли. Аналогичные кресала, датируемые XVI–XVII вв. найдены в Тушинском лагере (Никитин, 1971. С. 36), Мангазее (Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 83), в поморских комплексах на архипелаге Шпицберген (Завьялов,

Таблица 1. Распределение металлографически изученных кузнечных изделий по технологическим группам.

Категории	Технологическая группа I				Технологическая группа II				Всего
	из железа	из сырцово- стали	из цементо- ванной стали	цементация	трехслойный пакет	торцовая наварка	косая наварка	V-образная наварка	
Ножи	9	13		4		8	17	12	63
Топоры		1				1			2
Напильник			1						1
Косы	1						3		4
Ножницы					1				1
Кресало				1		4			5
Шилья	1	1							2
Иглы	7								7
Ключи	2								2
Пружина замка		1							1
Ушко котла			1						1
Ружейный ствол	1								1
Наконечники стрел	2								2
Всего	23	16	2	5	1	13	20	12	92
Всего по группе	46				46				

1990, С. 150). Кресала из Переяславля изготовлены по технологии торцовой наварки. При этом калачевидные кресала отличаются более высоким качеством исполнения (рис. 3). На рабочую часть наварена высокоуглеродистая сталь, получившая после резкой закалки высокую твердость (до 724–824 кг/мм²). Хуже по качеству оказалось овальное кресало: сварной шов у него сравнительно широкий (около 0,025 мм), структура рабочей части – мартенсит с ферритом указывает на использование сырцовой неравномерно науглероженной стали. Кресало из Ростиславля отковано из кричного заготовки с последующей поверхностной цементацией. Изделие подвергнуто резкой закалке.

Микроструктурный анализ показал, что при изготовлении шильев использовалось кричное железо. На одном предмете прослежены следы первичной науглероженности (содержание углерода до 0,2%С).

Иглы отковывались из хорошо прокованного кричного железа. Микротвердость трех образцов указывает на применение фосфористого железа.

Оба исследованных наконечника стрел происходят из Переяславля Рязанского и датируются первой половиной XVII в. Один из них относится к типу 51 по А. Ф. Медведеву, другой представлен плоским листовидным наконечником без упора. Наконечники откованы из хорошо прокованного кричного железа. У одного железа имеет повышенное содержание фосфора (микротвердость феррита 193–254 кг/мм²).

Огнестрельное оружие представлено фрагментом дула пищали, которое, по мнению О. В. Двуреченского, датируется второй половиной XVI в. Отковано дуло из кричного железа, сильно засоренного шлаковыми включениями. Внешняя поверхность дула была покрыта медью.

Из кричного железа откованы и ключи, один из которых относится к типу Ж, другой, по всей видимости, к одной из разновидностей типа В (*Колчин*, 1982. С. 162). Металл ключей не отличается чистотой в отношении шлаковых включений. У ключа типа Ж прослежен паяный цветным металлом шов, соединяющий отдельные части ключа. Ширина шва составляет 0,03–0,15 мм. Не ис-

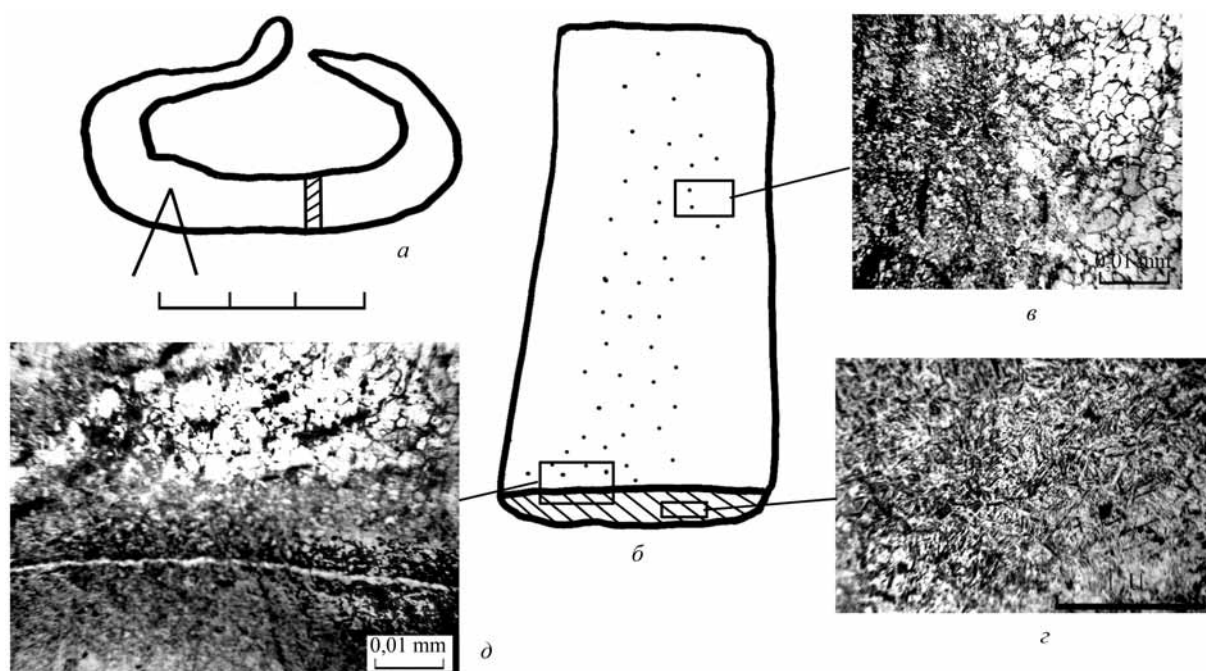

Рис. 3. Кресало. Анализ 11597

а – кресало; *б* – технологическая схема изготовления (торцовая наварка стальной полосы); *в* – фотография основы (феррит, феррит с перлитом); *г* – фотография сварного шва; *д* – фотография структуры рабочей части (мартенсит)

ключено, что этот ключ собран из разных сортов железа – обычного и фосфористого, – поскольку микротвердость феррита одной из полос оказалась повышенной: 221–274 кг/мм².

Ушко котла отковано из стальной заготовки с высоким содержанием углерода (0,6–0,7%С). Металл относительно чист от шлаковых включений. По внешней стороне шлифа наблюдается обезуглероживание структуры, что связано с длительным пребыванием предмета при высоких температурах. По всей видимости, ушко отковано из случайно взятой заготовки (использование металлолома).

Как видно из приведенных результатов аналитического исследования основными поделочными материалами рязанским кузнецам служили железо и сырцовая сталь. По технологической схеме наварки были изготовлены около 60% ножей, большинство инструментов и кресал. Если учесть, что часть ножей, на образцах которых обнаружена только структура железа, могла утратить стальные лезвия, то доля наварных конструкций будет еще выше.

Общий анализ микроструктурных данных показывает, что технологические группы представлены равным количеством предметов. Однако в первую группу входят, главным образом, бытовые предметы, не требовавшие сложных технологических решений, а во вторую – орудия труда.

Подводя итог аналитическому исследованию кузнечной продукции из памятников Рязанской земли в московский период, можно отметить, что большое значение в железообработке играли приемы технологической сварки. Особенно заметно это при производстве ножей, где технологическая группа II доминирует. Широко применялись наварные технологии и при изготовлении таких качественных изделий, как топоры, косы, кресала, ножницы.

Основными поделочными материалами для выпуска дешевой продукции служили железо и сырцовая сталь. Обратим внимание на использование в московскую эпоху при изготовлении некоторых изделий фосфористого железа. Исследование рудопроявлений Рязанской земли и материалы, полученные в ходе экспериментальных работ по моделированию сыродутного процесса, позволяют говорить о том, что рязанские руды не содержали фосфора. В связи с этим выделение предметов, откованных из фосфористого железа, по всей видимости, указывает на поступление определенной части кузнечной продукции из других регионов. Предметы из фосфористого железа зафиксированы в этот период и при исследовании материалов из Москвы и поселения Мякинино-2 (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007. С. 141–142).

Отметим редкое использование в рязанском кузнечестве в XVI–XVII вв. специально полученной

цементированной стали. По-видимому, по мере совершенствования металлургического процесса у ремесленников появилась возможность получать более качественную чем раньше сырцовую сталь. Именно она приходит на смену цементированной стали, получение которой требовало значительных временных затрат и большого расхода топлива.

Сопоставление результатов микроструктурных анализов железных предметов XVI–XVII вв. из Переяславля Рязанского и Ростиславля Рязанского демонстрирует значительное сходство материалов по основным показателям. Это сходство заключается прежде всего в использовании однотипного сырья (железо, сырцовая сталь), преимущественном изготовлении орудий труда по сварным схемам технологической группы II. Железообрабатывающее производство Рязанской земли основывалось на достижениях предшествующего времени и являлось составной частью русского ремесла.

Судя по письменным источникам, в условиях складывающегося общероссийского рынка уже намечается определенная специализация отдель-

ных центров. Так, Устюжна Железнопольская поставляла оружие, Белоозеро и села этого района – орудия труда, Тверь – иглы, крючки, сапожные и обойные гвозди, Вологда – ножи, топоры, косы, серпы (Колчин, 1949. С. 203). Рязанская земля среди таких центров не упомянута. Это позволяет считать, что продукция рязанских кузнецов не выходила на общерусский рынок. Работа мастеров была нацелена на обеспечение узкого местного рынка. Более того, рязанские города выступали в роли потребителей некоторых видов кузнечной продукции (разные сорта гвоздей, скобы, книжные застёжки, дверные петли и т. п.), которые закупались в Москве и Коломне (Шапилова, 2008. С. 384).

Именно работа на внутренний сравнительно узкий рынок при отсутствии стимула к упрощению технологии объясняет такую специфику местного кузнечества, как длительное доминирование сложных сварных технологических схем в производстве качественных изделий (ножей, топоров, кос, ножниц).

Литература

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея. М.

Завьялов В. И., 1990. Изделия из черного металла // Очерки освоения Шпицбергена. М.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.

Коваль В. Ю., 2005. Планировка средневекового Ростиславля // Великое княжество Рязанское. М.

Колчин Б. А., 1949. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // МИА. № 12. М.

Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. № 32. М.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 59. М.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.

Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1–34. М.

Шапилова Е. В., 2008. К изучению кузнечного ремесла в Переяславле Рязанском XVI–XVII вв. // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань.

V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova

Iron working of Ryazan Region in the epoch of the Moscow State

Summary

Rods made entirely of natural steel prevailed among Russian metalwork in the 16th – 17th century owing to the necessity of production increase. Ryazan metalwork was characterized at that time by domination of com-

plex welding patterns in manufacture of quality articles such as knives, axes, scythes and scissors. It is accounted for by smiths' work for a relatively narrow local market and the lack of incentive to simplify technology.

В. И. Вишневский

Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология

Коллекция средневековых белокаменных плит некрополя Троице-Сергиева монастыря, хранящаяся в Сергиево-Посадском музее-заповеднике, наиболее представительная в Московской земле. Общее число зафиксированных плит и обломков на сегодняшний день – 433 шт. Плиты с надписями составляют около 70% (322 шт.). Плиты с надписями, прочитанными полностью, составляют около половины комплекса – 45% (194 шт.), плиты без надписей – 6% (25 шт.). Таким образом, около половины орнаментированных плит и фрагментов могут быть датированы¹.

Самые распространенные типы орнамента, зафиксированные на белокаменных плитах из коллекции – геометрический и жгутовой. Геометрический («треугольчатый») существует с XIV в. и доживает до конца XVII в.: в Троице-Сергиевом монастыре самые поздние образцы отмечены на плите Исидора Воейкова 1580 г. и безымянной плите 1603 г. (рис. 1, 10); в Москве – 1618 г. Жгутовой существует с середины XVI в. (плиты: 1555 г., Ф. И. Кашина-Оболенского; 1559 г., Анны Мансуровой; 1567 г., архиепископа Никандра) и доживает до конца XVII в. (в Троице-Сергиевом монастыре самая поздняя плита – 1681 г. И. В. Янова; в Москве – 1649 г., *Арциховский*, 1947. С. 21); в Переславле-Залесском – 1708 г. (*Левицкая, Сукина*, 1991. С. 355)). Помимо этих двух типов орнамента, имеются исключения – в обеих схемах встречаются редкие элементы, а также отмечены комбинации из орнаментов обоих типов.

Исследователи отмечают датирующее значение особенностей исполнения внутренней рамки геометрического орнамента (*Гириберг*, 1960. С. 4, 5; *Беляев*, 1996. С. 144). Внутренняя рамка из мелких треугольников на самых древних плитах отсутствует (рис. 2, 1; рис. 3, 4)². Появляясь в конце XV в. (надгробия Василия Беды 1480 г., Романа Алексеева 1494 г., архиепископа Сергия 1495 г. – рис. 3, 2; рис. 3, 1), такая рамка встречается в первой четверти XVI в. (10 плит, среди них надгробие Семена Ивановича Угрюмова-Заболоцкого 1512 г. – рис. 2, 4). Она максимально распространена во второй четверти (17 плит), при этом иногда становится двойной (надгробие неизвестного, 1521 г.; Марии, жены Ивана Петровича Плещеева, 1516 г.; Ивана Андреевича Ростовского, первой половины XVI в. – рис. 2, 5–7) и редко – в третьей четверти того же столетия (3 плиты).

Орнамент-лента, образующая внутреннюю рамку (до полукруглых тяг) из вытянутых крупных прямоугольников, разделенных одной диагональю на два прямоугольных треугольника-«косынки» появляется во второй четверти XVI в. (рис. 1, 1), равномерно встречается во второй и третьей четвертях (9 и 12 плит), в последней четверти XVI в. – только однажды. Часто полоса подобного орнамента проводилась также вдоль нижнего края плиты, внутри обрамления. Встречен данный орнамент на плитах Григория Андреевича (Рябчикова?) 1543 г., инока Ионы 1545 г., А. И. Кашина 1546 г., Евникии Ростовской 1547 г., митрополита

¹ Работы проводились Подмосковной экспедиции Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой и А. Л. Высоцкого совместно с экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника. Автор выражает искреннюю признательность руководителям за предоставленную возможность использовать материалы экспедиции.

² Рисунки выполнены Д. Н. Черевко.

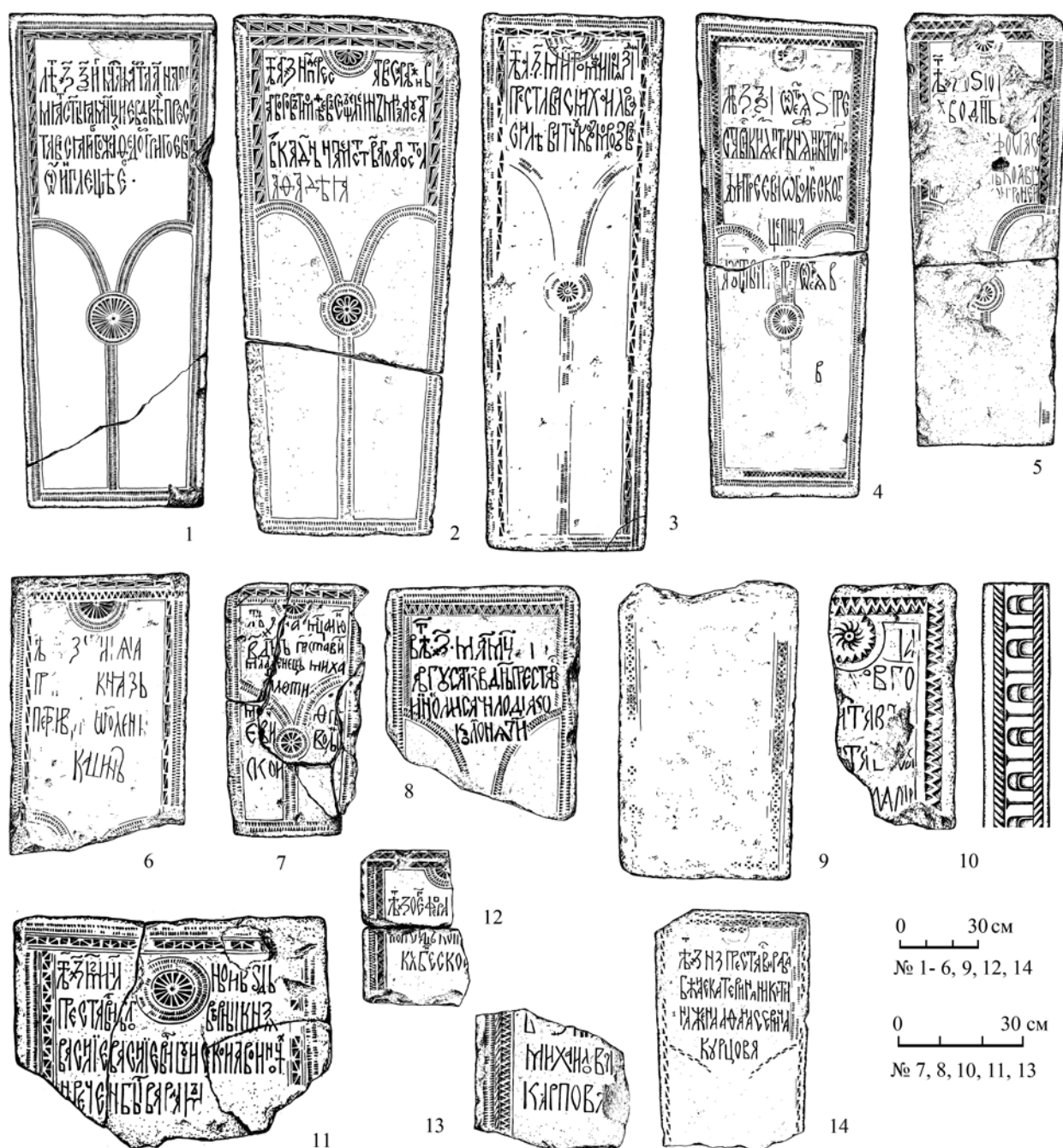

Рис. 1. Надгробия XVI в. с внутренней рамкой из крупных треугольников

- 1 – Федора Григорьевича Плещеева-Очина, 1560 г.; 2 – Ивана Тимофеевича Щелепина, 1546 г.;
 3 – Михаила Васильевича Тучкова-Морозова, 1540 г.; 4 – Петра Никитича Оболенского-Щепина, 1551 г.;
 5 – Антония Колычева, 1538 г.; 6 – Петра Ивановича Кашина, 1590 г.; 7 – младенца Михаила Тимофеевича Волынского, 1543 г.; 8 – инок диакона Михайло Коломнятина, 1533 г.; 9 – неизвестного; 10 – неизвестного, 1603 г.; 11 – Василия Васильевича Шуйского (Немого), 1538 г.; 12 – Козьмы Федоровича Кубенского, 1567 г.; 13 – Анны Карповой, 1567 г.;
 14 – Екатерины, жены Никиты Афанасьевича Курцова, 1549 г.

Иоасафа, Никиты Путятин 1559 г., княгини Глинской 1562 г., Феогнии Приемковой-Ростовской 1575 г., П. И. Кашина 1590 г., Ф. Г. и И. Ф. Плещеевых-Очиных 1560 г. На плите В. В. Шуйского 1538 г. в ленте внутренней рамки каждая пара прямоугольных треугольников не повторяет соседние,

а является их зеркальным отражением (рис. 1, 11). На двух плитах с таким элементом орнамента (В. Б. Тучкова-Морозова 1537 г., М. В. Тучкова-Морозова 1540 г.) внутренняя рамка опущена до конца плиты, ее нет только вдоль края изножья (рис. 1, 3). На плите Екатерины Курцовой 1549 г.

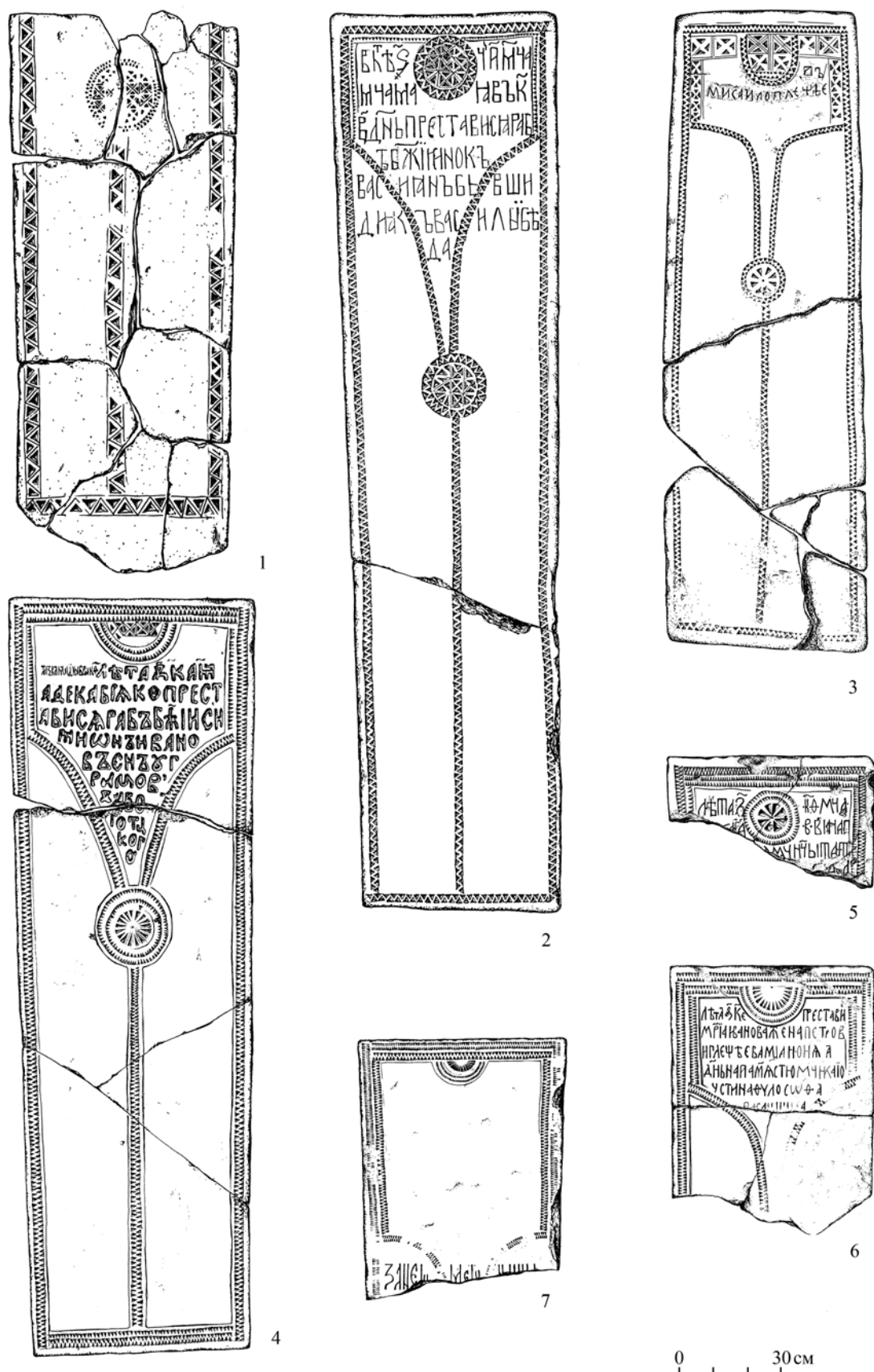

Рис. 2. Надгробия конца XV – первой четверти XVI в.

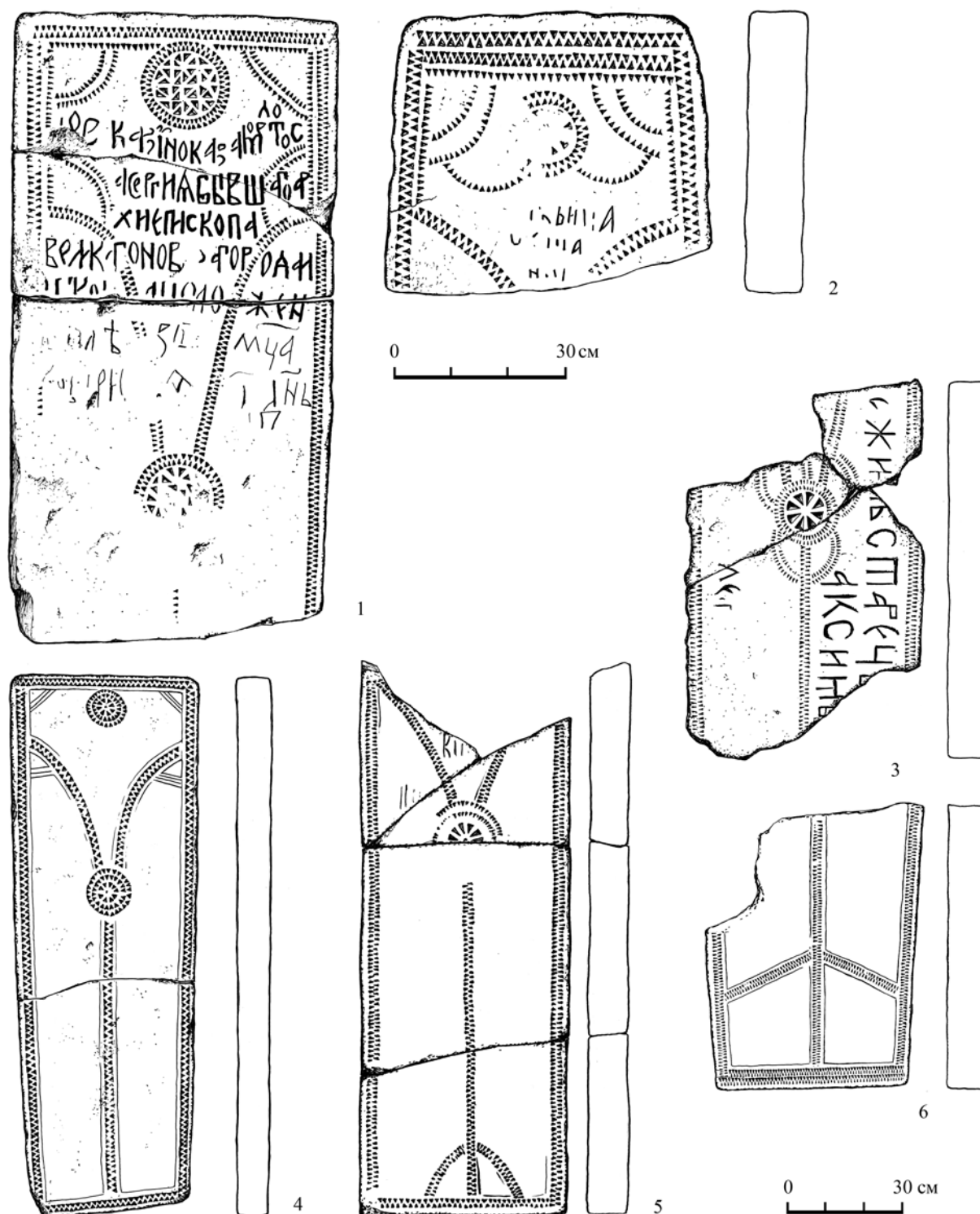

Рис. 3. Надгробия конца XV в. с дополнительными элементами

1 – архиепископа Сергия, 1495 г.; 2 – неизвестного; 3 – старца Максима; 4–6 – неизвестных

она является внешним обрамлением (рис. 1, 14). В одном случае лента есть только вдоль изголовья (рис. 1, 7), в одном – изголовье окаймляет двойная лента (рис. 1, 2). Таким образом, датировка этого

элемента орнамента – 1530–1570-е годы, в единичных случаях заходит за 1580 г. (плита П. И. Кашина 1590 г. – рис. 1, 6), где, впрочем, внутренняя рамка выполнена уже комбинацией двух элементов

(Вишневский, Энговатова, 2011. С. 281). В Москве такой орнамент датируется 1530–1550-ми годами, по Л. А. Беляеву (1996. С. 144).

Почти в той же степени распространен похожий орнамент – внутренняя рамка из крупных равнобедренных треугольников, поставленных так тесно, что между ними образована «змейка»-зигзаг (рис. 1, 13). Он редко встречается во второй четверти XVI в. (3 плиты), часто – во второй четверти (20 плит), а в последней четверти того же столетия – лишь дважды, на плитах инока Михайло Коломнятина 1533 г. (но только верхняя горизонталь) (рис. 1, 8), инока Стефана 1541 г., Петра Никитича Щепина-Оболенского 1551 г. (рис. 1, 4), Петра Александровича Стриги-Оболенского 1553 г., Василия Семеновича Лапина-Заболоцкого 1559 г., Ивана Федоровича Плещеева-Очина 1560 г., Селиверста Трофимова 1563 г., Петра Ивановича Кашина (рис. 1, 6), инока Варлаама Путятина 1570 г., Кутузовой 1573 г., Б. И. Сукина 1578 г., Исидора Воейкова 1580 г. На плитах Антония Колычева 1538 г. (рис. 1, 5) и князя Кубенского 1567 г. (рис. 1, 12) изголовье окаймляет двойная лента орнамента. На плите Анны Карповой между лентами внешнего обрамления и внутренней рамкой проведена полоса витого валика (рис. 1, 10). Таким образом, датировка этого элемента – 1550–1570-е годы, он не заходит за 1580 г. В Москве такой орнамент датируется 1550–1580-ми годами и заходит в начало XVII в. (Беляев, 1996. С. 144).

Отдельно рассмотрим элементы орнамента, редко встречающиеся в обеих схемах.

1. Так называемые дополнительные элементы – «облачка»-дуги из рядов треугольников, отсекающие верхние углы в изголовье. По три дуги с обеих сторон верхнего клейма отмечены на изголовье плиты неизвестного (рис. 3, 2). Подобные «облачка» – двойные дуги уже отмечались на плите архиепископа Сергия 1490-х гг. (Николаева, 1966. С. 209–212) (рис. 3, 1). На плите старца Максима по две пары дуг примыкают снизу и сверху к нижнему клейму (рис. 3, 3). Оба надгробия могут быть датированы по аналогии с орнаментом плиты новгородского архиепископа Сергия 1490-ми годами (Беляев, 1996. С. 133).

2. Дополнительные элементы орнамента – дугообразные или прямые ленты, примыкающие в изножье к основанию нижней прямой тяги («штока»). Их трактуют как основание Голгофского креста с поземом – подобные есть на плите 1538/39 гг. из Спасо-Преображенского Угрешского монастыря (Беляев, 1996. С. 144).

Найдено два изножья надгробий: одно с дугами (рис. 3, 5) (Вишневский, 2006. С. 143. Рис. 37) и одно с прямыми «лентами», приподнятыми от края изножья (рис. 3, 6) (Вишневский, 2006. С. 166, 167. Рис. 90). По московским аналогиям могут они быть датированы второй четвертью XVI в.

3. Дополнительные элементы орнамента – «спрямленные дуги» (спрямленные угловые элементы, которые отсекают углы торцов и примыкания «плечиков» (полукруглых тяг) к «бордюру», – тройные линии в верхних углах изголовья и в «пазухах» полукруглых тяг (рис. 3, 4), над нижним клеймом датируются по аналогиям с московских некрополей рубежом XV–XVI вв. (Беляев, 1996. С. 134).

4. «Штриховка» в «пазухе» между полукруглыми тягами в месте присоединения их к нижнему клейму там, где Л. А. Беляевым на плите 1516 г. отмечена «свеча». (Беляев, 1996. С. 131). Бытует в течение XVI в. В трех случаях штриховка горизонтальная: 20 линий на надгробии Андрея Петровича Плещеева, 1512 г. (рис. 4, 1) (Вишневский, 2004. С. 375–386), 12 линий на плите неизвестного (кроме штриховки между полукруглыми тягами на плите есть штриховка вдоль нижнего края обрамления) (рис. 4, 4), восемь линий на надгробии Савостьяна Квасника (1605 г.) (рис. 4, 2) (Николаева, 1958. С. 176, 177). На плите Гаврилы Воинова сына Макарова (инока Герасима, 1567 г.) между тяг помещена решетка из девяти горизонтальных и трех вертикальных линий, с косым крестиком внизу (рис. 4, 3).

5. Орнамент-лента из квадратов, образуемых графьей и разделенных двумя диагоналями. В ячейки врезаются четыре треугольника, образуя четырехконечные крестики с расширенными рукавами. Эти элементы используются для заполнения клейм и соединительных отрезков между головой и плечиками (плита Мисаила Плещеева 1472 г.) (рис. 2, 3) и нанесения дополнительных полос внутренней рамки (плита инока из Подольного монастыря; плита неизвестного второй половины XVI в. (Вишневский, 2009а. С. 84, 93. Рис. 9), надгробие Екатерины, жены Никиты Афанасьевича Курцова 1549 г. – рис. 1, 14). На плите неизвестного второй половины XVI в. (рис. 1, 9) такая лента является единственным обрамлением (Вишневский, 2006. С. 165. Рис. 165). По надгробиям из московских монастырей этот элемент «хронологически распределяется от начала XV в. до начала XVI в., особенно в последней четверти XV в., в течение XVI века их еще можно встретить, но как исключение» (Беляев, 1996. С. 144).

6. «Пустые», незаполненные верхние полукруглые клейма отмечены на семи плитах. Этот элемент, по наблюдению Л. А. Беляева, бытовал в XV в. и исчезал с середины XV до начала XVI в. (Беляев, 1996. С. 144), притом, что самые древние датированные надгробия конца XV в. имеют заполненные клейма. В некрополе Троице-Сергиева монастыря «пустые» верхние клейма встречаются на плитах, не имеющих надписей. Две подобные плиты были найдены под северной галереей Трапезной. На плитах с надписями «пустые» верхние клейма датируются: 1506 г., плита Александра Васильевича Оболенского (Гириберг, 1960. С. 17. Рис. 1, 2) (рис. 5, 5); 1530 г., Власа Софронова (Николаева, 1966. С. 228. Рис. 13); первая четверть XVI в., Пронского (Николаева, 1966. С. 220). Таким образом, датировка этого элемента – XV – первая четверть XVI в., на что обратила внимание Т. В. Николаева (1966. С. 208).

7. Верхние круглые клейма отмечены на семи плитах: Василия Беды 1480 г. (рис. 2, 2), Андрея Петровича Плещеева 1512 г. (рис. 4, 1), Феодорита-книгохранителя 1539 г. (рис. 5, 1), Андрея Ивановича Кашина 1546 г. (рис. 5, 2), игумены Петраниды 1624/25 гг. (рис. 5, 7) (Чернов, Янишевский, 2008. С. 160. Рис. 7, 16), Ивана Тарасьевича Грамотина 1638 г. (рис. 5, 3), а также на двух безымянных плитах конца XV – начала XVI в.: с «облачками» (рис. 3, 1, 2) и отсечками (рис. 3, 4). В некоторых случаях клейма примыкают к обрамлению (Беда, Кашин, Грамотин), в других – отстоят от него. Надо согласиться с Т. В. Николаевой, что в XVI в. они являются большой редкостью, во второй половине XVI в. их практически нет, но они встречаются в первой половине XVII в., причем, на плитах с комбинированным орнаментом (сочетания геометрического и жгутового).

8. Прямые, а не полукруглые, верхние тяги зафиксированы на двух плитах: одна найдена под северной галереей Трапезной палаты (рис. 5, 4), т. е. датируется не позднее середины XVII в., другая – в крипте под Успенским собором (рис. 5, 6) (не позднее середины XVI в.). Обе без надписей. Надгробия с аналогичными прямыми верхними тягами происходят из некрополей Вышгорода-на-Яхrome (рубеж XV–XVI вв. – Вишневский, 2009б. С. 106. Рис. 11, 1), и Серпухова, где они датируются 1513/14 гг. и 1540–1550 гг. (инок Никифор), 1565 г. (Ферапонт Бибииков), 1587 г. (Федор Куликов) (Шилов, 1979. С. 216–221). Таким образом, датировка прямых тяг определяется гораздо шире – XVI в.

9. Орнамент – лента из поперечных дуг («чешуйчатый», «волна») – отмечен на одном фраг-

менте, где он выполняет внешнее обрамление плиты (рис. 6, 5). А. Ю. Балашов считает «волну» переходным элементом от «волчьего зуба» в жгутовому орнаменту (Балашов, 2011. С. 324–330), но по датированным надгробиям его следует отнести ко второй половине XVII в.

10. Комбинированный орнамент из элементов жгутового и геометрического (где жгутовое обрамление и тяги из треугольников) встречен на 10 плитах: Анны Плещеевой (1603 г.) (Вишневский, 2005. С. 384. Рис. 13) (рис. 6, 6), игумены Петраниды (1625 г.) (рис. 5, 7) (Чернов, Янишевский, 2008. С. 160. Рис. 7, 16), старца Иева (1637 г.) (рис. 6, 7), дьяка Ивана Тарасьевича Грамотина (1638 г.) (рис. 5, 3) (Энговатова, Вишневский, 2010. С. 159, 162. Рис. 3), Карачева (первая половина XVII в.), инокосхимника Варнавы Отучева (1658 г.) (рис. 6, 8), на двух обломках плит неизвестных (первая половина XVII в.).

Как правило, нижние тяги имеют заполнение из двух рядов треугольников (рис. 6, 6). В трех случаях тяги заполнены полосами поперечных «дужек» («волны»), причем этим же элементом – «дужками» заполнены и кольца нижних клейм на плите схимоинока Варнавы Отучева (рис. 6, 8). В одном случае тяги и кольцо, обрамляющее клеймо, заполнены «галочками» – двумя рядами изогнутых клиньев-треугольников, остриями внутрь полосы (плита старца Иева 1637 г. – рис. 6, 6).

Аналоги комбинированному типу орнамента довольно широко распространены в Московской земле: в Москве – плиты княгини Елецкой (Рабинович, 1948. С. 16), А. Маракушевой 1664 г. (Золотов, 1984. С. 246–250); в Переславле-Залесском – плиты Анисима Жукова 1648 г. и иноки Вассы 1654 г. (Сукина Л. Б., Левицкая Н. В., 1991. С. 37; Левицкая, Сукина, 1991. С. 355), Головиной 1654 г. (Гириберг, 1954. С. 104–106), в Дмитрове – плита инокосхимника Германа 1670 г. (Фролов, 1988), в Можайске (Балашов, 2011. С. 324–330), на Похрянском погосте Коломенского района (плита 1650 г.) (Юшко, 1976. С. 78), и датировка их первой половиной XVII века вполне подтверждается (Гириберг, 1960. С. 5).

11. В единственном экземпляре встречен фрагмент изножья плиты с обрамлением из ленты мелких треугольников и вертикальной жгутовой тягой (рис. 6, 9). Интересно отметить редкое закручивание жгута по часовой стрелке. Боковые грани без орнамента. Дата весьма неопределенна: вторая половина XVI – первая половина XVII в.

12. Обрамления нижних клейм жгутовых композиций. Как правило, это кольцо из 5–10 витков,

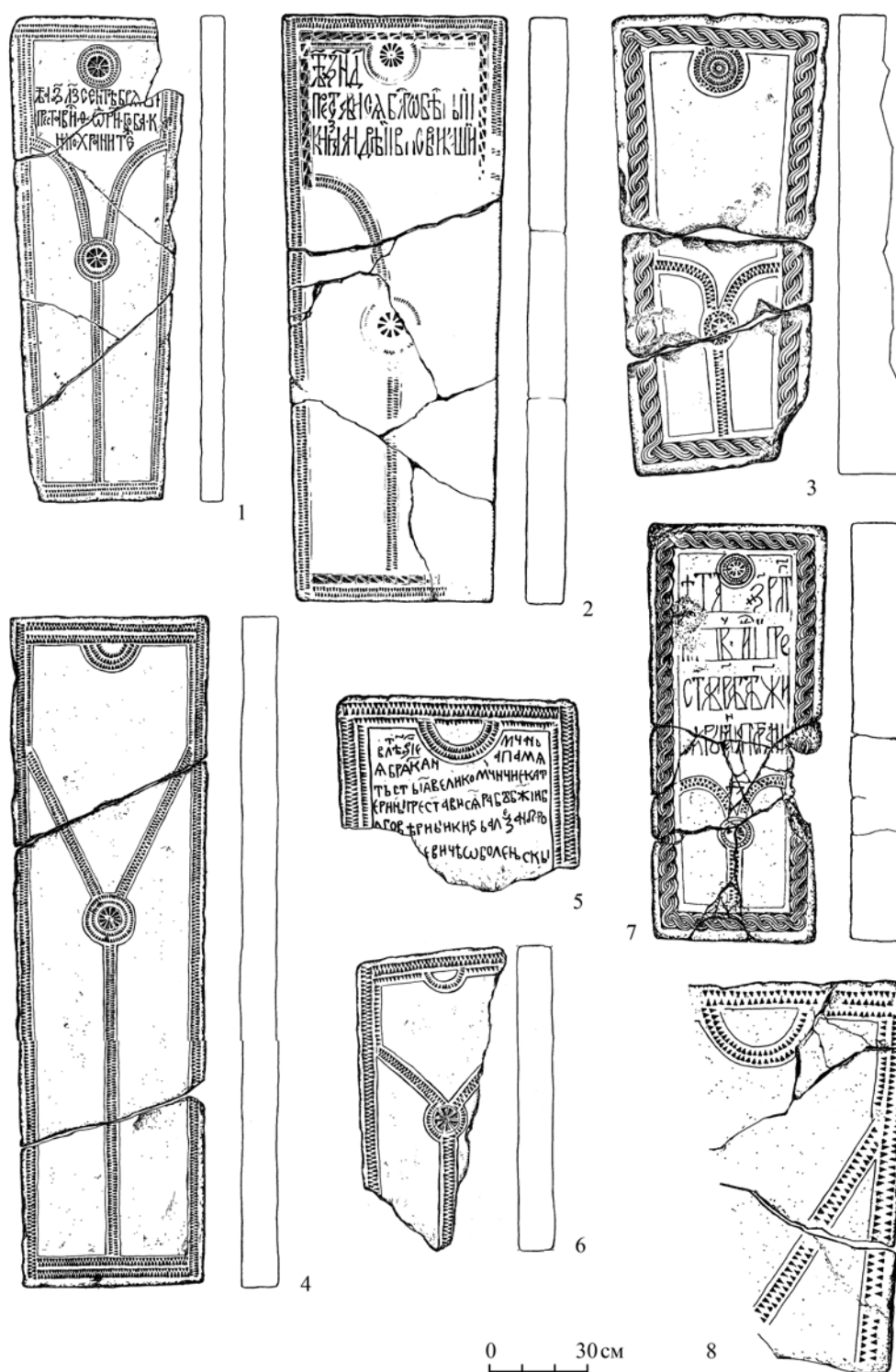

Рис. 5. Надгробия с круглыми верхними клеймами, «пустыми» клеймами и прямыми тягами

1 – Феодорита книгохранителя, 1539 г.; 2 – князя Андрея Ивановича Кашина, 1546 г.; 3 – Ивана Тарасьевича Грамотина, 1638 г.; 4, 6, 8 – неизвестных; 5 – князя Александра Васильевича Оболенского, 1506 (?) г.; 7 – игумении Патраиды, 1624 г.

к которому примыкают изолированные жгуты тяг. Но, в редких случаях (таких плит насчитывается 14), мастера-резчики сплетали кольца клейм с нижней тягой (рис. 6, 2, 4). Подобное творчество

в жгутовом орнаменте датируется концом XVI – первой половиной XVII в. (самое раннее надгробие – Ивана Дмитриевича Плещеева (1587 г.) (рис. 6, 4) (Энговатова, Вишневский, 2010. С. 153),

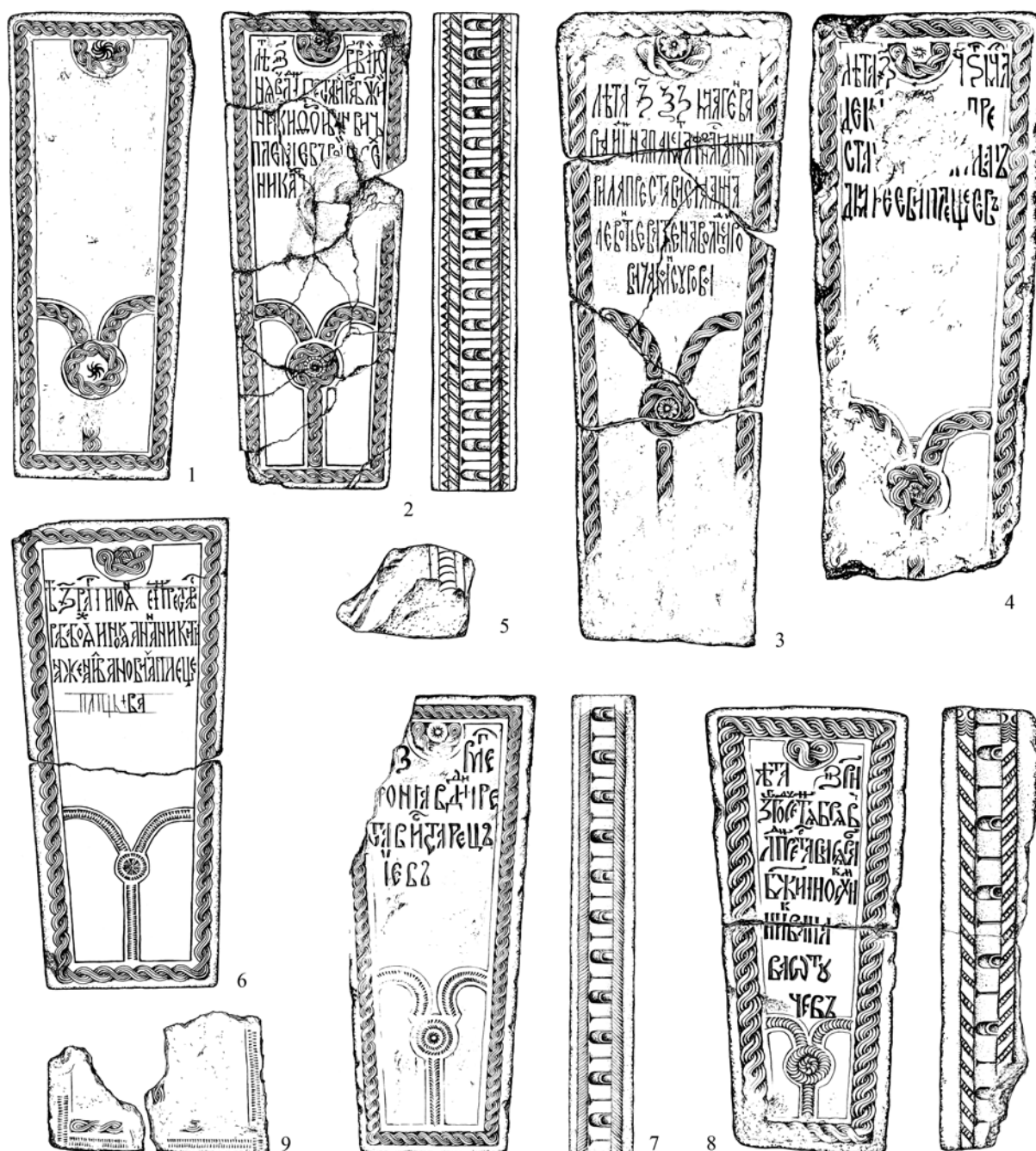

Рис. 6. Надгробия со жгутовым (1–4), дуговым (5) и комбинированным (6–8) орнаментами

1 – неизвестного; 2 – Никифора Ивановича Плещеева-Охотина, 1594 г.; 3 – Анны, жены Леонтия Владимировича Мансурова, 1558 г.; 4 – Ивана Дмитриевича Плещеева, 1587 г.; 5 – фрагмент надгробия неизвестного; 6 – иноки Анны, жены Никиты Ивановича Плещеева; 7 – старца Иева, 1637 г.; 8 – инокохимника Варнавы Отучева, 1658 г.

самое позднее – князя Стефана Ивановича Велико-Гагина (1640 г.). (Вишневский, 1998. С. 80, 81, 87. Рис. 5, 1). В одном случае, на плите Савостьяна Квасника 1605 г. кольцо переплетено и с верхними и с нижней тягами (рис. 4, 2).

13. Элементы заполнения центра клейм. Традиционные, самые распространенные – «лучевая» розетка из лучей-треугольников в геометрической

композиции и «сегнерово колесо» («вращающаяся розетка») в жгутовой композиции (рис. 6, 1). Эти элементы привнесены из Византии и Западной Европы, так же, как многолепестковые цветки и крестики, и распространены в русском архитектурном декоре XVI в.: кирпичные ворота Борисоглебского монастыря, резные деревянные царские врата из Радонежа, Серпуховского Высоцкого

монастыря, церкви Вознесения в Коломенском и др. (Беляев, 1996. С. 74–97; Левина, 1991. С. 375, 376, 380, 382).

Цветочные многолепестковые розетки – заполнения сердцевин клейм – распространены в течение XVI в. В двух случаях они расположены в клеймах из колец мелких треугольников: плита Андрея Петровича Плещеева 1512 г. – цветок с 16 длинными лепестками с закругленными концами (рис. 7, 1) (Вишневский, 2004. С. 377. Рис. 3) и плита Ивана Борова Тимофеевича Щелепина 1546 г.: в верхнем клейме – полуцветок с пятью длинными лепестками с закругленными концами, в нижнем – цветок с восемью длинными лепестками с закругленными концами (рис. 7, 2).

В остальных случаях такой декор размещался в жгутовых клеймах:

- 1550 г. Плита Юрия Федоровича Плещеева. В верхнем клейме: цветок с пятью острыми лепестками; в нижнем: цветок с девятью острыми лепестками (рис. 7, 5);

- 1557 г. Плита Федора Ивановича Кашина Оболенского. В верхнем клейме: цветок с шестью острыми лепестками (рис. 7, 3);

- 1558 г. Плита Анны Мансуровой. В верхнем клейме: цветок с семью острыми лепестками; в нижнем: цветок с 10 острыми лепестками (рис. 7, 6);

- 1568 г. Плита Федора Ивановича Ростовского-Хохолкова. В верхнем клейме: полуцветок с семью длинными лепестками с закругленными концами; в нижнем: цветок с восемью длинными лепестками с закругленными концами (рис. 7, 7);

- вторая половина XVI в. Плита Орины Плещеевой-Очиной. В верхнем клейме: полуцветок с восемью острыми лепестками, лепестки в два яруса; в центре цветка – маленький крестик с расширенными рукавами; в нижнем клейме: двойное кольцо из мелких черточек-лучей, в центре – маленький крестик с расширенными рукавами (рис. 7, 8);

- вторая половина XVI в. – первая половина XVII в. Изножье плиты неизвестного. В нижнем клейме в центре: крест с короткими широкими рукавами (рис. 7, 3);

- 1573 г. Плита Иасафа Яковлевича Волинского. В верхнем клейме: цветок с тремя острыми лепестками; в нижнем: вращающаяся розетка с пустым центром, наложенная на другую вращающуюся розетку со спаренными «лучами» (рис. 7, 9);

- 1586 г. Плита Ксении Головкиной. В нижнем клейме: цветок с восемью лепестками (лепестки в два яруса) (рис. 7, 10);

- XVII в. (?). Плита Андрея Дмитриевича князя Ростовского (?). В нижнем крупном клейме в центре: цветок с восемью лепестками, имеющими сложный резной контур (рис. 7, 11). Такие цветки имеют аналогии на изразцах с Верхоспасского собора Кремля и датируются 1680-ми годами (Маслих, 1983. С. 20. Рис. 126);

- XVII в. (?). Плита Федора Андреевича Волинского. В верхнем клейме: полуцветок с восемью широкими лепестками; в нижнем: полуцветок с восемью широкими лепестками, в центре цветков ромб с вогнутыми сторонами с вписанным в него кругом (рис. 7, 12);

- 1594 г. Плита Никифора (Никиты) Ивановича Плещеева. В клеймах (верхнем и нижнем): «вращающаяся розетка» в кольце с поперечными полосками-графьями (рис. 7, 13);

- конец XVI – первая половина XVII в. Надгробие Василия Федоровича Ростовского-Бахтеярова. В верхнем клейме: «вращающаяся розетка» в кольце с поперечными полосками-графьями; в нижнем: «вращающаяся розетка» в кольце из двойного ряда треугольников вершинами внутрь полосы (рис. 7, 14);

- 1603 г. Плита Анны Плещеевой. (Вишневский, 2004. С. 384. Рис. 13). В центре верхнего клейма «клубок», сплетенный из тройного жгута (рис. 7, 15); в нижнем «геометрическом» клейме: розетка из восьми треугольников-«лучей».

Таким образом, наряду с традиционными заполнениями клейм («розетка из лучей-треугольников» и «сегнерово колесо») существуют розетки в виде цветков с прямыми закругленными или острыми лепестками. Появляются они в начале XVI в. и существуют, как исключение, в первой половине XVI в. в геометрических композициях, затем в середине XVI в. появляются в жгутовых композициях, встречаются всю вторую половину века и продолжают развиваться в XVII в. В заполнении цветочных клейм используются мотивы, аналогичные узорам архитектурных изразцов Москвы (рис. 7, 10–12), в том числе изразцы царских чертогов Троице-Сергиева монастыря, и Ярославля конца XVII в. (Маслих, 1983. С. 20. Рис. 126, 149, 151). Так, вероятно, к середине – второй половине XVII в. относится надгробие с громадной розеткой на торце изголовья и рельефным растительным орнаментом на лицевой грани (Энговатова, Вишневский, 2010. С. 152, 160).

Орнаментация боковых граней появляется в 1550-е годы. Анализ ее позволяет выделить следующие элементы орнамента – горизонтальные ленты:

Рис. 7. Клейма надгробий

- 1 – Андрея Петровича Плещеева, 1512 г.; 2 – Ивана Тимофеевича Щелепина, 1546 г.; 3 – Федора Ивановича Кашина-Оболенского, 1557 г.; 4 – неизвестного, вторая половина XVI – первая половина XVII вв.; 5 – Юрия Федоровича Плещеева, 1550 г.; 6 – Анны Мансуровой, 1558 г.; 7 – Федора Ивановича Хохолкова-Ростовского, 1568 г.; 8 – Орины Плещеевой-Очиной, вторая половина XVI в.; 9 – Иоасафа Яковлевича Волынского, 1573 г.; 10 – Ксении Головкиной, 1585 г.; 11 – Андрея Дмитриевича Ростовского (?), конец XVII в.; 12 – Федора Андреевича Волынского, конец XVII в.; 13 – Никифора Ивановича Плещеева, 1594 г.; 14 – Бахтеярова-Ростовского, конец XVI – первая половина XVII в.; 15 – Анны Плещеевой, 1603 г.

– основной элемент: ряд арочек, заключенных одна в другую («ряд двухуровневых арочек, разделенных столбиками с треугольными навершиями» или «каннелюры»). Позже между арочками появляются колонки с треугольными навершиями, больше становится гладкого поля, арочки и колонки разрежены, арочки становятся неглубокими и приобретают подпрямоугольные очертания;

– выпуклый валик, расчлененный косыми нарезками (косыми спаренными нарезками) (называемый также «витая лента», «веревочка»);

– широкая плоская лента с косыми насечками (или «плоский шнур»);

– лента с редкими косыми спаренными насечками, разделенными на четырехсторонние грани (иначе, «лента с гранями», «полувалики, нарезанные на косые ленты с разгранкой»; «полоска с косо перевитой лентой, на витках которой нарезано по три грани»);

– лента с косыми спаренными насечками, размещенными зигзагом, которые разделены на четырехсторонние грани (называемая также «лента с зигзагом, выполненным спаренными насечками, которые разделены на четырехсторонние грани»);

– лента из одного ряда врезных крупных равнобедренных треугольников, углубленных к вершинам (так называемый акулий зуб);

– лента из двух рядов врезных крупных равнобедренных треугольников, углубленных к вершинам, разделенных глубокой графьей-зигзагом;

– лента из двух рядов врезных крупных равнобедренных треугольников, углубленных к вершинам, разделенных спаренными графьями-зигзагом, которые разделены на четырехсторонние грани.

Согласно датированным плитам, прослеживаются следующие этапы эволюции орнамента на боковых гранях.

Одинарные ленты орнамента:

– середина XVI в. (1558–1574 гг.). Узкая рельефная полоска: валик с частой косой нарезкой, имитирующей витой жгут (рис. 8, 1, 2; две плиты: Антония Колычева 1558 г. и Артемия Мятлева 1574 г.). Прежде его появление было отнесено к концу XVII в. (Беляев, 1996. С. 163);

– лента с редкими косыми спаренными насечками, разделенными на четырехсторонние грани (рис. 8, 3) (надгробие младенца без надписи; датировка предположительно конец XVI – первая половина XVII в.).

Арочный с одинарными лентами орнамента:

– середина XVI в. (1562–1566 гг.). Пояс из сомкнутых двойных арочек; сверху валик с косыми нарезками, расположенными попарно (рис. 8, 4;

надгробия княгини Глинской 1562 г. и княгини Ростовской 1566 г.);

– четвертая четверть XVI в. (1579–1585 гг.). Пояс из сомкнутых двойных арочек; сверху и снизу: валики с косыми нарезками, расположенными попарно (рис. 8, 5; надгробия Гаврилы Ивановича Гриденкова 1580 г., Федора Григорьевича Юхнова 1583 г., Ивана Андреевича Черленого, инок Дионисия Кроткого – оба 1584 г., Ксении Головкиной и Федора Федоровича Юхнова – оба 1585 г.);

– конец XVI в. (1597 г.). Пояс из чуть разреженных двойных арочек; сверху и снизу – валики с частыми косыми нарезками (рис. 8, 6; надгробие княгини Аксиньи Ростовской-Приимковой 1597 г.);

– вторая половина XVI – первая треть XVII в. (1567–1637 гг.). Пояс из двойных арочек, разреженных «столбиками» с треугольными навершиями; сверху и снизу плоские ленты с частыми косыми нарезками (рис. 8, 7, 8; надгробия князя Телятевского 1567 г., Иосифа Головкина 1580 г., Андрея Ивановича Охотина-Плещеева 1595 г., игуменьи Мартемьяны Заболоцкой 1601 г., Михаила Михайловича Нагого 1616 г., старца Иева 1637 г.);

– конец XVI – первая половина XVII в. (1594–1658 гг.). Пояс из разреженных двойных арочек; сверху и снизу плоские ленты со спаренными косыми нарезками, разделенными на четырехсторонние грани (рис. 8, 9; надгробия Герасима Бибикова 1594 г., Севастьяна Квасника 1605 г., Ферапонта Вязметина 1642 г., Варнавы Отучева 1658 г.).

Арочный с двойными лентами орнамента:

– конец XVI – начало XVII в. (1591–1615 гг.). Пояс из разреженных двойных арочек; сверху и снизу плоские ленты с частыми косыми нарезками и полосы глубоко врезанных равнобедренных треугольников – «акулий зуб» (рис. 8, 10; надгробия Луки Захарьевича Новосильцева 1594 г., Никифора Федоровича Сабурова 1598 г., Евстафия Головкина 1603 г., Федора Даниловича Чулкова 1613 г., Федора Григорьевича Желябужского 1615 г.);

– конец XVI – первая половина XVII в. (1591–1639 гг.). Пояс из разреженных двойных арочек; сверху и снизу плоские ленты со спаренными косыми нарезками, разделенными на четырехсторонние грани и полосы глубоко врезанных равнобедренных треугольников – «акулий зуб» (рис. 8, 11; надгробия Федора Андреевича Писемского 1591 г., Ирины Васильевны Басмановой 1639 г.);

– конец XVI – начало XVII в. (1594–1614 гг.). Пояс из разреженных двойных арочек; сверху и снизу – рельефные ленты со спаренными косыми нарезками и полосы глубоко врезанных в один ряд равнобедренных треугольников – «акулий зуб»

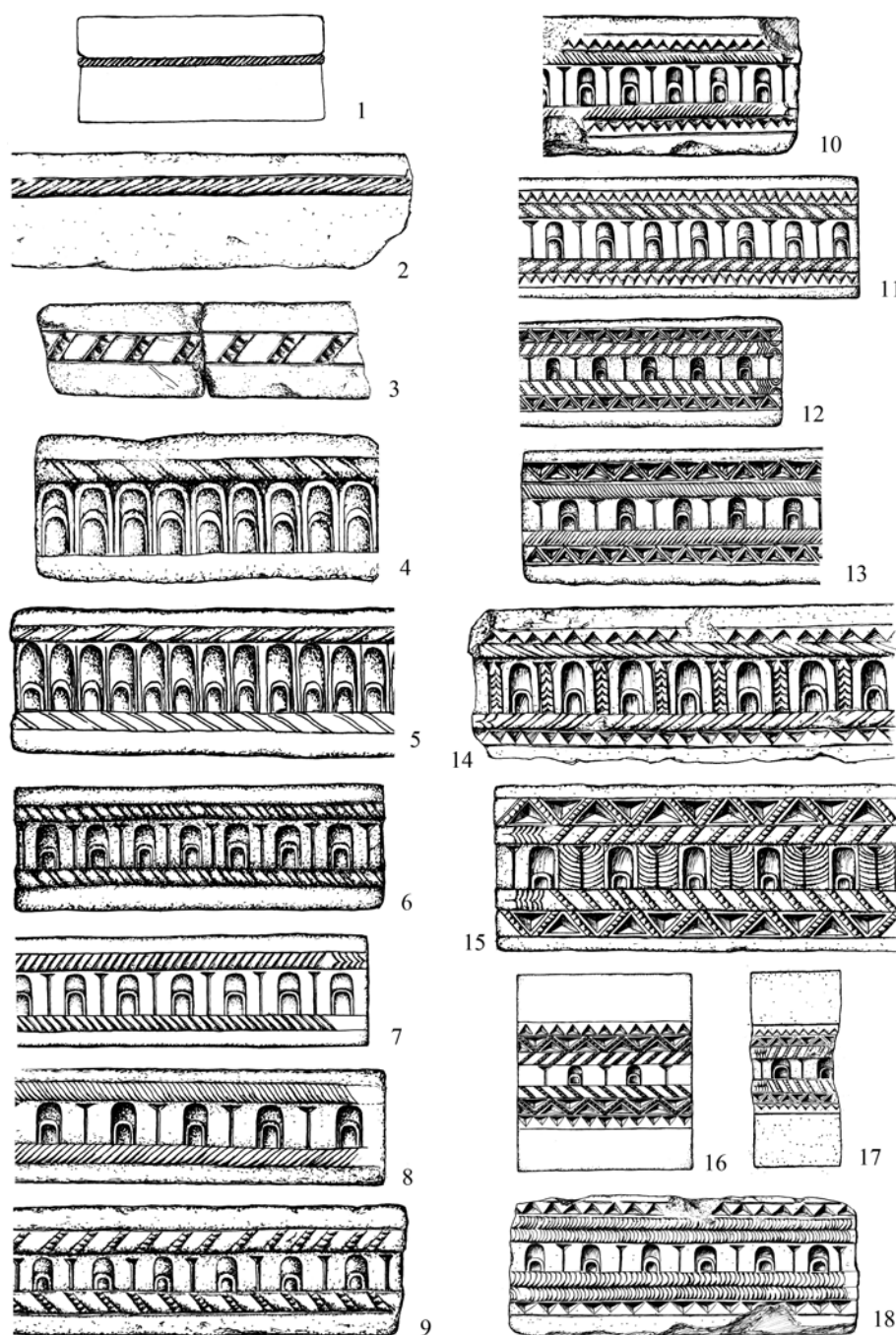

Рис. 8. Орнаменты боковых граней надгробий

1 – Антония Колычева, 1538 г.; 2 – Артемия Мятлева, 1574 г.; 3 – неизвестного младенца; 4 – княгини Глинской, 1562 г.; 5 – Ксении Головкиной, 1585 г.; 6 – Аксины, жены князя Даниила Борисовича Приимкова-Ростовского, 1597 г.; 7 – Андрея Ивановича Плещеева-Охотина, 1595 г.; 8 – Савостьяна Квасника, 1605 г.; 9 – Луки Захарьевича Новосильцева, 1594 г.; 10 – Никифора Ивановича Плещеева, 1594 г.; 11 – Ирины Васильевны Басмановой, 1639 г.; 12 – Ивана Федоровича Басманова, 1604 г.; 13 – Мавры Булатниковой, 1632 г.; 14 – неизвестного, 1591 г.; 15, 18 – неизвестных; 16 – Феодоры Васильевны Львовой (Яновой), 1651 г.; 17 – Василия Федоровича Янова, 1656 г.

(надгробия Никифора Ивановича Плещеева 1594 г. и Марии Федоровны Кукариной 1614 г.);

– начало XVII в. (1604 г). Пояс из разреженных двойных арочек; сверху и снизу – плоские ленты со спаренными косыми нарезками, разделенными

на четырехсторонние грани и полосы глубоко вре-
занных двух рядов равнобедренных треугольников,
разделенных глубокой графьей-зигзагом (рис. 8, 12;
надгробия Ивана Федоровича Басманова 1604 г.
и князя Ивана Михайловича Воротынского);

– 1630-е (1632–1636) годы. Пояс из разреженных двойных арочек; сверху и снизу – плоские ленты с частыми косыми нарезками и полосы глубоко врезанных двух рядов равнобедренных треугольников, разделенных глубокой графьей-зигзагом (рис. 8, 13; надгробия Мавры Булатниковой 1632 г., Мирона Игнатьевича Уварова 1634 г., Фатя Дмитриевича Пильмова 1635 г.);

– 1591 г. Пояс из разреженных двойных арочек, причем пространство между арочками – спаренные колонки с треугольными навершиями; пространство между колонками заполнено «елочкой» – вертикальными полосами «птичек»; сверху и снизу рельефные ленты со спаренными косыми нарезками и полосы глубоко врезанных в один ряд равнобедренных треугольников (рис. 8, 14; надгробие неизвестного);

– вторая треть XVII в. Пояс из разреженных двойных арочек, причем пространство между арочками заполнены полосам «дужек»; сверху и снизу плоские ленты со спаренными косыми нарезками, разделенными на четырехсторонние грани и полосы глубоко врезанных равнобедренных треугольников, разделенных глубокой двойной графьей-зигзагом на четырехсторонние грани (рис. 8, 15; надгробие без надписи, датируется по московским аналогиям).

Арочный с тройными лентами орнамента.

Таких плит всего несколько, из них – две датированных:

– пояс из разреженных двойных арочек; сверху и снизу плоские ленты со спаренными косыми нарезками, разделенными на четырехсторонние грани, полосы глубоко врезанных равнобедренных треугольников, разделенных глубокой двойной графьей-зигзагом на четырехсторонние грани, и полосы глубоко врезанных равнобедренных треугольников – «акулий зуб» (рис. 8, 16; надгробия Ф. Л. Яновой 1651 г. и неизвестного, № 524 арх.);

– надгробие В. Ф. Янова 1657 г. Пояс из разреженных двойных арочек; сверху и снизу плоские ленты со спаренными косыми нарезками, разделенными на четырехсторонние грани, полосы глубоко врезанных равнобедренных треугольников, отделенных глубокой графьей-зигзагом, и полосы глубоко врезанных равнобедренных треугольников – «акулий зуб» (рис. 8, 17);

– обломок надгробия неизвестного. Пояс из разреженных двойных арочек; сверху и снизу двойные плоские ленты с частыми «дужками» («волнами» справа налево), полосы глубоко врезанных равнобедренных треугольников – «акулий зуб» (рис. 8, 18). По использованию ленты «дужек» датируется второй половиной XVII в.

Орнаментация надгробий Троицкого некрополя отражает все этапы направления развития декора средневековых белокаменных надгробий, обладая при этом уникальным разнообразием и особенностями, вытекающими, вероятно, из особого статуса монастыря и состава погребенных.

Литература

Арциховский А. В., 1947. Основные вопросы археологии Москвы // МИА. № 7. М.

Балашов А. Ю., 2011. Редкие могильные плиты XVII века из Лужецкого монастыря Можайска // АП. Вып. 7. М.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.

Вишневский В. И., 1998. Новые находки средневековых надгробий некрополя Троице-Сергиева монастыря // Тр. по истории Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад.

Вишневский В. И., 2004. Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре // Археология Подмосковья. М.

Вишневский В. И., 2006. Некрополь Троице-Сергиевой Лавры. Открытия последних десятилетий XX века // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. М. Вып. 1.

Вишневский В. И., 2009а. Памятники некрополя приписного Подольного монастыря//Троице-Сергиева лавра в истории, культуре духовной жизни России: Матер. V междунар. конфер. Сергиев Посад.

Вишневский В. И., 2009б. Вышегород-на-Яхроме (исследования 1993 года)//АП. Вып. 5. М.

Вишневский В. И., Энговатова А. В., 2011. Некрополь князей Оболенских в Троице-Сергиевом монастыре // АП. М. Вып. 7.

Гириберг В. Б., 1954. Надписи из Георгиевского монастыря // Тр. МИРМ. М. Вып. 5.

Гириберг В. Б., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // НЭ. М. Вып. 1.

Золотов Ю. М., 1984. Три памятника старомосковской эпиграфики // СА. № 2.

Левина Т. В., 1991. К вопросу о методике определения времени создания резных царских

врат иконостаса первой половины – середины XVI в. // Памятники культуры. Новые Открытия. М.

Левицкая Н. В., Сукина Л. Б., 1991. Надгробные плиты некрополя Горицкого монастыря в Переславле-Залесском XVI–XVII вв. // Памятники культуры. Новые Открытия. М.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство. М.

Николаева Т. В., 1958. О некоторых надгробиях XV–XVII вв. Загорского музея-заповедника // СА. № 3.

Николаева Т. В., 1966. Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой Лавры // НЭМ. Т. VI.

Рабинович М. Г., 1948. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве в устье Яузы // МИА. № 12.

Сукина Л. Б., Левицкая Н. В., 1991. Фрагменты надгробных плит XV–XVI вв. из собрания Переславского музея // Археология Верхнего По-

волжья. Материалы к своду истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород.

Фролов М. В., 1988. Отчет о работах в Борисоглебском монастыре в г. Дмитрове в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7895.

Чернов С. З., Янишевский Б. Е., 2008. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 года // РА. № 2.

Шилов В. В., 1979. Надгробные плиты с надписями из Серпухова // СА. № 3.

Энговатова А. В., Вишневский В. И., 2010. Новые памятники средневекового некрополя Троице-Сергиева монастыря (материалы археологических наблюдений 2007 г.) // Материалы VI международной конференции «Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России». Сергиев Посад.

Юшко А. А., 1976. Отчет о работе Звенигородского отряда Московской экспедиции в 1976 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6200.

V. I. Vishnevsky

The decoration of white-stone medieval gravestones of the Sergiev Trinity Monastery: Analysis and chronology

Summary

The paper analyses the decoration of the collection of medieval white-stone gravestones of the Sergiev Trinity Monastery of the 15th – 17th centuries comprising 433 items, both intact and fragmentary.

The decoration reflects all the stages and directions of the evolution of the ornamentation of medieval white-stone gravestones.

Д. О. Осипов

Обувь из погребений и погребальная обувь

Материалы древних городских некрополей с давних пор привлекали внимание отечественных исследователей, однако тема реконструкции средневекового погребального обряда, до сих пор остается слабоизученной. В трудах историков XIX – начала XX в. лишь констатировались факты находок отдельных захоронений, погребальных сооружений или их памятников (*Мурзакевич*, 1837). В советский период, в связи с активным исследованием древнерусских городов, информация о городских некрополях существенно пополнилась, тем не менее, данные раскопок городских кладбищ и усыпальниц, обнаруженных при исследовании городских территорий или церковной архитектуры, занимали в советской историографии незначительное место и характеризовались в общих чертах, в ряду других материалов (*Строков*, 1945; *Мезенцева*, *Прилепко*, 1980; *Гуревич*, 1983). Значительно лучше советскими историками были изучены позднесредневековые надгробные плиты (XV–XVI вв.), представляющие отдельный этап развития погребальной обрядности (*Каргер*, 1940; *Николаева*, 1958, 1965; *Гиришберг*, 1960; 1962; *Золотов*, 1962, 1984; *Шеляпина*, 1971; 1973). Остальная же часть работ посвящалась изучению конкретных деталей погребального обряда, построенных на основе какого-то одного вида источников – или письменных, или археологических (*Панова*, 2004). Исключения из этого правила были редки (*Макаров*, 1980, 1981).

В постсоветский период изучение погребального обряда активизируется. Исследователями разрабатываются новые положения о широком внедрении норм христианской морали в повседневный быт и обряды древнерусского общества, которые всесторонне обсуждаются

на конференциях по церковной археологии («Церковная археология», 1995; 1998). В археологическом контексте наибольшую полноту в освещении этого направления научной мысли получили работы А. Мусина, реализующие целую программу исследований (*Мусин*, 1997. С. 7, 8).

Среди проблем истории формирования и развития городского погребального обряда особое место занимает изучение инвентаря средневековых городских захоронений, к которому принадлежит и кожаная обувь. Нужно отметить, что в курганных насыпях и грунтовых захоронениях детали одежды и обуви встречаются достаточно редко, поскольку кожа, как и другие органические материалы, плохо сохраняется в сухом грунте. Кроме того, исследование погребального инвентаря затрудняет отсутствие точных дат (а иногда и вообще каких-либо дат) погребений и скудость их описания. Зачастую обнаруженная при раскопках обувь, лишь упоминается в тексте археологических отчетов, не имеющих информативных фотографий или рисунков ее кроя. Еще реже подобные находки вводятся в научный оборот. Такое положение приводит к тому, что при описании сохранившейся в погребении обуви исследователи нередко ошибочно трактуют понятие «погребальной» обуви, путая обычную бытовую обувь в которой хоронили покойника (обувь из погребений) с однотипными туфлями, сшитыми специально для умершего человека (погребальная обувь). С погребальными туфлями косвенно связана конструктивно близкая им обувь с продольным швом, ошибочно получившая в археологической литературе наименование «домашней» или «комнатной» (*Курбатов*, 2007. С. 94).

В настоящей статье дается обобщающий обзор представленных выше категорий археологических

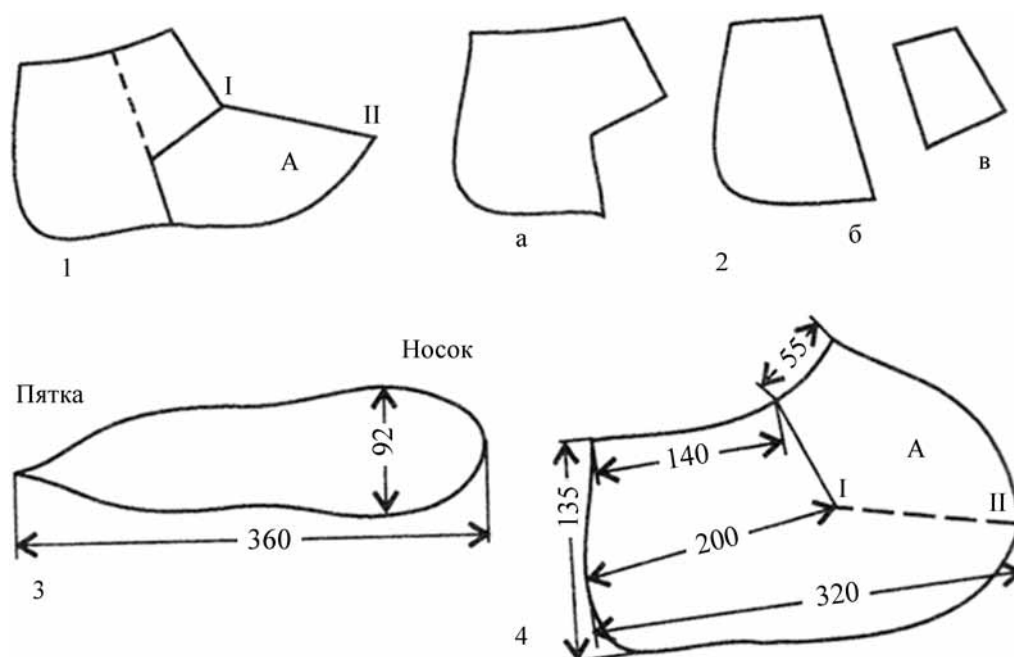

Рис. 1. Обувь из Матвеевского кургана. Реконструкция Ю. П. Зыбина

находок, в описании и датировке которых за последние годы накопился целый ряд ошибок и неточностей, требующий пересмотра и уточнения. Для удобства изложения найденная в погребениях бытовая обувь, специальные погребальные туфли и модели с продольным швом по оси подошвы рассматриваются отдельно.

1. Обувь из погребений

Первые сведения о средневековой обуви получены из раскопок А. В. Арциховского Подмосковных курганов, где были зафиксированы остатки башмаков (туфель), сапог и кожаных лаптей прямого плетения¹ (Арциховский, 1930. С. 102). Кроме того в курганах были зафиксированы модели с очень тонкой подошвой, которые автор раскопок отнес к специальной погребальной обуви, которая, по мнению автора раскопок, «не носилась, а шилась специально для покойников» (Арциховский, 1930. С. 102). Однако впоследствии В. П. Левашева, исследовавшая поступившую в ГИМ коллекцию А. В. Арциховского обратила внимание на то, что **все** найденные в подмосковных курганах обувные детали конструктивно схожи с обычной обувью, которую в древнерусское время носило городское и сельское население

(Левашева, 1959. С. 39, 42). Выводы В. П. Левашевой подтверждает заключение профессора кафедры кожи и меха МТИЛП Ю. П. Зыбина, который первым реконструировал модель кожаных туфель из курганного могильника XII–XIII вв., раскопанного Г. П. Латышевой у станции Матвеевской (рис. 1). В публикации этого материала Ю. П. Зыбин также отметил, что конструкция обнаруженных в кургане туфель аналогична моделям, зафиксированным в городских напластованиях древнерусского времени (Зыбин, 1960. С. 84–85. Рис. 1–4).

Следует отметить, что ошибочность суждения А. В. Арциховского была продиктована практически полным отсутствием археологического материала. В конце 50-х гг. XX в., когда в научный оборот были введены коллекции «археологической кожи» из масштабных раскопок на Неревском раскопе Великого Новгорода² и московского Зарядья³, стало очевидно, что в Подмосковных курганах были найдены детали обычной бытовой обуви. Тонкие подошвы, принятые А. В. Арциховским за покойничьи туфли, принадлежали, по всей видимости, к моделям с наборными подошвами, состоявшими из нескольких слоев тонких пластин, сильно ссохшихся в сухом грунте.

¹ По-видимому, А. В. Арциховский имел в виду лапти, сплетенные из лыка и кожаных ремешков. Такие лапти неоднократно встречались при раскопках в Москве и других древнерусских городах (Осипов. 2006. С. 41).

² Неревский раскоп копался под руководством А. В. Арциховского.

³ Масштабные раскопки проводились в Зарядье в 1951–1957 гг. при строительстве гостиницы Россия. Руководители раскопок М. Г. Рабинович, А. Ф. Дубынин.

Рис. 2. Сапоги Марии Нагой из Некрополя Вознесенского монастыря в Московском Кремле

Вплоть до настоящего времени, в тех редких случаях, когда сохранность найденной в курганных погребениях обуви позволяет реконструировать ее форму, мы встречаем там лишь обычную обувь, характерную для древнерусских поселений (Зоц, 2012. С. 116).

Модели бытовой обуви зафиксированы и в синхронных погребениях древнерусских городских некрополей (Сабурова, 1988. С. 269, 270. Рис. 1). Она может быть новой или иметь ярко выраженные следы износа. Упоминания о существовании в этот период специальной «погребальной» обуви, также, как и в случае с курганной обувью, впоследствии не подтверждаются. Так, туфли, названные Н.С. Шеляпиной (Владимирской) «покойничками», которые были обнаружены ею в некрополе Успенского собора Московского Кремля в женском погребении первой половины XIII в. (Шеляпина, 1965), судя по форме края, принадлежат к обычной обуви (Осипов, 2006. С. 83).

Характерная для своего времени бытовая обувь, зафиксирована и в более поздних погребениях XIV–XVI вв. Подобные находки были обнаружены при раскопках Твери (Попова, 1997. С. 271–276), некрополя у Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря (Салимов, 1996. С. 176, 177), Псковской скудельницы (Ершова, 1987) и др. Аналогичные модели были обнаружены и в погребениях священнослужителей, на что указывают данные раскопок Мартирьевской паперти новгородской Софии и Георгиевского собора Юрьева монастыря (Якунина, 1949. С. 107; Каргер, 1946. С. 204–208; Осипов, 2012. С. 143–151).

Несмотря на обычность таких находок, их следует подробно описывать и тщательно фиксировать. Как показывает практика, при исследовании найденной в погребении обуви можно получить дополнительную информацию о ее владельце. Примером могут служить фрагментарно сохранившиеся сапоги, обнаружены в погребении Марии Нагой – последней жены царя Ивана Грозного, похороненной в Вознесенском женском монастыре⁴ («Некрополь...», в печати). В числе предметов погребального костюма, включающих саван, мантию и куколь, в белокаменном саркофаге фрагментарно сохранились кожаные сапоги. Благодаря усилиям реставраторов Музеев Московского Кремля⁵ одну полупару удалось полностью восстановить (рис. 2).

Сапог с характерным для этого времени внутренним каблуком и кососрезанным голенищем высотой 30 см был сильно изношен и неоднократно ремонтировался, о чем свидетельствует замена изношенного куска подошвы, замененного дотачкой и следы заплат на голенище. Судя по характеру ремонта, он производился профессиональным сапожником, на что указывают аккуратные стежки и ровная линия строчки.

Сам факт наличия в погребении царицы старой, изношенной обуви не вызывает большого удивления, но позволяет ощутить трагическое положение Марии Нагой, очень быстро ставшей «неудобной» царю. Кончина этой женщины, на долю которой выпало множество тяжелых испытаний, приходится на трагический период Смутного времени, когда в Московском Кремле находился польский гарнизон, осажденный восставшими москвичами.

Еще одно интересное наблюдение было сделано при раскопках кладбища московского

⁴ До 1929 г. монастырь располагался в Московском Кремле, на этом месте ныне стоит административное здание.

⁵ Автор выражает благодарность реставратору Н.П. Синициной, которой удалось воссоздать эту модель.

⁶ От греч. *podagra* – букв. капкан для ног.

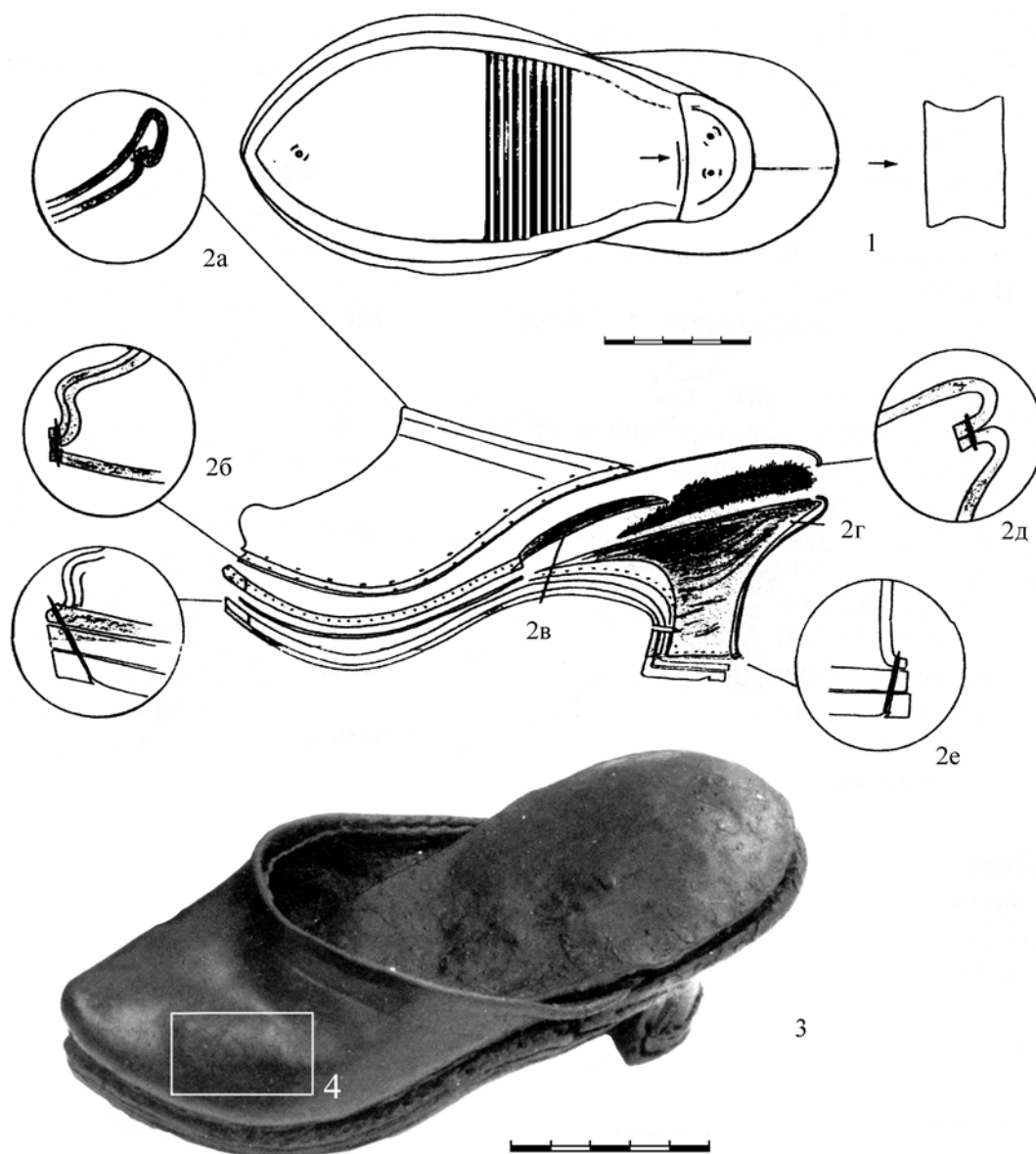

Рис. 3. Туфля из раскопок некрополя Моисеевского монастыря в Москве

1 – вид снизу; 2 – схема сборки (а – крепление верха головки; б – крепление низа головки; в – супинатор; г – деревянная основа каблука; д – крепление стельки; е – крепление подошвы и обтяжки каблука); 3 – туфля после реставрации, фото; 4 – место вытяжения

Моисеевского монастыря, располагавшегося на месте современной Манежной площади. Основная часть обуви найденной в погребениях XVII–XVIII вв., принадлежала к наиболее распространенным во второй половине XVIII в. «мулям» (от англ. *mules* – туфли без задника). Эти туфли имели головку с кожаным верхом, стельку с подушкой из конского волоса и деревянный обтяжной каблук скошенной формы высотой 2,5–3,0 см. Для усиления жесткости, туфли

снабжались внутренней стелькой и супинатором. Основная часть обуви сохранила следы активного износа (Векслер, Осипов, 1999. С. 217–220). На головке одной из туфель со слабозаостренным носком сохранилось локальное вытяжение (деформация) кожи (рис. 3), вызванное длительным ношением обуви на ноге с наростом (шишкой), которая является характерным признаком подагры⁶. Это хроническое заболевание, обусловленное нарушением обмена веществ, проявляется острыми

⁶ От греч. *podagra* – букв. капкан для ног.

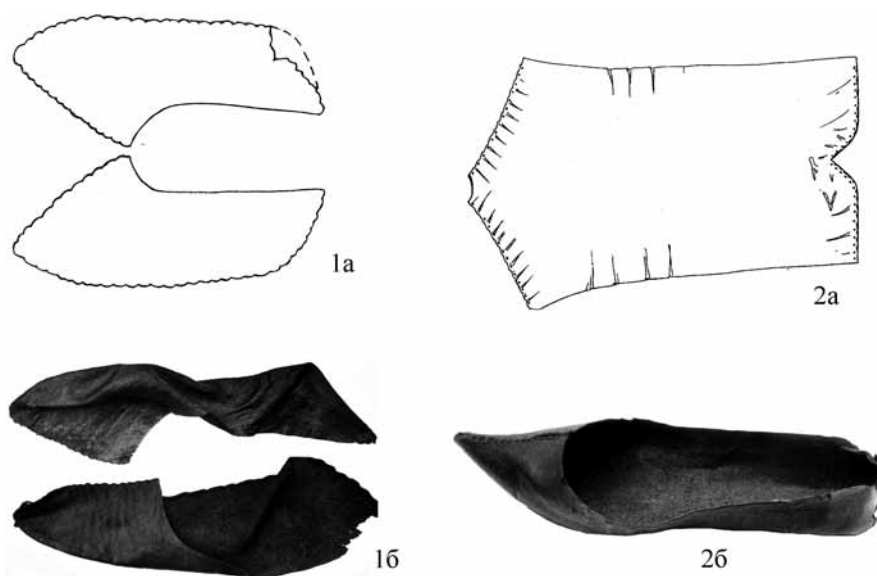

Рис. 4. Погребальная обувь из раскопок в Москве

1 – у церкви Троицы в Старых Полях (прорисовка и фото формы края);
2 – у церкви Ильи Пророка (форма края и реконструкция)

приступами артрита и деформации суставов, проявляется в виде характерных наростов на стопе.

Анализ обуви, найденной в погребении, может служить дополнительной информацией для его датировки и идентификации погребенного. Так, при исследовании погребений на Мартирьевской паперти Новгородской Софии, в белокаменном саркофаге были обнаружены останки священнослужителя, облаченного в саккос. По мнению автора раскопок Вл. В. Седова, во вторично использованном саркофаге был погребен митрополит Варлаам, умерший в 1601 г. (Седов, 2000. С. 106). Однако анализ края сапог погребенного, характерный для древнерусского времени, свидетельствует в пользу того, что саркофаг не был использован вторично, поэтому найденные здесь останки, скорее всего,

принадлежат архиепископу Антонию, умершему в 1232 году (Осипов, 2012. С. 143–151).

II. Погребальная обувь

Погребальные туфли, специально сшитые для умерших, принципиально отличаются от обиходной (бытовой) обуви. Все они изготовлены из одной или двух деталей, скрепленных переметочным швом по оси подошвы (рис. 4; рис. 5). Тонкая кожа, шов на «живую нитку», проходящий по оси подошвы, а также отсутствие приспособлений для крепления на ноге, делают такую обувь абсолютной непригодной для повседневного ношения. Судя по археологическому материалу, погребальная обувь получает достаточно широкое распространение. Туфли с вышеперечисленными признаками были зафиксированы в погребениях Великого Новгорода (Пежемский, 1998. С. 138–153), Москвы, Суздаля (Осипов, 2006. С. 80–85), Твери (Олейников, 1998), Пскова, (Ершова, 1987), Ярославля (Осипов, 2008). Они встречаются в мужских и женских погребениях как простых горожан, так и знати. В центре Москвы такая обувь происходит из прицерковных кладбищ у ц. Троицы в «Старых полях» и ц. Ильи Пророка (рис. 4). В Московском Кремле погребальная обувь была обнаружена в каменных саркофагах великих и удельных княгинь захороненных в Вознесенском соборе Московского Кремля (Панова, 2004. С. 154. Илл. 51), а также в мужском монашеском погребении, датирующимся концом XV – пер. пол. XVI вв. из некрополя, располагавшегося

Рис. 5. Формы края погребальной обуви из раскопок в Московском Кремле

1 – туфля из Вознесенского монастыря;
2 – туфля из некрополя у церкви Ризположения

близ церкви Ризположения⁷. Рядом, в мужском монашеском погребении того же времени, сохранилась еще одна пара подобных туфель (рис. 5).

Модели аналогичной конструкции известны и на территории современной Украины. До сотни таких экземпляров сохранилось в пещерных погребениях Киевской лавры. Они известны в Зверинецких⁸ и Гнилецких⁹ пещерах. В настоящее время с коллекцией этих вещей можно познакомиться в фондах Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника, а также в фондах Музея истории города Киева¹⁰. К сожалению, точная датировка этих находок неизвестна. Основная их часть происходит из открытых комплексов, формировавшихся в период с XII по XVII вв.¹¹

Совершенно очевидно, что конструкция погребальной обуви отражает определенные представления о «зеркальности» потустороннего мира, поэтому туфли изготавливались из тонкой кожи, не имели креплений и сшивались «на живую» нитку. Однако поиски корней древних верований, перемещавшихся в области мифологии, или иных устных традиций, в данной статье не затрагиваются.

Все известные нам погребальные туфли, имеющие надежную датировку, происходят из погребений конца XV–XVI вв. Публикации, датирующие такую обувь более ранним временем, не выдерживают критики. В частности, в статье сотрудника ЦМиАР О.Г. Ульянова, исследовавшего некрополь у Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря, погребения содержавшие обувь с продольным швом по оси подошвы, названной автором «поршнями», датированы им второй половиной XIV столетия. Погребальные туфли сохранились на ногах костяков, похороненных в четырех долбленных колодах, в одной из которых, по мнению О.Г. Ульянова находились мощи основателя монастыря прп. Андроника, умершего в 1373 г. (Ульянов, 1998. С. 304–305). Однако предложенная автором датировка вызывает серьезные сомнения. Во-первых, раскопки проводились О.Г. Ульяновым без открытого листа. Отчета о проведенных работах не существует. Во-вторых, в докладе, прочитанном автором раскопок на заседаниях сектора археологии Москвы

ИА РАН и на второй Всероссийской церковно-археологической конференции, никаких серьезных доказательств озвученной датировки погребений, равно как и обретения мощей основателя монастыря – прп. Андроника, представлено не было (Ульянов, 1998. С. 304–305).

Еще одним свидетельством более раннего существования погребальной обуви являются туфли, сохранившиеся в раке с мощами прп. Сергия в Троице-Сергиевой лавре (Голубинский, 2007). Сам факт наличия такой обуви в погребении Сергия Радонежского также не исключает ее более поздней датировки. Прежде всего, следует обратить внимание на принадлежность этих туфель к разным полупарам, что видно при их визуальном осмотре. Факт попадания в погребение XIV в. обуви более позднего времени объясняется отраженной в летописях практике поновления древних погребений. В частности, при ремонтных работах в 1472 г. в сильно обветшавшем Спасском соборе московского Преображенского монастыря было вскрыто погребение великой княгини Марии, третьей жены Симеона Гордого, останки которой по приказу великого князя Ивана III были обряжены вновь «... *месяца июля обретоша в церкви святого Спаса княгиню Марию великаго князя Семена Ивановича, нареченную во мнишеском чину Фетинью, в теле неврежденну ничем же, только риза истле; и посла князь великий по игумению Олексеевскую, и повеле ея облещи в все новые ризы мнишские, облече ея*» (ПСЛР. Т. 20, 1910. С. 300). При археологических раскопках практика «поновления» церковного облачения была зафиксирована и в уже упоминавшихся погребениях Мартирьевской паперти новгородской Софии (Осипов, 2012. С. 143–151).

Таким образом, на примере описанных выше верификаций имеющихся у нас сведений, достоверная информация о существовании погребальной обуви, сшитой специально для умерших, ранее конца XV в. отсутствует.

Более подробно следует остановиться и на конструкции, представленной, как отмечалось выше, однотипными одночастными или двухчастными

⁷ По мнению Т.Д. Пановой данный некрополь принадлежал Чудову монастырю.

⁸ Зверинецкий Архангело-Михайловский монастырь.

⁹ Свято-Феодосиевский скит. Расположен на территории Киево-Печерской Лавры.

¹⁰ Автор выражает благодарность за предоставленные сведения заместителю директора по научной работе НИИ памятников охранных исследований Министерства культуры и туризма Украины Тимуру Анатольевичу Бобровскому.

¹¹ Захоронения в пещерах-кельях. Расположенных в подземных галереях, чаще всего совершались без гробов, в одном помещении в течении длительного периода, что приводило к смешению погребального инвентаря. Во время исследований проводившихся в XIX – начале XX в. находки изымались без четкой фиксации, что существенно затрудняет их датировку.

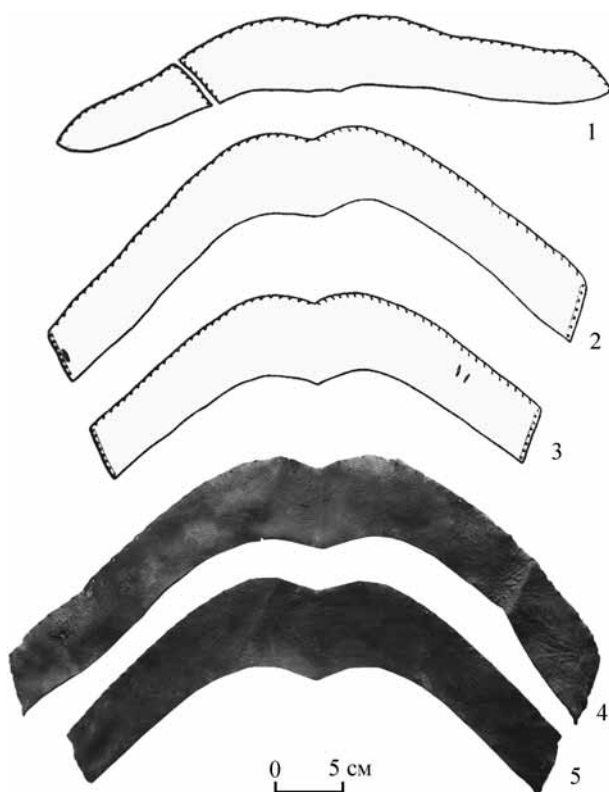

Рис. 6. Детали туфель из Псковской скудельницы
(1–3 по: Курбатов, 2002.

Рис. 4, 1, 4, 5; 4, 5 – фото Е.С. Зубковой)

моделями, характерным признаком которых является наличие переметочного шва, проходящего по оси подошвы. Этот конструктивный признак важен в связи с информацией о существовании в XVI столетии погребальной обуви иной конструкции, которую также нуждается в проверке.

При раскопках скудельницы в Окольном городе Пскова, проведенных Т.Е. Ершовой в 1985–1987 гг. (Ершова, 1987), кроме обычной бытовой обуви и описанных выше «покойницких туфель» с переметочным швом по оси подошвы, в погребениях XVI в. были зафиксированы длинные полоски кожи. По мнению А.В. Курбатова, они также принадлежат к «покойницкой» обуви, где детали соединялись с подошвой с помощью сквозного (сандального) шва (рис. 6). Отсутствие самой подошвы А.В. Курбатов объясняет ее изготовление из сукна или холста (Курбатов, 2002. С. 158). Таким образом, согласно А.В. Курбатову, в материалах псковской скудельницы была зафиксирована иная традиция изготовления погребальной обуви с использованием тканей. Детальный анализ материалов этих раскопок, проведенный сотрудником псковского музея-заповедника

Е.С. Зубковой, позволяет пересмотреть некоторые положения, высказанные А.В. Курбатовым на основании обработки кратких сообщений об открытии памятника, содержащих ряд неточностей в описании некоторых находок. В частности, «... ни о какой подошве (даже не сохранившейся) у подобной обуви речи быть не может. Об этом свидетельствуют, прежде всего, рисунки туфель в полевой описи, которые были сделаны до того, как находки развернули в процессе реставрации. Кроме того, характер отпечатков от сшивного материала и деформации кожи вдоль шва говорят о том, что края заготовки были сшиты непосредственно между собой переметочным швом, а не «соединялись с подошвой сквозным (сандальным) швом» (Зубкова, в печати). Сомнения в том, что в данном случае мы сталкиваемся с иной традицией изготовления погребальной обуви – с использованием тканей, подтверждает наличие в той же коллекции классических одночастных погребальных туфель. На мой взгляд, опубликованные А.В. Курбатовым детали являются поднарядом низкой обуви жесткой конструкции. Подобные детали были найдены при раскопках городских кварталов и к погребальной обуви отношения не имеют.

Достаточно широкое распространение специальной обуви, сшитой для умерших, позволяет говорить об устойчивой традиции, существовавшей на протяжении целого столетия. В этой связи хотелось бы понять, в связи с чем и когда появляется и почему исчезает подобная обувь?

Согласно приведенным выше археологическим данным, погребальные туфли появляются не ранее конца XV в. В погребениях XVII–XIX вв., включая монашеские, такая обувь более не встречается¹². Упоминания о какой-либо специальной покойницкой обуви отсутствуют и в свидетельствах иностранных визитеров, описавших особенности погребального обряда и одевания покойных в XVII в. («Посольство...». 1900. С. 436; Стрейс, 1935. С. 172).

III. Туфли с продольным швом по оси подошвы

Прежде чем ответить на остальные вопросы, связанные с распространением погребальной обуви, целесообразно обратиться к обуви, конструктивно близкой покойницким туфлям. Речь идет о низких туфлях, также имеющих продольный шов по оси подошвы. Однако, в отличие от погребальной обуви, они изготавливались из более толстой

¹² Погребения у ц. Василия Парийского в Великом Новгороде, датированные Д.В. Пежемским XVII в. (Пежемский, 1998. С. 138–153), впоследствии были передатированы им же XVI в.

кожи, имели внутренние детали (подкладку) и сшивались не переметочным, а выворотным швом. Основная часть такой обуви со следами активного износа обнаружена на городских усадьбах в напластованиях XII–XIV вв. В археологическую литературу подобная обувь была введена А. В. Курбатовым под именем «комнатных» или «домашних» туфель (Курбатов, 2004. С. 47). Как правило, туфли с продольным швом сохраняются фрагментарно. От обычных обувных деталей их отличает непропорционально широкие переды (головки), а также характерный крой подошвы, по оси которой проходит выворотный шов с кожаным кантом. Целая пара таких туфель была зафиксирована в Старой Руссе на усадьбе «А», в слое второй половины XI – начала XII вв. (Торопова и др., 2001. С. 19). Для укрепления обуви использованы дополнительные детали, располагавшиеся по обе стороны подошвенного шва (рис. 7). Судя по длине подошвы (29 см), соответствующей 45 размеру по современной штих-массовой шкале, туфли принадлежали взрослому мужчине. Даже с учетом онучей или шерстяных чулок, поверх которых надевались туфли, их владелец был достаточно рослым человеком¹³.

Функциональное назначение таких туфель спорно. Автор публикации Я. В. Антропова отмечает необычность и некоторую небрежность в их изготовлении (Антропова, 2003. С. 265–272). Их определение в качестве «домашней» или «комнатной» обуви¹⁴, остается бездоказательным и выглядит сомнительным, поскольку каких-либо свидетельств о существовании в средневековье домашней (комнатной) обуви нам не известны. Подобная обувь появляется значительно позже и имеет свою специфику. В частности, «внутрипокойные» сапоги принадлежавшие графу Николаю Шереметеву были изготовлены из зеленого бархата, богато украшенного золотым шитьем (Осипов, 2002. С. 28), тогда как описанные выше туфли имели вшивавшуюся в шов кожаную прокладку, служившую для герметизации нижнего соединения, что характерно именно для уличной обуви. Кроме того, своеобразный крой туфель с жестким продольным швом требует дополнительных приспособлений для устранения неудобства при ходьбе.

А. В. Курбатов отмечает, что при обилии обрывков «домашних туфель» в Твери, было зафиксировано всего 16 стелек, что свидетельствует об использовании вместо стелек сухой травы, как это

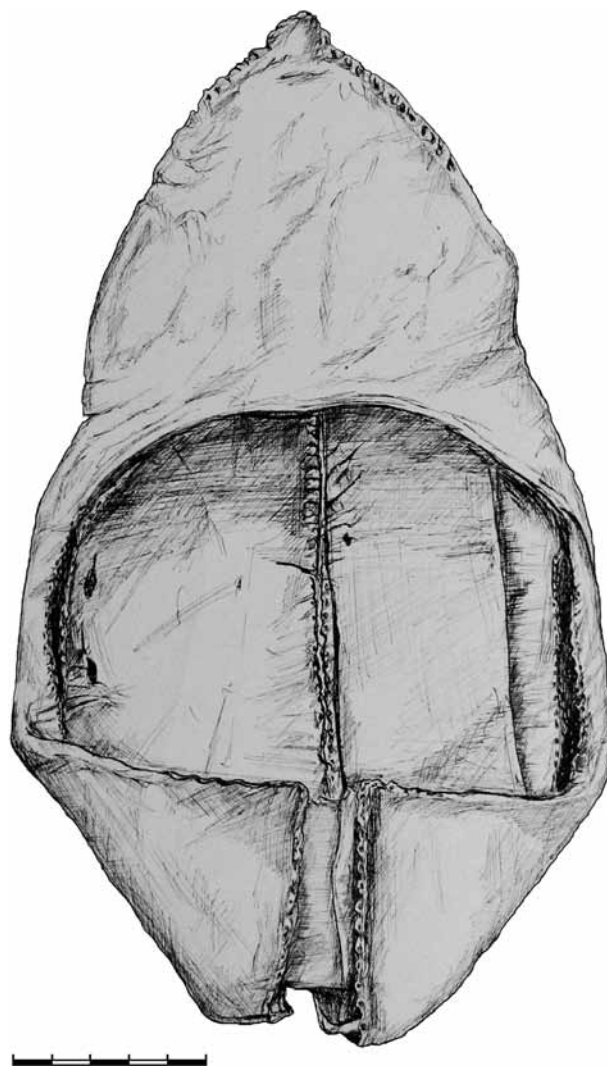

Рис. 7. Туфля с продольным швом из раскопок в Старой Руссе

делалось в средневековом Лондоне (Grew, 1988. S. 88–89). Однако, здесь видится определенное противоречие: зачем нужно делать жесткий шов, чтобы потом старательно его закрывать? Несхожесть «комнатных» туфель с обычными моделями подчеркивает и полное отсутствие декора, в то время как синхронные по времени туфли часто украшались нитяным узором или продержкой.

Исходя из вышесказанного, непрактичные в изготовлении и неудобные для ношения туфли с герметичным швом, мало пригодны в качестве домашней обуви. Их отличительным признаком является наличие жесткого продольного шва, доставляющего большое неудобство при ношении,

¹³ По существующей корреляции длины стопы по отношению к росту человека, составляющую для мужчин 15,8% (Зыбин, 1982. С. 75), его рост превышал 180 см ($29: 15,8 \times 100 = 183,5$ см).

¹⁴ В одних публикациях А. В. Курбатов называет такую обувь «комнатными», а в других «домашними» туфлями.

что подтверждает ее точная реконструкция (Осипов, 2011. С. 51–54). В этой связи нельзя исключать, что такие туфли могли использовать монахи. Достижение душевной чистоты в монашеской практике в определенных случаях было связано с истязанием плоти, которую изнуряли длительными постами, ношением вериг и пр. (Осипов, 2011. С. 51–54). Примечательно, что археологические модели «домашних» туфель А. В. Курбатов сопоставляет с изображением монашеской обуви (калиг) на рисунках из Жития Сергия Радонежского, написанного в конце XVI – начале XVII в. («Житие...», 1853).

Монашеские калиги, распространенные в древнерусское время, предшествуют появлению специальной погребальной обуви, также имеющий продольный шов по оси подошвы. Такая конструктивная деталь свидетельствует об их преемственности, что находит подтверждение при упоминании калиг в качестве погребальной обуви монахов, относящиеся к XVI в. (Срезневский, 1893). И. С. Вахрос, ссылаясь на Кормчую книгу, предполагает, что впоследствии в калигах могли хоронить не только представителей духовенства, но и светские лица (Вахрос, 1959. С. 95). С первой половины XVII в. калиги используют при погребении усопших мирян. «А денег его издержано от могилы да от гробу рубль, калиги купил, дал 4 алтын» (цит. по: Вахрос, 1959. С. 96). Однако в это время под термином «калиги», подразумевается обычная бытовая обувь, в которую обували покойника (Симони, 1898. С. 445). Именно это фиксируют и материалы археологических раскопок.

Чем же вызвано появление особой покойницкой обуви, трансформировавшейся из монашеских калиг? Видимо, в конце XV в. происходят какие-то очередные изменения погребального обряда, в результате которых в похоронном ритуале появляются очередные инновации, которые прослеживаются не только по специальной покойницкой обуви. В это же время фиксируется значительное увеличение количества погребенных с нательными крестиками (до одной трети). С конца XV в. на крышках саркофагов появляются надписи, а могильные плиты снабжаются эпитафиями. Определенные изменения прослеживаются и в характере ритуальных сосудов, которые становятся более разнообразными по форме и материалу (Панова, 2004. С. 156–160). Все это маркирует появление какой-то новой традиции погребального обряда.

Известно, что процесс формирования христианского ритуала был сложным и длительным. На начальном этапе христианизации инновации в погребальной обрядности проявлялись в ориентации усопших и крестообразном положении их рук, появлением среди погребального инвентаря предметов личного благочестия, а также постепенном уменьшении числа вещевых находок в захоронениях, появлении прицерковных кладбищ (Мусин 1998. С. 134 и сл.). Однако, несмотря на пропаганду христианства и организационную деятельность церкви, в ритуале похорон долгое время сохранялись языческие пережитки. Для XI–XIII вв. в пределах одного кладбища или некрополя в храме применялись различные типы погребальных сооружений и деталей погребального обряда. По мнению Т. Д. Пановой, начало процесса введения единообразия в ритуал захоронения прослеживается не ранее рубежа XIV–XV вв. (Панова, 2004. С. 178).

В последней трети XV в. в истории культуры Московского государства происходят определенные изменения, получившие название «итальянского периода», начало которому было положено переговорами о браке Ивана III и Софьи Палеолог. В это время влияния греков, которые были проводниками новых идей, сказывалось в различных сферах церковной жизни и культуры. Однако связывать зафиксированные нами изменения погребального обряда с греческим влиянием кажется неправомерным, поскольку именно в это время происходит отдаление от греческой традиции после Флорентийской унии (1443–1445). Этими же событиями продиктовано избрание митрополита Ионы (1390–1461), поставленного без утверждения главы вселенской церкви – царьградского патриарха.

В этой связи целесообразно вспомнить о другом важном событии, существенно повлиявшем на мировоззрение современников, каковым является завершение седьмого тысячелетия от сотворения мира и связанное с ним ожидание конца света, приходившееся на 1492 г. События последних десятилетий XV в. – «еретическая уния» и падение «изменившей Византии» – окрашивали это ожидание в еще более мрачные тона. Возможно именно эти настроения могли способствовать пересмотру эсхатологии и повлиять на изменения отдельных деталей погребального обряда, которое, по мнению А. Е. Мусина, происходило под влиянием монашества¹⁵.

¹⁵ Автор выражает благодарность А. Е. Мусину за консультации и ценные замечания, высказанные при обсуждении этой темы.

Исчезновение погребальных туфель с продольным швом по оси подошвы, судя по археологическим данным, приходится на начало XVII в. – Смутное время, также существенно повлиявшее на мировоззрение современников. Однако особая форма погребального костюма, требующегося покойнику для перехода в загробный мир, пережив очередную трансформацию, сохраняется. Это находит отражение в этнографических материалах, согласно которым у русского населения Европейской части России существовала специальная одежда, приготовленная для похорон (Маслова, 1984. С. 85). Что же касается покойницкой обуви, то в разных регионах России она становится различной. Внешне она могла быть похожа на бытовую, но измененную определенным образом как, к примеру, сплетенные

особым способом «смертные лапти» или валенки, в которые обували покойника, похороненного летом (Кремлева, 1997. С. 520, 521). У финноязычного населения Северо-Запада России из погребальной обуви изымались железные гвозди или шипы, а также отрывали каблуки. По мнению этнографов, эти обычаи отражали представления о соответствии одежды покойника одежде его ранее умерших родственников, с которыми он соединяется в загробном мире (Конькова, 1999. С. 29, 30).

Таким образом, появление особой «покойницкой обуви», просуществовавшей с конца XV до начала XVII в., следует связывать с очередным этапом формирования и развития погребальной обрядности, отражавшей определенные религиозные представления населения Средневековой Руси.

Литература

- Антропова Я. В., 2003. О редком виде кожаной обуви из раскопок в Старой Руссе // Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 17.
- Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.
- Вахрос И. С., 1959. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1999. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.). // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.
- Гириберг В. Б., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья // НЭ. Вып. 1.
- Гириберг В. Б., 1962. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья // НЭ. Вып. 3.
- Голубинский Е. Е., 2007. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра.
- Гуревич Ф. Д., 1983. Погребальные памятники жителей Новогрудка // КСИА. Вып. 185.
- Ершова Т. Е., 1987. Скудельница Средневекового Пскова // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков.
- Житие Преподобного и Богоносного Отца нашего Сергия Радонежского и Всея России Чудотворца. Троице-Сергиева Лавра, 1853.
- Золотов Ю. М., 1962. Два каменных надгробия XVI в. из Москвы // СА. № 2.
- Золотов Ю. М., 1984. Два каменных надгробия XVI в. из Москвы // СА. № 2.
- Зоц Е. П., Зоц С. А., 2012. Реконструкция женского погребального костюма по материалам курганного могильника Новоселки 2 // АП. Вып. 8. М.
- Зубкова Е. С., в печати. Еще раз об обуви из псковской скудельницы // Археологическое изучение Пскова и Псковской земли. Псков.
- Зыбин Ю. П., 1960. Древнерусская обувь XII–XVI вв. // Изв. ВУЗов. Технология легкой промышленности. № 5. Киев.
- Зыбин Ю. П., 1982. Конструирование изделий из кожи // Учебник для ВУЗов. М.
- Каргер М. К., 1946. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. Вып. VIII.
- Каргер М. К., 1940. Княжеское погребение в Десятинной церкви // КСИИМК. Вып. 4.
- Конькова О. И., 1999. Мужчина и женщина в жизни после смерти (Археолого-этнографические заметки о погребальном обряде у финноязычного населения Северо-Запада России) // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Сб. МАЭ. СПб. Т. LVII.
- Кремлева И. А., 1997. Похоронно-поминальные обряды // Русские. М.
- Курбатов А. В., 2002. Погребальная обувь средневековой Руси // Археологические вести. № 9. СПб.
- Курбатов А. В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. СПб.
- Курбатов А. В., 2007. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. СПб.
- Левашева В. П., 1959. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Тр. ГИМ. Вып. 33. М.

Макаров Н. А., 1980. Топография погребений в древнерусских храмах // Тез. докл. советской делегации на IV Междунар. конгр. славянской археологии. М.

Макаров Н. А., 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. № 2.

Маслова Г. С., 1984. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М.

Мезенцева Г. Г., Прилепко Я. П., 1980. Древнерусский могильник Белгорода Киевского // Археологія. Киев. Т. 35

Мурзакевич Н. Н., 1837. Об открытии гробницы в окрестностях Смоленска // ТЛЮИДР. Ч. 8.

Мусин А. Е., 1997. Христианские древности Средневековой Руси IX–XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.

Мусин А. Е., 1998. Меч и крест. Новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля // Материалы исследований погребений XVI в. Т. III. (В печати).

Николаева Т. В., 1958. О некоторых надгробиях XV–XVII вв. Загорского музея-заповедника // СА. № 3.

Николаева Т. В., 1965. Надгробие новгородского архиепископа Сергия // СА. № 3.

Олейников О. М., 1998. Отчет об охранных археологических исследованиях экспедиции Тверского государственного объединенного музея на улице Советская при ее реконструкции на территории Кремля и б. Загородского посада Твери в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21811.

Осипов Д. О., 2002. След в истории. Московская обувь XII–XX вв. Каталог выставки. М.

Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. М.

Осипов Д. О., 2008. Коллекция кожаной обуви и изделий из кожи // Энговатова А. В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 году. Т. 9. Приложение 3. Архив ИА РАН.

Осипов Д. О., 2011. К вопросу о так называемых комнатных туфлях. // Вестник Новгородского государственного университета. Великий Новгород. № 63.

Осипов Д. О., 2012. Кожаная обувь из погребений Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора // РА. № 1.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.

Пежемский Д. В., 1998. Погребения Троицкого XI раскопа // Новгород и новгородская земля. Новгород. Вып. 12

Попова С. В., 1997. Обувь из погребения у ц. Алексея Человека Божьего в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.

Посольство Конрада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.

ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. СПб., 1910.

Сабурова М. А., 1988. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М.

Салимов А. М., 1996. Архитектурно-археологические исследования в в Твери и Антониевом Краснохолмском монастыре // АО 1995 г. М.

Седов Вл. В., 2000. Отчет об архитектурно-археологических раскопках в Мартирьевской паперти Софийского собора в 1999–2000 гг. Ч. II // Архив ИА РАН. Р-1. № 24174.

Симони П., 1898. Два старинных областных словаря XVIII столетия. СПб.

Срезневский И. И., 1912. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб.

Стрейс Я. Я., 1935. Три путешествия. М.

Строков А. А., 1945. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. Вып. 11.

Торопова Е. В., Антропова Я. В., Журинов И. Г., Торопов С. Е., 2001. Старая Русса: археологические исследования на Борисоглебском раскопе в 2000 году. Результаты и перспективы // Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.

Ульянов О. Г., 1998. Вопросы церковно-археологического освидетельствования мощей на современном этапе // Церковная археология. Вып. 4. СПб.

Церковная археология. Псков – СПб., 1995.

Церковная археология. Вып. 4. СПб., 1998.

Шеляпина Н. С., 1971. Надгробия XIII–XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. № 3.

Шеляпина Н. С., 1973. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля // СА. № 4.

Шеляпина Н. С., 1965. Московский кремль. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском кремле в 1963–1965 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3578.

Якунина Л. И., 1946. Ткани из раскопок в Софийском Новгородском соборе // КСИИМК. Вып. XXIV.

Grew F., de Neergaard M. 1988. Shoes and pattens // Medieval finds from excavation in London. L.

D. O. Osipov

Footwear from burials and funerary footwear

Summary

The study of grave goods including leather footwear figures prominently among the issues pertaining to the formation and evolution of the urban mortuary practices. Researchers, however, often confuse everyday footwear worn by the dead, i.e. footwear from

burial, and similar shoes made specially for the dead, i.e. funerary footwear

The paper gives an outline of the above-mentioned categories of archaeological finds pointing out deeply rooted errors in their description and dating.

И. С. Аникин

Керамический комплекс из ближайшей округи древнерусского Муром (район села Карачарово)

Рассматриваемая в этой статье керамическая коллекция происходит из исследований на территории памятника археологии «Культурный слой города Мурома X–XIX вв.», состоявшихся в 2010 г. в ближайших окрестностях с. Карачарово, на верхней площадке левого коренного берега р. Оки, в бывшей усадьбе графов Уваровых «Красная гора». Их проводил отряд Волжской экспедиции ИА РАН под руководством Майоровой Е. В. (2012). На раскопе в зоне строительства котельной (площадью немногим более 100 кв. м) был исследован культурный слой древнерусского периода, выявлены остатки застройки, собрана значительная коллекция средневековой керамики. Участок работ достаточно удален от городской территории древнерусского Мурома, что позволяет отнести эти находки к селищу из его ближайшей округи.

Стратиграфические и планиграфические наблюдения на раскопе позволили автору работ предположить, что данное древнерусское поселение (в исследованной его части) существовало относительно небольшой период времени. Этот предварительный вывод дает основания рассматривать всю коллекцию древнерусской керамики из раскопа как относительно цельный комплекс, естественно, с учетом того, что сформировался он не сразу, а на протяжении какого-то временного отрезка. Основная часть коллекции происходит из культурного слоя вне заполнения материковых ям, а материалы из последних относительно малочисленны.

Средневековая керамика (5140 фрагментов; обломки площадью менее квадратного сантиметра не учитывались) составляет основную и абсолютно преобладающую массу керамического

материала раскопа. Среди нее количественно доминируют обломки древнерусской гончарной посуды (98,2% – 5050 шт.). В числе средневековых материалов – пять фрагментов (0,1%), относящихся к общебулгарской красноглиняной гончарной керамике, кроме того, присутствует небольшое количество обломков неорнаментированной лепной посуды (1,7% – 85 фрагментов).

Средневековая лепная керамика

Средневековая неорнаментированная лепная керамика характерна для материальной культуры поволжских финнов. По характеру обработки поверхности и примесям в формовочной массе вся она была разделена на три группы. Наиболее многочисленную группу составляют образцы со следами лощения на поверхности – 43 шт. Лощились как внутренняя, так и внешняя поверхность сосуда, включая днище. В качестве примесей в тесте отмечен мелкозернистый (менее 1 мм) песок совместно с шамотом более крупных фракций (40 фрагментов); тесто трех обломков отощено исключительно песком. Единственный венчик – невысокий, резко отогнутый и тщательно заглаженный (рис. 1, 1). При формовке сосудов применялся донный начин (рис. 1, 2). Вторая по величине группа характеризуется примесью исключительно шамота в тесте (без лощения поверхности), к ней относится 25 обломков (рис. 1, 3). В группу лепной керамики, выделенную по признаку примеси шамота и песка в тесте (без лощения поверхности), вошло 17 фрагментов. Два из них имеют также незначительную примесь дресвы. Во всех случаях обломки лепных сосудов встречены лишь совместно с численно преобладающей древнерусской посудой и не образуют отдельных комплексов.

Общебугарская красноглиняная гончарная керамика

Единичные обломки посуды, относящиеся к общебугарской красноглиняной гончарной керамике, невелики и маловыразительны. Они имеют полный окислительный горновой обжиг. Черепок рыхловатый (легко разламывается руками). Тесто, как правило, тонкое с относительно редкими мелкими пустотами от выгоревшей органики (в четырех случаях); один фрагмент содержал среднюю примесь мельчайшего песка (менее 0,5 мм). Был найден обломок, украшенный неглубоким многорядным линейным рифлением. Следы лощения на поверхности черепков не прослежены ни в одном случае.

Рассмотренные выше группы керамики, в силу немногочисленности их состава, лишь дополняют облик керамического комплекса средневекового поселения, формируемый в основном обломками древнерусской гончарной посуды.

Древнерусская керамика

Средневековая керамика г. Мурома и его сельской округи еще не исследована, каких-либо разработок по ее типологии и хронологии не существует. Поэтому для анализа собранной в 2010 г. на раскопе в районе с. Карачарово коллекции привлекались результаты исследований, посвященных

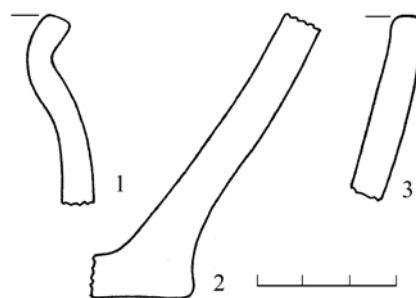

Рис. 1. Средневековая лепная керамика (район с. Карачарово)

1, 2 – лощеная; 3 – без лощения
(с примесью шамота в тесте)

изучению древнерусской керамики городов (и их сельских округ) – территориальных соседей Мурома, связанных с ним мощной водной артерией – рекой Окой. В первую очередь – это работы по керамике Старой Рязани и Нижнего Новгорода.

Рассматриваемая древнерусская керамика представлена тремя группами: из красножгущегося теста (65,3% от числа фрагментов средневековой керамики – 3357 экз.), из беложгущегося теста (29,8% – 1534 экз.), из красножгущегося теста со светлым ангобом по поверхности (3,1% – 159 экз.) (табл. 1). Из совокупности найденных обломков верхних частей сосудов были выделены образцы, пригодные для морфологического исследования (335 шт.). При

Таблица 1. Распределение различных групп средневековой керамики в пластах и слоях раскопа, заполнении материковых ям.

Группы керамики	Место находки											Заполнение материковых ям
	Темно-серый коричневатый суглинок (слой 2 раскопа)					Коричневый сероватый суглинок (слой 3 раскопа)						
	Пласты					Пласты						
	1	2	3	4	Всего	1	2	3	4	5	Всего	
Средневековая лепная, % (шт.)	1,6 (26)	1,3 (13)	0,75 (2)	–	1,4 (41)	–	2 (9)	1,2 (4)	2,2 (3)	–	1,6 (16)	2,5 (28)
Общебългарская гончарная красноглиняная, % (шт.)	0,2 (3)	–	–	–	0,1 (3)	–	–	–	–	–	–	0,2 (2)
Древнерусская гончарная из красножгущегося теста, % (шт.)	61,5 (1008)	66,1 (661)	71,3 (194)	70,2 (33)	64,1 (1896)	67,7 (21)	73,5 (328)	66,6 (230)	74,6 (103)	68,75 (33)	70,9 (715)	63,6 (701)
Древнерусская гончарная из красножгущегося теста со светлым ангобом, % (шт.)	1,2 (20)	1,5 (15)	2,2 (6)	–	1,4 (41)	9,7 (3)	3,6 (16)	5,2 (18)	3,6 (5)	–	4,2 (42)	6,7 (74)
Древнерусская гончарная из беложгущегося теста, % (шт.)	35,5 (582)	31,1 (311)	25,75 (70)	29,8 (14)	33 (977)	22,6 (7)	20,9 (93)	27 (93)	19,6 (27)	31,25 (15)	23,3 (235)	27 (298)

Таблица 2. Характеристики примесей в формовочной массе в различных группах древнерусской гончарной керамики.

Группы керамики	Примеси															
	Песок								Плохо-окатанный песок		Плохо-окатанный песок с дресвой		Дресва		Шамот 0,5–1,5 мм	Тонкое тесто
	до 1 мм				1–2 мм		более 2 мм	1–2 мм					до 3 мм	1–2 мм		
	менее 0,5	0,5	более 0,5	Всего	1	более 1			Всего							
	Из красножгущегося теста, % (кол-во сосудов)	12,5 (24)	34,4 (66)	1 (2)	47,9 (92)	29,2 (56)	8,4 (16)	37,6 (72)	1 (2)	–	–	4,7 (9)	–	6,3 (12)	1 (2)	0,5 (1)
Из красножгущегося теста с ангобом, % (кол-во сосудов)	30,8 (8)	34,6 (9)	–	65,4 (17)	34,6 (9)	–	34,6 (9)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Из беложгущегося теста, % (кол-во сосудов)	6 (7)	38,5 (45)	5,1 (6)	49,6 (58)	23,9 (28)	9,4 (11)	33,3 (39)	0,9 (1)	4,2 (5)	0,9 (1)	3,3 (4)	1,8 (2)	–	–	–	6 (7)

этом учитывались лишь венчики от различных сосудов, включающие, как правило, минимум два конструктивных элемента – краевое окончание (губу) и ее основание до первой точки перегиба профиля (щеку) (*Бобринский*, 1988. С. 5–21), размер которых позволял уверенно сориентировать их в пространстве. Характеристики групп древнерусской керамики по примеси в формовочной массе и обжигу также определялись по выявленным отдельным сосудам. При обработке коллекции к группе керамики из беложгущегося теста были отнесены и четыре сосуда кремово-розового цвета (из «слабоожеженной» глины).

Основой для описания формы венчиков послужила операционно-морфологическая систематизация, разработанная Н. Н. Грибовым (2003. С. 16–36). Эта систематизация им же впоследствии была преобразована в типологическую классификацию по устойчивым сочетаниям различных технологических признаков (*Грибов*, 2006. С. 65, 66, 83, 84. Рис. 1, 2), которая и использовалась при работе с керамикой из района с. Карачарово.

При подсчете орнаментированных обломков древнерусской керамики образцы с линейным орнаментом учитывались по четырем группам, соответствующим неопределенному (из-за небольшого размера фрагментов) типу линейной орнаментации и трем следующим типам.

Тип 1 – выполнен инструментом с одним рабочим концом (обычно – с произвольными расстояниями между линиями). Соответствует типам 2, 17 и 19 по В. Ю. Ковалю (2000. С. 73–83).

Тип 2 (зонный) – выполнен инструментом с несколькими рабочими концами (типа гребенки)

в виде орнаментальных зон с промежутками между ними. Соответствует типам 3 и 4 по В. Ю. Ковалю.

Тип 3 («рифление») – по-видимому, выполнен инструментом с несколькими рабочими концами (типа гребенки), покрывает значительную часть стенки сосуда сплошь, плотно и равномерно. Соответствует в целом типу 5 по В. Ю. Ковалю.

Древнерусская керамика из красножгущегося теста (192 сосуда) (рис. 2–4). Подавляющее большинство сосудов относится к горшкам, в коллекции присутствует также венчик корчаги (рис. 4, 16). Формовочная масса, как правило (99% сосудов), содержит примеси, в основном – песок (табл. 2). В качестве дополнительных включений у небольшого числа сосудов отмечены редкие примеси минеральных обломков белого цвета (мергеля, мела, доломита (?), охры (?), органики, комочков сухой глины). Вся красножгущаяся керамика изготовлена на ручном гончарном круге, на днищах прослеживаются следы подсыпки (абсолютно преобладает посыпка золы – табл. 3). На 3,5% днищ выявлены отпечатки клейм. Среди орнаментированных обломков основную массу составляют образцы с линейным орнаментом (табл. 4; табл. 5). На втором месте по встречаемости – отпечатки штампа (прокатанные зубчатым колесиком), почти столько же экземпляров украшены волнистым, сочетанием линейного и волнистого орнаментов (около четверти из них – с волной, нанесенной инструментом типа гребенки). Обжиг, преимущественно, окислительный неполный (табл. 6). Формы двух горшков были полностью реконструированы (рис. 5; табл. 7).

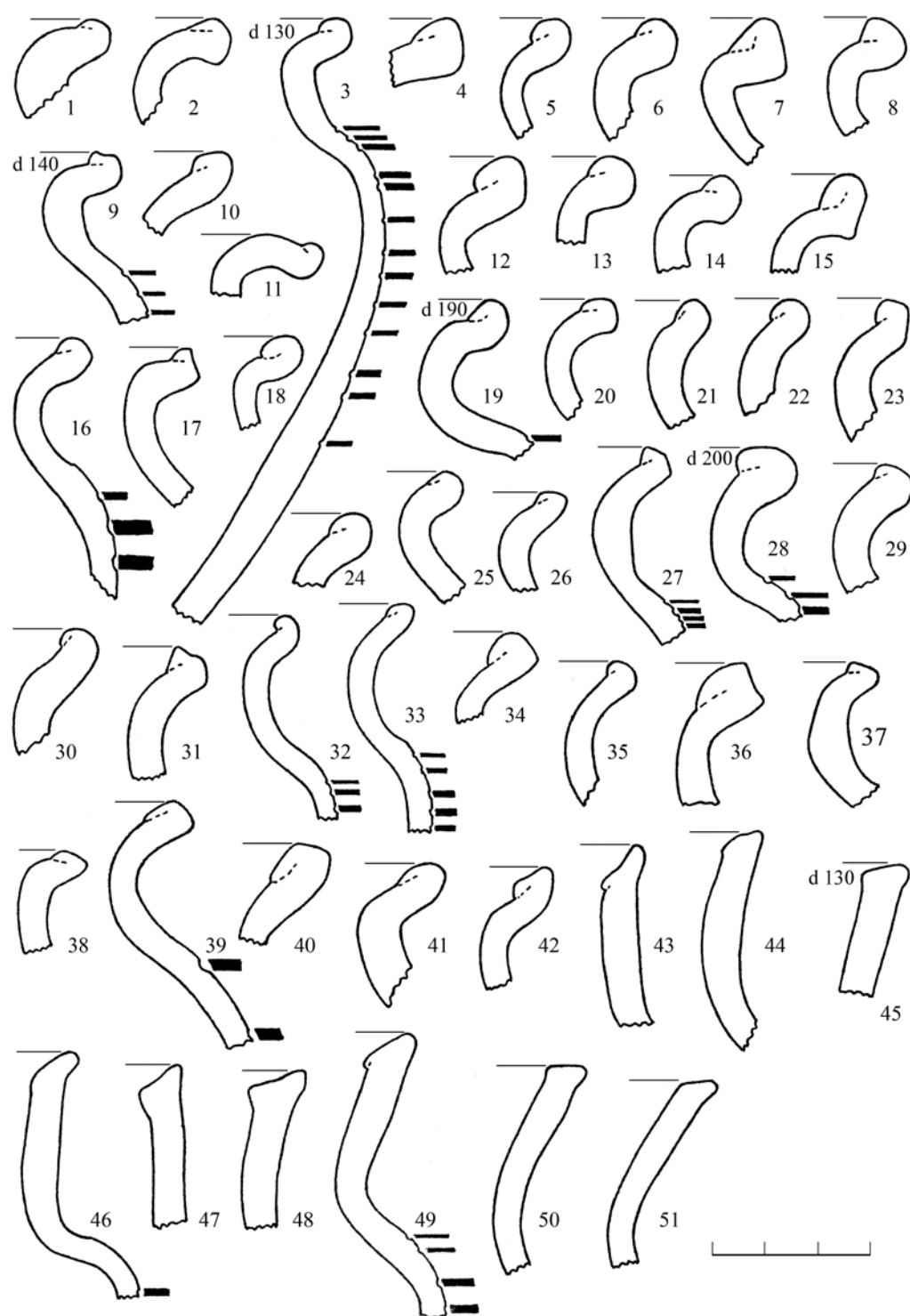

Рис. 2. Разновидности форм венчиков древнерусской керамики из красножгущегося теста (район с. Карачарово)

1–20 – Г12; 21–36 – В12; 37 – В12; 38 – Г13; 39–42 – В13; 43–48 – Бд; 49–51 – Вд

Древнерусская керамика из красножгущегося теста со светлым ангобом (26 сосудов) (рис. 6). Представлена исключительно горшками. Поверхность сосудов покрыта ангобом белого, кремового или желтоватого цветов, нанесенным

инструментом типа кисти (прослеживаются характерные следы в виде «мазков») как снаружи, так и внутри сосуда; ангоб, как правило, очень плохой сохранности. Формовочная масса таких сосудов содержала примесь песка, кроме того, в тесте

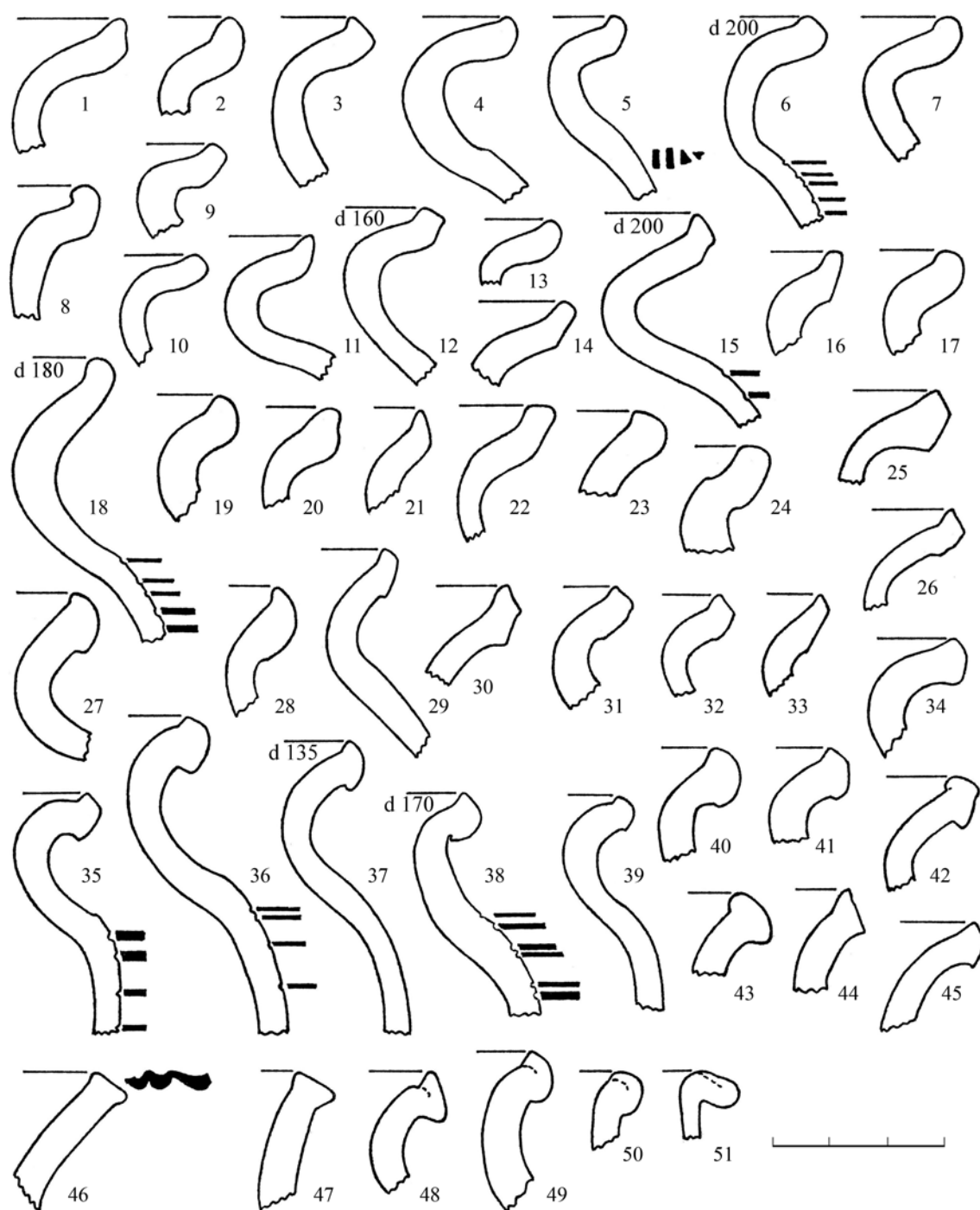

Рис. 3. Разновидности форм венчиков древнерусской керамики из красножгущегося теста (район с. Карачарово)

1–14 – Г11; 15–23 – В11; 24 – В11; 25, 26 – Г14.1; 27–33 – В14.1; 34, 35 – Г14.2; 36–45 – В14.2; 46 – В14.3; 47 – В14.3; 48 – В15; 49–51 – В15

одного сосуда отмечена охра (?). Горшки изготовлены на ручном гончарном круге, на днищах прослеживаются следы подсыпки золы. Среди орнаментированных обломков абсолютно преобладают фрагменты с линейным орнаментом, лишь один экземпляр был украшен сочетанием линейного и волнистого орнамента. Обжиг, преимущественно,

окислительный неполный. Учитывая плохую сохранность ангоба, не исключено, что часть ангобированной керамики при подсчете могла быть отнесена к группе ординарной красножгущейся. Основанием для подобного предположения является то, что в заполнении материковых ям, где механическое воздействие на материал после его

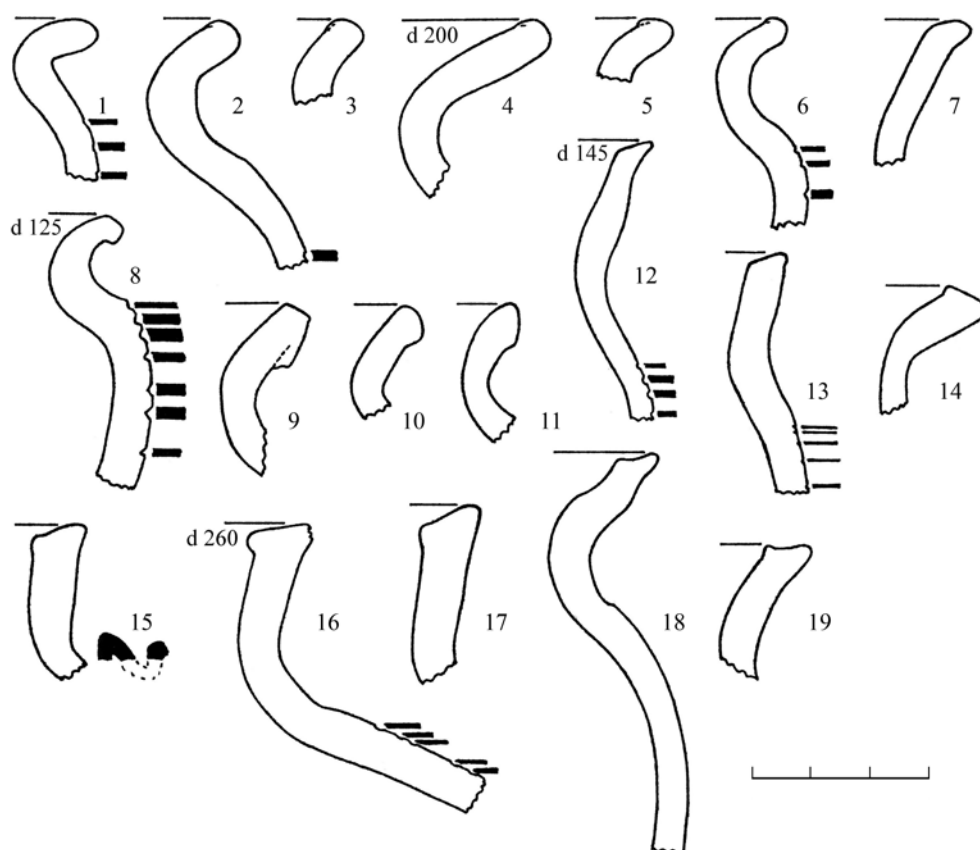

Рис. 4. Разновидности форм венчиков древнерусской керамики из красножгущегося теста (район с. Карачарово)

1 – Г1; 2–6 – В2; 7, 8 – В16; 9 – В17; 10 – В18; 11 – В18; 12, 13 – В7; 14 – В8; 15–17 – В8; 18, 19 – В10

археологизации было минимальным, доля ангобированной керамики достигает своего максимума – 6,7%.

Древнерусская керамика из беложгущегося теста (117 сосудов) (рис. 7). Представлена исключительно горшками. Формовочная масса, как правило (у 94% сосудов), имеет примеси, в основном –

песок. Кроме того, тесто около 10% горшков содержит редкие пустоты от выгоревшей органики (?), а 5% – имеет редкую примесь охры (?). Вся беложгущаяся керамика изготовлена на ручном гончарном круге, на днищах прослеживаются следы подсыпки (преобладает подсыпка песка). Отпечаток клейма выявлен на днище лишь одного сосуда.

Таблица 3. Распределение типов подсыпки под днища в различных группах древнерусской гончарной керамики (пл.-песок – плохоокатанный песок).

Группы керамики	Примесь / подсыпка							
	песок/песок	песок/зола	тонкое тесто/ зола	дресва/зола	дресва + песок/ зола	дресва + пл.- песок/зола	дресва + пл.- песок/ песок + дресва	дресва/дресва
Из красножгущегося теста (92 экз.), %	6,5	84,8	1,1	3,2	3,3	–	–	1,1
Из красножгущегося теста с ангобом (3 экз.), %	–	100	–	–	–	–	–	–
Из беложгущегося теста (68 экз.), %	80,9	14,7	–	–	–	2,9	1,5	–

Таблица 4. Орнаментация в различных группах древнерусской гончарной керамики.

Группы керамики	Орнаментированная керамика (% от общего числа стенок и венчиков сосудов)	Орнамент					
		линейный	штампованный (прокатанный)	волнистый	линейный и волнистый	тычковый	тычковый и штампованный
Из красножгущегося теста, %	38,2	95,35	2,45	1,44	0,76	–	–
Из красножгущегося теста с ангобом, %	50,62	98,67	–	–	1,33	–	–
Из беложгущегося теста, %	45,9	92,94	5,22	0,77	0,61	0,31	0,15

Таблица 5. Распределение типов линейного орнамента в различных группах древнерусской гончарной керамики.

Группы керамики	Типы линейного орнамента		
	1	2	3
Из красножгущегося теста, %	97,8	0,5	1,7
Из красножгущегося теста с ангобом, %	95,5	3	1,5
Из беложгущегося теста, %	43,32	27,6	29,08

Таблица 6. Характеристики обжига в различных группах древнерусской гончарной керамики. (Черепки с неполным окислительным обжигом имеют трехслойный излом с серой, темно-серой или черной полосой внутри; обжиг неопределим из-за следов бытового использования – «кухонного копчения».)

Группы керамики	Обжиг		
	Окислительный неполный	Окислительный полный	Неопределим
Из красножгущегося теста, %	71,35	6,25	22,4
Из красножгущегося теста с ангобом, %	80,77	7,7	11,53
Из беложгущегося теста, %	47,86	27,35	24,79

Таблица 7. Обмеры реконструированных древнерусских горшков (Д – максимальный диаметр тулова; Дв – диаметр по венчику; Дд – диаметр днища; Дш – диаметр шейки; Н – высота; Нш – высота шейки; Нт – высота максимального расширения тулова).

Колл. №	Группа керамики	Венчик	Д (мм)	Дв (мм)	Дд (мм)	Дш (мм)	Н (мм)	Нш (мм)	Нт (мм)
74	Красножгущаяся	Г12	227	200	102	179	223	207	161
75	Красножгущаяся	Бд8	186	165	94	152	195	160	128
76	Беложгущаяся	Г12	256	220	102	196	253	236	170

Среди орнаментированных обломков основную массу составляют образцы с линейным орнаментом, на втором месте по встречаемости – отпечатки штампа. Волнистым (либо линейным и волнистым) орнаментом украшено очень небольшое количество фрагментов (более 3/4 из них имеют многорядную волну, нанесенную инструментом типа гребенки). Единичные обломки орнаментированы тычками либо комбинацией тычков и прокатанного колесиком штампа. Около половины сосудов имеет окислительный неполный обжиг, более четверти – окислительный полный. Форма одного горшка была полностью реконструирована (рис. 8; табл. 7).

Формы венчиков древнерусской керамики отличаются разнообразием (табл. 8). Более 40% всех сосудов (136 шт.) имели венчики с завернутым внутрь черновым краем, образующим валик округлого сечения (иногда – дополнительно профилированный) – по Н.Н. Грибову типологическая группа краевых окончаний IV, тип краевого окончания 12 (Грибов, 2006. С. 66, 83, 84. Рис. 1, 2). Это венчики так называемого общерусского типа. В материалах раскопа среди них присутствуют 70 образцов (20,9%; рис. 2, 1–20; рис. 7, 1–16; рис. 6, 1–5) с сильным отгибом щеки наружу (располагающейся почти горизонтально) – форма горловины Г, разновидность Г12 (Грибов, 2006. С. 65, 66, 83. Рис. 1). 61 сосуд (18,2%; рис. 2, 21–36; рис. 7, 17–27) имел менее выраженный отгиб щеки (соответствующий раструбообразной горловине, отогнутой от оси вращения под углом близким к 45° – форма В) – разновидность В12. Пять горшков характеризуются практически вертикальной цилиндрической горловиной (форма Б) – разновидность Б12 (1,5%; рис. 2, 37; рис. 7, 28).

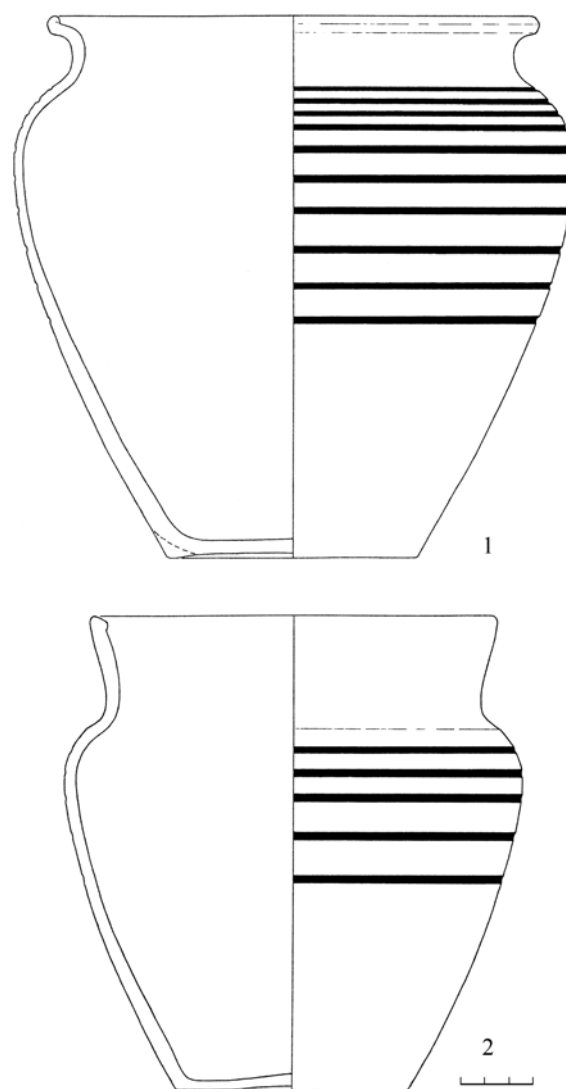

Рис. 5. Древнерусские горшки из красножгущегося теста (район с. Карачарово)
1 – колл. № 74 (табл. 7), 2 – колл. № 75 (табл. 7)

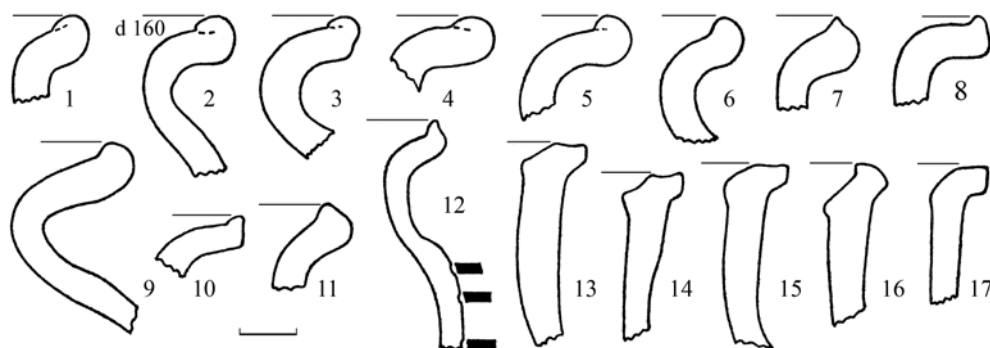

Рис. 6. Разновидности форм венчиков древнерусской керамики из красножгущегося теста со светлым ангобом (район с. Карачарово)
1–5 – Г12; 6–10 – Г11; 11, 12 – В11; 13–17 – Бд

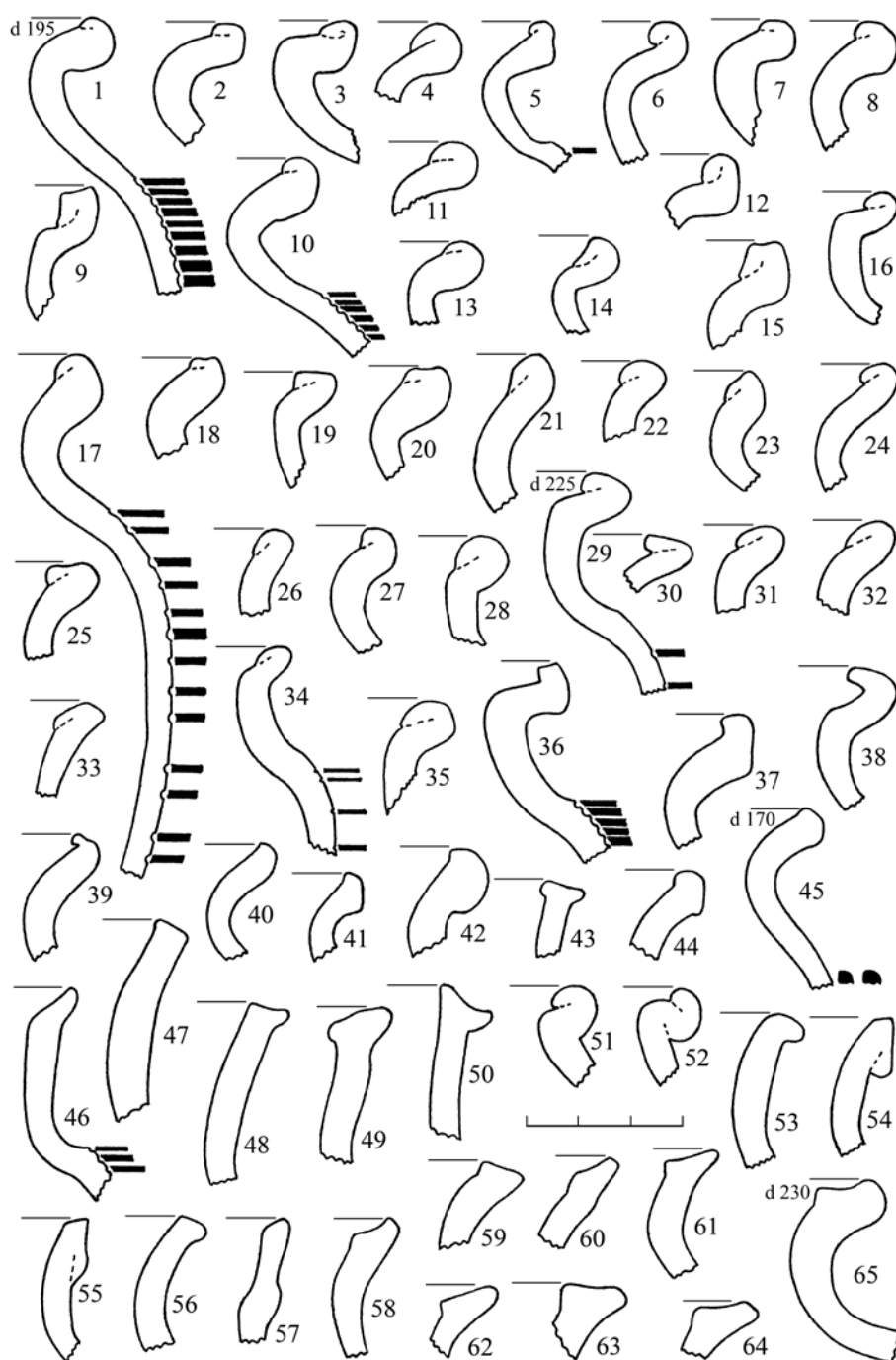

Рис. 7. Разновидности форм венчиков древнерусской керамики из беложгущегося теста (район с. Карачарово)

1–16 – Г12; 17–27 – В12; 28 – В12; 29, 30 – Г13; 31–33 – В13; 34, 35 – В13; 36, 37 – Г11; 38–40 – В11; 41, 42 – В14.1; 43 – В14.3; 44, 45 – В14.2; 46–50 – Бд; 51 – А15; 52 – В15; 53 – В16; 54, 55 – В17; 56 – В6; 57 – В8; 58–62 – В8; 63–65 – В10

Верхние части 16 сосудов (4,8%; рис. 2, 38–42; рис. 7, 29–35), сохраняя технологическую близость венчикам «общерусского типа», имеют губу подовального сечения (ширина внутреннего валика у них заметно превосходит толщину губы, иногда он уплощен) – тип краевого окончания 13. Преобладают среди них сосуды с раструбообразной горловиной – разновидность В13 (2,7%). Стоит отметить,

что все венчики с типом губы 13 были найдены только в верхнем горизонте культурного слоя (в слое 2 стратиграфической колонки раскопа). Около одной шестой (17%, 57 экз.) всех сосудов имели венчики типологической группы краевых окончаний III, соответствующие типу губы 11, – край их отогнут внутрь, как правило, под тупым или прямым углом к щеке, образуя невысокий (в подавляющем

Таблица 8. Распределение форм венчиков в различных группах древнерусской гончарной керамики. (Форма горловины – значение отгиба щеки относительно продольной оси изделия.)

Разновидность формы венчика		Группа древнерусской керамики, % (количество сосудов)			Всего, % (количество сосудов)
Тип краевого окончания (губы)	Форма горловины	из красножгущегося теста	из красножгущегося теста с ангобом	из беложгущегося теста	
12 («общерусского типа»)	Г	16,15 (31)	26,92 (7)	27,35 (32)	20,89 (70)
	В	15,62 (30)	3,85 (1)	25,64 (30)	18,21 (61)
	Б	1,56 (3)	–	1,71 (2)	1,49 (5)
	Всего	33,33 (64)	30,77 (8)	54,7 (64)	40,59 (136)
13	Г	1,04 (2)	–	1,71 (2)	1,19 (4)
	В	2,08 (4)	–	4,27 (5)	2,69 (9)
	Б	–	–	2,56 (3)	0,90 (3)
	Всего	3,13 (6)	–	8,55 (10)	4,78 (16)
11	Г	8,85 (17)	30,77 (8)	3,42 (4)	8,66 (29)
	В	9,90 (19)	11,54 (3)	3,42 (4)	7,76 (26)
	Б	0,52 (1)	3,85 (1)	–	0,60 (2)
	Всего	19,27 (37)	46,15 (12)	6,84 (8)	17,02 (57)
14	Г	3,13 (6)	–	–	1,79 (6)
	В	11,46 (22)	–	3,42 (4)	7,76 (26)
	Б	0,52 (1)	–	0,85 (1)	0,60 (2)
	Всего	15,10 (29)	–	4,27 (5)	10,15 (34)
венчики от «горшков-кринок» (типы губы 6, 7, 8, 10; отгиб щеки Бд, Вд)		8,33 (16)	23,08 (6)	5,13 (6)	8,36 (28)
15 «двойной отгиб»	В	0,52 (1)	–	–	0,30 (1)
	Б	2,60 (5)	–	0,85 (1)	1,79 (6)
	А	–	–	0,85 (1)	0,30 (1)
	Всего	3,13 (6)	–	1,71 (2)	2,39 (8)
16	В	1,04 (2)	–	0,85 (1)	0,90 (3)
	Б	–	–	0,85 (1)	0,30 (1)
	Всего	1,04 (2)	–	1,71 (2)	1,19 (4)
17	В	0,52 (1)	–	–	0,30 (1)
	Б	–	–	1,71 (2)	0,6 (2)
18	В	1,56 (3)	–	0,85 (1)	1,19 (4)
	Б	1,04 (2)	–	–	0,60 (2)
	Всего	2,60 (5)	–	0,85 (1)	1,79 (6)
1	Г	0,52 (1)	–	–	0,30 (1)
	В	–	–	0,85 (1)	0,30 (1)
2	В	4,17 (8)	–	–	2,39 (8)
4	В	0,52 (1)	–	–	0,30 (1)
6	В	0,52 (1)	–	0,85 (1)	0,60 (2)
7	В	0,52 (1)	–	–	0,30 (1)
	Б	1,04 (2)	–	–	0,60 (2)
8	В	0,52 (1)	–	4,27 (5)	1,79 (6)
	Б	1,56 (3)	–	1,71 (2)	1,49 (5)
	Всего	2,08 (4)	–	5,98 (7)	3,28 (11)
10	В	1,04 (2)	–	3,42 (4)	1,79 (6)
	Б	0,52 (1)	–	–	0,30 (1)
	Всего	1,56 (3)	–	3,42 (4)	2,09 (7)

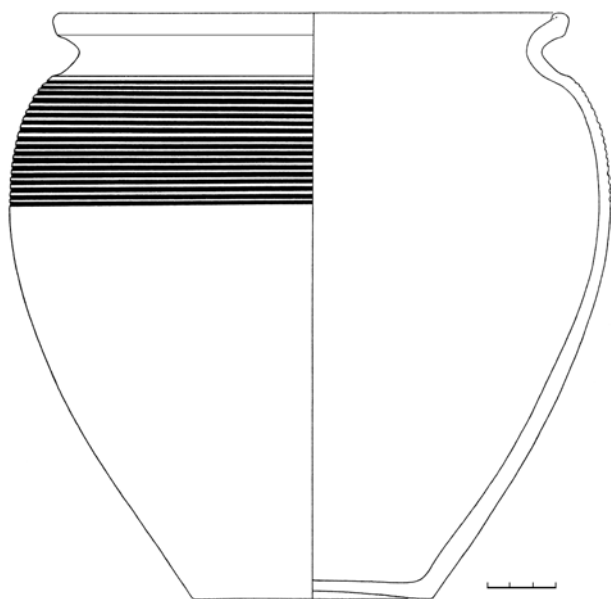

Рис. 8. Древнерусский горшок из беложгущегося теста (район с. Карачарово) – колл. № 76 (табл. 7)

большинстве случаев) бортик или валик, без наложения отогнутой глинистой массы на внутреннюю поверхность горловины (в отличие от типа губы 12). Преобладают среди них венчики разновидностей Г11 (рис. 3, 1–14; рис. 7, 36–37; рис. 6, 6–10) и В11 (рис. 3, 15–23; рис. 7, 38–40; рис. 6, 11–12). Значительную часть комплекса (10,2%, 34 сосуда; рис. 3, 25–47; рис. 7, 41–45) составляют венчики, имеющие наплывы с внутренней и наружной стороны – тип губы 14 (разновидности В14, Г14 и Б14, с преобладанием первой). При их формовке применялись заглаживание с усилием с внешней стороны черного края сосуда (по направлению вниз) и отгиб верхней части края внутрь, либо заглаживание с усилием черного края по двум направлениям – наружу и внутрь (относительно его продольной оси). В результате этих операций и формировались наружный и внутренний наплывы глинистой массы. Заметную долю в комплексе (8,4%, 28 экз.; рис. 2, 43–51; рис. 7, 46–50; рис. 6, 13–17) имеют горшки с высокими венчиками, «цилиндрическими» или в виде «низкой конической воронки» (Коваль, 1996. С. 107), соотносимые некоторыми исследователями с «горшками-кринками» (Стрикалов, 2006. С. 49–50) – разновидности Бд и Вд по Н.Н. Грибову (2006. С. 65, 66, 79. Табл. 2). Краевые окончания у них, в основном, оформлены разнообразными операциями нажима (типологическая группа краевых окончаний II, типы губы 6, 7, 8, 10) (Грибов, 2006. С. 83, 84. Рис. 1, 2).

Рассмотренные выше наиболее часто встречающиеся разновидности составляют основной

массив сосудов (80,9%, 271 экз.). Стоит отметить, что общая доля указанных форм среди венчиков сосудов древнерусской керамики из красножгущегося теста (79,2%) почти полностью аналогична данной характеристике для группы горшков из беложгущейся глины (79,5%). Все венчики сосудов из красножгущегося теста со светлым ангобом по поверхности находятся в пределах этого же набора форм. Состав наиболее часто встречающихся разновидностей в группах древнерусской керамики из красножгущегося и беложгущегося теста также почти совпадает (за единичными исключениями).

Другие формы венчиков встречены реже. Восемь сосудов (2,4%; рис. 3, 48–51; рис. 7, 51–52) имеют венчики, оформленные путем заворота черного края внутрь, но таким образом, что с внешней стороны образовывался наплыв-валик (типологическая группа краевых окончаний V – двойной отгиб) (Грибов, 2006. С. 84. Рис. 2), соответствующие типу губы 15; среди них – разновидности Б15 (преобладает), В15, А15. Венчики четырех сосудов (1,2%; рис. 4, 7, 8; рис. 7, 53) оформлены отгибом края наружу (типологическая группа краевых окончаний VI, тип губы 16), без наложения глинистой массы на внешнюю поверхность горловины – разновидности В16, Б16. Венчики девяти горшков (2,7%) имеют валик с внешней стороны (типологическая группа краевых окончаний VII), образованный путем заворота черного края наружу с наложением его на внешнюю поверхность венчика (разновидности Б17 и В17–3 сосуда, 0,9%; рис. 4, 9; рис. 7, 54–55) либо сформированный заглаживанием с усилием по направлению от оси вращения сосуда (разновидности В18 и Б18–6 экз., 1,8%; рис. 4, 10–11). Краевые окончания 10 (3%) горшков сформованы заглаживанием без усилия по направлению к оси вращения сосуда (типологическая группа краевых окончаний I). Как правило, в результате этой операции с внутренней стороны венчика образовывался небольшой наплыв (разновидность В2–8 сосудов, 2,4%; рис. 4, 2–6). Разновидности без наплыва – Г1 и В1 (по одному экз., всего 0,6%; рис. 4, 1). Венчик одного горшка (0,3%) был оформлен операцией среза – разновидность В4. Губы 23 сосудов (6,9%; рис. 4, 12–19; рис. 7, 56–65) оформлены нажимами разной направленности на различные участки черного края (типологическая группа краевых окончаний II) в сочетании с прямыми вертикальными или раструбообразными горловинами; среди них представлены типы губ 6 (разновидность В6–2 горшка, 0,6%), 7 (разновидности Б7 и В7–3 экз., 0,9%), 8 (разновидности

В8 и Б8–3,3%, 11 сосудов, в том числе 1 корчага), 10 (разновидности В10 и Б10–7 экз., 2,1%). Подавляющее большинство таких сосудов (19 экз.) встречено в верхнем горизонте культурного слоя, значительная их часть, вероятно, относилась к керамике не местного изготовления (что будет рассмотрено ниже).

Основные группы древнерусской посуды – из красножгущегося и беложгущегося теста – обладают признаками самостоятельных технологических традиций изготовления керамики. Прежде всего, это использование разных видов сырья (ожелезненная и неожелезненная глина), требующих различных температурных режимов обжига. У белоглиняной керамики из раскопа существенно выше процент полного окислительного обжига (27% сосудов, а у красноглиняной – 6%) и доля посуды без видимых примесей в формовочной массе (соответственно 6% и 1%; здесь, однако, необходимо отметить, что 2 сосуда из «слабоожелезненной» глины – половина встреченных – имели тонкое тесто). Другой технологической характеристикой, отличающей их друг от друга, является характер преобладающей подсыпки под днища сосудов (у красноглиняной в 92,4% случаев это зола, у белоглиняной в 80,9% – песок). Существенны различия по способу нанесения наиболее распространенного орнамента – линейного: у красноглиняной керамики на 97,8% стенок сосудов с определенным типом линейного орнамента он нанесен инструментом с одним рабочим концом, у белоглиняной керамики большая часть определенных образцов (56,7%) орнаментирована инструментом с несколькими рабочими концами (типа гребенки). Подобная ситуация наблюдается и у фрагментов с волнистым орнаментом.

Отличается по этим большим группам древнерусской керамики и процентное соотношение наиболее часто встречаемых форм венчиков (табл. 8). У керамики из красножгущейся глины существенно выше доля горшков с типами губы 11 и 14, и из-за этого занижена доля венчиков так называемого общерусского типа, составляющих, тем не менее, ровно треть от всех учтенных красноглиняных сосудов (от белоглиняных – 54,7%). Интересно, что по процентному соотношению сосудов с различными разновидностями венчиков «общерусского типа» (Г12, В12 и Б12) и красноглиняная, и белоглиняная группы древнерусской керамики имеют почти полностью одинаковые показатели. Несколько выше у красноглиняной посуды доля так называемых горшков-кринок – 8,3% (у белоглиняной – 5,1%). Среди белоглиняной керамики значительно

чаще, чем среди красноглиняной, встречены сосуды с типом краевого окончания 13 (соответственно 8,5% и 3,1%). У белоглиняных горшков общая доля венчиков с краевыми окончаниями морфологически близких типов 8 и 10 составляет 9,4%, что ставит их в целом на второе место по встречаемости (чего совершенно не наблюдается в красноглиняной керамике). Еще одним исключением (относительно общего набора наиболее встречаемых форм венчиков древнерусской керамики) является разновидность В2, составляющая заметную долю (4,2%) красноглиняных сосудов и вообще не выявленная среди белоглиняных.

Возможно, все эти отличия отчасти имеют хронологический характер, хотя в целом не фиксируется стратиграфических закономерностей в распределении рассмотренных выше различающихся (для основных керамических групп раскопа) показателей. Важной информацией является прослеженное в культурном слое раскопа возрастание процента древнерусской белоглиняной керамики снизу вверх (табл. 1). Однако уже в нижнем, перекрывающем материк горизонте культурного слоя ее не менее 20%. Кроме того, все определенные изменения во времени изменения в характеристиках данного комплекса, которые удалось выявить, связаны с появлением в нем на позднем этапе венчиков с типом губы 13 и, предположительно, привозной керамики (последнее будет отмечено отдельно), а также – с существенным увеличением тогда же количества сосудов с краевыми окончаниями, оформленными разнообразными нажимами.

С другой стороны, существуют данные, сближающие две основные группы древнерусской керамики. Так, у красноглиняной и белоглиняной посуды в целом почти совпадает состав набора наиболее часто встречающихся разновидностей форм венчиков, что уже отмечалось выше. Кроме того, эти группы имеют очень близкое процентное соотношение сосудов с примесью основных выделенных фракций песка (с размерами зерна до 1 мм, 1–2 мм и более 2 мм) в формовочной массе (табл. 2). При группировке образцов с песчаной примесью (характерной для древнерусской посуды Среднего Поочья с XI в.) (Стрикалов, 2006. С. 66, 127–129, 132–133) по используемым для керамики Старой Рязани характеристикам теста (Стрикалов, 2006. С. 60–61) эта близость прослеживается еще более наглядно (табл. 9). Сосуды с примесью песка указанных фракций составляют основной массив среди красноглиняной и белоглиняной древнерусской керамики из раскопа в районе с. Карачарово – соответственно 86,5%

Таблица 9. Распределение сосудов с примесью песка (за исключением плохоокатанного) по используемым И. Ю. Стрикаловым для керамики Старой Рязани характеристикам теста в различных группах древнерусской гончарной посуды из района с. Карачарово.

Группы керамики	«Среднегрубое» тесто (примеси не более 0,5 мм)	«Грубое» тесто (примеси 0,5–2 мм)	«Очень грубое» тесто (примеси не менее 2 мм)
Из красножущегося теста, % от общего количества сосудов группы	46,88	38,54	1,04
Из красножущегося теста, с ангобом, % от общего количества сосудов группы	65,38	34,62	–
Из беложущегося теста, % от общего количества сосудов группы	44,46	38,45	0,85

и 83,8% (у всей красноглиняной посуды с ангобом зафиксированы только такие примеси). Все это свидетельствует, скорее всего, о цельности рассматриваемого комплекса древнерусской керамики, изготовлении основной массы всех найденных сосудов в пределах единой территории. Приведенные выше данные отражают значимую степень общности имевшихся здесь у гончаров навыков и приемов (реализовавшихся, тем не менее, в рамках двух различных традиций), а также предпочтения местного населения в использовании сосудов с определенными формами венчиков, по-видимому, на относительно непродолжительный период времени. Свидетельством единовременного сосуществования здесь традиций изготовления посуды из красножущейся и беложущейся глины является и присутствие в комплексе относительно немногочисленной группы древнерусской керамики из красножущегося теста со светлым ангобом (которую можно рассматривать как «подражание» белоглиняным сосудам). Эта группа по многим технологическим и морфологическим характеристикам близка наиболее распространенной на раскопе неангобированной красножущейся керамике.

Комплекс индивидуальных находок из раскопа предварительно датируется в рамках второй половины XII – первой половины XIII в. Можно также попытаться датировать коллекцию древнерусской гончарной посуды из района с. Карачарово, рассмотрев возможные аналогии с керамическими материалами других территорий, в основном из соседствующих со средневековым Муромом городских центров и их округ. Венчики «общерусского типа» были широко распространены на всей территории Руси в XII–XIII вв. По материалам Старой Рязани И. Ю. Стрикалов выделяет их как тип 8 (Стрикалов, 2006. С. 95), разделяя его разновидности на сильнопрофилированные (подтипы 8 А и 8 Б) и слабопрофилированные

(подтипы 8 В–Д) и относя время преобладания первых ко второй половине XII в., а вторых – к рубежу XII–XIII вв. (Стрикалов, 2006. С. 96, 149). Разновидность Г12 (по Н. Н. Грибову) морфологически аналогична подтипам 8 А–Б из Старой Рязани, а разновидности В12 и Б12 – подтипам 8 В–Д (сильнопрофилированные и слабопрофилированные формы представлены на раскопе в районе с. Карачарово в равных долях). В. Ю. Коваль отмечает, что сильнопрофилированные венчики «общерусского типа» датируются обычно XII–XIII вв., но наиболее характерны для XII в. и могут служить хроноиндикатором домонгольской эпохи – ХИВ-2 (Коваль, 1996. С. 107, 108). Венчики другой часто встречающейся в материалах раскопа формы – с краевым окончанием типа 11 (по Н. Н. Грибову) технологически отчасти близки типу 6 рязанской керамики. Но при этом первые в целом отличаются от последних морфологически – абсолютное большинство собранных в раскопе венчиков разновидностей Г11 и В11 имеет очень небольшой краевой отгиб (зачастую – утонченный; как правило, по своей длине меньший или равный толщине стенки горловины). В Старой Рязани керамика типа 6 преобладала в комплексах первой половины XII в., И. Ю. Стрикалов отмечает, что постепенное сокращение бытования керамики этого типа в Рязанской земле в середине XII в. совпало по времени с появлением новой, «общерусской» традиции (Стрикалов, 2006. С. 93, 149). В Нижнем Новгороде и на средневековых памятниках его округа разновидность Г11 характерна для комплексов середины XIII – начала XIV в. (вычленив более ранние комплексы – от времени основания города, т. е. с 20-х годов XIII в. – пока нет возможности), а разновидность В11 – до середины XIV в. (Грибов, 2006. С. 79, 89. Табл. 2. Рис. 7). Разновидности венчиков с типом губы 14 (по Н. Н. Грибову) морфологически близки типам 3 и 7 рязанской керамики (с каждым из этих типов с большим

или меньшим приближением можно соотнести почти половину сосудов указанных разновидностей из рассматриваемой керамической коллекции). Правда, среди красноглиняной керамики из раскопа около трех четвертей венчиков, похожих по формальным признакам на рязанский тип 7 (они относятся к разновидностям В14.1 и Г14.1 по Н.Н. Грибову), изготовлены, по видимому, по более упрощенной технологии (все-го одной операцией, формирующей одновременно два глиняных наплыва на губе – рис. 3, 25–26, 29–33; такие венчики по форме близки разновидностям Г11 и В11). Бытование типа 7 датируется концом XI–XII в. (Стрикалов, 2006. С. 95). Так называемые горшки-кринки в Старой Рязани исчезают из обихода к середине XIII в. (их доля в древнерусской керамике составляла там в начале XIII в. 5%) (Стрикалов, 2006. С. 102). В Ростиславле Рязанском данная группа венчиков является хроноиндикатором XII в. (ХИВ-1), их доля в комплексах первой половины XIII в. также резко падает (Коваль, 1996. С. 107, 109). В Нижнем Новгороде и его округе такие горшки встречаются очень редко, характеризуя исключительно наиболее ранние комплексы середины XIII – начала XIV в. (Грибов, 2006. С. 79, 89. Табл. 2. Рис. 7). Керамика с типом губы 13 (по Н.Н. Грибову) морфологически близка типу 11 старорязанской керамики, относящемуся там и в Переяславле Рязанском к формам венчиков, характерных для XIII – середины XIV в. (Стрикалов, 2006. С. 100, 101, 104); В.Ю. Коваль отмечает, что в Ростиславле Рязанском уже во второй половине XII в. сильно отогнутые венчики с черновым краем, завернутым внутрь в виде округлого валика, не являлись доминировавшими, отходя на второй план перед формами с уплощенным, овальным в сечении валиком (Коваль, 2004. С. 84). В Нижнем Новгороде и его округе разновидность В13 была широко и массово распространена в середине XIII – начале XV в. (Грибов, 2006. С. 79, 89–91. Табл. 2. Рис. 7–9). Разновидности с краевым окончанием типа 15 (по Н.Н. Грибову), встречающиеся на раскопе редко, близки венчикам типа 9 из Старой Рязани (Стрикалов, 2006. С. 97–99) и типа 3/1 из Ростиславля Рязанского (Коваль, 2004. С. 60), появившимся на Средней Оке (в Старой Рязани) еще в предмонгольскую эпоху и достаточно широко распространившимся во второй половине XIII–XIV в. (Коваль, 1996. С. 108; 2004. С. 80; Стрикалов, 2006. С. 99). В Старой Рязани пик распространения типа 9 зафиксирован в начале XIII в., причем в комплексе рубежа XII–XIII вв. его доля составляла уже 8,2%

от выявленных форм, а в комплексах первых десятилетий XIII в. возрастает до 1/3 (Стрикалов, 2003. С. 378, 380). В Нижнем Новгороде и его округе такие венчики составляют весьма значительную часть в комплексах середины XIII – начала XIV в. (Грибов, 2006. С. 79, 89. Табл. 2. Рис. 7).

Штампованная орнаментация (прокаткой зубчатого колесика) к началу XIII в. полностью выходит из употребления во всем Поокском регионе (Коваль, Хижняков, 2005. С. 166), в самых ранних комплексах Нижнего Новгорода и его округи такой орнамент еще встречается на небольшом количестве фрагментов сосудов (Грибов, 2006. С. 80. Табл. 4).

Керамика из беложгущейся глины в Старой Рязани стала широко использоваться на рубеже XII–XIII вв. Ее изготовление являлось характерной чертой гончарных традиций Среднего и Верхнего Поочья XIII–XIV вв. (Стрикалов, 2006. С. 129). Начало проникновения этой традиции на Среднюю Оку относится исследователями к периоду около середины XII в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 177). В Старой Рязани переход к белой глине первоначально вызвал даже некоторое огрубление примесей («грубое» и «среднегрубое» тесто с песчаными примесями) – белоглиняная керамика с такими отошителями бытовала там только в первые десятилетия XIII в. (Стрикалов, 2006. С. 129). В.Ю. Коваль предлагает называть такую посуду «керамикой поокского типа» (Коваль, 2003. С. 157, 164, 165). В Ростиславле Рязанском в первой половине XIII в. треть посуды изготавливалась из беложгущихся глин (исключительно с примесью песка до 1 мм), не применявшихся столь широко ни в более раннее время, ни позднее (Коваль, 1996. С. 109). Белоглиняная керамика также известна в домонгольский период в Верхневолжском регионе. В Торжке в XIII в. она стала доминирующим типом керамики, бытовала в Твери (Коваль, Хижняков, 2005. С. 178). Значительная серия верхневолжских белоглиняных сосудов происходит с городища Варварина Гора на Валдайской возвышенности (Буров, 2003. Рис. 139–142). На Верхней Волге при ее изготовлении использовались более разнообразные отошители (Кобозева, 1997. С. 107–122), чем в Поочье, – песок, плохоокатанный песок, дресва. На памятниках северо-восточных и восточных окраин Владимиро-Суздальской Руси (Городец на Волге, Нижний Новгород и их округи) древнерусская белоглиняная керамика присутствует лишь в относительно небольших количествах и совершенно не характерна для местного производства (Грибов, 2009. С. 328). Абсолютно

преобладающая ее доля, скорее всего, имеет верхневожское происхождение.

На Ростиславле Рязанском в некоторых комплексах второй половины XII в. встречена в небольшом количестве красноглиняная керамика, внешняя поверхность которой покрывалась слоем белого ангоба (Коваль, 2004. С. 77).

Таким образом, учитывая возможные аналогии, наиболее вероятным представляется формирование комплекса древнерусской керамики из раскопа в районе с. Карачарово в рамках второй половины XII – первой половины XIII в. (что подтверждает и датировка по индивидуальным находкам).

В коллекции древнерусской посуды из раскопа выделяется относительно небольшое количество керамики с грубыми примесями плохоокатанного песка и дресвы (среди красноглиняных сосудов – 12%, 23 экз.; среди белоглиняных – 10,2%, 12 шт.). Формовочные массы этих образцов ни в одном случае не содержали включений минеральных обломков белого цвета, охры (?), сухой глины, органики, периодически встречавшихся в керамике с отощенным песком тестом. При этом почти все красноглиняные сосуды (22 экз.) с примесями дресвы или плохоокатанного песка с дресвой происходят из верхнего горизонта культурного слоя (слой 2); 13 из них имеют венчики «общерусского типа» (Г12–7 сосудов, В12–6 горшков; рис. 2, 4, 7, 8, 12, 13, 15, 28) и два относятся к разновидностям Б15 и В15 (рис. 3, 48). Остальные формы представлены единичными образцами (в том числе – три горшка с венчиками разновидностей В7, В8 и В10, оформленными нажимами – рис. 4, 14, 19). Возможно, это посуда, привезенная из соседних с Муромом земель, где примесь дресвы в древнерусской керамике являлась традиционной (к примеру, из района Городца на Волге и Нижнего Новгорода). Среди белоглиняной керамики нет сосудов с примесью исключительно дресвы. Оба встреченных белоглиняных горшка с венчиками разновидности

Б17 имеют грубые отошители (плохоокатанный песок, плохоокатанный песок и дресву). Обращают на себя особое внимание семь белоглиняных сосудов с грубыми примесями плохоокатанного песка и дресвы (5 образцов) или только плохоокатанного песка (2). Шесть из них происходят из верхнего горизонта культурного слоя. Эти горшки имеют венчики морфологически близких разновидностей В8.2 а (3 шт. – рис. 7, 60–62) и В10.2 а (4 экз. – рис. 7, 63–65) и напоминают своей профилировкой древнерусскую белоглиняную керамику с Верхней Волги (Буров, 2003. С. 343. Рис. 142), а вероятно, и были доставлены оттуда.

По результатам работы с древнерусской керамикой из раскопа в районе с. Карачарово достаточно четко обозначились основные черты рассмотренного комплекса. Его облик формируется присутствием значительной доли сосудов из беложгущейся глины при преобладании красноглиняной посуды и наличии небольшого количества ангобированной керамики. Основной массив комплекса образовался в условиях сосуществования уже сложившихся различных технологических традиций изготовления керамики, имеющих стабильные культурные связи друг с другом (что очень рельефно проявляется в основных предпочтениях форм венчиков, едином наборе рецептур отошения формовочной массы с доминированием песчаной примеси). Это позволяет говорить о культурной и территориальной цельности данного массива. По-видимому, в поздний период существования поселения этот комплекс был несколько дополнен образцами гончарной посуды, привезенной из других регионов Северо-Восточной Руси.

Представленные выше материалы указывают на близость рассматриваемого керамического комплекса к гончарным традициям Среднего Поочья и дают возможность предварительно датировать его в пределах второй половины XII – первой половины XIII в.

Литература

Бобринский А. А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.

Буров В. А., 2003. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.

Грибов Н. Н., 2003. Операционно-морфологическая систематизация венчиков древнерусской

керамической посуды // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород.

Грибов Н. Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород. Вып. 10.

Грибов Н. Н., 2009. Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода // АП. Вып. 5. М.

Кобозева Е. В., 1997. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском Кремле // ТТЗ. Вып. 2. Тверь.

Коваль В. Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Тр. МИГМ. Вып. 9. М.

Коваль В. Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.

Коваль В. Ю., 2003. Новые данные о древнерусской керамике Рязанской земли // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.

Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М.

Коваль В. Ю., Хижняков О. И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // АП. Вып. 2. М.

Майорова Е. В., 2012. Отчет о проведении охранных археологических исследований на участке строительства котельной и реконструкции объектов теплоэнергетики по адресу: Владимирская область, г. Муром, в/г 23 (шифр 97/939–8) (между ул. Кирова и ул. Овражная) в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН. Р-1.

Стрикалов И. Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.

Стрикалов И. Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. / Дисс. ... канд. ист. наук. М.

I. S. Anikin

Ceramic deposit nearby the ancient Russian city of Murom at the Karacharovo village

Summary

The article dwells upon features of an assemblage of mediaeval ceramics from a settlement on the left bank of the Oka River excavated in 2010. It comprises various kinds of ancient Russian pottery made of red

and white clay. This ceramics belongs to pottery tradition of the Middle Oka area and, according to preliminary studies, dates to the period of the second half of the 12th – the first half of the 13th century.

И. Н. Васильева

**Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии
второй половины XIII–XIV века Самарского Поволжья
и некоторых северо-восточных русских земель**

Во второй половине XIII – XIV в., после образования государства Золотой Орды и превращения Поволжья в домен золотоордынских ханов произошло резкое изменение этнокультурного состава населения данного региона. В Поволжье, ставшее административным центром огромной державы, из всех захваченных стран свозились ремесленники, руками которых осуществлялась активная градостроительная политика ханов и создавалась синкретическая, яркая и своеобразная золотоордынская культура (*Федоров-Давыдов*, 1966). Бассейн Волги, от территории бывшей Волжской Болгарии до низовьев, являлся зоной сплошного распространения оседлости. Здесь находилось самое большое количество различных по величине населенных пунктов Золотой Орды – городов и поселков (*Егоров*, 1985. С. 94). Значительную часть их населения составляли русские (*Полубояринова*, 1978).

Самарское Поволжье не было исключением. К настоящему времени по результатам археологического исследования оконтурено три микрорайона золотоордынского периода (второй половины XIII – XIV в.) (рис. 1).

1. Самарская Лука и побережье Волги, где находились поселки разноэтничного населения: болгар, русских, мордвы и тюркских кочевников. Новое население появилось здесь после монгольского нашествия, в основном принудительным путем, для выполнения обязанностей, связанных с обустройством и обеспечением Волжского торгового пути, переволокой и переправой судов.

2. Бассейн рек Кондурчи, Сок, Б. и М. Кинелей был заселен болгарским населением, оставшимся после разгрома Волжской Болгарии и ушедшим в отдаленные от Волги районы.

3. Степные районы Самарской области и побережье р. Самары являлись зоной расселения тюркских кочевников, часть которых оседала на землю и осваивала долины р. Самары (*Васильева*, 2000).

Обращает на себя внимание тот факт, что русская керамика (основной индикатор материальной культуры русского населения) пока не известна в двух последних микрорайонах. Отмечается определенная неравномерность расположения поселков с русским населением и в первом микрорайоне. На левом берегу р. Волга известно всего три поселения, в культурном слое которых обнаружена русская керамика: Постников овраг, Барбашинское (территория г. Самары) и Кануевское (Безенчукский район) (*Кузнецова, Скупова*, 1987; *Кочкина*, 2003). Основным районом проживания русского населения было правобережье Волги и Самарская Лука: Междуреченское городище, поселения Малая Рязань, Березовка, Печерские Выселки, Рубленое озеро, Муранка и др. Несомненно, он был связан с местами, удобными для переправ и транспортировки судов по Волге, в частности для сокращения речного пути с помощью переволоки кораблей к р. Усе, течение которой в этом месте противоположно течению р. Волги. Специфика географического расположения поселков указывает на планомерный характер заселения приволжского района в XIII в., обусловленный целенаправленной политикой золотоордынских ханов.

В целом, письменные свидетельства и археологические источники достаточно ясно раскрывают причины и характер распространения новых групп населения в Самарском Поволжье: появление поселков с разноэтничным населением

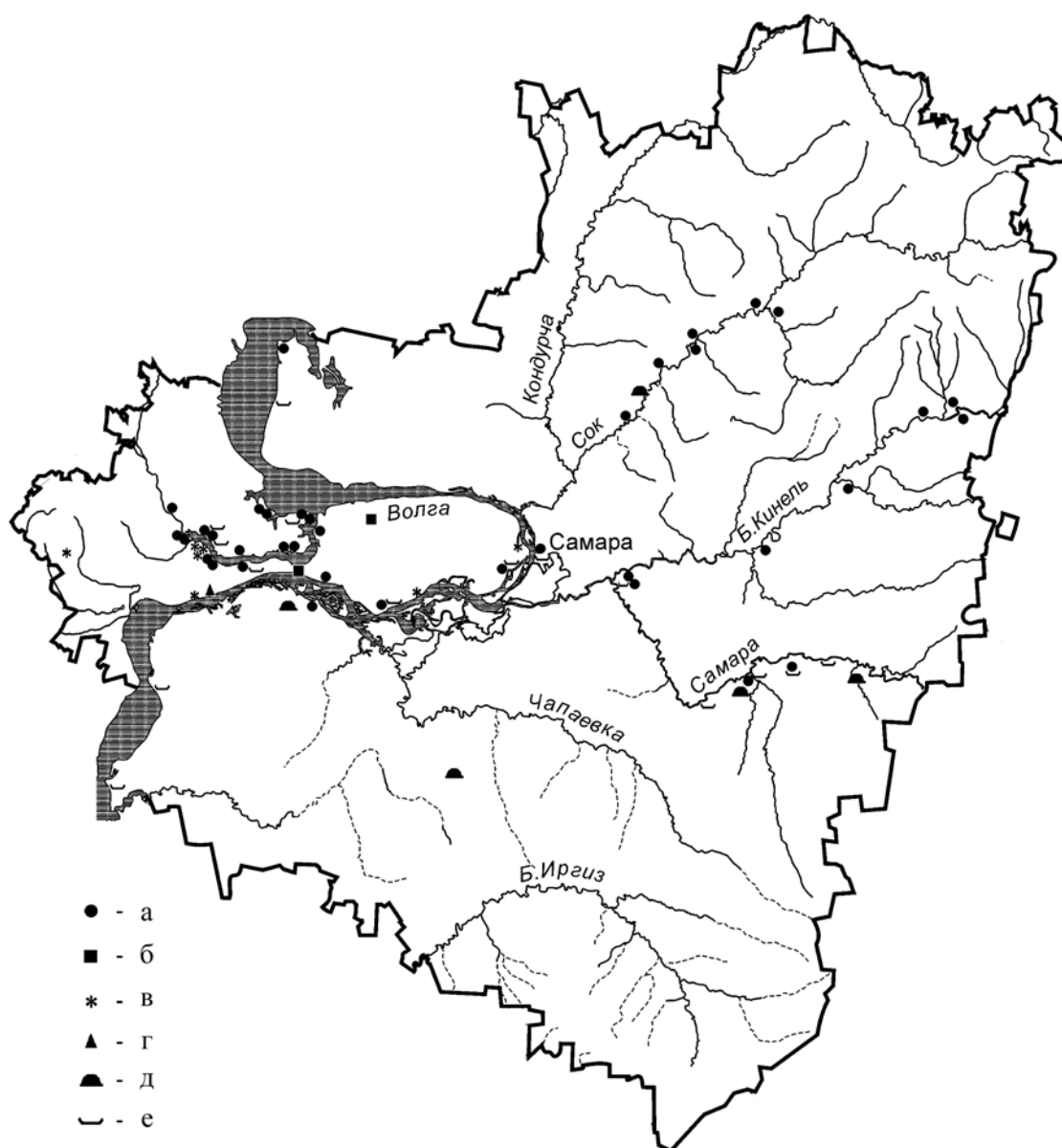

Рис. 1. Золотоордынские памятники Самарского Поволжья
 а – поселение, б – городище, в – клад, г – надгробие из камня,
 д – курганный могильник, е – грунтовый могильник

в середине XIII в. являлось результатом насильственного перемещения пленников из соседних покоренных стран с целью заселения южных земель Волжской Болгарии, опустевших после татаро-монгольского завоевания, и необходимых для обслуживания важного участка Волжского торгового пути. Самый южный домонгольский болгарский город-крепость «Муромский городок», расположенный на Самарской Луке, лежал в развалинах и более не восстанавливался (Матвеева, Кочкина, 1998). По-видимому, переселение новых групп населения в Самарское Поволжье было не одноразовым событием, оно

продолжалось в течение всего золотоордынского периода. Русские летописи свидетельствуют о массовом угоне жителей Руси в Орду во время набегов, карательных походов, об уводе в рабство из-за недоимок в течение всего татаро-монгольского ига (Полубояринова, 1978).

Слабо разработан вопрос об истоках миграций, исходных территориях, откуда произошло перемещение значительных масс русского населения на территорию Самарского Поволжья. Впервые он был поставлен А. Е. Алиховой в статье, посвященной публикации материалов поселка Березовка: «Встает вопрос, откуда пришло

сюда русское население. Было ли оно захвачено волной монгольского нашествия из южных русских земель или спустилось по Волге с ее верховьев?» (Алихова, 1960. С. 208). Основываясь на близости конструкций жилищ Березовского поселка суздальским, тождественности березовской керамики посуде Болгара и г. Вятки, а также находке нагрудной привески-уточка, аналогии которой были найдены ею в Костромском Поволжье, А. Е. Алихова пришла к выводу о связи населения Березовки с выходцами из северных поволжских областей (Алихова, 1960. С. 208). Находку же энколпиона, принадлежащего к известному типу с обращением к Богородице, изготавливавшегося в Киеве буквально перед монгольским нашествием (1230–1240 гг.), она посчитала свидетельством широких торговых связей Киева с отдельными северорусскими областями, откуда пришло население Березовки (при этом отметила находку еще одного такого же предмета в 45 км от Березовки – около с. Губино) (Алихова, 1960. С. 204, 208).

Возможность случайного попадания отдельных предметов даже христианского культа (крестов и энколпионов), не свойственного мусульманскому и языческому населению Поволжья, в культурные слои поселков Самарского Поволжья и отсутствие однозначной связи их с определенными русскими центрами очевидны: они действительно являлись товаром и могли оказаться в любом княжестве Руси, а уже оттуда – в Поволжье. Более надежным свидетельством пребывания отдельных групп русского населения из разных районов и самым массовым источником по этой теме является керамика – продукция гончарных производств, основанных уже на новом месте, но сохранивших устойчивые технологические традиции изготовления русской бытовой посуды.

Подробный анализ «русского элемента в культуре болгар» содержится в обобщающей монографии А. П. Смирнова (1951. С. 153–164). Он отмечал, что при раскопках в Болгарах найдено «значительное количество славянской курганный керамики XI–XIV вв.» и считал, что «в Болгарах проживали вместе с коренным населением русские, изготавливавшие посуду в соответствии со своими привычными вкусами, причем эта посуда находила сбыт в домах русских ремесленников. Нельзя же считать, что славянские горшки привозили в Болгар для русских за сотни километров, и это в то время, когда болгарская посуда по своему качеству была выше русской» (Смирнов, 1951. С. 164).

В этнокультурной морфологической группировке керамики Волжской Болгарии, осуществленной Т. А. Хлебниковой, русская горшковидная посуда была отнесена к XIV группе, а сопутствующая ей керамика, сделанная по образцам древнерусских сосудов, была названа «славяноидной» и выделена в XVI группу. При этом Т. А. Хлебникова считала, что в названии «славяноидная» отражается отношение к славянской (древнерусской) посуде и влияние последней на посуду XVI группы через распространение производства на гончарном круге (Хлебникова, 1984. С. 231–232).

Имеющиеся к настоящему времени достижения в создании детальной типологии русской керамики XIII–XIV вв. Поволжья полностью принадлежат М. Д. Полубояриновой (1978; 1992; 1993). Однако аналогии выделенным типам керамики оказались очень широкими. Подобная посуда встречается в слоях XII–XIII вв. большого числа древнерусских городов и поселений Смоленщины, Подмосквья, Галицкой земли, Старой Рязани, Новгорода, а также нижеволжских золотоордынских городищ (Полубояринова, 1978. С. 107–110). Поэтому М. Д. Полубояринова не ставила в своих работах задачи определения древнерусских земель, исходных для поволжского русского населения. Вместе с тем, ею были сделаны интересные наблюдения о большей древности березовской посуды по отношению к Водянскому городищу (Полубояринова, 1978. С. 110) и общем запаздывании форм сосудов, бытовавших в Поволжье, по сравнению с русскими территориями (Полубояринова, 1992. С. 135).

Керамика является овеществленным результатом определенных трудовых действий и технологических приемов. В российской археологии в течение последних 30 лет успешно развивается историко-культурное направление в изучении керамики (Бобринский, 1978; 1999). В рамках данного направления каждый сосуд рассматривается как результат действия определенных навыков труда, использованных мастером для его изготовления и закрепленных в культурных традициях, передающихся от поколения к поколению в рамках определенного человеческого коллектива (Цетлин, 2012. С. 35). Методика основана на бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании (Бобринский, 1978; 1999; Васильева, Салугина, 1999). Базой для интерпретации и идентификации приемов гончаров служат эталоны-модели, хранящиеся в кабинете истории керамики ИА РАН и созданные в Самарской экспериментальной экспедиции Института истории и археологии

Поволжья (г. Самара). Микроскопический анализ каждого отдельного сосуда¹ направлен на изучение технологических следов в его изломе и на поверхностях, которые образовались в результате применения различных приемов и операций на всех ступенях его изготовления, и далее – на идентификацию этих приемов и навыков труда. С позиций общенаучного системного подхода каждый изученный сосуд является частью целого, а именно – гончарного производства коллектива, оставившего конкретный археологический памятник. Обобщение данных по технологии изготовления всех изученных сосудов в виде статистических таблиц дает информацию в целом о составе гончарных традиций, имевших место в древних коллективах и овеянных в создании бытовой глиняной посуды. Иногда изучение однородной по морфологическим признакам посуды выявляет отличные друг от друга или смешанные способы ее изготовления. На основе многочисленного археологического и этнографического материала А. А. Бобринским было установлено, что гончарные традиции ведут себя по-разному в разных культурно-исторических ситуациях. В условиях изолированного и стабильного существования населения они практически не меняются в течение длительного времени, а в период установления определенных культурных контактов между разными коллективами начинают постепенно меняться и смешиваться, причем в соответствии с определенными правилами (Бобринский, 1978. С. 242–244). Именно эти особенности гончарной технологии различных групп русского населения могут быть выявлены с помощью выбранной методики и, возможно, позволят решить поставленные задачи. Все сказанное делает понятным выбор технико-технологического анализа керамики, разработанного А. А. Бобринским, в качестве методики исследования.

Подводя итоги вводной части статьи, выделим основные моменты. В силу своей массовости, сохранности и информационных возможностей, керамика является одним из основных источников по истории русского населения в Поволжье в золотоордынское время. Как уже отмечалось выше, к числу важных и слабо разработанных вопросов

относится определение «исходных» русских территорий, откуда в XIII–XIV вв. шли в Самарское Поволжье основные переселенческие потоки. Для его решения привлекаются данные сравнительного изучения русской гончарной технологии центральных русских городов, Нижегородской области, республик Марий Эл, Татарстан и Самарской области. Круг задач, поставленных в нашем исследовании, в первую очередь включает следующие:

- выделение признаков близости и преемственности традиций в русском гончарстве Самарского Поволжья, Среднего Поволжья и северо-восточных русских земель, а также выявление особенностей поволжского русского гончарства;
- определение возможных истоков культурных традиций в гончарстве, распространившихся в XIII–XIV вв. на территории Самарского Поволжья вместе с переселенцами из различных районов Руси и сопредельных территорий Поволжья.

Источниковая база исследования составлена из данных микроскопического анализа керамики русской XIV и «славяноидной»² XVI групп керамики Волжской Булгарии (Хлебникова, 1984; 1988), произведенного в предшествующие годы (Васильева, 1988; 1993; 1995), новых материалов Самарской области (Малая Рязань) и Поволжья (Важнангерское городище, поселения Курмыш и Ближнее Константиново-1), а также некоторых исконно русских областей (Московский кремль, Владимир, Ростиславль, Мякинино-1)³. Всего технико-технологическому анализу был подвергнут 701 образец (условно отдельный сосуд).

В последнем десятилетии появились диссертационные работы по близкой теме, осуществленные в рамках методики А. А. Бобринского. Результаты этих исследований привлекаются нами в качестве сравнительного материала. К ним относятся опубликованные материалы Гнездовского могильника (рубеж IX–X – начало XI в.) (Шарганова, 2011); Верхнего Поочья XIV в. (Болдин, 2002; 2010); Самарского Поволжья конца XVII – XVIII в. (Курсанов, 2010).

Выделение информации производилось по стадиям и ступеням структуры гончарной технологии. Следует отметить неравномерность полученных

¹ В работе используется термин «образец», под которым понимается отдельный сосуд. В качестве таких образцов выступают в основном венчики – верхние части сосудов, реже – крупные фрагменты стенок и придонных частей, происходящих от разных сосудов.

² Данный термин не совсем удачен и в дальнейшем в статье он употребляться не будет.

³ Выражаю искреннюю благодарность всем исследователям, предоставившим для анализа материалы своих раскопок: А. Ф. Кочкиной, Т. Б. Никитиной, В. Ю. Ковалю, Н. Н. Грибову, И. Н. Кузиной, О. В. Зеленцовой, С. И. Милованову, Е. В. Майоровой.

данных. Наиболее подробные сведения получены о трудовых навыках на подготовительной и закрепительной стадиях. По созидательной стадии они имеют неполный и общий характер из-за практически полного отсутствия развалов сосудов и сильной измельченности керамического материала, предложенного для технико-технологического анализа. Изложение результатов исследования в статье построено также в соответствии с естественной структурой гончарного производства, состоящей из трех стадий: подготовительной, созидательной, закрепительной. К необязательным ступеням относятся орнаментирование посуды и изготовление служебных частей (носов, ручек и т. д.) (Бобринский, 1999. С. 9–11).

1. Подготовительная стадия

Включает четыре ступени: отбор исходного пластичного сырья (ИПС), его добычу и обработку, а также составление формовочных масс (ФМ).

Исходное пластичное сырье – это основной пластический материал, из которого изготавливается посуда. О навыках выполнения работы при отборе и добыче исходного сырья можно судить по особенностям пластичного сырья, использованного для изучаемой керамики. К ним относятся характер, размерность и концентрация естественных минеральных (песка, бурого железняка, оолитового известняка и т. д.) и органических (остатки растительного и животного характера) примесей. На современном методическом уровне выделяются следующие виды ИПС: илы, илстые глины, глины. Как известно, основными критериями различения глин у гончаров, да и у современных специалистов по глинам, являются: 1) окраска глин; 2) степень пластичности, т. е. способность глины во влажном виде скатываться в жгуты определенной длины без разрыва сплошности; 3) проба на запесоченность, когда путем растирания пальцами или пробой на зуб определяется, «хрустит» глина или нет. Таким образом, анализ качественного состава и особенностей естественных примесей в исходном сырье позволяет определить основные требования, предъявляемые гончарами к пластичному сырью. На этих ступенях выявляются следующие характеристики ИПС: ожелезненность или неожелезненность; степень запесоченности, непосредственно связанная со свойствами пластичности сырья. Статистические подсчеты, оформленные в таблицы, показывают доли тех или иных традиций отбора сырья в общем объеме ИПС.

В русском гончарстве рассматриваемого периода зафиксирован единственный вид ИПС – природ-

ные глины. Они различаются на подвиды по цвету, полученному после обжига в окислительной атмосфере: ожелезненные (красножгущиеся) и неожелезненные (беложгущиеся); в рамках этих подвидов по степени запесоченности – на группы: жирные (высокопластичные и пластичные) (рис. 2, 5; рис. 3, 3) и тощие (среднепластичные и запесоченные) (рис. 2, 6; рис. 3, 4). По причине существенной территориальной отдаленности изучаемых археологических памятников приемы добычи сырья и его источники (районы и места добычи глин) в статье не анализируются.

На ступени обработки ИПС выявляются признаки состояния сырья (сухого или влажного), в котором оно находилось непосредственно перед составлением формовочной массы, а также определение возможных способов его подготовки: высушивания, дробления, просеивания и т. д. Современный методический уровень позволяет фиксировать состояние сырья, дробленого в сухом виде (по не растворившимся комочкам глины, линзам разной цветности и др.) (Бобринский, 1999. С. 33). В случае отсутствия таких признаков предполагается использование ИПС во влажном состоянии. Прием дробления глин чаще всего был связан с составлением смесей двух или более природных глин, различных по своим физическим свойствам (рис. 2, 1–3; рис. 3, 1–2).

Обобщение полученных данных сравнительного изучения приемов труда русских гончаров, проживавших в XIII–XIV вв. на различных территориях, на ступенях отбора и подготовки ИПС представлены в сводной таблице 1.

Анализируя результаты изучения ИПС русской керамики разных регионов, следует отметить следующие особенности.

1. Единичное распространение традиции отбора неожелезненных глин, что может свидетельствовать об отсутствии массового производства бытовой посуды из беложгущихся глин и привозном характере данной керамики, обнаруженной в культурных слоях изучаемых памятников. В Самарском Поволжье зафиксирована керамика русских форм XIII–XIV вв., изготовленная из жирных и тощих неожелезненных глин, а выборка посуды этого времени из других городов Среднего Поволжья и северо-восточных русских княжеств содержит только сосуды, сделанные из жирных неожелезненных глин.

2. Существенная неоднородность навыков отбора пластичного сырья. В русском гончарстве различных регионов представлены традиции отбора ожелезненных жирных и тощих глин, а также

Таблица 1. Распределение керамических образцов из коллекций исследуемых памятников по под-видам и группам исходного пластичного сырья (ИПС).

Районы, Памятники	ИПС (глины)					Всего
	ожелезненные		неожелезненные		Смеси глин	
	жирные	тощие	жирные	тощие		
Самарское Поволжье (XIV группа по Т.А. Хлебниковой)						
1. Малая Рязань	27; 28%	63; 64%	—	3; 3%	5; 5%	98; 100%
2. Постников овраг	6; 50%	4; 34%	1; 8%	—	1; 8%	12; 100%
3. Березовка	43; 67%	17; 27%	1; 1%	—	3; 5%	64; 100%
4. Печерские Выселки	1; 20%	2; 40%	—	2; 40%	—	5; 100%
5. Муранка	3 75%	1 25%	—	—	—	4 100%
6. Рубленое озеро	3; 38%	3; 38%	—	2; 24%	—	8; 100%
7. Барбашинское поселение	2; 33%	3; 50%	—	1; 17%	—	6; 100%
8. Междуреченское городище	28; 34%	32; 39%	—	2; 2%	21; 25%	83; 100%
Всего	113 40%	125 45%	2 0,70%	10 3,60%	30 10,7	280 100%
Поволжье						
9. Болгар (Татарстан)	31; 53%	18; 30%	6; 10%	—	4; 7%	59; 100%
10. Важнангерское Городище (Мари Эл)	21; 100%	—	—	—	—	21; 100%
11. Ближнее Константиново-1 (Нижегородская обл.)	51; 85%	9; 15%	—	—	—	60; 100%
Всего	103; 74%	27; 19%	6; 4%	—	4; 3%	140; 100%
Русские населенные пункты:						
12. Мякинино-1	11; 100%	—	—	—	—	11; 100%
13. Ростиславль	15; 47%	—	4; 12%	—	13; 41%	32; 100%
14. Москва, Кремль	33; 66%	—	2; 4%	—	15; 30%	50; 100%
15. Владимир	26; 47%	8; 15%	—	—	21; 38%	55; 100%
Всего	85 58%	8 5%	6 4%	—	49 33%	148 100%

составления смесей глин. Наиболее массовой традицией в Среднем Поволжье и в изученных русских центрах (по усредненным данным табл. 1) можно признать традицию отбора жирных «чистых» глин (74% и 58%). К этому показателю близки результаты изучения керамики Березовки (67%). Однако в рамках гончарных производств других поселков

Самарского Поволжья более массовой являлась традиция использования тощих глин (в среднем 45%). По материалам поселения Малая Рязань, доля этих приемов отбора сырья в общем объеме ИПС достигала 64%.

Проведенное О. Л. Шаргановой исследование древнерусской гончарной технологии (по матери-

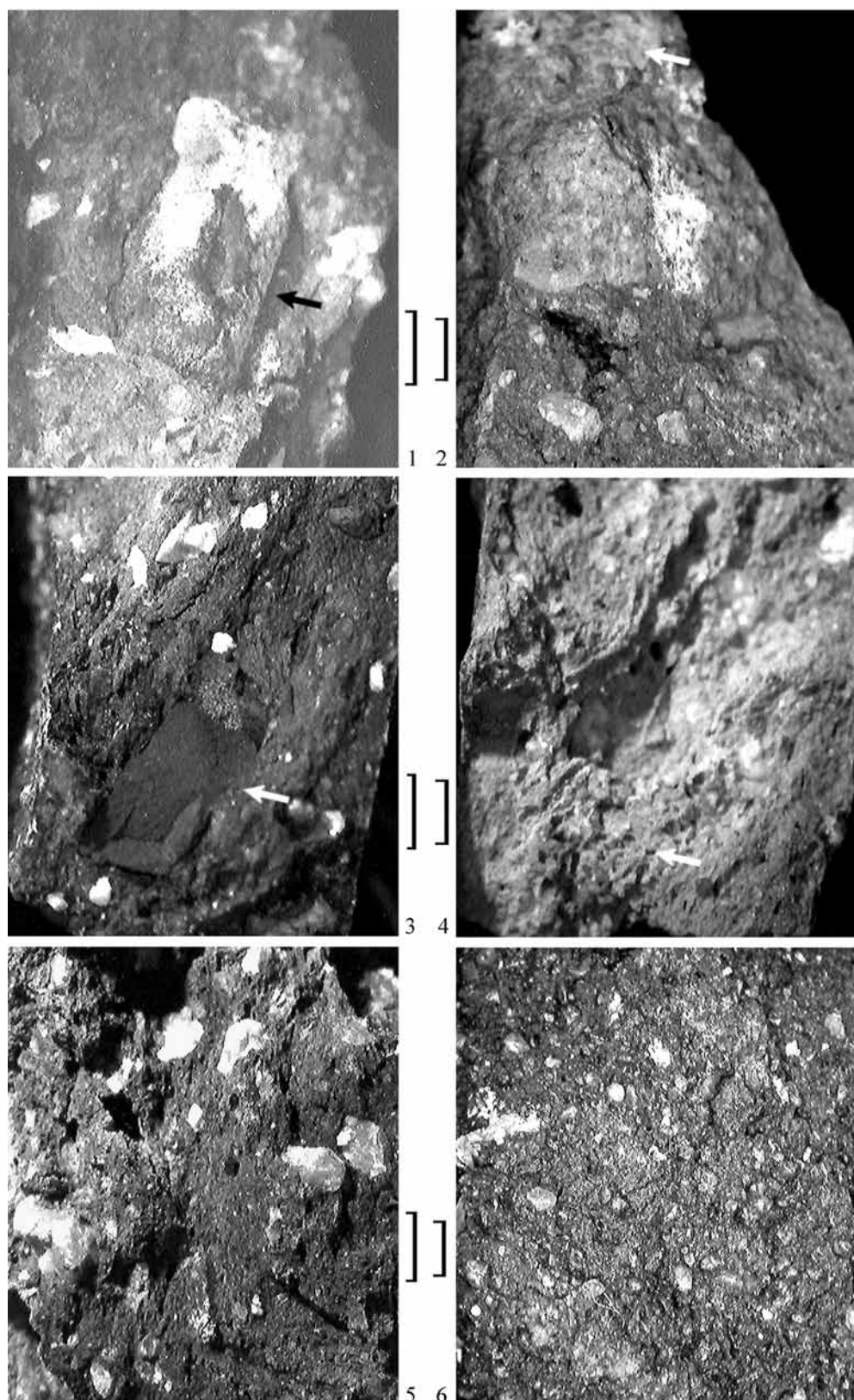

Рис. 2. Исходное пластичное сырье керамики поселения Малая Рязань. (См. цв. вкл.)

1–4 – смеси глин, одна из которых дробилась в сухом состоянии;
 5 – жирная ожелезненная глина; 6 – тощая ожелезненная глина

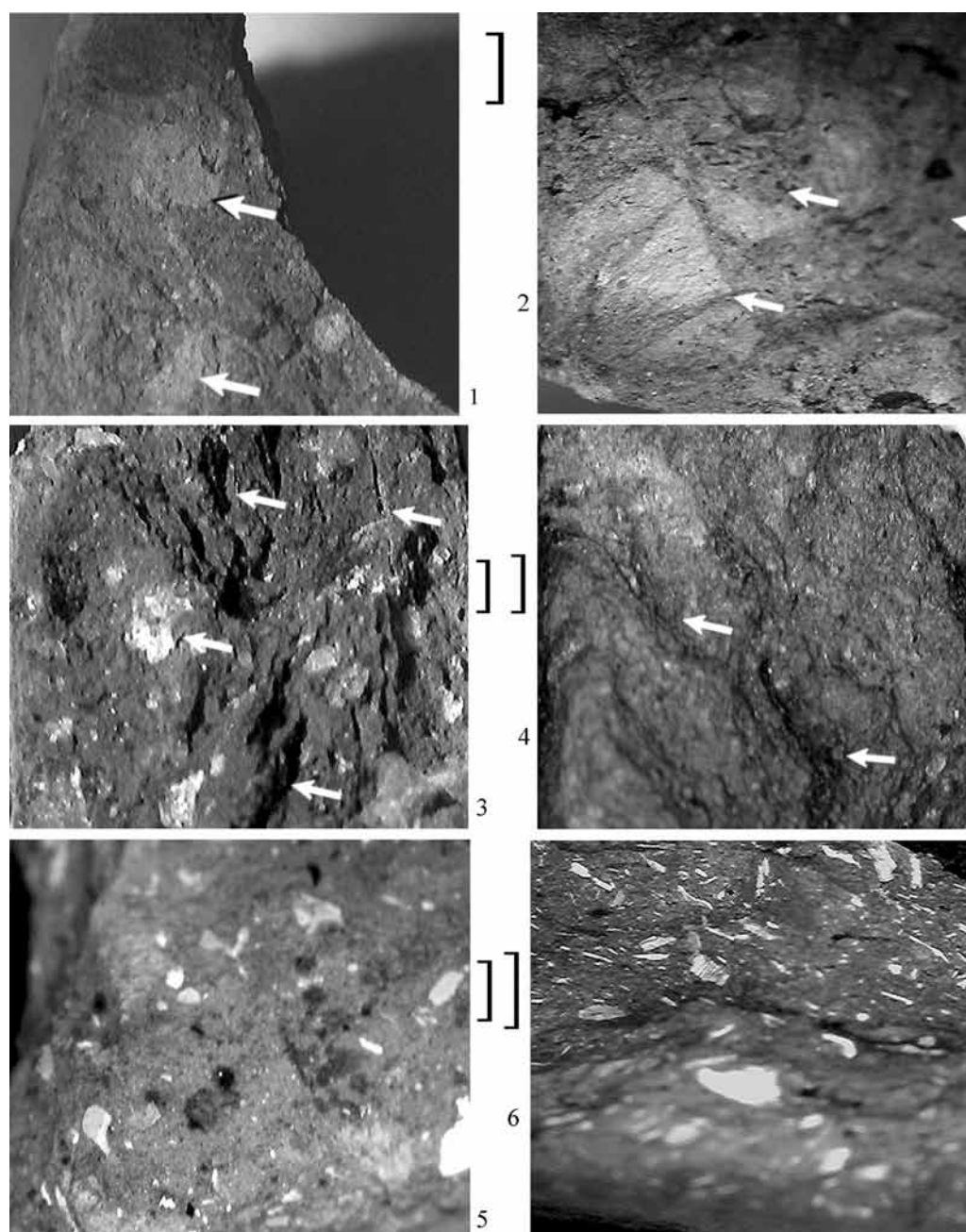

Рис. 3. Исходное пластичное сырье и формовочные массы керамики Владимира (1–4) и поселения Курмыш (5–6). (См. цв. вкл.)

1–2 – смеси глин, одна из которых дробилась в сухом состоянии; 3 – жирная глина с примесью дресвы и ОР; 4 – тощая глина с примесью дресвы и ОР; 5–6 – дробленая раковина

алам Гнездовского комплекса рубежа IX–X – начала XI в.) позволяет обратиться к периоду формирования древнерусских гончарных традиций и отметить наличие всех зафиксированных нами приемов отбора глин уже в то время. По данным изучения керамики Гнездовского могильника, количество сосудов из жирных (слабозапесоченных) глин составляет 47%, тощих (в основном – среднезапесоченных) глин – 52%, из смесей глин – 1% (*Шарга-*

нова, 2011. С. 47). По-видимому, процесс формирования древнерусской гончарной технологии имел многокомпонентный характер, а устойчивый неоднородный характер состава навыков отбора сырья сохранялся и в последующее время (в частности, предмонгольское). Преобладание же тех или иных гончарных традиций зависело от состава гончаров конкретных княжеств. По проанализированным материалам северо-восточных русских населен-

ных пунктов XIII–XIV вв. наблюдается массовое распространение приемов использования жирных ожелезненных глин. Отбор тощих ожелезненных глин зафиксирован только в гончарстве этого времени во Владимире (15%), а затем уже на поселении Ближнее Константиново-1 (15%) и в Болгаре (30%) в Среднем Поволжье.

3. Особого внимания заслуживает рассмотрение традиции использования глиняных концентратов – смеси двух и более природных глин, которые дробились в сухом состоянии (или чаще одна из них находилась в увлажненном состоянии перед замесом) и затем смешивались в разных пропорциях. Основным приемом подготовки ИПС в древнерусском гончарстве являлось его увлажнение (естественное или искусственное). В единичных случаях зафиксирован прием дробления глины в сухом виде (Мякинино-1, Ростиславль и др.) (рис. 4, 1). При составлении смесей глин этот прием использовался постоянно. В качестве сухих концентратов применялись ожелезненные и слабоожелезненные, жирные и тощие глины. Судя по полученным данным, эти приемы имели распространение среди гончаров русских городов (33%), Болгара (7%) и Самарского Поволжья (10,7%). Для Ростиславля данная традиция оказалась самой массовой (41%) после приема отбора жирных ожелезненных глин (47%). В гончарном производстве Владимира она была также распространена (38%). Среди памятников Самарского Поволжья наибольшее количество сосудов из смеси глин было выявлено на Междуреченском городище (25%).

Данные приемы возникают либо в результате адаптации переселившихся гончаров к местным источникам сырья, либо в результате смешения навыков отбора ИПС разных в культурном отношении групп гончаров. По данным этнографии этап привыкания переселившихся гончаров к местным глинам занимал один год или даже несколько лет (Бобринский, 1978. С. 243). Поэтому керамика, изготовленная в течение этого периода, составляет обычно незначительный процент по отношению к посуде, сделанной из однородного сырья – не более 10% (Бобринский, 1978. С. 77). Технологический прием смешивания глин разной сортности относится по своему характеру к гибридным, смешанным. Смешанное состояние навыков отбора пластичного сырья, которое фиксируется по образцам керамики, изготовленной из смеси глин, является надежным свидетельством вынужденного приспособления гончаров к новым источникам сырья в случае переселения (Бобринский, 1999. С. 67). В то же время массовость и долговременность распространения

данного технологического приема может указывать на то, что смешанные навыки отбора сырья со временем становились традиционной нормой. По этнографическим материалам известно, что подобная ситуация возникала в случаях, когда местные гончары прекращали свою деятельность еще до приезда нового мастера, или же в данном населенном пункте их не было вообще. В итоге, смешанные навыки отбора пластичного сырья закреплялись, передавались следующему поколению гончаров и превращались в устойчивую традицию (Бобринский, 1999. С. 71). Полученные данные приводят к выводу, что смешанная традиция отбора и подготовки сырья представляла собой одну из специфических черт русского гончарного производства отдельных районов. Это подтверждается этнографическими данными по русскому гончарству XX в., собранными А. А. Бобринским (1978. С. 83), а также микроскопическим анализом керамики русских переселенцев конца XVII – XVIII в. Самарского Поволжья (Кирсанов, 2011. С. 177). Возможно, фактором, стабилизирующим в русском гончарстве эти смешанные приемы, являлась именно существовавшая в нем изначально неоднородность традиций отбора ИПС, т.е. использование глин разной сортности: ожелезненных и неожелезненных, тощих и жирных.

4. Обобщая полученные данные по ступеням отбора и обработки ИПС, можно констатировать, что практически все выявленные гончарные традиции русских ремесленников Северо-Восточной Руси нашли аналогии в материалах Самарского Поволжья, кроме использования неожелезненных тощих глин. Однако производства керамики из неожелезненных запесоченных глин в это время имели место на территории Руси, например в Почье (Болдин, 2002. С. 150). В то же время, точное совпадение процентов, т.е. удельного веса тех или иных навыков труда в общем объеме приемов изготовления керамики памятников изучаемого региона и Руси, не выявлено. Наибольшую близость из проанализированных материалов обнаружила керамика Владимира.

Подготовка формовочной массы (ФМ) относится к завершающей ступени подготовительной стадии гончарной технологии. ФМ может быть составлена из ИПС без искусственных примесей, а также из смеси сырья и специально введенных органических и минеральных добавок. Введение добавок преследует определенную технологическую цель (регулирование пластичности, связности, усадки при сушке и обжиге), в то же время оно несет определенную культурную нагрузку. В процессе освоения и развития гончарства

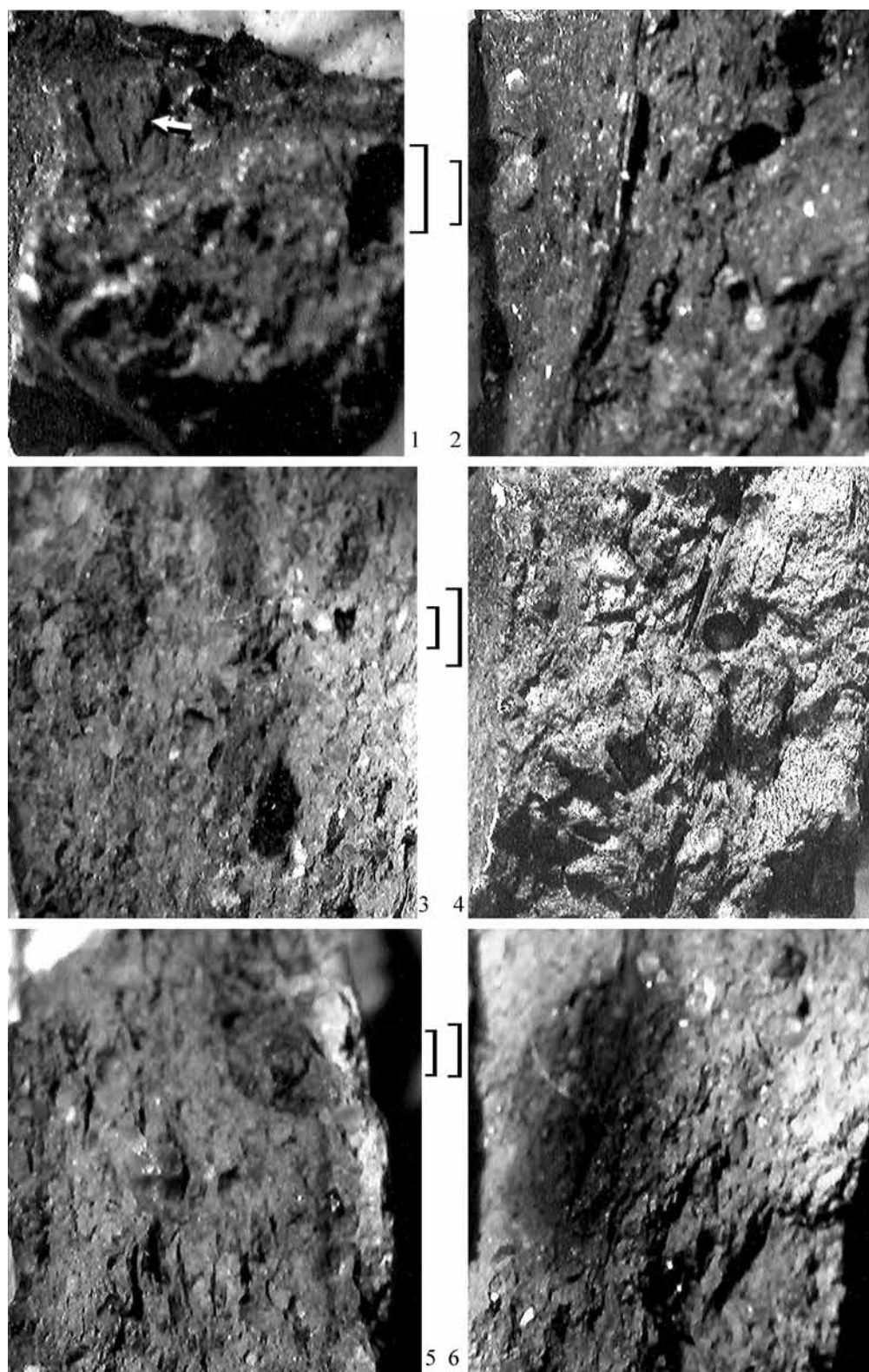

Рис. 4. Исходное пластичное сырье и формовочные массы керамики Московского кремля. (См. цв. вкл.)

1 – смесь глин, одна из которых дробилась в сухом состоянии; 2–4 – отпечатки растительности (выжимка из навоза);
5 – дресва (железистые включения в глине); 6 – органический раствор (выжимка из навоза)

у разных народов с течением времени возникали и консервировались определенные приемы составления формовочных масс, которые становились устойчивыми культурными традициями. Например, у части русского населения традиция добавки дресвы прослеживается в течение почти тысячелетия (Шарганова, 2011; Кирсанов, 2010).

При характеристике навыков работы гончаров на данной ступени определяются особенности искусственных примесей и рецепты формовочных масс. Микроскопическое изучение русской керамики изучаемого периода позволило выявить следующие искусственные добавки: органические растворы (ОР), дресву (Д) и песок (П).

1. Органические растворы (ОР) – предположительно клеящие природные жидкие вещества растительного и животного происхождения. После сушки и термической обработки они оставляют в черепке керамики щелевидные плоскостные и аморфные объемные полости размером в среднем от 1 мм до 1 см. На стенках этих пустот фиксируется налет вещества определенной плотности и цвета. В изученной керамике представлены два вида ОР: 1) с маслянистым черным, иногда матовым коричневато-черным налетом. Такие пустоты часто сочетаются с единичными отпечатками растительности. Данный тип ОР идентифицирован как выжимка из навоза животных (рис. 3, 3–4; рис. 4, 2–4, 6; рис. 5, 1, 4); 2) с разноцветным (белым, золотистым и др.) налетом, без присутствия растительных отпечатков (рис. 5, 3). Этот тип ОР отнесен к невыясненным, требующим дополнительного экспериментального изучения. По причине единичности сосудов с такой добавкой, в сводных таблицах виды ОР не разделены, так как введение этой информации существенно усложнило бы таблицы.

2. Дресва (Д) – дробленая до состояния порошка горная порода. Следует отметить качественную специфику данной примеси в керамике Самарского Поволжья. Для подготовки дресвы в качестве добавки к глине в более северных районах Среднего Поволжья и в исконно русских районах использовались гранито-гнейсовые и другие магматические породы, которые отсутствуют на нашей территории. Для керамики Важнангерского городища отмечено использование песчаниковых пород. Берега Волги и Жигулевские горы сложены осадочными карбонатными породами: доломитами, известняком (в том числе и окремненным), мергелями, кварцевыми песчаниками (Иванов, Поляков, 1960; Хасяев и др., 2006). В исследованной русской керамике Самарского Поволжья

дресва представлена в виде остроугольных, реже округлых, непрозрачных включений белого и серого цвета (вероятно, карбонатного происхождения), сохранивших свою структуру и форму (рис. 5, 2), в то время как в черепке керамики других изучаемых территорий – в основном в виде остроугольных прозрачных частиц минералов, часто в сочетании со слюдой (рис. 3, 3; рис. 4, 5). В ряде случаев можно предполагать использование кварцевого песчаника.

Приемы подготовки дресвы: предварительное нагревание крупных камней, дробление, просеивание. Зафиксированы два основных подвида дресвы. Они получались в результате просеивания: 1) через ячейки размером не более 2 мм; 2) через ячейки не более 3 мм. Очень редко в этих двух составах встречались единичные частицы примеси размером до 5 мм, оказавшиеся в результате случайного попадания в подготовленные составы примесей. По-видимому, в процессе подготовки примеси прием калибровки не использовался, так как в составах наряду с максимально крупными частицами (2 мм и 3 мм) часто встречается более мелкая фракция (менее миллиметра).

3. Песок (П). В качестве компонента формовочной массы применялся в основном зернистый кварцевый песок, представленный в черепке сосудов в виде окатанных частиц минералов. В изученном материале выделяются два подвида песчаной примеси: 1) с частицами менее миллиметра (рис. 5, 5); 2) с частицами менее 2,0–2,5 мм (рис. 5, 6). Калибровка песка также не производилась: фиксируется только верхняя граница максимальной размерности.

Результаты изучения рецептов формовочных масс русской керамики сведены в таблице 2.

По усредненным данным таблицы 2, следует признать наиболее массовой традицией в русском гончарстве составление ФМ с дресвой, а также с дресвой в сочетании с органическим раствором. Ее доля в гончарстве русских населенных пунктов – 43%; Среднего Поволжья – 49%; Самарского Поволжья – 75%. Однако, если перейти к рассмотрению рецептов ФМ по отдельным памятникам, то получается не такая однозначная картина. Очень высокий процент рецептов с дресвой фиксируется в гончарном производстве селища Мякинино-1 и Владимира (100% и 89%). В Ростиславле преобладающей традицией было составление ФМ с песком, а также с песком в сочетании с органическим раствором (73%). В Московском Кремле зафиксировано массовое распространение смешанной традиции: ИПС+П+Д+ОР (88%). Необходимо

Таблица 2. Распределение керамических образцов из коллекций исследуемых памятников по видам формовочных масс (б/пр. – без искусственных примесей; ОР – органический раствор; П – песок; Д – дресва; Ш – шамот. 1 – Малая Рязань; 2 – Постников овраг; 3 – Березовка; 4 – Печерские выселки; 5 – Муранка; 6 – Рубленое Озеро; 7 – Барабашинское поселение; 8 – Междуреченское городище; 9 – Болгар; 10 – Важнангерское городище; 11 – Ближнее Константиново-1; 12 – Мякинино-1; 13 – Ростиславль; 14 – Москва, Кремль; 15 – Владимир).

№ памятника	Формовочные массы										Всего
	б/пр	ОР	П	Д	Д+ОР	П+ОР	Ш+ОР	П+Д+ОР	Ш+Д+ОР	П+Ш+ОР	
Самарское Поволжье (XIV группа по Т.А. Хлебниковой)											
1	4; 4%	1; 1%	1; 1%	17; 17%	74; 76%	1; 1%	—	—	—	—	98; 100%
2	3; 26%	—	—	—	6; 50%	1; 8%	1; 8%	1; 8%	—	—	12; 100%
3	—	—	—	5; 8%	36; 56%	19; 30%	—	2; 3%	2; 3%	—	64; 100%
4	—	3; 60%	—	—	1 20%	1; 20%	—	—	—	—	5; 100%
5	—	2 50%	—	—	—	1; 25%	—	—	—	1; 25%	4; 100%
6	—	1; 12%	—	1; 12%	1; 12%	4; 52%	1; 12%	—	—	—	8; 100%
7	—	—	—	—	4; 67%	2; 33%	—	—	—	—	6; 100%
8	—	1; 1%	—	1; 1%	64; 77%	14; 17%	—	3; 4%	—	—	83; 100%
Всего	7; 2,6%	8; 3%	1; 0,4	24; 9%	186; 66%	43; 15%	2; 0,8	6; 2%	2; 0,8	1; 0,4	280; 100%
Поволжье											
9	—	5; 8%	5; 8%	11; 20%	14; 24%	24; 40%	—	—	—	—	59; 100%
10	—	1; 5%	4; 19%	3 14%	1 5%	3 14%	3; 14%	—	2; 10%	4; 19%	21; 100%
11	—	—	—	1; 2%	38; 63%	15; 25%	—	5; 8%	1 2%	—	60; 100%
Всего		6; 4%	9; 7%	15; 11%	53; 38%	42; 30%	3; 2%	5; 3,5%	3; 2%	4; 2,5%	140; 100%
Русские города и поселки											
12	—	—	—	2; 18%	9; 82%	—	—	—	—	—	11; 100%
13	4; 12%	3; 9%	6; 19%	—	2; 6%	17; 54%	—	— —	—	—	32; 100%
14	—	—	1; 2%	1; 2%	1; 2%	3; 6%	—	44; 88%	—	—	50; 100%
15	—	1; 2%	—	—	49; 89%	2; 4%	—	3; 5%	—	—	55; 100%
Всего	4; 3%	4; 3%	7; 5%	3; 2%	61; 41%	22; 15%		47; 31%			148; 100%

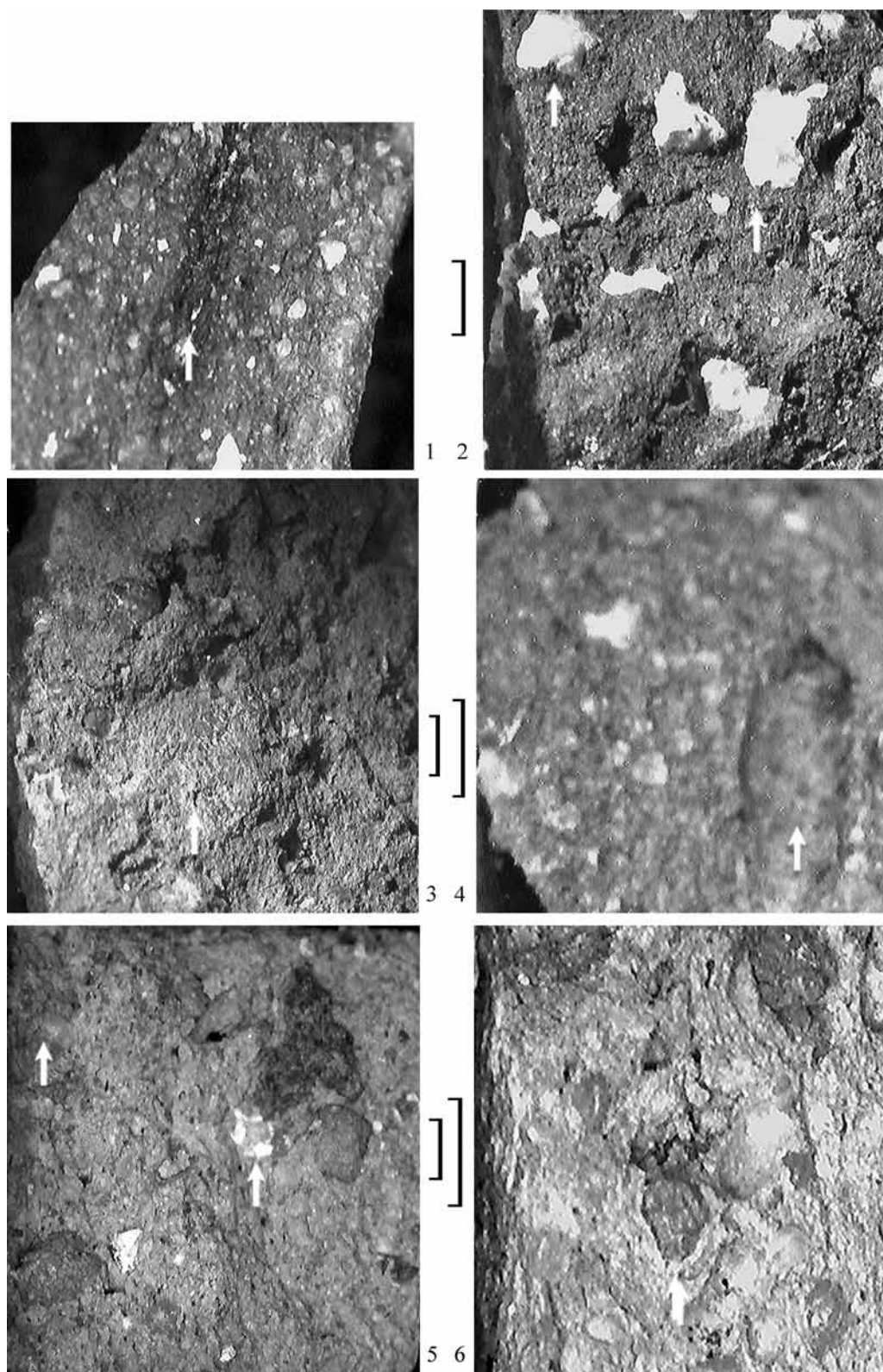

Рис. 5. Формовочные массы керамики поселения Малая Рязань. (См. цв. вкл.)

1, 4 – отпечатки растительности (выжимка из навоза); 2 – дресва; 3 – органический раствор;
5 – дресва (железистые включения в глине); 6 – песок (железистые включения в глине)

сразу же оговориться, что полученные результаты связаны с выборками керамики из определенных раскопов, т.е. с какими-то конкретными районами больших населенных пунктов, поэтому будет некорректным распространять эти выводы на весь памятник (средневековый город). Тем не менее, данные технико-технологического анализа керамики позволяют составить представление о двух основных традициях подготовки ФМ в русском гончарном производстве, а именно с дресвой и песком, в изучаемый период – чаще в сочетании с органическими добавками.

Сравнительное изучение рецептов ФМ керамики русских земель и Поволжья показало следующее: на Волге также наиболее распространенными были традиции составления ФМ с дресвой и дресвой с органикой (см. табл. 2). В то же время, значительная часть русской керамики этого района изготавливалась с песком: в Болгаре она составляла 48% (с дресвой – всего 36%); на Важнангерском городище – 33%; на поселении Ближнее Константиново – 25%. Наиболее полно изученные памятники Самарского Поволжья показали такие результаты: на Малорязанском поселении преобладали рецепты, включавшие дресву (93%); рецепты с песком единичны (2%), а на Березовском поселении керамика с песком составляла 19% и на Междуреченском городище 17%. В целом, несмотря на некоторые различия в количественной представленности двух основных традиций подготовки ФМ в керамических материалах Поволжья, можно говорить об их близости с изученными выборками керамики русских населенных пунктов. К особенностям традиций составления ФМ Поволжья следует отнести рецепты без искусственных примесей и только с одним органическим раствором, а также составы с шамотом, которые полностью отсутствовали в производстве керамики русских населенных пунктов.

Определенная специфика была выявлена при анализе подвидового состава ФМ керамики. Во-первых, при изучении формовочных масс с песком керамики русских населенных пунктов было зафиксировано преобладание приемов использования более крупного песка (1–3 мм). В Поволжье часть русской керамики содержит песок размером менее миллиметра, что было более характерно для общеполгарских ремесленных производств (Васильева, 1993. С. 138). Во-вторых, по материалам поселения Малая Рязань было установлено, что почти треть его посуды изготовлена из ФМ с очень незначительной концентрацией дресвы (менее 1: 5). Подобные рецепты были обнаружены также при изучении керамики Ближнее Константиново-1 и Владимира.

По итогам рассмотрения приемов составления ФМ можно сделать следующие выводы.

1. На всех изучаемых территориях можно отметить распространение одинаковых *массовых традиций* подготовки ФМ (с дресвой, песком, чаще в сочетании с органическими добавками). На более детальном уровне исследования формовочных масс фиксируются некоторые особенности Самарского Поволжья: использование разных горных пород для дресвы; применение более мелкого песка; добавление дресвы в ФМ в очень незначительной концентрации, что может свидетельствовать о процессе изживания или перерождения данной традиции. Несомненно, в XV–XVII вв. (а в некоторых русских регионах и раньше) эволюционный процесс перехода русских гончаров к приемам использования глины в качестве моносырья (без искусственных добавок) проходил и на территории русского государства. Например, при изучении гончарства русских переселенцев XVII–XVIII вв. в Самарском Поволжье Р.С. Кирсановым на Рождественском I поселении было зафиксировано уже 65,6% керамики без искусственных примесей (Кирсанов, 2010. С. 178).

2. Выявленная специфика русского гончарства Среднего Поволжья в XIII–XIV вв. включает следующее: во-первых, наличие немногочисленных рецептов без искусственных примесей и с одним органическим раствором, в целом не характерных для гончарных производств городов Северо-Восточной Руси. Исключение составляет Ростиславль (Рязанская земля), где данные рецепты единично встречены. Однако следует обратить внимание, что все они были связаны с использованием смесей глины, т.е. со смешанными приемами труда, возможно, приезжих гончаров. Один сосуд из ФМ с органическим раствором был выявлен также в материалах Владимира. Во-вторых, присутствие также немногочисленных рецептов с шамотом и органикой и смешанных рецептов, включавших шамот и другие минеральные примеси – дресву и песок. О возможных причинах появления тех и других специфичных рецептов в изготовлении керамики русских форм речь пойдет ниже.

3. На основе данных по ИПС и ФМ изученной керамики можно констатировать распространение среди русских гончаров *частично сформированных представлений о глине* как сырье для производства керамики, когда глина использовалась в качестве основного пластичного сырья в сочетании с минеральными и органическими примесями. Данные представления соответствуют

архегончарному уровню гончарных производств (Бобринский, 1999. С. 75–85).

2. Созидательная стадия (ступени 5–8)

В рамках данной стадии рассматриваются вопросы конструирования сосудов (начинов, полого тела), способов придания им окончательной формы, а также приемов обработки поверхностей. Степень сохранности изученных образцов, отсутствие целых форм и развалов проанализированной керамики дала возможность определить лишь общие приемы изготовления сосудов, и только в некоторых случаях конкретизировать их. Все проанализированные сосуды были изготовлены способами скульптурной лепки с профилированием и заглаживанием на гончарном круге.

Конструирование начинов. Выделение программ конструирования начина как начального непрерывного акта процедуры создания той или иной части будущего сосуда производилось с учетом признаков, разработанных А. А. Бобринским (1978. С. 114, 130–138).

Изучение придонных частей сосудов всех памятников обнаружило применение, в основном, донной и донно-емкостной программ конструирования начинов. Однако, по материалам Мало-рязанского, Ближнеконстантиновского поселений и Владимира предполагается еще наличие емкостного начина.

Донные начини изготавливались посредством спирального наращивания жгутов от середины днища к стенкам, в виде глиняного диска, на котором затем производилась остальная работа по изготовлению сосуда. В ряде случаев зафиксированы приемы выбивания донных начинов.

Более распространенной среди русских гончаров была *донно-емкостная программа* конструирования начинов, в соответствии с которой первоначально создавалась плоскость основания и стенки сосуда (на разную высоту). Донно-емкостные начини изготавливались также спиральным налепом из жгутов. Они были неполными, их зафиксированная высота составляла не более 3–4 см.

Однозначное определение *емкостной программы* конструирования начина затруднено по причине фрагментарности изученного материала и некоторой специфики способа конструирования. Для днищ этой группы характерны следующие черты: тонкое дно (3–4 мм) и более толстые стенки (5–7 мм); наличие у значительной части днищ складок, иногда довольно глубоких, расположенных по периметру внешней поверхности днищ; специфичное направление спаев на участке

перехода стенок в днище; малодеформированная овальная форма торца стенок емкости по причине ее более раннего изготовления и соответственно подсушивания. А. А. Бобринский считал, что соединение начина-емкости и днища, изготовленного позднее, производилось не путем примазывания к днищу нижней части стенок емкости, а дополнительным жгутом, закрывающим стык между ними с внутренней стороны, и примазыванием днища к стенкам – с внешней (Бобринский, 1978. С. 131). В изученных материалах дополнительные жгутики отсутствуют, т. е. можно предполагать лишь один вариант примазывания – за счет днища. Предполагая распространение емкостной программы конструирования начинов в русском гончарстве средневекового времени, отметим, что А. А. Бобринский сам связывал возникновение донной программы начинов с историей емкостных и донно-емкостных начинов. «Как начальная процедура конструирования, т. е. начин, изготовление днища выделилось, по-видимому, в результате смешения технологических навыков, которые были свойственны носителям традиций применения емкостных и донно-емкостных программ. От первых в них присутствует конечная цель, а от вторых – идея первоначального создания донной части» (Бобринский, 1978. С. 114).

Распространенное мнение о всеобщем преобладании в восточноевропейском гончарстве I–II тыс. н. э. только донных и донно-емкостных начинов может оказаться ошибочным. Тем более что в этнографическом восточноевропейском гончарстве известны случаи использования емкостных начинов (Бобринский, 1978. С. 115). Вполне возможно, что детальное исследование славянской гончарной технологии позволит выявить другие программы конструирования начинов и очертить эволюционный процесс их развития. Однако, для однозначного определения предположительно емкостной программы конструирования начинов изученной керамики необходимо проведение экспериментальных работ.

В таблице 3 представлены результаты изучения начинов керамики, на основе которых можно предполагать более массовое распространение в русском гончарстве донно-емкостной программы (53%) и почти равную представленность донной и емкостной программ.

Для выяснения возможных связей между программами конструирования начинов и рецептами ФМ керамики поселения Ближнее Константиново-1 (Нижегородская обл.) была произведена их корреляция, результаты которой представлены в таблице 4.

Таблица 3. Распределение образцов русской керамики XIII–XIV вв. из коллекций изучаемых памятников по программам конструирования начинов.

Памятники	Программы конструирования начинов			Всего
	Донная	Донно-емкостная	Емкостная (?)	
Ростиславль	4	3	–	7
Москва, Кремль	2	6	–	8
Владимир	–	5	2	7
Важнангерское городище	–	2	–	2
Ближнее Константиново-1	8	7	9	24
Малая Рязань	4	15	5	24
Всего	18 25%	38 53%	16 22%	72 100%

Таблица 4. Соопоставление программ конструирования начинов и рецептов формовочных масс керамики поселения Ближнее Константиново 1.

Программы начинов	Рецепты формовочных масс					Всего
	С дресвой		Смешанные	С песком		
	Д 1:3–4+ОР	Д 1:5+ОР		П 1:3-4+ОР	П 1:5+ОР	
Донная	5; 62,5%	2; 25%	1; 12,5%	–	–	8; 100%
Донно-емкостная	–	3; 43%	–	4; 57%	–	7; 100%
Емкостная (?)	5; 56%	1; 11%	–	1; 11%	2; 22%	9; 100%
Всего	10	6	1	5	2	24; 100%

Как видно из таблицы 4, донные начини обнаружили связь только с рецептами, содержащими дресву (в том числе со смешанным рецептом ИПС+Д+Ш). Донно-емкостная программа начинов имеет преимущественную связь с рецептами, содержащими песок (57%). Хотя количество сосудов, изготовленных из ФМ с дресвой и в соответствии с данной программой, также значительно (43%). Две трети сосудов, начини которых сделаны по емкостной (?) программе, содержали примесь дресвы (причем, введенной в ФМ преимущественно в значительной концентрации 1: 3–4), одна треть этих сосудов – песок. Полученные данные позволяют предполагать, что традиции конструирования начинов по донной программе и составления ФМ с дресвой принадлежали одной группе населения. Донно-емкостная программа начинов была почти одинаково распространена среди гончаров, составляющих ФМ с дресвой и песком. Для носителей традиции изготовления емкостных начинов был более характерен прием подготовки ФМ с дресвой, в то же время она была известна и гончарам с приемами введения в массы песка. С другой стороны, можно интерпретировать эти данные следующим образом: носители традиции

составления ФМ с дресвой были знакомы со всеми тремя программами начинов, в то время как гончары, делавшие формовочные массы с песком, использовали только донно-емкостную и емкостную программы (в рамках изученного поселения). Расширение географических и хронологических рамок исследования русской гончарной технологии могло бы прояснить вопрос об эволюции разных программ конструирования начинов.

На внешней поверхности большинства изученных днищ имелись следы минеральной подсыпки: песка, дресвы, смеси песка и дресвы. У части сосудов прослежены статические отпечатки деревянной поверхности круга. Поверхность некоторых сосудов была заглажена после снятия с гончарного круга и не имела никаких отпечатков. На внешней поверхности днищ сосудов из Владимира отсутствовали следы минеральной подсыпки. В одном случае (донная программа начинов) отмечены статические отпечатки деревянного круга. Для части днищ были характерны наплывы по периметру – бортики, возникновение которых можно связывать с особенностями укрепления сосудов на плоскости и способами обработки бокового придонного участка (Бобринский,

1978. С. 39). Подобные бортики-наплывы имелись и на керамике Ростиславля. Только на 30% донных частей сосудов этого памятника зафиксированы следы подсыпки песка. Во всех остальных случаях на днищах прослежены статические отпечатки неровностей деревянных кругов (возможно применение мелко-просеянной золы). В целом, подсыпка на внешней поверхности днищ является одним из признаков неподвижного укрепления сосуда на плоскости гончарного круга. Отсутствие этих следов указывает на наличие других приемов укрепления сосудов, например, путем примазывания глиняного жгута к боковой придонной поверхности сосуда и плоскости круга (Бобринский, 1978. С. 39–43). Альтернативным признаком такого крепления могут служить признаки тщательного обстругивания (вручную) или обточки (на круге) твердым предметом придонных частей сосудов, в результате чего примазанные жгутики полностью удалялись. Таким образом, можно отметить неоднородность трудовых навыков русских гончаров на данном этапе гончарной технологии.

Конструирование полого тела и придание сосудам окончательной формы. В изученных материалах выделены два способа конструирования полого тела: спиральный налеп из жгутов и кольцевой налеп из лент. В первом случае длинный жгут навивался по спиральной траектории, во втором – ленты (расплющенные посредством выдавливания или выбивания жгуты) шириной не менее 3 см последовательно накладывались друг на друга по кольцевой траектории. Наиболее распространенным в русском гончарстве изучаемого периода был спирально-жгутовой способ. Второй способ зафиксирован в основном в XIV группе керамического комплекса Болгара (Васильева, 1993. С. 142). В случаях, когда можно было определить размерность строительных элементов, удалось установить, что диаметр жгутов не превышал 2 см. Скорее всего, конструирование полого тела происходило на гончарном круге, а не на какой-то другой плоскости, о чем свидетельствуют признаки неподвижного укрепления сосуда на круге. У некоторых изученных сосудов имеются короткие спаи в месте перехода плечиков в горловины, что указывает на применение зонального спирально-жгутового налета, при котором полое тело изготавливалось в несколько приемов. В этом случае, чтобы сделать верхнюю часть сосуда, новый жгут накладывался на предварительно выровненный и, возможно, заглаженный край полого тела на уровне тулова. Такой

прием способствовал сохранению пропорциональности сосуда в ходе процесса его конструирования, часто он использовался при изготовлении сосудов крупных размеров. Массовым способом конструирования русской посуды после завершения верхней части было загибание излишков глины вовнутрь.

Формообразование, т.е. придание сосудам окончательной формы, происходило путем профилирования на гончарном круге, при котором заготовка будущего сосуда (начин + полое тело), слепленная вручную из жгутов или лент, подвергалась частичному вытягиванию на круге. Определенное моделирование формы могло осуществляться также на ступенях конструирования полого тела или емкостного начала посредством расширения или сужения необходимых частей сосуда. На основании полученных данных можно предполагать в русском гончарстве изучаемого периода использование гончарного круга на уровне РФК 4–5. В проанализированных образцах, в основном, присутствуют признаки четвертого этапа РФК, а именно, следы обтачивания основной части емкости с внутренней стороны в виде: 1) отсутствия угловатости очертания внутренней линии контура на участке перехода плечика в тулово; 2) утонченности стенки на участке перехода по сравнению с толщиной плечика сосуда (Бобринский, 1978. С. 51, 52). Толщина стенок некоторых изученных сосудов на этом участке достигает 3 мм, а выше доходит до 5 мм. Об использовании гончарного круга на уровне РФК-5 свидетельствуют винтообразные рельефные бороздки на внутренней стороне тулова некоторых сосудов и отсутствие четких спаев между строительными элементами из-за сильного вытягивания.

Обработка поверхностей производилась путем простого заглаживания на гончарном круге. Основными орудиями заглаживания были руки гончара, мягкий материал (ткань) и твердые предметы (чаще – деревянный нож, бочарка). Окончательное влажное заглаживание завершало изготовление сосуда, но не всегда оно было полным. Дело в том, что во время скульптурной лепки различные части сосуда могут заглаживаться на разных этапах процесса его создания. На внутренней и внешней поверхностях придонных участков некоторых изученных сосудов фиксируются следы ручного заглаживания, расположенные иногда поверх машинного заглаживания. Вероятно, нижние придонные части сосудов могли подвергаться обстругиванию в положении на круге, а после снятия с круга – частичному ручному заглаживанию.

В целом, по итогам изучения приемов труда русских гончаров на созидательной стадии можно сделать такие выводы:

- в рамках производств русской посуды существовало большое разнообразие и неоднородность технологических приемов изготовления сосудов: донная, донно-емкостная, вероятно – емкостная и емкостно-донная (единичный случай в керамическом комплексе XIV группы Болгара) программы начинков; спирально-жгутовой и кольцевой налеп из лент;

- вся посуда была изготовлена способами скульптурной лепки. Уровень развития РФК определяется в пределах РФК-4–5. Признаки полного вытягивания сосуда из комка глины на гончарном круге РФК-7 не обнаружены.

3. Закрепительная стадия

Придание прочности и устранение влагопроницаемости сосудов достигалось с помощью термической обработки, обжига в специализированных устройствах. Изучение технологических приемов на данной стадии изучалось по механической прочности, характеру поверхности сосудов и цветовых прослоев излома черепка. Механическая прочность изученных сосудов довольно высокая: они ломаются только с помощью металлических щипцов. Окраска поверхности и изломов сосудов представлена тремя видами.

1. Коричневая однотонная, излом имеет сквозной коричневый цвет, иногда небольшую темную сердцевину мощностью 2–4 мм. Можно предполагать горновой обжиг данной группы сосудов в окислительной среде.

2. Окраска поверхностей сосудов серая, однотонная; излом – также однотонно серый. Обжиг данной керамики мог производиться в восстановительной среде также в горнах.

3. Пятнистая, неравномерно окрашенная – коричнево-серая, иногда буроватая – внутренняя и внешняя поверхность сосудов, с темно-серыми пятнами (их не следует путать с пятнами нагара, которые не составляют единого целого с черепком сосуда и отслаиваются от него). В изломе фиксируется слоистость: поверхностные прослои коричневые или бурые, толщиной 0,1–2,0 мм, с серыми пятнами, а сердцевина темно-серого или черного цвета, иногда также пятнистая. Встречаются двухслойные изломы: внешний прослой толщиной 1–7 мм темно-серый, а внутренний поверхностный прослой бурый или коричневый или наоборот. Подобная окраска сосудов могла быть следствием несовершенного режима обжига в печах.

К печным относятся теплотехнические однокамерные устройства, обладающие ограничительными стенками, постоянным перекрытием над внутренним объемом самой камеры, дымоотводными приспособлениями, поддувалами, но сжигание топлива производится в той же камере, где расположены обжигаемые изделия.

Гончарные горны – специализированные теплотехнические устройства, снабженные как минимум двумя камерами: одна служит для сжигания топлива, другая – для размещения обжигаемых изделий (Бобринский, 1991. С. 94, 95). Главное отличие горна от печи заключается в разделении этих двух камер специальной перегородкой с теплопроводными каналами, через которые горячие газы проходят из топочной в обжигательную камеру. Отделение от топки обеспечивало несоприкосновенность с горящим топливом, а также более равномерное распределение горячих газов в обжигательной камере. В результате этих различий между двумя типами теплотехнических устройств посуда, обожженная в горне, имела однотонную окраску поверхностей, а керамика, обожженная в печи, – пятнистую. Более темные пятна на керамике образуются из-за непосредственного соприкосновения с горящим топливом и неравномерности процесса горения в ходе подкладывания новых порций топлива.

Образование темных прослоев в середине черепка обусловлено другими причинами – особенностями ведения процесса обжига, а именно кратковременной выдержкой при температурах закалки (700–850°). Если поддерживать такие температуры все необходимое для прокаливания толщи черепка и выгорания органики (естественной и искусственной) время, то темных сердцевин в керамике не будет. Поэтому трехслойный излом черепка может встречаться в керамике, обожженной в том и другом теплотехническом устройстве, если режим обжига не предусматривал нужной продолжительности. Качество обожженной продукции во многом зависело именно от соблюдения режима или «хода» обжига.

Приемы ведения обжига керамики жестко обусловлены объективными физико-химическими свойствами пластичного сырья (отчасти введенными искусственными добавками). В.И. Селезнев, описавший процесс обжига керамики в печах в XIX в., и специалист по керамике XX в. А.И. Августинский практически одинаково характеризуют периоды ведения обжига керамики и соблюдение определенных правил (Селезнев, 1894. С. 91–99; Августинский, 1975. С. 189–196). Чтобы получить

качественно обожженную продукцию, режим обжига керамики в любых теплотехнических устройствах должен был включать несколько обязательных этапов: 1) медленный подогрев и досушку изделий (удаление физической воды из глины); 2) дальнейший нагрев до 700° «на дыму» и удаление химически связанной воды из глины; 3) «взвар» или каление глины – подъем температуры до 900–1000°⁴; 4) охлаждение или «закал» – медленное понижение температур.

Соблюдение режима обжига в печах и горнах могло осуществляться и контролироваться только посредством двух основных факторов, четко увязанных между собой: количеством топлива и временем. Например, в течение первых одного-двух часов в топке должно было находиться только три небольших горящих полешка (вместо сгоревшего подбрасывалось новое); затем постепенно количество топлива увеличивалось, а в конце (на шестом-седьмом часе обжига) пространство топки заполнялось поленьями полностью, и они подбрасывались постоянно в таком же объеме в течение часа (этап каления), после чего, как правило, в течение ночи, шел процесс естественного догорания топлива и остывания горна⁵.

Окончательный цвет: терракотовый (коричневый) или черный (серый) обжигаемая посуда получает в самом конце обжига, в зависимости от характера атмосферной среды, устанавливаемой на этапе остывания. Принято различать три вида сред: окислительная, полувосстановительная и восстановительная (Бобринский, 1999. С. 94, 95). Если у гончаров была задача получить сероглиняную посуду, то нагрузив в последний раз топливо в топку, все отверстия в печи или горне плотно закрывались, щели тщательно замазывались, чтобы кислород не мог проникнуть в теплотехническое устройство. Если на выходе нужна была красноглиняная продукция, процесс догорания топлива и остывания сосудов шел при открытых или слегка прикрытых (в ветреную погоду) загрузочных для топлива и дымоотводящих отверстиях, со свободным доступом воздуха. Полувосстановительная среда создается

в том случае, когда доступ кислорода затруднен, но возможен в ограниченном объеме.

Наблюдения за характером цвета поверхностей и изломов русской керамики позволили сделать некоторые выводы об особенностях ее обжига:

- небольшая часть изученной керамики обжигалась в стабильных условиях гончарного горна, иногда с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления (700–850°), что проявилось в наличии темной прослойки в черепке. В зависимости от атмосферной среды окончательного этапа обжига посуда имела светло-коричневый или серый (черный) однотонный цвет;

- основная часть русской керамики получала термическую обработку в обжиговых устройствах типа печи с менее стабильными условиями. По-видимому, гончары делали попытку создать восстановительную среду, однако по причине плохой изоляции воздух в ограниченном объеме проникал в печь, в результате чего керамика получала буровато-серый цвет. Результаты изучения представлены в таблице 5.

Керамика из беложгущихся глин имеет, как правило, сквозной горновой обжиг. Например, из трех сосудов Ростиславля с ровной светло-терракотовой окраской два изготовлены из нежелезненных глин. При обжиге в восстановительной среде в горне такая посуда приобретает однотонный светло-серый или черный цвет.

Гончарные горны XIII–XIV вв. для обжига бытовой посуды известны в Самарском Поволжье благодаря раскопкам Сухореченского поселения и ремесленного центра на дюне Большой Шихан, расположенных в юго-восточных районах данного региона и не содержащих керамику русских форм (Васильева, 1993. С. 148–174). Это были двухъярусные, глинобитные, углубленные в материковый грунт, круглые в плане горны с двумя камерами: топочной и обжигательной, которые располагались одна над другой и были разделены между собой горизонтальной перегородкой с продухами. В горне на дюне Большой Шихан имелся круглый опорный столб в топочной камере. В этих горнах

⁴ Для легкоплавких глин – до 700–850°.

⁵ Примерно такой режим обжига в гончарном горне используется нами в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства. Горн построен на базе экспедиции А. А. Бобринским. Режим был разработан им же, исходя из знания этнографического гончарства. Режим мог слегка корректироваться из-за плохой погоды, состояния высушенности продукции и т. д., но основная периодичность соблюдалась. Однажды нам было нужно придать сосудам-репликам более приглушенный темно-коричневый цвет. Мы решили сделать это за счет сокращения времени каления и объема топлива. Утром, когда открыли загрузочное отверстие, керамика выглядела вполне обожженной. Однако во время мытья в воде крупных кувшинов они «растаяли», превратившись в кучку глины. В горне не была достигнута температура каления, необходимая для физико-химических процессов, в результате которых глины теряют свою пластичность и приобретают свойства камнеподобного материала.

Таблица 5. Распределение образцов русской керамики XIII–XIV вв. по приемам термической обработки (среды: ОС – окислительная; ВС – восстановительная; ПС – полувосстановительная).

Памятники	Обжиговые устройства			Всего
	Горн		Печь	
	ОС	ВС	ПС	
Малая Рязань	16	7	75	98
Ближнее Константиново-1	–	2	42	44
Мякинино-1	–	–	12	12
Ростиславль	3	2	27	32
Москва, Кремль	–	5	45	50
Владимир	3	–	52	55
Всего	22; 7,6%	16; 5,4%	253; 87%	291

обжигались крупные кувшины, корчаги и другие сосуды в окислительной среде, после чего они имели равномерную светло-коричневую окраску поверхностей (хотя для изломов сухореченской керамики было свойственно наличие темно-серой сердцевины, образующейся вследствие неполной выдержки изделий при температурах каления). На Шигонском III поселении, основанном русскими переселенцами в XVII–XVIII вв., исследован горн подобной конструкции с опорным столбом (*Кирсанов*, 2010. С. 158). Горн был построен в песчаном грунте и быстро разрушился. Продукция, обожженная в нем, имела серую равномерную окраску поверхностей. На поселениях XIII–XIV вв. с русской керамикой, расположенных на берегах р. Волги в Самарском Поволжье, гончарные горны не известны. На Березовском поселении А. Е. Алиховой исследованы только остатки разрушенных печей, конструкция которых почти не восстанавливается (*Алихова*, 1960). Двухъярусные круглые гончарные горны для обжига бытовой посуды были известны древнерусским гончарам (*Розенфельдт*, 1962; *Седов*, 1958). Использование горнов для обжига русской керамики подтверждается также данными нашего исследования. Однако, в изучаемый период, по-видимому, широко использовался и печной обжиг.

Суммируя данные по закрепительной стадии русской гончарной технологии, можно сделать заключение о *частично сформированном состоянии* представлений русских гончаров о термической обработке керамики (*Бобринский*, 1999. С. 105).

Дополнительные ступени

К ним относятся орнаментирование посуды и изготовление служебных частей (носовых, ручек и т.д.). Для орнаментальных традиций русских гончаров изучаемого периода было характерно следующее. Орнаментации подвергалась только

часть бытовой посуды. Например, в изученной выборке верхних частей сосудов поселения Ближнее Константиново-1 всего 45% имели орнамент. Для орнаментированной керамики было свойственно неполное заполнение поверхности сосудов, украшалась в основном их верхняя часть, придонные участки не подвергались орнаментации. Орнаментирование производилось на гончарном круге и вручную без использования вращательного движения круга или при очень медленном его вращении. На керамике Березовского поселения, например, волнистый орнамент наносился так, что волны не совпадают друг с другом, а иногда даже переплетаются.

Изготовление служебных частей для гончарства изучаемого периода было не свойственно. В нашей выборке имелось всего две ручки из культурного слоя Московского Кремля и поселения Малая Рязань, изготовленные ручным способом из формовочных масс в первом случае с песком, во втором – с дресвой. Данные факты указывает на усложнение структуры некоторых русских гончарных производств до уровня *сложных* (12 ступеней) (*Бобринский*, 1999. С. 11). Существование гончарных производств с разными технологическими структурами может быть связано с неоднородностью состава гончаров. Однако единичность служебных частей сосудов в русском гончарстве указывает на существование процессов подражания новым формам, попадавшим в русскую среду в результате обменов, покупок и т.д. Изготовление кувшинов и сосудов других форм с плоскоовальными ручками было характерно для гончарных производств различных районов Золотой Орды.

На основании представленных выше данных по технологии изготовления русской керамики можно сделать следующие выводы.

Во-первых, структуру русской гончарной технологии XIII–XIV вв. можно охарактеризовать как *простую*, включавшую 10 обязательных и одну дополнительную (орнаментирование) ступени.

Во-вторых, уровень русской гончарной технологии, изученной по материалам вышеуказанных памятников, соответствует архегончарному, для которого характерны: 1) использование глин как *основного* пластичного сырья (глина составляла более половины объема формовочной массы, к ней добавлялись минеральные и органические примеси в разной концентрации, не превышающей 40–49%); 2) частично сформированное состояние представлений о роли термической обработки керамических изделий как средства придания им прочности и влагонепроницаемости (*Бобринский*, 1999. С. 84).

В-третьих, применение гончарного круга на уровне РФК 4–5 указывает на наличие *ремесленного характера* производства керамики (Р2) со сбытом продукции на рынке или путем распространения продукции по деревням, расположенным в радиусе не более одного дня пути (20–30 км) (*Бобринский*, 1978. С. 33).

В-четвертых, по итогам исследования можно составить *совокупность наиболее массовых гончарных традиций русского населения* (по изученным выборкам керамики). Она включает: представления о глинах как сырье для производства бытовой посуды; отбор жирных ожелезненных глин; составление формовочных масс с минеральными примесями (песком или дресвой); длительное сохранение реликтовой традиции добавления в ФМ органических примесей в виде выжимки из навоза; использование приемов скульптурной лепки при конструировании начин и полого тела (в основном – спирального налета из жгутов); применение гончарного круга для формообразования в виде частичного вытягивания и заглаживания поверхностей сосудов (РФК 4–5); обжиг в специализированных устройствах (печь); применение режима обжига с недостаточной выдержкой при температурах каления, с конечной полувосстановительной средой, в которой посуда приобретала пятнистый серовато-бурый цвет.

Все выделенные черты были присущи в полной мере производствам керамики русских форм Поволжья, в том числе и Самарского Поволжья. Исходя из этого, можно сделать вывод о массовом перемещении русского населения в Самарское Поволжье из зоны действия преимущественно традиций составления ФМ с дресвой – вероятно, из северо-восточных районов Руси. (Конечно, имеются

в виду в первую очередь гончары-ремесленники, которые смогли на новом месте организовать производство бытовой посуды, нашедшей своих традиционных потребителей.) Допустимо также предположение о переезде гончаров-ремесленников из зоны распространения русских традиций составления формовочных масс с песком. Возможно, не случайно, что на более раннем из известных поселении Березовка достаточно высок процент керамики именно с песком. Сближает эти два региона также отсутствие массового производства белоглиняной посуды. В Москве она массово появляется только на рубеже XV–XVI вв. В золотоордынское время производства белоглиняной посуды известны на недалеких от Среднего Поволжья территориях: в Рязанской земле (*Гоняный*, 1990) и Верхнем Поочье (*Болдин*, 2002). Однако можно констатировать факт отсутствия их в Самарском Поволжье, хотя минерально-сырьевая база беложгущихся глин по обоим берегам Волги имела (*Хасаев и др.*, 2006).

Сравнительный анализ данных по технологии изготовления русской керамики изучаемых территорий (для Поволжья имеется в виду XIV группа керамики по Т. А. Хлебниковой) позволил не только определить общие черты, но выявить и определенные различия. О специфике русской гончарной технологии Самарского Поволжья говорилось выше. Она может быть объяснена, с одной стороны, процессами адаптации гончаров к новым условиям, а с другой, – существованием большей неоднородности в составе гончаров, в отличие, например, от средневожских памятников – Ближнее Константиново-1 и Важнангерское городище. Можно попытаться найти этому объяснение в различном характере расселения: в Самарском Поволжье – насильственное перемещение пленных (в том числе гончаров) из разных северо-восточных (вероятно, и других) русских земель, а на более близких к русским границам территориях Среднего Поволжья – постепенное, добровольное (?), уходящее корнями еще в предмонгольское время переселение русских и смешение их с жившими там группами местного населения.

К особенностям русского гончарства в Поволжье, несомненно, следует отнести довольно широкое распространение производств керамики – подражания древнерусской посуде. На это обратила свое внимание Т. А. Хлебникова, выделяя XVI группу керамики и рассматривая ее как «результат проникновения на восток в конце домонгольского периода западных поволжских соседей болгар» (из мариинского и отчасти чувашского Поволжья)

Таблица 6. Распределение образцов керамики – подражания русской посуде XIII–XIV вв. из памятников Поводжья (XVI группа) по исходному пластичному сырью.

Памятники	ИПС (глины)					Всего
	ожелезненные		неожелезненные		Смеси глин	
	жирные	тощие	жирные	тощие		
1. Курмыш (Нижегород. обл.)	15; 100%	—	—	—	—	15; 100%
2. Важнангерское городи- ще (Марий Эл)	24; 100%	—	—	—	—	24; 100%
3. Болгар (Татарстан)	14; 74%	3; 15%	—	—	2; 11%	19; 100%
4. Иски-Казань (Татар- стан)	2; 67%	1; 33%	—	—	—	3; 100%
5. Березовка	13; 45%	16; 55%	—	—	—	29; 100%
6. Печерские Выселки	5; 71%	2; 29%	—	—	—	7; 100%
7. Верхнее Хрящевское поселение	3; 100%	—	—	—	—	3; 100%
8. Барбашинское посе- ление	1; 50%	1; 50%	—	—	—	2; 100%
9. Междуреченское горо- дище	2; 100%	—	—	—	—	2; 100%
Всего	79; 76%	23; 22%	—	—	2; 2%	104; 100%

(Хлебникова, 1984. С. 232). М.Д. Полубояринова разделила горшки древнерусских форм Болгара по специфическому составу теста на три подгруппы: А – собственно русскую керамику, для которой были характерны примеси песка и дресвы, темно-серый цвет и трехслойный излом черепка; Б – древнерусские по форме сосуда, лучше обожженные, сделанные из теста без видимых примесей, иногда красноватого цвета; В – древнерусские по форме, лепные и гончарные сосуды с примесью раковины и шамота, серого или черного цвета (XVI группа по Т.А. Хлебниковой) (Полубояринова, 1993. С. 35).

Изучение технологии изготовления керамики данных подгрупп подтвердило подобное разделение (Васильева, 1993. С. 135–140). Сосуды характерных для древнерусского гончарства форм, изготовленные из глин без искусственных примесей, с мелким песком или с добавкой одного органического раствора могли быть продукцией болгарских гончаров-ремесленников (табл. 2). Вероятно, к технологическим приемам этих гончаров относится и единично зафиксированный случай применения емкостно-донной программы конструирования начина. Переход части болгарских ремесленников на изготовление посуды чужих форм явно

был вызван экономическими причинами, он является свидетельством значительности масс русских переселенцев в Поволжье и устойчивости вкусов потребителей такой посуды.

Совершенно другой характер имел процесс формирования XVI группы керамики – подражания русским формам. Ниже представлены таблицы, в которых содержатся результаты изучения ИПС и ФМ данной керамики.

Керамика XVI группы довольно четко по специфическим примесям и уровню развития РФК делится на три подгруппы, за которыми стоят разные в культурном отношении группы поволжского населения, а также история их происхождения и формирования (Никитина, Михеева, 2006. С. 107–111). Первая подгруппа является преимущественно продукцией домашних производств. Освоение функций гончарного круга в качестве инструмента для заглаживания в них только начиналось (с уровня РФК-1). Для этих производств было характерно применение ожеженных жирных глин и большое разнообразие рецептов ФМ, в которых преобладала добавка шамота. Смешанные рецепты, содержащие две разные минеральные примеси с одинаковой технологической направленностью,

Таблица 7. Распределение образцов керамики – подражания русской посуде XIII–XIV вв. из памятников Поволжья (XVI группа) по формовочной массе (ОР – органический раствор; П – песок; Д – дресва; Ш – шамот; ДР – дробленая раковина. 1 – Курмыш; 2 – Важнангерское городище; 3 – Болгар; 4 – Иски-Казань; 5 – Березовка; 6 – Печерские Выселки; 7 – Верхнее-Хрящевское поселение; 8 – Барбашинское поселение; 9 – Междуреченское городище).

№ памятника	Формовочные массы														Всего
	ДР	ДР+ОР	ДР+П	ДР+П+ОР	ДР+Ш+П	ДР+Ш+ОР	ОР	П+ОР	Ш+ОР	Д+ОР	Д+Ш	П+Ш+ОР	Д+Ш+ОР	П+Д+ОР	
1	–	13; 87%	–	2; 13%	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	15; 100%
2	5; 20%	7 29%	4; 17%	4; 17%	3; 13%	1; 4%	–	–	–	–	–	–	–	–	24; 100%
3	4; 20%	2; 10%	–	–	–	1; 6%	1; 6%	3; 15%	4; 21%	1; 6%	1; 6%	2; 10%	–	–	19; 100%
4	–	1; 33%	–	2; 67%	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3; 100%
5	–	6; 22%	–	–	–	2; 7%	1; 3%	3; 10%	6; 22%	1; 3%	–	8; 27%	1; 3%	1; 3%	29; 100%
6	–	–	–	–	–	–	1; 14%	4; 58%	1; 14%	–	–	1; 14%	–	–	7; 100%
7	–	1 33%	–	–	–	–	–	1; 33%	–	–	–	1; 33%	–	–	3; 100%
8	–	–	–	–	–	–	–	–	1; 50	1; 50	–	–	–	–	2; 100%
9	–	2; 100%	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2; 100%
Всего	9; 9%	32; 31%	4; 4%	8; 7%	3; 3%	4; 4%	3; 3%	11; 11%	12; 11%	3; 3%	1; 1%	12; 11%	1; 1%	1; 1%	104; 100%

как правило, также содержали шамот. Вторая подгруппа включает керамику, изготовленную в основном с помощью гончарного круга (уровень РФК 5). Массовой традицией составления ФМ являлось добавление дробленой раковины как самостоятельной примеси, так и в смешении с другими минеральными и органическими добавками. К третьей подгруппе можно отнести посуду с примесью песка и дресвы, которые часто смешивались с органическими добавками (рецепты, характерные для древнерусского гончарства). Уровень использования гончарного круга также различен.

По нашему мнению, появление данных подгрупп керамики в Поволжье являлось результатом переселения еще в предмонгольское время русского населения со своим гончарным производством. Начавшийся процесс сосуществования и взаимодействия двух разных систем гончарных технологий – русской, оснащенной гончарным кругом, и существовавших до этого в Среднем Поволжье

местных, не освоивших еще данное техническое приспособление, – привел в действие механизм «встраивания» и адаптации новых форм посуды и гончарного круга в гончарные системы местных гончаров (Бобринский, 1999. С. 53–73). В результате появились гибридные формы сосудов и началось освоение гончарного круга. В ситуации, когда гончар до этого не пользовался кругом, освоение орудия начиналось с условного нуля: круг служил поворотным столиком, облегчавшим конструирование посуды прежними способами (Бобринский, 1999. С. 57).

В XIII–XIV вв. в рамках единого государства Золотой Орды активно происходил процесс размывания традиционных границ между этническими массивами Среднего Поволжья, что вело к их активному взаимодействию и смешению. Все это нашло отражение в гончарной технологии. Обратить внимание на характер изменений в местном поволжском гончарстве – они стали результатом

именно смешения гончарных традиций, а возможно, и самих групп населения. В этом заключается отличие процесса распространения и внедрения полной русской гончарной технологии в среде нерусского населения Поволжья, происходившего в конце XIX–XX вв. и известного по этнографическим данным (Бобринский, 1999. С. 12). К приезжим русским гончарам на обучение приходили молодые люди мужского пола, которые обучались всем приемам русских гончаров – от отбора сырья до обжига. Позже они использовали полученные навыки в самостоятельной работе, основав мордовские гончарные династии. При этом у мордвы вплоть до начала XX в. сохранялось женское традиционное производство керамики, для которого были свойственны архаичные приемы труда.

Увеличение источниковой базы, расширение хронологических и территориальных границ исследования позволили бы более детально изучить

историю взаимодействия русского и местных групп населения в Поволжье в XIII–XIV вв.

В заключении хотелось бы отметить, что большая трудность в изучении гончарства русского населения Поволжья заключается в отсутствии широкой сравнительной базы, т.е. результатов специального исследования технологии средневековой русской керамики по методике А. А. Бобринского. Проанализированное нами количество образцов керамики весьма ограничено и не позволяет претендовать на однозначность и завершенность полученных заключений. В то же время, основные вышеприведенные выводы базируются на исследовании выборки керамики из русских, весьма отдаленных друг от друга территорий, что дает право предполагать определенную общность и объективность зафиксированной информации. Дальнейшие исследования смогут уточнить и детализировать ее.

Литература

- Августинник А. И., 1975. Керамика. Л.
- Алихова А. Е., 1960. Русский поселок XIII–XIV веков у села Березовка // МИА. № 80.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Бобринский А. А., 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н. э.). М.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография. Самара.
- Болдин И. В., 2002. Круговая керамика из комплекса XIV в. // РА. № 4.
- Болдин И. В., 2010. Круговая керамика Верхнего Поочья и политическая история региона: опыт сопоставления // Древнее гончарство (итоги и перспективы изучения). М.
- Васильева И. Н., 1988. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Васильева И. Н., 1993. Гончарство Волжской Болгарии в XIII–XIV вв. Екатеринбург.
- Васильева И. Н., 1995. Болгарский керамический комплекс Междуреченского городища // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара.
- Васильева И. Н., 2000. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П., 1999. Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.
- Гоняный М. И., 1990. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону // Тр. ГИМ. Вып. 73. М.
- Егоров А. Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.
- Иванов А. М., Поляков К. В., 1960. Геологическое строение Куйбышевской области. Куйбышев.
- Кирсанов Р. С., 2010. Гончарство населения Самарского Поволжья в конце XVII–XVIII вв. // Древнее гончарство (итоги и перспективы изучения). М.
- Кочкина А. Ф., 2003. Новые материалы золотоордынского времени в Самарском Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза.
- Кузнецова Л. В., Скупова Т. Ю., 1987. Постников овраг – археологический памятник эпох камня–средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев.
- Матвеева Г. И., Кочкина А. Ф., 1998. Муромский городок. Самара.
- Никитина Т. Б., Михеева А. И. 2006. Аламнер: миф или реальность. Йошкар-Ола.

Полубояринова М. Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Полубояринова М. Д., 1992. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М.

Полубояринова М. Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XIV вв. М.

Розенфельдт Р. Л., 1962. Заметки о древнерусском керамическом производстве // КСИА. Вып. 87.

Седов В. В., 1958. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире // КСИИМК. Вып. 72.

Селезнев В. И., 1894. Производство и украшение глиняных изделий в настоящем и прошлом. СПб.

Смирнов А. П., 1951. Волжские Булгары. М.

Хасяев Г. Р., Емельянов В. К., Карев А. Л., 2006. Минерально-сырьевая база Самарской области: состояние и перспективы развития. Самара.

Хлебникова Т. А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). М.

Хлебникова Т. А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика (теория и методы историко-культурного подхода). М.

Шарганова О. Л., 2011. Сырье и формовочные массы круговой керамики из Гнездовского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (45). Новосибирск.

I. N. Vasilieva

A comparative study of Russian pottery technology of the Samara Region of the Volga valley and Northeast Russia of the second half of the 13th – 14th century

Summary

The paper presents the results of a comparative study of Russian pottery technology of Northeast Russia and the Volga valley in the 13th – 14th century based on 701 pottery samples from 17 settlements of the said period. The author examines the emergence of Russian

pottery traditions in the Samara area, their relation to Russian pottery in general, and raises the question of territories whence the Russian population migrated to the Volga valley.

А. Ф. Кочкина

К характеристике керамических материалов, исследованных И. Н. Васильевой

В связи с новыми исследованиями поселений золотоордынского времени на Самарской Луке актуализировался вопрос о выявлении истоков русского населения, проживавшего на этих поселениях. Изучая керамику как индикатор русского присутствия на золотоордынских поселениях, около 40 лет назад М. Д. Полубояринова (1978) обозначила основные трудности, не позволившие в полной мере установить направление переселенческих потоков русского населения в разные регионы Золотой Орды. Прежде всего, это было связано с состоянием источниковой базы по поселениям Руси. В настоящее время развитие новых подходов исследования самого массового материала, а именно технико-технологический анализ, позволяет вернуться к изучению проблемы истоков

русского населения Золотой Орды. Сравнительное исследование особенностей гончарства поселений Руси и русских переселенцев Поволжья может позволить выяснить исходные территории перемещений населения в результате монгольского нашествия.

В работе И. Н. Васильевой были использованы керамические материалы, происходящие из разных регионов Поволжья и Руси.

Первая группа материалов происходит из памятников Самарского Поволжья. Основой исследования является керамика, происходящая с Малоярзанского II селища (рис. 1). Селище находится на Самарской Луке, в 0,3 км к западу от с. Малая Рязань, на правом берегу р. Волги. Памятник, обнаруженный в 1982 г. А. В. Богачевым, имеет

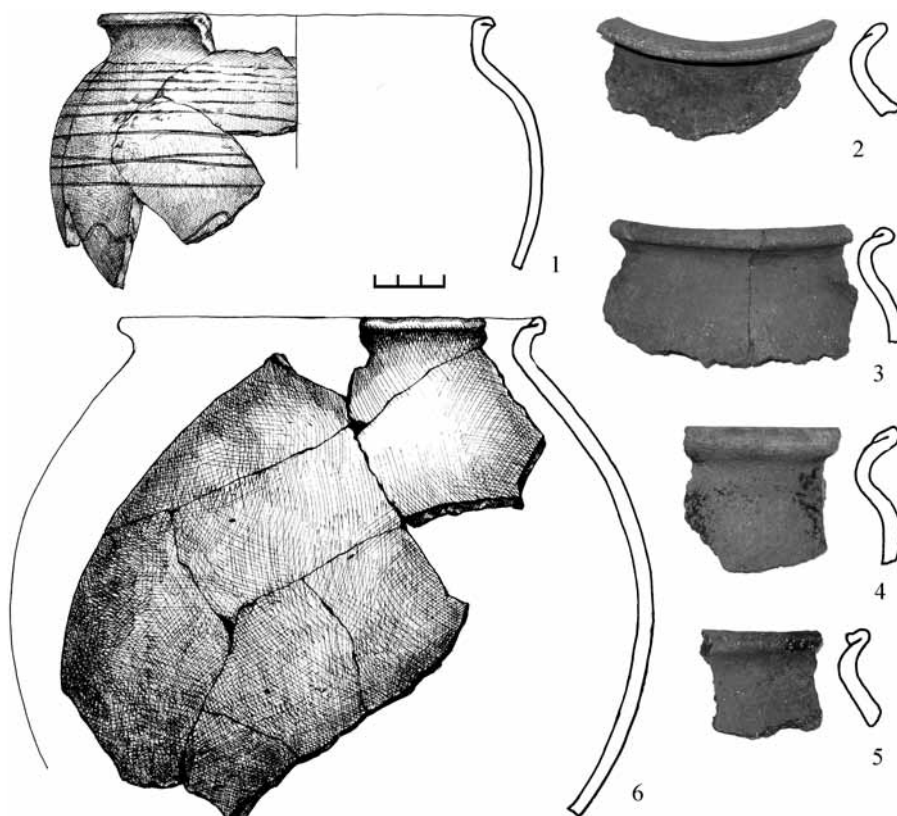

Рис. 1. Образцы керамики Малоярзанского II селища

общую площадь – 20 га. В 2007–2010 гг. А. Ф. Кочкиной на поселении и могильнике с христианским обрядом погребения исследовано 216 кв. м. Керамика представлена двумя группами: 25% – круговая золотоордынская ремесленная, 75% – русская керамика, в основном с примесью в глине дресвы. Русская керамика характеризуется горшковидными формами с характерным оформлением венчиков, находящихся аналогии в керамике русских поселений предмонгольского и золотоордынского периода. Небольшая часть сосудов орнаментирована разными видами рифления по тулову, волнистыми линиями и их сочетаниями, встречены клейма на сосудах. Керамика изготовлена преимущественно из ожелезненной глины, цвет поверхности и в изломе после обжига – от коричневатых тонов до буровато-серых. Единичны фрагменты сосудов из нежелезненной глины. На поселении найдены предметы христианского культа – нателный бронзовый крест с трехлепестковыми криво-видными концами, типичный для русских древностей XIV–XV вв. С погребением связаны находки створок двух бронзовых энколпионов конца XII – начала XIII в., являющихся изделиями византийской или киевской ювелирной школы. Среди находок – фрагмент вислой печати князя Дмитрия Александровича (1276–1281, 1283–1294), анонимный дирхем 686 Г.Х., Сарай. Исследованный комплекс связан с ремесленной мастерской, что подтверждается находками железных и бронзовых шлаков, медных оковок и обрезков, инструментария и др. Материалы, полученные при раскопках селища, позволяют охарактеризовать его как торгово-ремесленный поселок с преимущественно русским населением, насильственно перемещенным монгольской администрацией на Самарскую Луку для обеспечения нужд золотоордынского государства. Поселок, возникший во второй половине XIII в., скорее всего, прекратил свое существование в ходе смуты 1360-х годов. Случайные находки монет хана Тохтамыша на поселении единичны.

Близки к малорязанскому керамическому комплексу материалы с других поселений Самарского Поволжья. Керамика большинства этих памятников анализировалась М. Д. Полубояриновой (1978). Березовское поселение расположено в устье р. Усы в месте впадения в Волгу. Ряд поселений размещался по реке Усе (Муранское, Печерские Выселки, Рубленое озеро), на Волге

расположено Междуреченское городище. Эти поселения находятся на правобережье Волги. На левом берегу Волги, на территории г. Самары расположено Барбашинское селище и поселение Постников Овраг. Были использованы результаты предшествующего исследования (Васильева, 1993).

Вторая группа материалов – керамика города Болгара и Иски-Казани (Татарстан). Были использованы результаты предшествующего исследования (Васильева, 1993).

Третья группа материалов происходит с памятников Нижегородского и Марийского Поволжья¹.

Русское селище Ближнее Константиново-1, обнаруженное в 1994 г., входило в ближнюю округу средневекового Нижнего Новгорода, его площадь составляет 1,8 га. В 1994–2003 гг. Н. Н. Грибовым в центральной части поселения изучено 1577 кв. м. Коллекция керамики составляет около 110 тыс. обломков. Ее основу составляют образцы русской посуды из красножгущихся глин (97,75%). Формы представлены преимущественно горшками средних или приземистых пропорций. В целом в оформлении сосудов прослеживается морфологическое разнообразие, свойственное русской керамике XIII–XIV вв. Среди разновидностей орнамента преобладает линейный разреженный, наносимый на верхнюю треть высоты тулова. Около 1,4% днищ имеют следы клеймения. На поселении выявлены усадьбы, включающие жилые, хозяйственные и производственные сооружения, найдены многочисленные находки предметов быта, инструментария, социально-престижные и культовые вещи, предметы импорта, – все это позволяет охарактеризовать селище как крупное владельческое село второй половины XIII – начала XV в. Наиболее активный период жизни на поселении приходится на середину – вторую половину XIV столетия, т.е. на время существования великого Нижегородско-Суздальского княжества. Для исследования были представлены материалы разных лет раскопок (рис. 2).

Поселение Курмыш-4 (Пильнинский район Нижегородской области) обнаружено в 1984 г. отрядом Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР под руководством М. Г. Жилина, его площадь составляет 16,5 га. По материалам раскопок 2008–2009 гг. Н. Н. Грибова, поселение датировано XIV – началом XV в. (Грибов, Ахметгаллин, 2010). Керамическая коллекция насчитывает около 20 тыс.

¹ Выражаю признательность всем авторам и участникам раскопок, предоставивших керамические материалы для исследования и давшие им общую характеристику, приводимую в данном приложении: Н. Н. Грибову, А. И. Михеевой, О. В. Зеленцовой, И. Н. Кузиной, Е. В. Майоровой, В. Ю. Ковалю.

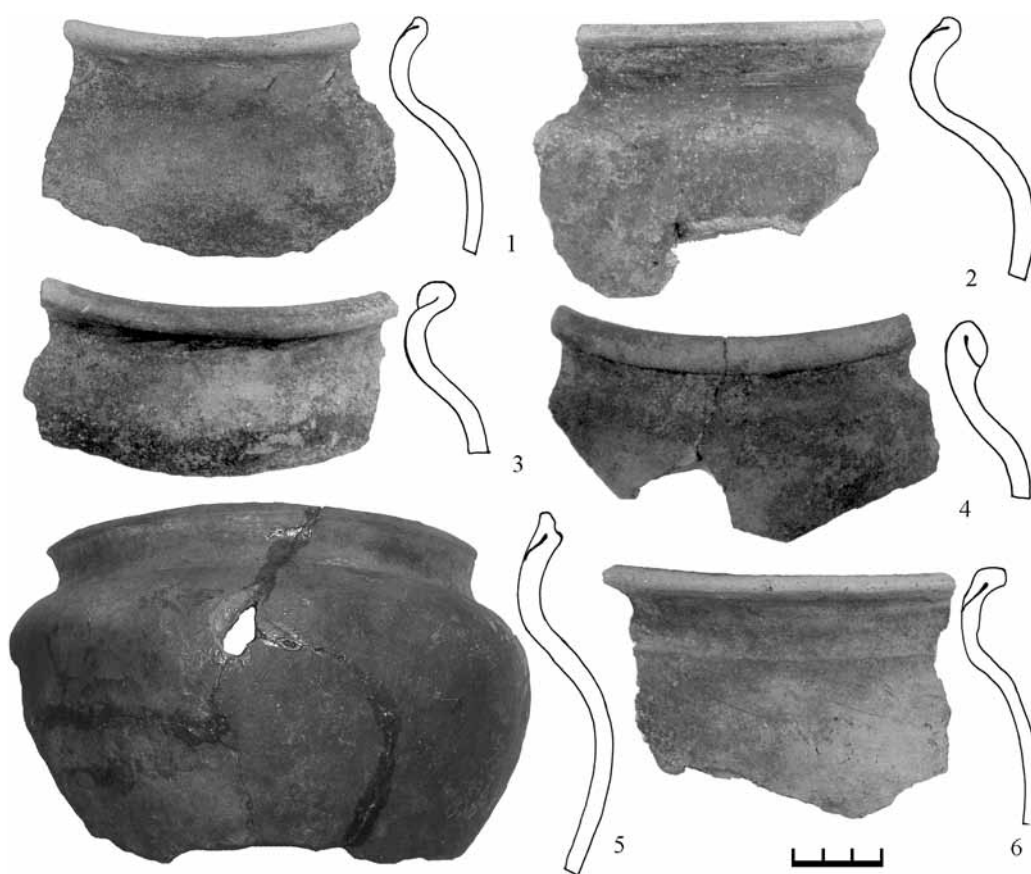

Рис. 2. Образцы керамики селища Ближнее Константиново-1

фрагментов и в ней выделяется несколько групп, среди которых доминирует (50,5%) так называемая славяноидная керамика (Хлебникова, 1967. С. 200, 201), изготовленная по традициям русского средневекового гончарства с примесью дробленой раковины в формовочной массе. Второй по численности является русская средневековая керамика с примесью песка или дресвы (29,7%). Меньшее распространение имеют круговая керамика с примесью шамота, по формам в большинстве случаев повторяющая известные образцы русской посуды (9,2%), лепная керамика с преобладающей добавкой того же шамота, по венчикам и формам сосудов очень близкая мордовской посуде (7,7%), ремесленная керамика эпохи Золотой Орды (2,2%). Поселение, вероятно, играло роль крупного ремесленного и торгового центра, основанного по княжеской инициативе на пересечении сухопутного и водного путей, ведущих в Орду. Оно было разграблено и окончательно заброшено во время нашествия Едигея на Русь зимой 1408–1409 гг.

Памятник обнаруживает ряд городских черт, к которым можно отнести большую площадь, полиэтничный характер населения, следы

разнообразной производственной деятельности, торговли.

Для исследования была передана группа керамики с примесью дробленой раковины (рис. 3).

Важнангерское городище (до 2000 г. называлось Мало-Сундырским городищем) расположено на Сундырской горе, на правом берегу р. Волги, в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Оно датируется XIV–XV вв. Известно с 1951 г., стационарные раскопки проводились в 1958, 1964 гг. Т. А. Хлебниковой, в 1983 г. Г. А. Архиповым, в 1999–2005 гг. Т. Б. Никитиной и А. И. Михеевой (Никитина, Михеева, 2006). Исследовано около 3000 кв. м площади. Выявлены сооружения жилого, хозяйственного, производственного назначения, оборонительные укрепления. Особый интерес представляет святилище со сложной структурой. Городище датировано XIV–XV вв. и определено исследователями как один из племенных центров древних мари.

Керамика Важнангерского городища была проанализирована А. И. Михеевой, при этом учитывались данные технико-технологического анализа, выполненные И. Н. Васильевой (Михеева, 2006).

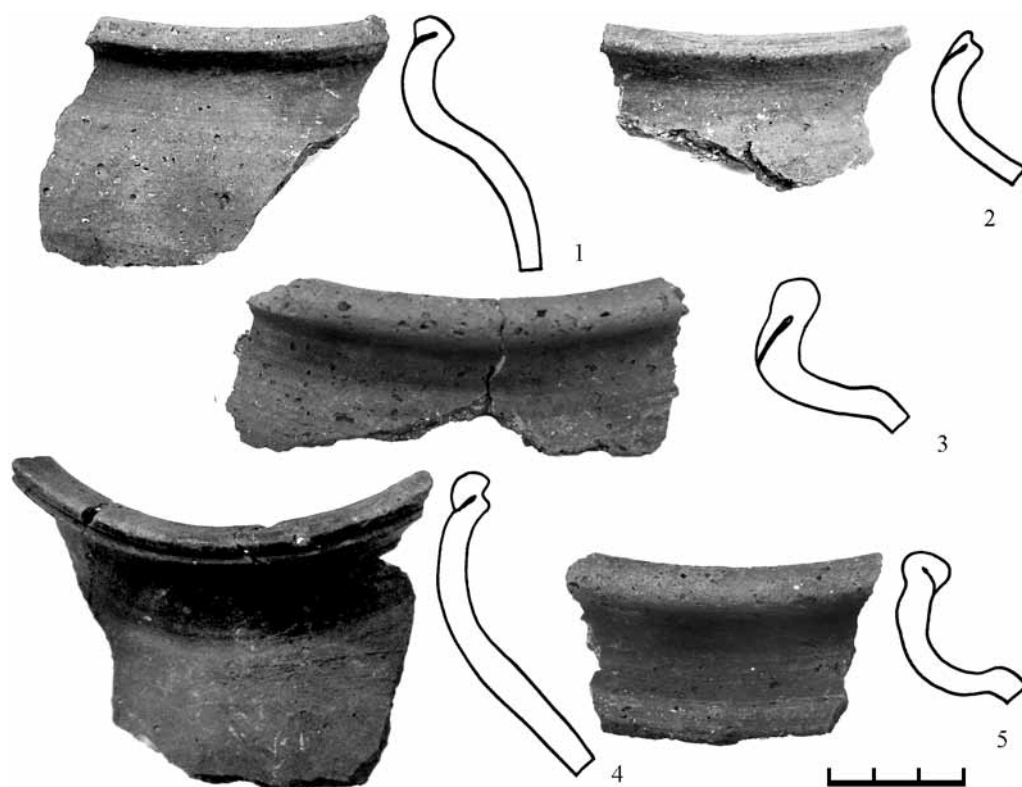

Рис. 3. Образцы керамики поселения Курмыш-4

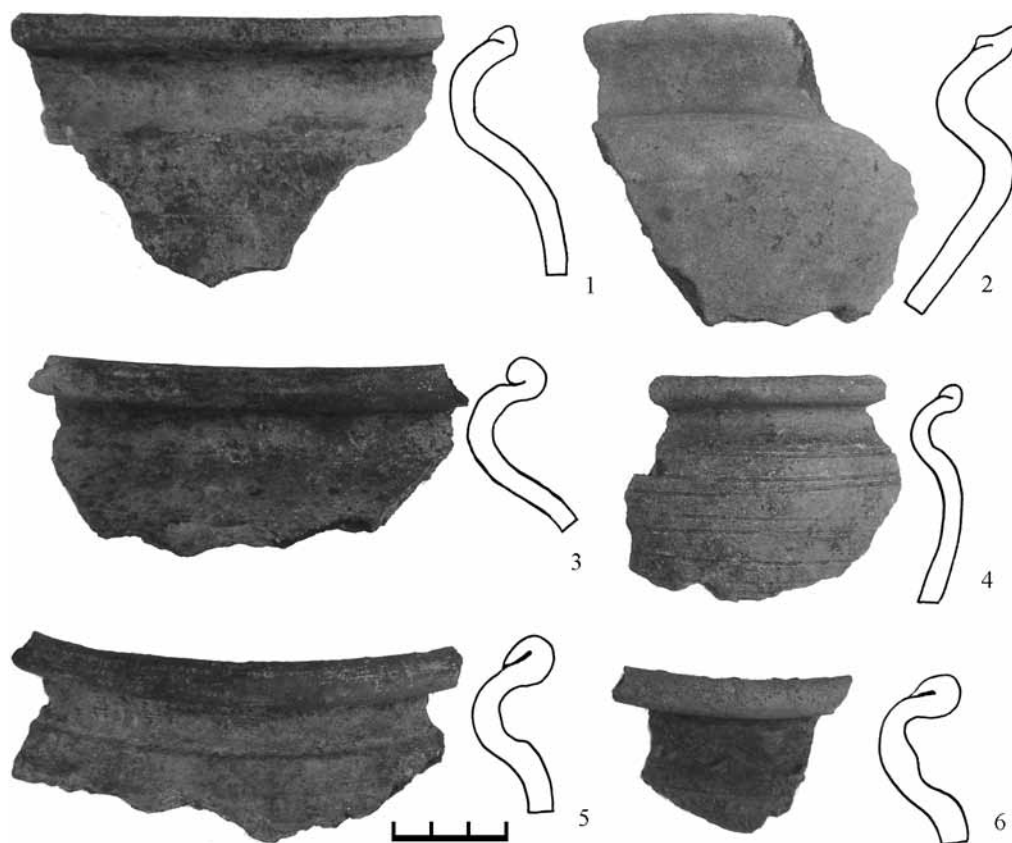

Рис. 4. Образцы керамики Владимира (13-й квартал, раскоп 2008 г.)

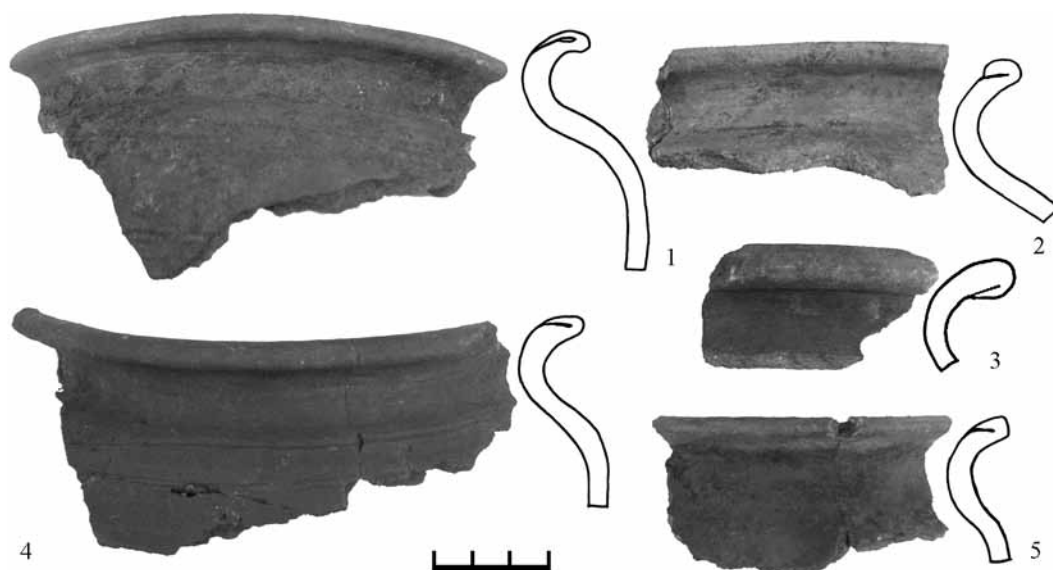

Рис. 5. Образцы керамики Ростиславля

Выделяются четыре группы керамики: 1) местная лепная и примитивно круговая с примесью шамота, дресвы, раковины и простым оформлением края венчика (42,5–64,1%); 2) «славяноидная» (18,7–37%); 3) древнерусская посуда с примесью дресвы в тесте (12–33%); 4) ремесленная круговая «булгарская» керамика (0,3–7,2%) (Михеева, 2006. С. 15).

Именно на материалах Важнангерского (Мало-Сундырского городища) Т. А. Хлебникова впервые выделила группу керамики, названной «славяноидной», так как в оформлении края венчика и горловины прослеживалось влияние славянской гончарной традиции, но в составе формовочной массы фиксировалась примесь дробленой раковины. Впоследствии, обобщая исследования керамики Волжской Булгарии, эта разновидность была отнесена к XVI этнокультурной группе, связывая ее происхождение с марийским и чувашским населением Поволжья «в период перехода от производства лепной керамики к круговой» (Хлебникова, 1984. С. 200, 201). В настоящее время установлено, что ареал данной керамики значительно шире, чем это считалось ранее. Вопрос об ее этнокультурной принадлежности вновь обрел актуальность и в связи с этим детально был рассмотрен Т. Б. Никитиной, которая склонна связывать ее с марийский этносом (Никитина, 2006).

Четвертую группу материалов составляет керамика русских городов и поселений Северо-Восточной Руси: Владимира, Москвы, Ростиславля и селища Мякинино.

Владимир – центр Северо-Восточной Руси. Для исследования были переданы материалы из рас-

копок в 13-м квартале 2008 г. (рис. 4). Волжской археологической экспедицией ИА РАН с 2006 г. ведутся охранные археологические исследования в исторической части г. Владимира на территории Мономахова города, в квартале 13 (общее руководство работами осуществляет О. В. Зеленцова). Общая исследованная площадь на этом участке составляет более 2500 кв. м. Из раскопа 2008 г. происходит около 70 000 обломков керамики, датированных с конца XII до XX в. При анализе керамики основное внимание исследователей привлекала домонгольская керамика и лишь отдельные типы и формы более позднего времени. Материалы 2008 г. были проанализированы Е. В. Майоровой (2012).

Кремль, Москва. Для исследования была передана керамика из раскопок на Подоле (в Тайнинском саду) (рис. 5). Раскопки проводились в 2007 г. по Открытым листам Т. Д. Пановой и В. Ю. Ковалю при непосредственном участии в руководстве работами Н. А. Макарова, А. В. Энговатовой, Л. А. Беляева, а также Н. А. Кренке, О. М. Олейникова, Д. О. Осипова. Керамика, собранная в раскопе, относится к собственно московскому производству, импортных изделий среди кухонной керамики здесь нет. Для изучения передавались образцы керамики XIII–XIV вв. из комплексов, датированных как по вещевому материалу, так и стратиграфии (с привлечением данных дендрохронологии).

Селище Мякинино-1 (Красногорский район Московской области) представляет собой остатки крупного сельского поселения Московской земли, размещавшегося на правом берегу р. Москвы.

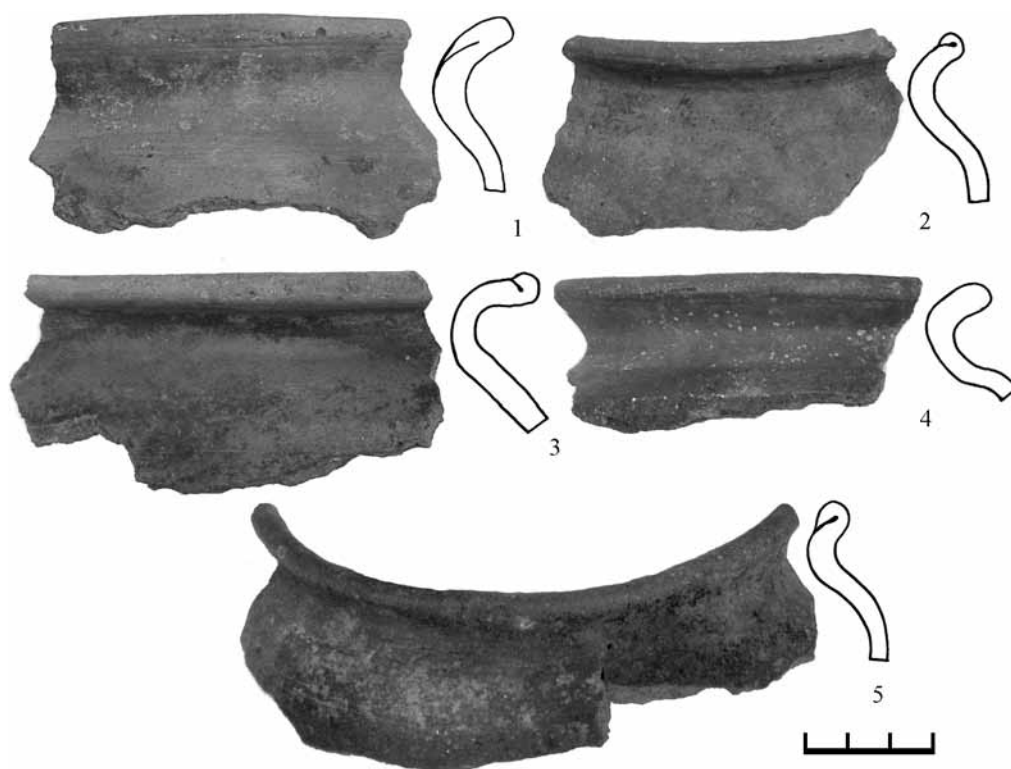

Рис. 6. Образцы керамики Московского Кремля

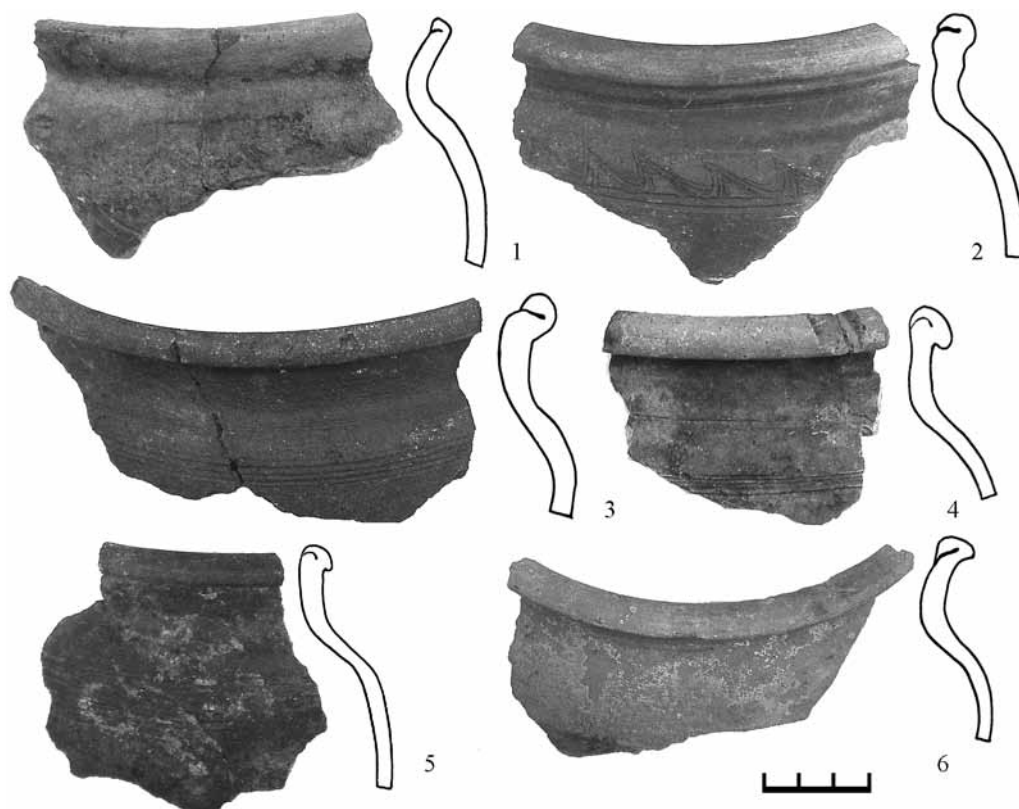

Рис. 7. Образцы керамики селища Мякинино-1

Археологический материал селища датируется в интервале от середины XII в. до конца XV в. Селище открыто А. В. Трусовым, широкомасштабные раскопки на памятнике велись в 2003–2006 гг. Подмосковной экспедицией ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой и В. Ю. Ковалю. Керамика типична для Москворецкого региона и чрезвычайно близка керамике Москвы (рис. 6).

Ростиславль – городище, остатки летописного города Рязанской земли, впервые упомянутого в 1153 г. Расположено на правом берегу р. Оки, в Московской области (Озерский район). Дата прекращения

жизни достоверно не известна, по данным археологии и письменным источниками предполагается начало XVII в. Ростиславль являлся одним из «малых городов» Рязанской земли, после присоединения Рязани к Москве – центр одноименного стана. Исследуется В. Ю. Ковалем с 1991 г. по настоящее время. Керамика типична для поокского региона Рязанской земли, т. е. в значительной степени изготавливалась из светложгущихся глин (рис. 7). В XII–XIV вв. она продолжает традиции южнорусского гончарства, в XV в. сближается с керамикой Коломны, в XVI в. идентична керамике Коломны.

Литература

Васильева И. Н., 1993. Гончарство Волжской Болгарии в XIII–XIV вв. Екатеринбург.

Грибов Н. Н., Ахметгалин Ф. А., 2010. Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Научный Татарстан. № 4. Казань.

Майорова Е. В., 2012. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок в 13-м квартале города Владимира // АВСЗ. Вып. 3. М. – СПб.

Михеева А. И., 2006. Поселения Марийского Поволжья в эпоху средневековья (XIII–XV вв.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.

Никитина Т. Б., 2006. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной керамики» Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. № 9 (2005–2006). Казань.

Никитина Т. Б., Михеева А. И., 2006. Аламнер: миф или реальность. Йошкар-Ола.

Полубояринова М. Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Хлебникова Т. А., 1967. Результаты исследований Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // Тр. МарНИИ. Вып. XXII. Йошкар-Ола.

В. В. Богомолов, О. Н. Заидов, Г. А. Шебанин, А. В. Шеков

Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области

В 2010 г. в Раменском районе Московской области на селище Кулаково 3 были проведены исследования на площади 3750 кв. м, попадавшей в полосу разрушения при строительстве автодороги – подъезда к г. Жуковский от автомобильной дороги М-5 «Урал» (рис. 1; рис. 2). В результате проведенных раскопок были изучены остатки стоянки эпохи неолита (около 4500 лет до н.э.), сооружений эпохи бронзы (III тысячелетие до н.э.) и усадеб XIV–XVI вв.

В статье рассматриваются итоги изучения археологического комплекса с остатками построек XVI в., располагавшихся в северо-восточном углу раскопа. Раскоп был вытянут вдоль берега ручья – правого притока р. Москва. Комплекс состоял из трех ям, расположенных в непосредственной близости друг от друга (рис. 3; рис. 4).

Яма 170 выявлена при зачистке материка в виде пятна подпрямоугольной формы (4,90 x 4,55 м), внутри которого выделялся контур (3,30 x 4,10 м), сложенный из бутового известнякового камня (рис. 4; рис. 5). Яма была заполнена светло-серой супесью с примесью угольков. На северо-восточном краю ямы верхняя часть заполнения была нарушена канавой, пролежавшей в сторону ручья. На дне ямы 170 обнаружено округлое углубление диаметром 1,35 м, с линзой угольков толщиной 0,15 м, под которой располагался тонкий (0,03 м) слой желто-бурой супеси. В юго-западном углу ямы 170 находилось еще одно круглое углубление диаметром 0,9 м и глубиной 0,20 м (рис. 6).

В заполнении ямы 170 найдено 123 фрагмента круговых керамических сосудов. Из них 63 относились к белоглиняной гладкой керамической посуде (МБК-2, или коломенского типа), 44 – к белоглиняной грубой (МБК-1), 13 – красноглиняной

гладкой, три принадлежали чернолощеным сосудам (рис. 6–12). Такое соотношение указанных групп керамической посуды, где доминирует белоглиняная гладкая (51%) и белоглиняная грубая посуда (36%), характерно для керамических комплексов из Москвы и Подмоскovie второй половины XVI в. (Чернов, 1991; Коваль, 2001. С. 103, 107; «Археология...», 2009. С. 68, 70, 71. Табл. 10, 11).

Отсутствие в комплексе из ямы 170 белоглиняной шероховатой керамики, и находки единичных фрагментов чернолощенных сосудов позволяют ограничить поздний предел датировки материала XVI в. («Археология...», 2009. С. 77), а доминирование фрагментов белоглиняной гладкой посуды, отмеченное Н. А. Кренке в заполнении печи 10 с территории Опричного двора, – второй половиной XVI в. («Археология...», 2009. С. 77, 70. Табл. 10).

Распределение фрагментов указанных групп керамической посуды в заполнении ямы 170 по глубинам, в принципе, одинаково. В придонной части заполнения ямы собран развал белоглиняного гладкого сосуда, покрытого когда-то изнутри нагаром (рис. 7).

На дне ямы 170 под остатками каменной кладки вдоль ее стен в каждом из четырех углов ямы были найдены по одной нижней части от четырех керамических сосудов:

1) нижняя часть с целым днищем от чернолощеного сосуда из теста без видимых примесей (рис. 8). Лощение сплошное, излом черепка серый, без следов вторичного обжига. Днище (диаметр 92–95 мм) – гладкое со смятой закраиной – также покрыто сплошным лощением. Вероятно, изначально дно было выполнено на подсыпке из мелкого песка, а затем заглажено в процессе лощения.

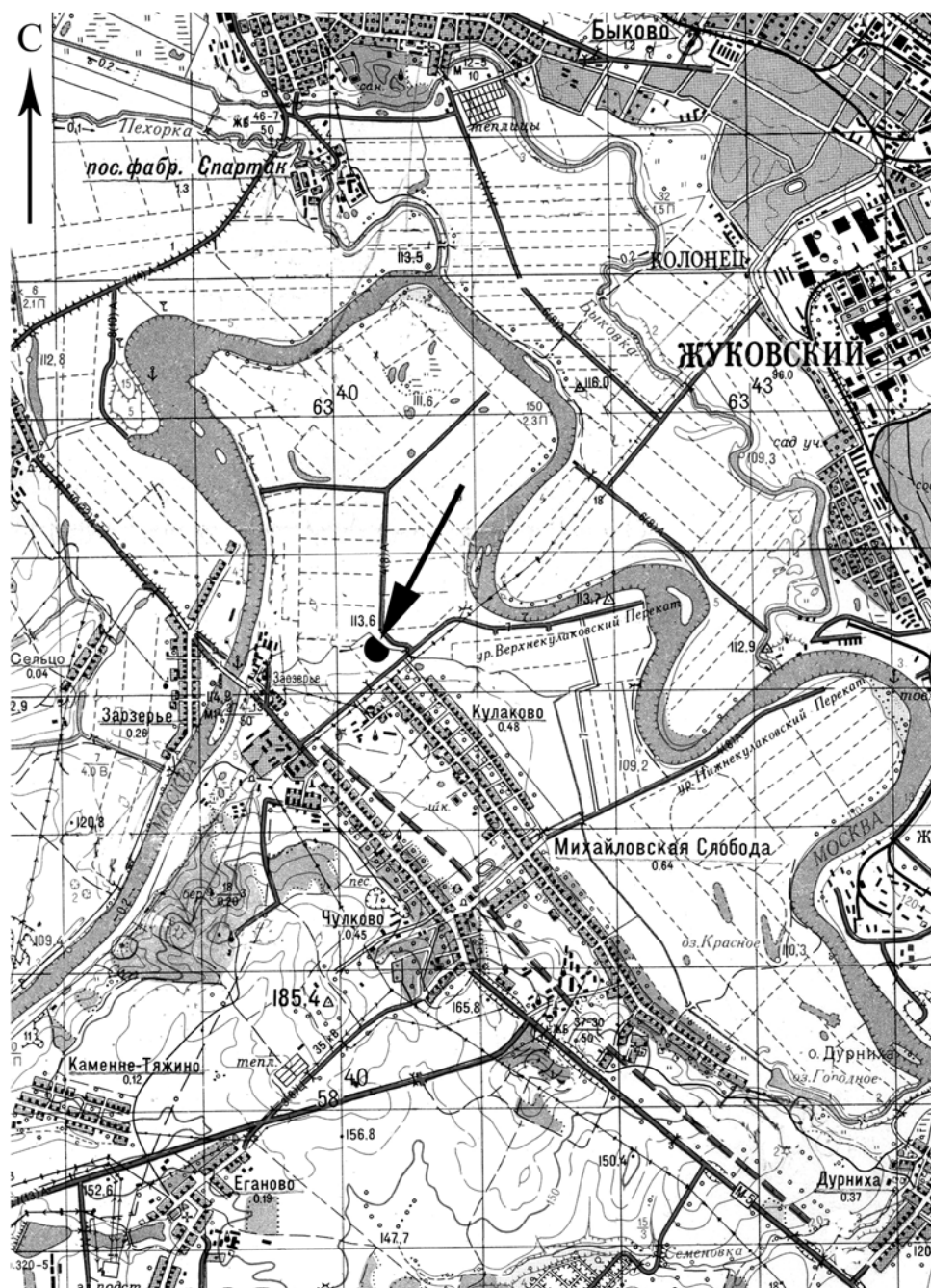

Рис.1. Поселение 3 у д. Кулаково. Местоположение селища указано черной стрелкой (сетка квадратов с шагом 2 км)

В 60 мм выше плоскости дна, по стенке нанесена горизонтальная линия, в 13 мм выше – еще одна. Угол отгиба стенки от линии дна составляет 124 градусов;

2) нижняя часть с целым дном от белоглиняного грубого горшка (МБК-1) из теста с присутствием в нем мелкого песка (рис. 9). Изнутри дно чистое, а снаружи – черное в результате вторичного обжига, вероятно, в ходе бытового использования. Излом черепка равномерно серо-белый.

Днище – гладкое и немного вогнутое внутри в центре, диаметром 71–74 мм, с небольшой смятой закраиной. Угол отгиба стенки от линии дна составляет 138–142 градусов;

3) нижняя часть с целым дном от белоглиняного грубого сосуда (МБК-1) из теста с присутствием в нем песка (рис. 10). Дно без следов вторичного обжига, но на его наружной поверхности и, отчасти, изнутри присутствуют коричневые пятна обвара. На наружной поверхности

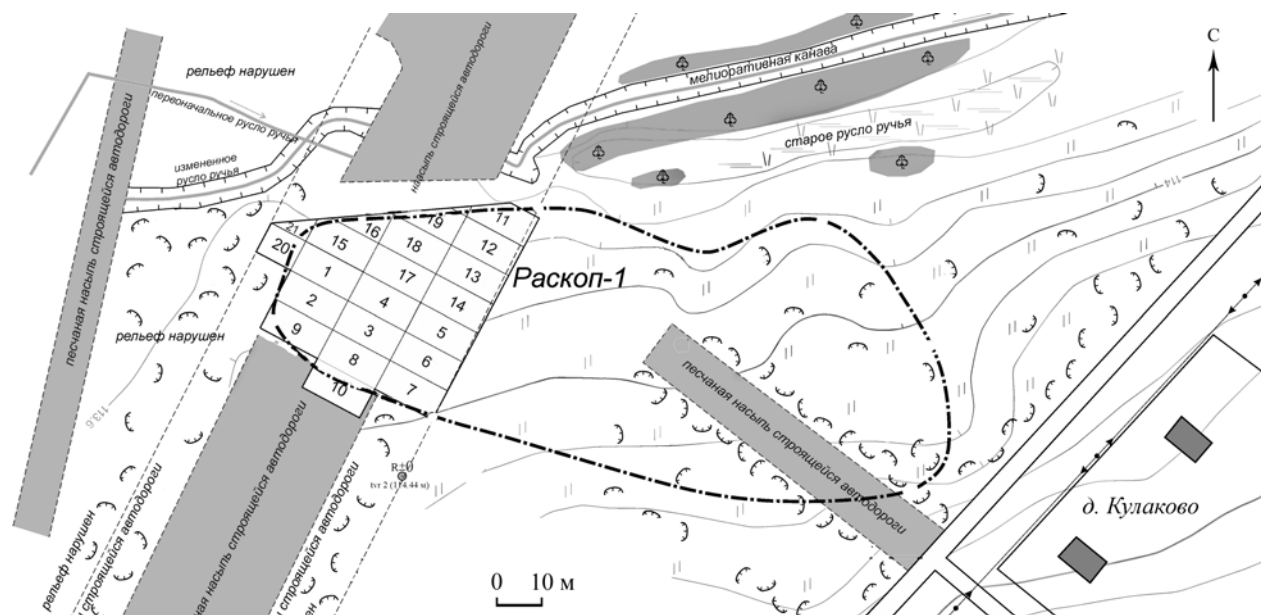

Рис. 2. Раскоп 1 на плане поселения Кулаково 3 у д. Кулаково

есть отпечаток пальца человека. Черепок обладает так называемой «звонкостью», характерной для гжельской посуды, и равномерно белый излом. Вероятнее всего, днище принадлежало кувшину гжельского производства (Полюях, 2005. С. 250–254). Днище (диаметр 131–134 мм) было выполнено на подсыпке песка размером до миллиметра. Следы песчаной подсыпки присутствуют, преимущественно, по краю днища, а в центре заметны следы подставки и, возможно, заглаживания. В 8–11 мм выше плоскости днища по стенке нанесена глубокая горизонтальная линия, частично заглаженная либо не смыкавшаяся изначально. Угол отгиба стенки от линии днища составляет 119–121 градусов;

4) нижняя часть с целым днищем от белоглиняного гладкого горшка (МБК-2, или коломенского типа) из теста без видимых примесей (рис. 11). Дно внутри чистое, снаружи имеет серо-белый цвет в результате вторичного обжига, вероятно, в ходе бытового использования. Снаружи стенки покрыты горизонтальными технологическими полосами. Черепок имеет излом равномерного серо-белого цвета. Днище – гладкое, неровной округлой формы диаметром 113–117 мм, имеет следы обработки ножом после снятия с круга и последующего заглаживания. Угол отгиба стенки от линии днища составляет 136–143 градусов.

Учитывая приведенную выше датировку керамического комплекса из ямы 170, днища, найденные по углам каменной кладки, наиболее вероятно, следует отнести ко второй половине XVI в.

Отметим, что среди фрагментов красноглиняной посуды из ямы 170 найдены только два венчика (рис. 12, 1, 2). Оба – на дне ямы. По В. Ю. Ковалю их следует отнести к типу 23/3 (Коваль, 2004. С. 58–63). По мнению И. А. Бойцова, появление московских красноглиняных гладких ранних горшков с венчиками подобной морфологии следует датировать концом XIV – началом XV в. (Бойцов, 1991. С. 35, 36). В пользу более ранней (чем общая датировка керамического комплекса из ямы 170) даты найденных венчиков свидетельствует присутствие в их тесте дресвы, которая, правда, не является доминирующей примесью. В трех фрагментах красноглиняных стенок также, кроме песка, присутствовала дресва, а их изломы были трехслойными, по площади преимущественно темно-серыми, поверхности – шероховато-бугристыми. Поэтому, небольшое количество красноглиняных фрагментов из заполнения ямы 170 следует отнести к переотложенной керамике конца XIV – первой половины XV в.

Южнее ямы 170, в непосредственной близости от нее, была исследована яма 171 (рис. 4). Близкая ориентация контуров этих ям позволяет предполагать, что они являлись остатками построек единого усадебного комплекса.

Основной объем ямы был заполнен темно-серой супесью, перемежавшейся прослойками золы и древесного угля. Вдоль бортов ямы это заполнение ограничивалось слоем желто-бурой супеси, отделенным от темно-серой супеси прослойкой древесного тлена, вероятно, оставшейся

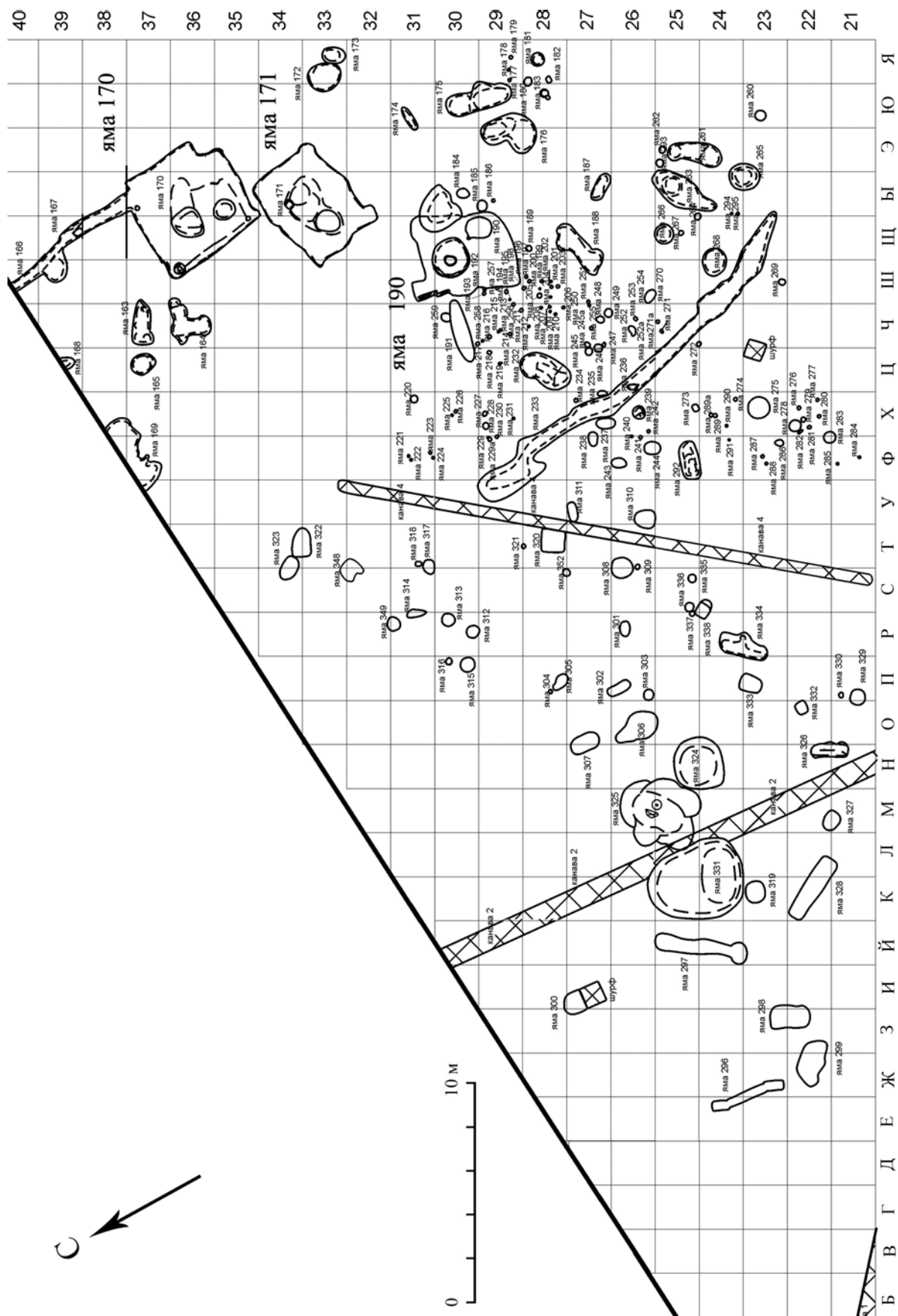

Рис. 3. План северной части раскопа 1

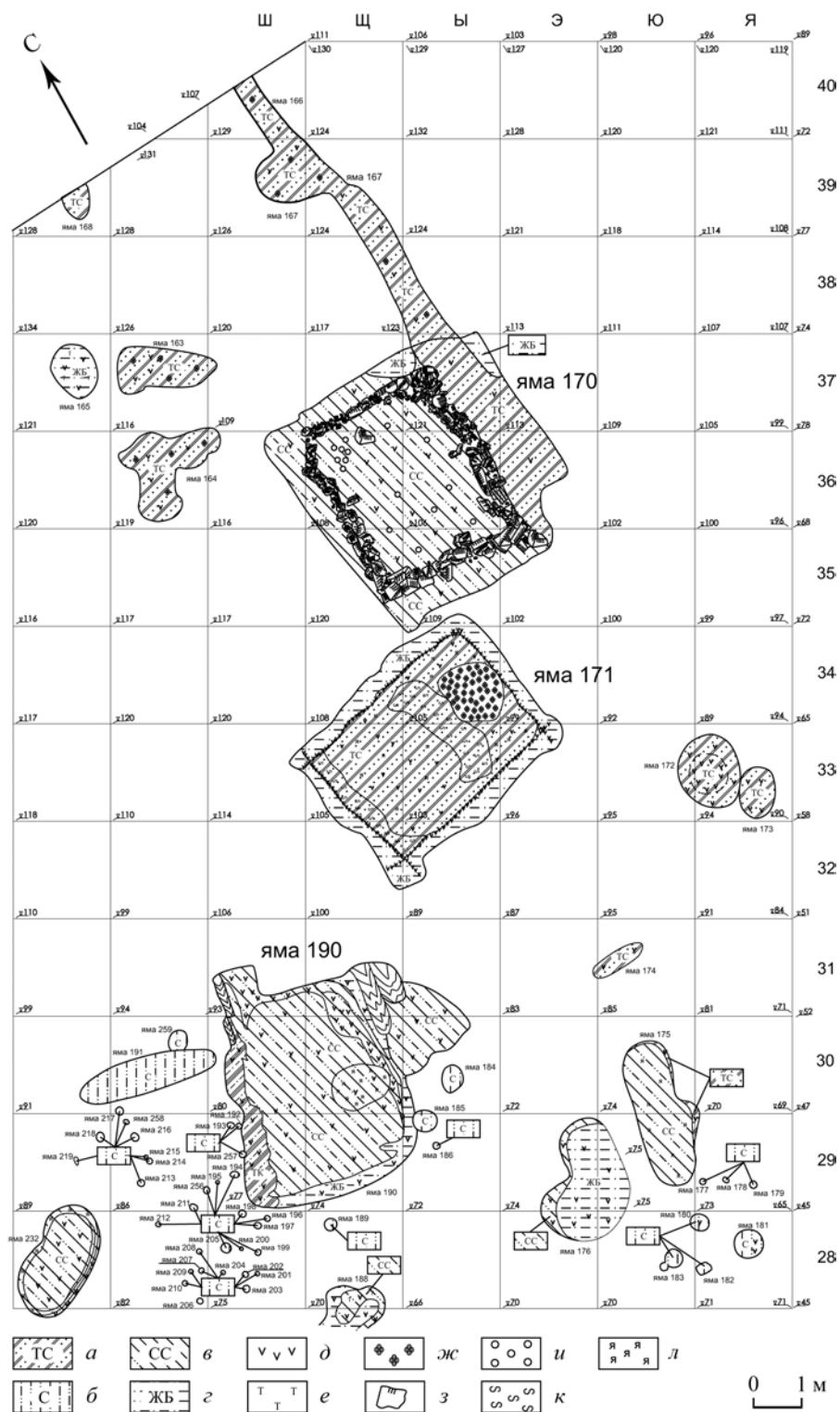

Рис. 4. Ямы 170, 171, 190 на плане раскопа 1

а – темно-серая супесь; б – серая супесь; в – светло-серая супесь; г – желто-бурая супесь;
 д – древесные угли; е – древесный тлен; ж – обожженная глина; з – известняковый камень; и – щебень;
 к – зола; л – скопления ярко-желтой супеси

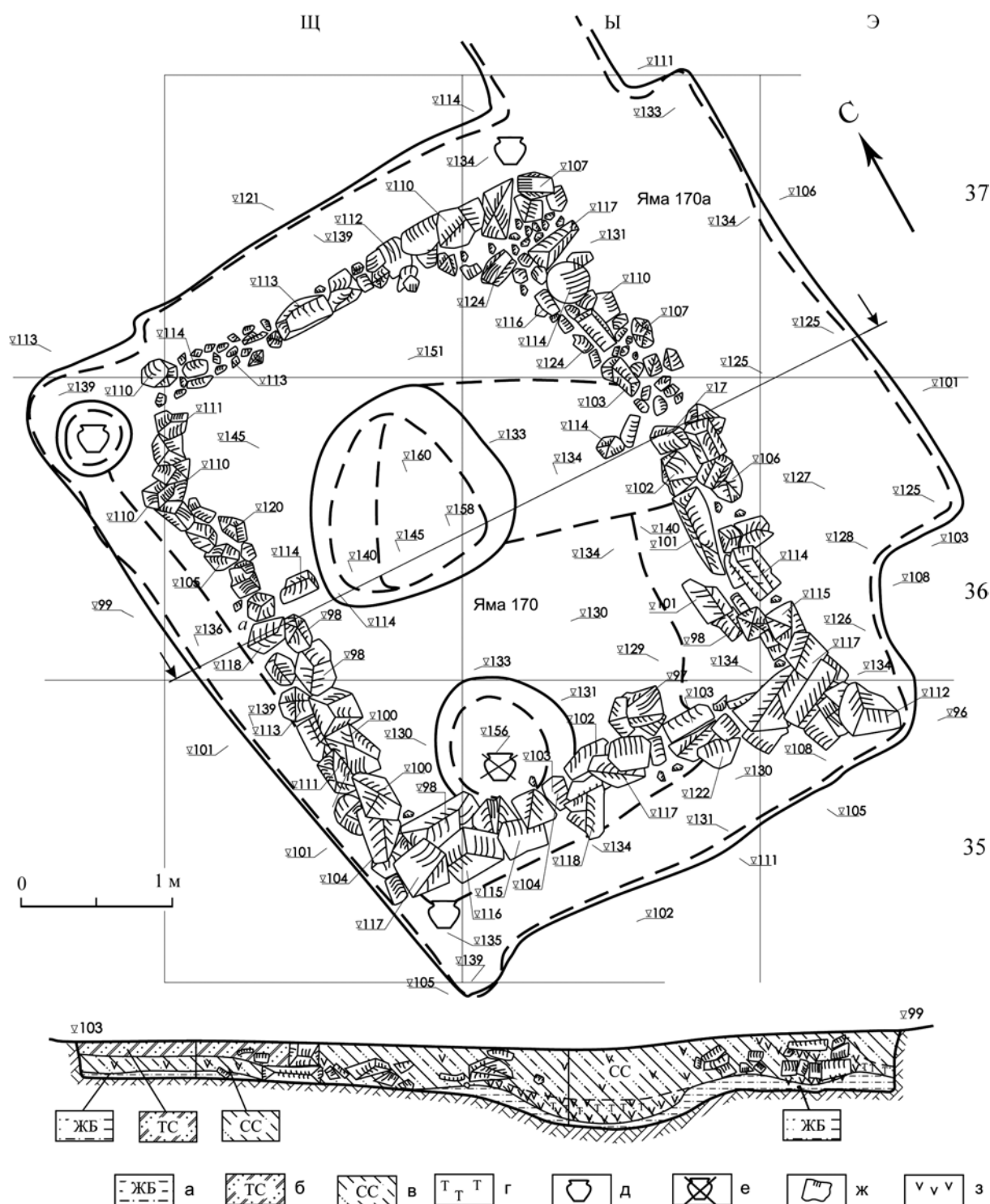

Рис. 5. Раскоп 1. План ямы 170

а – желто-бурая супесь; б – темно-серая супесь; в – светло-серая супесь; г – древесный тлен;
 д – нижняя часть сосуда; е – развал сосуда; ж – известняковый камень; з – древесный уголь

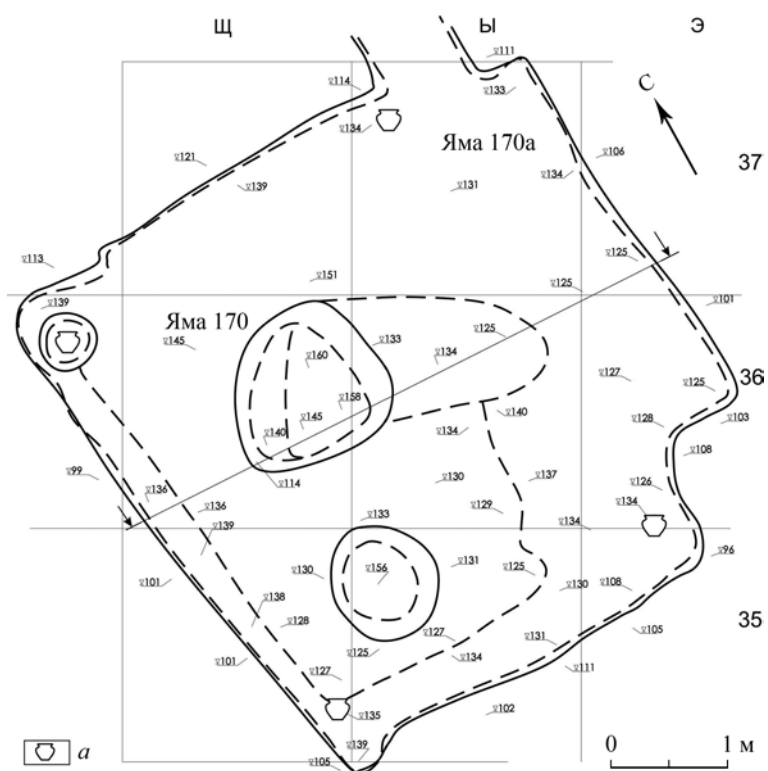

Рис. 6. Раскоп 1. План ямы 170 после выборки
а – нижняя часть сосуда

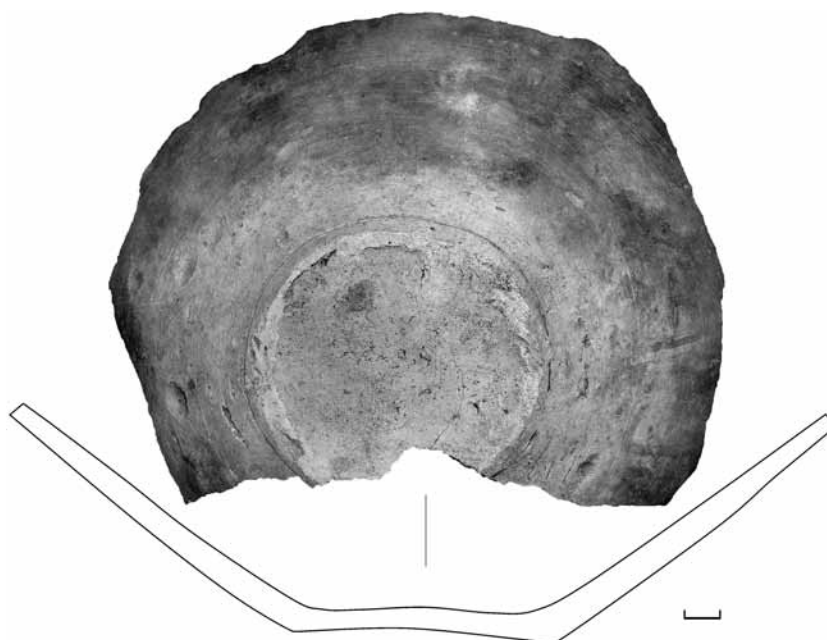

Рис. 7. Дно кругового белоглиняного сосуда (МБК-2). Яма 170

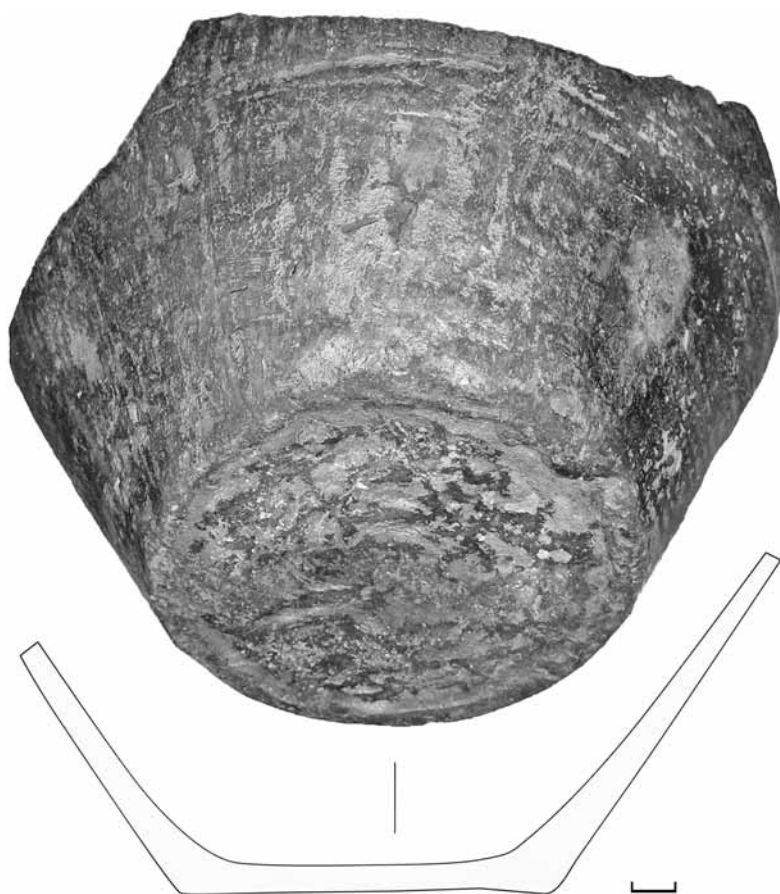

Рис. 8. Дно кругового чернolощеного сосуда. Диаметр донца 9,2–9,5 см. Яма 170

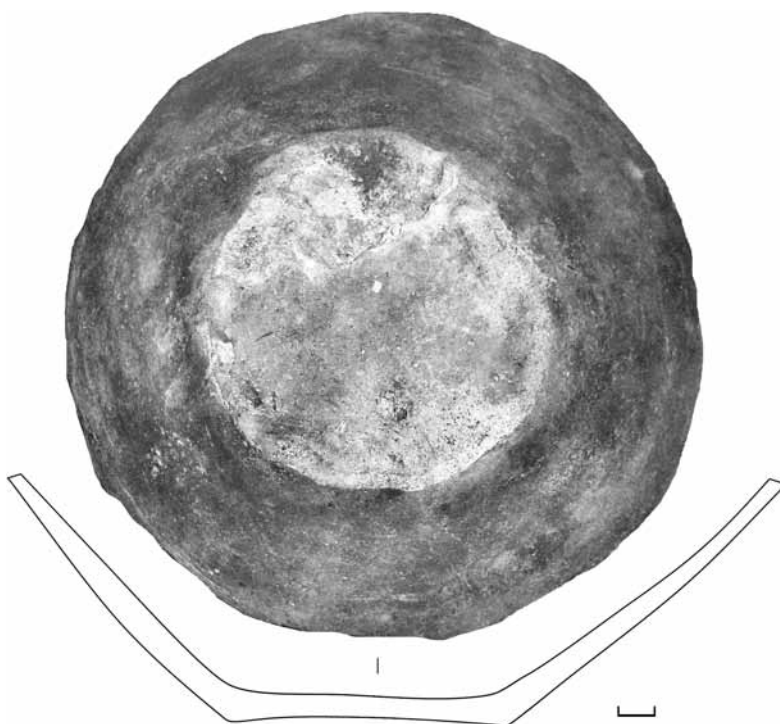

Рис. 9. Дно кругового белоглиняного сосуда (МБК-1). Диаметр донца 7,1–7,4 см. Яма 170

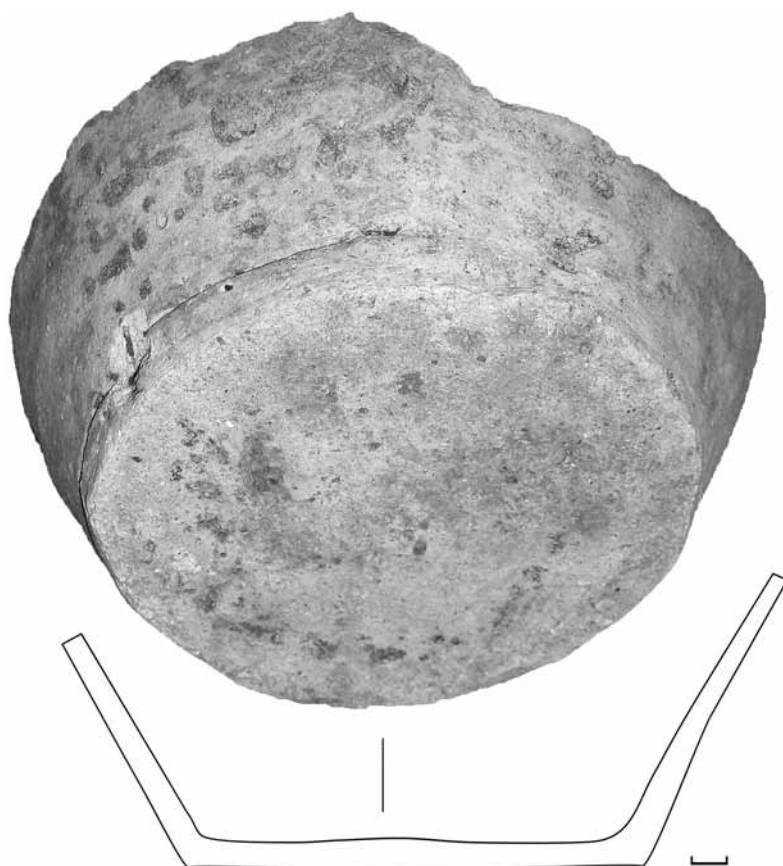

Рис. 10. Дно кругового белоглиняного сосуда (МБК-1). Диаметр донца 13,1–13,4 см. Яма 170

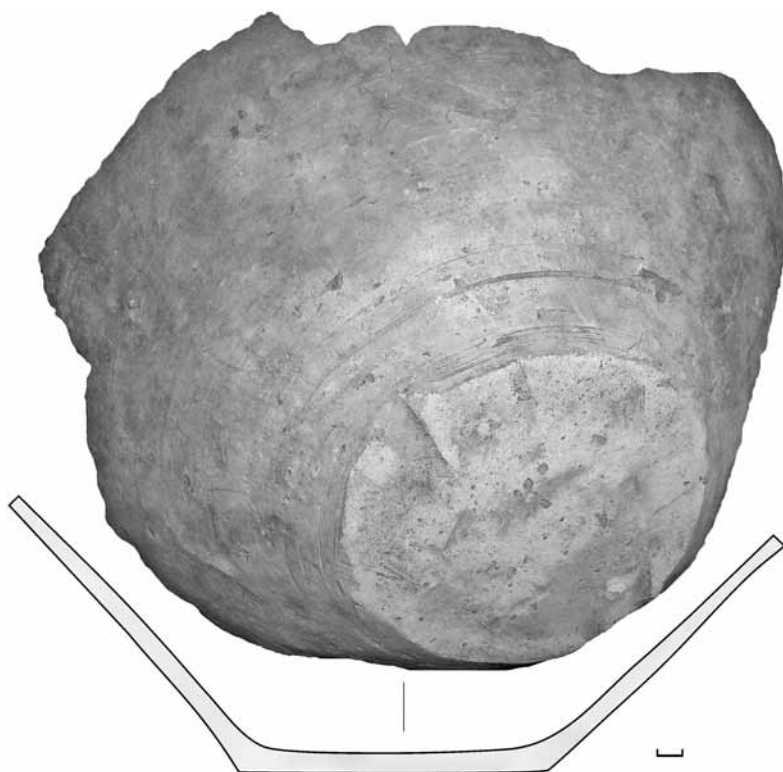

Рис. 11. Дно кругового белоглиняного сосуда (МБК-2). Яма 170

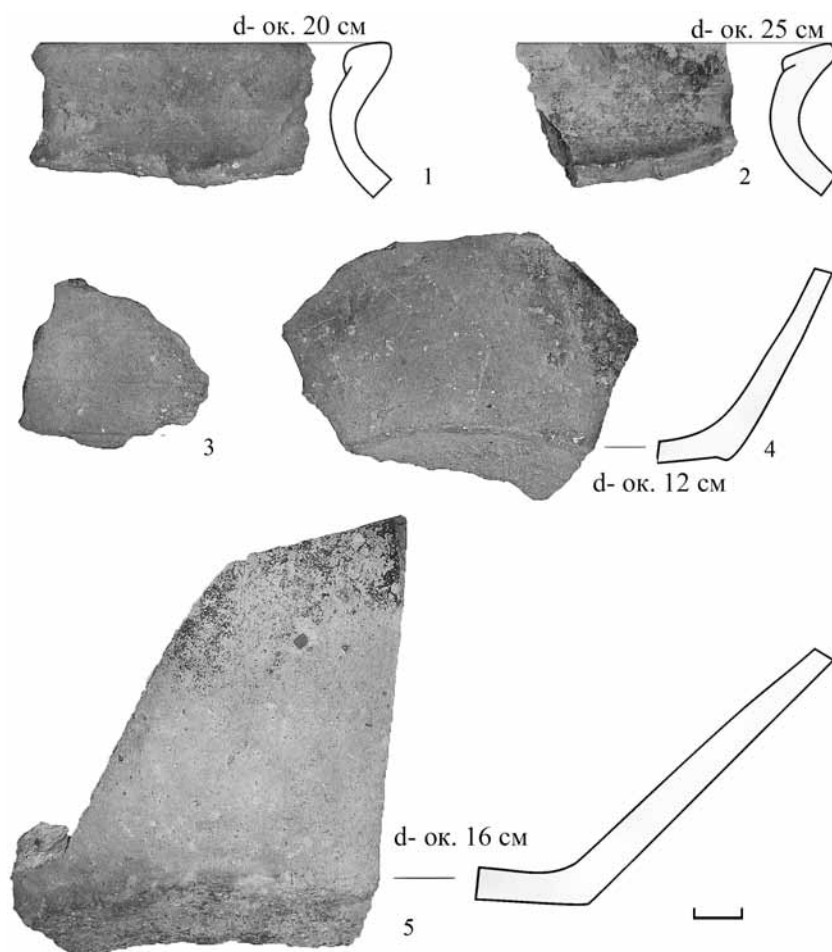

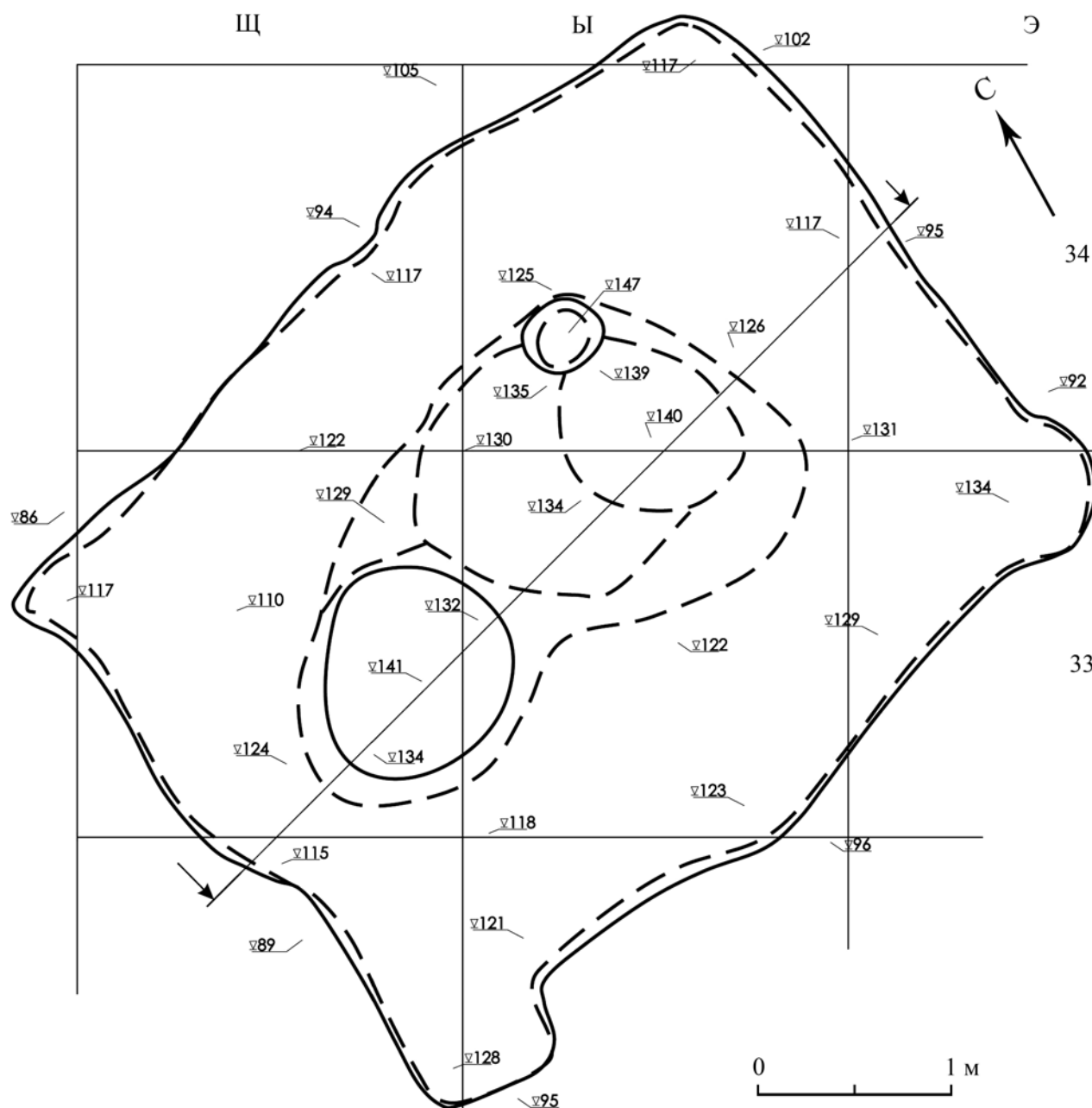
Рис. 12. Фрагменты круговой керамической посуды. Яма 170

1–4 – красноглиняная с песком и слюдой в формовочных массах; 5 – белоглиняная (МБК-1)

от деревянной обшивки стен котлована. В восточной части основного заполнения ямы было расчищено пятно обожженной глины подпрямоугольной формы размерами 2,30 x 2,15 м. С юга это скопление глины ограничивала сгоревшая деревянная плаха размерами 2,15 x 0,20 м. От дна ямы оно было отделено прослойками супеси, угля и золы. Вероятно, указанное скопление обожженной глины являлось остатками разрушенной печи (рис. 13). После выборки заполнения котлована на его дне была выявлена яма, по форме близкая к овальной и состоящая из трех округлых углублений диаметрами 1,00 м, 1,50 м и 0,35 м. Самая маленькая из них – столбовая, – заглубленная в дно котлована на 0,22 м, возможно, являлась угловой подпоркой опалубки печи. В юго-восточном и юго-западном углах котлована прослежены вырезки грунта, связанные с конструкцией углов обшивки котлована (рис. 14).

В заполнении ямы 171, в основании слоя обожженной глины, были найдены два бронзовых

нательных образки с изображением святого Никиты, побивающего беса (рис. 15). Нательные кресты и образки с изображением Никиты, побивающего беса, получили широкое распространение на всей территории Московской Руси. Сам сюжет происходит от апокрифического «Сказания о никитиных мучениях», которое было популярно в XIV–XVII вв. Представительная серия подобных нательных иконок известна в Москве (Векслер, Беркович, 2005). По мнению ряда исследователей, этот сюжет наиболее характерен для изделий новгородско-тверского круга XIV–XVI вв. В настоящее время известно более сотни предметов – крестов и нательных образков – носителей данного изображения. Два образка, обнаруженные в печной конструкции, относятся к распространенной разновидности подобных изделий, известных по исследованиям средневековых памятников Центральной России. Специфика изделий позволяет предположить, что они относятся к произведениям одной

отсутствует, нет и изображения скамьи. Никита показан с бородой, а его одежда изображена в виде короткого, до колен, кафтана, складчатого или стеганого, подпоясанного в талии широким кушаком. За спиной – складчатый плащ, завязанный или застегнутый на шее. Святой Никита избивает беса вервием или цепью, символизирующей оковы. Бес традиционно изображен обнаженным, спиной к святому, держащему его за волосы. Руки беса вытянуты вперед, ноги в движении: бес пытается вырваться. Крылья за спиной беса отсутствуют. Само изображение Нечистого –

нечто среднее между зайцем и человеком. По общему виду изображения можно сказать, что сюжет начал терять связь с апокрифичным текстом «Сказания».

Кроме этих изделий, в заполнении ямы 171 найдены 27 фрагментов круговой керамической посуды, в том числе 14 – красноглиняной, 12 стенок белоглиняной грубой керамики (МБК-1), из которых 11 принадлежали гжельским кувшинам, и обломков белоглиняной гладкой керамики (МБК-2). Найдены также два красноглиняных венчика (рис. 16). Керамика из ямы 171 характерна для XVI в.

Рис. 15. Бронзовые нательные образки. Яма 171

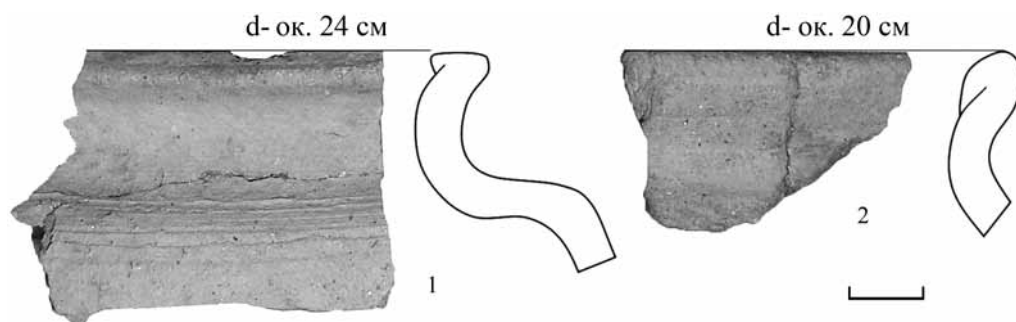

Рис. 16. Фрагменты круговых красноглиняных горшков с песком и редкими включениями слюды (изломы – красные). Яма 171

В двух метрах к юго-западу от ямы 171 была исследована яма 190, имевшая в плане подпрямоугольную форму, размерами 3,5 x 4,3 м (рис. 4). На уровне материка верхняя часть пятна была перекрыта углистой прослойкой, толщиной до 0,05 м. Под слоем угольков в центре ямы располагался пласт темно-коричневой супеси, насыщенной углями, а ниже – светло-серой супеси, толщиной до 0,35 м; затем – прослойка древесного угля. Под угольной прослойкой фиксировалось круглое

углубление (диаметром 1,75 м) в дне котлована, заполненное желто-бурой супесью с примесью угольков. Прямоугольная выемка в северном борту котлована ямы 190, возможно, являлась остатками входа в погреб. Вдоль западного борта ямы были расчищены остатки двух деревянных плах. Яма 190 перекрывала яму 190а, которая, судя по керамическому материалу, относилась к эпохе бронзы (рис. 17).

В заполнении ямы 190 были найдены целый красноглиняный горшок и 53 фрагмента круговых

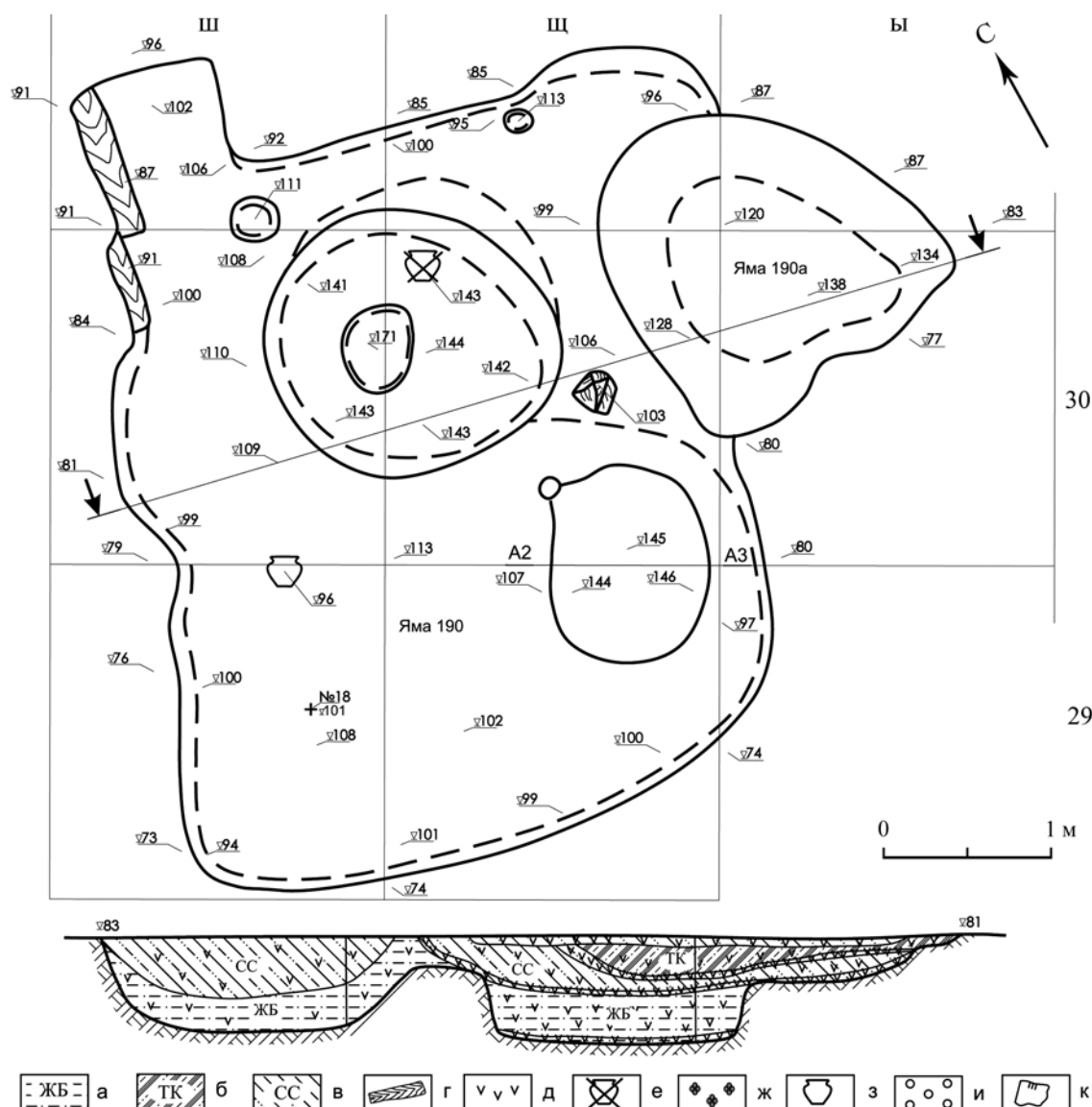

Рис. 17. План ямы 190

а – желто-бурая супесь; б – темно-коричневая супесь; в – светло-серая супесь; г – сгоревшая плаха; д – древесные угли; е – развал сосуда; ж – обожженная глина; з – целый сосуд; и – щебень; к – известняковый камень

керамических сосудов (50 – белоглиняной грубой керамики, 2 – красноглиняные (рис. 18), 1 – чернolощеный). Горшок, найденный в придонной части котлована, был сделан из теста с присутствием в нем мелкого песка и имел морфологию, характерную для московских красноглиняных гладких горшков второй половины XV–XVI в. (Чернов, 1991. Табл. 92, 3565, 96, 4417, 97, 4642; «Археология...», 2009. Рис. 213, 217, 222, 223). Сильно выраженное, но не поднятое выше основания шейки плечико, скорее, свидетельствует в пользу датировки сосуда XVI в. («Археология...», 2009. Рис. 223, 1–5). Горшок снаружи и частично изнутри был покрыт нагаром, что свидетельствует о его

бытовом использовании (рис. 19). Высота сосуда – 109 мм, наружный диаметр устья – 125–126 мм. Шейка близка к вертикальной, венчик оформлен заворотом черного края внутрь и затем сверху горизонтально обточен. Днище (диаметр 89 мм) имеет закраину, оно было выполнено на подсыпке из мелкого песка. По нижней части плечика горшок орнаментирован горизонтальными линиями.

Кроме того, из 31 фрагмента, найденного в заполнении ямы 190, была восстановлена почти полная форма белоглиняного кувшина (МБК-1) (рис. 20). Кувшин изготовлен из теста с мелким песком до 1,5 мм в поперечнике. Излом черепков – белый. Следов вторичного обжига на сосуде нет.

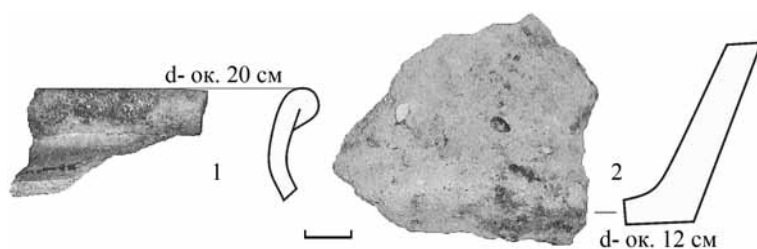

Рис. 18. Фрагменты круговой посуды. Яма 190
1 – белоглиняная грубая (МБК-1); 2 – красноглиняная с песком

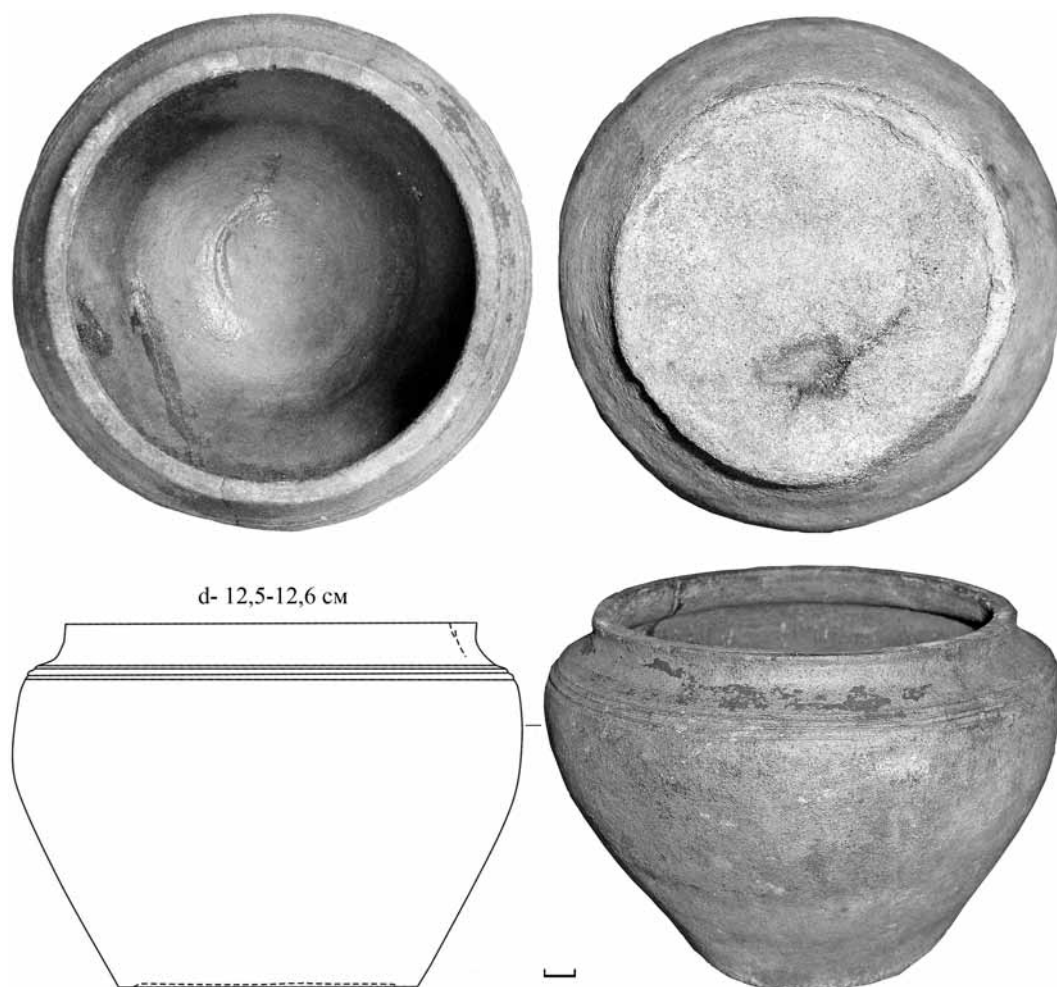

Рис. 19. Красноглиняный горшок. Яма 190

Венчик диаметром около 95 мм оформлен заворотом черного края наружу и приострен. Горловина имела оформленный слив. Днище (диаметр 110–114 мм) было выполнено на подсыпке из песка до 2 мм в поперечнике. Высота кувшина – 215 мм, максимальный диаметр тулова – около 190 мм. Кувшин имел ручку, оформленную

вертикальными нарезками, вероятно, предохранявшими ее от растрескивания во время обжига. Такие кувшины делали в Гжельской волости в XVI в., начиная с первой половины столетия (Полюях, 2005. С. 250–254).

Характеристики остальных фрагментов керамики, найденных в яме 190, в том числе одного

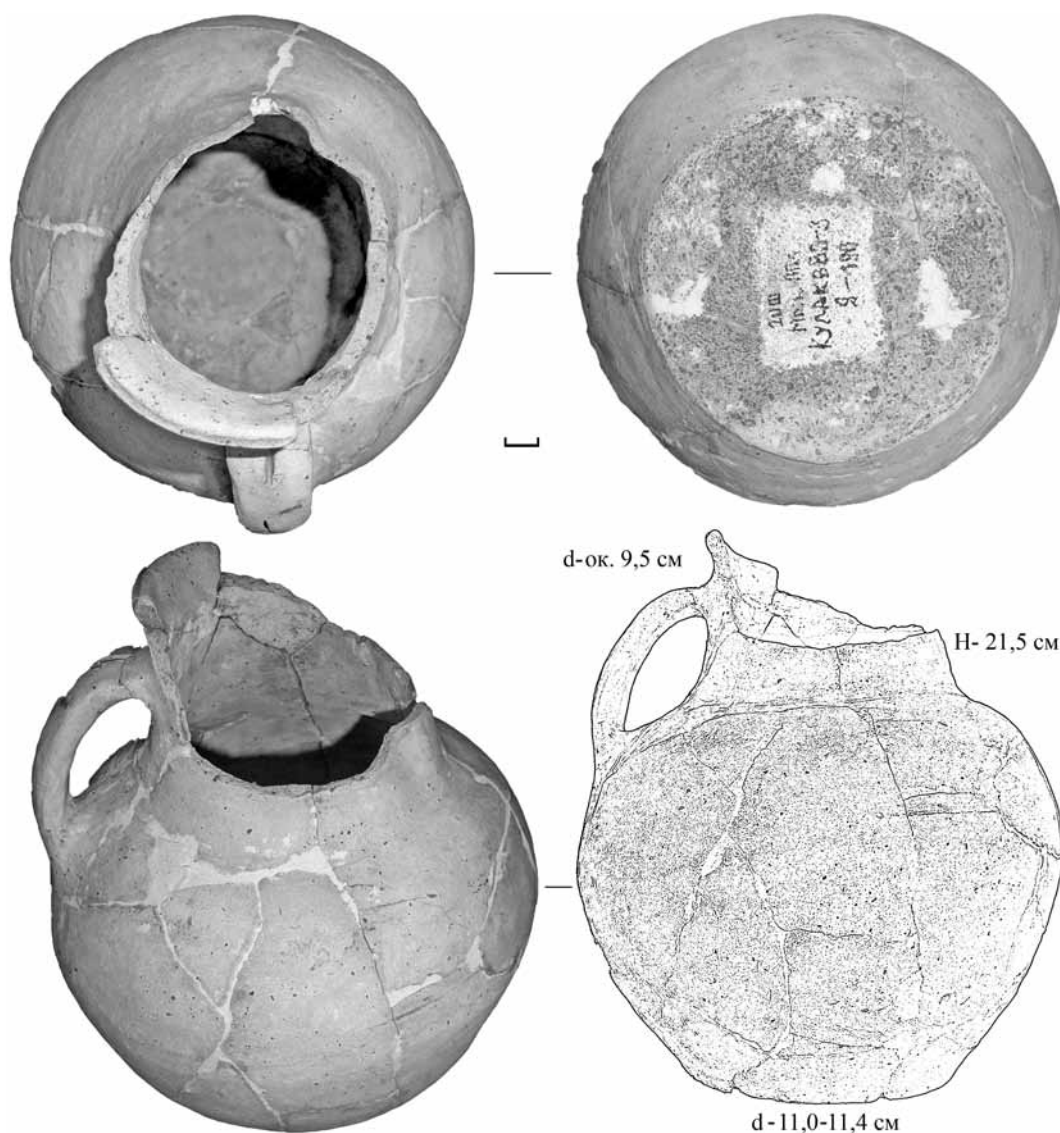

Рис. 20. Белоглиняный кувшин (МБК-1). Яма 190

чернолощеного, не противоречат датировке всего комплекса XVI в. Абсолютное преобладание белоглиняной грубой керамики позволяет предположительно сузить датировку комплекса до второй половины XVI в.

Яма 171, вероятно, являлась подполом жилой отапливаемой постройки. Выявленная в яме 170 каменная кладка может интерпретироваться как остатки конструкции погребя с ледником (Миненко, 2012. С. 208). Действительно, судя по неплотной укладке камней, кладка вряд ли была фундаментом. Яма 190, скорее всего, представляет остатки еще одного погребя.

Датировка керамики из ям 170, 171, 190 XVI в. и ориентация контуров этих ям в сравнительно единой системе позволяют предполагать, что они являются остатками построек одной усадьбы. На исследованном участке раскопа других комплексов XVI в. найдено не было.

Находки двух бронзовых образков в основании остатков печи в яме 171, нижних частей керамических сосудов под углами основания каменной кладки в яме 170 наводят на мысль о сакральном характере их сокрытия.

Литература

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М., 2009.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.

Векслер А. Г., Беркович В. А., 2005. Находки настенных крестов с изображением Святого Никиты – бесогона из раскопок на улице Большая Дмитровка в Москве // Стакрографический сборник. Кн. 3. М.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М.

Миненко В. В., 2012. Исследования на поселении Константиново в Подольском районе Московской области // АП. Вып. 8. М.

Полюлях А. А., 2005. Гончарный горн у села Бахтеево в Раменском районе Московской области // АП. Вып. 2. М.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // МК. М.

V. V. Bogomolov, O. N. Zaidov, G. A. Shebanin, A. V. Shekov

A late medieval complex from excavations at the Kulakovo 3 habitation site in the Moscow Region

Summary

The paper deals with the study of an archaeological complex comprising the remains of the sixteenth-century structures, i.e. a cellar under a heated habitable structure and the remains of two more cellars one

of which contained an ice-house made of limestone slabs. The débris of a stove yielded two similar bronze icons featuring St. Anicetus beating a demon.

А.Н. Смирнов

Скоморошья свирель из раскопок дворца Годунова в Вязёмах

Осенью 2011 г. на территории Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С.Пушкина (до 1917 г. – подмосковная усадьба Вязёмы) был обнаружен* интересный предмет средневековой материальной культуры, связанный с некогда существовавшей здесь загородной резиденцией Б.Ф. Годунова – керамическая свирель, несущая на своей поверхности изображение скомороха с медведем. Данная находка, уникальная сама по себе, представляет особый историко-археологический интерес как яркое материальное свидетельство времени функционирования годуновского двора.

Дворцовый комплекс в селе Вязёма (или Вязёмы) возник в конце XVI в. (до воцарения Бориса Федоровича) на месте более раннего владельческого поселения. Он размещался на берегу пруда с каменной плотиной и, согласно письменным источникам, включал в себя деревянные жилые хоромы, хозяйственные постройки, каменные церковь и звонницу. Дворец был окружен деревянной оградой с башнями и рвом. Рядом находились монастырь Иоанна Богослова, сад, конюшня, торговое место. Через плотину пролегла Можайская дорога – главная магистраль, связывавшая Москву с западными странами. В Вязёме неоднократно останавливались иностранные послы, оставившие описание этого места в своих записках. В годы Смуты (1606–1618 гг.) дворец был сожжен, сад вырублен, село разорено. В XVII в. территория бывшего дворца пребывала в запустении, а с конца столетия начала осваиваться новыми владельцами Вязём из рода князей Голицыных. До настоящего времени сохранились церковь и звонница.

В XVIII–XIX вв. непосредственно на месте дворца размещался комплекс строений Конного двора голицынской усадьбы, а в советское время – хозяйственные постройки, жилые дома (помещения бывших конюшен) и огороды местных жителей.

Земляные работы последних лет, связанные с реконструкцией Конного двора, выявили под мощными напластованиями XVIII–XX вв. следы усадьбы годуновского времени, в том числе слой пожара, остатки заглубленных деревянных конструкций, основания построек и т.д. Среди находок фрагменты керамических сосудов, печные изразцы, предметы вооружения, бытовые вещи, элементы конского снаряжения, архитектурные детали (Смирнов, 2009. С. 340–357).

Обнаруженная керамическая свирель происходит именно из района Конного двора. Обстоятельства находки связаны с наблюдениями за ходом земляных работ, сопутствующих реконструкции главного здания бывших конюшен. Свирель извлечена из стенки котлована, образовавшегося в результате подрезки грунта у стены здания. Ранее на этом месте были проведены охранные археологические исследования, показавшие наличие разновременных культурных напластований общей мощностью до 80 см. Интересующий нас предмет залегал в нижнем слое темно-серого суглинка, содержащем хронологически разнородный керамический материал XV–XVII вв. Слой (толщиной 15–20 см) лежал непосредственно на материке и не имел видимых нарушений; керамика, относящаяся к более позднему времени, практически отсутствовала. В 2 м к северу от места находки, в том же слое, был

* Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность А.В. Алексееву, принимавшему деятельное участие в исследованиях.

Рис. 1. Обломок печного изразца.

обнаружен обломок печного терракотового изразца (рис. 1), представлявший собой угловую часть лицевой пластины (85 × 83 мм) с остатками обломанной румпы. С наружной стороны один из краев оформлен сложнопрофилированным рельефным бордюром, который имеет неравномерную ширину (от 15 до 20 мм). Внутренняя часть бордюра отделена прямой бороздкой глубиной 2 мм и шириной 3 мм, образующей дополнительный кант около 4 мм в ширину. Поверхность изделия украшена рельефным изображением в виде переплетения растительных побегов с характерными шипами и листьями. Судя по тому, что остатки румпы имеются с двух сторон и образуют угол, но при этом бордюром оформлен край пластины, соответствующий лишь одной из этих сторон, это обломок изразцового фриза. Лишенный бордюра край примыкал к такому же краю другого аналогичного изразца, в результате чего получался сплошной орнаментальный пояс. Обнаруженный изразец изготовлен из красножгущейся глины с незначительной примесью песка, на рельефной лицевой поверхности сохранились остатки побелки известью. Фрагменты подобных печных изразцов многократно встречались при проведении исследований в районе Конного двора и к настоящему моменту составляют довольно представительную коллекцию. Есть все основания связывать эти находки с печами годуновского дворца.

Следует также сказать, что керамическая свирель была обнаружена в 5 м к востоку от края большой заглубленной постройки, находящейся под ныне существующим главным зданием Конного двора. Ее котлован выявлен в процессе охранных работ и затем исследован на глубину до 2 м от уровня материка. В нижней части котлована, под

мощным слоем засыпки обнаружены хорошо сохранившиеся деревянные конструкции. В их числе остатки внешних бревенчатых стен из двух-трех венцов, основания внутренних перегородок, дощатые настилы пола, деревянные дренажные трубы и т.д. В массиве засыпки обнаружены предметы, относящиеся ко времени существования дворца (части печных изразцов, изделия из железа). Вся совокупность имеющихся данных позволяет рассматривать эту постройку как заглубленный подклет, являвшийся частью дворцового комплекса. Таким образом, археологический контекст находки весьма знаменателен. Свирель обнаружена на территории бывшего царского двора, примерно в 70 м к югу от дворцовой церкви (во времена Годунова – Троицкой, ныне – Преображенской), в непосредственной близости от остатков деревянных хором, в слое, содержащем материал годуновского времени.

Перейдем к описанию самой находки (рис. 2). Керамическое изделие дошло до нас не полностью. Судя по аналогиям, оно сохранилось на 55–60% своей первоначальной длины. Оставшаяся часть полностью сохранила устройство для звукоизвлечения. Свирель имеет цилиндрическую форму, диаметр поперечного сечения составляет 25 мм. Длина сохранившейся части – 127 мм, полная реконструируемая длина – около 220 мм (впрочем, если допустить иные пропорции, длина утраченной части может быть больше). Предмет изготовлен из формовочной массы на основе жирной красножгущейся глины, практически не имеющей примесей. Судя по равномерному серо-коричневому цвету излома, он прошел полный цикл обжига в восстановительной среде. Внешняя поверхность гладкая и местами подлощена. Цвет поверхности варьирует от густо-черного и темно-серого до серовато-коричневого. Внутри музыкального инструмента проходит воздуходувный канал диаметром 14 мм. С тыльной стороны имеется узкая свистковая щель, соединенная с воздухоморассекательной прорезью, которая, в свою очередь, открывается в воздуходувный канал. Прорезь прямоугольной формы (9×8 мм) проделана в верхней части корпуса свирели на расстоянии 15 мм от ее тыльной стороны. Передний край прорези скошен вовнутрь для создания эффекта рассеечения воздушной струи. В верхней части корпуса проделаны голосовые отверстия круглой формы, крайнее из которых отстоит от прорези-воздухоморассекателя на 70 мм. Сохранились два отверстия, по третьему проходит излом. Они расположены в ряд через 12–13 мм и имеют стандартный диаметр 8 мм. Насколько можно судить по имеющимся археологическим

Рис. 2. Керамическая свирель (сопель)

аналогиям, а также современным деревянным инструментам подобной формы, всего должно быть шесть голосовых отверстий.

Технология изготовления свирели состояла из нескольких этапов. Сначала ее корпус формовался из сырой глины вокруг круглого стержня. Затем стержень извлекался, в результате получался воздуховодный канал. После этого делались голосовые отверстия и прорезь-воздухорассекатель. Наконец, прорезалась свистковая щель. На заключительном этапе, после просушки, поверхность изделия выглаживалась и подлащивалась, затем следовал обжиг в восстановительной среде. Голосовые отверстия в корпусе свирели, очевидно, протыкались при помощи круглой палочки. При этом мягкая глина продавливалась внутрь воздуховодного канала, где образовались характерные вертикальные наплывы. Один из них хорошо виден на изломе свирели.

Более пристальное рассмотрение позволяет несколько уточнить тип музыкального инструмента. Это духовой инструмент, принадлежащий к разряду продольных флейт и по своему устройству являющийся разновидностью свирели. На Руси свирели такой формы традиционно назывались сопелями или сопелками, а также пищальми. Они многократно упоминаются в письменных источниках XIII–XVII вв. и, видимо, наряду с рожком и дудкой были одними из самых распространенных, в полном смысле слова «народных», музыкальных инструментов. В то же время, необходимо заметить, что основная масса сопелей традиционно изготавливалась из дерева, и лишь эти, деревянные инструменты, могли иметь широкое распространение в народной, то есть крестьянской среде. Разумеется, деревянные сопели использовались и горожанами, о чем свидетельствуют находки в Новгороде.

Керамические сопели более сложны в изготовлении, требуют специальных навыков и развитых керамических технологий. Вероятно, они являлись продукцией гончарных мастерских, выпускавших широкий ассортимент изделий, и ориентированных на городского потребителя. Поэтому вплоть до конца Средневековья керамические духовые

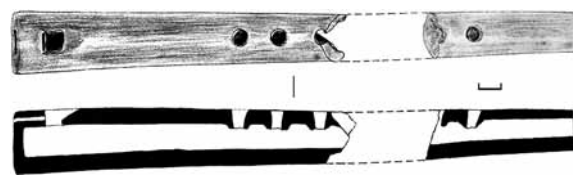

Рис. 3. Керамическая сопель из раскопок 1995 г. на Арбате.

инструменты можно считать характерными предметами городской материальной культуры. В отличие от своих недолговечных деревянных «собратьев», они хорошо сохраняются и нередко встречаются в городских слоях. Не вполне ясно, насколько сопели, изготовленные из разных материалов, схожи функционально. Являлись ли керамические изделия просто более «технологичными» аналогами деревянных, подражали им или представляли самостоятельную категорию вещей со своим особым местом и смысловой нишей в мире материальной культуры? Сопель из Вязём дает вариант ответа на поставленный вопрос.

Известны находки разного рода керамических дудок, свирелей, сопелей в Москве, Твери, Нижнем Новгороде, Калуге и Коломне. Речь идет в основном о белоглиняных изделиях (нередко расписанных красным ангобом), происходящих из словес конца XVII–XVIII в. (Сафарова, Хухарев, 2010. С. 266–267; Колызин, 1998. С. 119; Черкасов, 2004. С. 318; Ткаченко, Федорова, 2002. С. 47). Инструменты, подобные вяземскому образцу, отмечены в Москве. В ходе раскопок на территории столицы обнаружены керамические чернолощенные свирели различной степени сохранности и фрагментированности. Они упоминаются в своде Р.Л. Розенфельдта «Московское керамическое производство XII–XVIII вв.» как «флейты», однако о форме этих предметов судить затруднительно (Розенфельдт, 1968. С. 39. Табл. 14, 12–14). Наиболее близкую аналогию из известных автору представляет сопель, найденная в 1995 г. во время охранных археологических работ на Арбате (Векслер, 1995. Табл. 10. Илл. 82, 9) и собранная из двух крупных обломков. Сохранились два конца предмета, а также часть корпуса с четырьмя голосовыми отверстиями, срединная часть корпуса отсутствует (рис. 3). Согласно тексту отчета, предмет обнаружен в слое второй половины XVII в. Основная масса чернолощенных инструментов, найденных в Москве, относится к тому же времени (Розенфельдт, 1968. С. 39). Но, несмотря на очевидное сходство, сопель из раскопок на Арбате по ряду признаков отличается от вяземского образца. Передний край прорези-воздухорассекателя у нее скошен наружу, а воздуховодный канал заходит за прорезь

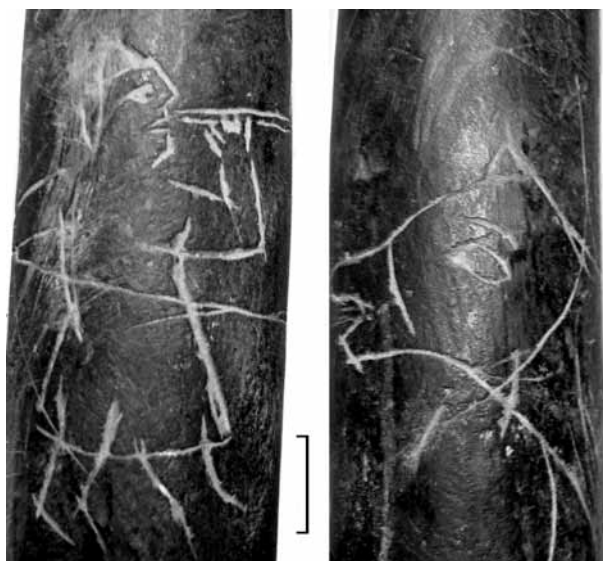

Рис. 4. Поверхность свирели из Вязём с нанесенными на нее изображениями. Фото

и «упирается» в торцевую стенку. Вообще, сопель, найденная в Подмоскowie, выглядит несколько более архаично, что, конечно, не позволяет судить об ее истинном возрасте. С позиций археологического вещеведения, вопрос о датировке вязёмской находки пока остается открытым, хотя есть веские основания говорить о рубеже XVI–XVII вв. (речь об этом пойдет ниже).

Как бы то ни было, обнаружение типично городского предмета на негородском поселении выглядит интригующе даже без учета ранних датирующих признаков. В нашем же случае сама значимость места создает особый смысловой контекст для понимания сделанной здесь находки. Равным образом индивидуальные особенности исследуемой вещи не просто выводят ее из круга себе подобных, но и задают качественно другой уровень анализа. Совершенную уникальность вязёмскому инструменту придает жанровое изображение, нанесенное на его поверхность в технике граффити. В качестве поля для нанесения рисунка использовано пространство между воздухорассекательной прорезью и первым голосовым отверстием. Изображение, выполненное на цилиндрическом предмете, имеет круговой характер и оттого недоступно одновременному полному обзору. Оно прочерчено острым предметом, скорее всего шилом, по мореной поверхности музыкального инструмента. Светло-серые линии граффити контрастно выделяются на темном фоне. Толщина линий варьирует от 0,3 до 1,5 мм. В некоторых местах мастер неоднократно проводил инструментом по одному и тому же месту, чтобы достичь необходимой четкости (рис. 4). Прорисовка

позволяет нам рассмотреть изображение в «развертке» (рис. 5). Его основу составляет мужская фигура в длиннополом одеянье. На голове мужчины островерхий головной убор, скорее всего, колпак. Лево́й рукой, согнутой в локте, человек подносит ко рту свирель, правая рука отведена назад (или в сторону при другом ракурсе) и вытянута. Лицо изображено в профиль, довольно схематично. Его контуры переданы при помощи прямых штрихов, благодаря чему все черты приобретают карикатурно-гротескный характер (лоб и нос даны одной прямой линией, открытый рот непропорционально велик). Особого внимания заслуживает манера, в которой изображен глаз. Он также имеет непропорционально большие размеры и неестественную форму (в виде сектора прямого угла, образованного бровью и внутренней линией носа). Для изображения зрачка, опущенного в нижний угол глаза, мастер с ювелирной тщательностью процарапал мореную поверхность внутри глазницы, оставив темное пятнышко размером менее квадратного миллиметра.

Пальцы левой руки, держащей свирель, переданы условно в виде отдельных штрихов. Они не соединены в единый контур, как, впрочем, большинство линий, образующих фигуру. Музыкальный инструмент изображен в виде двух параллельных линий. Нижняя линия прерывается в том месте, где свирель удерживается рукой. На внешнем конце имеются два вертикальных штриха, видимо, обозначающих отверстие. Очертания кисти правой руки, скорее, угадываются. Здесь вместо пальцев нанесено несколько неразборчивых царапин. Изображение правой ноги состоит из четырех линий, причем две нижние приходятся на ступню. Нога показана несколько отведенной назад, пятка ступни приподнята. Левая нога, напротив, выдвинута вперед. Она лишь обозначена двумя линиями, но такого «намёка» достаточно, чтобы обе нижние конечности выглядели вполне полноценно. Судя по положению ног, человек показан шагающим. Вся фигура имеет укороченные пропорции, возможно, приданные ей осознанно, чтобы показать коренастое телосложение изображенного человека.

Отвлекаясь от деталей и рассматривая фигуру в целом, можно заключить, что вся она (за исключением лица) изображена вполборота. К такому выводу приводит характерное положение плеч (правое выше левого), и ног (правая как бы ближе к зрителю). Анализ иконографии данного изображения будет неполным, если не сказать о впечатлении, какое оно производит на зрителя. Используя ряд специальных графических приемов, мастеру удалось создать замечательно яркий образ. Несмотря

на кажущийся схематизм, а возможно, именно благодаря ему, рисунок чрезвычайно выразителен. В нем нет ожидаемой небрежности, каждая линия проведена осмысленно. Незамкнутые и даже местами незавершенные контуры придают динамизм не только отдельной фигуре, но и всей композиции. Руки и ноги человека как будто запечатлены в движении, голова статична, хотя мимику никак нельзя назвать застывшей. Дополнительный анимационный эффект создается путем особого взаиморасположения линий, обозначающих руки и верхнюю часть корпуса, а также путем продления линий ног выше подола платья. За счет этого передается движение тела под одеждой.

На другой стороне цилиндрического корпуса свирели изображена большая медвежья голова, обращенная мордой навстречу человеческой фигуре. В том, что это медведь, сомневаться не приходится. Зверь показан в профиль с открытой пастью и высунутым языком. На макушке головы треугольное ухо. Линии, прочерченные от головы, доходят до груди и загривка, а затем обрываются. Особую выразительность изображению придает трактовка глаза. Как и у человека, он специально акцентирован путем увеличения. С помощью этого нехитрого приема достигается «эффект одушевленности» в передаче облика живых существ. Глаз имеет миндалевидную форму. Он разделен границей между белком глазного яблока и «зрительной зоной». Последняя выделена путем сплошного процарапывания поверхности. Как и положено, «зрительная зона» занимает переднюю часть глаза, определяя направление взгляда. От верхнего края глазного контура отходит короткая линия, обозначающая верхнее веко. Она упирается в дугообразную бровь. Эта деталь придает морде зверя доброе и даже трогательное выражение.

От основания переносицы к подбородку медведя прочерчена дугообразная линия, очевидно, обозначающая намордник. От загривка к горлу идет другая дуга. Мы едва ли ошибемся, назвав ее ошейником. На горле, в месте крепления ошейника изображен небольшой треугольник, не имеющий однозначной трактовки. В нем можно увидеть и естественное горловое пятно на шкуре зверя и, при известном желании, застежку ошейника. На загривке линия ошейника переходит в резкие зигзаги, огибающие корпус свирели и достигающие человеческой фигуры. Последней зигзаг прочерчен поверх вытянутой руки человека. Наконец, от носа медведя отходит прямая линия, — пересекая человеческую фигуру, она упирается в то место, где намечена кисть правой руки человека.

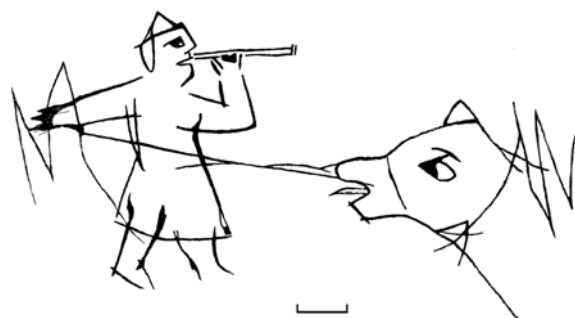

Рис. 5. Прорисовка изображения на свирели из Вязём

На другом конце, у самого носа медведя мы видим что-то, напоминающее петлю. Подобным образом мастер изобразил повод, которым человек удерживает медведя за продетое в нос кольцо.

Натянутый повод соединяет оба изображения, превращая их в единую двухчастную композицию. При всем лаконизме и минимуме изображенных деталей она отнюдь не выглядит искусственной. Положение правой руки человека и отчасти вся его поза указывают на присутствие второго персонажа. С другой стороны, «живая» медвежья голова, вполне заменяющая изображение целого зверя, демонстрирует явную зависимость от действий поводыря (об этом говорят высунутый язык и «протянутая» вперед поза животного). Композиция мастерски вписана в не слишком удобное для нее ограниченное пространство и на предмете цилиндрической формы выглядит несколько неожиданно. Будучи развернутой на плоскости, она приобретает большую аттрактивность, однако при этом исчезает визуальный эффект, основанный на «смене картинок» по мере вращения корпуса свирели.

Завершая анализ, следует упомянуть о следах механических воздействий, имеющих на поверхности предмета и не связанных с нанесением рисунка. Часть поверхности в месте расположения человеческой фигуры (со стороны спины), а также позади нее (примерно на уровне ног) покрыта частыми или сплошными царапинами, нанесенными разнонаправлено и бессистемно. Причины появления упомянутых царапин остаются неясными. Можно лишь констатировать, что они нанесены целенаправленно в определенных местах. Возможно, дальнейшие трасологические исследования позволят сказать больше.

Интерпретация представленного граффити выглядит достаточно очевидной. Перед нами динамичная жанровая сцена, изображающая «медвежью потеху». Соответственно, изображенный человек — это скоморох или «медвежий поводчик», играющий на свирели и держащий на поводке дрессированного,

так называемого плясового медведя. Очевидно, по замыслу мастера, свирель в руке скомороха должна соответствовать тому музыкальному инструменту, на который нанесено данное изображение. Запечатленный на вязёмской свирели образ скомороха позволяет рассматривать найденную вещь в очень широком и насыщенном культурологическом контексте. По темному керамическому полю «шагает» настоящий средневековый глумец (скоморох), как некий посланник из давно ушедшего мира игровой культуры.

В русских письменных источниках XVI–XVII вв. скоморохи (иносказательно именуемые также «веселыми») очень часто фигурируют вместе с дрессированными медведями. Один из ранних и наиболее ярких примеров дает «Слово против скоморохов» Максима Грека, написанное в первой половине XVI в. В этом обличительном сочинении в частности говорится: «... Обретше бо окаании медведь, дивий зверь, и многим временем и поспешеством бесовским научивше и стояща плясати к сурне и трубе и тимпану и плясанию рук. С душегубными песьми обходят всякую страну и села, играющее преддверию безумных игролюбцев, всяческим кличем вздвигше зверя к плясанию сурною и тимпаны и трубою и песни сатанинскими...» (Михайлова, 2010. С. 459).

В XVII в. наряду со скоморохами (но почти всегда вместе с ними) упоминаются профессиональные поводыри медведей, так называемые медведчики или медвежьи поводчики. В этом видится определенная специализация скоморошьего ремесла. В качестве примера можно привести отрывок из челобитной нижегородских попов патриарху Иоасафу, датированной 1636 г.: «... И собрався государь к тому Печерскому монастырю, и мнятся праздновати сицевым образом: медветчики с медведи и плясовыми псицами, а скомороси и играцы с личинами и с позорными блудными орудии, з бубнами и с сурнами и со всякими сатанинскими блудными прелесми» (Рождественский, 1902. С. 24–27). Схожее описание скоморошских забав содержит грамота царя Алексея Михайловича в Шую от 1648 г.: «... И в Воскресные ж дни, и в Господские праздники и в Богородичные, и в среду, и в пятки, и посты играцы бесовские – скоморохи с домрами, и с дудами, и с медведи ходят, и дару Божию хлебу поругаются» (Белкин, 1975. С. 80). Здесь скоморохи с медведями упоминаются уже сами по себе. Тем же годом датируется челобитная кашинского попа, поданная на царское имя, где говорится, что в город на ярмарки собираются «веселые с медведи и с бубны и с сурнами и со всякими бесовскими играми» (Белкин, 1975. С. 34).

О скоморохах с медведями как о постоянных участниках народных увеселений пишет Петрей де Ерлезунда, посетивший Московию в начале XVII в.: «... Когда играют свадьбу, то травят собаками больших медведей; с ними тогда бывает много музыкантов, которые поют многие бесстыдные и похабные песни, при этом играют на трубах, тромбонах, дудках и сопелках, а иногда бьют и в барабаны... Эти музыканты странствуют из места в место, бродят везде с большими медведями и инструментальною музыкой из города в город и наживают много денег медвежьей пляской, пением, воем и игрой» (Петрей, 1867. С. 396).

Как видим, медведи выступают постоянными спутниками всякого рода играцов и скоморохов, а разнообразные музыкальные инструменты непременно орудиями их ремесла. Медвежья потеха, как правило, происходила под звуки «гудебных сосудов», в числе которых очень часто упоминаются сопели. Кстати, в более поздних описаниях «медвежьих комедий» XIX в. также фигурируют сопелки или пицалки наряду с бубном. Именно под их звуки ученый зверь производил движения, веселящие публику.

Судя по частоте упоминаний в нравоучительных и обличительных текстах, сопель наряду с маской (харей, скурлатой) выступала одним из главных атрибутов скоморошества. Самостоятельный образ скомороха-сопельника мы встречаем в так называемом «Слове о русалиях». Это произведение было создано в XIII в. на основе одного из сюжетов жития св. Нифонта и затем получило распространение в составе назидательного сборника «Измарагд». В сочинении безымянного русского книжника описывается сцена публичного веселья, вдохновляемого бесами. Центральным персонажем сцены является сопельник: «И бысть пообедне и поиде человек скача с сопelmi и по нем народ мног. Овии поющее и плещущее, а иные пляшущее...». Далее следует нравоучительная сентенция: «Яко бо труба собирает вой, тако и книги чтомые собирают ангелы божия. Сопели же и гусли собирают бесов. И любя же сопели и гусли той сатане честь творит. А иже чтят и дарят играцов, то бесу дают лукавому» («Библиотека...», 2000. С. 171, 172).

Вопрос об изобразительных аналогиях вязёмскому граффити требует более пристального рассмотрения. Автору не известны другие средневековые изображения скоморохов-поводырей с медведями. Между тем, керамические фигурки самих ученых медведей не являются редкостью. Они массово производились в московских гончарных мастерских XVI в. и были одними из самых распространенных керамических игрушек того времени.

Рис. 6. Керамические фигурки прирученных медведей из фондов Музея Москвы

У многих подобных фигурок есть тщательно вылепленные ошейники и намордники, а у некоторых в носу проделаны отверстия для продевания кольца (рис. 6; *Розенфельдт*, 1968. С. 17. Табл. 2, 19, 22, 28, 30).

Сложнее обстоит дело с фигурой скомороха. Изображения скоморохов и музыкантов (до XVII в. между ними не делалось принципиального различия) были довольно распространенными. Они нередко встречаются в изобразительном искусстве, прежде всего, Северо-Западной Руси. Все образцы можно разделить на две категории. К первой относятся изображения культового характера на иконах, церковных фресках и книжных миниатюрах, иллюстрирующих религиозные или исторические сюжеты. В качестве примеров могут послужить известный книжный сюжет о раскаявшемся скоморохе Аите, а также разнообразные «сцены веселья». Это сфера «высокого», сакрализованного искусства. Фигуры скоморохов (музыкантов), как правило, не играют здесь главенствующей роли, а их образы предельно формализованы в соответствии с действующим изобразительным канонem. Вторую категорию составляют изображения на предметах декоративно-прикладного искусства, включающих архитектурную и бытовую керамику, поясную garnитуру и т. д. Сюда же следует отнести декоративно оформленные инициалы новгородских рукописных книг XIV в. Изображения такого рода более приближены к историческим реалиям и хотя бы частично отражают внешний облик «веселых людей», хорошо узнаваемый современниками по характерным атрибутам, деталям одежды и манере поведения. Из числа известных автору образцов некоторый интерес пред-

ставляет сцена, изображенная на рельефных керамических сосудах XIV–XV вв. Их фрагменты были обнаружены во время археологических раскопок в Новгороде и на Мякининском селище в Подмоскowie. Участниками упомянутой сцены являются два музыканта в островерхих колпаках, несколько напоминающих головной убор «вязёмского скомороха» (*Коваль*, 2008. С. 27–32).

Однако все изображения, связанные с предметами декоративно-прикладного искусства, в той или иной степени следуют определенному мотиву, отдаляющему их от визуально воспринимаемой действительности, и воплощают уже сложившиеся образы средневековой массовой культуры. В отличие от них, граффити на вязёмской сопели обладает неповторимым своеобразием. Учитывая сам характер вещи и способ нанесения рисунка, есть основания полагать, что здесь зафиксировано индивидуальное восприятие человека, скорее всего, причастного к скоморошьему ремеслу.

Если отталкиваться от чисто визуальных впечатлений, наиболее близким воплощением образа скомороха (как и прирученного медведя) являются керамические игрушки. Благодаря своей массовости, они представляют собой своеобразный «слепок» с целого пласта городской культуры, органической частью которой были скоморохи. В Москве известны довольно многочисленные находки красноглиняных человеческих фигурок XVI в. Большинство из них ангобированные, многие имеют следы росписи поверх ангоба. Обращают на себя внимание фигурки музыкантов-дудочников. Одна такая фигурка, хранящаяся в фондах Музея Москвы, имеет на голове конический колпак (рис. 7).

Рис. 7. Керамические фигурки людей (скоморохов) из фондов Музея Москвы

Исследователи давно и не без оснований усматривают в керамических человечках скульптурные изображения скоморохов. В частности, по предположению Р.Л. Розенфельда, изготавливались скоморохи различной «специальности». Помимо музыкантов и танцоров, среди них были поводыри медведей, составлявшие пару с фигуркой косялапого «артиста» (Розенфельдт, 1968. С. 25. Табл. 6, 1).

Закономерно возникает вопрос о других хронологически и территориально близких графических изображениях, выполненных в схожей манере на керамике, штукатурке, камне, кости и прочих материалах. Этот вопрос пока остается открытым, поскольку нуждается в более глубоком изучении с привлечением дополнительных материалов, часть из которых, возможно, еще не введена в научный оборот.

Сопель из Вязём обращает на себя внимание еще по одной причине. Это чрезвычайно редкий пример «иллюминированной» вещи. Нанесенный рисунок недвусмысленно указывает на сферу ее применения. Аналогичную «художественную отсылку» имеет ряд социально престижных вещей, например, знаменитая рогатина тверского князя Бориса Александровича, украшенная сценой медвежьей охоты.

С учетом всего сказанного, социальная и профессиональная атрибуция вязёмской находки в качестве настоящей скоморошья сопели не выглядит натянутой. Принимая во внимание наличие рисунка, мы можем допустить, что эта вещь не только

принадлежала скомороху и использовалась в процессе увеселений, но и являлась значимым скоморошьям атрибутом. В таком случае и нанесенное изображение наделялось каким-то особым, скрытым от нас смыслом. Высказанное предположение выглядит тем более правдоподобным, что сохранились письменные свидетельства о присутствии скоморохов в годуновской резиденции. В Писцовых книгах 1631–1633 гг., при описании села Вяземы после литовского разорения, говорится: «... В селе ж Государя, царя и великого князя дворовое место. В селе ж площадное место от церкви подле пруда. А по крестьянской сказке на том месте при царе Борисе торговали всякие люди беспошлинно в субботние дни, а что по крестьянской сказке при царе Борисе был сад, и сад в московское разорение высечен. В селе ж три места бобыльских, да пять мест *скамарошьях* (курсив мой. – А. С.) и те места во крестьянских гумнах» (Алексеев, 2008. С. 120).

Сам факт проживания скоморохов в непосредственной близости от царского двора удивления не вызывает. Известно, что их активно привлекали для царских увеселений. Такие «глумцы», очевидно, селились неподалеку, составляя наиболее привилегированную категорию «оседлых» придворных скоморохов. Как свидетельствуют источники XVI–XVII вв., особым «спросом» при дворе пользовались скоморохи-«медведчики». В 1571 г. по приказу Ивана Грозного в Новгородской земле

по всем городам и селениям «на государя брали веселых людей да и медведи описывали». Выполняя этот приказ, царский посыльный Субота Осетр «поехал из Новгорода на подводах к Москве и с скоморохами, и медведей повезли с собою на подводах к Москве...» (ПСРЛ, 1841. С. 167). Прибывшие из Новгорода скоморохи с медведями понадобились для веселья на свадьбе царя с Марфой Собакиной.

В свете указаний Писцовых книг, находка скоморошья сопели на бывшем государевом дворе если и не находит полного объяснения, то получает надежную историческую привязку. Мы можем лишь гадать, как данная вещь оказалась здесь и при каких обстоятельствах она была сломана. Скорее всего, выпадение в культурный слой

произошло незадолго до или сразу после гибели дворца, когда оставшееся без царского внимания место «замусорилось».

Подводя итоги, еще раз подчеркнем важность сделанной находки. Скоморошьи инструменты, вообще, весьма нечасто попадают в процессе раскопок. Тем более необычны они для царских резиденций. Так, по словам Д. О. Осипова, за все время археологических исследований на территории Московского Кремля не было обнаружено ни одного предмета, относящегося к скоморошью инвентарю (Осипов, 2009. С. 239). Думается, отнюдь не немой свидетель царских потех из подмосковных Вязём внесет достойный вклад в изучение интереснейшей темы.

Литература

Алексеев А. В., 2008. Церковные древности Звенигородской земли: Очерки церковной археологии. М. – Звенигород.

Белкин А. А., 1975. Русские скоморохи. М.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2000.

Векслер А. Г., 1995. Отчет об охранных археологических работах в 1995 году. Исследования в историческом центре Москвы. Охранные археологические работы по адресу: Арбат, 1/7 // Архив ИА РАН. Р-1. № 19619. Т. 2. Кн. 3.

Коваль В. Ю., 2008. Поливная керамика с рельефным декором на Руси // АП. Вып. 4. М.

Колызин А. М., 1998. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // РА. № 2.

Михайлова И. Б., 2010. И здесь сошлись все царства... Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб.

Осипов Д. О., 2009. Из истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам раскопок в Московском Кремле) // АП. Вып. 5. М.

Петрей П., 1867. История о великом княжестве Московском. М.

ПСРЛ. Т. III. Новгородские летописи. СПб., 1841

Рождественский Н. В., 1902. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. // ЧОИДР. Кн. I. М.

Розенфельд Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. E1–39. М.

Сафарова И. А., Хухарев В. В., 2010. Керамические дудки-сопели из археологических раскопок в Твери // ТТЗ. Вып. 6. Тверь.

Смирнов А. Н., 2009. Дворцовый комплекс Б. Ф. Годунова в селе Вязёмы // АП. Вып. 5. М.

Ткаченко В. А., Федорова Л. И., 2002. Керамическая сопель XVII в. // Краеведение в сфере культуры и искусства: сборник материалов четвертой научно-практической конференции. Калуга.

Черкасов В. В., 2004. Коломенская игрушка XV–XVIII вв. в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне 1990–2000 годах) // Археология Подмоскovie. М.

A. N. Smirnov

Buffoon's pipe from the excavations of tsar Boris Godunov's palace at Vyazemy

Summary

The paper describes a ceramic pipe found at the site of tsar Boris Godunov's country palace at the Vyazemy village in the vicinity of Moscow. The pipe bears a scratched image of a buffoon with a tame bear. The

iconography of the scene, written sources mentioning buffoons and their performing bears, and archaeological finds of bear figurines are analyzed.

В. Н. Ковалевский, М. В. Цыбин

Археологические поиски крепости Воронеж конца XVI–XVII века на южных рубежах Московского государства¹

Крепость Воронеж была построена в конце 1585 или начале 1586 г. в нижнем течении р. Воронеж, на правом высоком берегу реки (Глазьев, 2011). Сейчас место крепости находится на территории современного города Воронеж, внешние признаки крепости не сохранились. В 2011 г. экспедицией кафедры археологии Воронежского государственного университета была предпринята попытка поиска остатков этой крепости. Раскопки проводились на территории главного корпуса университета (Университетская пл., д. 1), на ул. Севастьяновский съезд, д. 24, и на ул. Володарского, д. 30а. По предположению историков, места проведения раскопок находятся на территории крепости Воронеж конца XVI–XVII в. (рис. 1).

Сохранившиеся письменные источники свидетельствуют о хозяйственном использовании низовий р. Воронеж в конце XVI в. рязанцами. Один из руководителей строительства крепости – Василий Биркин был рязанским дворянином. Крепость возводили выходцы из Рязска, Данкова, Переяславля Рязанского. После сожжения крепости в 1590 г. черкасами (запорожскими казаками) ее восстанавливали плотники из Тулы, Пронска и Михайлова. Можно предположить, что и элементы материальной культуры первых воронежцев были перенесены на новое место из указанных населенных пунктов.

Наиболее информативные результаты были получены в раскопе на ул. Севастьяновский съезд, д. 24, на территории так называемого Старого городища (топоним XVII в., упомянутый в «Дозорной книге 1615 года»). В раскопе площадью около

30 кв. м культурный слой имел мощность всего лишь 0,3–0,7 м и не содержал большого количества современного мусора.

Здесь было обнаружено несколько углубленных в материк объектов, в том числе подпол жилой постройки начального этапа существования крепости (рис. 2). Его котлован имел почти правильную округлую в плане форму размерами 2,9 x 3,1 м, глубина в материке – до 1,1 м. При выборке заполнения котлована в юго-восточной и центральной его частях были расчищены остатки печи. Первоначально она располагалась, вероятно, над подполом, в жилом ярусе постройки. При разрушении жилища печь провалилась в подпол и дошла до нас в переотложенном состоянии. Массив глины от печного сооружения имел овальную форму размерами 1,2 x 0,6 м. В заполнении подпола найден медный четырехконечный нателный крест второй половины XVI – первой половины XVII в. (Ковалевский и др., 2012. Рис. 4, а).

Керамический комплекс из заполнения подпола включает около тысячи обломков горшков, кувшинов и крынок, в том числе порядка 100 венчиков горшков. Последние имеют вертикально поставленный венчик, орнаментированный тонкими горизонтальными прочерченными линиями (рис. 3; рис. 4, 1, 2). По форме венчики относятся в основном к типам 3/3 и 3/4 по В. Ю. Ковалю или типу I по классификации тульских исследователей (Зацаринный, Екимов, Шеков, 2007. Рис. 1). Горшки изготовлены ленточным налепом, обточены на ручном гончарном круге. Днища сосудов затирались, лишь в единичных случаях видны следы подсып-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-11-36003).

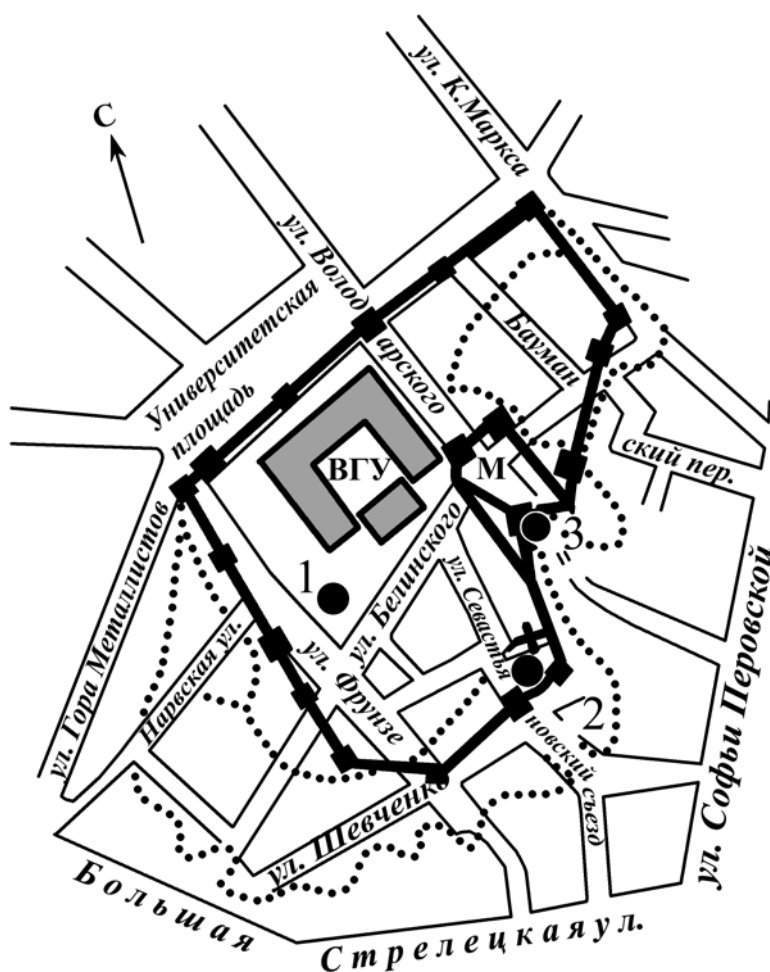

Рис. 1. Участки проведения археологических исследований на плане крепости Воронеж XVII в. (по: Попов, 2003)

1 – Университетская пл., д. 1; 2 – ул. Севастьяновский съезд, д. 24; 3 – ул. Володарского, д. 30а

Рис. 2. Подпол жилой постройки в раскопе по ул. Севастьяновский съезд, д. 24. (См. цв. вкл.)

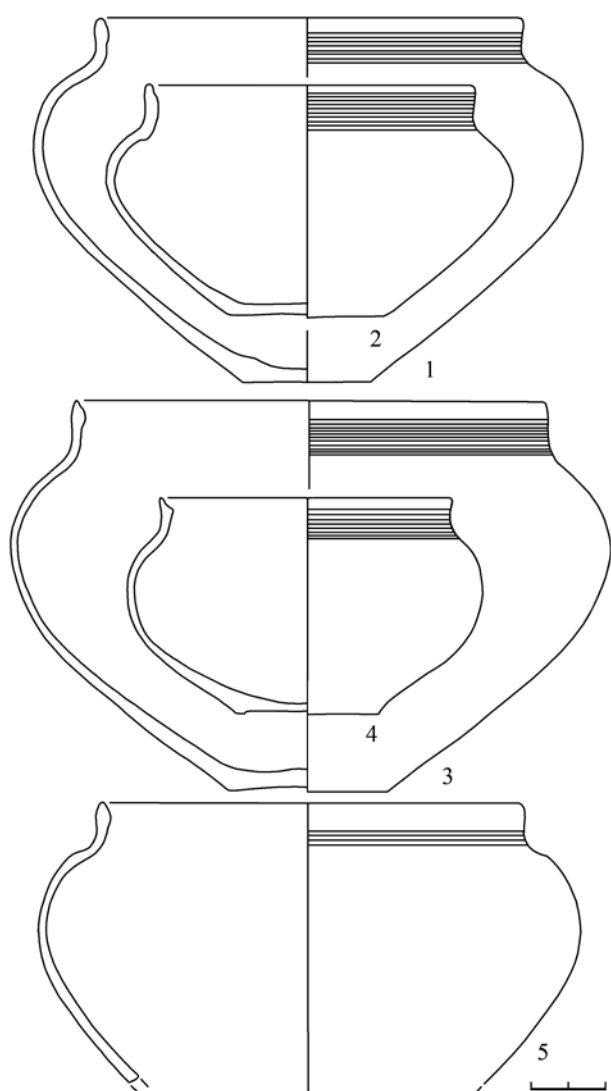

Рис. 3. Керамика из постройки

ки мелкого песка. По реконструируемым формам видно, что диаметр верха горшков превышает их высоту.

Горшки подобной формы, изготовленные из беложгущейся глины, хорошо известны в Москве. По В. Ю. Ковалю, это московская белоглиняная керамика вида 2 (МБК-2) или, вернее, если исходить из места ее производства, коломенская белоглиняная керамика (КБК) (Коваль, 2001; 2005). Изготовление этой керамики связывают с коломенским гончарным производством и дочерними центрами (Тула, Рязань). В керамической серии из наших раскопок лишь несколько обломков из нежелезненной глины могли принадлежать горшкам, привезенным из Коломны. Подавляющее число горшков изготовлено из слабожелезненной глины с заметной примесью песка. Сосуды имеют светло-коричневый или серый цвет и шероховатую

поверхность. Очевидно, что они либо привезены из иных керамических центров, либо изготовлены уже на месте. При этом необходимо учитывать, что в нижнем течении р. Воронеж не было непрерывной линии развития керамического производства. Известны памятники XII–XIII и XIV – начала XV вв. (например, Шиловское поселение), но непосредственной связи с последующим заселением этого района не фиксируется. Как уже отмечалось выше, среди строителей крепости Воронеж были выходцы из Переяславля Рязанского и Тулы. В этих центрах существовало собственное керамическое производство. Возможно, что керамический комплекс из раскопок крепости Воронеж

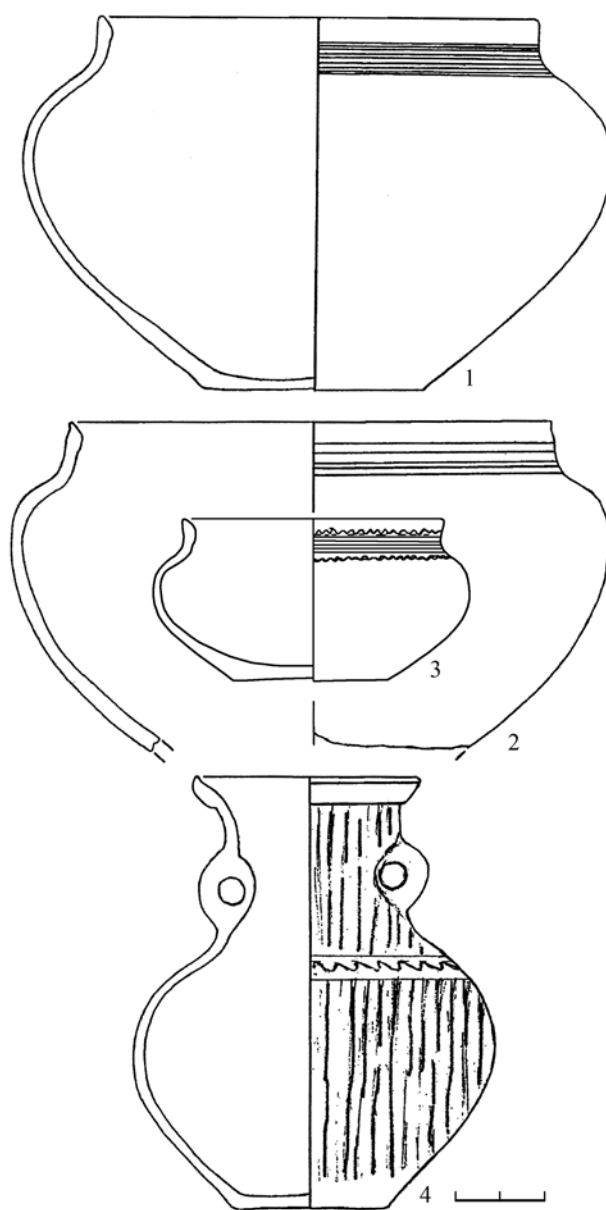

Рис. 4. Керамика из постройки

должен быть близок керамическим комплексам из этих городов. Действительно, в керамике Переяславля Рязанского выделяется массовая кухонная керамика, изготовленная из слабожелезненных глин. По форме венчиков горшки аналогичны горшкам, найденным в результате раскопок в Воронеже (Коваль, 2011. Рис. 10).

В полученной нами керамической серии есть фрагменты, орнаментированные волнистой линией. Такой орнамент отмечен на горшке (рис. 4, 3) и чернолощенной крынке (рис. 4, 4). Волнистый орнамент, как полагает В. Ю. Коваль, является характерной чертой рязанской керамики (Коваль, 2011. С. 107). Чернолощенные крынки (кувшины-крынки) были также распространены в Переяславле Рязанском (Коваль, 2011. Рис. 18, 1–5). Отметим и находку в рассматриваемой керамической серии обломков крынки окислительного обжига из ожеженной глины с примесью песка с двумя петельчатыми проушинами.

Аналогии рассматриваемому комплексу прослеживаются также в керамике Тулы XVI–XVII вв. (форма венчиков, пропорции горшков, наличие крынок с петельчатыми проушинами) (Зацаринный, Екимов, Наумова, 2011. С. 194, 196). Но есть и важное различие: практически вся тульская посуда изготовлена из беложгущейся глины без визуально фиксируемых отошающих примесей (Зацаринный, Екимов, Шеков, 2007. С. 135).

Как уже отмечалось выше, традиция изготовления коломенской посуды была привнесена в нижнее течение р. Воронеж, скорее всего, рязанцами. Не исключено, что она могла производиться уже на рубеже XVI–XVII вв. на месте из слабожелезненных глин с примесью песка. Об этом может свидетельствовать керамический комплекс городища Ивницы, находящегося примерно в 35 км выше по течению реки от крепости Воронеж. Этот памятник мог быть связан со сторожевым постом второй половины XVI в. и деревней Ивницы, упоминаемой в «Дозорной книге 1615 года» и в «Писцовой книге 1629 года» (Цыбин, 1988).

Отметим, что в крепости Елец, основанной, как и Воронеж, в конце XVI в., традиция изготовления коломенской посуды могла накладываться на сохранившуюся до конца XVI в. местную керамическую традицию использования нежелезненных глин. По имеющимся данным, 90–95% керамики Ельца было изготовлено из нежелезненных и слабожелезненных глин (Цельковский, 2008. С. 176).

Если верно предположение В. Ю. Коваль о перемещении «подонской керамической традиции» в начале XV в. в Рязанское Поочье (Коваль, 2001. С. 107), то можно говорить об обратном процессе, проходившем на южных рубежах Московского государства в конце XVI в.

Литература

Глазьев В. Н., 2011. Основание города Воронеж: итоги изучения // Из истории Воронежского края. Вып. 18. Воронеж.

Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Шеков А. В., 2007. Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя тульского кремля // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула.

Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Наумова Т. В., 2011. Керамические комплексы XVI – начала XIX века из раскопа по улице Спортивная, 15 в исторической части Тулы // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула.

Ковалевский В. Н., Медведев А. П., Скобелкин О. В., Цыбин М. В., 2012. Археологические исследования в г. Воронеж: проблемы и первые результаты // Вестник Воронежского гос. универ.

Сер. История. Политология. Социология. Воронеж. № 1.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XV веках. Тула.

Коваль В. Ю., 2011. Керамика Переяславля Рязанского XVI–XVII вв. // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань.

Цельковский М. В., 2008. Керамика XVII века из исторического центра г. Ельца // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск.

Цыбин М. В., 1988. Городище Ивницы // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.

V. N. Kovalevsky, M. V. Tsybin

**Archaeological search for the late sixteenth-seventeenth-century fortress
of Voronezh on southern frontiers of the Moscow State**

Summary

The paper presents the results of the first excavations of the late sixteenth-seventeenth-century fortress of Voronezh carried out by the archaeological expedition of Voronezh State University in 2011. The excavators discovered the remains of a dwelling structure.

Pottery shows analogies to the materials from Pereyaslavl Ryazansky and Tula which is indicative of the organization of pottery production at Voronezh by migrants from the Ryazan region.

Естественнонаучные методы в археологии. Археология Нового времени

А. В. Панин, Н. А. Кренке, А. В. Лазукин, С. Н. Чаукин

Археолого-геоморфологическое изучение поймы Москвы-реки в районе Дьякова городища в Коломенском

Работы на пойме в районе Дьякова городища являлись частью программы комплексных археолого-географических исследований в долине Москвы-реки. Мы ставили перед собой цель реконструировать историю хозяйственного освоения и заселения долины с учетом динамики трансформаций ее рельефа и растительности, обусловленных природными и антропогенными факторами.

Интерес к ключевому участку в районе Дьякова городища¹ вызван несколькими причинами.

Во-первых, микрорегион Дьякова городища – один из наиболее детально изученных памятников дьяковской культуры железного века. На основе его изучения была сформулирована гипотеза о «поселенческо-хозяйственных комплексах» (Кренке, 2011), предполагающая, что городище и селища в его ближайших окрестностях составляли целостную структурированную систему. В центре этой структуры оказывался сегмент правобережной поймы. Естественно было предположить, что это пространство, имевшее естественные рубежи, играло в древней поселенческой структуре важную роль своеобразного «внутреннего двора». Отчасти такое предположение спровоцировали наблюдения XIX–XX вв. над тем, какую роль играл данный участок поймы в хозяйстве жителей села Дьяково. Гипотеза также базировалась на палеоландшафтной реконструкции, выполненной, однако, без участия геоморфолога (Гунова и др., 1996).

Для того чтобы удостовериться в наличии «внутреннего двора» нужно было найти его поверхность – погребенную почву времени функционирования Дьякова городища (середины I тыс. до н.э. – середины I

тыс. н.э.). Далее, как показали исследования в долине Москвы-реки, городища железного века обычно возникали на месте, где территория была освоена ранее, в бронзовом веке, на что указывали единичные находки. Поселения бронзового века, особенно фатьяновской культуры, до сих пор оставались почти неизвестным и желанным «фантомом». Лишь в ходе работ последнего десятилетия в долине Москвы-реки были изучены первые подобные памятники, и почти все они располагались именно в пойме².

В-третьих, в районе устья Городищенского ручья по данным 1970-х годов находилась неолитическая стоянка. В Музее истории Москвы имеется небольшая коллекция фрагментов горшков льяловской культуры с этой стоянки. Археологами она никогда не обследовалась. По аналогии с 1-й Звенигородской стоянкой (Кренке и др., 2012), следовало предполагать, что Дьяковская стоянка должна быть приурочена к погребенной почве атлантического возраста в толще пойменных отложений.

Для выполнения поставленной задачи в пойме было заложено два шурфа размером 2 x 4 м каждый, пройденных на глубину 3,0 и 4,5 м, а также заложено 14 скважин, пройденных ручным буром на глубину до 4,0 м (рис. 1).

Для реконструкции истории формирования данного участка поймы необходимо рассмотреть более протяженный участок долины.

*Русловые деформации реки Москвы
на юго-востоке города Москвы*

Русло и пойма р. Москвы в черте города описывают крупные излучины (макроизлучины),

¹ В работах в Коломенском также принимали участие археологи А. Н. Кудрявцев, М. В. Лавриков, С. А. Медведев.

² См. статью Н. А. Кренке и др. в настоящем сборнике.

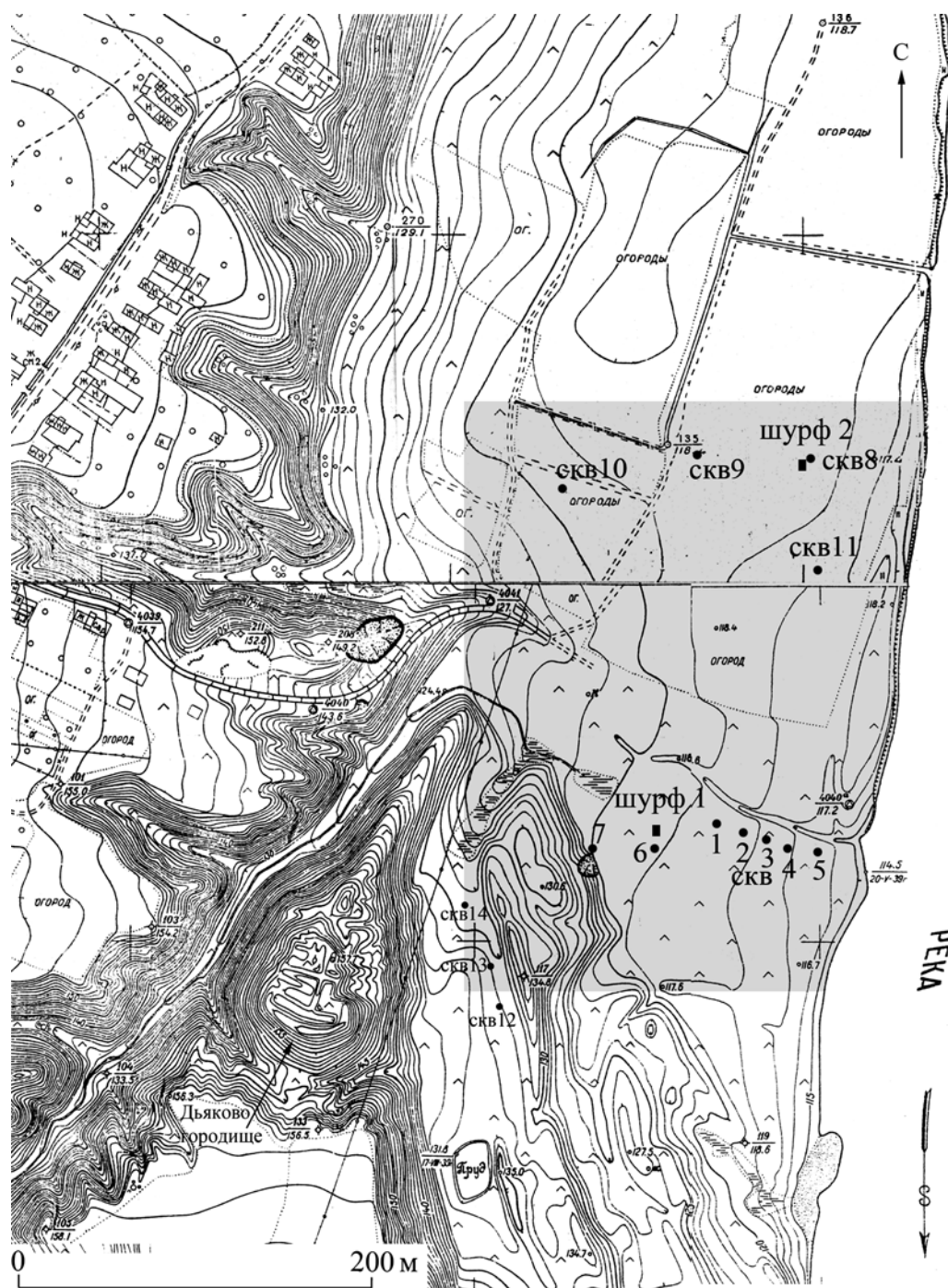

Рис. 1. План Дьякова городища и прилегающей к нему поймы на территории заповедника «Коломенское», где проводились работы 2011 г., на топографической карте 1939 г. Серой заливкой показан исследованный участок поймы

формировавшиеся в условиях мощного речного стока в позднеледниковье (рис. 2). Перед началом голоцена произошло падение стока, и макроизлучины стабилизировались, прекратили развиваться. Судя по тому, что на значительных отрезках позднеледниковые макроизлучины оказались недеформированными, русло

в голоцене было очень стабильным. Однако в некоторых местах на фоне макроизлучин образовалась извилистость второго порядка – малые излучины, отвечающие уменьшившейся водности реки. Они формировались лишь в относительно короткие интервалы времени, отличавшиеся мощными паводками. Большую часть

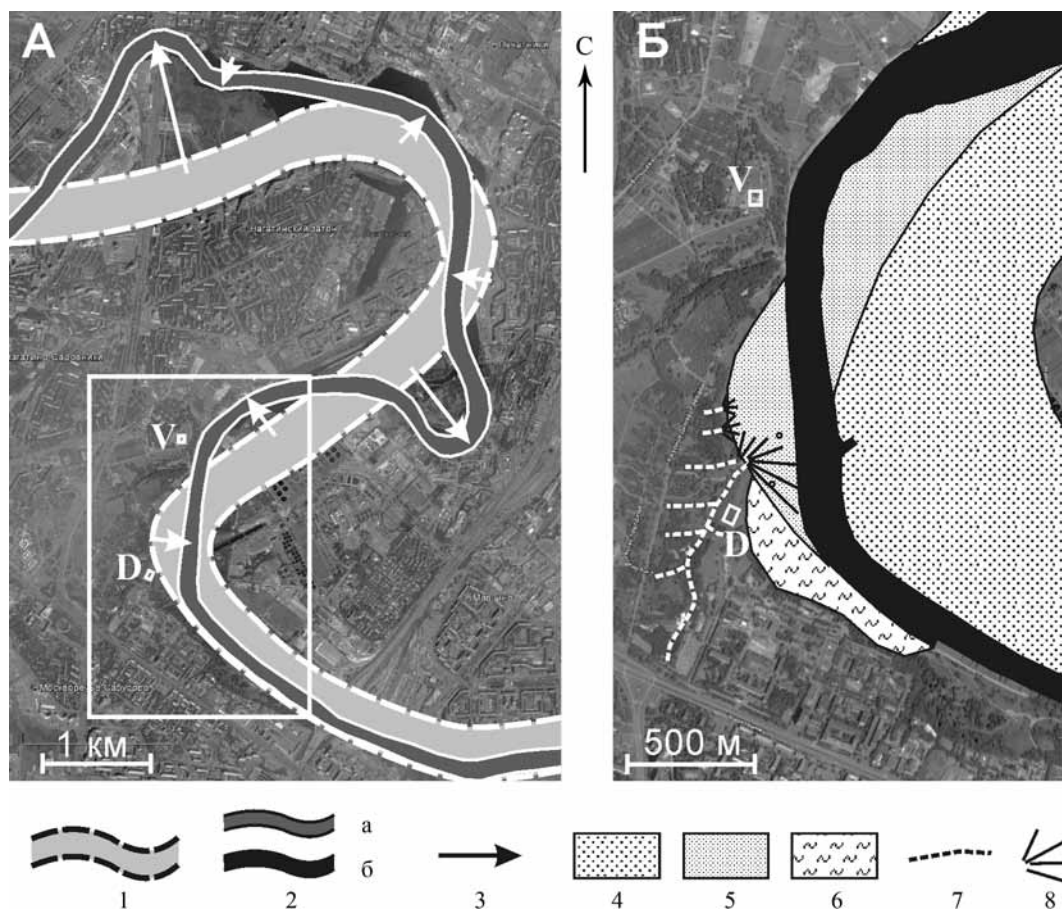

Рис. 2. Деформации русла р. Москвы (А) и геоморфологическая схема дна долины в районе Дьяково – Коломенского (Б)

1 – русло реки в позднеледниковье; 2 – современное русло (а – до зарегулирования в кон. XIX в., б – в подпруженном состоянии); 3 – горизонтальные деформации русла в голоцене, преимущественно в период мощных паводков 2,3–2,7 тыс. л. н.; 4 – древняя, лишь частично затоплявшаяся пойма доголоценового возраста; 5 – молодые сегменты поймы, созданные в ходе русловых деформаций в позднем голоцене; 6 – оползневой участок коренного склона долины; 7 – тальвеги оврагов; 8 – морфологически выраженные конусы выноса. D – Дьяково городище; V – церковь Вознесения в Коломенском

времени в голоцене русло было стабильным и совсем, или почти, не деформировалось.

Изучаемый участок поймы представляет узкий пойменный сегмент в вершине позднеледниковой макроизлучины. Русло отошло от правого берега в вершине макроизлучины относительно недавно, освободив место для формирования поймы. Это было результатом развития излучин выше по течению реки (рис. 2). Формирование крутой излучины в районе Коломенской набережной (в этой излучине находится сейчас плотина Перервинского гидроузла) вызвало ниже по течению переформирования в соответствии с известным «принципом отражения». Здесь поток стал ударяться в правый берег и размывать его с образованием пологой излучины, вершина которой находится непосредственно напротив церкви Вознесения в Коломенском. Выбоина, образовавшаяся в результате

подмыва правого берега, стала оказывать на поток струенаправляющее воздействие, и ниже по течению русло стало смещаться влево, уходя от правого борта долины, где была вершина позднеледниковой макроизлучины.

Таким образом, данные палеоруслового анализа позволяют говорить об относительной молодости рассматриваемого участка поймы, его образовании в один из периодов относительно мощных паводков, которые в Центральной России имели место во второй половине голоцена: 4,5–5,5 тыс. лет назад (похолодание начала суббореального периода), между 2,3–2,7 тыс. лет назад (начало субатлантического периода) и 0,2–0,7 тыс. лет назад (Малый ледниковый период – далее МЛП) (Панин, Каревская, 2000; Panin et al., 2009; 2011). Более точно определить это время позволяют результаты изучения строения поймы в шурфах и скважинах.

История осадконакопления на правобережной пойме в районе сел Коломенское и Дьяково

Наиболее полную информацию о строении поймы дает шурф 2 (рис. 3). Общая глубина вскрытого разреза, включая бурение, составляет здесь 8 м. Начиная с глубины 3,3 м разрез представлен тяжелыми суглинками, в верхнем вскрытом шурфом метре которых, присутствуют признаки неясно выраженной крупной (первые сантиметры) слоистости. В нижнем полуметре суглинка появляется опесчаненность. На глубине 4,2–4,4 м (в забое шурфа), а также ниже (по данным бурения) в суглинке присутствуют обильные включения травянистых фрагментов, что дает возможность для радиоуглеродного датирования. По общей органике в суглинке с глубины 4,3–4,4 м получена дата 2150 ± 150 (ГИН-14598), которая калибруется (программа *OxCal*, версии 3.9) в интервал календарного возраста 390–340 гг. до н.э. (с вероятностью 67,2%). Вся толща суглинка представляет аллювий фации затонов (ниже глубины порядка 5 м), плавно переходящий в аллювий низкой поймы (3,3–5,0 м).

После отхода динамической оси потока от правого берега здесь образовалось расширение русла с достаточно большой глубиной воды – плесовая ложина в вершине излучины. Такие формы типичны для извилистых русел, испытывавших уменьшение радиуса кривизны изгибов. В межень здесь вода застаивалась, а в паводки формировалось обратное течение с небольшими скоростями – отсюда опесчаненность в нижней части разреза. В этой стоячей или слабопроточной обстановке быстро шло осадконакопление, осаждались прежде всего тонкозернистые фракции, входящие в состав взвешенных наносов. Плесовая ложина быстро заполнилась глинистыми отложениями и превратилась в глинистую отмель, вложенную в вершину бывшей излучины. Отмель заросла травянистой растительностью и превратилась в низкую пойму, на которой продолжалось близкое по характеру осадконакопление. Ввиду высокой скорости осадконакопления, общее время превращения плесовой ложины в низкую пойму было невелико – несколько столетий. Учитывая полученную ^{14}C дату, приведшие к формированию данного участка поймы русловые деформации можно отнести к периоду мощных паводков рубежа суббореального-субатлантического периодов (2,3–2,7 тыс. л. н.). В это же время отмечаются активные русловые деформации – расширение и спрямление русел – на верхнем Днепре и средней Оке (Филиппов, Панин, 2010; Syrovatko et al., 2012).

В период между 2,0–2,3 тыс. лет назад здесь уже была низкая заболоченная пойма, поднимавшаяся над меженной рекой не выше одного метра. По мере ее роста в высоту, скорость осадконакопления снижалась. Способствовало этому и снижение паводковой активности в течение I тысячелетия н.э., продолжавшееся вплоть до Средневекового климатического оптимума включительно (до XII–XIII вв. н.э.). В разрезах высокой поймы этому времени обычно соответствует средневековая погребенная почва, однако здесь в условиях переувлажненной и периодически затапливавшейся низкой поймы ее формирования не произошло.

Следующий этап осадконакопления – формирование пачки желто-коричневого мелкозернистого песка в интервале глубин 270–330 см. Обильная слюдистость указывает на незначительную дальность водного транспорта песков. Похожими песками сложен правый коренной борт долины, прорезанный серией коротких оврагов. Шурф находится вблизи конуса выноса одного из этих оврагов, а также на периферии более крупного конуса Городищенского ручья. Очевидно, песчаная пачка принадлежит к отложениям одного из этих конусов. Внутри песчаной пачки имеется пять прослоев темно-коричневого тяжелого суглинка мощностью от 0,5 до 5,0 см (пойменного аллювия). Регулярность прослоенности песков указывает на сезонную природу песчано-суглинистых пар. В период весеннего снеготаяния активизировалась овражная эрозия, происходил выброс песка на пойму, которая к тому времени могла быть уже затоплена рекой. На спаде половодья из стоячей воды отмучивались суглинки. В кровле каждого суглинистого прослоя имеется сантиметровой толщины красноватая кайма ожелезнения – результат субаэрального выветривания в последующий летне-осенний сезон.

Общее число сезонных пар указывает, что накопление продуктов овражной эрозии происходило в течение пяти лет. Возможно, это лишь пик овражной эрозии, когда выбросы песка достигали периферии конуса. Когда овражная эрозия на склоне долины ослабла или прекратилась, на пойме стали накапливаться исключительно наносы речных паводков (весенних половодий). Они делятся на две пачки. Нижняя пачка на глубине 140–270 см представлена неслоистыми темно-бурыми средними-тяжелыми суглинками с прерывистой сантиметровой линзой паводкового песка на глубине 185 см. Подошва суглинка фестончатая – вероятно, это следы вскопки лопатами, свидетельствующие о начале хозяйственного

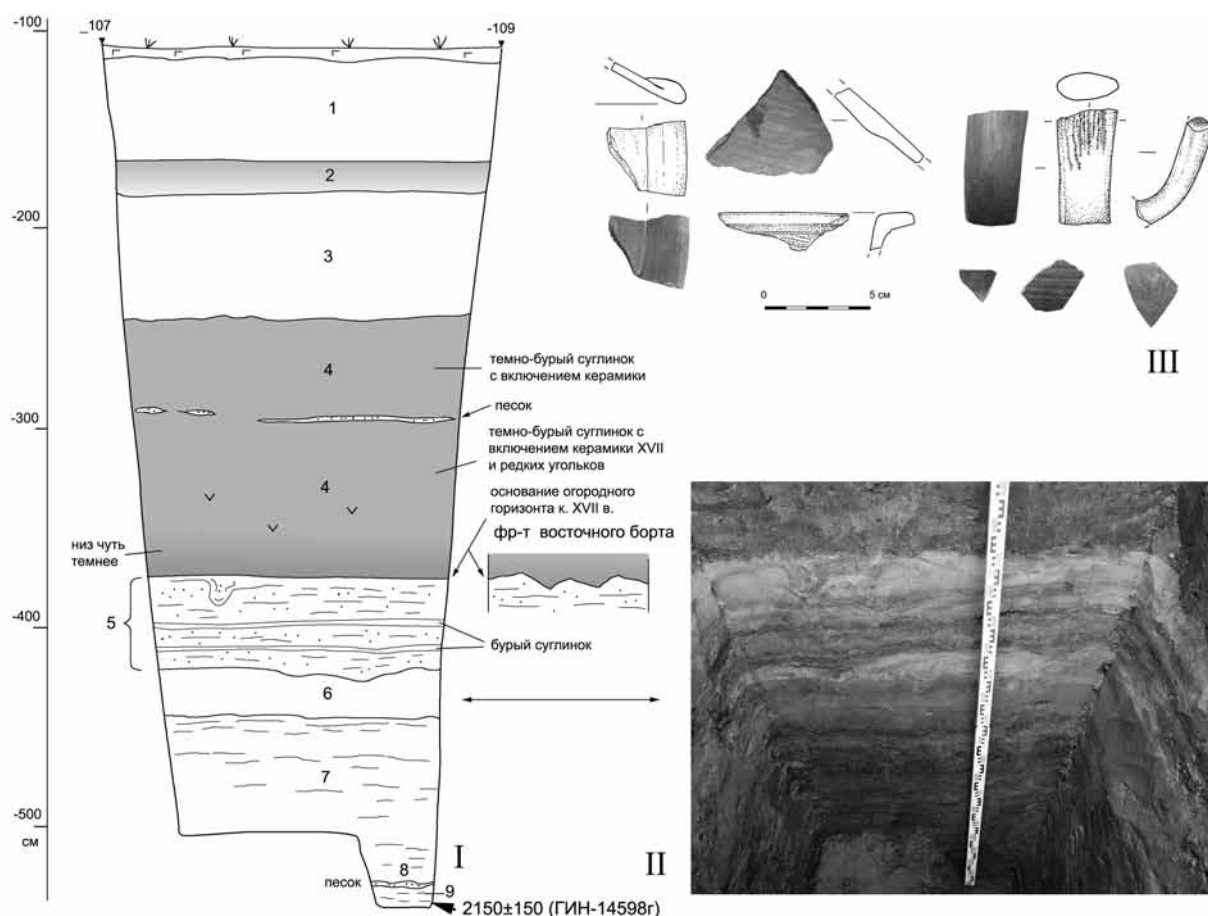

Рис. 3. Профиль (I) и фото (II) шурфа 2 на пойме возле Дьякова городища. Чернолощеная и мореная керамика (III) из основания огородного горизонта кон. XVII в.

1 – бурый суглинок с техногенными отложениями 1980-х гг.; 2 – серый суглинок (почва); 3 – бурый суглинок; 4 – темно-бурый суглинок с включениями керамики; 5 – пачка слоистого песка и тонких прослоек суглинка; 6 – бурый песок; 7 – бурый слоистый суглинок; 8 – опесчаненный бурый суглинок; 9 – серый суглинок с растительным детритом

использования поймы. Непосредственно выше подошвы суглинка на глубинах 250–270 см найдена чернолощеная и мореная керамика конца XVII в., датирующая начало накопления слоя (рис. 3, III). Верхняя пачка (55–140 см) – более светлые коричневые легкие пылеватые суглинки, венчающиеся достаточно хорошо развитой пойменной почвой.

Общая мощность верхнего слоя пойменного аллювия 225 см. Отсутствие слоистости может быть следствием постоянной перекопки поверхности поймы. Однако сохранившиеся на глубине 185 см остатки паводкового прослоя указывают, что, по крайней мере, в отдельные периоды такая вспашка не была систематической, в перепашивании поймы существовали перерывы, и в каких-то частях разреза исходное залегание аллювия не должно быть нарушенным. Это означает, что отсутствие слоистости – следствие малой мощности покрывавшего пойму половодного наилка. Этот наилкок ложился на густую прошлогоднюю траву,

а летом постепенно осыпался на поверхность почвы. Мощности годичного наилка, очевидно, не превышали одного сантиметра. Очевидно, общее время накопления слоя было не менее двух столетий. Таким образом, формирование ныне погребенной почвы на закончившем свое накопление аллювии началось не ранее чем к середине XIX в., но и не позднее чем к первой четверти XX в., когда уже сформированная почва подверглась механическому перемешиванию – об этом говорят находки в верхних 20 см почвенного профиля советских монет 1920–1950-х годов. Последний этап осадко-накопления в разрезе, в отличие от предыдущих, чисто техногенный – это верхние 55 см мешанного бурого суглинка со строительным мусором (вероятно, следы работ по ландшафтному благоустройству 1980-х годов).

Датировка верхнего слоя пойменных суглинков позволяет залегающий под ними овражный песок отнести к середине – второй половине XVII в.

Источник этого песка – овраги, расчленяющие борт долины. Большинство их более древние, – возможно, времени раннего железного века, а балка, в которой протекает Городищенский ручей – доголоценовая. Об этом говорит несоответствие размеров самих оврагов и их конусов выноса, большей частью смытых рекой (а река последний раз подмывала борт долины непосредственно в преддьяковское время). В настоящее время на пойме морфологически выраженные овражные конусы – это результат активизации эрозии с середины XVII в. по настоящее время. Во второй половине XVII в. образовались, вероятно, лишь самые короткие овраги (длиной не более 100–200 м) – отвершки Городищенского и далее к северу по склону долины. Песчаный слой в шурфе 2 мог принадлежать как одному из этих новообразованных оврагов, так и Городищенскому ручью, морфологически выраженный конус которого почти доходит до шурфа.

В климатическом отношении вторая половина XVII в. – одна из самых суровых фаз МЛП, минимум солнечной активности Маундера (1645–1715 гг.). В Европе для этого времени характерно усиление штормовой активности, многоснежность зим. С ростом зимних снегозапасов и весеннего стока можно связывать как рост весенних половодий (он вообще характерен для МЛП), так и активизацию линейной эрозии. Обращает внимание, что село Коломенское было основано значительно раньше активизации овражной эрозии во второй половине XVII в. Очевидно, одного антропогенного нарушения ландшафтов было недостаточно для активизации эрозии. Требовались дополнительно соответствующие климатические условия, обеспечивающие движущую силу эрозии – поверхностный сток. В то же время, надо заметить, что в конце 1660-х годов на высоком берегу, на территории приселка Дьяковского, происходили серьезные трансформации. Жилые дома были перенесены на место современной деревни, а на старом месте села устроен Государев сад. То есть, здесь именно в конце XVII в. велись интенсивные земляные работы, которые могли способствовать эрозии на склонах долины.

В XX в. потепление привело к уменьшению талого стока, снижению высоты половодий и темпов пойменной аккумуляции, на поймах стала формироваться почва. Однако антропогенная нагрузка на ландшафты в районе Дьяково – Коломенского была уже достаточно велика, чтобы локально поддерживать склоновую и овражную эрозию. Это видно в шурфе 1, расположенном на уровне 5,5 м над рекой на перекрывающем пойму (или входя-

щем в состав поймы) конусе Городищенского ручья (рис. 4). Верхние 90 см песчаных осадков, перекрывающие почву XIX в., содержали артефакты разных эпох от раннего периода железного века (текстильная керамика второй половины I тыс. до н. э.) до советского времени. Они отложились в результате продолжающейся в XX в. склоновой и овражной эрозии на примыкающем борту долины. Аналогичная стратиграфия вскрыта на буровом профиле, направленном к реке (скважины 1–6).

Подводя итог обзору участия склоновых и эрозионных процессов в развитии изучаемого участка поймы, можно сказать следующее. Боковая эрозия реки в ходе развития Коломенской (назовем ее так) макроизлучины образовала высокий крутой берег в районе Коломенского – Дьяково, дав потенциал развитию здесь активных оползневых процессов и линейной эрозии. Когда вершина активной макроизлучины располагалась у борта долины, основание склона постоянно подрезалось и оползневые тела и овражно-балочные выносы удалялись рекой. Это, в свою очередь, давало новый импульс эрозионным и оползневым процессам. Когда активное развитие макроизлучины закончилось (перед началом голоцена), берег перестал отступать, река в лучшем случае могла удалять оползневые тела и конусы выноса, а локально могла и отступать ими – в пользу этого говорят неровности береговой линии на участке дьяковских оползней. До момента, когда в результате развития вторичной извилистости река совсем отступила от берега и оставила вдоль него полосу отмелей и низкой поймы, оползневые и эрозионные системы имели достаточно времени для достижения квазиравновесного состояния. Скорее всего, их активность к концу голоцена была уже невелика. Ко времени появления населения раннего железного века (наиболее древние даты, получены по материалам поселения на оползневом бугре «Чертов городок» – 2590 ± 70 лет назад, ГИН-7569) оползневой ландшафт был уже сформирован и с тех пор сильно не изменялся. Вторичную активизацию эрозионных процессов в последние столетия можно связывать с антропогенным воздействием. Этой активизации способствовало сложение, по крайней мере, верхней части коренного склона легкоразмываемыми морскими песками мелового возраста.

Относительная высота поймы как фактор ее хозяйственного использования в разные эпохи

Для определения пригодности данного участка поймы к разным видам хозяйственной деятельности необходимо оценить относительную высоту

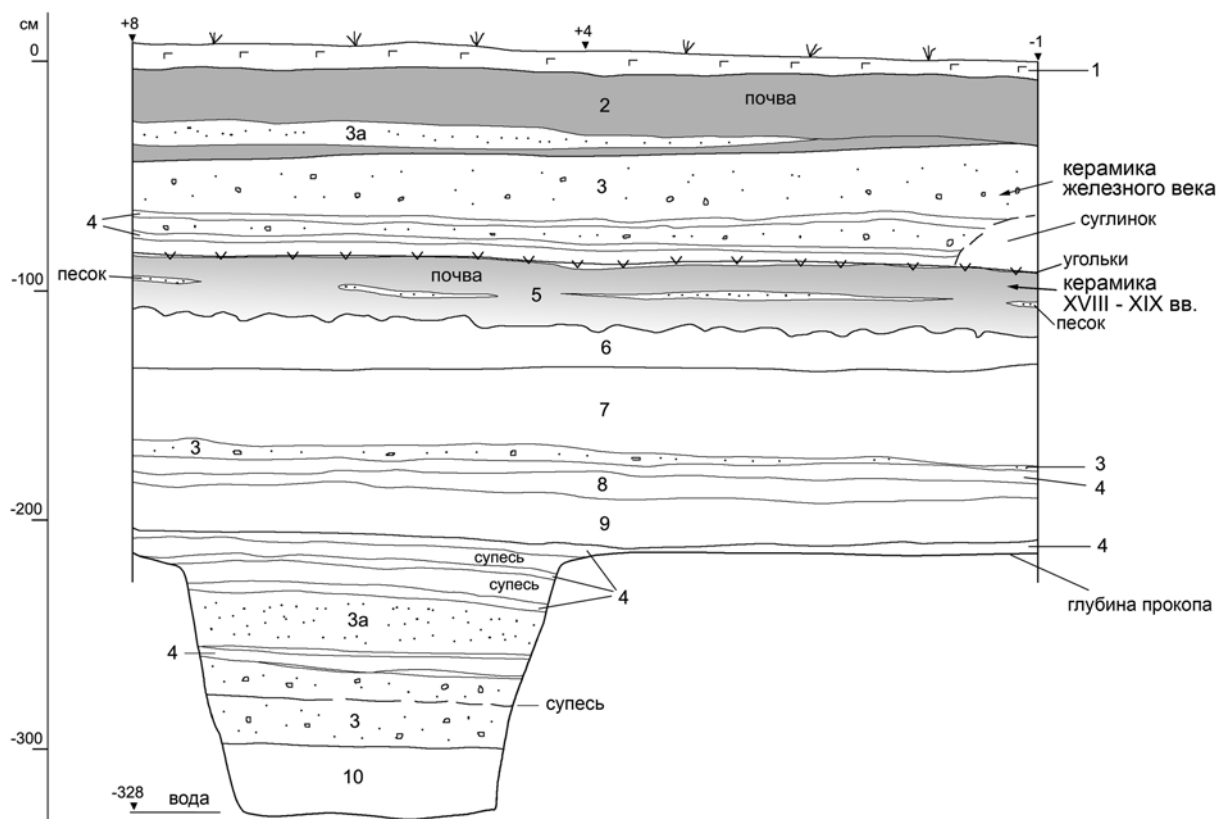

Рис. 4. Профиль восточного борта шурфа 1 на пойме под городищем Дьяково

1 – гумус; 2 – темно-серая супесь; 3 – прослойка крупнозернистого песка с галькой; 3а – песок; 4 – суглинок; 5 – коричневый суглинок (погребенная почва 2); 6 – светло-коричневый суглинок; 7 – светло-слоистая супесь; 8 – коричневая супесь; 9 – коричневый суглинок; 10 – суглинок бурый

поймы в разные периоды ее существования. Шурф 2 расположен на уровне 4,4 м над современным уровнем р. Москвы. Положение данного участка относительно реки в XVII в. и в «дьяковское» время было иным, что определяется двумя факторами. Первое – осадконакопление, повышающее уровень поймы, которое складывается из аллювиальной аккумуляции (накопление пойменной фации аллювия) и из привноса материала с бортов долины. Возможно и автохтонное (*in situ*) осадконакопление, прежде всего, биогенного характера – накопление торфов в пойменных болотах. Однако такого типа осадков на данном участке поймы не обнаружено. Величину осадконакопления в последдьяковское время можно оценить в 4,0–4,5 м, в том числе за последние три-четыре столетия – в 3,0–3,5 м (в основном, накопление пойменной фации аллювия при участии овражных выносов на пойму и техногенных грунтов).

Второй фактор изменения относительной высоты поймы – изменение положения самой реки, как ее русла, так и характерных уровней. Данных для оценки величин вертикальных деформаций русла реки (врезания, аккумуляции) в последние

столетия и тысячелетия для данного участка не имеется, но следует иметь в виду, что для некоторых рек Подмосковья установлено врезание в течение последних 700–800 лет (скорее всего, в самом начале этого интервала) на величину 2,0–2,5 м (Панин, Каревская, 2000). Это врезание связано с ростом водности реки (мощности весенних половодий) в МЛП. Аналогичные изменения водного режима должны были происходить и на р. Москве, но судить об их эффекте на развитие русла возможным пока не представляется.

Масштабные изменения водного режима произошли в связи с начавшимся в середине 1930-х годов искусственным регулированием стока. Строительство водохранилищ в верховьях москворецкого бассейна снизило расходы воды и уровни весенних половодий, в результате чего перестала затапливаться пойма в черте города. С другой стороны, переброска волжского стока по каналу им. Москвы не только компенсирует забор воды для водоснабжения столицы (в районе с. Павшино сток реки уменьшается за счет этого в два раза), но и увеличивает летне-меженный сток: в черте города

он сейчас превышает естественный в два-четыре раза. Выросли уровни этого сезона, а именно относительно них и измеряется высота поймы (уровень летней межени указан на топографических картах). Однако в черте города уровни реки определяются, прежде всего, регулированием серий гидроузлов – плотин со шлюзами для пропуска судов, впервые появившимися в 1785 г. – Бабьегорская плотина (Котлов, 1962 С. 54), а затем в 1874–1877 гг. (Москворецкая шлюзовая система).

Участок в районе Коломенского попадает в сферу действия Бесединского гидроузла (расположен на выходе р. Москвы из города) с подпорным уровнем в верхнем бьефе 114,3 м (по Балтийской системе) и общей величиной подпора порядка 2,6 м. Поскольку рассматриваемый участок поймы находится в 11–12 км выше по течению от Бесединской плотины (считая по оси поймы; это будет также на 3–4 км ниже плотины Перервинского гидроузла), здесь величина подпора несколько меньше. С учетом величины среднего уклона дна долины в черте г. Москвы 0,18 м/км, величину подпора реки в районе Коломенского можно оценить в 0,5 м. Эту величину следует добавлять к современной относительной высоте слоев в шурфах и скважинах, чтобы получить их высоту над рекой в естественных, незарегулированных условиях (без учета врезания/аккумуляции в русле реки).

Выводы

Разрез, вскрытый шурфом 2, исходя из сказанного, можно интерпретировать следующим образом. Во времена наиболее интенсивного функционирования городища Дьяково (середина I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.) данный участок поймы пред-

ставлял собой топкую глинистую низину, поднимавшуюся над рекой не выше метра. Это прибрежное болото вряд ли могло систематически и целенаправленно использоваться в хозяйственной деятельности. Таким образом, предположение о том, что сегмент поймы являлся «внутренним двором», оказывается под большим вопросом. Хозяйственная деятельность людей раннего железного века должна была концентрироваться на более высоких уровнях рельефа. Там же надо искать следы более ранней активности – бронзового века и неолита.

К XVII в. поверхность выросла еще на метр за счет пойменной аккумуляции (до высоты 2 м над рекой), но ее ландшафтные характеристики, по-видимому, оставались теми же. Возможности для освоения появляются лишь после выброса на пойму песчаной пачки в результате активизации овражной эрозии в середине – второй половине XVII в. Накопление пойменных суглинков в дальнейшем продолжалось, но наличие песчаной подушки, видимо, создавало условия необходимого дренажа. Не случайно следы прокопок лопатой отмечаются уже непосредственно в подошве суглинков, перекрывающих песок. Таким образом, история интенсивного хозяйственного освоения данного пойменного участка начинается в середине-конце XVII в. Но и в XIX–XX вв., наряду с огородами, на пойме под селом Дьяковским и возле Дьякова городища были пустовавшие земли, называвшиеся «лишняк» из-за их болотистости, где «топли» коровы (Нефедова, 1993. С. 43). Вероятно, такую топкость притыловым участкам поймы придают выходы грунтовых вод по кровле юрских глин, залегающих в основании склона долины под меловыми песками.

Литература

Гунова В. С., Кирьянова Н. А., Кренке Н. А., Низовцев В. А., Спиридонова Е. А., 1996. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. № 4.

Котлов Ф. В., 1962. Изменение природных условий территории Москвы под влияние деятельности человека и их инженерно-геологическое значение. М.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.

Кренке Н. А., Александровский А. Л., Войцик А. А., Елкина И. И., Ершов И. Н., Ершова Е. Г., Лазукин А. В., Мазуркевич А. Н., Панин А. В., Кудрявцев А. А., Лаври-

ков М. В., Воронкин В. А., 2012. Новые исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки на Москве-реке // АП. Вып. 8. М.

Нефедова Е. С., 1993. Микротопонимы села Дьяково и его окрестностей // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 4. М.

Панин А. В., Каревская И. А., 2000. История формирования поймы р. Протвы в пределах Сатинского полигона МГУ // Вестник МГУ. Сер. 5. География. № 4. М.

Филиппов В. В., Панин А. В., 2010. История долины верхнего Днепра // Геоморфологические процессы и их прикладные аспекты (VI Щукинские чтения). М.

Panin A. V., Fuzeina J. N., Belyaev V. R., 2009. Long-term development of Holocene and Pleistocene gullies in the Protva River basin, Central Russia // *Geomorphology*. Vol. 108.

Panin A., Fuzeina Yu., Karevskaya I., Sheremetskaya E., 2011. Mid-Holocene gullying indicating extreme hydroclimatic events in the centre of the Russian

Plain // *Geographia Polonica*. Vol. 84. Special Issue. Pt. 1. Warszawa.

Syrovatko A. S., Zaretskaya N. E., Troshina A. A., Panin A. V., 2012. Radiocarbon chronology of the Schurovo burial mound cremation complex (Viking Times, Middle Oka River, Russia) // *Radiocarbon*. Vol. 54. Nr. 3–4. Tucson.

A. V. Panin, N. A. Krenke, A. V. Lazukin, S. N. Chaukin

**Archaeological-geomorphological studies of the Moscva River floodplain
at the Iron Age Dyakovo site in the Kolomenskoye district, the Moscow City**

Summary

The study was aimed at sedimentation and ancient land-use of the floodplain near the Dyakovo Iron Age hill-fort (55.65592°N, 37.66520°E). Test pits and boreholes combined with the data of topographic survey provided the following reconstruction of geomorphic and sedimentation history. In the Early and Middle Holocene, the Moskva River channel was located at the right valley side. At the Middle–Late Holocene boundary (between 2.3–2.7 cal ka BP), the river had shifted to the left leaving a strip of low floodplain at the base of the valley side. During the Dyakovo hill-fort existence (mid-1st millennium BC – mid-1st millennium AD), it was a swampy clayey lowland rising by <1 m above the river. Contrary to earlier hypotheses of the important

economical role of this floodplain area in the spatial structure of the Dyakovo hill-fort, current findings are indicative of a kind of landscape inconvenient to any practical use. In the second half of the 17th century, active gully erosion occurred on the valley side owing to both climatic (severe winters during the Mounder solar activity minimum, rise of spring snowmelt runoff) and anthropogenous reasons (replacement of the Dyakovo Village). Floodplain was covered by a sand blanket more than half a meter thick. It provided dryer conditions and initiated active exploitation of the floodplain area by the local population for making kitchen gardens evidenced in geological sections by traces of regular spading.

А. А. Гольева

Погребенные почвы курганного могильника Новоселки 2¹

Введение

При создании любого вида насыпей сохраняется большой информационный блок, заключенный в погребенных под насыпями почвах. Эти почвы «консервируются», то есть их облик и многие свойства остаются такими, какие были на момент создания насыпи, что и делает возможным извлекать эту информацию.

Исследования почв под курганными насыпями позволяют получать уникальные данные о природе и климате в прошлом (Иванов, 1992; Гольева, Хохлова, 2001. С. 138–149; Демкин и др., 2004. С. 1486–1497; Габуев и др., 2005. С. 49–54). Помимо этих крупных вопросов, различия в сохранности и степень изменения почв под курганами делают возможным реконструировать антропогенные изменения ландшафтов на период создания курганов (Александровский и др., 1997. С. 533–542; Гольева, Хохлова, 2002. С. 237–241; 2004. С. 33–41; Ташинова и др., 2005. С. 149–160; Гольева, 2007. С. 47–54), этапы создания самого кургана (Гольева, Хохлова, 2010. С. 66–67), а также последовательность возведения близкорасположенных курганов (Гольева, 2006. С. 85–111). Эта возможность археологического почвоведения особенно важна, если исследуется курганный могильник, созданный представителями одной культуры за относительно короткий временной интервал. Так, на сегодняшний день реконструирована последовательность возведения курганов могильника Мякинино (Московская область) на основе различий в сохранности и степени выраженности верхних горизонтов лесных и луговых погребенных почв. В настоящей

работе приведены результаты работы с почвами, вскрытыми под насыпями курганного могильника Новоселки 2.

Целью работы было реконструировать вероятную последовательность возведения курганов на основе анализа специфики облика и свойств погребенных почв; дать характеристику развития природно-антропогенного ландшафта участка курганного могильника в раннем Средневековье. Объектами исследования являлись почвы курганного могильника Новоселки 2 (рис. 1), располагавшегося в 1,5 км к северо-востоку от с. Черкизово на левом берегу р. Клязьма (Химкинский район, Московская область). Охранные раскопки проводились в 2008 г. Подмосковной экспедицией Института археологии РАН (начальник экспедиции А. В. Энговатова)² (Коваль, 2008). В ходе раскопок по археологическому материалу установлено, что вся курганная группа была создана славянами за период не более 50–100 лет. Природная зона района работ – южная тайга, зональные почвы дерново-подзолистые, фоновая растительность – смешанные лиственно-хвойные леса. Исследовались почвы под насыпями девяти курганов XII – середины XIII в. (им присвоены порядковые номера 4, 6, 8, 14, 15, 16, 17, 18, 19), а также современная фоновая почва.

Методы исследования

За методическую основу был принят комплексный подход с использованием широкого спектра почвенных анализов – морфологический (все объекты), фитолитный (все объекты), серия физико-химических (5–6 объектов).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 11–05–00967.

² Раскопками руководили В. Ю. Коваль, Е. П. Захарова и Д. Ю. Бадеев.

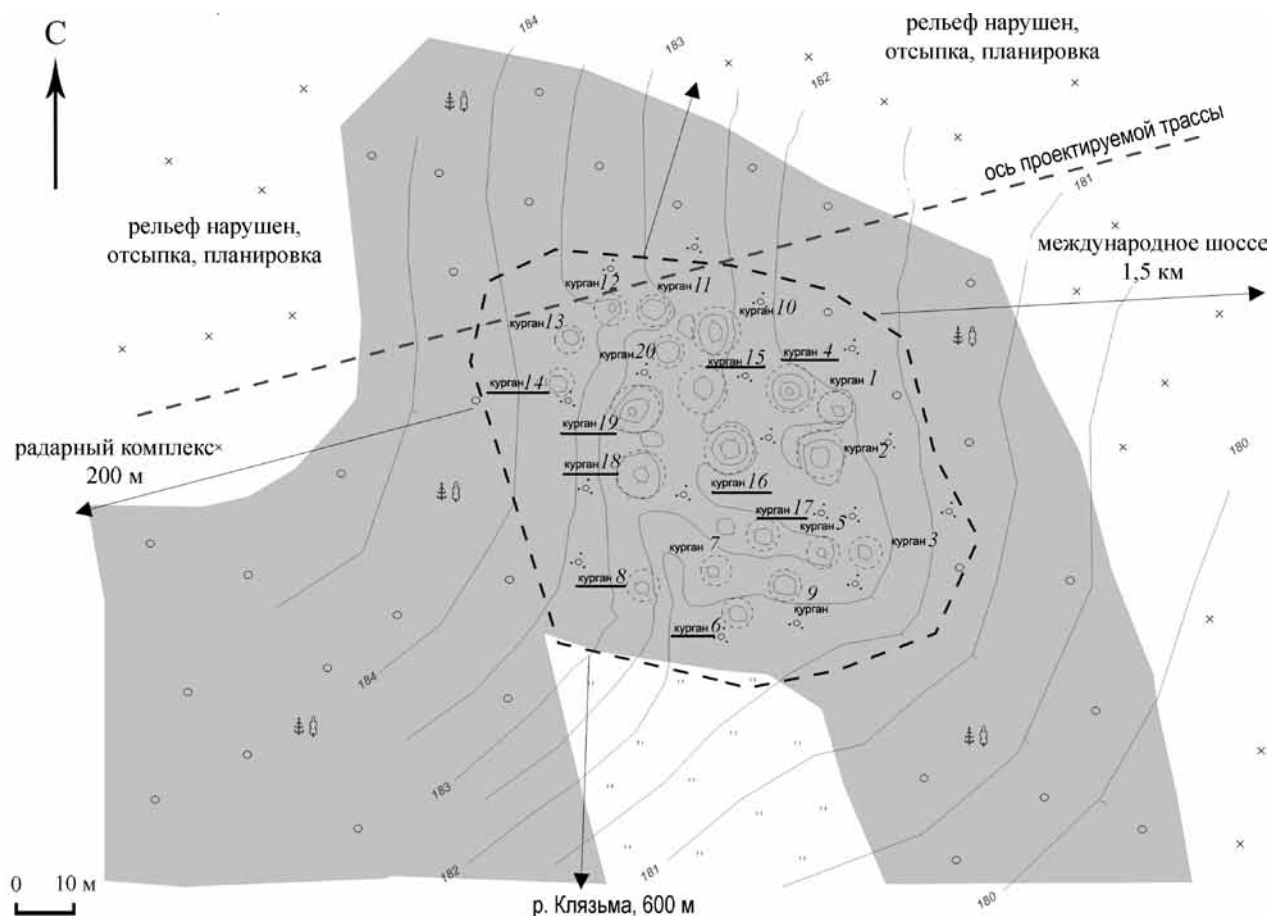

Рис.1. Расположение курганов могильника Новоселки 2.
Подчеркнуты номера курганов, погребенные почвы которых исследовались

Морфологический анализ подразумевает изучение почвенного профиля непосредственно в стенке раскопа, где детально исследуются мощность, цвет, степень сохранности различных почвенных горизонтов (слоев). Особое внимание при этом обращается на наличие различных включений (насколько они естественны) и характеру границ между горизонтами (слоями).

Каждый из этих признаков несет самостоятельную информационную нагрузку, что суммарно позволяет уже в поле делать первые выводы о характере погребенной почвы, различиях почв под разными курганами. Например, однородная серая окраска верхнего горизонта с резкой линейной нижней границей указывает на пахотную стадию развития почвы (Гольева, 2008. С. 33–41). Если линейный рисунок нижней границы серого горизонта фрагментарен, а в самом горизонте наблюдается усиление темной окраски снизу вверх, значит, курган возводился на заброшенную пашню – залежь. И чем сильнее нарушена корнями трав нижняя граница пашни, тем длительнее был период залежи. В почвоведении

различия между пахотными и огородными горизонтами делаются по цвету горизонтов: огородные темнее пахотных (рис. 2). Это связано с тем, что на огородах сажали пропашные культуры, более требовательные к плодородию почв, по сравнению с зерновыми на пашнях. Для пропашных культур необходимы внесения значительных доз различных удобрений. Зерновые культуры менее требовательны, их удобряли реже, и соответственно, цвет пахотного горизонта светлее. То есть, различия между пахотными и огородными почвами идут не по типу землепользования (плуг или лопата), а по типу произраставших растений (пропашные или зерновые).

Полное отсутствие серого (гумусового) горизонта непосредственно под насыпью кургана, или его малая мощность указывают на эродированность (нарушенность) почвенного покрова при создании погребения. И чем слабее выражен гумусовый горизонт, тем степень эродированности почвы сильнее, т.е. почва на момент погребения не имела верхнего горизонта, была скальпирована. Это достаточно часто встречается, если курганы расположены рядом

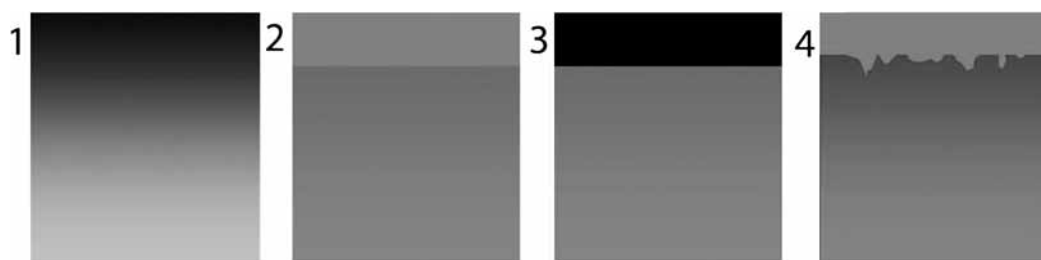

Рис. 2. Цветовая специфика и характер перехода горизонтов, их границ в естественных почвах (1), пашнях (2), огородах (3), залежах (4). (См. цв. вкл.)

и для создания насыпи сгребается земля с ближайшей округи. Тогда последующие курганы, создаваемые по соседству, будут возводиться на почву, лишённую верха, скальпированную.

Фитолитный анализ позволяет уточнять наличие распашки, особенно в случаях длительных залежей, когда наличие в прошлом пахотного горизонта вызывает сомнения. Количественное распределение фитолитов с максимумом в районе плужной подошвы наряду с присутствием в образцах форм, характерных для культурных злаков будет являться убедительным доказательством того, что почву ранее распашивали. Если же почва была эродирована, то количество фитолитов будет мало даже в самых верхних горизонтах (Гольева, 2001). В случае внесения органических удобрений, в первую очередь, навоза, количество фитолитов в агрогенном горизонте будет превышать нормальные значения в разы, иногда, на порядок.

Физико-химические анализы в почвах делают для уточнения и корректировки выводов, полученных морфологически, т. е. в поле. Набор анализов и детальность отбора проб могут варьировать в каждом отдельном случае в зависимости от поставленных целей и задач. В большинстве погребённых почв отсчет глубин для отбора проб шел с уровня погребения, но в курганах 4, 6, 8 отбирались пробы и из насыпей, начиная с самого верха с современной почвы на кургане. Эти пробы брались для сравнительного анализа с погребёнными почвами, поскольку расположенная неподалеку фоновая почва имела признаки антропогенной нарушенности в прошлом. В итоге мы имели четыре современные почвы, которые можно было с определенными условностями использовать как фоновые. В диаграммах почвенных свойств граница между насыпью кургана и погребённой почвой показана пунктирной линией.

Результаты и обсуждения

Изучение в поле погребённых почв показало, что практически во всех почвах есть пахотный горизонт различной степени сохранности. Ни один

из курганов не возводился на естественную почву, существовавшую до прихода людей. Только в нижних горизонтах погребённых почв сохранились признаки исходной почвы в виде светлой присыпки (скелетаны) по граням структурных отдельностей и кутаны по трещинам в иллювиальном горизонте. Эти признаки позволяют охарактеризовать древнюю почву как дерново-подзолистую – типичную зональную почву нашей природной зоны.

Согласно характеру сохранности нижней границы пахотного горизонта, курганный могильник возводился на пашне и разновозрастной залежи. Если предположить, что весь участок был выведен из сельскохозяйственного оборота одновременно, то степень сохранности-нарушенности пахотного горизонта можно использовать в качестве диагностического параметра при создании схемы этапов насыпки курганов.

По этому критерию все рассмотренные почвы под курганами были разделены на три группы: где пахотный горизонт сохранился хорошо (почвы курганов 8 и 19); где пахотный горизонт нарушен в разной степени (почвы курганов 4, 6, 14, 15, 17); и где почвы как таковой не было, или же цвет горизонта существенно отличался (почвы курганов 16, 18). По результатам морфологического анализа получается, что курганы 8 и 19 возводились первыми, практически на пашне, курганы второй группы насыпались позже, уже на залежи. Относительно сроков создания курганов 16 и 18 никаких предварительных выводов сделать было нельзя ввиду абсолютного различия облика этих погребённых почв со всеми остальными. Так, почва под курганом 16 отличается обликом верхнего горизонта. Если во всех остальных почвах сохранившийся пахотный горизонт однородного серого цвета, то верхний горизонт почвы под этим курганом состоит из крупных кусочков разного цвета неправильной округлой формы. Так бывает, когда почву перекапывали несколько раз. При длительном регулярном перемешивании все комочки разрушаются, материал перемешивается и в итоге выглядит

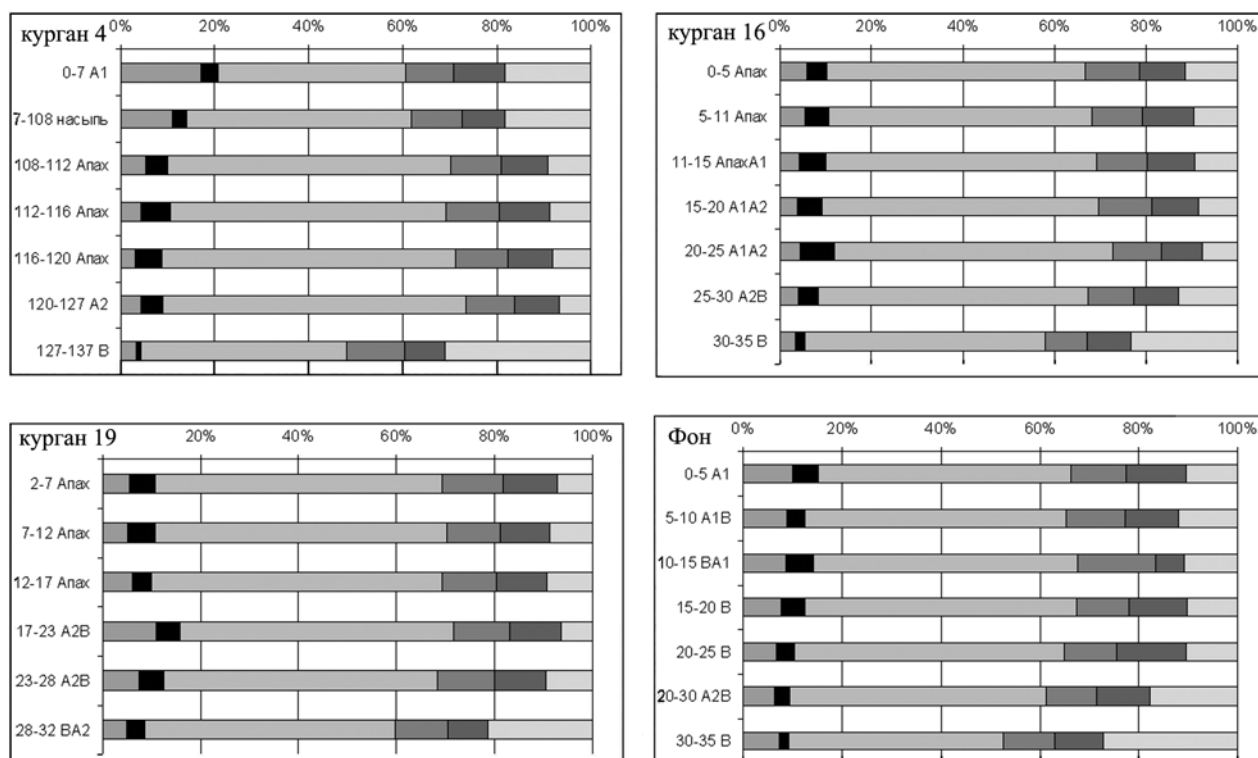

Рис. 3. Состав гранулометрических фракций почв под курганами и фоновой. Линиями показано содержание фракций (слева направо): крупный песок, средний и мелкий песок, крупная пыль, средняя пыль, мелкая пыль, ил.

однородной толщей. Именно так выглядят верхние горизонты остальных почв. Можно считать, что эту почву (под курганом 16) перекапывали реже, чем остальные участки или же здесь для каких-то целей была перекопана залежь. В любом случае почва значительно отличается от остальных.

В четырех погребенных почвах (курганы 4, 8, 16, 19) и в фоновой почве был определен гранулометрический состав (рис. 3). Согласно полученным данным, все почвы сформированы на крупнопылеватых суглинках, они имеют более легкий состав в верхней части (средний, в ряде случаев легкий суглинок) и более тяжелосуглинистый состав в нижних частях профилей. Определенная однотипность всех изученных почв указывает на одинаковый состав исходной материнской породы. То есть, под курганами везде ранее была одна почва, шли единые процессы почвообразования. Это позволяет нам проводить сравнительный анализ всех других параметров, сопоставлять полученные результаты, поскольку они будут связаны со спецификой развития почвы, а не спецификой породы, на которой эта почва формировалась.

Информативна и особенность распределения отдельных фракций, в первую очередь мелкопылеватой и илистой (частицы 0,05–0,01 мм и менее

0,01 мм – предпоследняя и последняя колонки диаграмм). В типичных дерново-подзолистых почвах горизонт элювирования (подзолистый) характеризуется уменьшением количества этих частиц, выше и ниже их больше. Пахотные горизонты имеют ровный тип распределения всех фракций за счет регулярного перемешивания горизонта. Когда пашню забрасывают, на поверхности формируется травянистая дернина, начинает образовываться гумусовый горизонт и возрастает количество мелкопылеватых и илистых частиц. В нашем случае мы не видим увеличения этих частиц в верхней части почвы кургана 19, некоторое, достаточно слабое увеличение в почвах курганов 4 и 8 и более явное в верхних 5 см почвы кургана 16. Это позволяет считать, что курган 19 насыпался практически на свежую пашню, в то время как курганы 4, 8, 16 – на заброшенную пашню, т.е. залежь. Возраст залежи влияет на увеличение содержания мелких частиц в верхней части почвы, но ввиду относительно небольших различий, можно лишь говорить о том, что курган 16, скорее всего самый молодой из рассмотренной группы из 4 курганов.

Согласно данным химических анализов (рис. 4), все погребенные почвы имеют слабо кислые, а в ряде случаев даже нейтральные значения

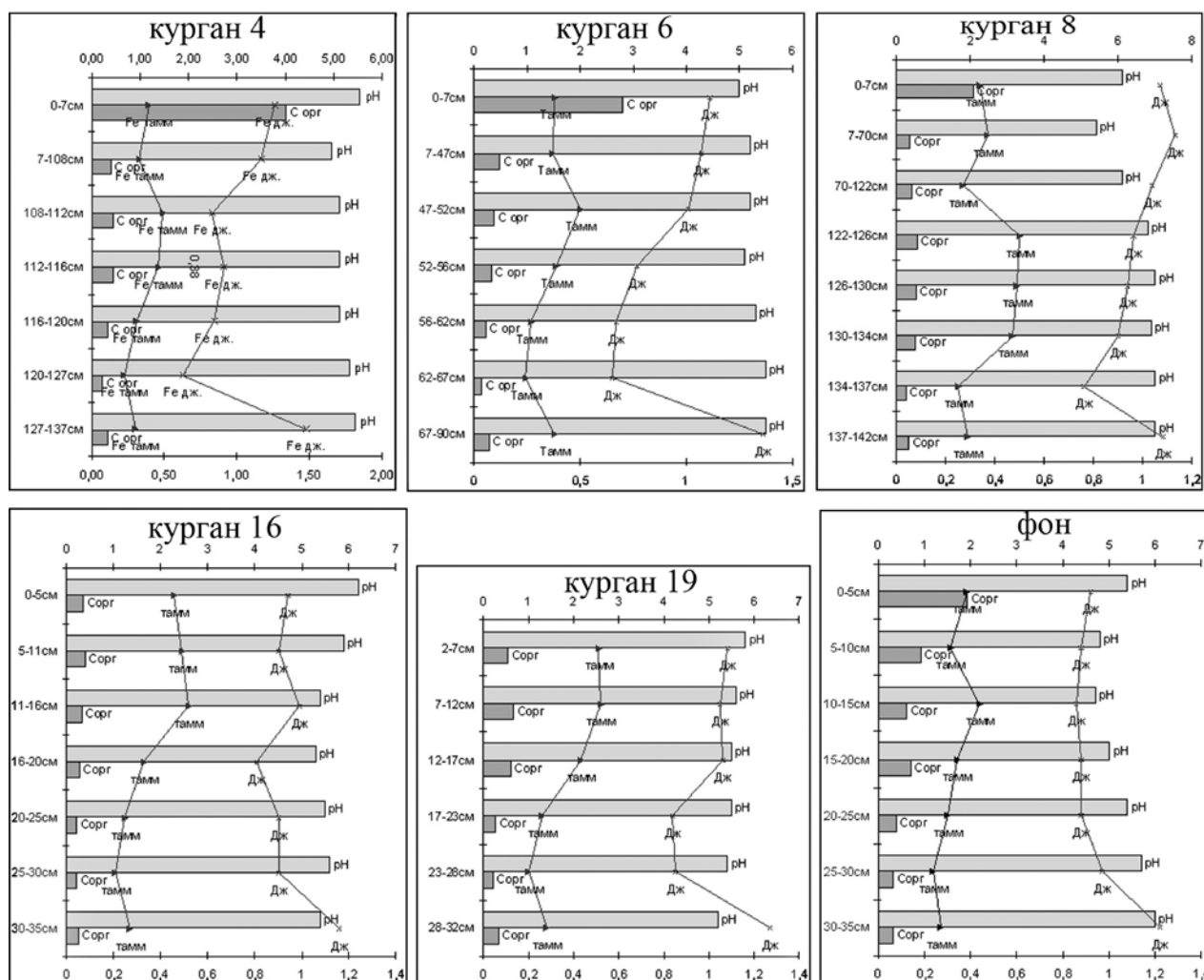

Рис. 4. Химические свойства исследованных почв. На верхней горизонтальной линии даны количественные параметры pH и органического углерода (%) (на графике они изображены горизонтальными столбиками); на нижней – количественные параметры обеих фракций железа (мг-экв./100 гр почвы) (на графике показаны линиями)

pH почвенных растворов. Лишь для фоновой почвы и почв на курганах 4 и 8 можно говорить о процессе кислотного гидролиза под гумусовыми горизонтами, то есть о зональном процессе формирования кислых почв. Уменьшение кислотности в погребенных почвах частое явление, но особенно оно типично, если курганы возводятся на антропогенно преобразованных землях, в том числе распаханых.

Обращает внимание крайне низкое количество органического вещества в погребенных почвах по сравнению с современными. Потеря органики за счет минерализации в погребенных почвах со временем – известный факт (Иванов, 1992). В данном случае, за прошедшие 800–900 лет количество органики должно было сократиться не более чем в два раза. Но даже если удвоить

полученные цифры, итоговый результат все равно будет существенно ниже ожидаемого. Более того, если во всех современных почвах ясно виден тренд уменьшения органики с глубиной, то в погребенных почвах распределение Сорг. ровное в верхних двух-трех слоях. Подобное ровное распределение органики характерно для пахотных почв благодаря механическому перемешиванию верхней толщи.

Было проведено определение различных форм железа разными вытяжками. Ранее считалось, что вытяжкой Тамма определяются аморфные соединения, а вытяжкой Мера-Джексона – минеральные не окристаллизованные формы железа. Сейчас состав выделяемых фракций железа пересматривается, но поскольку за предыдущие годы при работе с пашнями накоплен значительный фактологический материал именно по этим видам анализов, их

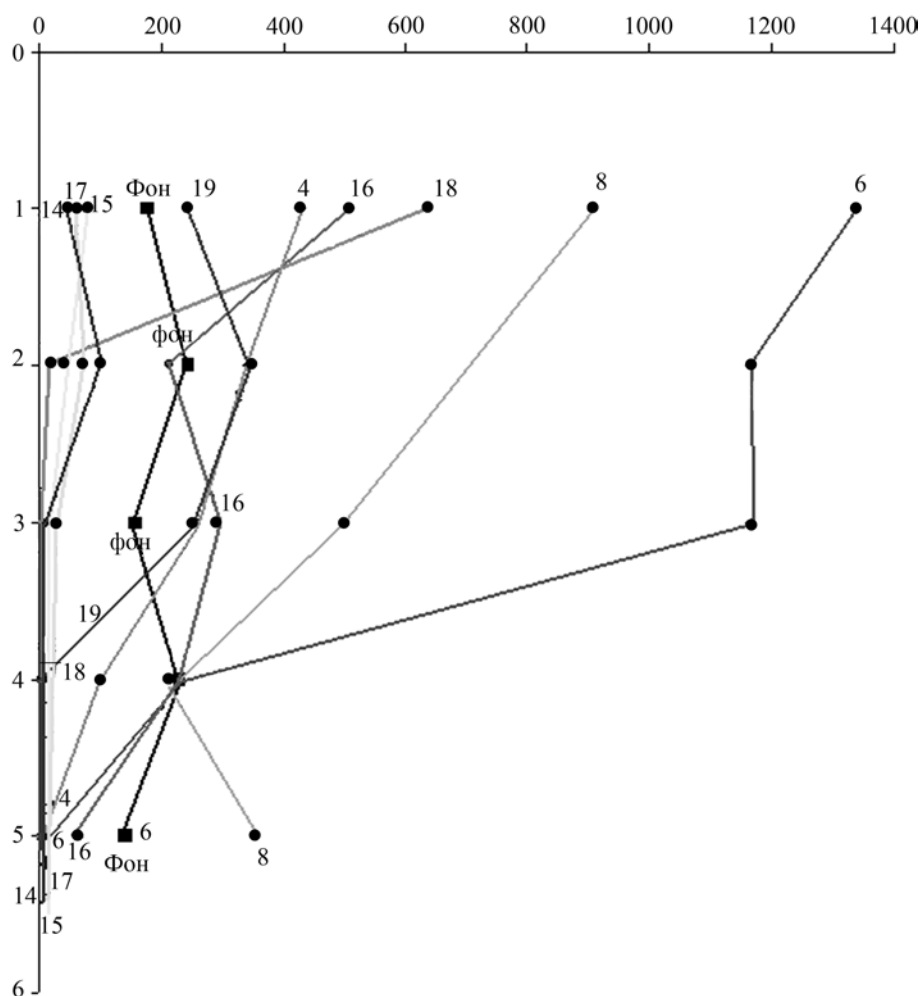

Рис. 5. Количество фитолитов в фоновой и погребенных почвах и их распределение по глубине. Цифрами на графиках показаны номера курганов. (См. цв. вкл.)

можно использовать вне зависимости от генетического контекста. Доказано, что в пахотных горизонтах происходит сужение интервала между обеими вытяжками, в то время как в минеральных горизонтах резко возрастает количество железа в вытяжке Мера-Джексона (Каравеева, 2008. С. 500–530). А, например, в подзолистом горизонте количество железа, выделяемое обоими способами, уменьшается. В пахотных горизонтах обе кривые, как правило, параллельны. Все вышеописанное наглядно демонстрируется рисунками обеих кривых во всех исследованных почвах (рис. 4). Здесь наиболее интересно сопоставить расстояние между обеими кривыми в современных почвах. Все почвы на курганах имеют достаточно широкий интервал, что однозначно связано с отсутствием распашки этих почв. В фоновой почве наблюдается четкое сужение интервала на глубине 10–15 см, что подтверждает предположение о пашенной стадии на каком-то этапе развития этой почвы.

Фитолитный анализ был проведен во всех погребенных почвах и фоновой (рис. 5). Почвы на курганах не исследовались. Количество фитолитов различается значительно. Известно, что среднее количество фитолитов на поверхности дерново-подзолистой почвы составляет 150–250 шт. в стандартном объеме (Гольева, 2001). Меньшее количество характеризует нижние горизонты почвы, большее (до 400–450 шт.) возможно для чистых травянистых дернин. Если в образце фитолитов больше – это искусственно созданный горизонт, например: укладывался дерн в несколько слоев, или здесь было хранилище сена/соломы, или (в случае пашни/огорода) в почву вносился навоз. В пахотных почвах за счет перемешивания происходит механическая миграция тонких частиц, включая фитолиты, вниз с последующим накоплением на нижней границе пахотного горизонта – плужная подошва. То есть в пашнях наблюдается специфический тренд распределения

фитолитов – не уменьшение с глубиной, а мало вверх (если в почву не вносился навоз) с максимумом на нижней границе распашки и последующим резким падением (Гольева, 2006. С. 85–111).

Дополнительную независимую информацию дает качественный анализ, т. е. учет диагностических форм. Для этого исследования наиболее результативной была фиксация в образцах фитолитов культурных злаков.

Рассмотрим количественное распределение фитолитов в исследуемых почвах с учетом наличия или отсутствия фитолитов культурных злаков.

Курган 4 – естественный тренд распределения фитолитов с максимумом вверх и постепенным уменьшением с глубиной. Более или менее нормально и количество частиц. Но в верхних трех образцах встречены фитолиты культурных злаков. Следовательно, почва распаивалась, но это было достаточно давно, поскольку накопление фитолитов в плужной подошве затухало длительным поступлением «свежих» фитолитов сверху.

Курган 6 – аномально высокое количество фитолитов в верхних 15 см. Почва однозначно удобрялась навозом, что сделало невозможным реконструкцию истории землепользования на участке.

Курган 8 – фитолитов много, наблюдается несколько пиков их количества. Формы, характерные для культурных злаков есть в верхних трех слоях. Можно предположить, что при создании кургана на имеющуюся дернину уложили еще слой дерна, что существенно увеличило итоговое количество фитолитов в верхнем слое. Слой 130–134 см (отсчет от поверхности) – это типичная плужная подошва. Наблюдаемый пик на глубине 137–140 см не типичен. В нем нет культурных злаков, но общее количество фитолитов слишком велико для подобных глубин. Наиболее вероятно, что это горизонт какой-то древней погребенной почвы, скорее всего, не имеющей никакого отношения к периоду освоения участка славянами.

Курган 14 – имеем типичное для пашни распределение фитолитов, но общее количество частиц мало. Скорее всего, это эродированная почва, без растительного покрова на поверхности. Иными словами, когда-то почва распаивалась, потом начались процессы эрозии при отсутствии поступления новых растительных остатков. Скорее всего, участок сильно и регулярно вытаптывался.

Курган 15 – фитолитов мало, но при этом общий тренд их распределения характерен для естественных почв. Наиболее вероятно, что почва была сильно эродирована, т. е. скальпирована на значительную глубину. Потом постепенно стал

восстанавливаться травянистый покров, формироваться типичный фитолитный профиль. Но продолжительность данного процесса небольшая – первые десятки лет.

Курган 16 – хорошо виден максимум фитолитов в верхнем дерновом слое и второй максимум в слое плужной подошвы. В верхних образцах есть фитолиты культурных злаков. Количественное распределение соответствует требованиям для подобных почв.

Можно с высокой долей уверенности говорить о длительности периода залежи, хотя и меньшим, чем для кургана 4.

Курган 17 – по распределению фитолитов наиболее схож с почвой кургана 15, близки даже количественные параметры. Количество фитолитов в этой почве несколько выше, чем в почве кургана 15. Возможно, здесь продолжительность залежи была больше, но незначительно (буквально несколько лет).

Курган 18 – абсолютно нетипичный характер распределения фитолитов – очень много в верхнем горизонте при практически полном отсутствии сразу под ним. Подобное возможно, если почва была сильно скальпирована (не менее 20–25 см), а потом заросла травой. В итоге имеем дернину, сразу под которой находится минеральный горизонт. В данной почве вся предыдущая информация о ее развитии была уничтожена вместе с другим мелкоземом. С позиции информативности эта почва близка к почве под курганом 6. Там все перекрыто за счет добавления навоза. Здесь было уничтожение верхней толщи. В итоге и там и там никакие реконструкции по свойствам почв невозможны.

Курган 19 – тренд распределения фитолитов типичен для пахотных почв; в верхних двух образцах есть фитолиты культурных злаков. Признаков дернины, как в других пахотных почвах нет.

Фоновая почва – имеет два пика по количеству фитолитов. В слое 10–15 см есть фитолиты культурных злаков, т. е. это – плужная подошва. Нижний пик, скорее всего, указывает на то, в древности почва была погребена, как и почва кургана 8.

Выводы

Исходные ландшафты с зональными почвами подзолистого ряда под смешанным древесным покровом были кардинально изменены задолго до возведения курганов: леса вырублены, почвы распаиваны.

Гомогенность пахотного горизонта под ранними курганами позволяет предположить, что длительность агрогенного этапа была десятки лет.

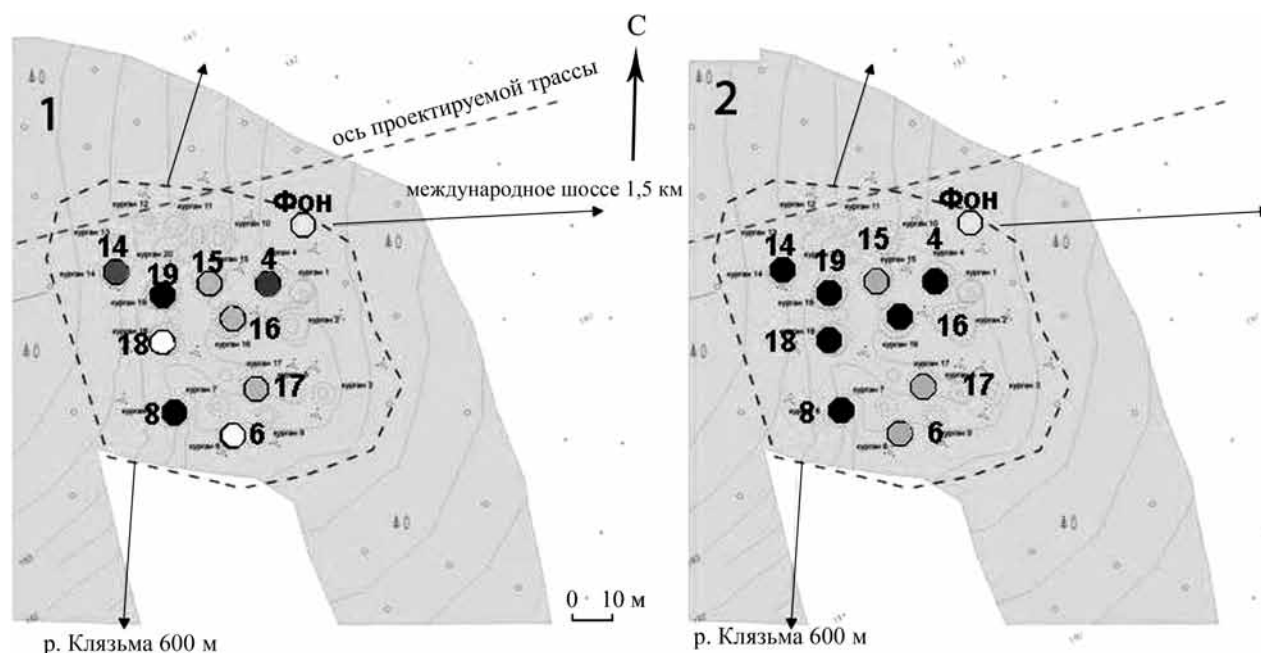

Рис. 6. Сопоставление последовательности возведения курганов по почвенным (1) и археологическим (2) данным. Ранние курганы отмечены более темным цветом. Чем позже создан курган, тем он светлее. Белым показаны курганы, которые по почвенным данным невозможно отнести к какой-либо хронологической группе

Крайне малое количество органического углерода в погребенных горизонтах всех почв свидетельствует об их сильной выпаханности, плодородие почв было крайне мало, что могло послужить причиной создания на этом месте курганного могильника.

По мере возведения новых курганов нарастала нарушенность участка за счет перемещения верхних горизонтов почв. Создание курганов было дискретным, свободные участки между ними зарастали травами (участки курганов 4, 15, 17, 18), а некоторые даже распахивались короткое время с внесением удобрений, т.е. использовались под огороды (участок кургана 16).

В целом можно предположить, что наиболее ранним из всех исследованных почв девяти курганов является курган 19. Несколько позже был возведен курган 8. После этого сооружены насыпи курганов 4 и 14. Спустя некоторое время, были насыпаны курганы 15 и 17. Но поскольку во всех почвах пахотный горизонт сохранился в той или иной мере, можно считать, что вся курганная группа была создана за период, не превышающий 100 лет.

О времени создания курганов 6 и 18 ничего определенного сказать нельзя. Почва кургана 18 сильно скальпирована. Может быть, это произошло при создании кургана 19, но не исключено, что землю с этого места сгребали для нужд и другого кургана. В почву под курганом 6 наоборот, дополнительно вносили органику, т.е. использовали под огород.

Выделяется почва под курганом 16. Уже после забрасывания пашни, формирования на поверхности дернины, участок с какой-то целью перекопали, вероятно, однократно. То есть, это не было восстановлением пашни в классическом смысле и цель данного мероприятия непонятна.

Данные о хронологии возведения курганов по археологическим данным представлены в отчете о раскопках (Коваль, 2008). Сравнение археологических и почвоведческих данных показало, что в целом обе хронологические схемы совпали (рис. 6). Так, отмечаемые нами как более ранние курганы 19 и 8, являются таковыми и по данным археологии. Сходна и остальная последовательность. В чем-то почвенные схемы более детальны, например, можно говорить именно о последовательности создания курганов, а не деления их на хронологические группы. В чем-то археологические данные более информативны, например, относительно хронологии курганов 18 и 6. Наши данные не противоречат этой хронологии. Вполне вероятно, что курганы 18 и 19 были созданы практически одновременно, но при этом курган 19, все же, несколько раньше. Довольно поздняя по данным археологии датировка кургана 6 вполне укладывается в тот факт, что здесь был огород. Курган расположен на периферии курганного поля, возможно, даже за какими-то первоначальными границами могильника. Именно этим можно объяснить специфический облик почвы под этим курганом.

Единственное разночтение остается с курганом 16. По облику почвы его нельзя отнести к ранним курганам, хотя по археологическим данным он включен в эту группу. Тут необходимо более детальное обсуждение. Кроме того, почвенными исследованиями были охвачены не все погребенные почвы, поэтому не исключено, что

выявленное некоторое несоответствие выводов является результатом неполной базы данных. Хотелось бы высказать пожелание, чтобы в дальнейшем почвоведомы рассматривался весь комплекс погребенных почв. Это сделает получаемые выводы и реконструкции более полными.

Литература

Александровский А. Л., Гольева А. А., Гунова В. С., 1997. Реконструкция палеоландшафтных условий формирования раннескифских почв Ставрополья // Почвоведение. № 5. М.

Габуев Т. А., Гольева А. А., Малашев В. Ю., Хохлова О. С., 2005. Комплексные естественно-научные исследования аланских памятников могильника Брутского городища в Республике Северная Осетия-Алания // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады. Краснодар.

Гольева А. А., 2001. Фитолиты и их информационная роль при исследовании природных и археологических объектов. М., Сыктывкар, Элиста.

Гольева А. А., 2006. Почвенные исследования археологических памятников Мякинино // АП. Вып. 3. М.

Гольева А. А., 2007. Отражение антропогенного преобразования ландшафтов Оренбуржья в почвах под разновозрастными курганами // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8. Оренбург.

Гольева А. А., 2008. Диагностика агрогенных (пахотных) горизонтов методами почвоведения // АП. Вып. 4. М.

Гольева А. А., Хохлова О. С., 2001. Изменение почв, погребенных под курганами ранних кочевников, и природных условий юга Оренбургской области по данным биоморфного анализа // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург.

Гольева А. А., Хохлова О. С., 2002. Почвы под курганами ранних кочевников юга Оренбурга как отражение этапов взаимодействия природы

и общества // Геоэкологические проблемы почвоведения и оценки земель. Т. 2. Томск.

Гольева А. А., Хохлова О. С., 2004. Антропогенная нарушенность погребенных почв под курганами ранних кочевников юга Оренбуржья по данным биоморфного анализа // Изв. РАН. Сер. географическая. № 1. М.

Гольева А. А., Хохлова О. С., 2010. Реконструкция этапов создания Большого Синташтинского кургана (Челябинская область) на основе палеогеографических данных // Изв. РАН. Сер. географическая. № 6. М.

Демкин В. А., Ельцов М. В., Алексеев А. О., Алексеева Т. В., Демкина Т. С., Борисов А. В., 2004. Развитие почв Нижнего Поволжья за историческое время // Почвоведение. № 12. М.

Иванов И. В., 1992. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.

Караваева Н. А., 2008. Агрогенная память почв // Память почв. Почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий. М.

Коваль В. Ю., 2008. Отчет об охранных археологических раскопках на курганном могильнике Новоселки 2 в Химкинском районе Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.

Ташнинова Л. Н., Цуцкин Е. В., Гольева А. А., Богун А. П., Чичагова О. А., 2005. Почвы, погребенные под разновозрастными курганами на Черных Землях Калмыкии // Почвоведение. № 2. М.

A. A. Golyeva

Buried soils of the Novoselki 2 barrow cemetery

Summary

The paper presents the results of a complex analysis of both modern and buried soils of the Slav barrow cemetery Novoselki 2 in the Moscow Region. The outlook of local landscape prior to and during the

building of barrows is reconstructed. The sequence of barrow building is evolved and compared to the archaeological chronology.

А.Л. Александровский, А.В. Панин

**Закономерности формирования поймы реки Москвы в контексте
ее освоения человеком (на примере ключевого участка
в районе Звенигородской биостанции МГУ)**

Формирование поймы Москвы-реки в районе Звенигородской биостанции МГУ (55.70283 °С. ш., 36.73045° в. д.), как и большинства других рек центра Русской равнины, началось в конце последней (валдайской) ледниковой эпохи. В ряде работ показано, что в период 13–19 тыс. кал. л. н. речной сток значительно возростал, что привело к врезанию рек глубже их современного уровня (*Панин и др.*, 2001; *Borisova et al.*, 2006; *Sidorchuk et al.*, 2009 и др.). Русла рек были в 5–10 раз шире современных и образовывали крупные меандры (макроизлучины), миграция которых обусловила разработку дна долин до значительной ширины. С началом голоцена или чуть ранее (в позднем дриасе) сток упал, в руслах рек началась аккумуляция, которая закончилась уже к среднему голоцену; продольные профили рек приспособились к новым условиям стока и стабилизировались. Реки в голоцене блуждали в гораздо менее широких пределах, чем в позднеледниковье, что позволило сохранить значительным по площади фрагментам позднеледниковых аллювиальных поверхностей.

В результате в составе речных пойм оказались в разном соотношении (в зависимости от местных условий) участки как созданные в голоцене согласно классической схеме формирования поймы, так и участки, созданные еще в позднеледниковье в результате блуждания крупных русел эпохи повышенного стока. Эти древние доголоценовые участки имеют выровненную морфологию как в силу более крупных размеров первичного руслового рельефа, так и в результате выравнивания длительной пойменной аккумуляцией: в голоцене эти участки затапливались, там накапливалась пойменная фация аллювия, но русла рек сюда уже не заходили. Появляются также данные о глубоком врезании рек уже ранее

27–28 тыс. кал. л. н. и наличии в составе речных пойм участков древнее максимума последнего оледенения (ПЛИМ, 20–23 тыс. кал. л. н.) (*Панин и др.*, 2011).

Упомянутые выше исследования касаются рек с песчаным составом аллювия и поэтому достаточно подвижным руслом. Специфика р. Москвы состоит том, что в верхнем течении река врезается в среднекаменноугольные известняки и имеет поэтому крупнообломочный состав аллювия – щебень, галька, мелкие валуны. Русло активно деформировалось в позднеледниковье, когда при мощных паводках скорости течения достигали достаточных величин для перемещения руслового аллювия. Тогда были сформированы крупные изгибы-макроизлучины. В верхнем течении их форма часто неправильная, с изломами; это следствие контроля со стороны геологической структуры – скальных пород, в которые врезана река. Примерно в 10 км ниже по течению г. Звенигорода изменяется состав коренных пород, в которые врезается река; теперь это верхнеюрские морские глины, значительно более податливые к размыву. Сформированные в конце плейстоцена изгибы реки приобретают здесь правильную плавно изогнутую форму, хорошо известную по излучинам (макроизлучинам) в черте г. Москвы.

Общее падение стока и уменьшение мощности паводков в голоцене привело к стабилизации русла. Скорости течения реки стали недостаточными для активного транспорта руслообразующего аллювия и размыва берегов. Горизонтальные деформации русла (размыв и наращивание берегов) проявлялись только в отдельные эпохи голоцена, отличавшиеся относительно мощными паводками – например, на рубеже среднего и позднего голоцена между 2,3–2,7 тыс. л. н. В эти эпохи на фоне крупных

изгибов позднеледниковья понемногу искривлялись небольшие пологие излучины, внутри которых формировались небольшие массивы голоценовой поймы; местами формировались острова, позднее причленявшиеся к берегу, – это другой тип голоценовой поймы. Ширина голоценовой поймы, отражающая общую амплитуду горизонтальных русловых деформаций в голоцене, редко где превышает сотню метров. На значительной своей части береговая линия в течение голоцена перемещалась лишь на первые метры. Благодаря этому сохранились от размыва приуроченные к берегам реки памятники эпох неолита и бронзы – такие случаи зафиксированы в районе с. Успенского (*Кренке и др.*, 2008; *Панин*, 2008), в городской черте Звенигорода (*Кренке и др.*, 2012).

Широкие аллювиальные поверхности, созданные блужданием мощной реки в позднеледниковье (а возможно, и ранее), в голоцене могли периодически затапливаться в интервалы, когда повышалась высота паводков, и на них отлагались слои пойменного аллювия. Большую часть времени они затоплению не подвергались и служили ареной зонального почвообразования, а также были пригодны для заселения людьми. В результате геологический разрез таких участков, составляющих большую часть ширины дна долины, состоит из древнего (доголоценового) аллювиального цоколя, который перекрыт разной мощности слоями пойменных суглинков, разделенных почвенными горизонтами. Число таких седиментационных ритмов может от места к месту различаться. Это зависит от относительной высоты данного участка к началу голоцена и от величины направленной аккумуляции на данном участке русла реки – систематической информации об этих величинах пока нет, но можно предполагать, что выше Звенигорода, в зоне вреза реки в скальные породы, голоценовая аккумуляция в русле была меньше, чем ниже по течению, где река имела возможность в позднеледниковый период мощного стока углубиться в более мягкие юрские глины и, следовательно, была вынуждена восстанавливать продольный профиль после падения стока в голоцене.

Типичное строение древних участков поймы Москвы-реки характеризуется наличием погребенных почв, имеющих определенное строение профиля, позволяющее отнести эти почвы к определенному генетическому типу. Верхняя почва 1 обычно слаборазвитая. Она представлена маломощным горизонтом A1. Почва формировалась недолго, в XVII в., не более 100 лет. Почва 2 обычно имеет

хорошо развитый мощный профиль и относится к дерново-подзолистым или южнее (на Оке) к серым лесным. Эта почва формировалась достаточно долго, в течение РЖВ и раннего Средневековья. Для этого времени реконструируется длительная стадия произрастания лесной растительности и существования поймы в режиме надпойменной террасы. Мощность горизонта Bt может достигать 2 м, в результате чего в зоне воздействия характерных для него процессов переоstructuringа и вымывания часто оказываются нижележащие почвы.

Ниже лежит почва 3, обычно гумусоаккумулятивная (луговая), иногда дерново-подзолистая. Она относится к бронзовому веку. Еще ниже – почва 4, которая в большинстве случаев характеризуется очень темной гумусовой прокраской и высокой устойчивостью гумуса. Данная почва может быть отнесена к черноземовидным или лугово-черноземным. Она сформировалась в неолите. В ряде разрезов поймы Москвы-реки обнаружены почвы 5 и 6, сходные с почвой 4. Они также темногумусовые. Часто почвы 4–6 или 4–5 объединяются в единую, темногумусовую, но при этом более развитую. Такое обнаружено, например, в разрезе РА-НИС (*Александровский*, 2008).

Возраст основных периодов почвообразования, определенный на основе калиброванных ¹⁴C дат, следующий: почва 1 – XVII в. н. э. (археологические данные); почва 2 – 800–2300 л. н.; почва 3 – 2900–4700; почва 4 – 5400–7000; почва 5 – 7500–8900; почва 6 – 9400–11800; почва 7 – 12500–14000 л. н. (*Александровский, Александровская*, 2005. С. 185)¹. Продолжительность периодов разная, и у почвы 6 она существенно увеличивается. Отметим, что почвы первой половины голоцена изучены еще недостаточно и хронология этого периода нуждается в уточнении.

Подобная неравномерность свидетельствует, что пока еще рано делать однозначные выводы о климатических ритмах, как причине обнаруженных неоднократных смен аллювия почвами. Наблюдается лишь определенная периодичность в чередовании этих периодов. Также местами видно расщепление почвы 2. Нередко радиоуглеродные даты показывают некоторые отклонения в возрасте почв. Все это связано с особенностями развития разных участков долины. В целом хорошо прослеживается эволюция педогенеза. Погребенные почвы раннего и среднего голоцена в основном темногумусовые, сходные с черноземами. Позднеголоценовые почвы

¹ На основе еще широко используемых некалиброванных дат их возраст такой: почва 2 – 800–2300 л. н.; почва 3 – 2800–4200; почва 4 – 4600–6000; почва 5 – 6500–7800; почва 6 – 8300–10300; почва 7 – 10600–12000. л. н.

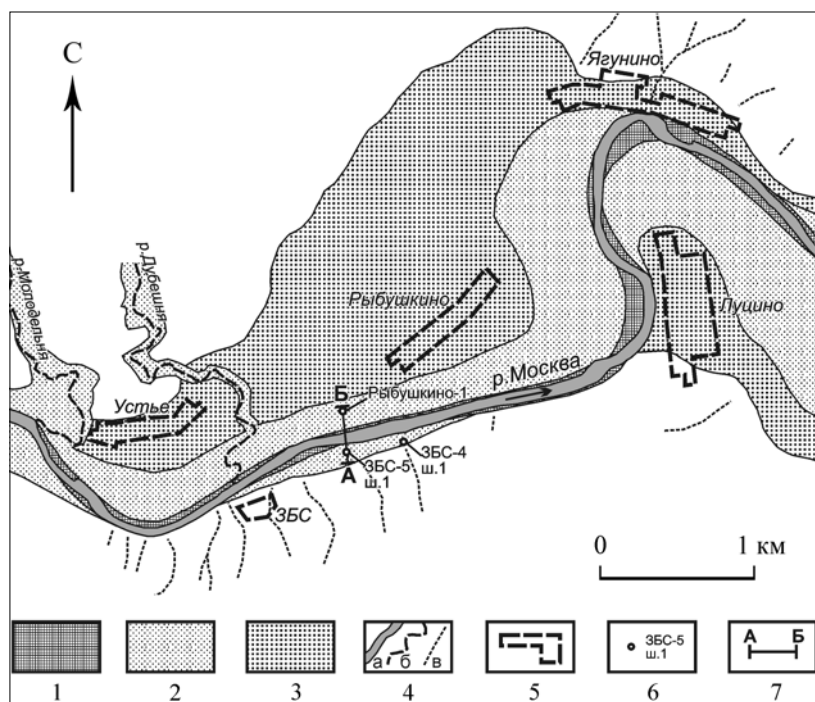

Рис. 1. Геоморфологическая схема дна долины р. Москвы в районе Звенигородской биостанции МГУ

1 – голоценовая пойма (высота 3–5 м); 2 – доголоценовая пойма – аллювиальная поверхность, образованная в позднеледниковье и нерегулярно затоплившаяся в голоцене (высота 5–7 м); 3 – поздневалдайский террасовый комплекс (высота 7–12 м); 4 – гидрография: а – русло р. Москвы, б – притоки, в – тальвеги древних (доголоценовых?) оврагов и коротких балок, расчленяющих коренные борта долины; 5 – населенные пункты (ЗБС – территория Звенигородской биостанции МГУ); 6 – положение упоминаемых в тексте шурфов и их номера; 7 – линия профиля, показанного на рис. 2

на суглинистом аллювии обычно имеют признаки оподзоливания и хорошо развитый текстурный горизонт, то есть признаки почвообразования под лесом.

Перейдем теперь к конкретному участку поймы в районе Звенигородской биостанции МГУ. Его строение хорошо вписывается в изложенные выше общие закономерности развития поймы р. Москвы. Русло реки между деревнями Устье и Луцино прижато к правому коренному борту долины и лишь в районе Биостанции отходит от него, оставляя по правому берегу узкий пойменный массив протяженностью менее километра и шириной до 150 м (рис. 1). Пойма левого берега представлена сплошной полосой шириной 200–600 м. Точно границы поймы определить затруднительно, т.к. она плавно переходит в более древнюю аллювиальную поверхность шириной до 1,5 км, полого поднимающуюся по направлению от реки до уровня 10–12 м. Верхняя часть разреза поймы сложена пойменным аллювием с погребенными почвами. По строению толщи в целом и морфологии почв пойма сходна с таковой, изученной ранее на других участках долины Москвы-реки и других рек центрального региона (Ока, Пахра).

Наиболее полно строение поймы правого берега вскрыто шурфом 1 на стоянке ЗБС-5. Приведем описание этого разреза:

- А1р 0–25 см. Серовато-бурый суглинок, непрочно-комковатый;
- 25–57 см. Серовато-бурый легкий суглинок;
- 40–50 см. (А1) фрагментарный. Слабо прослеживается погребенная почва 1, которая выделяется по потемнению окраски и признакам оструктурирования;
- 57–80 см. Светло-бурый легкий суглинок, в нижней части с песчаными прослойками. Здесь внизу аллювия встречается керамика XV в. Переход четкий;
- А1 80–97 см. Почва 2. Серо-бурый суглинок, комковатый уплотненный, ходы червей;
- АЕ 97–118 см. Подзолистый горизонт той же почвы. Светло-бурый с сероватым оттенком суглинок, с признаками ореховато-комковатой структуры, слабо уплотненный. Переход постепенный;
- Вt 118–135 см. Иллювиальный горизонт. Бурый суглинок ореховато-призматический, уплотненный, на поверхности педов (структурных отдельностей) белесая кварцевая присыпка (скелетана). Переход постепенный;
- А1 135–164 см. Почва 3–4. Темно-серый суглинок комковатый с пятнами осветления (оглеение) в нижней части горизонта. На этом же уровне обнаружено скопление камней. Переход четкий;

– ВСg 164–290 см. Слоистый бурый суглинок с супесчаными прослоями. Пятна ожелезнения редкие. Местами признаки деградированных кротовин. Ниже 2 м постепенно переходит в буроватую супесь с прослоями и линзами суглинка (содержат темные марганцевые пятна) и песка (отбеленного в результате оглеения).

Из слоистой толщи с глубины 250 см получена ОСЛ² дата 15460 ± 690 л. н. (GdTL-1471), свидетельствующая, что пойма имеет древний, доголоценовый цоколь. Кроме того, в кровле почвы 2 обнаружены артефакты XIV в., а в нижней части погребавших эту почву супесей – керамика XV – первой половины XVI в.³ Это позволяет предполагать, что XV – начало XVI в. было временем высоких паводков, сопутствовавших началу Малого ледникового периода (МЛП).

Серия скважин ручного бурения, выполненных поперек поймы через шурф 1 ЗБС-5, вскрыла погребенные почвы 2 и 3 (4) (рис. 2). Погребенные поверхности рельефа, фиксированные почвами, опускаются от шурфа в сторону, как реки, так и тыловой части поймы, так что место шурфа оказывается в наиболее высокой позиции не только в настоящее время, но и в течение всего голоценового этапа развития поймы. Возможно, это был прирусловой вал времени позднеледниковья. Вероятно, именно возвышенная позиция этого места служила привлекательным фактором для древних людей. В тыловой части поймы аллювий выклинивается, замещаясь склоновыми (солифлюкционными) отложениями, очевидно, доголоценовыми. Добуривание шурфа вскрыло маломощный (20 см) щебнистый русловой аллювий на глубине 6,0 м и кровлю коренных известняков на глубине 6,2 м. Кровля коренных пород лежит в 2 м выше тальвега современного руслового вреза (без учета мощности выстилающего его аллювия, которая неизвестна). Это можно интерпретировать как свидетельство того, что 15,5 тыс. л. н. река еще не достигла максимальной глубины вреза и продолжала врезаться (скорее всего, только до начала голоцена). С другой стороны, изучаемый фрагмент представляет собой самый край позднеледниковой поймы, и кровля коренных пород здесь может находиться и выше тальвега руслового вреза того времени. Для прояснения ситуации необходимо проведение буровых работ на левом берегу, в пределах основной части поймы.

Также изучен разрез поймы в раскопе ЗБС-4, в 400 м ниже по течению реки от шурфа 1 ЗБС-5, на конусе выноса небольшого овражка:

– A1p 0–25 (30) см. Серо-бурый суглинок крупно-комковатый к глыбистому;

– BAg (ElBt) 25 (30)–47 см. Тускло-бурый, при высыхании с серовато-белесоватым, суглинок легкий;

– 47–50 см. Песчаная прослойка. Переход четкий;

– A1 50–65 см. Буровато-серый суглинок уплотненный;

– Bg 65–77 см. Песок с зонами опесчаненной супеси и суглинка. Светло-бурый, рыхлый;

– A1 77–90 см. Серый суглинок уплотненный;

– BELg 90–100 см. Белесо-светло-бурый легкий суглинок, местами супесь с признаками оглеения;

– ВСg с элементами Btg 100–140 см. Бурый супесчаный с прослоями крупнозернистого песка. Пятна ожелезнения и оглеения. По вертикальным ходам роренштейны. В западной стенке раскопа – суглинистое пятно с признаками ореховатой структуры и глинисто-железистыми кутанами на поверхности педов (гор. Btg).

Выделяется осветленный горизонт EL (BELg), залегающий под гумусовым горизонтом нижней почвы, и признаки иллювиально-глинистого горизонта. Последние выражены локально, но это связано с преимущественно супесчано-песчаным составом срединного горизонта Bg. Признаки характерные для иллювиального горизонта Bt (Btg) (образующие вместе с горизонтом EL профиль подзолистости почвы лесного генезиса) здесь сохранились только в суглинистых зонах. Основная часть горизонта в результате переувлажнения, в том числе современного, содержит лишь диагенетические признаки оглеения.

Последующие работы на раскопе и отдельных шурфах на поселении ЗБС-4 показали, что под современной почвой, имеющей мощный пахотный горизонт и признаки оподзоливания, так же, как и в приведенном выше разрезе (шурф 1), залегают две почвы, которые могут быть соотнесены с почвами 2 и 3 поймы Москвы-реки. При этом признаки лесного почвообразования в почве 2 были выражены недостаточно четко, так как под гумусовым горизонтом здесь залегал песчаный материал.

Почва 3 имела более ясные признаки оподзоливания, но и в ее профиле эти признаки были выражены

² ОСЛ – датирование методом оптически стимулированной люминесценции. Этот метод датирования осадочных отложений основан на измерении светосуммы (люминесценции), обусловленной восстановлением нарушений в структуре кристаллической решетки кварцевых зерен, возникших за время нахождения песка в погребенном состоянии (Вагнер, 2006. С. 289–304).

³ См. статью Н. А. Кренке и др. в настоящем сборнике.

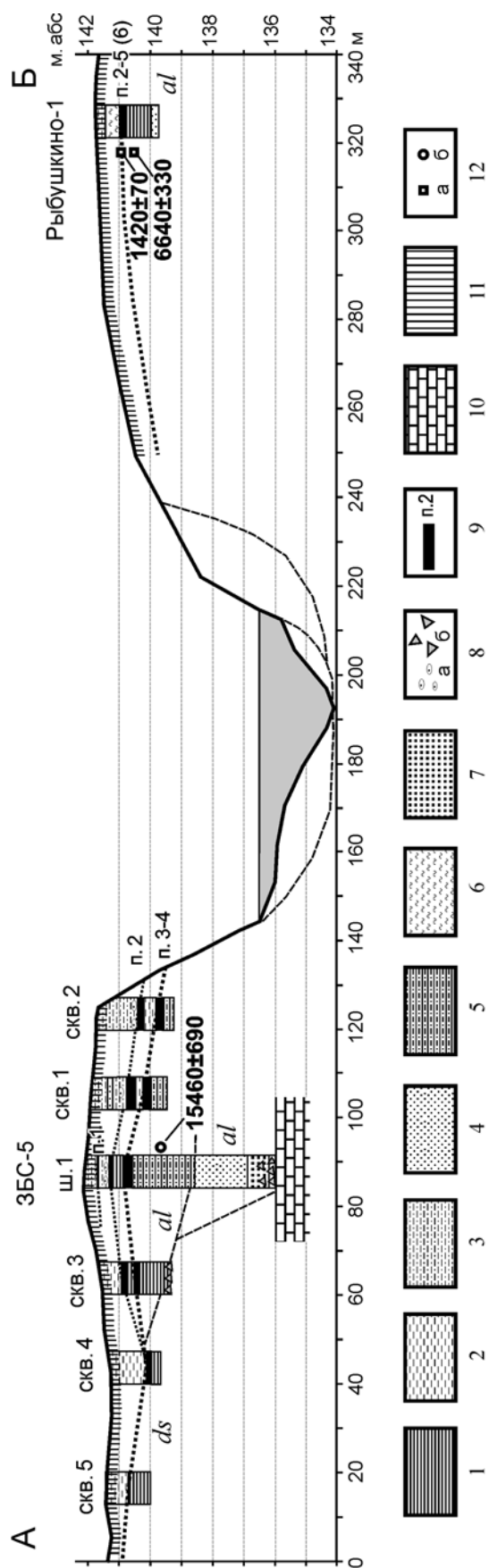

Рис. 2. Поперечный профиль приречного участка дна долины в районе ЗБС

1 – суглинок тяжелый, глина; 2 – суглинок легкий, алевроит; 3 – супесь; 4 – песок; 5 – горизонтальное переслаивание суглинков и супесей; 6 – горизонтальное переслаивание супесей и песков; 7 – гравий; 8а – пятна песка, 8б – крупнообломочные включения; 9 – гумусовые горизонты почвенных почв и их номера (пояснения в тексте); 10 – коренные известняки; 11 – пахотный горизонт; 12 – даты: а – ¹⁴С, б – ОСЛ. (ал – пахотный горизонт; ds – склоновые (солифлюкционные, делювиальные) отложения)

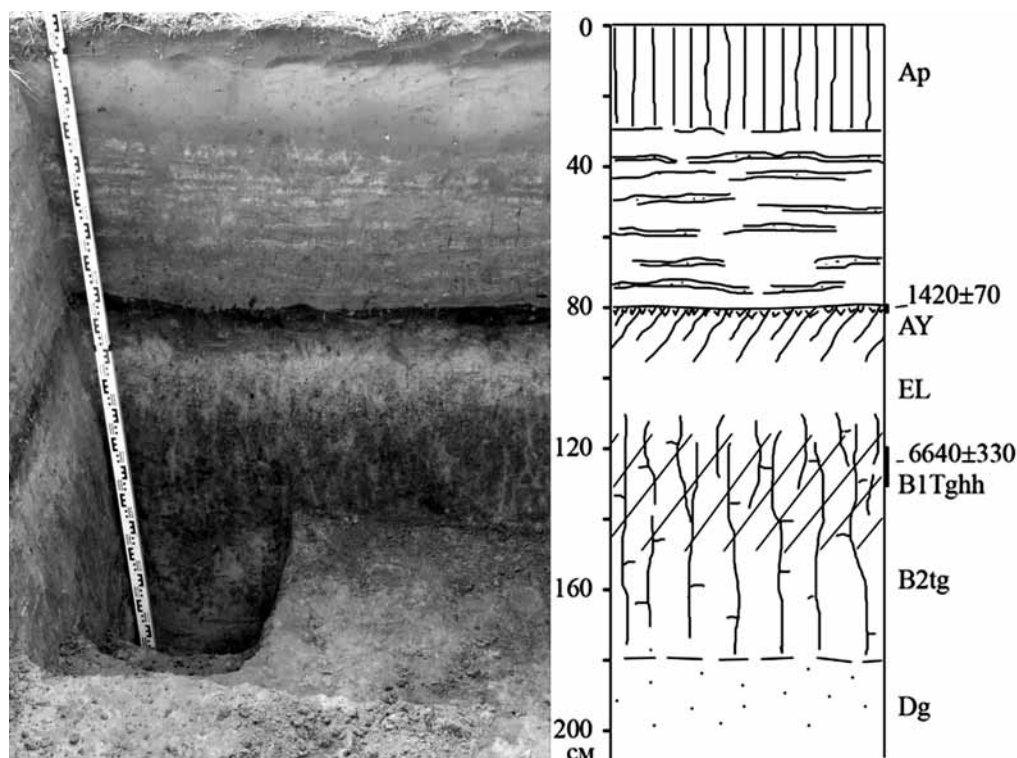

Рис. 3. Строение левобережной поймы в шурфе Рыбушкино-1

не четко и сопровождалось явлениями оглеения. Отмеченные особенности почвенных профилей, их отличия от зональных почв, видимо, связаны со слоистостью пород, характерной для конуса выноса.

Также на одном из участков данного раскопа, в почве 3, обнаружены признаки пахотного горизонта. Из этого горизонта были отобраны образцы на палинологию.

Несколько иное строение имеет пойма на противоположном, левом берегу Москвы-реки (рис. 2). Здесь в разрезе Рыбушкино-1 обнаружен профиль мощной подзолистой почвы с ярко выраженными признаками лесного почвообразования (рис. 3). Почва эта формировалась долго и при стабильной поверхности. В ее профиле объединены почвы с 5 (6) по 2. Данная почва пережила две стадии педогенеза – формирования темного гумусового горизонта и достаточно продолжительную позднеголоценовую подзолистую стадию, в течение которой здесь образовался мощный подзолистый горизонт Е. От среднего голоцена в интервале глубин 120–125 см в виде второго гумусового сохранился темногоумусовый горизонт, показавший радиоуглеродный возраст 6640 ± 330 лет (Ki-17147). Радиоуглеродный возраст углистой прослойки, лежащей на поверхности гумусового горизонта (глубина 82–85 см) оказался равным 1420 ± 70 лет (Ki-17140). Почва погребается слоистой толщей (пере-

слаивание желтых песков и коричневых супесей), микшированными в кровле с современной почвой в результате распашки. С учетом того, что в разрезе не найдено никаких артефактов, а подъемные материалы, найденные на первоначальном месте д. Рыбушкино, относятся к XVIII в. (личное сообщение Н. А. Кренке), можно считать, что слоистая толща образовалась ранее XVIII в. Наиболее логично увязывать ее с интервалом высоких паводков начала МЛП и коррелировать с песчано-супесчаными слоями на правом берегу, погребаящими почву 2 и содержащими артефакты XV в. Почва 1 в разрезе Рыбушкино, скорее всего, уничтожена в результате распашки (мощность пахотного горизонта 40 см).

Таким образом, на левом берегу реки развитие поймы отличалось от правобережной поймы. В течение основной части голоцена пойма здесь развивалась в режиме надпойменной террасы сначала под травянистой растительностью (остепненные луга), затем под лесами. Причем это были не специфические лесные ценозы поймы (ольха, ива), а хорошо развитые зональные широколиственные и темнохвойно-широколиственные леса. Подобные леса существовали и на пойме правого берега. Здесь, под склоном северной экспозиции, стадия лесного почвообразования началась раньше, чем обычно, и признаки оподзоливания видны уже в почве 3. Отличия почвообразования на пойме левого берега реки связано с тем, что здесь

исходный уровень поймы (высота позднеледникового цоколя) был несколько выше, чем на правом берегу. В первой половине голоцена паводки не достигали поверхности дна долины как на левом, так и на правом берегах. Паводки второй половины среднего голоцена (вероятно, начала суббореального периода) заливали пойму правого берега, но не достигали уровня левобережной аллювиальной поверхности, где продолжалось автономное почвообразование. Паводки времени МЛП заливали пойму уже на обоих берегах.

История паводковой активности в последнее тысячелетие может быть реконструирована не только по разрезу пойменных отложений, но и по присутствию на пойме в разное время стационарных поселений. Самый ранний в последнем тысячелетии этап низких паводков и заселения поймы р. Москвы в районе ЗБС относится к XIII–XIV вв. Об этом можно судить по находкам в шурфе 2 на ЗБС-4 на уровне почвы 2, фиксирующими поселение второй половины XIII – начала XIV в.⁴ Вероятно, этот этап продолжался с самого начала тысячелетия, как это имело место на верхнем Днепре, пойма которого не затопливалась, по крайней мере, в течение IX–XI вв. – именно в это время существовало поселение Гнездово, селитебная зона которого распространялась на затопляемую в настоящее время пойму (Александровский и др., 2005; Мурашева и др., 2009).

Паводковую историю последних столетий иллюстрирует история окрестных деревень. Деревня Устье, основанная сразу на высокой террасовой поверхности (8–12 м над рекой), не меняла своего положения, по крайней мере, с конца XVIII в. Однако другие населенные пункты, изначально заложенные на более низких высотных уровнях, были впоследствии перенесены. Так, на картах Генерального межевания д. Рыбушкино и с. Луцино показаны в стороне от их современного положения – непосредственно у реки, в приречной части доголоценовой поймы на абсолютных отметках 140–142 м (4–6 м над рекой). В настоящее время села сдвинуты вглубь поймы на более высокие отметки – 7–9 м над рекой. Село Луцино известно в письменных источниках с 1537 г., а находки на прежнем месте села датируются XVI–XVIII вв. (Алексеев, 2008). Перенос села состоялся в 1807–1809 гг. (оценка Н. А. Кренке по времени заложения церкви на новом месте)⁵. Близкую хронологию основания и переноса на новое место можно предполагать и для д. Рыбушкино

(бывш. Рыболовли). Очевидно, перенос сел произошел по причине их участвовавших затоплений на рубеже XVIII–XIX вв. Это время можно считать последним всплеском паводковой активности, знаменовавшим окончание МЛП. С учетом возраста артефактов в песчаных пойменных наносах, погребавших раннесредневековую почву 2 (ЗБС-5, шурф 1), предыдущий период паводковой активности можно отнести к XV – первой трети XVI в. Между серединой XVI в. и серединой XVIII в. высота паводков была относительно невелика (не выше 4 м над современной меженью), что и обусловило селитебное освоение поймы.

Выводы.

1. Пойма р. Москвы в районе ЗБС была создана как геоморфологическая поверхность на большей части своей ширины в период позднеледникового (и, возможно, ранее), когда река была более многоводна и более активно мигрировала по дну долины. В голоцене русло реки было полностью стабильным и почти не перемещалось, благодаря чему созданные в голоцене участки поймы представляют собой лишь узкие, в несколько десятков метров, полосы, вытянутые вдоль русла.

2. Древняя (доголоценовая) пойма служила в голоцене лишь ареной накопления пойменных отложений – в те эпохи, когда высота паводков была достаточна, чтобы ее заливать. Это происходило только во второй половине голоцена, в которой выделяются следующие эпохи высоких паводков, когда на пойме происходило осадконакопление:

- рубеж суббореального и субатлантического периодов голоцена (между 2300–2800 л. н.);
- XV – первая треть XVI в.;
- конец XVIII в. – настоящее время (основная паводочная активность – рубеж XVIII–XIX вв. – начало XX в.).

На других участках долины р. Москвы периоды высоких паводков и погребения почв отмечены и в первой половине голоцена.

3. В эпохи, когда пойма не заливалась, на ней происходило автономное почвообразование, под растительностью близкой к зональной, и она была пригодна для стационарного заселения. Это следующие эпохи:

- ранний и средний голоцен вплоть до рубежа суббореального и субатлантического периодов;
- первая и вторая треть субатлантического периода (2300–600 л. н.);
- середина XVI – середина XVIII в.

⁴ См. статью Н. А. Кренке и др. в настоящем сборнике.

⁵ Устное сообщение.

Литература

- Александровский А.Л., 2008. Погребенные почвы в разрезе поймы Москвы-реки у поселка РАНИС // АП. Вып. 4. М.
- Александровский А.Л., Александровская Е.И., 2005. Эволюция почв и географическая среда. М.
- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С., 2005. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. № 1.
- Алексеев А.В., 2008. Церковные древности Звенигородской земли. Москва-Звенигород.
- Вагнер Г.А., 2006. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории М.
- Кренке Н.А., Александровский А.Л., Войцик А.А., Елкина И.И., Еришов И.Н., Еришова Е.Г., Лазукин А.В., Мазуркевич А.Н., Панин А.В., Кудрявцев А.А., Лавриков М.В., Воронкин В.А., 2012. Новые исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки на Москве-реке // АП. Вып. 8. М.
- Кренке Н.А., Лазукин А.В., Алексеев А.В., Еришов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В., 2008. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма // АП. Вып. 4. М.
- Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А., 2009. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнёздовского археологического комплекса) // Средние века. Вып. 70 (3). М.
- Панин А.В., 2008. Предварительные данные по истории формирования поймы р. Москвы в районе Успенского – РАНИС // АП. Вып. 4. М.
- Панин А.В. и др., 2001. Основные этапы истории речных долин центра Русской равнины в позднем валдае и голоцене: результаты исследований в среднем течении р. Сейм // Геоморфология. № 2. М.
- Панин А.В. и др., 2011. Осадконакопление и формирование террас в речных долинах центра Русской равнины во второй половине позднего плейстоцена // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 71. М.
- Borisova O., Sidorchuk A., Panin A., 2006. Palaeohydrology of the Seim River basin, Mid-Russian Upland, based on palaeochannel morphology and palynological data // Catena. Vol. 66 (doi: 10.1016/j.catena.2005.07.010)
- Sidorchuk, A., Panin, A., Borisova, O., 2009. Morphology of river channels and surface runoff in the Volga River basin (East European Plain) during the Late Glacial period // Geomorphology. Vol. 113 (doi: 10.1016/j.geomorph.2009.03.007)

A.L. Alexandrovskiy, A. V. Panin

Formation of the Moskva River floodplain and its occupation by humans: The valley area at the Zvenigorod biological station case study

Summary

The paper analyses a 200-600-metre wide area of the floodplain of the Moskva River whose greater part was formed in the Late Glacial time (and probably earlier) when the river was characterized by much higher runoff compared to present time, and river channel migrated widely across the valley bottom. With the onset of the Holocene, the river channel became highly stable and has exhibited only minor horizontal shifts since that. As a consequence of channel stability, the floodplain areas created in the Holocene exist only as narrow (several tens of metres) strips along the river. The older (pre-Holocene) alluvial plain was subject to flooding only irregularly in the Holocene. Periods of high floods (presumably

spring snowmelt floods) and occurrence of overbank sedimentation has been detected at the study area only in the second half of the Holocene: (1) the Subboreal / Subatlantic boundary between 2300-2800 BP; (2) the 15th – first third of the 16th century AD; (3) late 18th century – present time with the highest flood activity between the late 18th – early 20th centuries. When floods were too low to provide regular inundation, soil formation occurred on the floodplain and it was suitable for stationary human occupation. These periods are (1) early-middle Holocene till the Subboreal / Subatlantic boundary; (2) first and second thirds of the Subatlantic (2300-600 BP); (3) mid-16th – mid-18th century AD.

Е. Г. Ершова, Н. А. Березина, Е. В. Карина

**Растительность долины Москвы-реки в суббореальном периоде
(на рубеже неолита и бронзового века) по данным
спорово-пыльцевого анализа**

Целью нашей работы была попытка реконструировать с помощью спорово-пыльцевого анализа сложные изменения растительного покрова, произошедшие в долине Москвы-реки в конце атлантического и в течение всего суббореального периодов, т.е. в период бронзового века по археологической терминологии. Данная работа является продолжением цикла палеоботанических исследований, связанных с археологическими раскопками в долине Москвы-реки, в районе г. Звенигорода в 2005–2012 гг. Ранее были получены пыльцевые данные по разрезам РАНИС-1 и РАНИС-2 в пойме Москвы-реки рядом с поселком Николина Гора (*Спиридонова и др.*, 2008), а также по культурному слою неолитической стоянки в г. Звенигороде (*Кренке и др.*, 2012). В статье представлены результаты палеоботанических исследований, которые велись в рамках комплексной программы археолого-палеогеографических работ в районе Звенигородской биологической станции (в дальнейшем – ЗБС) МГУ, проведенных в 2011–2012 гг.¹

В настоящее время территория ЗБС лежит в пределах подзоны смешанных елово-широколиственных лесов, для которой характерно сочетание во флоре и растительности бореальных (типичных для таежной зоны) и неморальных (типичных для широколиственных лесов) элементов. Несмотря на то, что почти все леса, сохранившиеся на этой территории, имеют вторичный характер, отчетливо прослеживается распределение растительности по элементам мезорельефа. Плоские водоразделы покрыты преимущественно хвойными (еловыми

и сосновыми) лесами южно-таежного типа и вторичными березняками на дерново-подзолистых суглинистых и супесчаных почвах. К крутому склону Москвы-реки, с хорошо дренированными и обогащенными карбонатами кальция почвами приурочены участки с максимальным участием широколиственных пород – преимущественно липы, реже дуба и иногда ильма. Пойма реки занята прирусловыми ивняками и лугами, а заболоченная при-террасная часть – зарослями серой и черной ольхи (*Алексеев и др.*, 2011). Логично предположить, что существенные различия в почвенно-экологических условиях водоразделов, склонов и поймы Москвы-реки, обусловившие современную разницу в их растительном покрове, и раньше в значительной степени определяли распределение растительности и ее реакцию на климатические и экологические изменения. Поэтому нам представляется продуктивным изучать историю растительности не только на общерегиональном уровне (по колонкам из крупных озер и болот), но и локальном, отдельно для каждого элемента мезорельефа. Такие локальные данные можно получить, используя ископаемые пыльцевые спектры окраин болот, мелких торфяников и погребенных почв. Работы такого рода уже проводились на территории ЗБС раньше (*Березина и др.*, 2001). В ходе них получен достаточно обширный фактический материал, который, однако, не был подкреплен конкретными радиоуглеродными или археологическими данными. В нашей работе мы использовали результаты спорово-пыльцевого анализа, полученные

¹ См. статью Н. А. Кренке и др., а также статью А. Л. Александровского и А. В. Панина, опубликованные в этом сборнике. Работы были поддержаны грантом РГНФ (№ 12–01–18053е) и программой Президиума РАН «Традиции и инновации в культуре».

в 2011–2012 гг. по нескольким водраздельным торфяникам, торфяникам на склоне и погребенным почвам в пойме, с учетом полученных для них радиоуглеродных дат и данных археологии.

Согласно полученным радиоуглеродным датам, обнаруженные в долине Москвы-реки в районе ЗБС находки бронзового века относятся к временному промежутку от 4040 до 3590 ^{14}C л. н. Этот временной промежуток, по принятой в нашей стране периодизации голоцена (Хотинский и др., 1991), лежит в пределах средней, наиболее теплой, фазы суббореального периода.

Переход от атлантического периода к суббореальному, который датируется примерно 4500 ^{14}C л. н. (5000 кал. л. н.) – важный природный рубеж, отражающий конец климатического оптимума голоцена, значительное изменение температурного и водного режимов, вызвавшее существенные перестройки растительного покрова во всем северном полушарии. В пыльцевых диаграммах Западной и Северной Европы, частично, Прибалтики и Белоруссии эта граница очень четко проводится по падению кривой ильмовых (так называемые *Ulmus decline*). Резкое сокращение популяции ильма в Европе было вызвано, согласно современным исследованиям, *эпифитотией* – эпидемией, поразившей ослабленные неолитической вырубкой ильмовые леса, в сочетании с последующим ухудшением климата («раннесуббореальным похолоданием»), затруднившим восстановление ильма (Parker et al., 2002). В пыльцевых диаграммах лесной зоны Европейской части России и, в частности, Московского региона резкого падения кривой ильмовых не наблюдается², и граница атлантического и суббореального периодов выражена слабее. Тем не менее, достаточно резкое изменение природной среды в период между 4500 и 5000 ^{14}C л. н. нашло отражение в изменении водного режима рек и скорости осадконакопления в болотах и озерах. Так, по-видимому, именно в этот период повысился уровень весенних паводков в Москве-реке, и почва атлантического времени (почва 4, датировки от 8000 до 4900 ^{14}C л. н.) на отдельных участках поймы оказалась перекрыта аллювием. К рубежу атлантического и суббореального периодов, по нашим данным, относится и начало образования ряда торфяников на водоразделе и террасном склоне Москвы-реки в районе ЗБС. Не исключено, что последовавшее

за похолоданием «среднесуббореальное потепление», фиксируемое на ряде пыльцевых диаграмм лесной зоны Европейской части России в период примерно 4000–3500 ^{14}C л. н. (Величко и др., 2001), соответствует периоду стабилизации поверхности поймы Москвы-реки и формированию почвы 3 (датировки по гумусу 4700–4400 ^{14}C л. н.), к поверхности которой приурочены в районе Звенигорода находки бронзового века (датировки по углю 4100–3500 ^{14}C л. н.). Во время последней фазы суббореального периода климат снова стал меняться в сторону похолодания и увеличения влажности, с чем, возможно, связано повышение уровня паводков Москвы-реки и интенсификация накопления аллювия в пойме, перекрывшего почву 3.

Разнонаправленные изменения температуры, влажности и уровня воды в реках в суббореальном периоде вызвали сложные изменения в растительном покрове, по-разному выраженные в различных регионах и подзонах лесной зоны Европейской части России (Спиридонова, Алешинская, 2000). В целом для лесной зоны Центральной России в течение этого периода отмечается постепенное сокращение в лесах доли широколиственных деревьев и возрастание участия ели, достигающей своего максимума в самом конце суббореала – так называемый первый верхний максимум ели (Хотинский, 1977). В Московском регионе, находившемся в период климатического оптимума близ северной границы широколиственных лесов (Кренке, 2011), в течение суббореального периода произошло смещение этой границы к югу в результате активной экспансии ели с севера и смены широколиственных лесов елово-широколиственными. Эта весьма существенная перестройка растительного покрова долины Москвы-реки не могла ни сказаться на условиях обитания людей бронзового века.

Пойма

Для реконструкции растительности поймы были проанализированы последовательно отобранные образцы из шурфов ЗБС-4 и ЗБС-5 (всего 5 разрезов). В целом, пойменные отложения оказались палинологически очень бедными – казалось, по-видимому, характерное для склонов и поймы Москвы-реки в районе ЗБС высокое содержание карбонатов кальция, что крайне неблагоприятно для сохранности пыльцы. Лишь для некоторых слоев погребенных почв и аллювия удалось насчитать

¹ Согласно спорово-пыльцевым диаграммам, участие ильмовых в лесах Европейской части России во времена климатического оптимума в целом было значительно ниже, чем в Западной Европе.

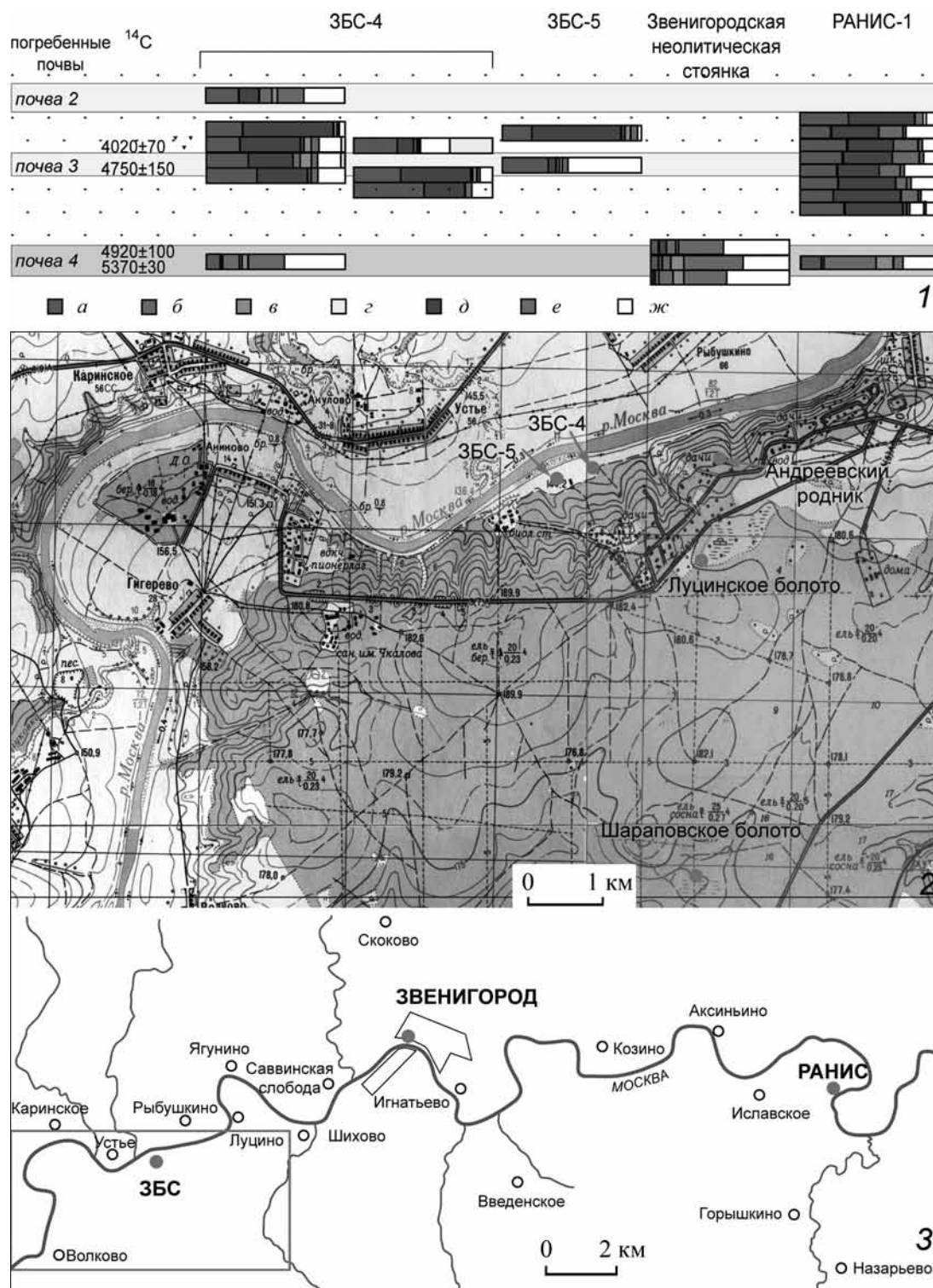

Рис. 1. Пыльцевые спектры погребенных почв в пойме Москвы-реки (1), район работ на ЗБС (2) и обзорная схема с указанием изученных объектов (3) (см. цв. вкл.)

а – сосна; б – широколиственные породы (дуб, липа, вяз, ильм, клен); в – пойменные кустарники (ольха, ива); г – конопля; д – ель; е – береза; ж – остальные травы. Серыми точками отмечены места взятия проб

пыльцу в количестве, достаточном для подсчета пыльцевых спектров. Так, удалось получить спектр для погребенной почвы 4 атлантического

возраста и целый ряд спектров для почвы 3 и лежащего выше нее аллювия (рис. 1). Для сравнения к ним добавлены данные, полученные ранее

для погребенных почв поймы Москвы-реки в районе Николиной горы – РАНИС-1 (Спиридонова и др., 2008) и Звенигородской неолитической стоянки (Кренке и др., 2012).

Пыльцевые спектры почвы 3 суббореального времени во всех разрезах резко отличаются от спектров почвы 4 атлантического времени. В разрезе ЗБС-4, так же, как и в разрезе РАНИС и в Звенигороде, в почве 4 преобладает пыльца широколиственных деревьев (преимущественно дуба), орешника, пойменных кустарников (ив и ольхи) и трав (полыни, таволги, горца, кипрея), при этом пыльца хвойных практически отсутствует. Это свидетельствует о том, что во время климатического оптимума пойма Москвы-реки долгое время, вплоть до конца атлантического периода, представляла собой полуоткрытые ландшафты – разреженные пойменные дубравы, заросли кустарников, влажные и, возможно, остепненные луга.

В отличие от почвы 4, во всех пыльцевых спектрах почвы 3 из шурфов ЗБС-4 и ЗБС-5, даже в самых нижних ее слоях, абсолютно доминирует пыльца хвойных деревьев, причем ель составляет от 30% до 65% от суммы древесных. Это свидетельствует о том, что уже к началу формирования почвы 3, т. е. примерно к 4500 ¹⁴С л. н., ель заселила пойму Москвы-реки, и произошло это очень быстро, не более чем за несколько столетий – во время временного промежутка между 5000 и 4700 (4500) ¹⁴С л. н. Похожие данные получены и в разрезе РАНИС-1 (Спиридонова и др., 2008), по диаграмме которого видно, что стремительная экспансия ели в пойму Москвы-реки произошла в период повышенных паводков³, перекрывших аллювием почву 4, но еще до начала формирования почвы 3, т. е. на границе атлантического и суббореального периодов, во время так называемого раннесуббореального похолодания. Таким образом, в период формирования почвы 3, т. е. во время появления в долине Москвы-реки поселенцев, принадлежавших, предположительно, к культуре шнуровой керамики, пойма уже была почти полностью покрыта густыми еловыми лесами с очень незначительной примесью широколиственных пород. Ясные

признаки оподзоливания почвы 3, отмеченные в шурфе ЗБС-4⁴, подтверждают этот вывод.

Как уже говорилось, в большинстве спектров почвы 3 абсолютно доминирует пыльца деревьев. Повышенное участие пыльцы трав наблюдается только в спектрах из слоев, связанных со следами деятельности людей бронзового века. Так, в шурфе ЗБС-5, в верхнем слое почвы 3, к которому приурочены находки культуры шнуровой керамики, пыльца трав составляет более 50% (это луговые травы и сорняки), что свидетельствует об уничтожении в этом месте древесного полога⁵. Однако в спектре из слоя аллювия, перекрывшего почву 3, уже практически нет пыльцы трав, древесные составляют 96%, при этом ель – до 70% от суммы древесных. Очевидно, после ухода людей на этом месте полностью восстановился густой еловый лес.

Еще более красноречивые данные получены для шурфа ЗБС-4, в котором образцы отбирались из нескольких колонок в разных стенках. В образцах из северной стенки, в слое аллювия выше почвы 3, к которому приурочены находки фатьяновской культуры, обнаружено большое количество пыльцы конопли (*Cannabis sativa* L.), при этом распределение ее в части с визуальными признаками пашни очень характерно: пыльца распределена по всему слою с максимумом в пределах «распаханного» горизонта (рис. 2). Вероятно, в верхней части почвы 3 северной стенки шурфа зафиксирован край поля, на котором в период деятельности людей фатьяновской культуры возделывалась конопля (датировка по углю из горшка 4020 ¹⁴С л. н.). В то же время, по пыльцевым спектрам, полученным из вышележащего аллювия, видно, что после того, как поле было заброшено, на его месте восстановился густой еловый лес, такой же, как зафиксированный в аналогичных слоях шурфа ЗБС-5. Таким образом, результаты пыльцевого анализа погребенной почвы бронзового века свидетельствуют о том, что густые еловые леса, покрывавшие в это время пойму Москвы-реки, были частично уничтожены поселенцами бронзового века, а пойменные почвы использовались под пашню. Однако имеющиеся на настоящий момент данные не позволяют утверждать, что

³ Судя по невысокой скорости накопления аллювия, весенние паводки в пойме Москвы-реки в этот период все же не были настолько высоки и продолжительны, чтобы препятствовать произрастанию ели.

⁴ См. статью А.Л. Александровского и А.В. Панина в этом сборнике.

⁵ Соотношение дерева / травы в пыльцевых спектрах указывает на степень открытости ландшафта на территории вокруг точки взятия проб, причем площадь этой территории зависит от характера отложений: пробы из центра больших водоемов отражают региональную картину, в то время как пробы из почв – узко локальную. При этом пыльцевые спектры из почв, нарушенных человеческой деятельностью, или культурных слоев часто бывают искусственно обогащены пылью трав (сорняков и культурных растений). Поэтому по ним нельзя делать выводы об открытости ландшафта в целом.

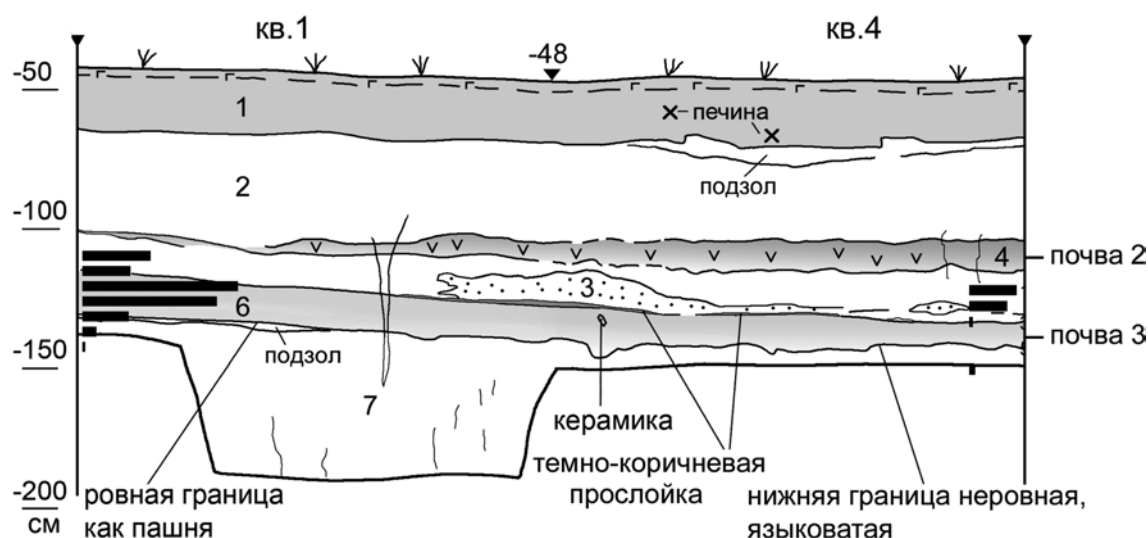

Рис. 2. Шурф ЗБС-4, северная стенка. Концентрация пыли конопли (*Cannabis sativa* L.) в погребенной почве бронзового века (почва 3)

сведение леса было интенсивным и долговременным, скорее, оно носило очень локальный и кратковременный характер.

Водораздел

Для реконструкции истории растительности водораздела было проанализировано спорово-пыльцевым методом несколько колонок из торфяных болот. Размеры этих болот сравнительно невелики – менее 200 м в диаметре, что, согласно модели Prentice – Sugita⁶, позволяет реконструировать локальную растительность на участке вокруг них в радиусе примерно 0,5–1,0 км. Для двух из них получены радиоуглеродные датировки, позволяющие с некоторой долей приближения проследить динамику растительности в течение суббореального периода, хотя для детальной реконструкции имеющихся дат, очевидно, пока не достаточно.

Шараповское болото расположено в понижении плоского водораздела рек Москва и Сетунь, в 4 км к югу от Верхних дач и берега Москвы-реки. Это переходное болото размером 350 x 80 м, одна его часть занята открытыми осоково-травяно-сфагновыми группировками, другая представляет собой заболоченный березово-сосново-сфагновый лес (Куликова, 2011). Колонка на пыльцевой анализ, глубиной 120 см, была взята из центра открытой части (рис. 3 – сокращенная пыльцевая диаграмма этой колонки). Начало торфонакопления на болоте относится

к концу бореального периода (8750 ± 40 ^{14}C л. н.). Верхний рубеж суббореального периода на диаграмме выделяется ясно – по границе темного, хорошо разложившегося древесного торфа («переходного горизонта»), со слабо разложившимся сфагновым торфом явно субатлантического времени. Для переходного горизонта получена датировка 3380 ^{14}C л. н. Нижняя граница суббореального периода условно, за неимением радиоуглеродных датировок, проводится по резкому падению концентрации пылицы, т.е. повышению скорости торфонакопления, что, предположительно, могло быть результатом раннесуббореального похолодания и увеличения влажности. На диаграмме видно, что в атлантическом и первой половине суббореального периодов ель практически полностью отсутствовала в лесах, окружавших Шараповское болото. В течение всего этого длительного промежутка времени леса были образованы широколиственными породами – дубом, липой, ильмом, кленом, с примесью березы⁷ и густым подлеском из орешника. Стремительная экспансия ели, произошедшая в пойме Москвы-реки на рубеже атлантического и суббореального периодов (около 4500–5000 ^{14}C л. н.) в водораздельных лесах вокруг Шараповского болота отразилась лишь еле заметным ее присутствием в спектрах (не более 1–2% от спектра древесных). Ель появилась здесь позже, как минимум на тысячелетие: резкий подъем ее кривой и достижение максимума

⁶ Математическая модель, позволяющая рассчитать размер территории, растительность которой отражена в пыльцевых спектрах.

⁷ В пыльцевых спектрах Шараповского болота доля пылицы березы постоянно очень высока, что, по-видимому, объясняется локальным фактором – существованием заболоченного березняка вокруг болота в течение всей истории его развития.

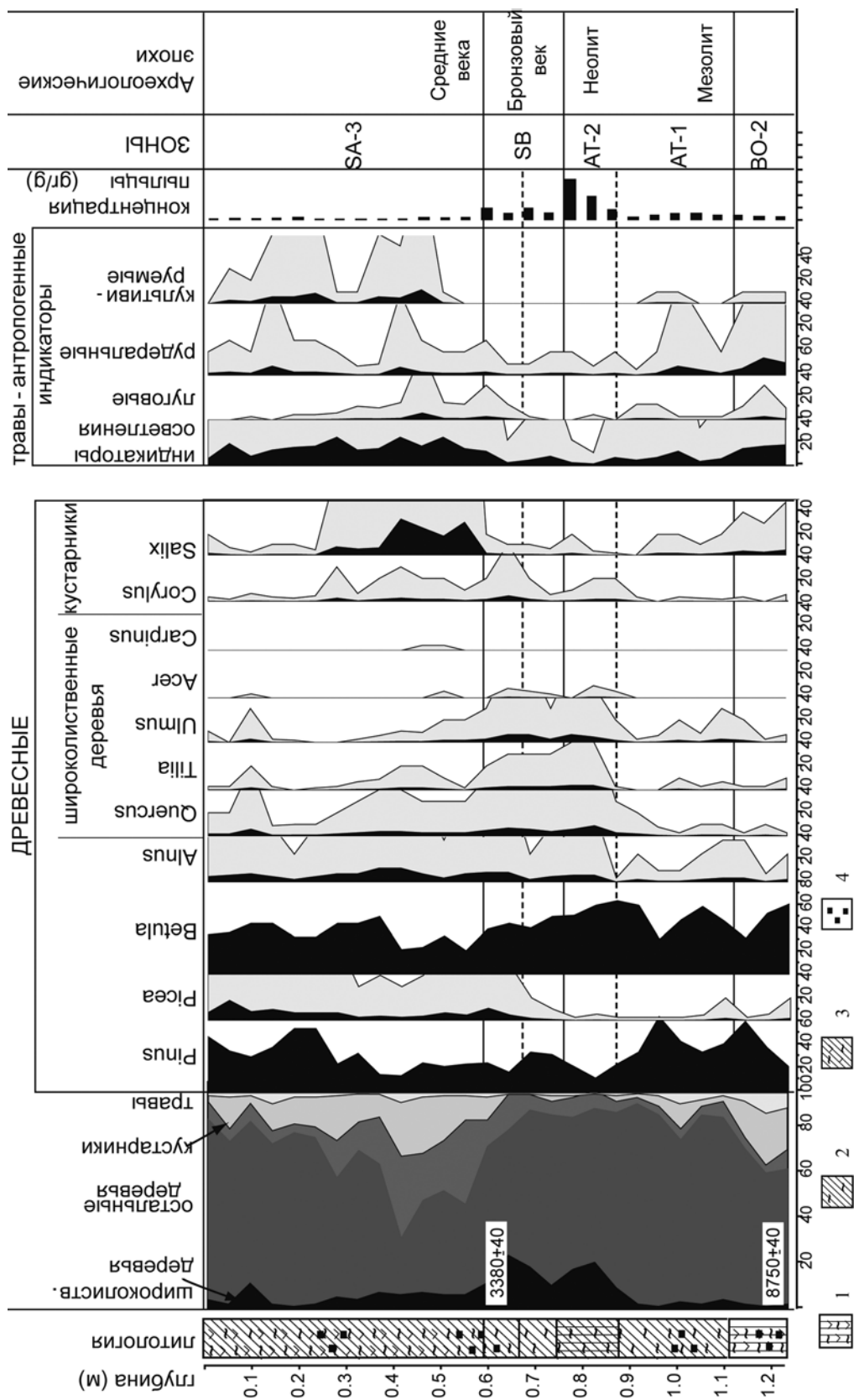

Рис. 3. Сокращенная пылевая диаграмма Шараповского болота

Древесные представлены в процентах от суммы древесных. Из трав представлены только антропогенные индикаторы, условно объединенные в группы: культивируемые (*Cerealia-type*, *Canna*, *Fabaceae*, *Ranunculaceae*), рудеральные (сем. *Brassicaceae*, *Chenopodiaceae*, виды родов *Plantago*, *Rumex*, *Urtica*, *Artemisia*, *Chamaenerion*), луговые (сем. *Fabaceae*, *Ranunculaceae*, виды родов *Galium*, *Helianthemum*, *Campanula*, *Achillea*, *Alchemilla*, *Cirsium*, *Hypericum*, *Thalictrum*) и общие индикаторы осветления (сем. *Asteraceae*, *Cichoriaceae*, *Asteraceae tubuliflorae*, *Caryophyllaceae*, *Poaceae*, *Rosaceae*, *Labiatae*, виды родов *Melampyrum*, *Pteridium*); их участие рассчитано в процентах от общей суммы пыльцы. Литология (по: Куликова, 2011): 1 – дерново-травяной торф; 2 – осоковый торф; 3 – осоково-травяной торф; 4 – уголь

(«первый верхний максимум ели» по Хотинскому) наблюдается в последней фазе суббореального периода, и датирован 3380 ± 40 ^{14}C л. н. Однако и в это время доля ели в водораздельных лесах была значительно меньше, чем в пойме, – всего около 10% от спектра древесных.

Луцинское болото расположено ближе к руслу Москвы-реки, в километре к югу от Верхних дач. В прошлом это было верховое болото, в середине XX в. большая его часть была осушена и сильно нарушена торфоразработками, а затем застроена дачным поселком. Сохранились лишь окраины торфяника, откуда и была взята колонка на пыльцевой анализ. Под слоем торфа глубиной 85 см с нижней радиоуглеродной датой 6820 ± 40 ^{14}C л. н. лежала погребенная почва атлантического времени, которая также была проанализирована на пыльцу. На диаграмме Луцинского торфяника (рис. 4), к суббореальному периоду относится часть между датировками 5700 ± 30 и 1700 ± 30 ^{14}C л. н. На диаграмме видно, что как и в Шараповском болоте, пыльца ели отсутствует практически полностью в течение всего атлантического и части суббореального периодов. В первой половине суббореального периода в лесах вокруг Луцинского болота доминировали широколиственные породы (до 40% от спектра древесных) – дуб, липа, ильм, клен, с участием березы и сосны; высокий процент пыльцы орешника (до 23%) указывает не только на то, что ярус подлеска в этих лесах был хорошо развит, но и на то, что леса были достаточно светлыми для его обильного цветения. Так же, как и в диаграмме Шараповского болота, ель появилась и достигла своего максимума (до 30%) только во второй половине суббореала (более точной даты мы пока не имеем). Сходные данные, свидетельствующие о сохранении многоярусных широколиственных лесов на водоразделах вплоть до поздней фазы суббореального периода, имеются также для карьера Сима, расположенного в 5 км к юго-западу от Луцинского болота (Березина и др., 2001).

Береговой склон Москвы-реки

Для реконструкции истории растительности склона Москвы-реки в районе ЗБС были проанализированы несколько маленьких торфяников, расположенных на оползневых террасах рядом с выходом грунтовых вод. Несмотря на небольшие

размеры (до 20 м в диаметре) слой торфа в таких «висячих болотах» оказался значительным – до 150 см. Высокое содержание карбонатов кальция в воде и, соответственно, в торфе⁶ определило своеобразный тип неполного разложения органики, способствующий быстрому торфонакоплению, но сравнительно неблагоприятный для сохранения пыльцы. Поэтому концентрация пыльцы в них в несколько раз ниже, а пыльцевые спектры беднее по сравнению кислыми водораздельными торфяниками. Для основания одного из таких торфяников (под дачей Андреевых) была получена радиоуглеродная дата – 4670 ± 40 ^{14}C л. н., что позволяет использовать его пыльцевую диаграмму (рис. 5) для реконструкции динамики окружающей локальной растительности в период бронзового века.

На диаграмме видно, что с начала суббореального периода, совпавшего с началом торфонакопления, и еще в течение довольно продолжительного времени (глубины 70–145 см) ель хотя и присутствует в спектрах, но ее доля ничтожно мала (менее 5%). Широколиственные породы составляют до 85% спектра древесных, но, в отличие от водораздела, доминантом является не дуб, а липа (до 75%), ей сопутствует ильм⁷. Рост кривой ели отмечается лишь в самой верхней фазе периода, однако и после «первого верхнего максимума» ели доля ее сравнительно невысока (около 20%). Доминантами в начале субатлантического периода продолжали оставаться липа (до 40%) и ильм (до 15%), вплоть до полной вырубки леса, произошедшей в железном веке или средневековье.

Исходя из полученных данных, можно заключить, что растительный покров в окрестностях ЗБС в первой половине суббореального периода (4500 – 3500 ^{14}C л. н.), т. е. во время обитания здесь племен бронзового века, отличался большой пестротой. Если в пойме уже с начала периода распространились густые еловые леса с незначительной примесью широколиственных пород (т. е. сложные ельники), то водоразделы и крутые террасные склоны, также как и в период климатического оптимума, оставались покрытыми широколиственными лесами. На водоразделах это были многоярусные светлые леса из дуба, липы, ильмовых, клена и орешника, а на склонах – более темные густые леса из липы и ильма.

⁶ Содержание кальция в торфе у родника под дачей Андреевых 84 мг экв/100 г сухой почвы, pH 7,0–7,6. Это говорит об очень высоком содержании карбонатов кальция и щелочной реакции.

⁷ Хотя виды рода *Ulmus* (ильмовые) при анализе ископаемых образцов, как правило, не различаются, мы предполагаем, что в торфянике под дачей Андреевых отлагалась пыльца ильма (*Ulmus glabra* Huds.), поскольку небольшие популяции этого вида сохранились до сих пор вокруг этого и других «висячих болот» на террасном склоне Москвы-реки.

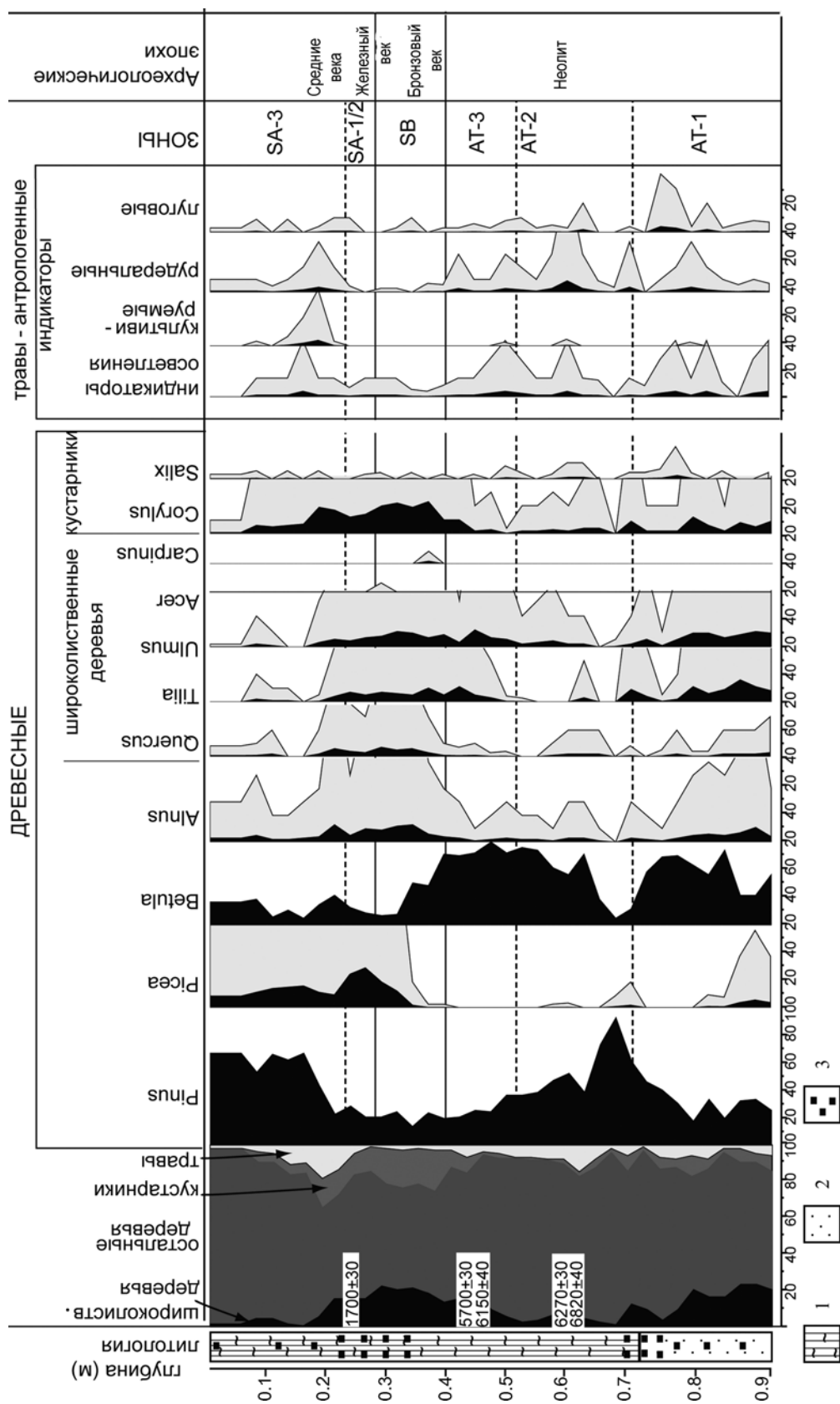

Рис. 4. Сокращенная пыльцевая диаграмма окраины Луцкого болота

Древесные представлены в процентах от суммы древесных. Из трав представлены только группы антропогенных индикаторов (см. подпись к рис. 3), их участие рассчитано в процентах от общей суммы пыльцы. Литология: 1 – торф; 2 – гумусовый горизонт погребенной почвы; 3 – уголь

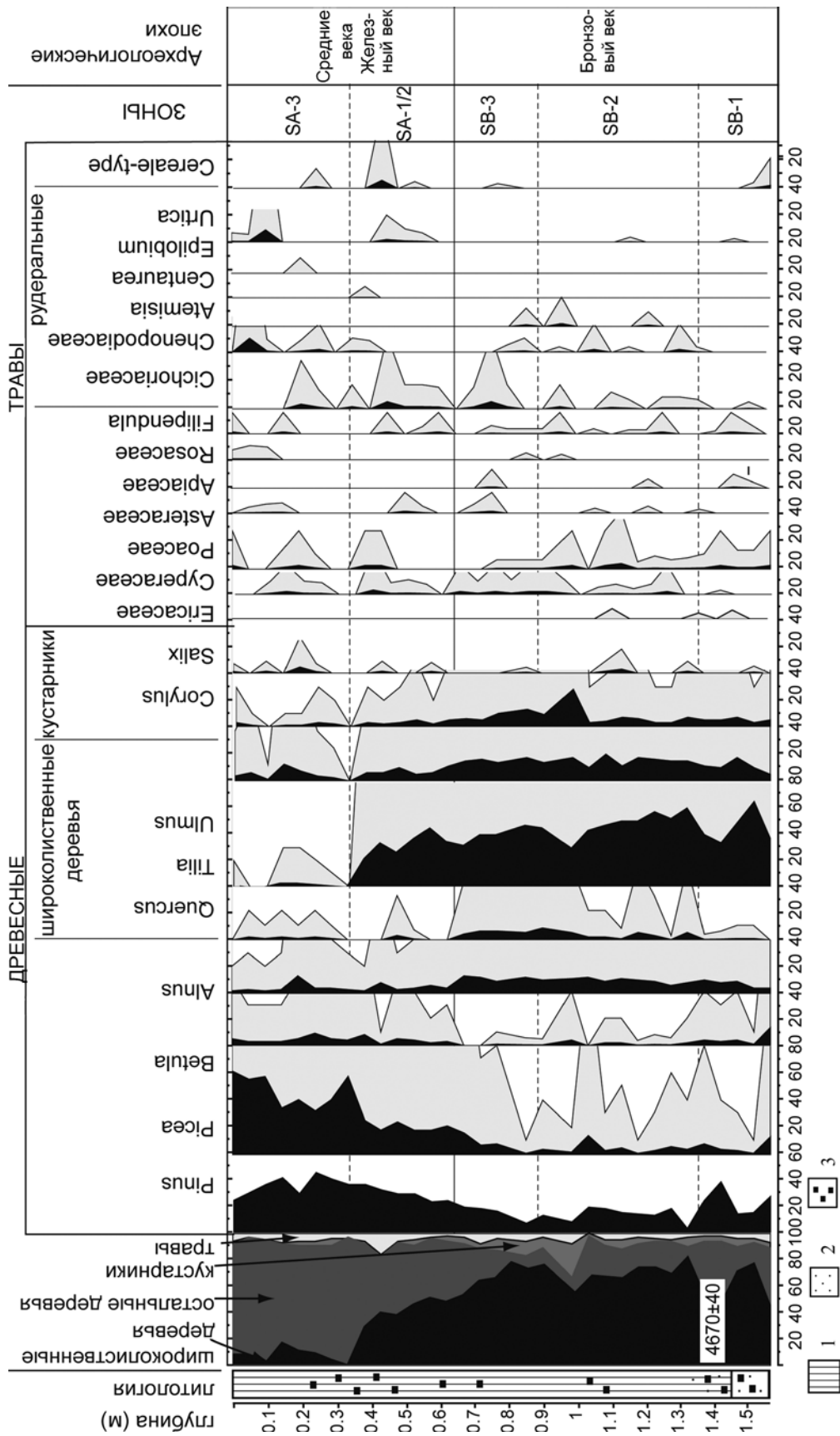

Рис. 5. Пыльцевая диаграмма торфяника на склоне под дачей Андреевых. Древесные представлены в процентах от суммы древесных. Травы представлены в процентах от общей суммы пыльцы. Литология: 1 – сильно разложившийся карбонатный торф / перегной; 2 – гумусовый горизонт погребенной почвы; 3 – уголь

Поскольку главным фактором, определяющим выживание ели на южной границе ее распространения, является влагообеспеченность, можно предположить, что на рубеже атлантического и суббореального периодов, в результате похолодания и увеличения влажности ель стремительно распространилась в долине Москвы-реки, придя с севера. Однако благоприятные для ее произрастания условия сложились только в пойме, где в этот период уровень паводков был, по-видимому, оптимальным для ели¹⁰. Лишь значительное похолодание в конце суббореального периода позволило ели выйти из поймы на водоразделы и стать

содоминантом в елово-широколиственных лесах. При этом на крутых береговых склонах Москвы-реки, благодаря особым почвенно-экологическим условиям, леса из широколиственных пород, несмотря на последующие похолодания, сохранялись вплоть до средневекового времени, а в некоторых местах сохранились и до нынешних дней.

Можно предположить, что для племен, пришедших в долину Москвы-реки в бронзовом веке с запада и с юга, широколиственные леса водоразделов, возможно, выглядели привычнее и привлекательнее для поселения, чем пойменные ельники.

Литература

Алексеев Ю. Е., Жмылев П. Ю., Карпухина Е. А., 2011. Флора сосудистых растений Звенигородской биостанции Московского университета и ее окрестностей // Руководство по летней учебной практике студентов-биологов на Звенигородской биологической станции им. С. Н. Скадовского. М.

Березина Н. А., Гольева А. А., Кривохарченко И. С., 2001. К вопросу об истории растительности Звенигородской биостанции МГУ // Тр. Звенигородской биологической станции. Т. 3. М.

Величко А. А., Кременецкий К. В., Негаданк Й., Минграм Й., Борисова О. К., Грибченко Ю. Н., Зеликсон Э. М., Климанов В. А., Новенко Е. Д., Пирумова Л. Г., Писарева В. В., Разумовский Л. В., Тимирева С. Н., 2001. Позднечетвертичная история окружающей среды северо-восточной области Европы (Костромское заволжье) поданным комплексного изучения осадков Галичского озера // Изв. РАН. Сер. географическая. М. № 3.

Кренке Н. А., Александровский А. Л., Войцик А. А., Елкина И. И., Еришов И. Н., Еришова Е. Г., Лазукин А. В., Мазуркевич А. Н., Панин А. В., Кудрявцев А. А., Лавриков М. В., Воронкин В. А., 2012. Новые исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки на Москве-реке // АП. Вып. 8. М.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.

Куликова Г. Г., 2011. К характеристике Шароповского болота // Тр. Звенигородской биологической станции. Т. 5. М.

Лесная энциклопедия. Т. 2. М., 1986.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 2000. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным) // ТАС. Вып. 4. Тверь.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д., 2008. Результаты палинологических исследований в пойме реки Москвы у поселка РАНИС // АП. Вып. 4. М.

Хотинский Н. А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.

Хотинский Н. А., Алешинская З. В., Гуман М. А., Климанов В. А., Черкинский А. Е., 1991. Новая схема периодизации ландшафтно-климатических изменений в голоцене // Изв. РАН. Сер. географическая. М. № 3.

Parker A. G., Goudie A. S., Anderson D. E., Robinson M. A., Bonsa II C., 2002. A review of the mid-Holocene elm decline in the British Isles // Progress in Physical Geography. Vol. 26. L.

¹⁰ Не вынося длительного затопления, ель, тем не менее, может расти и образовывать густые пойменные и приручевые ельники в условиях редких и непродолжительных (до 15 дней) паводков («Лесная энциклопедия», 1986). Такие ельники в настоящее время широко распространены в таежной зоне Европейской части России.

E.G. Erschova, N.A. Berezina, E.V. Karina

**The vegetation of the Moscow River valley in the Subboreal period
(the late Neolithic and Bronze Age) from pollen analysis**

Summary

Palynological studies at Zvenigorod Biological Station (ZBS) have shown significant changes in the vegetation cover of the Moscow River valley in Subboreal period of the Holocene. Due to climate change spruce spread from the north and settled in the valley, which before it was occupied by broadleaf forests. This process consisted of two phases. At the turn of the Atlantic and Subboreal period (5000–4500 ^{14}C yr BP), the spruce forests covered only the floodplain, then, in the last phase of the period (after 3500 ^{14}C yr BP), spruce came up to the watershed. In the

middle phase of the Subboreal period (4050–3500 ^{14}C yr BP), which includes the archaeological remains of the Bronze Age in the ZBS, vegetation of the valley was mixed. Watersheds and terrace slopes were still covered with broadleaf deciduous forests, while the floodplain was already occupied by dense spruce forests. Human-induced changes in vegetation were traced next to Bronze Age settlements in the floodplain. Thus, the discovery of hemp (*Cannabis sativa* L.) pollen implies that hemp was grown as an agricultural crop.

О. Н. Глазунова

Печи Нового Иерусалима по археологическим данным. Методика и проблемы реконструкции

В процессе предпроектных археологических исследований Ново-Иерусалимской экспедиции ИА РАН под руководством Л. А. Беляева в 2009–2011 гг. в культурном слое на территории Воскресенского монастыря было обнаружено 22 302 обломка и целых печных изразцов, 12 оснований печей (частично – и отопительных систем), 27 комплектов (развалов) изразцов от конкретных печей. При этом выявлено 108 «сюжетов» – вариантов рисунков на лицевых пластинах изразцов.

Для истории изразцового дела в Воскресенском монастыре наибольший интерес представляют комплекты рельефных изразцов (муравленых и полихромных), относящиеся к третьей четверти XVII в., то есть ко времени строительства монастыря под руководством патриарха Никона. Начало широкого производства рельефных полихромных изразцов в России связано с организованными им в Ново-Иерусалимском монастыре мастерскими. После опалы патриарха мастеров вместе с изразцовыми матрицами («досками») забрали в Москву, поэтому можно сказать, что, в известной степени, все полихромные изразцовые печи Москвы последней трети XVII в. произошли отсюда.

На своих первоначальных местах изразцовых печей этого времени в России практически не сохранилось – все они подвергались неоднократным перекладкам и починкам или просто сложены реставраторами. Наиболее известные среди них: круглая печь в приделе Тихвинской церкви бывшего села Алексеевского и печь из церкви Святого Михаила в Немецкой слободе, собранная в настоящее время в музее Коломенское. Полные аналоги изразцового набора обоих найдены при раскопках Ново-Иерусалимской экспедиции (печи из Тихвинской церкви – у южной стены мо-

настыря, из ц. Св. Михаила – у Западного Братского корпуса) (Беляев, 2012).

Известная методика реконструкции изразцовых печей предполагает или воссоздание сохранившегося разобранного комплекта, или довольно вариативные реконструкции, опирающиеся на неполные изразцовые коллекции (Баранова, 2007; 2011; Беляев, Фролов, 1988; Маслих, 1983).

Специфика материала, полученного при раскопках Нового Иерусалима, состоит не только в многочисленности и хорошей сохранности печных комплексов, но и в том, что находки отражают известные по другим источникам исторические контексты. Изразцы и доски к ним делали на месте, создавая также рисунок узора самой печи. В результате мы имеем дело (по крайней мере, в части случаев) не со случайными наборами купленных изразцов и затем собранных в печи из того, что имелось в наличии, а со своего рода продуманными проектами, осуществленными через специальную комплектацию.

Одной из основных трудностей при попытках реконструкции печных комплектов, полученных при археологических раскопках, является отсутствие данных для определения точного размера печи. Однако в ходе исследований 2009–2011 гг. выявлены основания печей (рис. 1), следовательно, установлен их размер в плане, а также количество изразцов. Дополнительную подсказку дает ковровый узор соединенных рамок. В ряде случаев элементы, составляющие ковровый узор, расположены на изразцах таким образом, что их можно соединить только в строго определенном порядке. Рисунок центра композиции не играет тут существенной роли. Например, на одной из печей таким рисунком была розетка. На одних изразцах

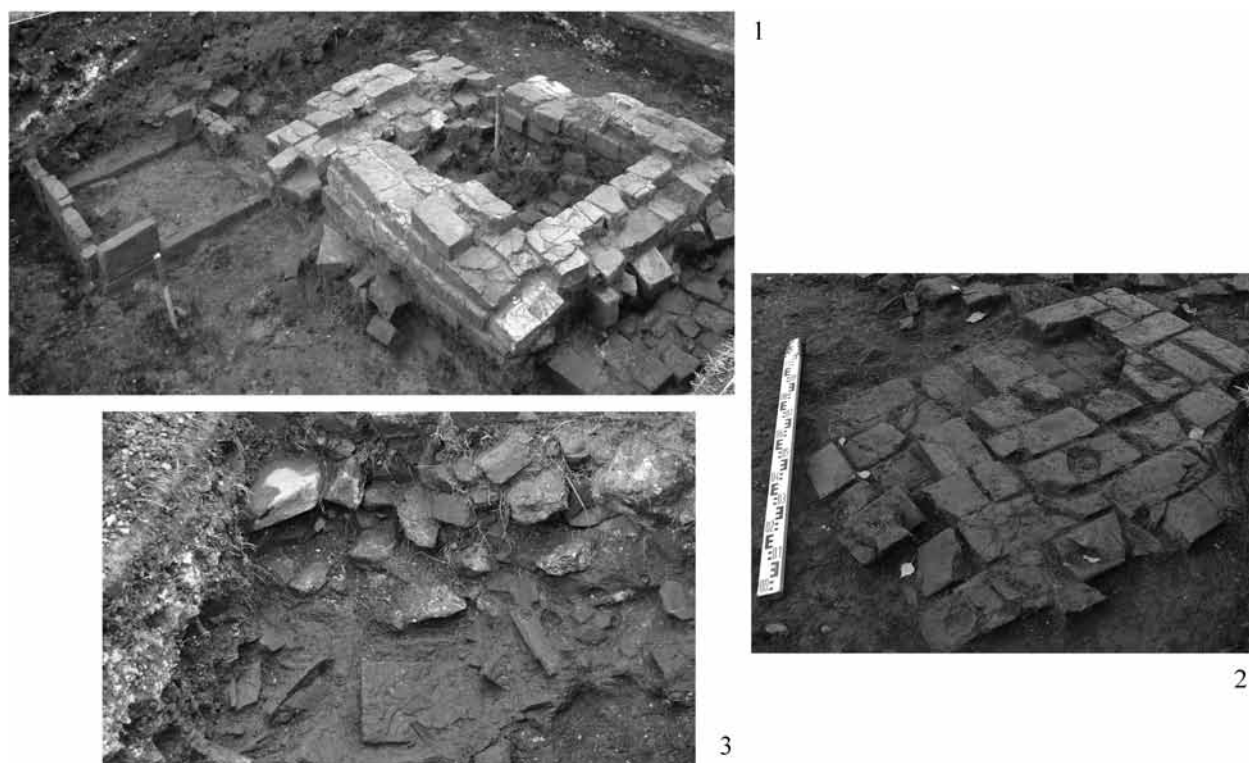

Рис. 1. Печные развалы в культурном слое

1, 2 – основания печей из раскопок в Ново-Иерусалимском монастыре;
3 – развал печных изразцов возле Восточного Братского корпуса

она показана только половинкой в центре верхней стороны, на других – половинкой в центре нижней, на третьих по четвертинке в каждом углу. При таком раскладе невозможно поменять изразцы местами. Их место предписано самим расположением элементов коврового узора.

Масштабные раскопки позволили собрать материал для воссоздания несколько печных комплексов. Часть из них по-настоящему уникальна, но все они – и те, что больше уже нигде не повторялись, и те, что в дальнейшем были тиражированы и разошлись по всей стране – принадлежат истории монастыря. Здесь их производили: резали формы, отминали в формах и обжигали изразцы, готовили и наносили поливу. Имеющиеся архивные планы и чертежи) вкупе с полученными при раскопках материалами позволяют с высокой точностью воспроизвести облик изначальных печей, поэтому наместник монастыря отец Феофилакт совместно с архитекторами-реставраторами ЦНРПМ принял решение воссоздать их на месте. Поставленная задача потребовала выработки определенного подхода, который и формулируется в данной статье.

Первым этапом работы, несомненно, является подбор полного комплекса обломков изразцов,

принадлежавших конкретной печи. По возможности, их склеивают до полных форм. Если же это не удастся, подбирают несколько дополняющих друг друга обломков одинакового рисунка.

Второй этап – прорисовка, когда художник тщательно промеряет фрагменты и целые изразцы, готовя прорисовки полных форм, из которых в будущем должен собраться комплект. Параллельно делается подсчет количества разных форм в печном комплекте, что позволит прогнозировать количество рядов. В приведенном ниже случае ковровых изразцов одного вида ровно в два раза больше, чем второго, то есть, при самой простой раскладке получается два ряда изразцов первого типа, а между ними ряд изразцов второго типа. На основании полученных данных подготавливается эскиз (рис. 2; рис. 3), учитывающий конкретные размеры печного фундамента и возможную высоту потолков помещения. Благодаря этому эскиз трансформируется в рабочий проект.

Исходя из имеющихся целых изразцов, их фотографий и прорисовок, могут быть выполнены формы, приготовлена полива соответствующих цветов, отформованы и обожжены сами изразцы. Предполагается, что изготавливаться они будут по старинным технологиям, с соблюдением

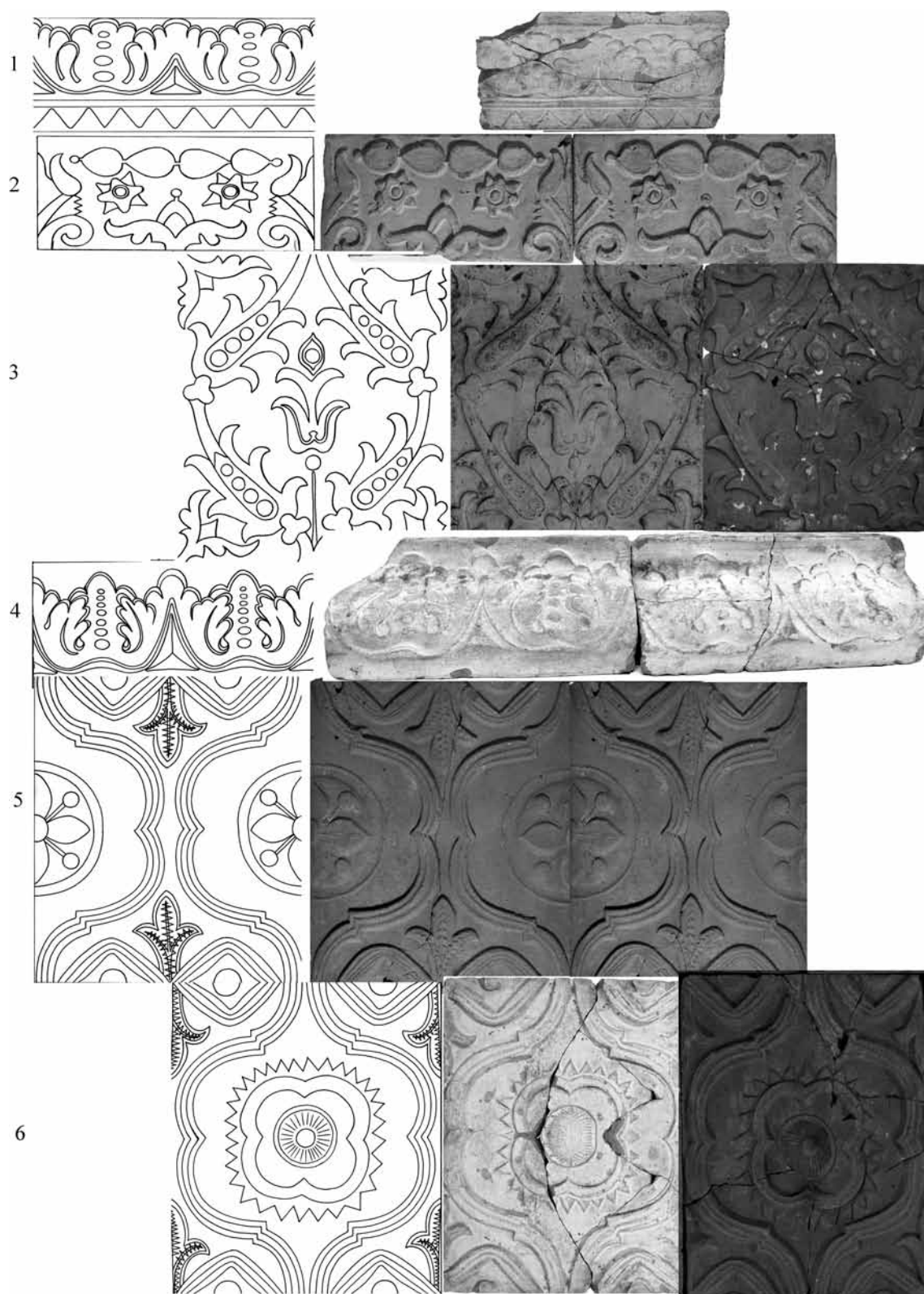

Рис. 2. Схема сборки печи (фотографии и прорисовки изразцов). (См. цв. вкл.)

1 – карниз короны; 2 – пояс; 3 – верхнее зеркало; 4 – переходный карниз;
5, 6 – ковровые изразцы нижнего зеркала

Рис. 3. Реконструкция фасада печи, развал которой найден возле Восточного Братского корпуса (фото Е.М. Болдыревой). (См. цв.inkl.)

исторических особенностей производства. Реконструированный облик помещений при этом максимально приблизится к историческому оригиналу, поскольку восстановление печей проводится в тесном контакте с реставраторами: архитекторами и строителями.

Представим ряд примеров. Интересный комплекс открыт в раскопе 18, возле северной стены Восточного Братского корпуса, где найдены остатки печного основания, уходившие под стену корпуса, и развал печных изразцов третьей четверти XVII в. (рис. 1, 3). Печь явно использовалась: изразцы покрыты копотью. Однако стояла эта печь, видимо, недолго и была по каким-то причинам разобрана: на изразцах нет следов длительной эксплуатации, они почти не поцарапаны и не имеют сколов; обломки хорошо склеиваются, составляя целые формы; нет следов починки или замены. Будем исходить из допущения, что найденный комплекс дошел до нас полным. После разборки и склейки было собрано 92 целых экземпляра, составляющих практически весь набор печи. Изразцы рельефные красноглиняные, без поливы, румпа, отступающая от края пластины. Отдельные экземпляры покрыты белым ангобом.

Хорошо выделяются два яруса печи. Нижний состоял, по-видимому, из двух видов сочетающихся друг с другом ковровых изразцов. Рамка коврового узора создается жгутами-лентами и стилизованными цветками «лилии», образующими картуш сложной формы. Центр картуша изразцов первого вида – четырехлепестковая розетка с округлыми лепестками, окаймленная зубчиками. Найдено 14 экземпляров таких изразцов без ангоба (один из них угловой) и один покрытый белым ангобом (рис. 2, 6). На изразцах второго вида, приспособленных для установки вперемежку с изразцами первого вида, соединяются левая и правая половины таких же картушей. В центре каждого картуша, образующегося при соединении двух изразцов, тоже четырехлепестковая розетка, но лепестки имеют острые кончики, и между ними расположены четыре тычинки. Найдены 28 изразцов (четыре угловых), все без ангоба (рис. 2, 5). Опираясь на большое количество экземпляров и следуя логике их соединения, получаем в первом ярусе два ряда красноглиняных изразцов второго вида и между ними ряд изразцов первого вида. В центр среднего ряда помещаем единственный изразец, покрытый белым ангобом.

Подобное расположение изразцов в печи было одним из наиболее распространенных

в Новом Иерусалиме. Обломки изразцов обоих видов встречаются в значительном количестве по всей территории монастыря – как без поливы, так и муравленные, а также несколько цветочных вариантов полихромных изразцов. Это, пожалуй, единственный вид рельефных изразцов, для изготовления которых нарезали несколько вариантов матриц, идентичных в основных деталях, но различающихся по проработке элементов. В нашем случае печной развал состоит из более раннего варианта, с элементами, характерными для красных рельефных широкорамочных изразцов: трехчастным делением жгутов-лент и «елочкой», использованной в украшении стилизованной «лилии».

Второй ярус печи составлен из изразцов с изображением «турецкого огурца» (рис. 2, 3). Лицевых изразцов – 14. Один из них покрыт ангобом – его также помещаем в центре ряда. К этому ярусу относятся и фризовые изразцы, подходящие по узору, то есть стыкующиеся с лицевыми. Найдено 14 фризовых изразцов: пять без поливы и девять покрытых белым ангобом (один из них угловой) (рис. 2, 2).

Соединяющих карнизов три разных вида (все профили – каблучковые). Скорее всего, один из них составлял «корону» печи. Рисунок всех трех аналогичен – разные варианты венкообразно сложенных листьев с вертикальным рядом ягод. Первый карниз, видимо, оформлял низ печи. Он имеет в рисунке только одну ягоду, нижняя часть представляет собой невысокий порожек-ступеньку, верхняя ступенька (более высокая) оформлена рядом вертикальных треугольников. Все найденные карнизы без поливы. Второй карниз разделял верхний и нижний ярусы печи, поэтому не имеет ни нижней, ни верхней вертикальных ступенек. Количество ягод – пять. Часть изразцов без ангоба, часть покрыта белым ангобом (рис. 2, 4; рис. 3). Третий карниз, вероятнее всего, формировал корону печи. По сравнению с первым, он как бы повернут наоборот. В этом случае нижней будет более высокая ступенька, оформленная рядом вертикальных треугольников, а сверху неширокое вертикальное завершение. Ягод на этом изразце – четыре. Изразцы покрыты белым ангобом (рис. 2, 1).

В результате предпринятой реконструкции получается терракотовая печь с белоангобированными деталями. Белым цветом выделялся центр нижнего яруса, карниз, центр верхнего яруса, пояс и корона (рис. 3). Таким образом, печь состояла из нижнего терракотового карниза; трех рядов

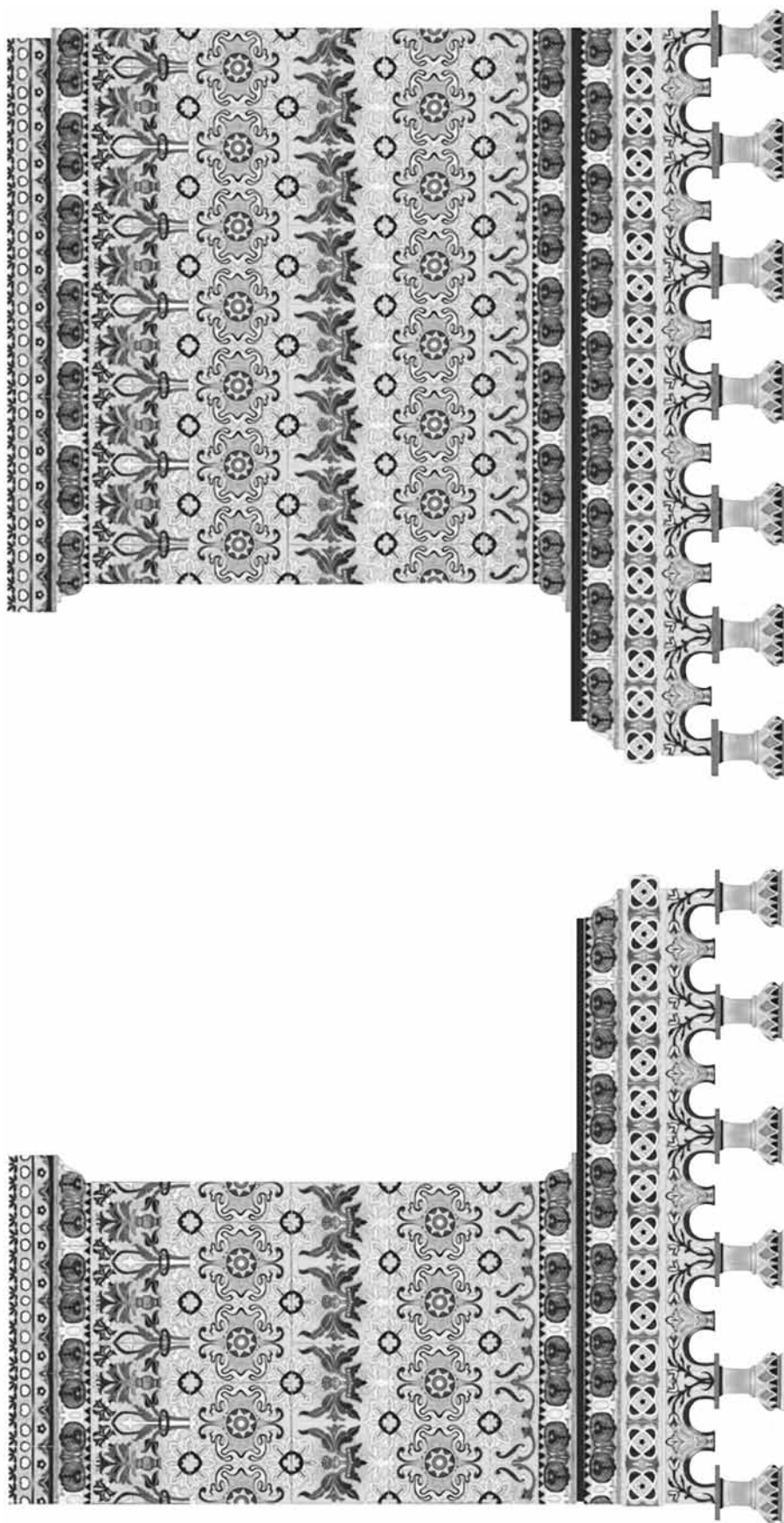

Рис. 4. Реконструкция печи, стоявшей во дворце Татьяны Михайловны. Автор С.В. Борзова. (См. цв. вкл.)

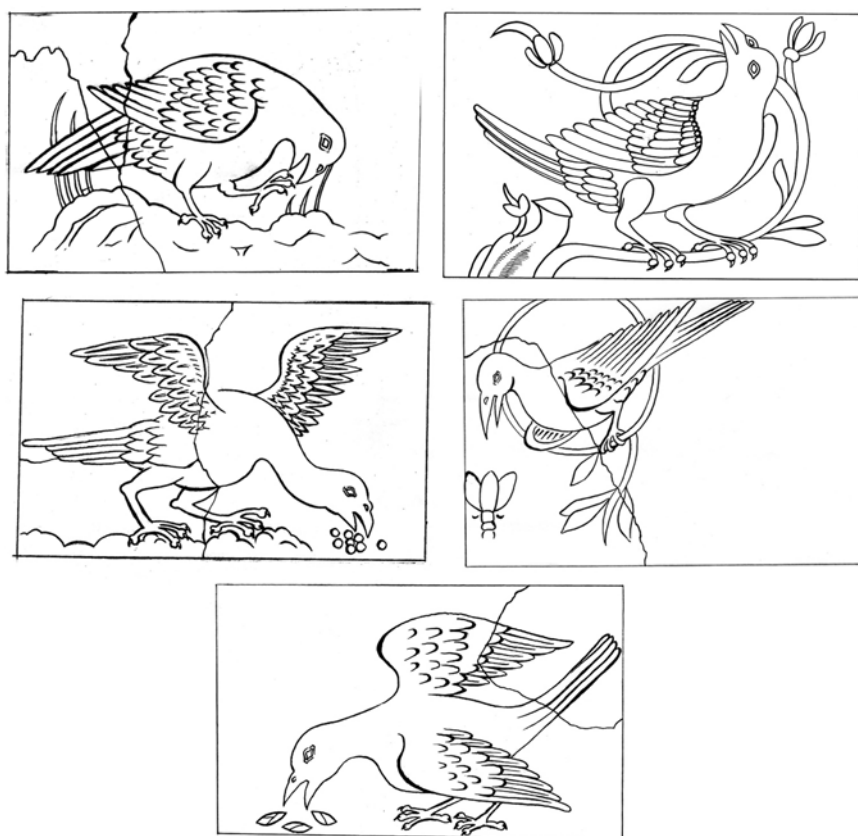

Рис. 5. Прорисовки терракотовых поясных изразцов с птицами (худ. С.В. Борзова)

ковровых изразцов со жгутами-лентами; соединяющего ярусы белого ангобированного карниза; ряда лицевых изразцов с «турецким огурцом», соединяющихся с белым фризом, и белой короны, состоящей из покрытых белым ангобом «обратных» карнизных изразцов. Полагаем, что боковые части печи ангобированных изразцов не содержали, и ангобом были покрыты только «фасадные» изразцы.

Условный подсчет дает в нашем случае небольшую высоту, около 160 см, но печи в Богоявленской пустыни (скиту патриарха Никона) выше лишь на несколько сантиметров. Конечно, невозможно полностью исключить, что в раскоп попала только часть печного развала, так что предложенная реконструкция имеет характер гипотезы.

Данная печь, скорее всего, предназначалась для небольшого жилого помещения, в отличие от более известных парадных церковных или дворцовых печей. Это подтверждает отсутствие поливы и малое (по сравнению с известным нам по описаниям) количество изразцов (менее 100 по сравнению с 300 или даже 400 шт.) (Фролов, 1991).

Помимо довольно простых печей, таких, как найденная возле Восточного Братского корпуса,

встречаются и очень сложные. Но особенность здешних комплексов – продуманность, логичность композиции. Они выстроены по одному эскизу, и, если понять замысел автора, то можно точно восстановить облик печи.

В данном случае узоры верхнего и нижнего яруса не связаны между собой. Второй возможный вариант – неразделенная на ярусы печь. Приведем пример такой печи, логика коврового узора которой диктует построение зеркала. Основой узора служит составленный из частей восьмилепестковый цветок-розетка. Части этой розетки представлены в наборе следующим образом: на нижнем поясковом изразце (высотой в половину лицевой – 21,0 x 13,0 см) половинка розетки расположена только по центру верхней кромки; выше вперемежку располагается полноразмерный (21,0 x 26,0 см), объединяющий ряды лицевой изразец с четвертинками розеток по всем четырем углам. Третий ряд составляет полноразмерный лицевой изразец, в нижних углах которого размещено по четвертинке розетки, а по центру верхней кромки – половинка; выше вперемежку – снова объединяющий ряды полноразмерный изразец с четвертинками розеток по всем четырем углам;

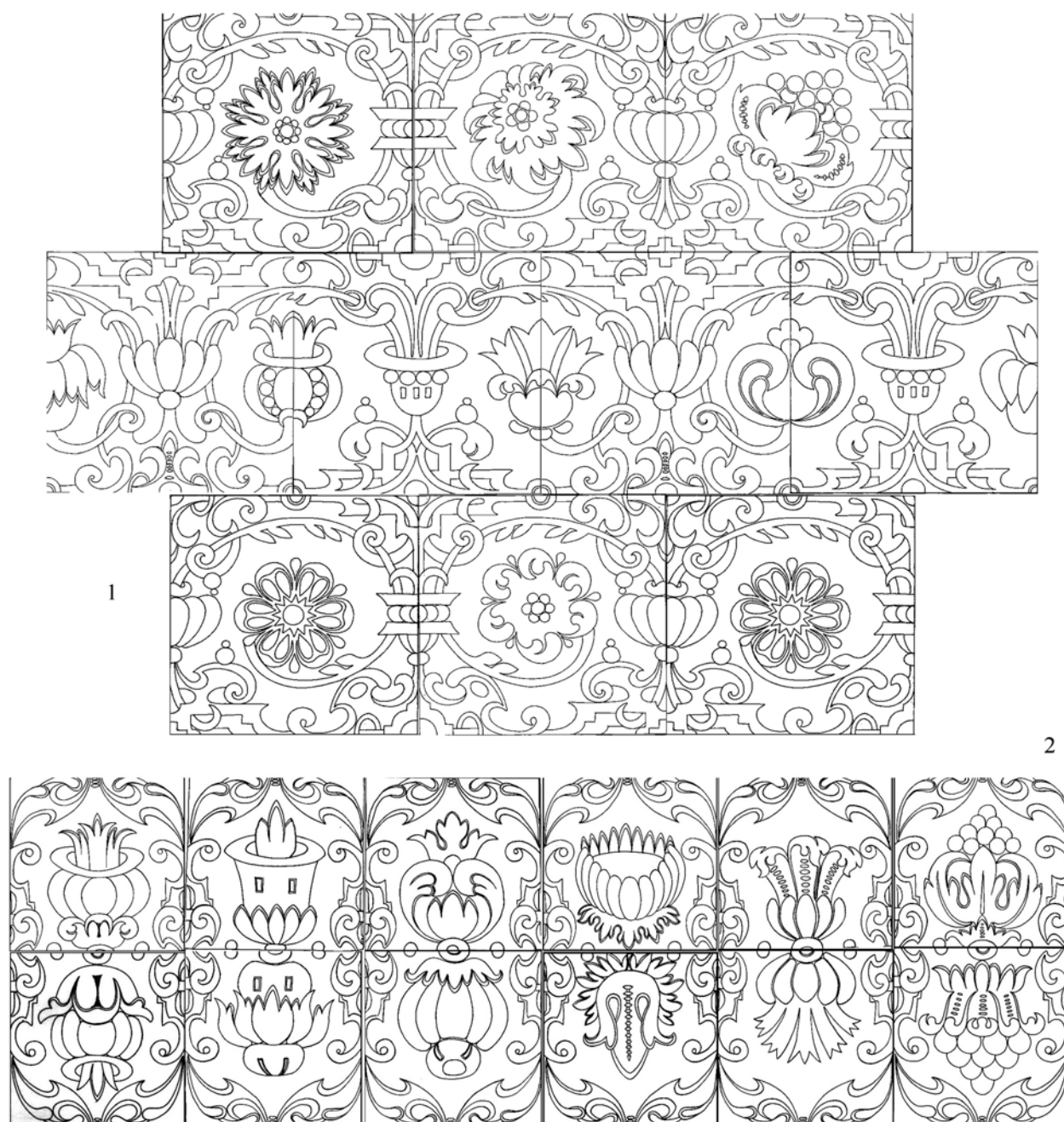

Рис. 6. Раппорты нижнего (1) и верхнего (2) зеркала печи (худ. С.В. Борзова)

и наверху, опять-таки вперемежку, – полноразмерный лицевой изразец, на котором половинка розетки расположена только по нижней кромке изразца. Объединяющий изразец в целом имеет две оси симметрии, кроме детали, располагающейся в центре верхней кромки – она является завершающей частью для букетов на двух других изразцах (рис. 4).

Это минимальный набор, к которому могут быть добавлены ножки с арочками, валики, карнизы и корона. Такая печь, покрытая рельефными

полихромными изразцами, стояла в одном из помещений дворца Татьяны Михайловны. При раскопках 1958 г. Е.Г. Ефремов (1959) внутри здания в северо-западном углу помещения IV обнаружил многочисленные обломки подобных изразцов, не позволившие, впрочем, составить полную реконструкцию узора зеркала («Памятник...», 1990). Это стало возможным только через полвека – с привлечением материалов раскопок 2009 г., когда экспедицией Института археологии РАН были обнаружены остатки погибшей в пожаре аналогичной печи.

Рис. 7. Конструктивные элементы печи

1 – элемент фигурного оформления углов; 2 – нижний (подиумный) карниз, рисунок которого повторяет рисунок архитектурных изразцов (худ. С.В. Борзова)

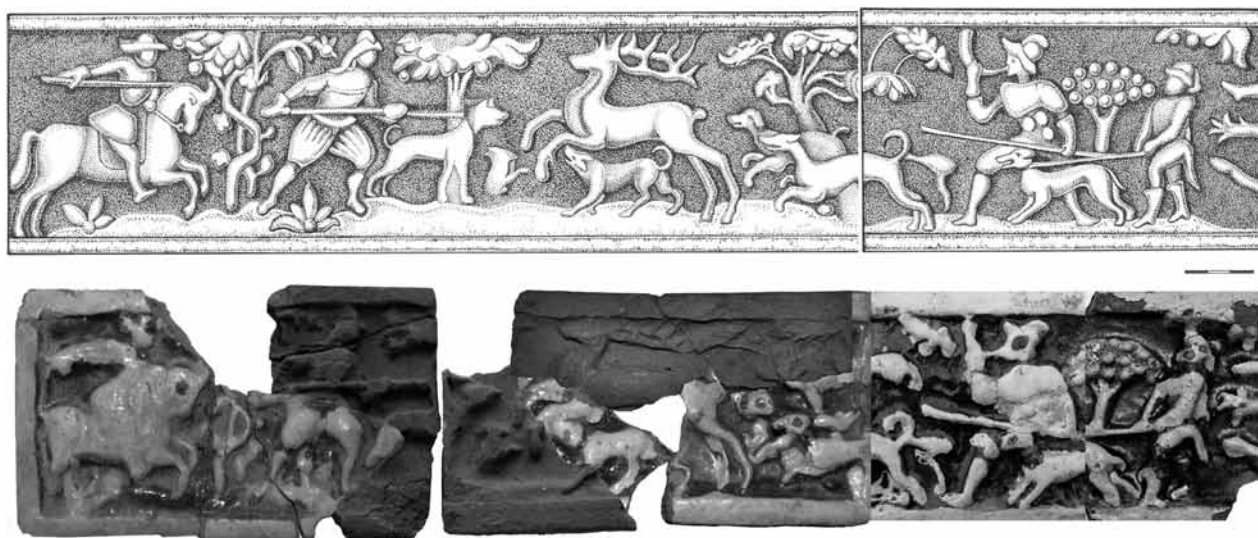

Рис. 8. Пояс печи в сине-белой гамме со сценой загонной охоты (прорисовка и совмещенные фотографии) (худ. С.В. Борзова). (См. цв. вкл.)

Во время раскопок 2009–2012 гг. найдено три одинаковых печных набора (по крайней мере, один из них при печном основании и с нагаром) с виртуозно скомпонованным узором зеркал (рис. 5; рис. 6). Одно из зеркал – с трехрядным раппортом и расположением изразцов вперемежку (рис. 6, 1), второе – с двухрядным раппортом и расположением изразцов один под другим (рис. 6, 2). По-видимому, печь двухъярусная, на низком цоколе без ножек и арок-подзоров, но комплект включает целую систему архитектурных обломов: изразцы фигурного оформления углов (рис. 7, 1); семь вариантов фризowych изразцов (с различными птицами) (часть их показана на рисунке 5); один вариант валика; цоколь со сложным профилем для оформления основания печи (рис. 7, 2); промежуточный профиль при переходе к верхнему ярусу и карниз.

Еще одна сложная печь выполнена, скорее всего, белорусскими мастерами. Изразцы в ней рельефные узкорамочные полихромные, в сине-белой гамме с отдельными желтыми и бирюзовыми деталями. Особое место занимает среди находок фриз с изображением загонной охоты на оленя (рис. 8). Его образует пояс из трех изразцов с многофигурной композицией, напоминающей рисунки западноевропейских мастеров. Судя по разным размерам входящих в него изразцов и тому, что линия соединения произвольно «режет» фигуры, доска с этим сюжетом была изготовлена единая, воспроизводившая (как, например, в гравюре или гобелене) рисунок с образца или эскиза. Среди множества найденных экземпляров есть

и угловые, на которых видно, что рисунок переходит на боковую грань абсолютно произвольно. Ограничивался ли сюжет тремя найденными изразцами, или существовал, по крайней мере, еще один, сказать трудно, но все найденные фрагменты, как с поливой, так и заготовки, принадлежат к одним и тем же известным трем.

Одна из сложностей, с которыми сталкивается исследователь при реконструкции – отсутствие четких, хорошо проработанных рисунков печей того времени. Подлинных изображений русских изразцовых печей XVII в. сегодня известно лишь два: первое – круглая (или многоугольная?) двухъярусная печь на рисунке «Прием посла Римской империи царем Алексеем Михайловичем» из знаменитого альбома Мейерберга (1903); второе – квадратная трехъярусная печь из дворца Лефорта, различимая на заднем плане гравюры А. Шхонебека (1702).

При работах в Новом Иерусалиме мы столкнулись еще с одним неожиданным препятствием. Художники-реставраторы, проводя реконструкцию печей в Воскресенской пустыни (скиту патриарха Никона), опирались на, казалось бы, достовернейший материал – детальную прорисовку изразцового набора, выполненную художником Н. Барковым с натуры в 1910 г. («Новый Иерусалим», 2010). Однако найденные при раскопках подлинные изразцы значительно отличались от нарисованных художником. В частности центральная розетка на изразцах, составляющих основную часть набора, имела пять лепестков, а не четыре (как показано на рисунке), переходный карниз на рисунке

Рис. 9. 1 – рисунок художника Н. Баркова 1910 г. («Новый Иерусалим» 2010);
2, 3 – прорисовки археологизированных изразцов (худ. С.В. Борзова)

изображен как валик (рис. 9). Существует еще масса мелких неточностей. Не углубляясь в анализ проблемы, отметим только, что твердой основой для реконструкции печного комплекта могут служить только подлинные изразцы, в противном случае мы рискуем значительно исказить исторический облик печи.

В короткой статье невозможно охватить все полученные в результате раскопок комплексы. Здесь мы только попытались показать те

возможности, которые предоставляют широко-масштабные раскопки для реконструкции быта монастыря, и продемонстрировать результаты, которых можно достичь в деле реставрации памятников прикладного искусства. Благодаря соединению усилий историков искусства, археологов, архитекторов и художников, на завершающем этапе реконструкции технологи-керамисты получают достоверные сведения о воспроизводимых объектах.

Литература

- Баранова С. И., 2007. К вопросу о реконструкции изразцовых печей Коломенского дворца // Коломенское. Материалы и исследования. М.
- Баранова С. И., 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.
- Беляев Л. А., 2012. Отчет об археологических раскопках в Ново-Иерусалимском монастыре (раскоп 12) // Архив ИА РАН.
- Беляев Л. А., Фролов М. Ф., 1988. Изразцовая печь белорусских мастеров из усадьбы Коломенское // Архитектурное наследие и реставрация. М.
- Воронов Н. В., Сахарова И. Г., 1955. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // МИА. № 44.
- Ефремов Е. Г., 1959. Отчет о раскопках во дворце Татьяны Михайловны // Архив музея «Новый Иерусалим». Инв. № 551–76.
- Леонид (Кавелин), 1876. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре с 1656–1759 г. // Вестник Общества любителей древнерусского искусства. М. Отд. IV.
- Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.
- Мейерберг А., 1903. Виды и бытовые картины России XVII в. СПб.
- Новый Иерусалим. Альбом-антология. М., 2010.
- Памятник архитектуры республиканского значения дворец Татьяны Михайловны в Ново-Иерусалимском монастыре. Проект реставрации. Т. IV. Вып. 2. 1990 // Архив музея «Новый Иерусалим». Инв. № 155–90.
- Фролов М., 1991. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII в. М.
- Шхонебек А., 1702. Свадьба шута Филата (Феофилакта) Шанского во дворце Лефорта. Мужская половина // Интернет-ресурс: http://www.russianprints.ru/printmakers/sh/schoonebeck_adrian/svadba_shanskogo_muzhskaya_polovina.shtml.

O. N. Glazunova

Stoves of New Jerusalem from the artchaeological record. Methods of reconstruction

Summary

The paper discusses methods of reconstruction of seventeenth-century stove tiles from the archaeological record. The range of the research is outlined and

tentative resolution of the relevant issues proposed. Reconstructions of tile-covered stoves of the New Jerusalem monastery are cited as examples.

В.А. Зейфер, Б.Е. Янишевский

Хозяйственное сооружение (овин) на усадьбе Бородино по раскопкам 2011 года

*...Все-таки, несмотря на то, рожь наша требует
еще искусственного дозревания: для этого сушат
ржаные колосья в снопах на овинах, на огне.*

Максимов, 1995. С. 44.

При раскопках 2011 г. в селе Бородино Можайского района, проводившимися Можайской экспедицией ИА РАН перед строительством Императорского Дворцово-паркового ансамбля, исследовался участок, на котором был заложен раскоп «усадьба-14» (рис. 1). В раскопе исследован культурный слой, относящийся к двум периодам раннего железного века (I–III и V–VI вв. н. э.), XVIII – началу XIX в., а так же к 1941 г. Раскоп площадью 144 кв. м размещался в прирвовочной части второй надпойменной террасы правого берега р. Воинка, левого притока р. Колодь (правого притока р. Москва), находившуюся на высоте 10 м над поймой реки. С юга к раскопу примыкал раскоп 2010 г. («усадьба-11»), примерно в 30 м к юго-западу размещался раскоп «усадьба-3», где располагался дом дворян Давыдовых-Бегичевых, разрушенный во время событий 24–25 августа 1812 г. (по старому стилю).

Раскоп располагался в западной части нынешнего парка Бородинской больницы (ранее – парк императорского дворца в с. Бородино), в 180 м к юго-западу от каменной церкви иконы Смоленской Божией матери, построенной в начале XVIII в. Постройка, интерпретированная как овин (яма 10), была вытянута по линии 3 – В, углублена в песчаный материк и имела прямоугольную форму с двумя небольшими выступами по сторонам к северу и югу (рис. 2; рис. 3). В этих выступах выявлены

ямы диаметром 10 и 15 см и глубиной 18–20 см, по одной в каждом выступе, относящиеся к столбовой конструкции северо-западной стены овина и оформляющие подлаз в овинную яму. Размеры котлована 4,9 x 3,9 м, глубина 2,0 м (рис. 4, 1–3).

Все слои, залегавшие в яме, полого спускались, согласно естественному уклону местности, к северо-западному углу ямы 10. По краям и дну ямы прослеживалась углистая прослойка (слой пожара) и прослойка темно-серой супеси, мощностью до 15 см. Выше – слои темно-коричневой и светло-коричневой супеси мощностью до 42 см с включениями углей, которые перекрывались слоем светло-коричневого суглинка. В северо-западном углу находился слой битого кирпича и кирпичной крошки мощностью 20–25 см. В плане эта прослойка имела округлую форму (возможно дренаж под парковые насаждения) (рис. 5).

Отсутствие в яме 10 материалов, связанных с Бородинским сражением (в отличие от ямы 44 раскопа «усадьба», куда были помещены останки убитых в сражении людей и лошадей), показывает, что овин был засыпан, как минимум, за несколько лет до 1812 г. А если учесть, что хозяйственные постройки такого типа часто горели, то период функционирования овина из раскопа «усадьба-14» ограничивается временем существования усадьбы на мысу Воинки, т.е. 1720-е годы – концом XVIII в.

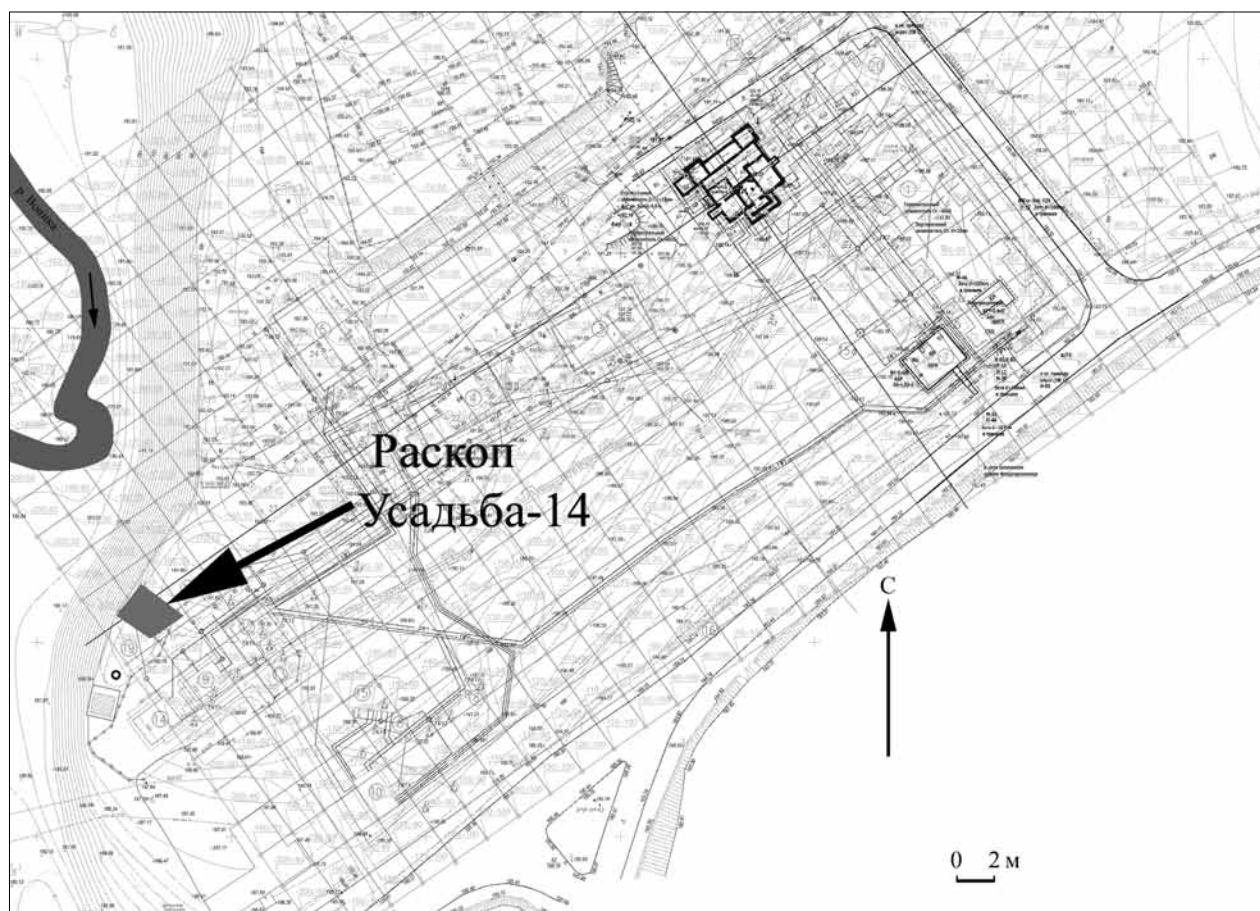

Рис. 1. Раскоп «Усадьба-14». Ситуационный план. Бородино. Раскопки 2011 г.

На стенках ямы 10 обнаружены следы глиняной обмазки (рис. 6). Прокаленная в процессе эксплуатации глина, вероятно, служила в качестве своеобразного термического экрана, обеспечивающего нагнетание необходимой температуры за более короткое время. На дне ямы в углистой прослойке (слое пожара), были обнаружены зерна, предположительно овса и ржи. Размер очажной ямы 90 x 80 см, на ее прокаленных стенках сохранились следы обмазки, на дне – слой золы толщиной до 20 см (рис. 7, 1, 2). Вероятно, овин сгорел ближе к концу сезона. Перед очажной ямой были обнаружены обломки кирпича со следами глиняного раствора, остатки кирпичной кладки, оформлявшей устье очага. Площадка под сруб, врезанная на 40 см в материк, восточным краем подходила к самому краю мыса.

В результате флотации почвенных проб из углистой прослойки взято девять образцов, исследование которых, проведенное П. А. Сутягиной (сотрудником лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН), позволило получить коллекцию археоботанических макроостатков. Основ-

ную часть коллекции (78,3%) составляют зерна и семена культурных растений; 20,7% – сорные растения; 1% – прочие обугленные макроостатки (см. табл. 1).

Среди культурных растений преобладает овес (*Avena sativa*) – 87,6%. В пробах присутствуют еще две зерновые культуры: рожь (*Secale cereale*) – 6,7% и ячмень (*Hordeum vulgare*) – 3,3%. Культурными из растений, найденными в пробах, являются также конопля (*Cannabis sativa*) – 1,7%, и лен (*Linum usitatissimum*) – 0,6%. Среди сорных растений преобладают семена вики (*Vicia sp.*) – 71,1%.

В заключении археоботанического исследования отмечено, что такое высокое содержание вики в скоплении злаков уникально, поскольку это растение не является специализированным сорняком зерновых культур и, как в скоплениях, так и в культурном слое встречается обычно в низких концентрациях. Обилие же и регулярность присутствия ее семян в данных образцах может быть вызвано тем, что от нагрева бобы быстро трескались и семена осыпались, что не характерно для сорных растений, принадлежащих к другим семействам.

Таблица 1. Структура археоботанических макроостатков (м.о.) в образцах.

№ образца	№ анализа	Культурные растения			Сорные	Прочие м.о.	Всего
		зерна и семена	неопр. фрагм.	мякина			
1	0.1	278	41	—	47	5	371
2	0.2	47	3	—	46	1	97
3	0.3	68	4	—	24	2	98
4	0.4	136	24	—	40	2	202
5	0.5	261	149	—	45	2	457
6	0.6	121	8	—	174	7	310
7	0.7	32	8	—	76	6	122
8	0.8	412	125	1	25		563
9	0.9	270	50	—	63	2	385
Всего		1625	412	1	540	27	2605
%		62,4	15,8	0,04	20,7	1,0	100

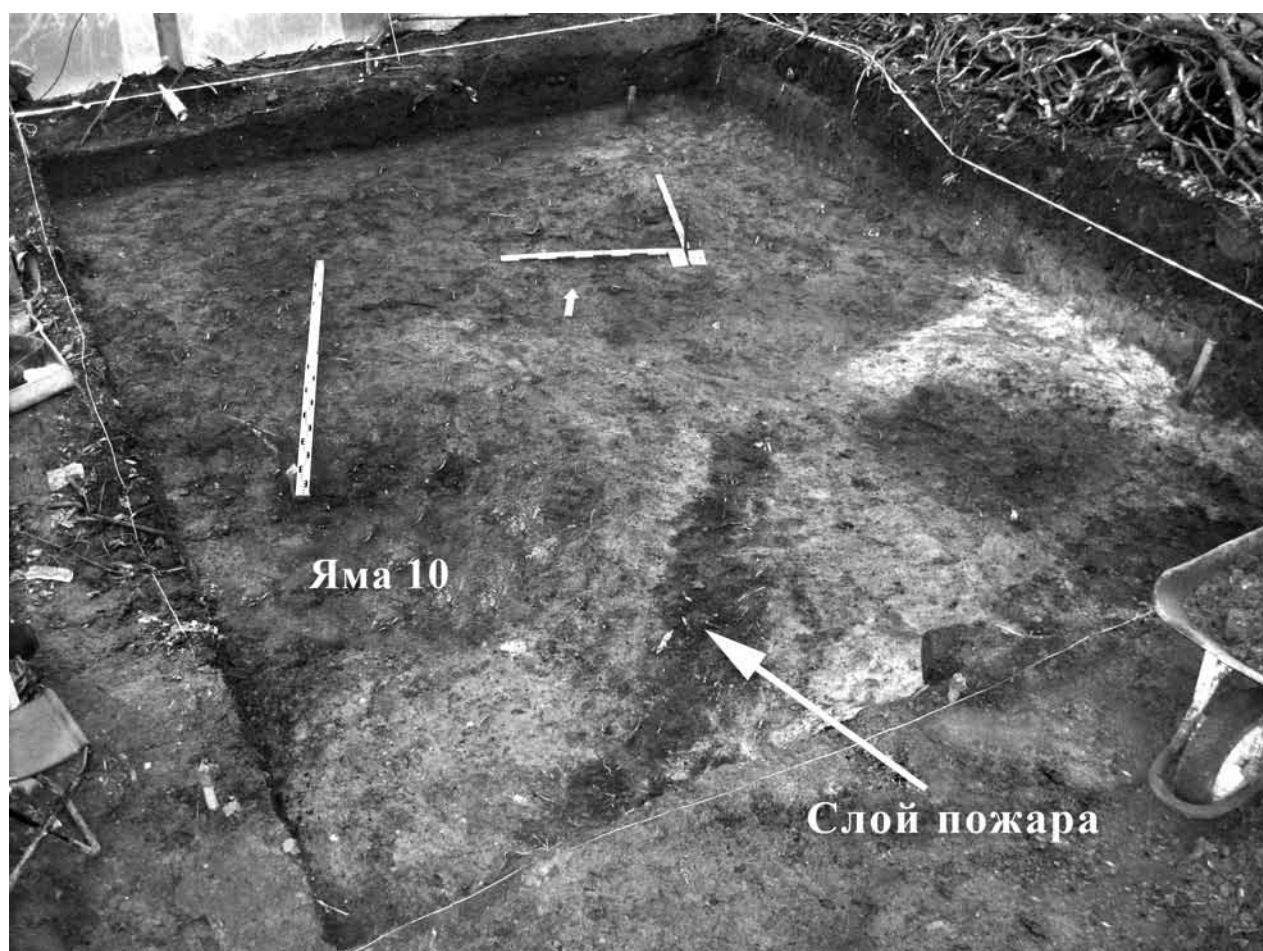

Рис. 2. Уровень выявления ямы 10 (овина) в раскопе «усадьба-14»

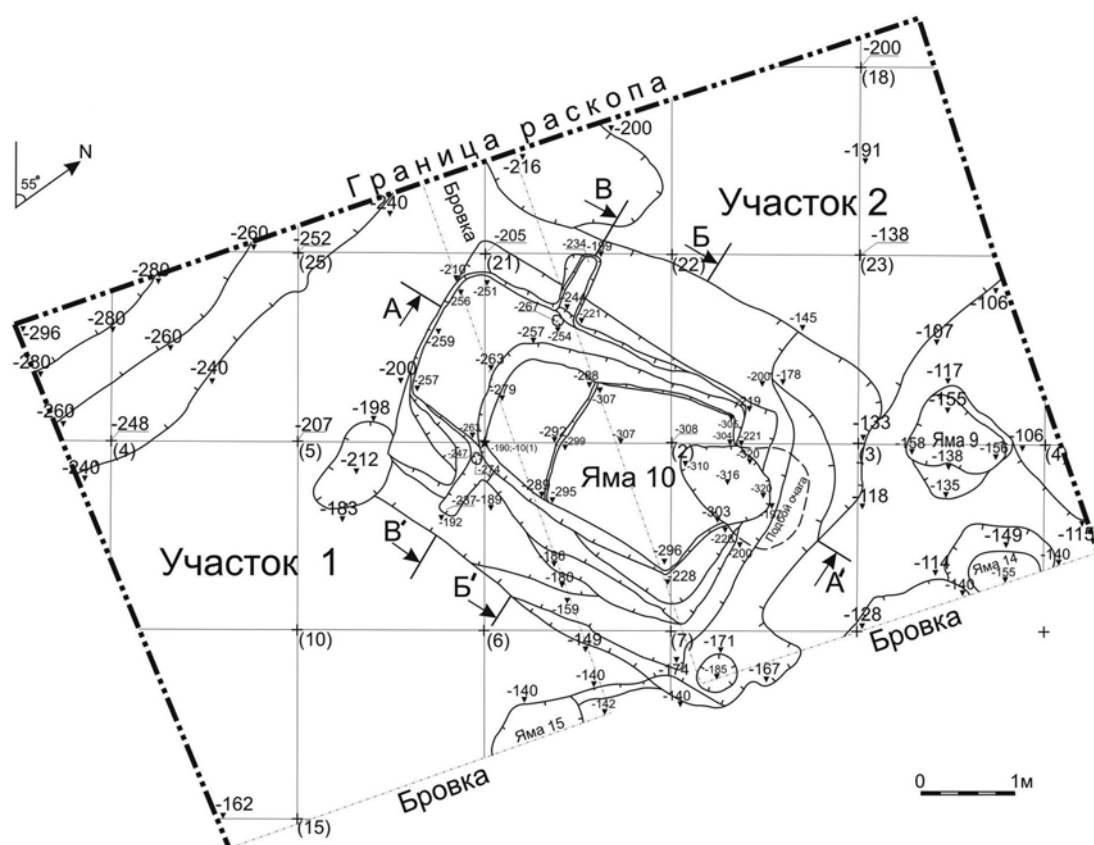

Рис. 3. Выбранная яма 10 (овин) на плане раскопа «усадьба-14»

Хозяйственные сооружения (овины), в археологии не подвергалась ранее детальному изучению. Публикации по данной теме отсутствуют. Косвенное упоминание овина имеется в описании селища Кожевники, располагающегося на территории Ивановской области (*Костылева, Уткин, 2006. С. 193*). Авторы сделали предположение о наличии овинов среди исследованных ям, относящихся к селищу XVIII в., получить более точную информацию из-за сильной распушки памятника не представилось возможным.

В этнографических источниках XVIII–XX вв. содержится ряд сведений, описывающих разновидности овинов, особенности их строительства в разных регионах Российского государства (*Гмелин*, 1771. С. 19), принцип работы и температурный режим при сушке зерна, влияние температуры на всхожесть семян, а так же сроки сушки, применявшиеся в разных регионах («*Ответы...*», 1767. С. 94). Об эволюции конструкций хозяйственных сооружений для сушки зерна, применявшихся в 1880-х годы в некоторых уездах Московской и Тверской губерниях, постройке печей в овинных ямах с целью уменьшения рисков пожара, отмечается в историческом и топографическом описании

городов Московской губернии с их уездами. Подробнейшее описание овинов, их внутреннего устройства, различий в хозяйственных сооружениях такого типа на Украине и Севере России, а так же любопытные сведения о народных поверьях и традициях, связанных с овином, содержатся в труде Д. К. Зеленина (1991. С. 73–77).

Овин – хозяйственное сооружение, предназначенное для просушивания снопов зерновых культур перед обмолотом. Он являлся важной составляющей в процессе сельскохозяйственных полевых работ, в сложных климатических условиях, препятствующих полному вызреванию зерна, а так же с целью уменьшения потерь урожая при его уборке и хранении. Овин входил в комплекс хозяйственных построек крестьянской усадьбы, включающих амбар, клуню, овин, повесть, пуню, хлев, а также баню. Строились овины и в городах, однако к XIX в., с развитием хлебной торговли и усилившейся дифференциацией сельского и городского труда они изжили себя (Рабинович, 1988. С. 94, 95). Эта постройка, как правило, выносилась на самую окраину, в связи с повышенной пожароопасностью.

Овины различаются конструктивно на верховые и ямные. Верховой овин – его наиболее

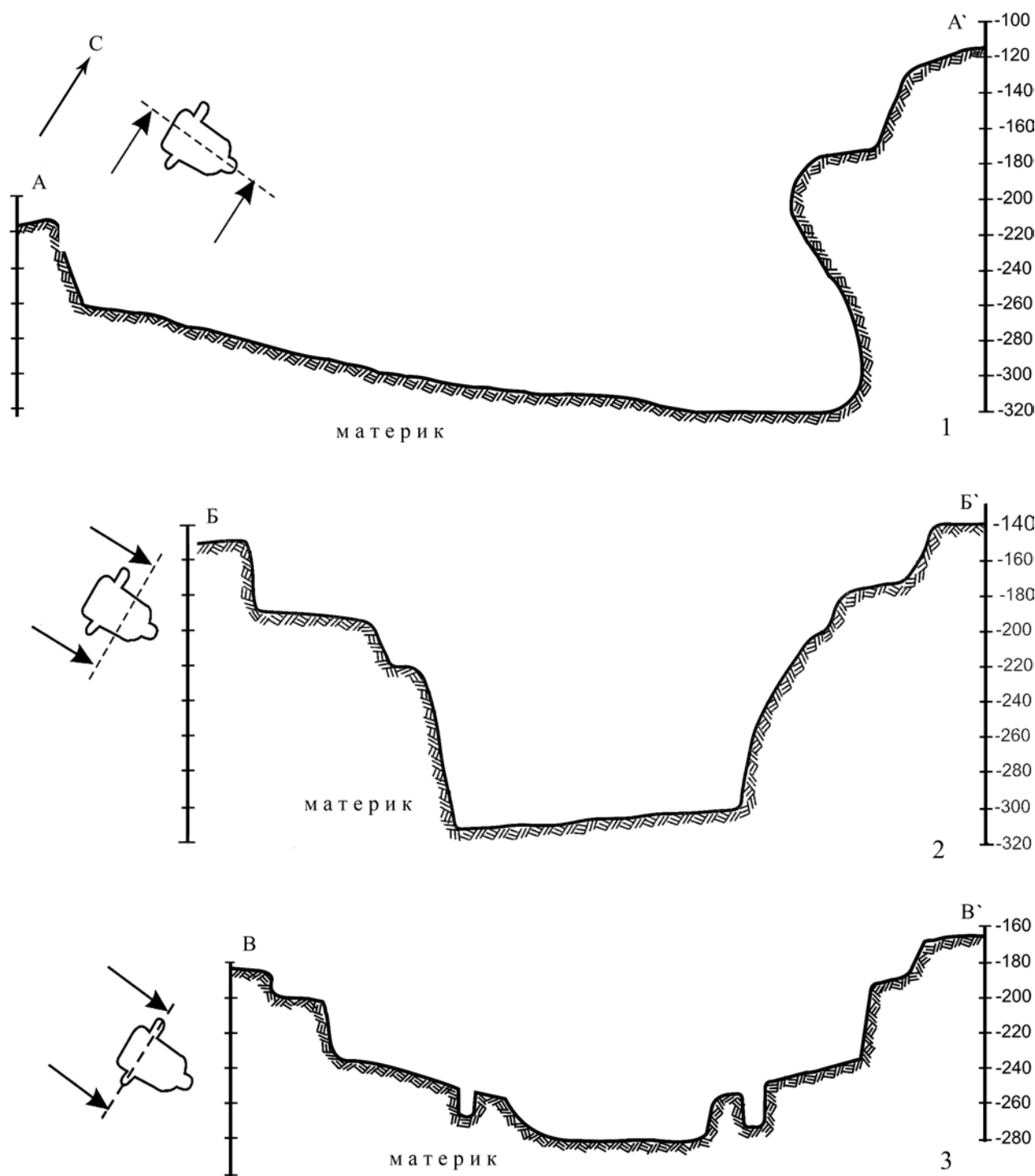

Рис. 4. Разрезы ямы 10 (овина). Раскоп «усадьба-14»
 1 – разрез по линии А-А'. Вид с юга; 2 – разрез по линии Б-Б'.
 Вид с запада; 3 – разрез по линии В-В'. Вид с запада

ранняя, простейшая разновидность – представляет собой яму глубиной 1,5–2,0 м, вокруг которой конусообразно устанавливают 6–12 жердей связанных сверху. В яме разводится костер, а вокруг жердей укладываются снопы колосьев внутрь. Такая форма овина называлась «шиш», и имела широкое

распространение на Средней Волге и в Восточной Сибири вплоть до начала XX в. (Зеленин, 1991. С. 74).

Ямный овин имеет более сложную конструкцию, состоящую из овинной ямы (подовина) и деревянной конструкции (сруба) над ней (садила).

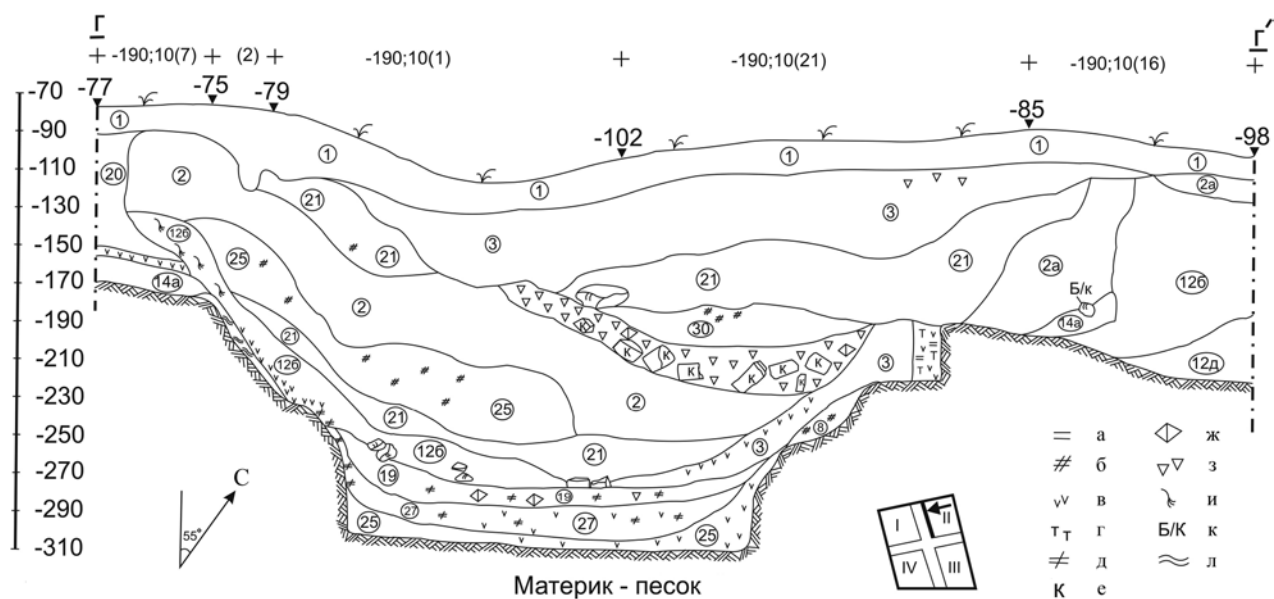

Рис. 5. Западный профиль ямы 10 (бровка). Вид с СВ. Раскоп «усадьба-14»

а – глина; б – известь; в – древесный уголь; г – тлен древесный; д – обожженная глина; е – кирпич; ж – битый кирпич; з – кирпичная крошка; и – корни; к – белый камень; л – прокаленный песок. 1 – парковый слой; 2 – светло-коричневый суглинок; 2а – перемещенная глина; 3 – серый суглинок; 8 – коричневый суглинок; 12б – серая супесь; 12д – пылеобразная золистая супесь; 14а – песок с мелким гравием; 19 – темно-коричневый суглинок; 20 – серый суглинок с прим. светло-коричн.; 21 – светло-коричневый суглинок с примесью серого; 25 – темно-коричневая супесь; 27 – светло-коричневая супесь; 30 – светло-серая супесь

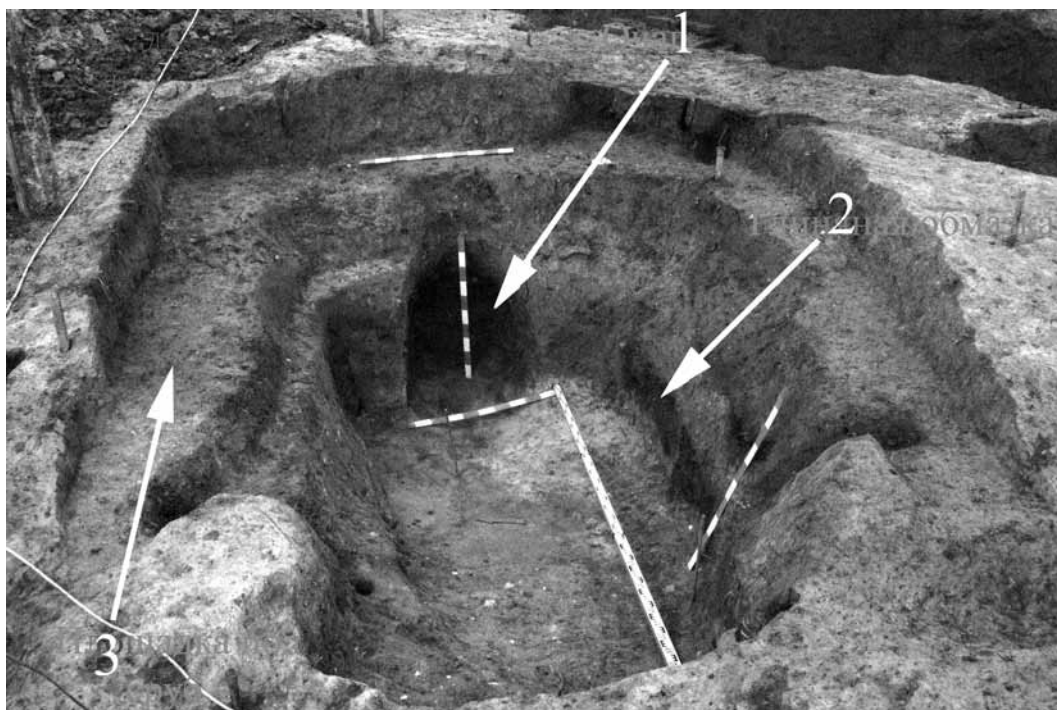

Рис. 6. Яма 10 (овин) выбранная

1 – очаг; 2 – глиняная обмазка; 3 – площадка под сруб.

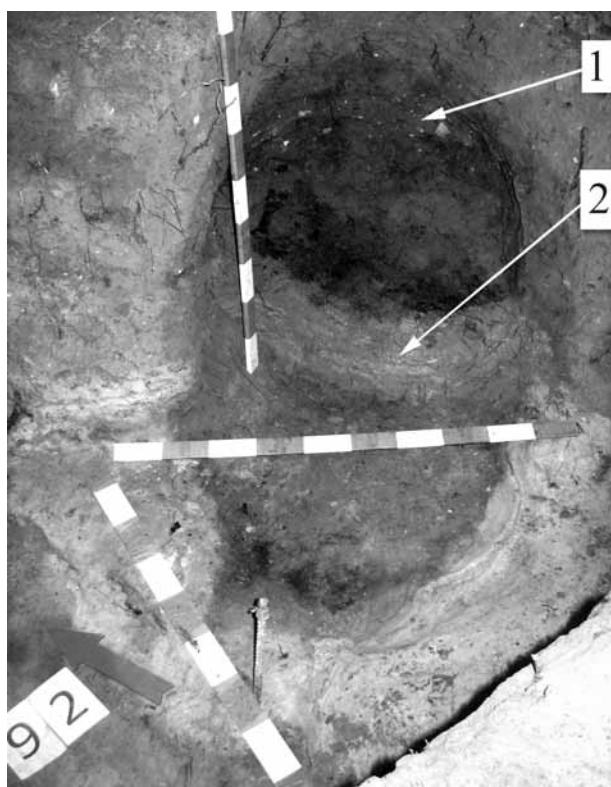

Рис. 7. Очаг овина, выполненный подбоем в северо-восточной стенке ямы 10 (см. цв. вкл.)
1 — следы глиняной обмазки; 2 — напластования золы.

Сруб перекрывался односкатной или двускатной тесовой крышей, в качестве кровли иногда использовали солому с жердями, потолка сруб не имел. По имеющимся этнографическим данным, известно внутреннее устройство сруба, внутри которого, на высоте около полуметра от пола, располагались специальные подвижные жерди (садило), на которые укладывали снопы для сушки (рис. 8). Одна из стен сруба имела два технических отверстия. Верхнее, большее по размерам — для помещения в овин снопов на просушку и извлечения уже просушенных («Русские», 1967. С. 107). В процессе сушки оно закрывалось досками, позднее специальной ставней. Нижнее оконце, меньшего размера, располагавшееся на уровне пола (пода) — использовалось в конце работы при уборке овина (Зеленин, 1991. С. 76). Подом в овине, отделявшим садило от подовина, служили доски или тонкие бревна, обмазанные глиной. С одной или двух сторон под не доходил до стенок сруба образуя щель, через которую горячий воздух с дымом проникал внутрь садилы, посредством чего производилась сушка снопов. Овинная яма имела глубину 150–210 см, ее длина была несколько больше длины сруба располагавшегося над ней, образуя так называемый подлаз, через который истопник мог проникнуть внутрь ямы, и через который осуществлялся постоянный

Рис. 8. Овин ямный. Музей деревянного зодчества в д. Михайлово Уренского района Нижегородской области

приток свежего воздуха к очагу, обеспечивая процесс горения дров. Ранние конструкции овинов не имели печи в нижнем ярусе, и длинные бревна жгли прямо на полу ямы. Позднее стали строить печи без трубы, которые топили корягами и пнями, дающими при сгорании большее количество тепла. Вероятно, переходным этапом в модернизации овинов являлись очаги, вырытые подбodem в противоположной от подлаза стенке овинной ямы. Устье очага могло оформляться кирпичом.

Овин затапливали рано утром. Процесс топки проходил до самого вечера под постоянным контролем старших в доме, после чего плотно закрывали все оконца. Высохшую рожь определяли по состоянию колосьев: если колоски расщепились, значит зерно хорошо просохло. Семенное зерно иногда сушили отдельно, при меньшей температуре – боялись, что зерно пересохнет и потеряет всхожесть. За ночь хлеб просыхал. С утра начинался его обмолот.

Основанием для интерпретации ямы 10 как овина послужили ее конструктивные особенности: наличие подъямника (подовина), площадки под сруб и очага, выполненного подбodem в стене подъямника, а так же на основании имеющихся этнографических данных. Сохранившийся

ямный овин XIX в., экспонируемый в музее деревянного зодчества в Нижегородской области, происходит из д. Михайлово Уренского района и является прямой аналогией бородинскому овину по его конструкции и размерам (рис. 8).

На раскопах «усадьба-2» и «усадьба-5» в 2010 г. была исследована яма 44 (на расстоянии 30 м к западу от усадебного дома), содержавшая остатки хозяйственной постройки (амбара?) с фундаментом из валунного камня на глиняном растворе. Сама постройка была деревянной, так как в верхней части фундамента были заложены деревянные лаги для его связи с верхней частью строения.

Таким образом, раскопки широкой площадью (исследовано около 2000 кв. м) на данном участке позволили найти не только остатки углубленных в землю частей жилых строений дворянских усадеб 1730–1740-х годов и конца XVIII в. – 1812 г., но и хозяйственные постройки, входившие в эти усадьбы.

Обнаружение комплекса дворянской усадьбы с хозяйственными постройками большая редкость. В данном случае мы имеем возможность оценить плотность построек, а так же наличие в комплексе усадьбы постройки откровенно крестьянской по принадлежности – овина.

Литература

Агапитов В. А. Сушка и обмолот зерновых в Южном Заонежье в конце 19 – начале 20 вв. (этнографические материалы) // Интернет-ресурс: <http://www.kizhi.karelia.ru>

Гмелин С. Г., 1771. Путешествия по России для исследования трех царств естества. Ч. I. СПб.

Зеленин Д. К., 1991. Восточнославянская этнография М.

Костылева Е. Л. Уткин А. В., 2006. Селище Кожевники «нового» времени на реке Уводь // Археология Верхнего Поволжья. М.

Максимов С. В., 1995. Куль хлеба и его похождения. М.

Рабинович М. Г., 1998. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.

Ответы по Переяславской провинции // Тр. ВЭО. Ч. VII. 1767.

Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. Бг. Бм.

Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

V. A. Zeifer, B. E. Yanishevsky

The barn of the Borodino estate (on the results of excavations of 2012)

Summary

The article focuses on the design of an eighteenth-century barn excavated at Borodino, Moscow Region. Crop-drying barns were common in central Russia. They helped to ripen the seeds of oats (*Avena sativa*), wheat (*Secale cereale*), and rye (*Hordeum vulgare*) that often was a necessity in cold Russian climate. The

barn also yielded evidence of growing *Cannabis sativa* and *Linum usitatissimum*.

Barns are rarely excavated, and the present authors proposed the first scientific reconstruction of a barn of this kind for central Russia.

А. А. Полюлях

К вопросу об атрибуции курительных трубок завода А. К. Гребенщикова в Москве

С легализацией курения в России Петром I в 1697 г., отменой всех запретов на продажу табака и наложением пошлины в пользу государства повседневным предметом быта стала курительная трубка. Для XVIII столетия это белоглиняные трубки западноевропейского производства с небольшой конусовидной чашкой с пяточным (иногда и боковым) клеймом завода и длинным стеблем (рис. 1)¹. Трубки декорированы точечной окантовкой по верхнему краю чашки и двумя зонами из зубчиков, кружков и надписей на стебле на некотором

расстоянии от чашки (рис. 1, 8, 12). Декор нанесен специальными металлическими накатками.

Несмотря на сведения о массовых находках в Москве в слоях первой половины XVIII в. фрагментов западноевропейских белоглиняных курительных трубок (Розенфельдт, 1968. С. 71. Табл. 19, 45–77), в коллекциях отдела археологии Музея Москвы насчитывается всего 23 чашки и 68 обломков стеблей, найденных в историческом центре города, в границах Садового кольца, в 1950–1990-х гг. В археологических фондах ГИМ, где также хранятся

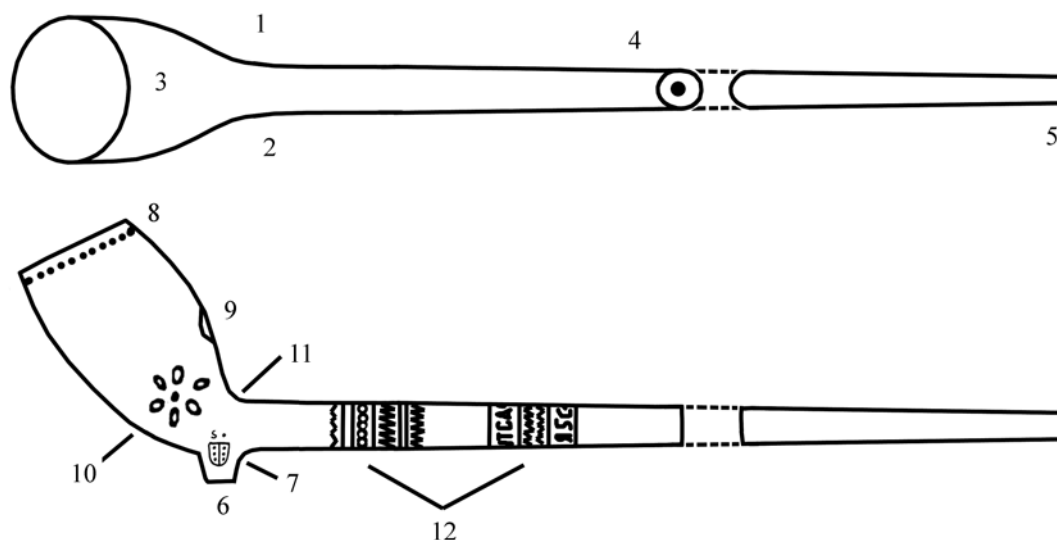

Рис. 1. Западноевропейская курительная трубка (названия частей трубки даны по М. Кюглеру)

1 – правая сторона; 2 – левая сторона; 3 – голова (чашка); 4 – стебель; 5 – мунштук; 6 – пятка; пяточное клеймо; 7 – боковая пяточная марка; 8 – окантовка; 9 – внутренняя марка; 10 – боковая марка; 11 – шея; 12 – декор стебля

¹ Используемый некоторыми зарубежными и отечественными авторами термин «голова», обозначающий конструктивную часть трубки для закладки табака, по мнению автора, не совсем соответствует ее функциональному предназначению. Более подходящим для определения емкости в данном случае является слово «чашка» (Kügler, 1987. S. 50–54; Зарубян, 1997).

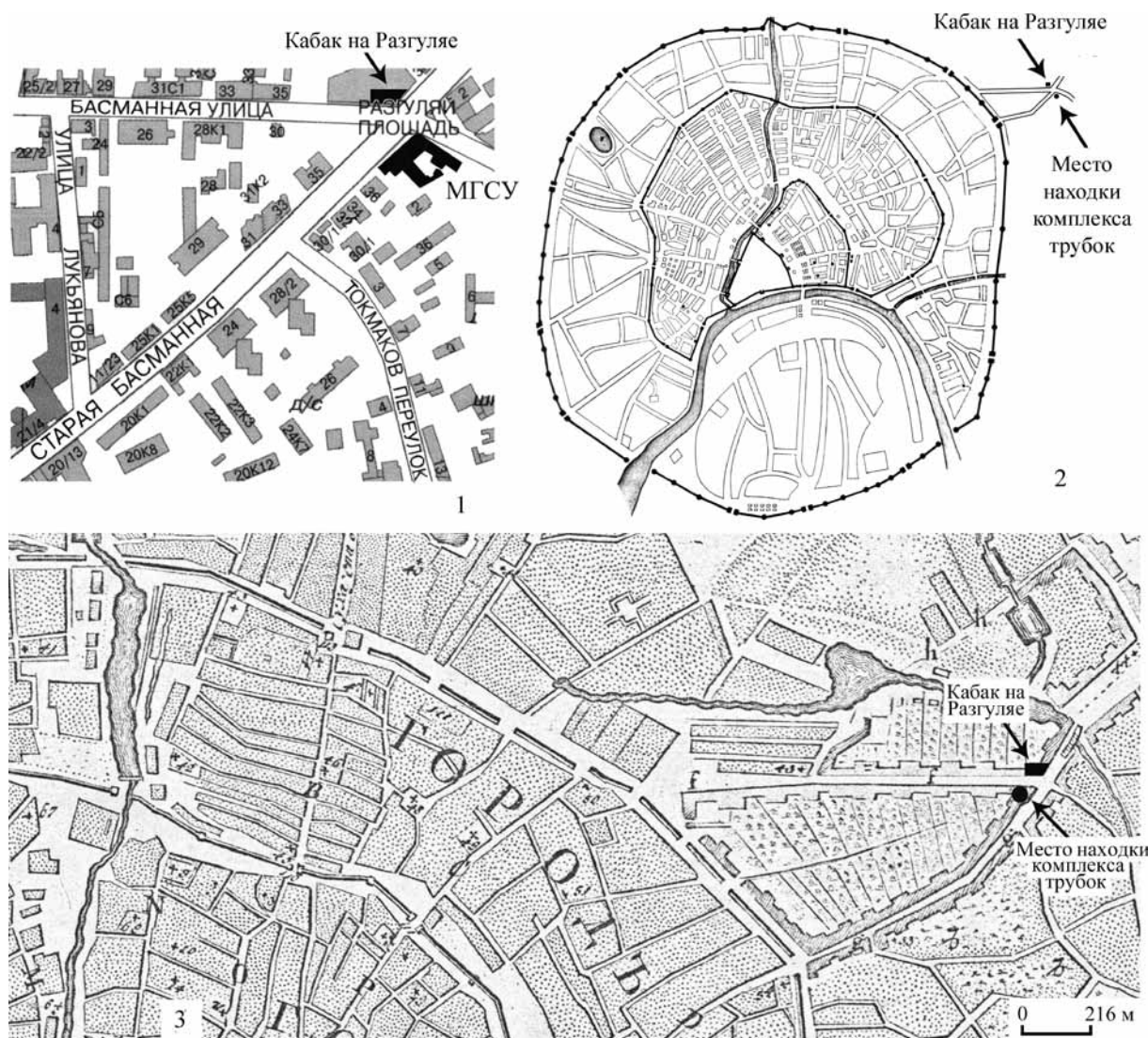

Рис. 2. Место находки комплекса фрагментов белоглиняных курительных трубок и расположение кабака на Разгулье
1 – на современном плане Москвы; 2 – на плане Москвы XVII в.; 3 – на плане Москвы 1739 г. архитектора И. Мичурина

коллекция находок из раскопок в Москве, их насчитывается не более 100 фрагментов, и еще 14 обломков находятся в собрании отдела стекла и керамики. В целом суммарная цифра находок западноевропейских белоглиняных курительных трубок на рассматриваемой территории, с учетом исследованного объема культурного слоя города, незначительна. Это объясняется тем, что при проведении археологических раскопок в Москве верхний слой Нового времени, XVIII–XIX вв. (мощностью 1,5–2,0 м), считался «балластом» и, зачастую, не являлся предметом археологического исследования.

В связи с этим следует отметить комплекс из 594 фрагментов западноевропейских белоглиняных курительных трубок, найденный в апреле 1974 г. во время «археологических наблюдений» при

проведения земляных работ, по-видимому, во внутреннем дворе дома № 38/2 по улице Старая Басманная (здание Московского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева; с 1993 г. – Московского государственного строительного университета), выходящего на площадь Разгуляй (рис. 2, 1). Об обстоятельствах его находки каких-либо сведений нет, кроме того, что ряд предметов, найденных вместе с ним, залегал на глубине 2,5 м. Вместе с обломками курительных трубок, судя по сведениям музейной «Описи находок при археологических наблюдениях в г. Москве. 1962–1978 гг.» (НВФ 15371/174), также был найден ряд предметов XVIII в.:

1) обломок рельефного полихромного изразца с крупным сине-желто-белым соцветием на бирюзовом фоне (рис. 3, 3), датируемый 80–90-ми

Рис. 3. Предметы, найденные вместе с комплексом фрагментов белоглиняных курительных трубок на улице Старая Басманная, д. № 38/2

1 – горшка цветочного белоглиняного мореного фрагмент; 2 – подсвечника белоглиняного лощеного фрагмент; 3 – изразца рельефного полихромного фрагмент; 4 – кувшин краснолощенный; 5 – изразец гладкий расписной полихромный; 6 – игрушка-лошадка (белоглиняная?); 7 – рукомыльник чернолощенный; 8 – изразец гладкий расписной полихромный (ГИМ № 1583); 9 – сосуд белоглиняный. (4, 6, 7 – рисунки из «Описи находок при археологических наблюдениях в г. Москве. 1962–1978 гг.».)

годами XVII – началом XVIII в. (Маслих, 1976. Илл. 130, 133, 134, 138, 147–150, 174);

2) изразец гладкий расписной полихромный второй половины XVIII в. (рис. 3, 5), рисунок оформления вокруг центральной фигуры которого

аналогичен (в зеркальном отображении) изразцу № 1583 (рис. 3, 8) из коллекции отдела керамики ГИМ (Маслих, 1976. Илл. 254);

3) сосуд белоглиняный овоидной формы на трех ножках (рис. 3, 9), найденный на глубине 2,5 м,

² Этот и следующие два предмета (рис. 3, 4, 6, 8) по неизвестным причинам не вошли в состав коллекции, которая в настоящее время хранится в Музее Москвы. Их изображения даны по рисунку из «Описи находок при археологических наблюдениях в г. Москве. 1962–1978 гг.» (НВФ 15371/174).

по форме тулова (высота 35 см, диаметр 31 см), толщине стенки (0,8–1,2 см) и почти плоско отогнутому венчику шириной 3,5 см близкий к цветочным горшкам. Изготовлен методом ленточного налеха и имеет неровную поверхность (аналогий ему нет);

4) игрушка-лошадка, по-видимому, белоглиняная (рис. 3, 6)², аналогичная московским красноглиняным ангобированным XV–XVI вв., но также и белоглиняным расписным второй половины XVIII в., выполненным в виде свистулек (*Розенфельдт*, 1968. С. 24, 47. Табл. 5, 24; 16, 18, 28);

5) рукомойник чернолощенный (рис. 3, 7) имеет носик-слив в виде головы лошади, характерный для рукомойников XVIII в. с туловом-горшком, рифленным в верхней части (*Розенфельдт*, 1968. С. 36–37. Табл. 13, 7, 8, 11);

6) кувшин краснолощенный (рис. 3, 4) с округлым туловом на поддоне и венчиком, с одним широким и тремя небольшими валиками под ним (*Розенфельдт*, 1968. С. 56. Табл. 19, 11);

7) часть подсвечника белоглиняного лощеного (рис. 3, 2), относящегося к стандартному типу подсвечников XVIII в. с вертикальным стержнем с гнездом для свечи в верхней части, отделенным дисковидным воротничком, конически переходящим в поддон-блюдец (*Розенфельдт*, 1968. С. 47. Табл. 16, 7);

8) фрагмент горшка цветочного белоглиняного мореного (рис. 3, 1), имевшего коническое тулово, прямой венчик с плоским верхним краем и одним или двумя уплощенными наплывными валиками с внешней стороны, а также накладные кольца в верхней части. Такие горшки гжельского производства бытовали в Москве в XVIII в. (*Полюлях*, 2010. С. 346. Рис. 12, 1, 2, 9, 14; *Векслер*, 1988. Илл. 33. Табл. 5, 7).

Улица Старая Басманная (до 1730 г. просто Басманная) получила название по находившейся у Земляного города Басманной слободе, где в 1679 г. было 113 дворов. Через нее проходила старая Стромынская дорога, по которой из Кремля царь Михаил Федорович ездил в село Рубцово (Покровское), а позднее царь Алексей Михайлович и Петр I в Преображенское (*Сытин*, 1958. С. 674, 676). От Басманной до Елоховской слободы лежала незастроенная до конца XVII в. территория, где, как писал живший в Москве в 1670–1673 гг. уроженец Курляндии Якоб Рейтенфельс, «бросается в глаза своею величиною деревянное строение – громадная царская житница и многие другие, поменьше, особенно же хлебные склады для войска, а также несколько питейных домов или кабаков» («Иностранцы...», 1991. С. 351).

В первой половине XVIII в., с ростом Москвы территория вдоль Старой Басманной улицы активно застраивалась (рис. 2, 3). В начале 1740-х годов на месте, где был найден комплекс курительных трубок, находился двор купца А. Фомина («Переписные книги...», 1885. Стб. 37. № 124), а позднее – архитектора А. П. Евлашева. В 1776 г. двор перешел к Мусиным-Пушкиным, сразу начавшим его перестройку.

На противоположной стороне от двора купца А. Фомина, на площади Разгуляй, находился известный в Москве кабак, или «фартинная питейной прибыли изба», существовавший здесь уже в 1670-х годах, о чем сообщал Якоб Рейтенфельс (рис. 2, 2). О нем упоминает также и посетивший Москву в 1678–1682 гг. чешский путешественник Бернард Л. Ф. Таннер. Описывая «Немецкий город, или Кукуй», он указывает, что «перед этим городом есть у них общедоступное кружало (кабак), славящийся попойками» («Иностранцы...», 1991. С. 399).

Факт существования в Москве, в Белом городе кабаков «для пива, меда и водки» отметил еще в 1630-х годах Адам Олеарий. К началу 1670-х годов они уже находились за чертой города и, судя по записям Таннера, подобных кабаков было несколько: «У них принято отводить место бражничанью не в самой Москве или предместье, а на поле, дабы не у всех были на виду безобразия и ругань пьянчуг. У них ведь обыкновенно тот, кого разберет охота позабавиться с женщинами да по пьянствовать, уходит за город в ближайший кабак суток на двое или на трое» («Иностранцы...», 1991. С. 318, 351, 399).

Комплекс курительных трубок включает 184 чашки, 410 обломков стеблей (в том числе 274 – без декора, 129 – с зоной декора в виде накатки из колец) и семь фрагментов мундштуков. Судя по непропорциональному соотношению обломков трубок и их чистому, без следов закопченности, состоянию, комплекс является выбросом лома, образовавшимся, по-видимому, в процессе торговли или личного использования. Все чашки трубок одинаковы и относятся к подтипам «d», «e», «f» по Д. Х. Дуко, датируемым 1700–1740 гг. (*Disco*, 1982. Р. 111).

Трубки изготовлены из беложгущейся глины, но имеют характерный желтый оттенок не только по внешней поверхности, но и в изломе (рис. 4, 1). Отдельные фрагменты (9 единиц) отличаются темно-серым цветом с желтыми прожилками (рис. 4, 2–4). На внешней поверхности некоторых чашек отмечены трещины и разрывы, вызванные

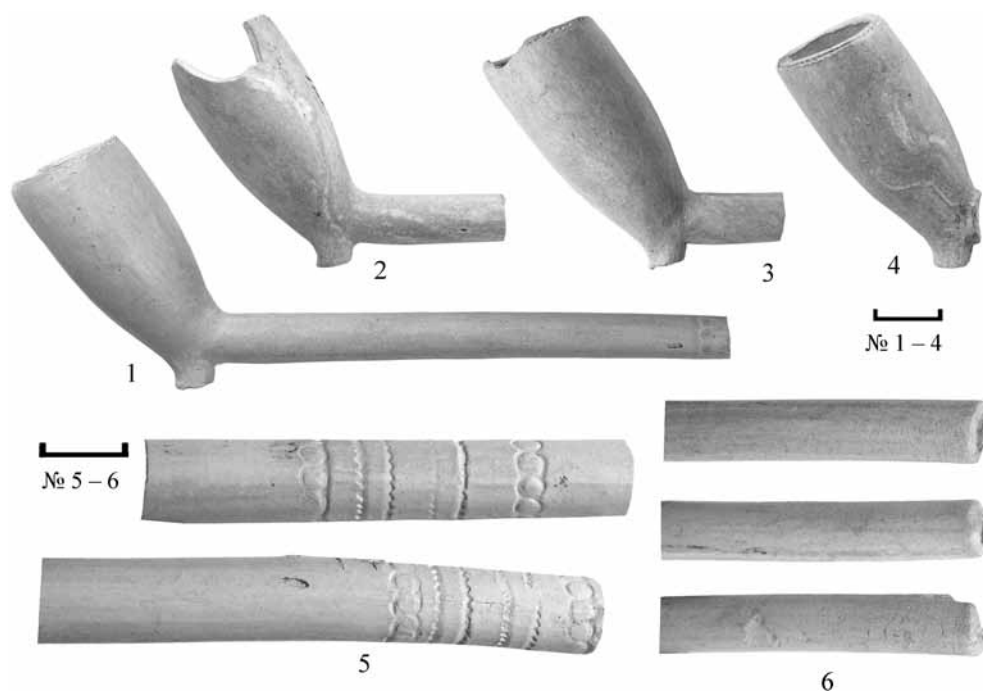

Рис. 4. Фрагменты белоглиняных курительных трубок из комплекса, найденного на улице Старая Басманная д. № 38/2 (см. цв. вкл.)

1–3 чашки с фрагментом стебля; 4 – чашка; 5 – фрагменты стеблей с накаткой; 6 – мундштуки

крупинками кварцевого песка, попавшими в формовочную массу.

При изготовлении трубки не ложились, их поверхность неровная, с видимым формовочным швом (особенно на стеблях). По оси стебли имеют заметную продольно-поперечную кривизну, которая иногда также отмечается и на стеблях западноевропейских трубок. Следует отметить и встречающиеся плохо сформованные или срезанные пятки у чашек трубок, нечетко поставленные клейма на них. Трубки декорировались точечной окантовкой по верхнему краю чашки и зоной шириной 2 см из четырех поясков (линия колец – две линии зубцов – линия колец), нанесенных по окружности стебля, на расстоянии 7,5–8,0 см от чашки (рис. 4, 3, 4, 5). Декор наносился по сырой глине до обжига специальными металлическими накатками. Мундштуки имеют на конце по окружности конический срез (рис. 4, 6).

Все чашки трубок имеют пяточное клеймо в виде аббревиатуры из двух кириллических букв «МГ»

(рис. 5, 1). Боковые клейма на чашках трубок отсутствуют.

Несмотря на большое количество найденных чашек и обломков стеблей, целую форму трубки восстановить не удалось. Промеры диаметров стеблей показали, что они имели коническое сужение от чашки к мундштуку: у основания чашки диаметр стебля имел максимальное значение – 7,5 мм, а на срезе мундштука минимальное – 4,6 мм. Таким образом, путем сопоставления диаметров отдельных фрагментов стеблей трубок удалось установить первоначальную длину целого стебля. Она составляла 39 ± 1 см. Вариации длины стебля связаны с формовкой трубок в двух-трех разных формах, имевших некоторые размерные отличия.

Исходя из названных особенностей, найденный комплекс фрагментов курительных трубок относится к российскому, а не западноевропейскому производству. В первой половине XVIII в. трубки с Разгуляя могли быть изготовлены только на единственном в России и находившемся в Москве заводе

³ В дальнейшем «фабрику» А.К. Гребенщикова мы будем называть заводом – общим понятием действующего производства любой формы: мастерская, мануфактура или фабрика. Фабрикой же обычно называют расширенное производство, оснащенное двигателем, со значительным, более 100, количеством рабочих. Следует отметить, что в XVIII–XIX вв. термины «завод» и «фабрика» применялись и к мануфактурам, и к мелкотоварным предприятиям (мастерским). Не только в источниках, но и научной литературе порой одно и то же производство называется то заводом, то фабрикой, что не совсем корректно, так как эти понятия относятся к определенным формам производства.

Рис. 5. Пяточное клеймо чашки курительной трубки из комплекса, найденного на улице Старая Басманная, д. № 38/2

1 – фото и прорисовка; 2–3 – посудные клейма завода А.К. Гребенщикова (по А. Б. Салтыкову)

купца гостиной сотни А. К. Гребенщикова, открытым в 1724 г. и имевшем официальное название «Ценинная и табачных трубок фабрика»³. Располагался завод А. К. Гребенщикова на восточной окраине Москвы, в Алексеевской слободе «за Яузскими воротами, за Земляным городом», в приходе церкви Мартына исповедника на Алексеевской улице. Археологические исследования и наблюдения на этом месте не производились. Производственная деятельность завода А. К. Гребенщикова впервые рассматривалась Н. В. Вольфом (1906). Более подробное исследование было проведено А. Б. Салтыковым, уделившим основное внимание производству майоликовой посуды (Салтыков, 1952).

В первой трети XVIII в. завод А. К. Гребенщикова являлся первым и единственным керамическим производством в России: в ведомостях промышленных заведений за 1727 г., составленных Мануфактур-конторой, нет других сведений ни о казенных, ни о частных фарфоровых или фаянсовых мануфактурах (Вольф, 1906. С. 12, 13). До 1739 г. завод А. К. Гребенщикова выпускал только курительные трубки и печные изразцы, а с 1739 г. и майоликовую посуду.

В общей сложности в XVIII в. в Москве и Санкт-Петербурге, где в первую очередь распространилось курение и был спрос на курительные трубки, и где при участии частного капитала могли быть открыты производства по их изготовлению, существовало 24 гончарных завода, занимавшихся в основном изготовлением печных изразцов («Заводы...», 1984. С. 65–69). Но точных данных об этом сегодня нет.

Таким образом, аббревиатуру из кириллических букв «МГ» на пяточном клейме найденных трубок следует относить к заводу А. К. Гребенщикова и можно прочесть как «Мануфактура Гребенщикова» или «Москва Гребенщиков». Наиболее вероятно первое прочтение. Клейма, определенные А. Б. Салтыковым как принадлежавшие заводу А. К. Гребенщикова, известны на посуде (Салтыков, 1952. С. 28. Рис. 1, 2, 7). Это две аббревиатуры – «МФАГ» и «РМФАГ» (рис. 5, 2, 3), которые, по мнению А. Б. Салтыкова, читаются как «Московская фабрика Афанасия Гребенщикова» и «Русская мануфактура фабриканта Афанасия Гребенщикова».

Следует отметить, что до открытия завода А. К. Гребенщикова в 1724 г. в Москве дважды предпринимались попытки организовать производство глиняных курительных трубок. Первым наладил их изготовление на своем дворе житель Немецкой слободы седельный мастер Андрей Венцель (Hendrick Ventzel). Его производство действовало непродолжительное время, в период с 1710 по 1715 г. Оно не было зарегистрировано и действовало без разрешения, поэтому в 1715 г., при его вдове, было закрыто, а инструменты и продукция конфискованы. Второе трубочное производство, уже имея необходимое на то разрешение, пытался организовать в 1715–1718 гг. трубочный и ценинный мастер Арист Грунефельд (Ernst Grunefeld), но, видимо, из-за недостатка средств, безуспешно. После чего все конфискованные у Андрея Венцеля инструменты были возвращены его вдове – Саре Венцель для производства – уже

на законных основаниях – курительных трубок (Ковригина, 1998. С. 206, 207). Было ли возобновлено Сарой Венцель производство курительных трубок, неизвестно. По-видимому, не имея необходимых средств, или по другим причинам, она это сделать не смогла.

Поэтому, в виду отсутствия подобного производства в стране и при наличии спроса на курительные трубки, 25 мая 1724 года Мануфактур-коллегия издает специальный указ, в котором «... разсуждая о цениной всякой посуде, которая делается из белой глины и вывозится в Россию из других государств, а в России такая белая глина находится, из которой имеется надежда, что можно делать в России всякую цениную посуду и табашные трубки, понеже, как видно, что во многих местах крестьяне от неискусства делают из той глины простую белую посуду...». Далее было приказано «в Москве публиковать с барабанным боем и в пристойных местах выставить билеты» о том, что «ежели кто пожелает оного художества завести фабрики и в помянутых местах, где она белая глина имеется, делать цениную всякую посуду и табашные трубки добрым мастерством, применяясь против заморского, и оные б явились в Мануфактур-коллегию, которым дана будет е. и. в. привилегия и в вывозе мастеров для дела той посуды и трубок ученич вспоможение» (Салтыков, 1952. С. 6).

10 июня 1724 г. А. К. Гребенщиков подал в Мануфактур-коллегию челобитную с намерением «завести фабрику своим коштом... и на оной делать из российской глины ценинную всякую посуду и табашные трубки и ценинные изразцы и плитки применяясь противу заморской». Разрешение на открытие своего производства он получил уже 23 июня (Салтыков, 1952. С. 7, 8). Следует отметить, что изготовление курительных трубок на заводе А. К. Гребенщикова было налажено вышеназванным трубочным и ценинным мастером Аристом Грунефельдом, который в документах 1724 г. был назван Арсентом Кронфельтом, в виду частого в то время искажения имен и фамилий иностранцев. По-видимому, от А. Кронфельта к А. К. Гребенщикову попали инструменты Андрея Венцеля, бывшие у его вдовы. Это могли быть те инструменты для изготовления трубок, которые перечислены А. К. Гребенщиковым в рапорте 1725 г.: «медных форм – 6, трубочных станков железных – 4, обрезавательных ножей – 6, катков и клейм стальных – 6, набалдашников стальных – 6» (Салтыков, 1952. С. 9, 10). Если это так, то на заводе А. К. Гребенщикова выпускались трубки,

аналогичные западноевропейским, завозившимся в Россию в начале XVIII в. Их форма была взята за основу еще Андреем Венцелем в 1710 г. и попала к А. К. Гребенщикову через А. Кронфельта.

Характеристика сырья, его подготовка и технология изготовления курительных трубок на мануфактурах в Голландии в XVIII в. была описана в одном из выпусков естественно-научного журнала «Магазин натуральной истории, физики и химии, или Новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающее в себе важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление премногих из них во врачебной науке, в экономии, земледелии, искусствах и художествах», издававшимся в 1788–1790 гг. Московским университетом. Выпуски журнала включали переводы отдельных статей из трех французских энциклопедических словарей: «Словаря естественной истории» Бомара («Dictionnaire d'Histoire Naturelle par M. de Bomare») 1764–1781 гг., «Физического словаря» Сиго де ла Фона («Dictionnaire de Physique par M. Sigaud de la Fond») 1781 г. и «Химического словаря» Миккера («Dictionnaire de Chimie par M. Macquer») 1778 г.

Сырьем для изготовления курительных трубок являлась «земля трубочная или глинистая. Это земля мягкая, вязкая и легкая, гладкая для прикосновения; ее легко обделывать можно на токарном станке, когда она намочена; она получает белый цвет от огня. Бывает разных цветов. Серая употребляется для делания фаянса, беловатая употребительна для делания курительных трубок... Голландцы долго славились тем, что они одни знали способ, как приготовить трубочную землю».

Изготовление трубок в Голландии осуществлялось на мануфактурах, «где работало триста мастеров и больше трех тысяч работников», и где «одна курительная трубка переходит через руки двадцати двух работников, прежде, нежели будет совершенно отделана». Мануфактура, как производство со связанными между собой технологическими процессами, основанное на систематическом разделении труда и специализацией рабочих, при котором использовались и некоторые вспомогательные механизмы (мельницы, толчеи и т. п.), с количеством наемных рабочих более 10 человек и без участия в непосредственном производстве ее владельца, многократно повышала производительность труда и объем выпускаемых изделий, в сочетании с их низкой себестоимостью и более высоким качеством.

Технологический процесс изготовления трубок состоял из трех этапов: подготовка глиняной

массы, формовка и обжиг, с разделением на ряд отдельных операций. «Приготавливают землю, растворяя ее некоторым образом в воде, перепускают через сито, сделанное из медной проволоки, сливают воду и остаток или, лучше сказать, подсед, есть род теста, которое месят, сбивая его непрестанно. Вот работы мужчин. А работа женщин состоит в следующем: оне, взяв сие земляное тесто, катают его и дают ему грубый вид курительной трубки; другая пробивает сей каток длинною медною иглою; потом кладут ее в форму, сделанную из желтой меди с шарниром или смыком; тогда то округляют ее стель, пробивают самую трубку медным цилиндром. Сия трубка, будучи выглажена, высушена, варится (обжигается. – А. П.) потом через четырнадцать часов в печи, которая имеет внутри вид конуса. На сии трубки бросают другие разбитые и превращенные в песок, которые служат им вместо бани во время варения» («Магазин...», 1788. С. 36, 37).

Мануфактуры, производившие курительные трубки в Европе, имели специальные инструменты и оборудование, представленное в немецком издании «Искусство ручной работы в рисунках» (*Sprengel, Hartwig, 1777. Tab. IV.*) В их состав входили: рабочий стол, или «стан» (рис. 6, б), двусоставная форма для оттиска трубки и игла (рис. 6, а), поддон для обжига трубок в печи и печь для обжига (рис. 6, в, г) и некоторые другие приспособления и инструменты (рис. 6, 1–3, 5). По-видимому, об аналогичных инструментах для изготовления трубок, перечисленных выше, сообщал А. К. Гребенщиков в рапорте 1725 г.

Производство курительных трубок на заводе А. К. Гребенщикова поначалу было небольшим. В одной мастерской на двух рабочих местах – столах («станах»), на каждом из которых производился, по-видимому, полный цикл изготовления трубок до обжига, работало пять человек: сам А. Кронфельт с помощником и три ученика. Им были обучены рабочие, один из которых – Спиридон Политов, житель Кадашевской слободы – возглавил трубочное производство в 1725 г. (А. Кронфельт умер в 1724 г.). Изготавливались трубки двух видов: обычные длинные и короткие (матросские).

К концу 1725 г. трубочное производство было переведено в новое отдельное помещение и расширено: число рабочих мест увеличилось с двух до пяти, работали мастер и восемь рабочих. В 1727 г. производство трубок осуществлялось на шести рабочих местах семью рабочими. К 1731 г. производство трубок было перестроено уже иначе: всего на одном рабочем месте делал трубки один мастер и шестеро рабочих, из которых

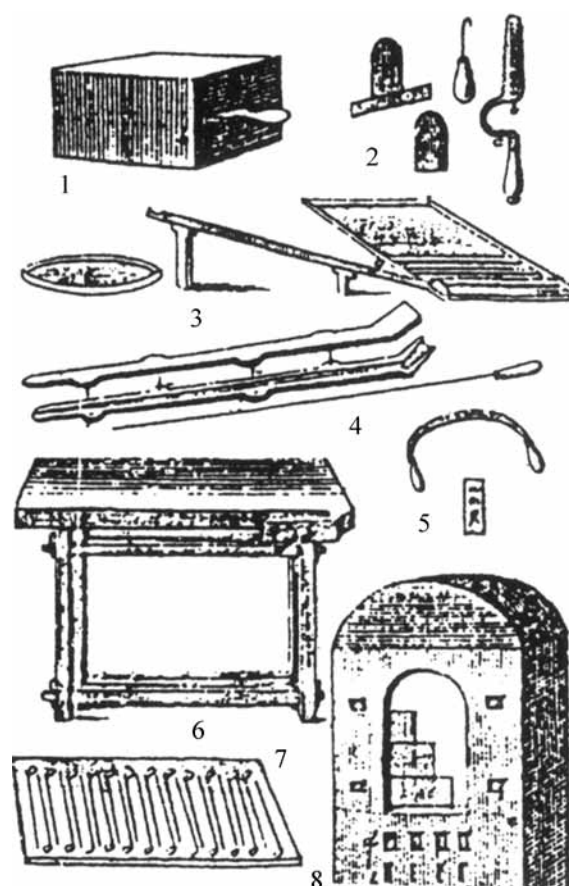

Рис. 6. Инструменты и оборудование трубочного производства (по: Sprengel P.N., Hartwig O.L. *Handwerke und Künste in Tabellen. 9. Sammlung.* Berlin, 1777. Tab. IV)

трое готовили глину, один «катал рулки», один обреза сформованные мастером трубки и один обжигал их в печи. Каждый выполнял теперь только одну операцию, что должно было повысить производительность труда и качество изделий. Такая организация трубочного производства сохранялась и в 1740–1744 гг. (Салтыков, 1952. С. 11, 13, 16).

Следует отметить, что изменения в количестве рабочих мест и числе рабочих, участвовавших в изготовлении трубок, видимо, было связано с медленной реализацией готовой продукции. Этим объясняется временное сокращение или приостановка производства этого вида изделий, что можно проследить по данным таблицы 1 (Салтыков, 1952. С. 10, 13, 16, 17, 23).

В мае 1748 г. дом А. К. Гребенщикова и деревянные постройки завода были уничтожены пожаром. Но уже в следующем, 1749 г., было восстановлено производство посуды, а к 1751 г. и производство курительных трубок (Салтыков, 1952. С. 17, 23).

Источником сырья для производства курительных трубок и посуды могла быть Гжель, где

находились необходимые для этого залежи беложгущихся глин. И факт оглашения указа именно в Москве косвенно свидетельствует о том, что Мануфактур-коллегия, по-видимому, имела в виду месторождение глин Гжельской волости Московской губернии, где местные крестьяне занимались гончарным производством. Не случайно позднее, в конце 1744 г., А. К. Гребенщиков по запросу управляющего кабинетом императорского двора барона И. А. Черкасова, занимавшегося организацией фарфорового завода в Санкт-Петербурге, составил первое краткое описание гжельских глин и предоставил их образцы (Вольф, 1906. С. 380. Прим. 41). В том же 1744 г. А. К. Гребенщиков сопровождал в Гжельскую волость для осмотра мест разработок и отбора проб глин Д. И. Виноградова и Х. К. Гунгера, приглашенного в Россию в качестве знатока фарфорового производства, а в последующие годы занимался снабжением гжельскими глинами императорского фарфорового завода в Санкт-Петербурге (Салтыков, 1956. С. 14).

Несомненно, наладивший производство трубок А. Кронфельт знал технологию приготовления формовочной массы и внедрил ее на заводе А. К. Гребенщикова: обломки найденных стеблей и чашек трубок имеют в изломе плотную равномерную мелкозернистую структуру, что указывает на отмучивание глины и достаточно хороший обжиг. Но, в отличие от западноевропейских, трубки, изготовленные из белой гжельской гончарной глины, имели после обжига желтый оттенок, а иногда и слоистую желто-серую фактуру стенок чашек (рис. 4, 1–4). На этот недостаток указывалось в договоре на поставку Московской табачной таможне курительных трубок, заключенном в январе 1726 г. в Акцизной конторе: делать трубки А. К. Гребенщиков обязывался «из чистых белой и синей глин применяясь против заморского мастерства и лутче показанных от него в Камор-Конторе проб» (Салтыков, 1952. С. 10). Желтоватый цвет характерен и для фарфоровых изделий Д. И. Виноградова, составлявшего фарфоровые массы на основе гжельской глины «песчанки-черноземки», которую мог также использовать А. К. Гребенщиков для производства трубок.

В последующие годы качество трубок, изготавливаемых по-прежнему из гжельских глин, не улучшилось. Поэтому в 1738 г. по заданию А. К. Гребенщикова в Сибирь была отправлена поисковая группа из четырех человек «для изыскания потребных к фабрике и деланию ценинной посуды и трубок материалов», т. е. белой глины.

А. К. Гребенщиков, видимо, знал о белой оренбургской глине, из которой позднее, в 1752 г., Д. И. Виноградову удалось получить фарфор чисто белого цвета, но доставка этой глины в Москву была трудным и дорогим делом. Продолжая выпускать трубки из гжельской глины прежнего качества, А. К. Гребенщиков в 1742 г. получил указание Мануфактур-коллегии о необходимости выписать «к той ево фабрике из голландии или откуда способного ценинного и *трубочного* мастера (курсив мой. – А. П.)», который «в делании ценинной посуды и *трубок* имел совершенное искусство (курсив мой. – А. П.)» (Лихачева, 1972. С. 178). Но нанять такого мастера из Европы стоило бы для А. К. Гребенщикова больших затрат, поэтому указание не было выполнено. В 1745 г. он получил из Мануфактур-коллегии предупреждение, что «ежели впредь усмотрено будет трубки худой работы... за то штрафовать быть имеет непременно...» (Лихачева, 1972. С. 178, 179).

Хорошее качество трубок мог дать глуховский каолин, который впервые был использован для изготовления фарфора на фабрике Михаила Волкова в г. Севске в 1765 г. (Лихачева, 1972. С. 169). Использовалась ли глуховская глина в 1760–1770-х годах для изготовления трубок на фабрике наследников-сыновей А. К. Гребенщикова – не известно. Документальных свидетельств об этом нет.

Продавать трубки А. К. Гребенщиков должен был Московской табачной таможне, а также в «австериях и на фартеных». Так, в Москве они продавались в Каменномостном питейном дворе. Трубки могли продаваться и в Санкт-Петербурге, где бывал А. К. Гребенщиков (Салтыков, 1952. С. 10, 26). По договору с Акцизной конторой 1726 г. оптовая цена трубок составляла 40 алтын (1 руб. 20 коп.) за грош (Салтыков, 1952. С. 10). Учет их производился в немецкой единице счета – гроше («gross»), который равнялся 12 дюжинам, или 144 штукам (Салтыков, 1952. С. 10; Зарубян, 1997. С. 94). При такой оптовой цене стоимость одной трубки составляла 0,8 копеек, или две денги. В розничной продаже ее цена могла возрасти минимум до 3–4 денег, или 1,5–2 копеек, что делало трубку в 1720-е годы недешевым товаром. Цена трубки и неширокое еще распространение курения могли, по-видимому, стать причинами того, что вся продукция, произведенная в 1724–1725 гг., не была продана и представлена в отчете 1727 г.

В целом, производство трубок, судя по рапортам А. К. Гребенщикова в Мануфактур-коллегию о состоянии завода, было значительным

Таблица 1. Количественное соотношение изготовленных и проданных курительных трубок по отчетам А. К. Гребенщикова (*Салтыков*, 1952. С. 10, 13, 16, 17, 23).

Год	Изготовлено		Продано		Цена за 1 грош	Остаток	
	грошей	штук	грошей	штук		грошей	штук
1724–1725	1510?	217440?	–	–	1 р. 20 коп.	1510?	217440?
1727	500	72000	200	28800	60 коп.	300	43200
1741	50	7200	50	7200	60 коп.	–	–
1744	120	17280	64	9216	80 коп.	56	8064
1746	250	36000	20	2880	70 коп.	230	33120
1751	400	57600	150	21600	60 коп.	250	36000

и явно превышающим спрос: почти всегда оставалось непроданным больше половины изготовленного количества (табл. 1). Это свидетельствует о нешироком распространении курения в Москве в первой половине XVIII в.

Следует отметить, что в декабрьском отчете 1725 г. указано, что за прошедших полтора года было изготовлено очень большое количество трубок – 1510 грошей, или 217440 штук (табл. 1). Но если суммировать выработку завода за два-три любых последующих года, она никогда не достигала этой цифры. По-видимому, в отчете 1725 г. А. К. Гребенщиковым допущена ошибка, и реальная выработка трубок заводом составляла не 1510, а 510 грошей.

В следующем 1727 г. оптовая цена за один грош трубок была снижена в два раза и составила 60 копеек. Но и при этом продано было меньше половины изготовленных трубок. В последующие годы оптовая цена, хотя немного и повышалась, но в основном держалась на уровне 20 алтын (60 копеек) за грош, т. е. стоимость одной трубки составляла уже полкопейки, или 1 денгу. В розничной продаже, при условии двухкратного увеличения оптовой цены, трубка могла стоить копейку и становилась более доступным приобретением для различных слоев населения Москвы, состоявшим в 1730-е годы из трех основных сословных групп: дворяне и разночинцы, приказные, военные и духовенство – 43%; крестьяне и дворовые – 39% и купцы, мещане и ремесленники – 17%. («История Москвы», 1953. С. 307). В то же время, для основной категории посетителей кабаков – мануфактурных рабочих – трубка стоила недешево. Так, в 1750-е годы за копейку в Москве можно было купить, например, один из трех видов продуктов питания: 615 г ржаной муки, 1,3 кг солонины или 60 г коровьего масла. Заработная плата мануфактурного рабочего, например, ткача на суконной фабрике составляла в день 3 копейки,

что обеспечивало лишь его сносное существование (*Прохоров*, 1984. С. 166).

О дневной выработке трубок можно приблизительно судить исходя из оценки самого А. К. Гребенщикова, сообщенной им в 1725 г. в Мануфактур-коллегию. Согласно записи, завод мог производить «табашных трубок» 200 грошей, или 28800 штук в год (*Салтыков*, 1952. С. 10). Исходя из этой годовой выработки и при 271 рабочем дне в году (без учета 34 церковных и 10 общегосударственных праздников в России, до 1917 г. являвшихся выходными нерабочими днями, а также с учетом воскресных дней) дневное производство трубок составляло 106 штук.

Доля прибыли от производства и продажи курительных трубок в общей массе изделий, включающей к тому же печные изразцы, расписные плитки и майоликовую посуду, доходила примерно до половины только в первые 5–10 лет и составляла в 1727 г. 43,7%. В последующие годы, по мере роста производства дорогой майоликовой посуды, это значение значительно упало и составляло в 1741 г. – 4,6%, 1744 г. – 15,3%, 1746 г. – 1,9%, 1751 г. – 2,2%, что в среднем не превышало 6% (*Салтыков*, 1952. С. 10, 13, 16, 17, 23).

После смерти А. К. Гребенщикова в 1757 г. завод перешел к его старшему сыну Петру, который владел им до 1761 г. В 1761 г., после раздела имущества, владельцем завода становится младший сын А. К. Гребенщикова – Андрей. При нем положение завода ухудшилось, и с 1772 г., видимо, по решению Сената, он был передан коллежскому асессору Козьме Матвееву (*Салтыков*, 1952. С. 26, 27), а в 1774 г. – Савве Яковлеву, при котором и был закрыт. Произошло это, по всей вероятности, в 1779 г., т. к. последние данные о нем датируются 1778 г. (*Лихачева*, 1972. С. 172, 173).

Последнее из известных документальных упоминаний об изготовлении курительных трубок

Рис. 7. Посудные клейма завода Ф.Я. Гарднера (по Н.В. Черному) и изделия «Невской порцелиновой мануфактуры» (11–14)

1–3 – 1766–1780-е годы; 4–5 – 1775–1780-е годы; 6–7 – 1780-е годы; 8–10 – 1780–1785-е годы; 11 – кружка с крышкой, 1750-е годы; 12 – чашка, 1749 г.; 13, 14 – фаянсовая курительная трубка и ее пяточное клеймо трубки

на заводе А.К. Гребенщикова относится к 1751 г. Выпускались ли трубки в последующие годы, не известно. Так, в Ведомости Мануфактур-коллегии за 1773 г. на «ценинной» фабрике коллежского асессора Козьмы Матвеева было изготовлено «сервизов, фигур, статуй и проч. [на] 906 рублей 55 коп.» (Чулков, 1788. Т. VI. Кн. III. С. 641). Хотя в этом кратком сообщении трубки не упоминаются, но их производство, по-видимому, продолжалось в связи с распространением курения в России, особенно после издания Екатериной II указа от 31 июля 1762 г. о восстановлении свободной продажи табака (ПСЗ, 1830 б. С. 38. № 11630).

Технология изготовления курительных трубок могла быть заимствована у А.К. Гребенщикова и Д.И. Виноградовым, который, помимо посуды, занимался их производством в 1740–1750-е годы на «Невской порцелиновой мануфактуре» (с 1765 г. – Императорский фарфоровый завод). Упоминание фарфоровых и фаянсовых трубок есть в описи различных изделий, оставшихся после его смерти в 1758 г. Д.И. Виноградов дважды, в 1744 и 1749 гг., приезжал из Санкт-Петербурга в Москву для обследования мест копки глины в Гжельской волости, был лично знаком

с А.К. Гребенщиковым и, по-видимому, бывал у него на заводе. А.К. Гребенщиков в 1746 г. также посылал для работы к Д.И. Виноградову в Санкт-Петербург двух своих квалифицированных рабочих: формовщика и точильщика (Безбородов, 1950. С. 142, 195, 198, 354–356).

Производство трубок, «гладких, голландского типа, и фигурных, резных», продолжалось на «Невской порцелиновой мануфактуре», видимо, и в последующие годы (Уханова, 2009. С. 46). Трубки «голландского типа», атрибутированные как «виноградовские» или Императорского фарфорового завода, в музейных коллекциях не известны. В собрании Эрмитажа находятся две короткие курительные трубки, изготовленные из схожей с фаянсом массы серо-желтого цвета (рис. 7, 13) (Уханова, 2009. С. 16. Ил. 12). От обычных западноевропейских трубок они отличаются не только цветом массы, но и рельефным декором в виде растительных побегов с листьями по стеблю, нижней части чашки и пяточному выступу, выделенному белой поливой. Белой поливой покрыто две трети чашки и мундштук стебля. Поверхность стебля, на котором выполнен рельефный декор, имеет мелкое продольное рифление до пяточного

выступа, а нижняя часть чашки и шея покрыта плотным рельефом из точек. Весь рельефный декор, по-видимому, не накладной, а был вырезан в форме. Нанесение такого декора с покрытием белой поливой могло быть вызвано недостаточной белизной массы и необходимостью скрыть это таким удачным образом, придав трубке более привлекательный вид. На пяточном выступе нанесено вдавленное в массу клеймо с двумя латинскими заглавными буквами «GO» в круге из точек (рис. 7, 14).

Атрибутировать эти курительные трубки по форме, декору и клейму пока не удалось, аналогов им нет. В связи с этим допустимо предположение об их отечественном производстве в середине XVIII в. в «виноградовский» период на «Невской порцелиновой мануфактуре». Декор курительных трубок стилистически сходен с посудным декором мануфактуры этого времени, где доминирующим элементом является виноградная лоза с крупными листьями и гроздьями (рис. 7, 11, 12). Работая над составами фарфоровых масс на основе гжельской глины «песчанки-черноземки», Д. И. Виноградову не всегда удавалось получить чисто белый, а не желтоватый цвет поверхности фарфоровых изделий. Пожелтение фарфора было вызвано повышенным содержанием соединений железа в примесях к глине (Безбородов, 1950. С. 294). По-видимому, не лучше были результаты и с фаянсовой массой, из которой изготовлены описанные трубки.

Курительные трубки производились и на заводе Ф. Я. Гарднера в «сельце Вербилки» Дмитровского уезда Московской губернии, начавшем работу в 1769 г. Производились они, по-видимому, в начальный период работы завода, о чем есть сведения в документах Мануфактур-коллегии за 1769 и 1779 гг. (Черный, 1970. С. 24, 30). Сам Ф. Я. Гарднер, прибывший в Россию в 1746 г. и зарегистрированный в Коммерц-коллегии в Санкт-Петербурге как лесопромышленник, не являлся специалистом керамического производства и не мог наладить ни производство глиняных курительных трубок, ни посуды из фарфора. К тому же, судя по документам, у него не было и иностранных специалистов, которые обычно специально регистрировались и получали особые привилегированные условия. Иностранцы, надзиратель Мейснер и художник И. Кестнер, не специалисты по технологии керамики, появляются на заводе только в 1773 и 1775 гг. соответственно (Черный, 1970. С. 22). Организовать трубочное производство на заводе Ф. Я. Гарднера могли сыновья А. К. Гребенщикова – Петр и Андрей.

Андрей Гребенщиков находился в 1766 г. в долгой тюрьме «за несостоянием его оплате казенных денег 3103 рубля 71½ копейки», значительной по тем временам суммы, но был отпущен на поруки. Его поручителем мог являться Ф. Я. Гарднер, имевший значительный капитал и вложивший в создание своего завода 23 тысячи рублей (Черный, 1970. С. 28, 250, прил. 3). Он был заинтересован в выплате задолженности А. Гребенщикова в казну с целью получения необходимого для производства специалиста. Петр Гребенщиков из-за огромного штрафа на имущество, наложенного по решению Сената, с 1764 г. скрывался в течение пятнадцати лет (Салтыков, 1952. С. 26). Он мог также находиться и работать у Ф. Я. Гарднера. Известно о проживавших в поселке при заводе в Вербилках, в домах на первой улице, образованной при основании завода, нескольких современных семейств с фамилией Гребенщико́вы, предки которых, по их сведениям, работали на заводе с его открытия (Черный, 1970. С. 25). Можно предположить, что они являются прямыми потомками Петра или Андрея Гребенщикова.

В 1779 г. завод Гарднера получал белую глину (каолин) для изготовления фарфора из г. Глухова Черниговской губернии (Черный, 1970. С. 32). По-видимому, эта глина использовалась, помимо посуды, и для изготовления курительных трубок, с чем связана их довольно высокая цена – от 25 коп. до 1 руб. 50 коп., по сведениям за 1769 г. В то же время, их выпуск был невелик – всего 165 штук (Черный, 1970. С. 250, прил. 3).

Трубки завода Ф. Я. Гарднера в музейных собраниях не известны. Не производились и археологические исследования на месте, где находился завод. Во второй половине XVIII – начале XIX в. в Европе продолжали производиться воронкообразные по форме трубки (Disco, 1982. S. 27 f), которые ввозились в Россию. Трубки аналогичной формы, по-видимому, производились и на заводе Ф. Я. Гарднера.

Изготавливая трубки, Ф. Я. Гарднер, по Сенатскому указу об уплате таможенных пошлин от 13 марта 1744 г., должен был, как и А. К. Гребенщиков, ставить на них клеймо своего завода. Клеймо должно было быть выполнено в виде «... литеры Российские, чьей именно фабрики и в котором городе деланы...» (ПСЗ, 1830 а. Т. 12. С. 41–45. № 8895.). Посудные клейма завода Ф. Я. Гарднера 1769–1780-х годов, рисованные синим цветом, под- и надглазурные, известны трех вариантов (рис. 7, 1–10): скрещенные мечи, заглавная кириллическая буква «Г», заглавная

английская буква «G» (*Черный*, 1970. С. 240, 241). В сочетании с первым и вторым вариантами иногда оттискивалась шестиконечная звездочка.

Несмотря на производство курительных трубок А. К. Гребенщиковым, Ф. Я. Гарднером и Императорским фарфоровым заводом, их ввоз в Россию из Европы в XVIII в. не прекращался. Сведения о привозе «трубок табашных глиняных» из Амстердама, Лондона, Данцига, Бордоу (Бордо?) и Любека приводит М. Д. Чулков в «Росписи всем и всякого звания товарам российской коммерции» без указания даты источника (*Чулков*, 1788. С. 222). По-видимому, работая в Коммерц-коллегии, автор использовал документы 1770–1780-х годов, но не позднее 1788 г., то есть периода подготовки и издания своего экономического труда «Историческое описание российской коммерции».

Таким образом, найденный у площади Разгуляй комплекс курительных трубок следует атрибутировать как изделия московской «Ценинной и табачных трубок фабрики» купца гостиной сотни А. К. Гребенщикова, на что указывает рассмотренная выше совокупность документальных данных и ряд характерных признаков трубок: цвет формовочной массы, пяточное клеймо, кривизна стебля и т. п.

При организации производства трубок на заводе А. К. Гребенщикова была применена западно-европейская технология их изготовления с использованием в качестве сырья белых глин Гжельской волости, из которых позднее производилась и майоликовая посуда. Впоследствии эта технология, по-видимому, была перенесена при Д. И. Виноградове на «Невскую порцелиновую мануфактуру», а затем и на завод Ф. Я. Гарднера. Производство курительных трубок вышеуказанными заводами не покрывало потребности рынка и, в первую очередь, таких городов, как Санкт-Петербург и Москва, в связи с чем ввоз трубок в Россию из Европы в XVIII в. производился постоянно.

Следует отметить, что в рассмотрении трубочного производства завода А. К. Гребенщикова остается еще ряд вопросов, требующих дополнительных как архивных, так и археологических исследований. Во-первых, необходимо проведение археологических раскопок на месте нахождения завода А. К. Гребенщикова в Москве и завода Ф. Я. Гарднера в Вербилках. Во-вторых, следует выявить весь комплекс документов в фондах РГА-ДА и РГИА г. Санкт-Петербурга.

Литература

Безбородов М. А., 1950. Д. И. Виноградов – создатель русского фарфора. М. – Л.

Векслер А. Г., 1988. Отчет об археологических раскопках Гжельского селища в Раменском районе Московской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14409, 14410.

Вольф Н. В., 1906. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904. СПб.

Зарубян Н. М., 1997. Об истории распространения белоглиняных курительных трубок в Санкт-Петербурге. // Тр. Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 2. СПб.

Заводы гончарные и изразцовые XVIII–XIX вв. М., 1984. (Тр. ГИМ. Вып. 58).

Иностранцы о древней Москве. М., 1991.

История Москвы. Т. 2. М., 1953.

Ковригина В. А., 1998. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М.

Лихачева Д. М., 1972. К истории зарождения частных фарфоровых фабрик в России. // Тр. НИИХП. Вып. 6.

Магазин натуральной истории, физики и химии. Ч. III. М., 1788.

Маслих С. А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Переписные книги города Москвы 1737–1745 гг. Т. 6. Переписная книга 1745 г. М., 1885.

ПСЗ. Т. XII. СПб., 1830 а.

ПСЗ. Т. XVI. СПб., 1830 б.

Полюлях А. А., 2010. Предметы быта усадьбы Черная Грязь (по материалам раскопа 5 в Царицыно) // АП. Вып. 6. М.

Прохоров М. Ф., 1984. Отходничество крестьян в Москву в третьей четверти XVIII в. // Русский город. Вып. 7. М.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1–34. М.

Салтыков А. Б., 1952. Первый русский керамический завод. М.

Салтыков А. Б., 1956. Майолика Гжели. М.

Сытин П. В., 1958. Из истории московских улиц. М.

Уханова И. Н., 2009. Курительные трубки. XVIII – начало XX века. Фантазия и курьез в мелкой пластике. СПб.

Черный Н. В., 1970. Фарфор Вербилкок. М.

Чулков М. Д., 1788. Историческое описание российской коммерции. Т. 1–7. Кн. 1–22. СПб.

Duco D. H., 1982. Marken van Goudse pijpenmakers. 1660–1940. Lochem.

Kügler M., 1987. Tonpfeifen. Ein Beitrag zur Geschichte des Pfeifenbackerhandwerks in Deutschland.

Quellen und Funde aus dem Kannenbackerland. Höhr-Grenzhausen.

Sprengel P. N., Hartwig O. L., 1777. Handwerke und Künste in Tabellen. 9. Sammlung. Berlin.

A.A. Poliuliakh

The attribution of smoking pipes made at A.K. Grebenshchikov's factory in Moscow

Summary

A complex of 594 fragments of white-clay smoking pipes of Western European type was found in 1974. They were attributed as made at A.K. Grebenshchikov's factory functioning in Moscow in 1724–1779.

They were produced by using Western European technique of white clays of the Gzhel district later used for making majolica tableware.

Л. И. Федорова, В. А. Ткаченко, В. В. Федоров

Феномен калужской поливной керамики XVIII–XIX веков

«Ремесло – это мелкое ручное производство, базой которого служат простые орудия труда и личное мастерство. Городское ремесло, сосредоточенное в каждом отдельном случае на узкой территории, включало в себя все возможные отрасли; непрерывную работу и постоянный поиск нового рождали заботу о кадрах, сохранении и накоплении знаний, именно городское ремесло является создателем и хранителем информации, генератором новых технических идей и решений. В эволюции городского ремесла раскрываются внутренние факторы его развития, его энергетический и информационный потенциал» (Щапова, 1988. С. 175).

В работе А. Ф. Шафонского (1851) есть упоминание, что на украинских ярмарках в 80-е годы XVIII в. продавалась «горшечная посуда из Калуги». Дальность ярмарок и понятные трудности с доставкой товара позволяют предполагать существование особого рода такой «горшечной посуды». В 1970-х гг. при сносе домов в «Гончарной слободе» города Калуги были впервые зафиксированы фрагменты поливных кувшинов и другой поливной продукции. Собранный материал найден в исторической части города, районе бывших изразцовых заводов. Комплексы керамических гончарных заводов располагались возле бывшего Девичьего монастыря, на Подоле у Зеленого Крупца (завод Хотунцовых), на Жоринке возле бывшей церкви Ильи-пророка (современная улица Кутузова и 1-й Красноармейский переулок) – заводы Кушинниковых, Ланеевых, Жориных, Свешниковых. В конце теперешней улицы Салтыкова-Щедрина – завод Рыжовых; на бывшей Молотковской улице (совр. ул. Дзержинского) – заводик Кобелева; на бывшей Полевой улице (ныне ул. Космонавта Волкова) – изразцовый

заводик Карасева (Днепровский-Орбелиани, 2006. С. 12).

Художник и краевед А. Н. Коняшин сделал много для сохранения материальных памятников изразцового искусства Калуги. Ему принадлежит заслуга в выявлении и сохранении нетрадиционных изделий, изготовленных на изразцовых заводах. В 1973 г. во время сноса старых домов по улице Кутузова (№№ 4–8) и рытья котлованов под здание прокуратуры и народного суда был обнаружен старый комплекс гончарного производства. Коняшин, сохраняя образцы извлеченных из этого комплекса изделий и брака, отделил фрагменты и целые изделия, нетрадиционные для изразцовых заводов.

В 1977 г., во время земляных работ в Жоринском переулке, ковш экскаватора наткнулся на глубине более метра на два гончарных сводчатых горна, сложенных из брускового кирпича. Вблизи были обнаружены ямы, забитые черепицей, изразцами, чернолощеными и красными черепками (Сухотский, 1977). А. Н. Коняшин пополнил коллекцию поливной посуды.

В 1978 г. при строительстве Дома Советов им же были открыты засыпанные развалины еще одного калужского завода: «горн для обжига изразцов и керамических изделий, склад готовой продукции старинного гончарного завода» (Днепровский, 1978). При расчистке остатков этого завода обнаружены многочисленные фрагменты и брак бытовой поливной расписной посуды. Материалы этих находок составили основу коллекции нетрадиционных изделий изразцовых заводов Калуги в собрании А. Н. Коняшина. Специалистам Музея ремесла, архитектуры и быта посчастливилось познакомиться с этой коллекцией и сделать отдельные фотоснимки. К настоящему времени мы

исследовали более 200 фрагментов и целых поливных калужских изделий из частных коллекций.

По наблюдениям калужских краеведов, на территории так называемого Старого посада, ограниченного с юга рекой Окой, с востока – Спас-Жировским оврагом, а на западе примыкающего к территории бывшего Калужского кремля, проходила улица Гончарная, или Горшечная (совр. ул. Первомайская) – центр Гончарного производства города. В первом «Топографическом описании Калужского наместничества» упоминается 10 кафельных заводов города («Топографическое...», 1785. С. 21). Несомненно, что изразцовое искусство стало давней традицией династии Кушинниковых и испытало творческое воздействие с их стороны. Владелицей одного из заводов была купеческая жена Пелагея Прокофьевна Кушинникова. Она владела заводом в 1785 и в 1841 гг. (ГАКО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 7.). Кушинников Савва имел кафельное производство и в 1788 г. был избран ремесленным головой. В 1788 г. у него был работником Кушинников Артемий и ученики – Ламачкин Василий Максимович, Воротынцев Афанасий Трифонович, Ларионов Тит Карпович, Ларионов Филипп Карпович, Малютин Никон, Масолитинов Петр, Овсянников Федор, Сучкин Николай (ГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 20). Кушинникова Мария Саввишна владела кафельным заводом в 1806 г. (ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 189; Ф. 62. Оп. 1. Д. 508); Александр Саввич – в 1828 г., а Герасим Саввич – в 1861 г. (ГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 24, 26). Кушинников Дмитрий Иванович владел кафельным заводом в 1800 г., а Кушинникова Татьяна Денисовна – в 1800, 1822 и 1832 гг. (ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 50).

Другая династия мастеров изразцового дела – Рыжовы. Наследуя изразцовое дело, они наследовали и старую технологию, что также способствовало сохранению местных особенностей производства. Из старинной фамилии купцов – изразечников Рыжовых в 1806 г. заводом владел Федосей, в 1822 г. – Филипп Иванович, в 1885 г. – Яков.

В конце XVIII в. мода на многоцветные расписные изразцы стала постепенно уходить из быта больших городов. Необходимость перехода на выпуск других изделий, которые бы пользовались спросом у населения, вероятно и заставила изразечников обратить внимание на новые типы продукции. В Калуге это произошло во второй половине XVIII в., когда мастера стали изготавливать из глин для изразцов поливную расписную посуду и другие предметы утилитарного назначения. В конце XVIII в. примером такой поливной

керамики для калужан стали изделия завода Гребенщикова и Гжели. По сохранившимся сведениям, в 1740 г. на заводе Афанасия Гребенщикова в Москве приступили к выпуску майоликовой посуды с росписью по сырой эмали. Со второй половины XVIII в. гжельская поливная керамика становится популярным товаром на внутреннем рынке России. Гжельцы развозят свои квасники, кумганы, чернильницы, цветочные горшки, кружки и произведения мелкой пластики по разным губерниям России. Хорошо известны фрагменты привозных гжельских изделий конца XVIII в., как посуды, так и мелкой скульптурной пластики с надглазурной росписью, найденные при строительных работах в Калуге. От калужских изделий они отличаются составом формовочной массы, типом росписи и поливы (Ткаченко, Федорова, 2002. С. 118).

Разнообразные археологические материалы, полученные в процессе ремонтно-строительных работ в исторической части города и хранящиеся в частных коллекциях, позволили провести работу по созданию каталога ассортимента калужских керамических поливных расписных изделий, куда вошли: 1) кувшины; 2) ручной вислые; 3) ручной мыльники; 4) кадилыницы; 5) цветочные горшки; 6) подсвечники; 7) светильники-коптушки; 8) кружка с ручкой; 9) стопы; 10) крышки для сосудов; 11) тарелки; 12) супницы; 13) пиалы; 14) банки; 15) чайная и столовая посуда с коричневой поливой; 16) поливные расписные плитки; 17) поливные головки для украшения печей; 18) предметы неизвестного назначения; 19) плоские детские погремушки; 20) поливные фигурки птиц; 21) поливные расписные игровые шарики (Федоров, 2000. С. 114–120.)

Среди калужских изделий наиболее яркую группу представляют кувшины. В собранных материалах имеется несколько целых кувшинов и около сотни отдельных фрагментов от 40–50 разнообразных кувшинов. Надо заметить, что основная масса сосудов представлена единичными обломками, реже двумя и более. Удалось исследовать 77 обломков калужских майоликовых кувшинов (в том числе пять крупных, 18 ручек с росписью и 15 поддонов кувшинов изучено в разных частных коллекциях), а также несколько целых кувшинов, позволяющих выявить характерную форму для горловины и тулова, представить характер росписи.

Большая часть изученного и сфотографированного материала происходит из коллекции художника-краеведа А. Н. Коняшина (1925–1998 гг.). В его коллекции были и два целых кувшина, которые удалось сфотографировать, но их судьба после смерти

Рис. 1. Поливной кувшин с росписью «березка»

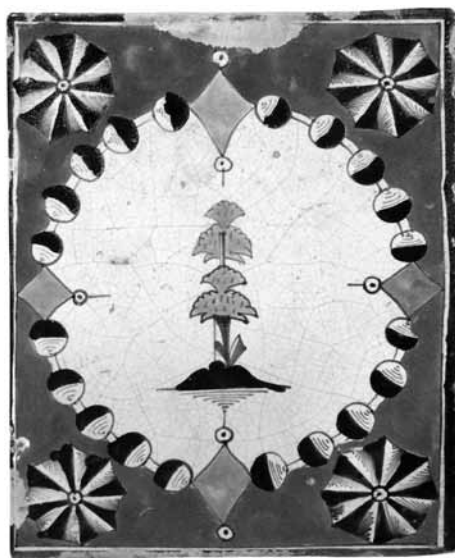

Рис. 2. Поливной изразец с росписью «березка»

художника нам неизвестна. Оба кувшина были изготовлены из глиняного теста, получившего после обжига характерный для изразцов кремово-желтый цвет. Один из них имел шаровидное тулово на слегка расширяющемся поддоне с горловиной, оканчивающейся слегка утолщенным, овальным в сечении краем. Плавная изогнутая ручка примазана чуть выше наиболее широкой части тулова и чуть ниже венчика. Форма его в точности соответствует

калужским неполивным кувшинам, что говорит об устойчивости выработанных веками технологических приемов и пластических форм. Роспись кувшина повторяет мотивы росписи калужских изразцов. По белой поливе кувшина идет многоцветный рисунок. Горловина украшена ромбами, чередующимися с бусинами по контуру. Тулово расписано большими ромбами со срезанными верхними и нижними вершинами, края которых украшены бусинами, а в центре каждого ромба красуется характерное для калужских изразцов, деревце «березка». Поддон, граница тулова и горловины, край декорированы «ожерельями» – круговыми полосками с примыкающими к ним бусинами, чередующимися с многолепестковыми розетками и разделяющимися сеточкой, присутствующей на многих изразцах. Внутри кувшина нанесена полива для предохранения от влаги (рис. 1; рис. 2).

Второй кувшин – удлиненных пропорций, характерных для калужских кувшинов типа «долгач» (народное название), – имеет слив и ручку плавных очертаний. Тулово яйцевидной формы составляет две трети высоты кувшина. Горловина с прямым краем слегка расширяется. Мотивы сюжетов и орнаментальное оформление повторяют роспись изразцов второй половины XVIII в. В рамках сложной формы нанесена сетка с цветными точками в пересечениях (рис. 3; рис. 4).

В рукописи Н. М. Маслова «Калужская художественная керамика» (1944) описан кувшин с надписью (хранится в КОКМ). Это «белый майоликовый кувшин с синим рисунком несложного орнамента и с надписью». Надпись скопировали в 1971 г. Г. Ф. Морозова и А. С. Днепровский в фондах музея: «ГОДУ 1826 СЕЙ КУВШИН ПРИНАДЛЕЖИТЬ КАЛУЖСКАГО МЕЩАНИНА КАРПА ЯКОВЛИВИЧА СЫНА ХОЛЩЕВНИКАВА». Исследователям удалось найти сведения о том, что в 1779 г. в Калуге проживал кирпичник Иван Холщевников. Н. М. Маслов описал еще два кувшина из фондов КОКМ, подобных подписному, которые, скорее всего, были изготовлены на одном заводе одновременно. Один орнаментирован синими цветами, другой – изображением улья и пчел.

Архивные разыскания выявили в ведомости на промышленные заведения, находящиеся в Калуге, в 1822–1834 гг. упоминания трех заводов: «купеческой жены Пелагеи Прокофьевны Кушиниковой, мещанской жены Дарьи Дмитриевны Свешниковой и купца Филиппа Ивановича Рыжова» (ГАКО Ф. 45. Оп. 1. Д. 454). Вопрос о возможности производства на них майоликовых кувшинов остается открытым и требует дальнейших разысканий.

Рис. 3. Поливной кувшин с изображением бытовой сцены

Еще два кувшина из краеведческого музея города Калуги в 1971–1973 гг. также обмеряли и рисовали Г. Ф. Морозова и А. С. Днепровский. Копии их работ имелись в коллекции Коняшина. Первый кувшин на довольно высоком поддоне, высотой 277 мм. Поясок белого цвета с зелеными листочками отделяет горловину сосуда от продолговатого тулова. Все изделие покрыто зеленой поливой с остро-овальными окнами, в которых размещен рисунок с характерными для калужских изразцов элементами, соединенными для украшения стенок сосуда. Между ними, внизу и вверх, – сетки с точками. Верх поддона и горловина украшены чередующимися зелеными и желтыми бусинами. Белая ручка, характерная для поливных калужских кувшинов, орнаментирована удлиненными голубыми точками (рис. 5). Верхняя часть еще одного кувшина из краеведческого музея имеет орнамент по зеленому фону (рис. 6): горловина отделена от тулова узким пояском с желтыми и зелеными мазками, ручка похожа на ручку ранее описанного кувшина, только с зелеными пятнами.

Рис. 4. Поливной изразец с изображением бытовой сцены

Рис. 5. Поливной кувшин с росписью «сетка» и растительным орнаментом

Рис. 6. Фрагмент поливного кувшина
с растительным орнаментом

Рис. 8. Фрагмент кувшина
с изображением религиозной сцены

а

б

Рис. 7. Фрагменты поливных кувшинов
с изображением бытовой сцены

Рис. 9. Фрагмент поливного кувшина
с изображением собаки

Из мелких фрагментов кувшинов можно выделить несколько. Определенный интерес вызывают сюжеты с человеческими фигурами: сохранились обломки с ногами (рис. 7, а) и женской фигурой (рис. 7, б). Они относятся к неким бытовым сценам, смысловое наполнение которых

еще предстоит выяснить. Группа с религиозными сценами представлена только одним фрагментом – с изображением ангела (рис. 8). Есть обломок с изображением лежащей собаки (рис. 9), говорящее о достаточно уверенной руке художника и хороших рисовальных навыках, которые имели

Рис. 10. Поливной рукомой с растительным орнаментом

в Калуге проходившие подготовку в иконописном цехе так называемые «записные каменщики». После первого обжига изделие покрывали белой поливой. После подсыхания, художник писал по верху кистью. Эта техника росписи требовала от мастера верного глаза и твердой руки (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2012). В России эта техника была разработана на заводе А. Гребенщикова и в Гжели. Удалось выявить фамилии калужских учеников живописного письма с 1753 г., это: Гречишников Финоген; Кержатской Иван Артамонович, «ученик письма изразцов»; Жданов Дмитрий Григорьевич, «ученик живописного письма» у Жорина; Горин Аким Иванович, «ученик живописного мастерства» у Хатунцова (ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 84). Краски для росписи брались того же химического состава, что и глазури, однако их существенной частью были огнеупорные краски: синяя, зеленая, желтая и фиолетовая. Желтую и синюю краски использовали в росписи «лучшей работы», так как желтая – «неапольская желть» являлась наиболее дорогой (Кудрявцева, 1998. С. 12). Чтобы контур рисунка получался четким, в краску добавлялся каолин, придававший ей вязкость.

В 1760-е годы ярко проявилось живописное дарование местных кафельщиков, выразившееся в смелых композиционных сочетаниях орнаментальных мотивов и сюжетных росписей. В калужской поливной керамике соединились навыки производства местных полихромных расписных изразцов и традиция народного мастерства горшечного дела. Можно предположить, что это было непродолжительное явление в узких временных границах второй половины XVIII – середины XIX в. Причиной тому, помимо спада потребительского

спроса, появление в регионе крупных фаянсовых предприятий с более дешевой и разнообразной продукцией.

Начиная с XV в., среди населения Центральной России, включая Калугу, стали популярны подвесные керамические рукомои. Их можно разделить на стенные и вислые. В своем исследовании мы обратились к истории бытования в Калуге и окрестностях рукомоя вислого – глиняного горшка с двумя рыльцами, льялами (сливами). За время существования Музея было изучено в частных коллекциях 47 фрагментов и целых изделий. Выяснилось, что во второй половине XVIII в. в Калуге появляются расписные вислые рукомои. Нам удалось изучить и сфотографировать три поливных расписных слива от разных рукомоев и три петли для подвеса. Два слива, изготовленных на гончарном круге, и один – на палочке, имеют внутреннюю и внешнюю примазку к тулову рукомоя. В росписи присутствуют четыре цвета: белый, желтый, зеленый, коричневый. Две петельки для подвеса рукомоя имеют внешнюю примазку. Единственный целый экземпляр из коллекции художника-краеведа Коняшина удалось сфотографировать (рис. 10). Роспись осуществлена по белой глухой поливе и повторяет разнообразные растительные сюжеты калужских изразцов, приспособленных для изображения на изогнутых поверхностях.

Большой удачей стало изучение кувшина-рукомойника, который относится к еще одному типу местных изделий (рис. 11, а). Слив его в устьевой части похож на слив рукомоя вислого, украшенного головкой животного. Но если обычно на зооморфных глиняных рукомоях наблюдается трудно узнаваемый вид животного, то на данном образце,

Рис. 11. Кувшин-рукомойник

а – общий вид; б – декоративное оформление слива

благодаря дополнительной росписи, легко узнается голова медведя (рис. 11, б). Тулово изделия расписано в желто-коричневой тональности двуглавыми орлами под тремя коронами. Подобное изображение и характер росписи встречаются в росписи калужских изразцов (Федорова, Ткаченко, 2006. С. 64.)

Нам удалось изучить 10 обломков и 14 целых кадилниц, изготовленных калужскими гончарами.

Рис. 13. Фрагмент поливного расписного цветочного горшка

Рис. 12. Поливная кадилница

Кроме того, 10 фрагментов поливных расписных кадилниц из изразцового теста и одну кадилницу полной сохранности сфотографировали в одной из частных коллекций (рис. 12). В боковых стенках целой кадилницы прорезано три крестообразных окна вместо одного овального, расположенного слева от ручки кадилницы. Вместо крестового завершения кадилница заканчивается маленькой маковкой, повторяющей форму тулова, с небольшим крестиком. Роспись кадилницы повторяет роспись городков калужских кафельных печей второй половины XVIII в. Тулово покрыто сеткой с цветными точками между узлами. Между туловом и маковкой нанесены «тучи», а маковка украшена в виде «неба». На горловине заключенные в рамки сложной конфигурации сетки с цветными точками в пересечениях линий.

Сотрудниками Музея изучено более 20 калужских цветочных горшков и поддонов, но изделий из изразцовой глины, особенно расписных, среди них оказалось немного. Скорее всего, их изготавливали по заказу или для себя. Наиболее сохранившееся изделие привлекает внимание своей необычной формой (рис. 13). Горшок, изготовленный на гончарном круге, видимо, имел довольно

высокий поддон, к сожалению, не сохранившийся, и расширяющееся к венчику мискообразное тулово с постепенным переходом от кругового основания к прямоугольному устью. Край слегка утолщен с наружной стороны. Возникает мысль, что при его изготовлении использована технология, применявшаяся в создании коробчатой румпы изразцов. Роспись близка изразцам «лимончики».

Поливные подсвечники повторяют форму обычных неглазурованных подсвечников XVIII в.: ствол с головкой для установки свечи опирается на широкий плоский поддон, расписанный цветочно-травяным орнаментом (рис. 14). Кроме этой целой формы изучено еще четыре фрагментарно сохранившихся подсвечника из частных коллекций. Каждый из них повторяет один из вариантов росписи калужских изразцов XVIII–XIX вв.

Светильник «плошка-коптушка» происходит из дома в районе Гончарной слободы (рис. 15). Такие светильники использовались особенно массово с середины XVIII до середины XIX в. В них наливалось масло, смачивающее в центре плошки фитиль в виде комочка пакли. Обычно фитиль закрепляли кусочком глины. Возможно, в центре имелся глиняный шарик, накрывавшийся кусочком ткани, а пламя регулировалось латунным кольцом (Ткаченко, Федорова, 2002 а). Необычность данного экземпляра состоит в том, что светильник изготовлен из глиняного теста, используемого для изразцов. Из такого же теста найден еще один обломок светильника.

Изучена и сфотографирована целая серия изделий, условно названная «стопа» (рис. 16). Условно, потому что не найдено ни одного целого изделия подобного типа. Размер их небольших оснований колеблется в пределах 4–6 см. Сохранившиеся части стенок слегка расширяются от основания к устью, имеют мотивы росписи, близкие к росписи калужских изразцов. Наиболее интересна нижняя часть стопы с росписью «корзинка», в мельчайших подробностях повторяющей декор соответствующего по сюжету изразца. Мотив «корзинка», известный в Калуге в середине XVIII в., сохранился и в первой половине XIX в. В середине XVIII в. этот мотив появился на тарелках и блюдах завода Гребенщикова и в Гжели. На тарелках из Гжели рисунок корзиночек близок калужским: на них нет листиков – завитков под дном.

Для гончарной посуды Калуги характерны круглобокие кружки-кувшины. Кружка из изразцовой глины с зеленой поливой внутри отличается от традиционных форм. Необычна также для нашего региона форма крышек для различной посуды,

Рис. 14. Поливной расписной подсвечник

Рис. 15. Светильник-коптушка без поливы (масштаб 1 : 2)

изготовленных в изразцовых мастерских. Своей формой они более похожи на крышки из Гжели. В небольших количествах изучены изразцовые миски и тарелки с рисунком, аналогичным изразцовым.

В конце XIX в. на кирпичном заводе на «Семёновом городище» изготавливали чайную и столовую посуду с коричневой поливой. Производство просуществовало менее года и прекратилось за смертью владельца завода. Имеется три обломка этой посуды, хотя, как отмечает Маслов в своей рукописи, в 1944 г. у частных лиц еще сохранялись сахарница и молочники с незатейливым выпуклым орнаментом, производившиеся на этом заводе.

Рис. 16. Поливное изделие типа «стопа» с росписью «корзинка» (см. цв. вкл.)

Рис. 17. Изразцовые облицовочные плитки кон. XVIII – нач. XIX в.

Изучена многочисленная группа калужских плоских изразцовых плиток. Благодаря Петру I, в России появилась мода облицовывать небольшими плитками с коричневым или синим рисунком стены в парадных залах петербургских дворцов. Сначала их в небольшом количестве выпускали на Невском кирпичном заводе, где работали мастера Федор Григорьев и Алексей Ливонский, и на московской ценинной мануфактуре купца Гребенщикова. Большие и малые мастерские быстро переименовали иноземную диковинку на российский лад. К середине XVIII в. рисунки стали чисто русскими и, порой, чисто местными. Изразцовые облицовочные плитки были выявлены в 1975 г. при строительно-реставрационных работах у церкви Спаса Преображения на территории Спасо-Воротынского монастыря, неподалеку от древнего Воротынска (*Днепровский-Орбелиани*, 2006. С. 112). В 1978 г., при строительстве Дома Советов, были найдены целые изразцовые облицовочные плитки и большое количество обломков плиток. Нами изучен и сфотографирован 51 предмет. Их можно разделить по размеру на большие и толстые, средние, небольшие. По форме плитки разделяются на квадратные и прямоугольные. В основном, на изученных плитках рисунок прост и примитивен: розетка из четырех или восьми лепестков синего, зеленого, коричневого или желтого цвета. Иногда они заключены в «разомкнутый ромб», или имеется рамка того же цвета, что и розетка. Порой кажется, что рисунок нарисован рукой ученика – так он прост и непосредствен. Однако серию изразцовых облицовочных плиток с декором синего или зеленого цвета рисовала рука профессионального художника. Здесь и облака, и птицы, земля с травой, и изумительной красоты цветы (рис. 17; рис. 18). Особняком стоит группа больших и толстых плиток с «ковровым» рисунком синего цвета и многоцветным.

Кроме гребенчатых и других типов городков для украшения верха печей XVIII–XIX вв. использовались декоративные антропоморфные головки. Две такие печи были известны ранее (*Маслх*, 1983. № 223, 243). Первая печь облицована расписными изразцами с подписями московского производства (из палат Волкова, Москва). Это угловая печь, у которой две стороны по верху украшены семнадцатью многоцветными антропоморфными головками. Каждая головка имеет румпу для крепления к печи. Другая печь – из коллекции Музея декоративно-прикладного искусства Ленинградского высшего училища им. В.И. Мухиной. Это также угловая печь с изразцами бирюзового оттенка и городками двух типов. По углам печь декорирована антропоморфными

Рис. 18. Изразцовые облицовочные плитки
кон. XVIII – нач. XIX в.

головками с румповым креплением. Нам удалось из-учить и сфотографировать восемь антропоморфных головок из частных калужских коллекций. Среди них четыре головки в синих тонах; одна – с коричневой росписью по белой эмали; две головки нужно отнести к полуфабрикатам; еще одна была покрыта однотонной поливой зеленого цвета (рис. 19; рис. 20). Крепление головок, бытовавших в Калуге, не позволило их отнести к типу городков. Головка в зубчатом кокошнике похожа на головку в декоре печи, облицованной расписными синими изразцами с подписями московского производства третьей четверти XVIII в. из Суздальского музея. Три калужских расписных головки и две неполивные заготовки больше походят на головки в декоре печи из Митрополичьих покоев Троице-Сергиевой Лавры. Хотя есть и отличия: у московских – более сложная конструкция.

Изучая обратные стороны изделий из Калуги, мы видим, что изразцовую массу вдавливали в шаблон (матрицу) (рис. 21). На одном из обожженных неполивных полуфабрикатов видны отпечатки пальцев обеих рук. При этом вытесненная к центру глина собиралась в гребень, выступающий над поверхностью края формы. В нем прокалывалось отверстие для крепления к плоскости печи. Головки с креплением «гребнем» относим к типу I. У другого обожженного неполивного полуфабриката изразцовую глину вдавливали по всей поверхности. Широкий

Рис. 19. Декоративные антропоморфные головки
кон. XVIII – нач. XIX в.

Рис. 20. Декоративные антропоморфные головки
кон. XVIII – нач. XIX в.

Рис. 21. Способы крепления декоративных антропоморфных головок кон. XVIII – нач. XIX в.

плоский гребень крепления вырезали, углубляясь в толщу головки (тип II). На этих двух изделиях волосы, окаймляющие лицо, имеют вид буклей парика. Оба полуфабриката найдены вместе с другими остатками изразцового производства недалеко от горнов на территории Гончарной слободы. Две головки, расписанные одна в синий, а другая в коричневатый цвет, являются случайными находками в исторической части города, на улице Воскресенской. Они похожи на первый полуфабрикат, и, возможно, изготовлены в единой форме, с таким же гребенчатым креплением сзади. Расписанная синей краской головка более массивная, чем другие, с иной прической и ярко выраженным подбородком, сзади имеет крепление типа II. Расписанная синим цветом мужская головка похожа на портрет Наполеона. Сзади имеется выступающее, вырезанное из массива глины крепление типа III. К этому же типу крепления относится женская головка в зубчатом кокошнике. Найденная в 2009 г. на глубине более метра на перекрестке улицы Кирова и переулочка Кирова головка отличается от других подобных изразцовых изделий более крупными размерами и зеленой поливой. Сзади она имеет глубокое овальное углубление для крепления к плоскости печи. Изготовление и включение подобных изделий в декор калужских печей, скорее всего, было вызвано подражанием московским образцам. Однако местные

Рис. 22. Изделия неизвестного назначения XVI–XVIII вв.

мастера упростили этот сюжет, приблизили его к сложившимся традициям.

Есть многочисленная и пока непонятная группа изделий (47 шт.) из изразцового глиняного теста, как расписных, так и неполивных (рис. 22; рис. 23). Эти уплощенные круглые (с конусообразным верхом) предметы имеют металлические стерженьки круглого или квадратного сечения различной толщины в вершине изделия. Иногда встречаются изделия с глубоким коническим отверстием на вершине без стерженьков. Плоские основания обычно имеют роспись, аналогичную рисункам и цветам розеток многих видов расписных изразцов второй половины XVIII – начала XIX в. Один из сюжетов на плоском основании изделия повторяет рисунок 406 из книги «Эмблемы и символы», изданной по указу Петра Великого в 1705 г. Эта книга – один из самых полных сборников эмблем барокко, рококо и классицизма («Эмблемы...», 2000).

Помимо множества глиняных свистулек интересны игрушки-фигурки конца XVIII в. Они изготовлены из светложгущейся глиняной массы без грубых примесей, с использованием двухстворчатых форм, что позволило делать их полыми внутри и тиражировать. Находки подобных игрушек в 1977 г. на Васильевском спуске в Москве, в культурном слое XVIII в., позволяют думать, что эти

Рис. 23. Изделия неизвестного назначения
кон. XVIII – нач. XIX в.

изделия происходят из Гжели. (Ткаченко, Федорова, 2002 б. С. 118.)

Среди керамических игрушек из калужских изразцовых мастерских обращает на себя внимание поливная расписная монолитная фигурка утки с глубокой выемкой снизу, изготовленная в разъемной форме (рис. 24 а). Покрывает изделие светлой непрозрачной поливой, крылья прорисованы желтой, коричневой и зеленой красками по белому фону. Поддон зеленого цвета, лапки выделены спереди коричневым цветом, хотя рельеф ног отпечатан с боков фигурки. Длина фигурки 94 мм, ширина 51 мм. Найдена при сносе дома № 2 на углу ул. Тульской.

Во второй половине XVIII в. в Калуге появляются плоские погремушки из глиняного теста, используемого при производстве изразцов. Изучены три погремушки, покрытые белой глухой поливой и расписанные многоцветными розетками. Изготавливались они на калужских изразцовых заводах совместно с другими разновидностями глиняной игрушки. Половина погремушки, найденная при сносе дома № 63 по ул. Королева, изготовлена из светлогжущейся глины и предположительно датируется концом XVIII – первой половиной XIX в. (рис. 24 б). Роспись выполнена по белой глухой поливе: четырехлепестковая розетка прорисована

а

б

Рис. 24. Поливные игрушки из Калуги

на плоской части, боковина украшена орнаментом «винограды». Диаметр 55 мм, толщина около 33 мм. По центру имеется сквозное отверстие, два боковых отверстия проколоты друг напротив друга.

Одними из самых простых изделий по технологии изготовления являются расписные шары и шарики, предназначавшиеся для детских игр и забав (мы их называем шарами-камушками). По данным археологии известны и другие их назначения: в качестве снарядов для метательного оружия (пращи) и фитиля в светильниках-коптушках. Но сотни гончарных шариков, найденных в огородах, на дождевых вымоинах на берегу р. Оки, примыкающих к наиболее древней части города, под полами сносимых домов, на чердаках, во дворах позволяют предположить, прежде всего, их игровое назначение. Наиболее интересны находки шариков среди остатков гончарных горнов и изразцовых заводов города (Федоров, 1995 а. С. 25–27).

При строительстве здания областной администрации среди изразцовой продукции были обнаружены четыре шарика: три расписных и один полуфабрикат. Остатки производства, существовавшего на этом месте, датируются предположительно XVIII в. Еще несколько поливных шариков являются случайными находками при сносе домов в районе бывшей Гончарной слободы. У расписных

Рис. 25. Поливные расписные игровые шарики кон. XVIII – нач. XIX в.

шаров обязательно имеется технологическое отверстие от 2,0 до 3,5 мм в диаметре, глубиной от 4,0 до 15,0 мм. Диаметр самих шариков колеблется от 21 до 30 мм. В их росписи использованы те же цвета и художественные мотивы, что и у изразцов: контуры коричневые, фон синий кобальтовый и пятна зеленого и желтого цветов. Полива основного тона – белая, разнообразных переходов серовато-голубоватых оттенков (Федоров, 1995 б. С. 49, 50). Среди неполивных изделий имеются нерасписные полуфабрикаты с технологическим отверстием,

прошедшие обжиг. Всего изучено 11 шариков-полуфабрикатов. У двух на поверхности имеются пятна поливы синего, зеленого и коричневого цветов, что подтверждает их обжиг совместно с другими поливными изделиями. Кроме того, исследовано 10 шариков с росписью (рис. 25) и два без росписи, покрытых сплошной поливой: беловатой и синей. Опрос жителей Калуги и Калужского края в течение многих лет позволил утверждать, что игрушек было у детей немного и среди них не встречалось ничемных безделиц. Игрушки требовали активного участия, в их использовании существовали игровые традиции. Игрой в «камушки» забавлялись маленькие дети и подростки, но в основном это была игра девочек. Одна из игр заключалась в следующем: шарики подбрасывались вверх и их ловили в горсть. Другой разновидностью была игра «об забор» – шарики бросались в стенку или забор. Нужно было метнуть свой шарик так, чтобы он упал рядом с чужим и тогда он выигрывался. Так описывает забавы калужских девочек в 1913 г. Л. А. Анохина (1977). Покупали шарики для игры у гончаров на ярмарках, по копейке за десяток. Поливные и расписные шарики, конечно, стоили дороже и их было мало.

Калужскими гончарами, мастерами изразцовых заводов со второй половины XVIII в. предпринимались попытки серийного изготовления поливной бытовой посуды из местных глин с использованием изразцовых технологий, но они не переросли в самостоятельную отрасль гончарства. Косвенно на это указывает почти полное совпадение сюжетов росписи изразцов и поливных изделий. Но в каждом из них уже проявляются складывающиеся традиции декоративного оформления, которые делают изделия калужских мастеров легко узнаваемыми и резко отличимыми от однотипных изделий других центров производства.

Литература

- Анохина Л. А., 1977. Быт городского населения средней полосы РСФСР. М.
 Днепровский А. С., 1978. Ценные находки // «Знамя». 3 октября.
 Днепровский-Орбелиани А. С., 2006. Калужские гончары – строители. Калуга.
 Кудрявцева О. В., 1998. Калужское кафельное производство XVII–XIX веков. Калуга.
 Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.
 Маслов Н. М., 2001. Калужская художественная керамика // Родная старина. Материалы II

и III научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора. Калуга.

- Овсянников Ю. М., 1968. Русские изразцы. Л.
 Сухотский Ю., 1977. Осторожнее с раскопками // «Знамя». 1 ноября.

Ткаченко В. А., Федорова Л. И., 2002 а. Керамические светильники XVI–XIX веков // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.

Ткаченко В. А., Федорова Л. И., 2002 б. Глиняные игрушки из Калуги второй половины

XVIII века // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4. Ч. 1. Киров.

Топографическое описание Калужского наместничества. СПб., 1785.

Федоров В. В., 1995а. Нетрадиционная продукция изразцовых мастерских Калуги // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2. Ч. 2. Киров.

Федоров В. В., 1995б. Глиняные игровые шары XVII–XX вв. в Калуге // 1-я научно-практическая конференция по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области. Калуга.

Федоров В. В., 2000. Калужская поливная керамика XVIII–XIX вв. // Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., 2006. Калужские глиняные рукомои // Проблемы сохранения и развития гончарства в России. Вологда.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В., 2012. К вопросу о сюжетах в росписях поливных кувшинов из Калуги // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь. (В печати.)

Шафонский А. Ф., 1851. Черниговского наместничества топографское описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. Киев.

Щапова Ю. Л., 1988. Об особенностях древнерусского ремесла // Древности славян и Руси. М. Эмблемы и символы. М., 2000.

L. I. Fedorova, V. A. Tkachenko, V. V. Fedorov

The phenomenon of Kaluga glazed pottery of the 18th – 19th centuries

Summary

The paper gives an outline of light glazed majolica used as tableware and manufactured at the town of

Kaluga in the 18th century by workshops producing glazed tiles for covering brick stoves.

А.Г. Векслер, В.А. Беркович, К.А. Егоров

Археологическое исследование и воссоздание храма Спаса Преображения на Преображенской площади в Москве

Церковь Спаса Преображения, стоявшая до середины 1964 г. на Преображенской площади, является одним из московских храмов, снесенных по распоряжению Н. С. Хрущёва.

Известно, что при Петре I в центре Преображенской солдатской слободы была поставлена полковая изба, в которой хранилась полотняная церковь с походным алтарем Преображения Господня. В 1747 г. сержант лейб-гвардии И. Третьяков купил в соседнем селе Семеновском деревянную церковь, которую была перенесена в Преображенское (*Паламарчук*, 1995. С. 527). Освящение придела в честь апостолов Петра и Павла состоялось 19 июля 1747 г. Главный престол в честь Преображения Господня был освящен в 1750 г. Здание церкви оказалось ветхим и простояло не более 20 лет.

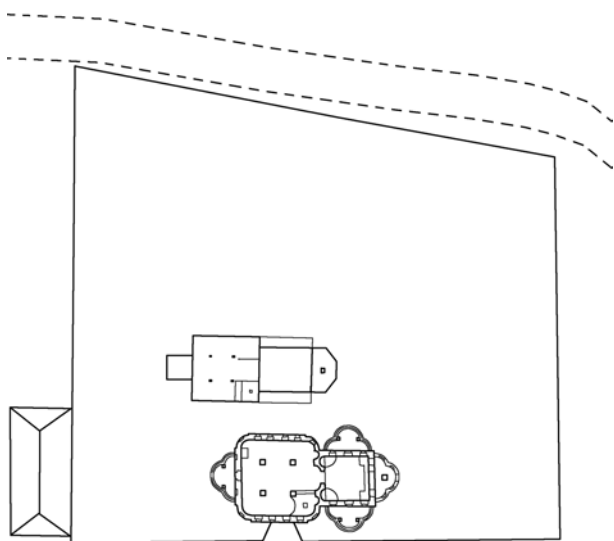

Рис. 1. Проект строительства каменного здания храма Спаса Преображения в Преображенском. Чертеж 1765 г.

В 1763 г. стараниями священников П. Фадеева и Л. Васильева начался сбор средств на строительство каменной церкви. К 1768 г. были возведены трапезная и Петропавловский придел («Церковь...», 2007. С. 80). Новый храм находился в 4 саженьях к югу от старого, вскоре разобранного (рис. 1).

В 1781 г. построена четырехстолпная трехъярусная колокольня («Церковь...», 2007. С. 80). При этом здание церкви было существенно перестроено и вновь освящено.

В пожаре 1812 г. церковь не пострадала. Службы во время пребывания французской армии в Москве не прекращались. Вместе с тем, в начале XIX в. храм пришел в запустение, и лишь в 1830 г. на средства церковного старосты купца М.Ф. Котова здание было отремонтировано и украшено (рис. 2).

В 1884–1886 гг. был построен придел Александра Невского. Трапезная и придел Петра и Павла подверглись переделке (*Синицын*, 1895. С. 72).

23 мая 1883 г. у стен храма освящались новые знамена Преображенского и Семеновского полков. При этом старые знамена 1701–1711 гг. были переданы в церковь для хранения.

После революции 1917 г. службы в храме продолжались. Во время массового закрытия церквей здесь сохранялись иконы и утварь из других храмов. В 1920 г. церковь стала кафедральным храмом московских митрополитов. В 1940–1960-е годы в храме находилась кафедра выдающегося богослова Русской Православной Церкви митрополита Крутицкого и Коломенского Николая Ярушевского.

В ночь с 17 на 18 июля (в некоторых публикациях с 10 на 11 июля – *Паламарчук*, 1995. С. 528) 1964 г., несмотря на многочисленные обращения прихожан в партийные и советские органы, храм под

Рис. 2. Храм Спаса Преображения. Вид с юга. Фото 1881 г.

предлогом строительства метро был взорван. На его месте разбит сквер. С этого времени началась многолетняя борьба прихожан за восстановление храма, увенчавшаяся успехом 17 июля 2009 г., когда было выпущено распоряжение Правительства Москвы № 1580-РП «О воссоздании Храма Преображения Господня на прежнем месте в 2009–2013 гг. ».

В 2010 г. сотрудниками ООО «Археологические изыскания в строительстве»¹ при технической поддержке НПО «Космос» были проведены предпроектные архитектурно-археологические исследования (рис. 3). Работы велись под контролем Москомнаследия, при научно-методическом руководстве академика РААСН и ААН, профессора А. Г. Векслера.

Археологическими раскопками, общая площадь которых превышала 1000 кв. м, была полностью раскрыта подземная часть храма, определена степень сохранности фундаментов, уточнена планировка утраченного здания, изучены культурные напластования (рис. 4; рис. 5).

Отметим, что главная сложность исследований заключалась в том, что взрыв 1964 г. и последующие механизированные работы по сносу развалили

и нивелировке поверхности превратили остатки храма в сплошной завал строительного мусора. В ходе работ выявлена гигантская (глубиной до 4 м) воронка, занимавшая значительную часть внутреннего пространства храма. Она была заполнена битым кирпичом, обломками бетонных перекрытий, искореженным железом.

Предварительные исследования письменных источников, планов, схем, фото- и киноматериалов по истории храма позволили определить хронологию основных строительных периодов, подтвержденную результатами натурных археологических и архитектурных изысканий. Были выделены четыре основных строительных периода, определивших общий план, внутреннюю структуру и внешний облик здания церкви (рис. 6).

Первый строительный период, 1765–1768 годы

В эти годы были построены древнейшие объемы храма: трапезная 1 и придел Петра и Павла.

Трапезная 1 существенно пострадала при взрыве. Сохранились фрагменты фундамента

¹ В работах принимали участие: К. Н. Антонов, В. А. Беркович, К. А. Егоров, В. С. Исаев, Ю. Е. Кашина, Р. А. Мешканцев, Е. М. Муха, Ю. Е. Петров, А. К. Пономаренко, К. Г. Прянишников, Ш. В. Хецуриани, С. М. Царёва.

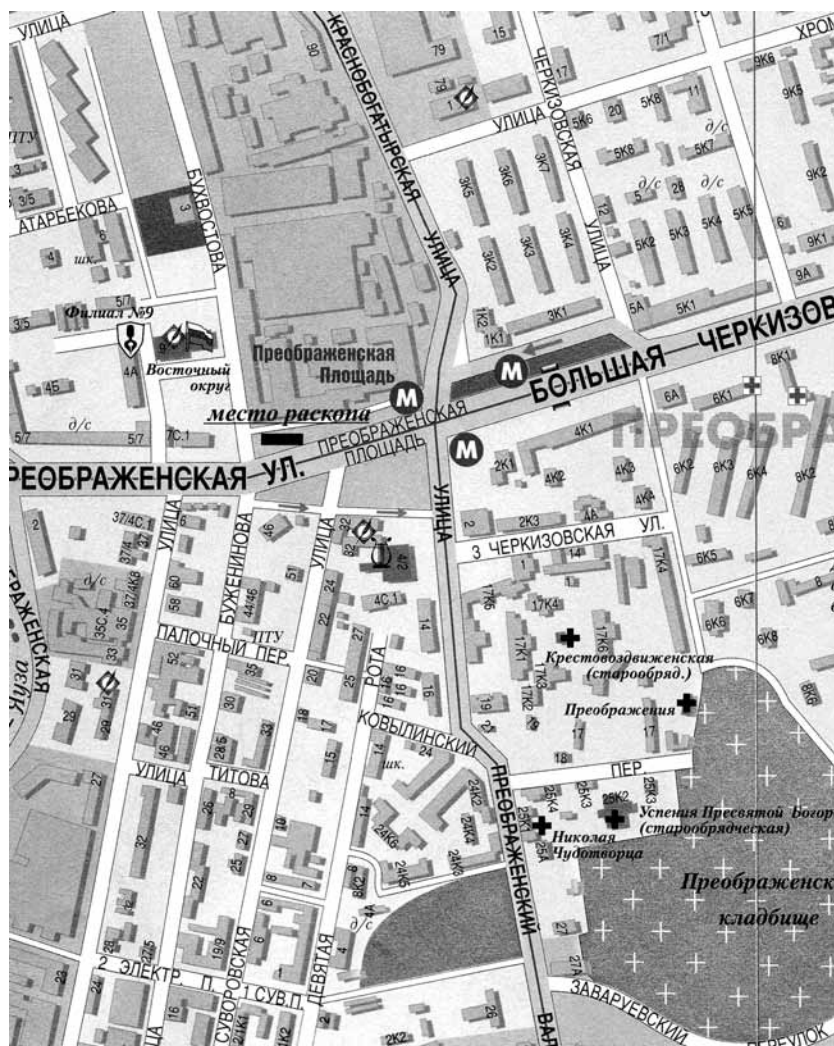

Рис. 3. Фрагмент плана Москвы с указанием места раскопа (отмечено черным прямоугольником)

южной стены и небольшие (протяженностью до 3 м) участки западной стены. Фундаменты восточной и северной стен, а также центрального столба трапезной были полностью выбраны в ходе последующих строительных периодов. Кладка сложена горизонтальными рядами крупного (40–60 х 35–40 х 30–50 см) бутового камня-песчаника с минимальным использованием известкового раствора. Швы между крупными камнями расклинены мелкими кусками песчаника, пустоты частично заполнены кирпичным щебнем. Цоколь выложен прямоугольными тесаными белокаменными блоками, уложенными поочередно длинной и узкой стороной. Размеры камней: 60–70 х 37–40 х 20–25 см.

Придел Петра и Павла находился к востоку от трапезной 1. В ходе работ выявлены фундаменты южной, восточной и северной стен. Строительные материалы и техника кладки аналогичны

использованной при сооружении фундаментов трапезной 1. Следов основания престола в алтарной части придела Петра и Павла не обнаружено. Часть южной стены придела была разобрана в XIX в. при сооружении системы отопления.

На первый взгляд, необычный порядок строительства здания церкви Спаса Преображения 1768 г. имеет аналогии в истории создания ряда храмов XVIII–XIX вв. Так, начиная с трапезных, были сооружены: церковь Иоанна Воина на Якиманке (*Паламарчук*, 1994. С. 559–560); Покровская церковь села Ситово («Приходы...», 1895. С. 358); Покровская (Димитриевская) церковь села Остропята («Приходы...», 1895. С. 355–357).

Второй строительный период, 1781 год

К этому времени относится строительство четверика, алтаря и колокольни.

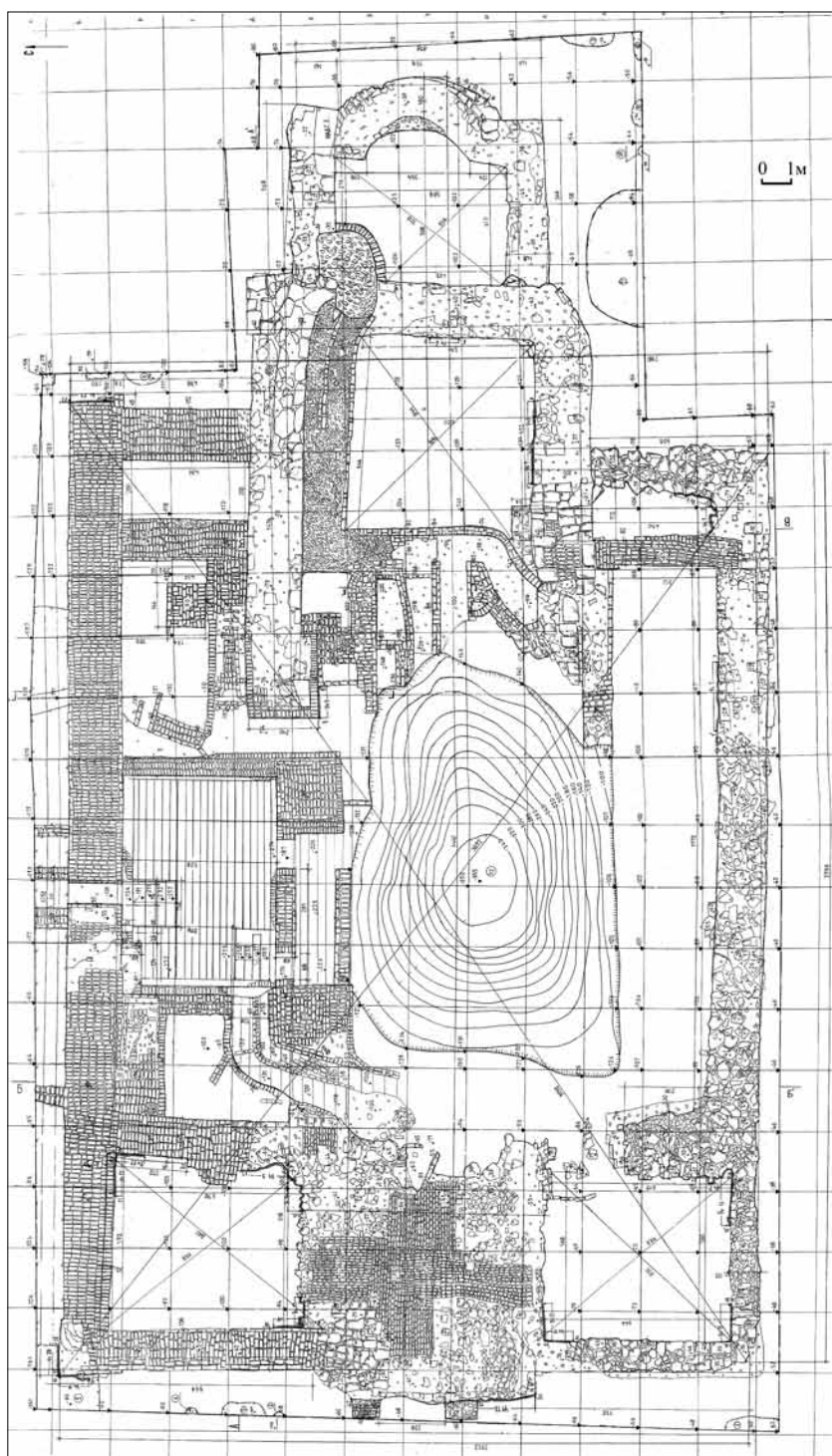

Рис. 4. Обмерный план выявленных фундаментов

Четверик был пристроен к трапезной 1 с восточной стороны. Работами выявлены фундаменты восточной, северной и южной стен. Южная стена четверика явилась продолжением северной стены придела Петра и Павла. Фундаменты представляли собой многослойные белокаменные забутовки, отличавшиеся от забутовок первого строительного

периода большей плотностью и лучшим качеством исполнения. В забутовках четверика горизонтальные ряды из некрупных (18–25 x 15–20 x 8–14 см) необработанных кусков белого камня с редкими фрагментами песчаника разделены чередующимися прослойками известкового раствора и битого кирпича. В фундаментах южной

Рис. 5. Археологический раскоп. Вид с востока

и северной стен насчитывалось семь-восемь рядов белого камня, в восточной — восемь-девять рядов. Средняя ширина фундаментов составляла 180–200 см.

Алтарь располагался восточнее четверика (рис. 7). Исследованы фундаменты апсиды, северной и южной стен. Сохранились два нижних ряда кладки. Верхний ряд (вероятно, цокольный) имел регулярный характер: края выложены прямоугольными белокаменными блоками, ориентированными поочередно длинной и узкой стороной. Блоки хорошо отесаны. Размеры камней: 46–48 x 20–22 x 15–17 см. Известняк довольно плотный, светло-серых тонов. Швы кладки тонкие: 1,0–1,5 см. Раствор известковый, хорошего качества, серо-бежевого цвета. Средняя ширина фундамента на уровне верхнего ряда кладки достигала 155 см. Основание фундамента представляло собой многослойную забутовку из обломков белого камня, кирпича с проливкой известковым раствором.

В кладке апсиды было использовано белокаменное надгробие, датирующееся 30–50-ми годами XVIII в. (рис. 8). Длина камня 215 см, ширина в изголовье 70 см, в изножии — 62 см, толщина более 32 см. На небольшом доступном для расчистки участке боковой грани камня выявлен фрагмент резного растительно-геометрического орнамента: ромб с аканфом в центре и трехлепестковыми

розетками по углам грани. На орнаменте заметны следы росписи красками синего и красного цветов. На торце изголовья в рамке из полки и четвертного валика частично сохранились три нижние строки надписи. Они размечены графьей. При написании использованы «арабские» цифры и выносные буквы, слова разделены, лигатуры отсутствуют.

[...] ЖИТНА СВО БЫЛА 29 ЛЕ
ТЪ 4 МЦА 25 ДНЕЙ ТЕСОНИМЕНІТЪСТВО
СВО БЫВАЕТЪ СЕНТАБРА 6 ЧІАА

Вероятно, надгробие относилось к кладбищу, располагавшемуся у деревянной церкви Спаса Преображения середины XVIII в.

Колокольня была пристроена к внешнему фасу западной стены трапезной 1 во втором строительном периоде. Работами выявлены основания четырех столбов колокольни, кирпичная вымостка между ними и элементы западного входа в церковь (рис. 9). Основания столбов представляли собой близкие к квадратным платформы-пилоны, сложенные из белокаменных блоков и валунов на известковом растворе с применением колотого кирпича.

Пилоны опирались на горизонтальные лаги, уложенные на бревенчатые сваи. Лаги были засыпаны слоем кирпичного щебня с проливкой

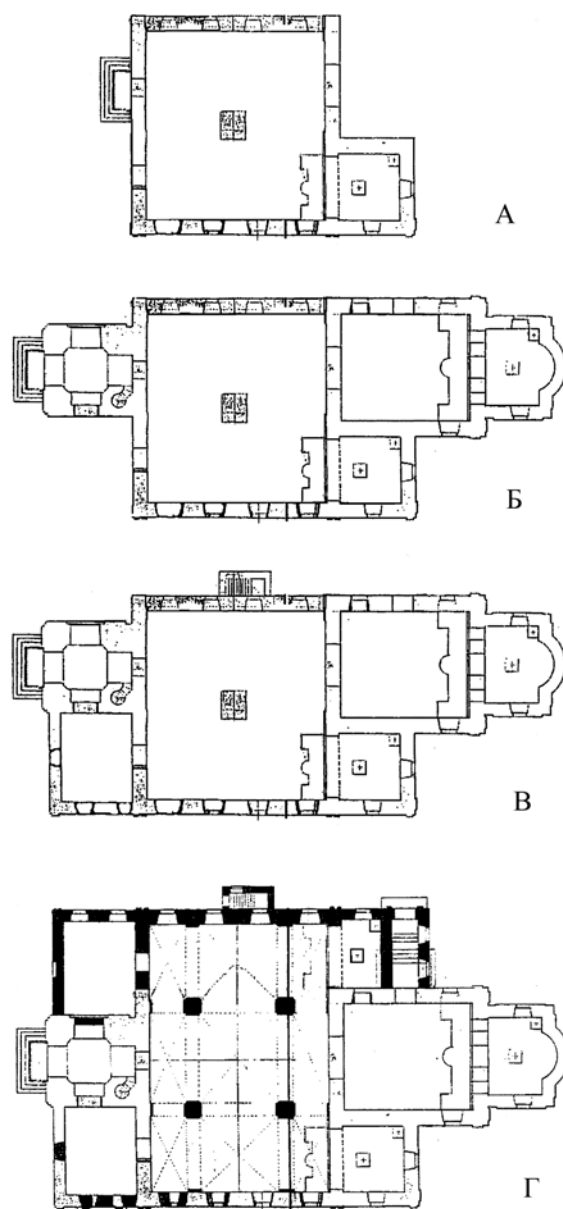

Рис. 6. Периоды строительства здания храма Спаса Преображения в Преображенском

известковым раствором. Вышележащая забутовка образована чередующимися слоями белого камня, битого кирпича и скрепляющего раствора.

В проходах между пилонами колокольни сохранились полы. Они представляли собой вымостку из кирпичей, уложенных плашмя в один ряд на известковый раствор и ориентированных длинными сторонами по ходу движения. Использованы кирпичи с размерами 25–26 x 12 x 6,5 см.

В ходе расчистки западных пилонов колокольни были выявлены две прямоугольные в плане площадки – основания крыльца западного входа.

Третий строительный период, конец 1830-х годов

С юга к колокольне был пристроен юго-западный компартимент. Его стены имели фундаменты неглубокого заложения (70–80 см). Основу фундаментов составлял рваный камень-песчаник (размеры по фасу: 46 x 25 см; 34 x 18 см; 30 x 18 см; 30 x 12 см), необработанные фрагменты известняка (размеры по фасу: 58 x 23 см; 26 x 10 см; 24 x 8 см) и фрагменты красногоглиняного кирпича с проливкой известковым раствором хорошего качества. Отличительной чертой являлось отсутствие характерной для первого и второго строительных периодов выраженной рядовости забутовки.

Рис. 7. Алтарная часть храма. Вид с юга

Рис. 8. Белокаменное надгробие XVIII в.

Четвертый строительный период, 1884–1886 годы

Произошли серьезные изменения в плане церкви. Были построены северо-западный компартимент, трапезная 2, придел Александра Невского, подвал и система отопления.

Северо-западный компартимент был задуман как симметричное помещение существовавшему на тот момент юго-западному компартименту. Сохранились 13–14 рядов кирпичной кладки на известковом растворе. Кладка регулярная, верстовая. Использованы кирпичи размерами 25,5–26,0 x 12 x 7,0–7,5 см. На отдельных кирпичах – маркировка

завода А. Г. Гусарева (Баранова, 2006. С. 316). Связующий раствор – известковый, хорошего качества, светло-серого цвета. Швы толщиной 1,0–1,5 см обработаны методом «затирки». Кирпичная кладка опиралась на забутовку из необработанных кусков известняка, фрагментов красноглиняного кирпича и известкового раствора.

Трапезная 2 примыкала с севера к трапезной 1 и располагалась между северо-западным компартиментом и северным приделом. Значительную часть подземного объема трапезной 2 занимало подвальное помещение. В ходе работ выявлены северная и западная стены, а также основания

Рис. 9. Основание колокольни. Вид с севера

Рис. 10. Подвальное помещение храма. Вид с востока

северо-западного и северо-восточного столбов. Стены трапезной сложены из кирпича на известковом растворе. В кладке использованы кирпичи с указанными выше размерами и маркировкой.

Придел Александра Невского находился севернее четверика. В ходе работ зафиксированы основания северной и восточной стен. Кирпичная кладка была возведена на белокаменной забутовке. Кладка регулярная, цепная. Раствор известковый, светло-серого цвета. Швы неравномерные: 0,7–1,5 см. В алтарной части придела расчищено

основание престола – близкая к квадратной (140 x 132 см) площадка, сложенная из кирпича на известковом растворе.

Подвал изначально представлял собой прямоугольное (6,9 x 5,3 м) в плане помещение. Его стены сложены из кирпича на известковом растворе. Система кладки – цепная. Из подвала выходили три caloriferных канала. Здесь находился затопочный узел. Вход в помещение осуществлялся с севера. В XX в. подвал был значительно перестроен: его расширили в южном направлении, в северной

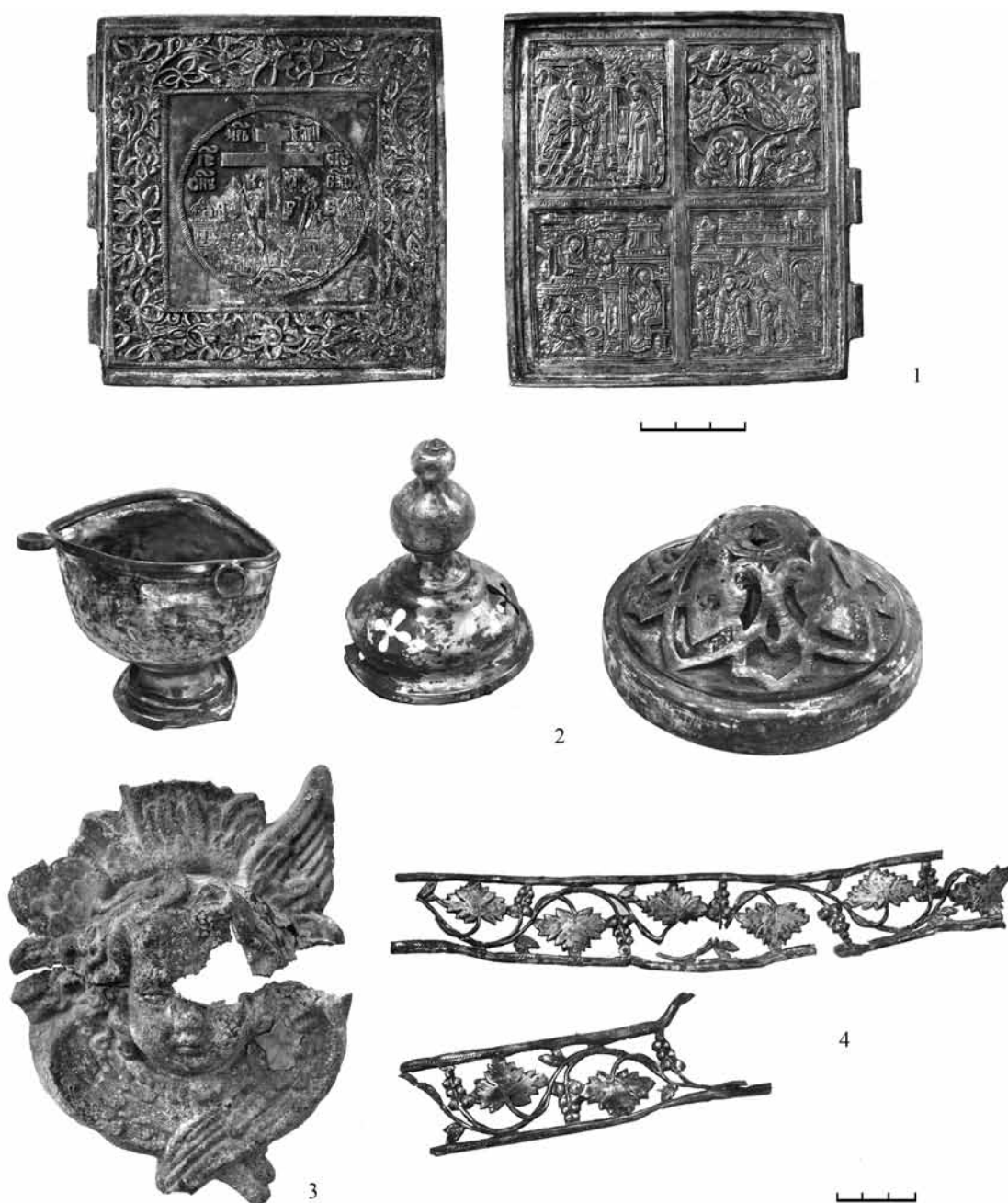

Рис. 11. Находки из заполнения подвала

1 – створка складня; 2 – кадило, крышка кадила, подставка подсвечника;
3 – накладка-«херувим»; 4 – накладки-«виноградная лоза»

стене пробили новый дверной проем, отопительный узел разобрали (рис. 10).

Подвальное помещение было засыпано слоем разрушения, состоявшего из коричневой супеси с многочисленными включениями битого кирпича, извести, фрагментов штукатурки. В этом слое встречались крупные обломки стен и сводов, бетонные блоки и плиты, стальные балки, трубы, радиаторы системы отопления и т. п.

Основная часть вещевых находок была сделана в пределах подвала. Исследованный комплекс имеет точную верхнюю дату – 18 июля 1964 г. Состав коллекции позволяет утверждать, что в советский период времени в подвале существовала небольшая мастерская, где производился ремонт и, возможно, изготовление церковной утвари и элементов интерьера. Здесь были найдены детали подсвечников и настенных светильников,

Рис. 12. Элемент системы отопления. Вид с юга

разнообразные накладки («крест», «херувим», «виноградная лоза», «кленовый лист»), фрагменты окладов икон, кронштейны паникадил, детали ограждений, створка складня, подвеска хоругви, фрагмент медного сосуда, кадило с крышкой (рис. 11). К сохранившемуся инструментарию относятся бурав и зубило.

Отопление храма осуществлялось через разветвленную, затрагивающую практически все церковные помещения, систему, для возведения которой потребовались масштабные земляные и строительные работы. Монтаж отопления сопровождался перекладкой полов и частичной разборкой фундаментных частей стен здания. Система отопления состояла из затопочного узла и сети подпольных каналов-воздуховодов в виде кирпичных желобов, перекрытых цилиндрическими сводами. Кладка стен велась в два кирпича (средняя толщина – 24 см). На отдельных участках внутреннюю сторону желобов были

выложены слоем огнеупорного кирпича (размеры: 23,0–23,5 x 10,5 x 5,5–6,0 см). Дно каналов было выложено кирпичом и промазано раствором (рис. 12).

Одним из важных результатов археологического исследования Преображенской церкви является обнаружение здесь находок, имеющих большое значение для воссоздания исторического облика храма. Это резные белокаменные архитектурные детали, каменные и керамические элементы облицовки полов и стен, железные связи, фурнитура, фрагменты перекрытий сводов, лепнины и деревянных элементов иконостаса с остатками росписи (рис. 13, 1, 2, 3).

Наиболее ранней находкой, относящейся к периоду, предшествующему строительству церкви Спаса Преображения, является створка креста-энколпиона XV–XVI вв. (рис. 14).

Полученные материалы послужили основой для разработки Мастерской № 12 ГУП «Моспроект-2»

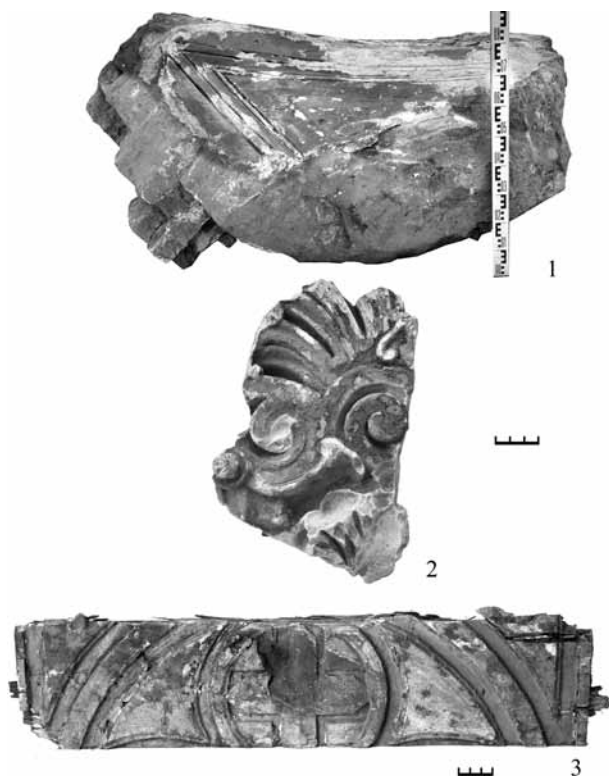

Рис. 13. Находки из слоя разрушения

1 – фрагмент свода с росписью; 2 – фрагмент лепнины; 3 – деревянная резная деталь

Рис. 14. Створка креста-энколпиона

(архитектор А.Н. Оболенский) проекта воссоздания храма. Важно отметить, что проектом предполагается сохранение в цокольной части нового здания храма музеефицированных фрагментов первоначальных кладок, открытых в ходе археологических работ. Одновременно планируется создание экспозиции археологических материалов, обнаруженных в ходе раскопок.

Литература

Баранова С. И., 2006. Москва изразцовая. М.
Паламарчук П. Г., 1994. Сорок сороков. Т. 2. М.
Паламарчук П. Г., 1995. Сорок сороков. Т. 3. М.
Синицын П. В., 1895. Преображенское и окружающие его места, их прошлое и настоящее. М.

Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895.

Церковь Спаса Преображения в Преображенском // Московское наследие. № 4. 2007. М.

A.G. Vexler, V.A. Bercovich, K.A. Egorov

Archeological investigation and reconstruction of the church of Transfiguration of Savior on Preobrazhenskaya square in Moscow

Summary

In this article the results of the archeological research into the church of Transfiguration of Savior are summarized. It was built in 1768 and blasted in July, 1964. Since then a public garden had been situated there. The remains of the church were found in 2010.

Excavations revealed four general building periods, which determined the plan, the structure and the look of the church. The foundations of all the basic parts of the church were found.

The collection of archeological finds is of great scientific value. Generally, they were found when clearing the basement, where the repair shop of church plate and elements of the interior was situated. In addition, the gravestone with an eighteenth-century epitaph was found.

The results of this archeological research served as a base for designing the reconstruction project of the church.

Ю.А. Лихтер

Стеклянные бусы XVIII века из раскопок в Москве, Вяземском регионе и Липецке

Внимательное отношение к поздним культурным слоям русских городов привело к обнаружению в них значительного количества стеклянных бус. Удалось собрать сведения о бусах из Липецка¹, Волочка Вяземского², Русятки близ Вязьмы³ и Москвы⁴. Разрозненные бусы обыкновенно находят в культурном слое поселений, однако на городище древнерусского времени Волочѣк Вяземский обнаружен могильник XVII–XVIII вв., в четырех погребениях которого, датированных XVIII веком, найдены бусы. Все они расположены в области шеи и представляют собой, по-видимому, ожерелья. (Лихтер, Сергина, 2012). В культурном слое Москвы обнаружены также следы небольшой кустарной мастерской по производству бус из полуфабрикатов (Лихтер, Vexsler, Sudarev, 2012. Р. 80).

Вяземский регион.

Единичные бусы найдены на *городище Русятка*.

1. Шарообразная бусина диаметром⁵ 0,75 см, высотой 0,67 см; цвет – синий (с белыми прожилками), стекло полупрозрачное (полевой № 88). Техника – сварка отрезков палочки, прокол канала (рис. 1, 9)⁶.

2. Шарообразная (посередине поясок) диаметром – 0,62 см, высота – 0,57 см; цвет – бирюзовый,

стекло полупрозрачное. Техника – навивка (полевой № 77, химический тип – Na-K-Si-Al)⁷.

Могильник на городище Волочѣк Вяземский. Общее количество бус – 610 шт. (рис. 1, 1–8). Анализ этих бус посвящена специальная статья (Лихтер, Сергина, 2012), здесь дается лишь общий обзор материала.

По форме преобладают округлые бусы (455 шт.), почти в два раза меньше граненых – 215 шт. Среди округлых форм – цилиндр, эллипсоид, шар, яйцо; среди граненых – неправильные пирамида и призма. Диаметры подавляющего большинства бус меньше 0,6 см. По цвету преобладают пурпурные и белые бусы, единичными экземплярами представлены бежевый, желто-зеленый, зеленовато-голубой, фиолетовый, сине-фиолетовый цвета.

Рассмотрение технологии показывает, что преобладают бусы из тянутой трубочки (рис. 1, 1, 3), много бус из навитой трубочки, дополнительно отпрессованных пинцетом (рис. 1, 2, 5, 6). Есть бусы, выполненные серийной навивкой (рис. 1, 4, 8). Среди бус из тянутой трубочки заметны двухслойные бусы с внутренней частью из простого полупрозрачного стекла и тонким слоем красно-оранжевого стекла снаружи (рис. 1, 7). Подобные бусы встречаются еще в XVII в. и могут быть соотнесены

¹ Раскопки 2007 г. Автор раскопок В. А. Чивилев.

² Раскопки 2000 г. Автор раскопок Т. В. Сергина.

³ Раскопки 1997 г. Автор раскопок Т. В. Сергина.

⁴ Раскопки 1991–2004 гг. под руководством А. Г. Векслера.

⁵ Здесь и далее система измерений: высота – вдоль канала, диаметр – поперек канала.

⁶ Благодарю за консультацию Е. К. Столярову.

⁷ Эмиссионный спектральный анализ выполнен в лаборатории ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург). Аналитик А. Н. Егоров. Анализ № 783:30.

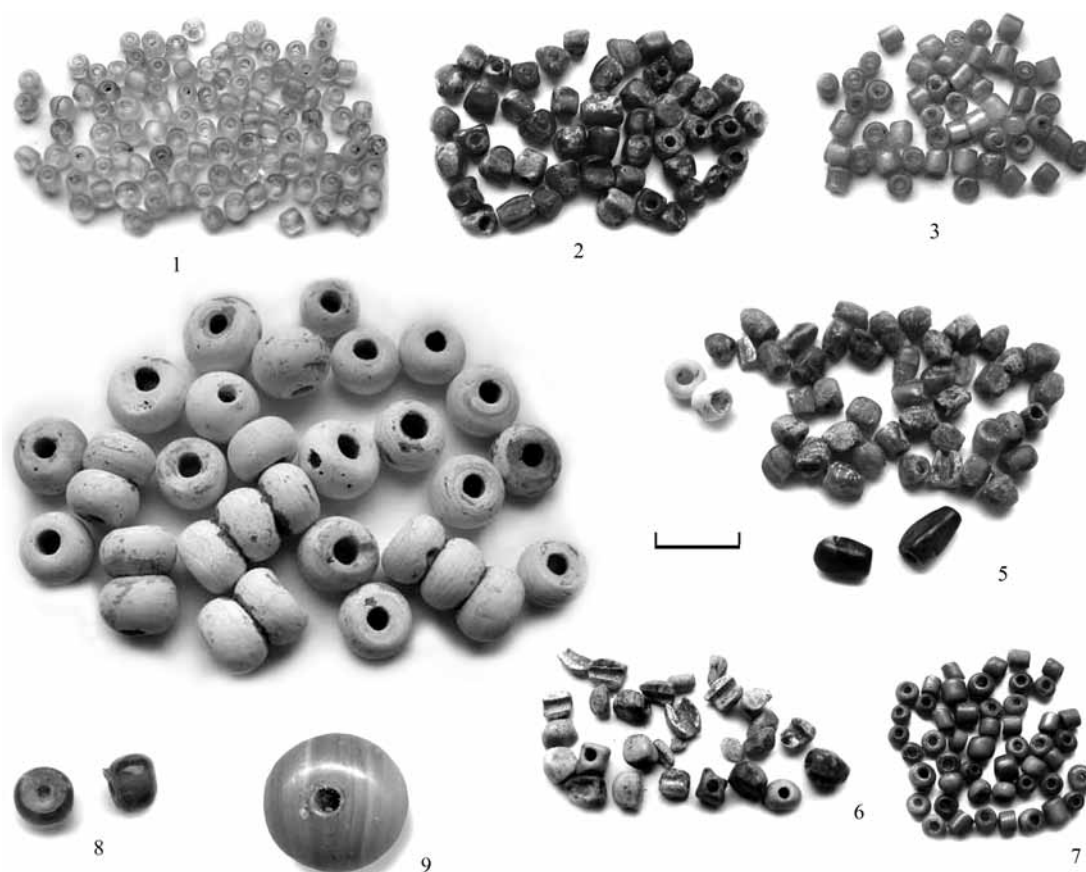

Рис. 1. Бусы из Волочка Вяземского (1–8) и Русятки (9). Основные приемы изготовления
1–3 – из тянутой трубочки; 2, 5, 6 – из навитой трубочки, дополнительно отпрессованы пинцетом;
4, 8 – навитые (серийная навивка); 7 – из двухслойной тянутой трубочки

с голландскими бусами, известными у американских индейцев (*Kidd*, 1970. Тип IVa2). Отметим также, что аналогичная бусина найдена в Москве.

Сопоставление состава и технологии, а также цвета бус показывает, что у красно-оранжевых двуслойных бус химический тип Na-K-Ca-Mg-Si (*Лухтер, Сергина*, 2012)⁸, а красителем является медь – по-видимому, использовалась технология медного рубина (*Столярова*, 2012. С. 274), а красно-оранжевые однослойные, плохой сохранности, относятся к химическому типу – K-Na-Ca-Pb-Si. Пурпурные бусы из навитой трубочки относятся к типу Na-K-Ca-Mg-Si и K-Na-Ca*⁹-Pb-Si; белые, сделанные серийной навивкой, относятся к химическому типу Pb-K-Ca.

Липецк. При раскопках жилой деревянной постройки второй половины XVIII в. обнаружено

семь бусин, изготовленных навивкой (рис. 2). Стекланым изделиям из этого комплекса была посвящена специальная статья (*Лухтер*, 2010). Среди них преобладали округлые бусы с шаровидным, усеченным дважды туловом, канал цилиндрический, край острый, выполнены в технике серийной навивки.

Серо-голубые бусы из полупрозрачного стекла (*Kidd*, 1970. Тип W1b1–5):

- полевой № 1. Высота 0,97 см, диаметр 1,05 см, диаметр канала 0,29 см (рис. 2, 1);
- полевой № 7. Высота 1,03 см, диаметр 1,23 см, диаметр канала 0,46 см (рис. 2, 2);
- полевой № 11. Высота 0,77 см, диаметр 1,06 см, диаметр канала 0,46 см (рис. 2, 3);
- полевой № 73. Высота 0,81 см, диаметр 1,05 см, диаметр канала 0,45 см.

⁸ Эмиссионный спектральный анализ выполнен в лаборатории ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург). Аналитик А. Н. Егорьев. Номера анализов – 778–16, 778–17, 778–18, 778–19, 778–20, 778–21, 778–22, 778–23, 848–13, 848–14, 848–15, 848–16, 848–17, 848–18, 848–19.

⁹ Здесь и далее звездочкой обозначено пониженное содержание элемента.

Бирюзовой была одна бусина из непрозрачного стекла (пол. № 9 – рис. 2, 4). Высота 0,54 см, диаметр 0,65 см, диаметр канала 0,14 см (Kidd, 1970. Тип W1b11).

Бусы прочих форм:

– полевой № 1. Тулово бугристое шаровидное, усеченное дважды, край выпуклый, канал цилиндрический (высота – 0,81 см, диаметр – 1,16 см, диаметр канала 0,43 см – рис. 2, 5). Цвет – серо-голубой слабый, стекло полупрозрачное. После изготовления бусина была отформована специальными щипцами (Kidd, 1970. Тип W1d1).

Рассмотренные выше бусы, по всей вероятности, являются голландской продукцией (Van der Sleen, 1973. Pl. VIII. Fig. 117). Наиболее широко они представлены в погребениях индейцев Северо-Запада Северной Америки (Kidd, 1970).

Одна бусина сильно отличается от вышеописанных бус – полевой № 12 (рис. 2, 6). У нее тулово граненое (призма многогранная), край плоский, канал цилиндрический. Высота 0,48 см, ширина 1,07 см, диаметр канала 0,22 см. Цвет коричневый сильный светлый, стекло полупрозрачное. Навитая основа была затем подшлифована. Как аналогию, хотя и не точную, можно указать бусину XVII–XVIII вв. из Юго-Восточной Азии (Dubin, 1998. № 905b).

В Москве бусы встречены при археологических работах в различных частях города. По большей части это единичные находки, хотя иногда встречаются комплексы. Их распределение и хронология рассмотрены ранее (Векслер, Лихтер, 2008). Здесь мы указываем только те бусы, которые могут быть датированы не ранее XVIII в.:

– тулово округлое эллипсоидное, диаметр 0,5 см, высота 1,6 см, цвет зеленый, стекло прозрачное, техника – выдувание трубочки, прессование щипцами (Садовническая наб., 1992 г. Зона наблюдений, по описи № 13 – рис. 3, 1);

– тулово округлое эллипсоидное усеченное, диаметр 0,85 см; высота 0,82 см, цвет основы сине-фиолетовый, стекло прозрачное, декор белый непрозрачный. Техника изготовления – навивка; техника нанесения декора – навивка нити (Луков пер., дом 1, 1994 г. Зона наблюдений, по описи № 1 – рис. 3, 2);

– тулово округлое шаровидное усеченное дважды, диаметр 0,97 см, высота 0,70 см, цвет бирюзовый, стекло непрозрачное, техника – навивка (Котельническая наб., д. 2, 2004 г. Зона наблюдений, по описи № 5 – рис. 3, 3);

– тулово округлое шаровидное с пояском, диаметр 0,87 см, высота 0,73 см; цвет – серый, стекло

Рис. 2. Бусы из Липецка.
Основные приемы изготовления

1–4 – серийная навивка; 5 – навивка с дополнительной формовкой специальными щипцами; 6 – навивка с дополнительной подшлифовкой

полупрозрачное. Техника – вытягивание палочки, резание, сварка частей, прокол (Курсовой пер., д. 4, 1999 г. Раскоп 1, по описи № 65 – рис. 3, 4);

– тулово бипирамидальное с пояском, ширина 1,15 см, высота 0,99 см, цвет оливковый, стекло прозрачное. Техника – литье палочки, шлифование, прокол (Краснопротарская ул., д. 9, 2002 г. по описи № 5 – рис. 3, 5);

– тулово округлое эллипсоидное усеченное дважды, диаметр 0,97 см; высота 1,03 см, цвет краснокоричневый (наружный слой) и темный ахроматический (внутренний слой). Стекло непрозрачное; техника – вытягивание трубочки, наборка слоя стекла, отшибание (Радищевская Верхняя ул., д. 3, 1998 г. Раскоп 1, по описи № 17 – рис. 3, 6) (Kidd, 1970. Тип IV a2);

– тулово округлое шаровидное усеченное дважды, диаметр 0,69 см, высота 0,53 см, цвет оранжево-желтый, стекло прозрачное; техника – вытягивание трубочки, прессование щипцами (ул. Арбат, д. 17, 1991 г. Раскоп 1. по описи № 83 – рис. 3, 7);

– тулово граненое яйцевидное, ширина 0,89 x 0,58 см, высота 1,17 см, цвет желто-зеленый, стекло прозрачное, техника – навивка (Манежная пл., 1993 г. Раскоп 7. по описи № 98) (Kidd, 1970. Тип Па);

– тулово плоское яйцевидное, усеченное дважды, ширина 0,70 x 0,54 см, высота 0,76 см, цвет сероголубой, стекло прозрачное; техника – навивка, отшибание, прессование щипцами (Большой Головин пер., д. 12/16/1, 1995 г. Шурф 2, по описи № 55);

– тулово плоское яйцевидное, усеченное дважды, ширина 0,90 x 0,74 см, высота 1,44 см, цвет сероголубой, стекло полупрозрачное, техника

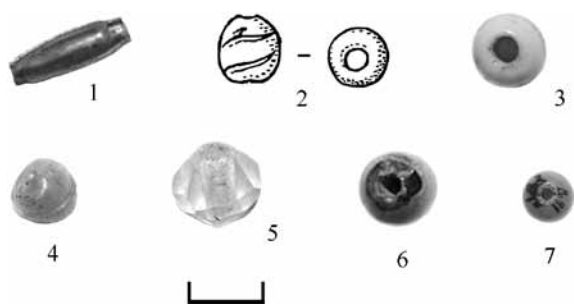

Рис. 3. Бусы из Москвы.
Основные приемы изготовления

1 – выдутая трубочка, прессование щипцами; 2 – навивка, техника нанесения декора – навивка нити; 3 – навивка; 4 – вытягивание палочки, резание, прессование инструментом, прокол; 5 – литые палочки, шлифование, прокол; 6 – вытягивание трубочки, наборка слоя стекла, отшибание; 7 – вытягивание трубочки, прессование щипцами

навивка серийная, отшибание, прессование щипцами (Кадашевский 1-й пер., д. 12/11, 1996 г. Шурф 4, по описи № 54);

– тулово граненое эллипсоидное, ширина 0,98 x 0,56 см, высота 1,21 см, цвет синий, стекло прозрачное; техника – навивка серийная, отшибание, прессование щипцами (Протопоповский пер., д. 19, 2003 г.; по описи № 36);

– тулово плоское эллипсоидное, ширина 1,18 x 0,70 см, высота 1,36 см, цвет красно-оранжевый, стекло прозрачное; техника – навивка серийная, отшибание, прессование щипцами (Протопоповский пер., д. 19, 2003 г.; по описи № 36).

Две бусины могут быть сопоставлены с голландскими бусами, известными у американских индейцев (рис. 3, 6, 8), для остальных аналогии не найдены.

При раскопках на ул. Долгоруковской, д. 21 (2007 г.) было найдено два скопления бус – из 19 экз. (по описи № 147) и 23 экз. (по описи № 169).

Бусы из первого комплекса (№ 147) однотипны. Все они (за исключением одной) уплощенной формы, в продольном разрезе имеют эллипс или яйцо. Одна бусина винтообразная, слегка уплощена, в продольном разрезе также имеет эллипс. Цвет почти всех бус – светлые оттенки серо-голубого: сильный, сильный светлый, средний. Одна бусина, скорее, синего цвета (синий средний). Стекло прозрачное. Размеры бус: высота от 0,93 до 1,44 см, ширина плоских бус от 0,67 см до 1,01 см. Диаметр винтообразной бусины – 0,67 см. Все бусы сделаны из отрезков навитой трубочки, которые затем прессовались на плоскость.

Бусы из второго комплекса (№ 169) более разнообразны и включают шесть разновидностей.

1. Девять из них аналогичны бусам из первого комплекса, хотя немного меньше по размерам: высота от 0,60 до 1,08 см, ширина от 0,62 до 0,97 см.

2. К ним примыкают пять округлых бус, в продольном разрезе – эллипсоидные и яйцевидные. Размеры аналогичны, но две бусины поменьше. У одной высота – 0,47 и диаметр 0,61 см, у другой – 0,51 и 0,68 см соответственно. Все они также светлых оттенков серо-голубого цвета, сделаны из отрезков навитой трубочки.

Стекло одной плоской бусины сильно расстекловано и выглядит непрозрачным, цвет стекла – бежевый. Размеры: высота 0,72 см, ширина 0,64 см. Она также сделана из отрезка навитой трубочки. Вероятно, ее можно объединить с бусами, описанными выше.

3. Две округлые шаровидные усеченные бусины сделаны из навитой трубочки. Одна – коричневого цвета из непрозрачного стекла, высота 0,78 см, диаметр 0,85 см (Dubin, 1998. № 100a). Вторая – красно-коричневого цвета из прозрачного стекла, высота 0,99 см, диаметр 0,92 см (Kidd, 1970. Тип W1b8). Эти бусы находят аналогии в западном материале XVII–XVIII в., для них можно предполагать голландское происхождение.

4. Две округлые бусины (шар и эллипс) слабого серо-голубого цвета (почти белые) из непрозрачного стекла. У одной высота 0,87 и диаметр 0,72 см, у другой – 0,77 и 0,84 см соответственно. Они изготовлены из отрезков тянутой трубочки (Dubin, 1998. № 101c, 102c).

5. Из тянутой трубочки сделана также бусина синего цвета (полупрозрачного стекла). Форма округлая, в продольном разрезе – шар усеченный дважды (зонная). Высота 0,69 см, диаметр 0,79 см (Kidd, 1970. Тип Па36). Три описанные бусины также находят аналогии в западном материале XVII–XVIII вв., но, судя по технике изготовления, это либо венецианская продукция, либо продукция голландских мастерских, работавших с венецианскими полуфабрикатами.

6. Три бусины граненые бипирамидальные. По центру, в месте соединения пирамид, проходит поясok из узких горизонтальных граней. Две бусины сине-фиолетового цвета. Размеры: у одной высота 1,11 см, ширина 0,81 см; у другой высота 1,20 см, ширина 0,79 см. Эти бусины сделаны из отрезков тянутой трубочки, на которых вышлифованы грани. Третья бусина – синего цвета, высотой 1,08 см, шириной 0,77 см – сделана из отрезка навитой трубочки, грани шлифованы.

Для этих бус нам не удалось найти параллели в литературе. В культурном слое Москвы,

в слоях XVIII в. встречаются бусы аналогичной формы, хотя и сделанные в другой технологии. Бусы из тянутых трубочек, по-видимому, венецианского производства. Где сделана бусина из навитой трубочки пока сказать затруднительно.

Наибольшее число бус XVIII в. в Москве происходит из комплекса середины этого столетия. Этот комплекс можно интерпретировать как отходы производства бус из полуфабрикатов (ул. Большая Якиманка, д. 22) (рис. 3). Продукцией этой мастерской были плоские эллипсоидные бусы, сделанные в технике серийной навивки и затем отпрессованные щипцами. Тип использовавшегося здесь стекла – K-Ca-Pb-Si и K-Ca-Si (Likhтер, Vexsler, Sudarev, 2012).

Их можно сопоставить с бусами аналогичной формы, сделанными также в технике серийной навивки и найденными при работе на других объектах в Москве: плоские серо-голубые бусины (см.: № 9 – Большой Головин пер., № 10 – Большой Кадашевский пер.), плоские синяя и красно-оранжевая (см.: № 11, 12 – Протопоповский пер.), желто-зеленая граненая яйцевидная (см.: № 8 – Манежная пл.). При археологических наблюдениях в Луковом переулке в 1994 г. найдена сине-фиолетовая округлая яйцевидная бусина. На нее была навита белая нить, образующая декор (рис. 3, 2). Интересно также отметить аналогичные бусины на металлических серьгах. На одной серьге в форме «знака вопроса», найденной при работах в Кадашевском переулке, была надета плоская, эллипсоидная бусина серо-голубого цвета. Другая находка, в Луковом переулке, представляла обломок серьги-двойчатки с намотанной на дужку проволокой. На свободный конец проволоки были нанизаны три бусины – две белые яйцевидной формы, между которыми располагалась зеленая шаровидная (рис. 4, 6).

В целом можно отметить, что в рассматриваемых выборках, по сравнению с бусами XVII в.:

- увеличивается разнообразие форм – помимо округлых бус появляются граненые, плоские;
- в отличие от предшествующих эпох, для большинства бус нельзя установить аналогии в литературе;
- почти нет декорированных бус;
- более разнообразны химические типы стекла, применявшегося при изготовлении бус: K-Ca-Si, K-Ca-Mg-Si, Na-K-Ca-Mg-Si, Na-K-Si-Al, K-Na-Ca-Pb-Si, K-Ca-Pb-Si. Разнообразие химических типов можно связать с разнообразием источников

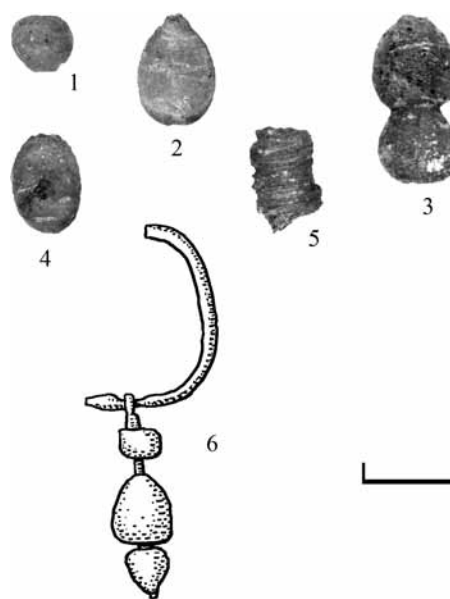

Рис. 4. Форма бус из производственного комплекса на Якиманке (1-5) и серьга со стеклянными бусами из Лукова переулка (6)

сырья. При изготовлении чисто калиевых стекол в качестве источника щелочей использовалась зола континентальных растений. При изготовлении стекол Na-K в качестве источников щелочей использовалась зола пустынных растений. Более редким является тип стекол, в которых также сочетаются Na и K, однако калия больше чем натрия¹⁰. Такое соотношение свойственно золе травянистых приречных растений – камыша и тростника (Безбородов, 1969. С. 48. Табл. 5). Отметим также присутствие типов стекла с наличием свинца. Добавление свинца в стекломассу понижает ее вязкость и уменьшает скорость остывания горячего стекла; как говорят стеклоделы, стекло становится длинным (Зак, 1947. С. 99);

– увеличивается также разнообразие применявшихся технологических приемов. Помимо бус из тянутой трубочки – простых и двухслойных, а также навитых, становятся заметны бусы из навитой трубочки, сделанные в технике серийной навивки и единичные индивидуальные технологии: сварка отрезков палочки, обработка литой палочки, выдувание трубочки. Более разнообразны также приемы дополнительной обработки тулова бусины: прессование пинцетом, специальными щипцами, подшлифовка – навитой основы и палочек.

¹⁰ Впервые на этот тип стекла обратила внимание Е. К. Столярова (2008).

Особенности химического состава стекла и приемов изготовления позволяют сделать некоторые предположения о происхождении бус. Экземпляры из тянутой трубочки из стекла, сваренного на золе пустынных растений, – скорее всего, продукция Италии, возможно Венеции. Новые технологии и

составы стекла позволяют предполагать наличие новых мастерских, возможно, вне пределов областей стеклоделия, известных в XVII в. Возможно, эти бусы производили в небольших кустарных мастерских. Примером такой мастерской может служить комплекс, обнаруженный при раскопках в Москве.

Литература

Безбородов М. А., 1969. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2008. Стекланные бусы из раскопок в Москве // АП. Вып. 4. М.

Зак А. Ф., 1947. Изготовление сортового стекла. М.

Лихтер Ю. А., 2010. Позднесредневековые стекланные изделия (по материалам раскопок в Липецке) // АП. Вып. 6. М.

Лихтер Ю. А., Сергина Т. В., 2012. Стекланные бусы из сельского некрополя XVII–XVIII веков на городище Волочек Вяземский // АП. Вып. 8. М.

Столярова Е. К., 2008. Источники щелочного сырья древних и средневековых стекол // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 3. Суздаль.

Столярова Е. К., 2012. Украшения из стекла и фаянса селища Новиково I // АП. Вып. 8. М.

Kidd K. E., Kidd M. A., 1970. A Classification System for Glass beads for the Use of Field Archaeologists // Canadian Historic Sites: Occasional Papers in Archaeology and History. Ottawa. № 1.

Likhter Ju., Vexsler A., Sudarev N., 2012. Traces of glass bead production in 18th century Moscow // XIX Congress Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Programme and abstract book. Piran.

Dubin L. S., 1998 The History on Beads. NY.

Van der Sleen W. G. N., 1973. A Handbook on Beads. Liege.

Yu. A. Likhter

Glass beads of the 18th century from excavations in Moscow, the Vyazma region and Lipetsk

Summary

The selections under study show a bigger variety of forms and chemical types of glass in comparison with seventeenth-century beads. It implies the existence of

new workshops using new techniques and a new glass composition outside traditional glass-making areas of the 17th century.

Список сокращений

ААН – Академия архитектурного наследия
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АКР – Археологическая карта России
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмосковья: материалы научного семинара
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВЭО – Вольное экономическое общество
ГАЗ – Гистарычна-археалагічны зборнік
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГАКО – Государственный архив Калужской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМЗКП – Государственный музей-заповедник Куликово поле, Тула
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
ИГ РАН – Институт географии Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИКУАК – Известия Калужской ученой архивной комиссии
КОКМ – Калужский областной краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР – Материалы по археологии России
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАЗ – Музей антропологии и этнографии
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МИМ – Музей истории Москвы
МИО – Музей истории Обнинска
МИРМ – Музей истории и реконструкции города Москвы
МК – Московская керамика: новые данные по хронологии
МТИЛП – Московский технологический институт легкой промышленности
НГУАК – Нижегородская губернская ученая архивная комиссия
НИИХП – Научно-исследовательский институт художественных промыслов
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РААСН – Российская Академия архитектуры и строительных наук
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РИБ – Русская историческая библиотека
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
ТАС – Тверской археологический сборник
ТЛОИДР – Труды и летописи Общества истории древностей
ТОИАЛМ – Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени преп. Андрея Рублева
ЦНРПМ – Центральные научно-реставрационные мастерские
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских

Сведения об авторах

- Александровский Александр Леонтьевич* – Институт географии РАН, г. Москва
- Алексеев Алексей Викторович* – Институт археологии РАН, Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород (Московская обл.)
- Аникин Илья Сергеевич* – Институт археологии РАН, г. Москва.
- Березина Наталья Александровна* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
- Беркович Владимир Адольфович* – Межрегиональная общественная организация «Наследие», г. Москва
- Богомолов Виталий Владимирович* – Государственное учреждение культуры Тульской области «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры», г. Тула
- Васильева Ирина Николаевна* – Институт истории и археологии Поволжья, г. Самара
- Векслер Александр Григорьевич* – Межрегиональная общественная организация «Наследие», г. Москва
- Вишневский Владимир Игоревич* – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.
- Войцик Андрей Альфредович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Глазунова Ольга Николаевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Гольева Александра Амуриевна* – Институт географии РАН, г. Москва
- Егоров Константин Александрович* – Межрегиональная общественная организация «Наследие», г. Москва
- Ершов Иван Николаевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Ершова Екатерина Георгиевна* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
- Завьялов Владимир Игоревич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Зайдов Олег Ниязбекович* – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области, г. Тула
- Зейфер Владимир Александрович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Карина Елена Вячеславовна* – Институт географии РАН, г. Москва
- Клещенко Екатерина Андреевна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Ковалевский Виктор Николаевич* – Воронежский государственный университет, г. Воронеж
- Коваль Владимир Юрьевич* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кочкина Анна Федоровна* – Самарский Областной историко-краеведческий Музей им. П.В. Алабина, г. Самара
- Кренке Николай Александрович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Лазукин Александр Викторович* – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород (Московская обл.)
- Лихтер Юлия Абрамовна* – Межрегиональная общественная организация «Наследие», г. Москва, Комитет по культурному наследию г. Москвы
- Олейников Олег Михайлович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Осипов Дмитрий Олегович* – Государственный исторический музей, г. Москва
- Пальцева Анна Николаевна* – Владимиро-Суздальский государственный музей-заповедник, г. Владимир
- Панин Андрей Валерьевич* – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
- Полюях Анатолий Александрович* – Музей истории Москвы, г. Москва
- Прошкин Олег Леонидович* – Калужский областной краеведческий музей, г. Калуга
- Раева Вера Александровна* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Рожанская Надежда Ивановна* – Средняя школа № 192, г. Москва
- Сидоров Владимир Владимирович* – Институт археологии РАН, г. Москва
- Смирнов Алексей Николаевич* – Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина в с. Большие Вяземы, Одинцовский р-н (Московская обл.)
- Столяров Евгений Васильевич* – Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга
- Столярова Екатерина Карленовна* – Институт археологии РАН, г. Москва

Сыроватко Александр Сергеевич – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр», г. Коломна (Московская обл.)

Терехова Наталия Николаевна – Институт археологии РАН, г. Москва

Ткаченко Владимир Алексеевич – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга

Трошина Алла Андреевна – Институт археологии РАН, г. Москва

Федоров Владимир Владимирович – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга

Федорова Людмила Ивановна – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга

Цыбин Михаил Владимирович – Воронежский государственный университет, г. Воронеж

Чаукин Сергей Н. – Институт археологии РАН, г. Москва

Шебанин Геннадий Алексеевич – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области, г. Тула

Шеков Александр Владимирович – Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула

Энговатова Ася Викторовна – Институт археологии РАН, г. Москва

Янишевский Борис Евгеньевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Научное издание

Археология Подмосковья. Выпуск 9
Материалы научного семинара

Верстка: В.Б. Степанов
Художники: А.В. Голикова, Н.С. Сафронова

Подписано в печать 02.02.2013
Формат 60х84/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 39,06. Уч.-изд. л. 42,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 28.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-144-8

